

Д.Мельников
Л.Черная

ИМПЕРИЯ СМЕРТИ

**Д.Мельников
Л.Черная**

ИМПЕРИЯ СМЕРТИ

**Аппарат насилия
в нацистской Германии
1933—1945**

**Москва
Издательство
политической
литературы
1987**

ББК 63.3(4Г)

М48

М 050600000—283 176—87
079(02)—87

© ПОЛИТИЗДАТ, 1987 г.

Введение

XX век вошел в историю не только как век массовых революционных освободительных движений и не только как век стремительного развития науки и техники, открывших невиданные возможности для улучшения условий жизни человечества.

Он вошел в историю и «такими порождениями империализма, как самые кровопролитные войны, разгул милитаризма и фашизма, геноцид, обездоленность миллионов»¹.

Некоторые политики и идеологи империализма не прочь отмежеваться от своего уродливого детища — фашизма, объявить сей феномен либо порождением «немецкого характера», его биологически-психическими особенностями (как будто не было итальянского фашизма, испанского фашизма и т. п.), либо роковым стечением обстоятельств в Германии в 1933 г., а то и вовсе демонической фигурой Гитлера, который якобы сам себя привел к власти, единолично правил многомиллионным народом и также единолично развязал мировую бойню.

В этой связи полезно напомнить читателям прежние классические определения сущности германского фашизма, которые полностью выдержали испытание временем, хотя и были даны на раннем этапе существования нацистской диктатуры.

Специально о природе фашизма речь шла, в частности, на VII конгрессе Коммунистического Интернационала в 1935 г. На нем в докладе Г. Димитрова фашистская власть была охарактеризована как *«открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»*. На примере германского фашизма, захватившего власть в стране в 1933 г., Г. Димитров показал, что он представлял собой не замену одного буржуазного правительства другим, а смену одной государственной формы классового господства буржуазии — буржуазно-демократической — другой формой — открыто террористической диктатурой. Главными ее чертами явились: шовинизм, воинствующий антикоммунизм и антисоветизм, оголтелый милитаризм и подго-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 9.

товка агрессии — в области внешней политики и социальная демагогия, ликвидация коммунистического и рабочего движения, в том числе профсоюзов и реформистских партий, массовый террор — в области внутренней политики.

Германский фашизм явился детищем общего кризиса капитализма, обострившегося в начале 30-х годов, особенно в Германии. В стране на этом этапе произошло переплетение глубокого экономического кризиса, потрясшего весь капиталистический мир в 1929—1933 гг., с политическим кризисом верхов Веймарской республики. Давая анализ причин прихода к власти нацизма в Германии, Г. Димитров в упомянутом докладе на VII конгрессе Коминтерна указал на две тесно связанные друг с другом предпосылки победы Гитлера в начале 30-х годов. Эта победа, сказал он, «с одной стороны, свидетельствует о слабости пролетариата, дезорганизованного и парализованного раскольнической социал-демократической политикой классового сотрудничества с буржуазией, а с другой стороны, выражает слабость самой буржуазии, которая испытывает страх перед осуществлением единства борьбы рабочего класса, страх перед революцией и уже не в состоянии удержать свою диктатуру над массами старыми методами буржуазной демократии и парламентаризма»¹. И вот в результате всего этого, говоря словами Р. А. Руденко, главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе, преступники овладели целым государством и само это государство превратили «в орудие своих преступлений».

Было ли это фатальной неизбежностью? Исчерпывающий ответ на это дал М. С. Горбачев в речи на митинге в Москве, посвященном торжественному открытию памятника вождю Компартии Германии Эрнсту Тельману:

«История, как известно, не переигрывается. Но уроки из нее все мы просто обязаны извлекать. Марш Гитлера к власти не состоялся бы, если бы коммунисты, социал-демократы, все демократические силы Веймарской республики совместно дали отпор фашизму. Вторая мировая война могла бы не разразиться, оккупации нацистами Европы можно было бы избежать, объедини правительства западных держав с самого начала свои усилия с усилиями Советского Союза в обуздании агрессора»².

Важный вывод с точки зрения всего будущего человечества!

Однако тема данной книги более узкая — не германский фашизм в целом, а фашистский аппарат насилия: СС, СД, гестапо,

¹ Димитров Г. Избранные произведения. В 3-х т. М., 1983, т. 2, с. 64.

² Правда, 1986, 4 октября.

дивизии «Мертвая голова», эйнзацгруппы, зондеркоманды и другие созданные нацистскими карателями террористические органы сначала для устрашения немецкого народа и разгрома всех его прогрессивных сил, в первую очередь немецких коммунистов, а впоследствии для уничтожения и порабощения миллионов людей, оказавшихся на временно оккупированных германским вермахтом территориях. Все эти органы и учреждения, порожденные нацизмом, мы назвали «империей смерти».

Без карательного аппарата — составной части «третьего рейха» — Гитлер не смог бы прийти к власти, не смог бы просуществовать ни единого дня. В то же время карательно-террористические функции в условиях фашизма выполняли и другие институты — нацистская партия — НСДАП, вермахт и военная разведка — абвер, само государство с его юстицией, тюрьмами и гильотинами, с такими министерствами, как «восточное» во главе с Розенбергом, и такими комитетами, как комитет по «использованию рабочей силы» во главе с Заукелем, наконец, с такими государственными учреждениями, как огромные чиновничьи аппараты при гаулейтерах, «наместниках», «генерал-губернаторах» и т. д. и т. п.

Об «империи смерти» на Западе написано немало научных исследований и документальных книг. Сохранился и огромный документальный материал — от секретных речей Гейдриха и секретных приказов Кальтенбруннера до частной переписки Гиммлера.

Тотальное поражение нацистского рейха сделало достоянием историка целые груды документов, содержащих секреты «империи смерти». Мы теперь знаем, какие лихорадочные усилия предпринимали Гиммлер, Кальтенбруннер, Поль, Мюллер, чтобы скрыть свои злодеяния: вскрывали массовые захоронения и сжигали трупы умерщвленных (на этот счет есть соответствующие распоряжения), приказывали организовывать «марши смерти» из концлагерей, с тем чтобы уничтожить всех узников (и на этот счет есть документы), наконец, требовали изъять и сжечь фотографии казней (телеграмма Гиммлера об этом сохранилась).

Документов достаточно! Однако, как выяснилось, не все хотят ворошить прошлое. И извлекать уроки из него.

Кое-кто на Западе склонен изображать преступные действия фашистских бандитов из «команды Гиммлера» неким увлекательным детективом. Дескать, молодчики типа Шелленберга или Скорцени затевали головоломные трюки-провокации, иногда, правда, убивали, но, рискуя собственной шкурой, сражались с вражескими агентами, писали шифровки, пеленговали чужие передатчики и засылали златокудрых красоток в таинственные недра западных

спецслужб. Споры нет: нацистская агентура устраивала провокации, убивала политических противников, выкрадывала из нейтральных стран антифашистов. На службе у СД и гестапо было немало уголовников, да и у многих нацистских фюреров было уголовное прошлое. Преступники есть преступники! Однако совершенно очевидно, что «империя смерти» была фашистским бюрократическим образованием. Главные ведомства, ведомства, управления, отделы, подотделы — только такой гигантской машине было под силу убивать миллионы людей, развязать неслыханный геноцид. Концлагеря стали «фабриками смерти», «рабочие лагеря» — конвейерами для массового умерщвления людей.

Какой уж тут детектив! Респектабельные фирмы поставляли печи для крематориев и газ для душегубок, имперский банк Германии хранил золотые коронки и корпуса от золотых наручных часов убитых, а крупнейшие германские фирмы получали фактически бесплатно рабов от Гимmlера. И все это организовывали не златокудрые красотки, а чиновники в черных мундирах и господа в штатском — представители германских монополий.

Документы неопровержимо свидетельствуют — нацисты действительно создали «империю смерти» — гигантский, разбухший, насосавшийся крови бюрократический аппарат палачей и убийц. И придали ему еще специальные «научные» институты, в которых «расоведы» с профессорскими дипломами разрабатывали свои теории о «праве» «высшей расы», сиречь гитлеровских фашистов, убивать «неполноценных», уничтожать целые народы. Мы знаем, сколько людей погибло в нацистских застенках — коммунистов, «неарийцев», военнопленных, насильно угнанных иностранных рабочих. Знаем, что гимmlеровский аппарат насилия действовал буквально до самых последних дней существования гитлеровского режима. Что именно он мешал остановить кровопролитие, спасти сотни тысяч людей, погибших тогда, когда исход войны уже был предreshен.

В последнее время в буржуазной исторической литературе появилась еще одна тенденция — *абсолютизировать* нацистскую «империю смерти», отделить ее от всех других органов власти в коричневом рейхе, представить как самостоятельную силу — чуть ли не соперницу партии фашистов — НСДАП, самого Гитлера. И в этой тенденции есть своя логика: желание реабилитировать германский империализм, военную касту, которые неизменно стояли за кулисами событий. Многим на Западе выгодно сейчас взвалить вину за все преступления, совершенные нацистами, на звероподобных эсэсовцев, на садистов-охранников из концлагерей. Словом, на аппарат насилия.

В этой книге деятельность карательно-террористических органов германского фашизма рассматривается в контексте *всей* нацистской системы. На наш взгляд, аппарат террора был важной составной частью этой системы, ее главной опорой. И в то же время органом, наиболее последовательно выполнявшим ее волю. Он олицетворял бесчеловечную, жестокую сущность фашизма, его стремление к порабощению свободных народов, к тотальным убийствам, к «перманентной» войне, к перманентному уничтожению, во имя достижения мирового господства. Фашизм ненавидел культуру, интеллект, свободу, радость жизни, радость творчества. И все это он воплотил в своих концлагерях и «рабочих лагерях». Гестапо черной тенью нависло над всей Германией, а потом и над Европой. Только после тотального поражения германского фашизма рухнула «империя смерти». А для тотального поражения фашизма потребовались огромные жертвы и титаническое напряжение всех сил свободолюбивых народов.

Пошло пятое десятилетие с того времени, как германский фашизм потерпел сокрушительное поражение. Советская Армия, советский народ и войска его союзников — Англии, Франции и США наголову разбили нацистский вермахт. Пламя Сопротивления охватило и оккупированные страны Европы. Была похоронена легенда о непобедимости немецко-фашистских армий, стремившихся к мировому господству. И решающий вклад внесли в это героические войны Советского Союза.

Страны-победительницы, и в первую очередь Советский Союз, немало сделали тогда и для того, чтобы уничтожить другой, не менее опасный миф — о силе или даже превосходстве нацистской идеологии. Они сорвали маски с фюреров фашистского режима, разоблачили преступную деятельность таких его учреждений, как гестапо, СС, СД, правительственный кабинет, генеральный штаб и Верховное командование. Нюрнбергский трибунал, осудивший не только главных военных преступников, но и созданные ими органы власти, воистину стал судом народов.

Однако 40 лет — большой срок. У людей, родившихся в последние годы войны, — уже взрослые дети. Их отцы и матери помнят военное время смутно, знают о нем понаслышке. А последующие поколения и вовсе не пережили тягот военного лихолетья. Да и западная пропаганда приложила немало сил, чтобы попытаться вытравить из памяти народов правду о войне, о том, *чем* она грозила человечеству, о том, *кто* спас мир от нацистской чумы, о том, *что такое* фашизм. Вот почему так важно не забывать о тех неисчислимых бедствиях, в пучину которых вверг человечество фашизм, соединивший в себе все мерзостное, что было порождено и возвращено мировой реакцией, — расизм и национализм, милитаризм и анти-

коммунизм, попрание лучших достижений человеческой культуры. Трава забвения — опаснейшая, ядовитейшая трава. Особенно это надо учитывать сейчас, когда активизировались неонацистские силы во всем мире, а опасность войны, в которой не будет победителей, стала реальной.

Сейчас, как никогда, актуально звучит предостережение борцов против «коричневой чумы» о том, что фашизм — это государственный терроризм, попрание всех человеческих прав, гонка вооружений, необузданный милитаризм, агрессия. «Фашизм — это война», — неустанно повторяли коммунисты во всем мире после прихода нацистов к власти в Германии в 1933 г.

А в наши дни угроза ядерной войны, которую несут с собой реакционные силы империализма, равнозначна угрозе существованию всего живого на Земле, угрозе всей человеческой цивилизации.

Глава первая

СА И СС И ИХ РОЛЬ В ПРИХОДЕ ГИТЛЕРА К ВЛАСТИ 1. НЕМНОГО ИСТОРИИ

Перечитывая книги по истории нацизма буржуазных ученых и публицистов, авторы столкнулись с таким странным фактом. Зачастую преувеличивая роль СА (от *Sturmabteilungen* — штурмовые отряды) и особенно СС (от *Schutzstaffeln* — охранные отряды) в функционировании фашистского рейха, никто из буржуазных исследователей не поставил вопроса о генезисе этих террористических образований.

В многочисленных трудах, вышедших на Западе, вскользь, скороговоркой рассказывается о том, как зародился страшный коричневый спрут, опутавший сперва Германию, а потом и многие другие страны и территории, захваченные Гитлером.

Нюрнбергский трибунал объявил гестапо, СД и СС «преступными организациями»¹. В приговоре трибунала это было подтвер-

¹ Обвинительное заключение требует, говорится в приговоре Международного военного трибунала, чтобы: 1. Трибунал признал преступными следующие организации: руководящий состав нацистской партии, гестапо, СД, СС, имперский кабинет, генеральный штаб и Верховное командование германских вооруженных сил.

ждено. Однако прошло уже более четырех десятилетий со дня крушения гитлеризма, со дня Победы, а никто из буржуазных ученых, досконально изучивших каждый шаг Гитлера, каждую речь Геббельса, его привычки, каждый туалет Геринга и все повадки его жен, так и не удосужился рассказать связно и членораздельно о том, как и почему еще в недрах Веймарской республики возникли штурмовые и охранные отряды, менявшие тогда названия и вывески, но всегда выполнявшие совершенно определенные задачи.

Среди многочисленных праздников нацистской Германии не числилось торжественного «дня рождения» СА и СС. А между тем и «пивной путч» 1923 г., и все последующее было бы невозможным, если бы национал-социалистская партия и Гитлер не обладали бы своей «частной» армией.

По версии историков Запада, то тут, то там в 20 — начале 30-х годов стали возникать небольшие группки преданных фюреру головорезов со здоровыми бицепсами, которые защищали собрания нацистов, самого Гитлера, его приближенных, сражались и даже складывали головы за «идею». И все это, дескать, происходило стихийно, никем не управлялось, не регламентировалось.

Какие уж тут торжественные «дни рождения»?

Якобы потребности новой, малочисленной, слабой партии вызвали к жизни штурмовые отряды (СА), а потом и охранные отряды (СС).

Нет, не так все это было на самом деле.

У колыбели штурмовых отрядов стоял Эрнст Рем, капитан кайзеровской армии со множеством орденов, не оставивший военную службу и в Веймарской республике. Приземистый человек с перебитым носом, с красным, бычьим, испещренным шрамами лицом. Именно Рем, этот циничный, бессовестный ландскнехт, «открыл» Гитлера.

В первых книгах по истории нацизма, вышедших в 30-х годах, можно прочесть следующее: Эрнст Рем «сделал» Адольфа Гитлера, «Гитлер — детище Рема». Например, в книге видного журналиста веймарской Германии Конрада Гейдена, о которой речь пойдет ниже, есть такой параграф: «Рем делает Гитлера вождем». Западногерманский историк Хёне, создавший свой труд «Орден под знаком мертвой головы» сравнительно недавно, в 1978 г., не без юмора отмечает, что Рем «катапультировал Гитлера в политику». Сохранилось довольно много фотографий, где они запечатлены вместе. Сохранилось, несмотря на «кровавую баню» 30 июня 1934 г., когда Рем и его приближенные были уничтожены их бывшим протеже. На совместных снимках иногда Рем стоит на полшага впереди Гитлера, иногда Гитлер — на полшага впереди Рема. В превосходной книге Бергшиккера, ученого из ГДР, «Немецкая

хроника. 1933—1945» помещено еще одно фото: Рем за помпезным письменным столом с помпезной лампой на фоне гигантской картины с мифологическим сюжетом. Это снимок 1933 или 1934 г. На самодовольной толстой физиономии Рема (маленькие усики, короткие волосы причесаны на косой пробор) можно прочесть только одно: «Пришел к власти». За спиной Рема тогда и впрямь стояли миллионы коричневорубашечников.

В 20-х годах Рем был типичным солдафоном того времени: мечтал о реванше, о новой войне, походах во все страны мира. Такие, как Рем, явно не «довоевали». Теперь они проводили дни в казармах, а ночи на мужских попойках.

Стотысячный рейхсвер (армия), разрешенный Германией по условиям Версальского договора, совершенно не устраивал немецких вояк, не знавших иной профессии, кроме военной.

Непосредственно после подавления революции в Германии Рем занимался контрабандой оружия и террористическими актами против войск Антанты, а также вел борьбу против собственного народа. Он всегда был в центре контрреволюционных политических интриг, заговоров, провокаций. Кроме генерала Эппа — путчиста, с которым Рем, впрочем, скоро рассорился, начальство (генерал Лоссов и другие) относилось к нему предельно настороженно. Был и «дисциплинарный суд», и прочие более мелкие стычки. Патологически ненавидящий «левых», интеллигенцию, а особенно коммунистов, Рем нанял Гитлера и еще десятки осведомителей, которые повсюду вынюхивали «красную крамолу». Так же как «сам» генерал-квартирмейстер Людендорф, как генерал Эпп, как Эрхардт и прочие интриганы с офицерскими погонами, он ориентировался в ту пору на деклассированные элементы. Но в отличие от многих других Рем обладал чутьем политикана. И он понимал, что полувоенные формирования типа «фрейкоров» необходимо сдобрить каким-либо подобием идеологии или, скорее, демагогическими лозунгами для реакционно настроенных масс обывателей. Под эгидой Рема была создана НСДАП, то есть «партия». И в то же время Рем ясно сознавал, что такого рода «партия» нуждается в боевых отрядах, в правозкстремистских формированиях. Рем был кадровым служакой и умел муштровать «штафирик», мечтавших о мундире. Однако на первых порах он только дирижировал подручными Гитлера. Сам же оставался в стороне — иначе вылетел бы из рейхсвера, глава которого Сект преследовал подобного рода политиканов. Только после «пивного путча» в 1923 г. Рему пришлось уйти из армии... Но здесь мы отвлеклись.

Итак, оставаясь за кулисами, Эрнст Рем создавал приватное войско. Для чего же? Чтобы защищаться, утверждают западные историки. Но от кого? От «шупо» — полицейских Веймарской республики? Хорошо известно, однако, что «шупо» разгоняли

коммунистические демонстрации и срывали коммунистические митинги. Правых они не трогали. Впоследствии Гейдрих (а он неплохо разбирался в людях!) сделал одного из видных баварских полицейских, Генриха Мюллера, начальником гестапо. СА с самого начала преследовали не оборонительные, а наступательные, агрессивные цели. Штурмовые отряды были задуманы как полувойенные соединения национал-социалистской партии, как орудие террора и физической расправы с противниками фашизма. Их сколотили, обучили, вооружили для устрашения. Для дестабилизации. Такова была политика наиболее оголтелой реакции. Она хотела разрушать, убивать, сеять смуту, дебоширить, превращать жизнь «маленького» человека в сущий ад, добавлять ему тягот к тем тяготам, которые и без того существовали в стране, — к инфляции, дороговизне, безработице. Страх перед прогрессом, перед коммунизмом (у всех правых в памяти еще был революционный подъем 1918 г. — Красная Бавария, Красный Веддинг, Красный Гамбург!) сделал лозунгом части власть имущих принцип «чем хуже — тем лучше». Это во-первых. А во-вторых, реакции необходимо было свое «войско» для подавления недовольства в Германии. Еще в 1934 г., незадолго до гибели, Рем говорил, что рейхсвер должен обеспечивать «безопасность извне», а СА — «безопасность внутри страны».

Эрнст Рем знал не только цели военизированных отрядов НСДАП. Он знал и откуда черпать кадры. В будущее СА шли люди из так называемых «фрейкоров»¹, то есть контрреволюционное отребье, молодчики из пресловутой «Бригады Эрхарда», молодчики, служившие ранее у Лютцова, чьи руки были обогреты кровью Карла Либкнехта и Розы Люксембург, члены организации «Консул», подготовившей покушение на депутата рейхстага от католической партии «Центра» Эрцбергера, и т. д. и т. п. Все это были убийцы со стажем. Первый фюрер СА Иоганн Ульрих Клинк оказался замешанным в убийстве Эрцбергера и сидел в тюрьме.

И вот летом 1920 г. Эмиль Морис, часовщик, имевший судимость, стал подбирать кадры для будущих «отрядов». 3 августа

¹ «Фрейкоров» — это реакционные подпольные союзы, боровшиеся против Веймарской республики, особенно против демократических легальных объединений трудящихся. Однако реакционные милитаристские союзы в капиталистических странах существовали испокон века. На наш взгляд, «фрейкоровы» отличало то, что их члены преступили через некую черту, через черту дозволенного. Они боролись, используя любые средства, не останавливаясь ни перед чем, даже перед зверскими убийствами. Тайные судилища «фрейкоров», суды «феме» (так они назывались по образу и подобию средневековых судов в Германии, закончивших свое существование в XV в.), жестоко расправлялись с отступниками и с политическими противниками. И еще: «фрейкоровцы» поняли силу секретности. Она не только делала их почти неуловимыми, но и вселяла в обывателя священный ужас. Дела «фрейкоров», окутанные ореолом таинственности, безусловно, вдохновляли Гитлера и фюреров его карательного аппарата.

1921 г. при партии нацистов возник «гимнастический и спортивный отдел». А 5 октября «гимнасты» и «спортсмены» получили новое название: «отряды штурмовиков», или «штурмовые отряды» — СА.

Уже в ноябре 1921 г. бригада штурмовиков «охраняла» собрание нацистов в пивной Хофбройхауз в Мюнхене, иными словами, организовала там жестокую драку, чтобы навести страх на недостаточно «воодушевленных». И пошло, и поехало...

В августе 1922 г. «сотни» (тогда боевой единицей штурмовиков считалась сотня) маршировали, держа флаги со свастикой, вместе с нацистами в Мюнхене. В октябре того же года, несмотря на запрет полиции, штурмовики прошли маршем по Кубургу и организовали форменный погром: они избивали коммунистов и социал-демократов. Это было первое в ряду тысяч уличных побоищ, спроводированных отрядами СА. Гитлер объявил, что участники его покрыли себя «неувядаемой славой». В память об избииении мирных людей натренированными ландскнехтами нацисты выпустили специальный значок.

Однако вплоть до 1923 г. СА (так же, впрочем, как и вся нацистская партия) были сугубо провинциальным движением — их деятельность ограничивалась Южной Германией.

В январе 1923 г. в рекламных целях Гитлер назначил шествие 5 тыс. штурмовиков в Мюнхене. Сперва оно было запрещено баварским правительством, потом (с помощью Рема) разрешено. В мае 1923 г. Гитлер собрал уже 20 тыс. штурмовиков, нахлобучил стальную каску и нацепил орден — Железный крест, намереваясь начать восстание с помощью своего военного советника — подполковника Крибеля. На сей раз «география» «движения» расширилась. Прибыли нацисты и из Ландхута, и даже из Нюрнберга, но генерал Лоссов наорал на Рема, баварская полиция оцепила штурмовиков, и на этом «восстание» закончилось.

О событиях «пивного путча» 8—9 ноября 1923 г. написано очень много, к нашей теме они прямого отношения не имеют. Надо только сказать, что и тут огромная роль принадлежала Рему и его союзу «Рейхскригсфлагге», одним из членов которого был неизвестный в то время Гиммлер. Однако все политические лавры достались Гитлеру, который при первых же выстрелах бросился на землю, а потом бежал, оставив на произвол судьбы своих сообщников (всего Гитлер в день путча собрал 3 тыс. штурмовиков и членов других военизированных союзов).

26 февраля 1924 г. и Гитлер и Рем оказались на скамье подсудимых. Вместе с ними были привлечены к ответственности также три активных деятеля СА — Брюккнер, Вагнер, Пернет.

Однако Рема отпустили с миром, хотя он явно был повинен в государственной измене. После этого Рем «сразу же принялся за

дело, — пишет английский историк Алан Булок в своей книге «Гитлер. Путь к власти», — чтобы опять собрать разбредшиеся силы «кампфбунда» (вариант СА. — Авт.). Одним из его помощников был Людеке, — «Многие из людей, с которыми я вел дела, — вспоминал Людеке, — были настоящие кондотьеры, например капитан Хейдебрек и Эдмунд Хейнес (впоследствии главари СА. — Авт.). Почти все они без исключения хотели участвовать в организации Рема, будучи чрезвычайно счастливы получить возможность вести тайную военную деятельность; без нее жизнь казалась им пресной». «Фронтбанн» — так теперь называлась организация — быстро росла; ведь Рем был чрезвычайно энергичен и, не зная усталости, колесил по Восточной Пруссии, вербуя людей в свою организацию. Таким образом он завербовал 30 тыс. человек.

Первые разногласия с Ремом начались у Гитлера еще до 1923 г., когда нацистский фюрер решил ограничить деятельность штурмовиков, ввести ее в рамки партийной дисциплины. Он уже тогда понял, что любое сообщество вооруженных головорезов, предводительствуемое «сильным человеком», захочет играть самостоятельную роль, и все разговоры о верности окажутся пустыми словами. В «Майн кампф» Гитлер написал: «Их (СА. — Авт.) обучение должно производиться не по военному принципу, а с точки зрения партийной целесообразности». Западногерманский историк Зауэр отмечал, что Гитлер видел в СА «своего рода борцов за перманентное ведение легальных кампаний террористическими методами».

Одним словом, ремовский «фронтбанн» был совершенно противопоказан Гитлеру. По выходе из тюрьмы нацистский фюрер, не задумываясь, снял Рема, объяснив, что недоволен им. И Рем не оказал сопротивления. Это был его первый серьезный просчет. Позабыв обо всех «национальных идеалах», он отправился в Боливию, дабы муштровать солдат сей далекой страны. Дальнейшие события показали: Рем так и не осознал, какого коварного врага он имел в лице Гитлера — своего соратника и ставленника.

Именно в 1923 г. в недрах штурмовых отрядов зародились первые подразделения лейб-гвардии Гитлера — основа будущих формирований СС. Они были созданы для охраны нацистского фюрера, а также как противовес СА, о чем, впрочем, открыто не говорилось.

Путь от первых «охранных отрядов» до создания целой «империи СС» с ее небывалыми полномочиями и привилегиями не назовешь простым.

Однако начало этого процесса было на редкость скромным. Функции «охранного отряда» были строго ограничены, ни в какие партийные дела он не имел права вмешиваться. Правда, личное общение с Гитлером сулило определенные преимущества: прибли-

женность к особе фюрера придавала вес простым охранникам в системе партийной иерархии. Чем больше усложнялись задачи НСДАП, чем большую силу приобретала партия в стране, тем важнее становилась функция личной охраны и тем больше возрастало ее значение в партийном механизме. В начале 1925 г. лейб-гвардия стала уже называться ударный отряд «Адольф Гитлер». Это ставило ее в привилегированное положение и придавало определенный политический характер ее полномочиям. Поздним летом того же года последовала дальнейшая реорганизация отрядов охраны: они были разделены на формирования, размещенные в разных местах империи, где чаще всего появлялся Гитлер, и получили официально название «СС» — «охранные отряды». Было образовано также центральное руководство отрядами СС — Верховное командование с местопребыванием в Мюнхене — «столице движения», как именовал город сам фюрер.

«Охранные отряды» были разделены на «десятки» во главе с «десятником». (В Берлине существовали в 1925 г. две такие «десятки».) Одновременно расширились обязанности отрядов СС: как отмечалось в специальном распоряжении фюрера, в их обязанности входила «охрана фюрера и видных деятелей национал-социалистской партии и защита этих деятелей от нападения». В том же распоряжении указывалось, что отряды СС должны формироваться «из партийных кадров, готовых к действиям в любое время».

Отметим: уже сам состав отрядов СС принципиально отличался от состава других организаций, примыкавших к НСДАП. Так, например, для такой массовой организации, как СА, принадлежность ее членов к нацистской партии не была обязательной. В данном же случае с самого начала отряды СС были задуманы как составная часть партии и в какой-то степени как ее особо доверенная часть, то есть ее элита.

С 1923 до 1929 г. начальники «охранных отрядов» несколько раз менялись. Первым был Иозеф Берхтольд, почти карлик (как известно, вскоре Гиммлер потребовал, чтобы в СС брали людей гвардейского роста!). Берхтольд, бывший торговец канцтоварами, набирал молодчиков не из отвоевавшихся военных, как Рем, а из разорившихся ремесленников. Так, телохранитель Гитлера, Ульрих Граф, был мясником и боксером-любителем, другой — лейб-гвардеец Христиан Вебер (впоследствии гаулейтер) — служил конюхом.

После 1923 г., когда Берхтольд бежал в Австрию (он участвовал в «пивном путче»), «охранные отряды» получили нового начальника — Юлиуса Шрекка, шофера Гитлера.

В апреле 1926 г. в Германию вернулся Берхтольд и опять возглавил СС. Однако он не мог ужиться с аппаратом НСДАП.

В марте 1927 г. новым рейхсфюрером СС стал Эрхард Хейден. Этому приходилось все время обороняться не только от гаулейтеров и их свор, но и от СА, которые чувствовали себя уязвленными уже самим фактом существования «охранных отрядов».

И наконец, 6 января 1929 г. во главе СС встал Генрих Гиммлер. Никто тогда не предполагал, какую роковую роль в истории Германии сыграет сам Гиммлер и кучка молодчиков, которыми он руководил.

Эсэсовцы отличались от штурмовиков своей формой. Они носили защитного цвета рубаху с черным галстуком, повязку на рукаве — свастику в черном круге, черную фуражку с серебряного цвета эмблемой — мертвой головой. При Гиммлере полувоенная блуза была заменена черным мундиром. Итак, штурмовики были «коричневые», эсэсовцы — «черные».

Но дело, конечно, не в цвете формы. Главное, что уже начиная с 1925 г. стало ясно: отряды СС создаются не только для охраны фюрера от его недругов за пределами партии, но и для охраны Гитлера от его сообщников, от СА, от партийных бонз, каждый из которых имел свой «двор», свою клику, — словом, от «оппозиционеров», «претендентов на власть», «еретиков» среди самих нацистов.

Отсюда и особые полномочия, которыми уже в 20-х годах наделялись эсэсовцы, отсюда и явное желание внушить им чувство элитарности по сравнению с СА и с партией НСДАП.

Выйдя из тюрьмы после путча в 1925 г., Гитлер очень медлил с «возрождением» массовой армии — СА. «В «официальной» фальсифицированной истории нацизма сей парадокс объяснялся тем, что нацистский фюрер будто бы не мог восстанавливать штурмовые отряды — они, дескать, были запрещены. Однако историки давно установили: во многих землях никакого запрета на деятельность СА не существовало. Просто Гитлеру надо было в интересах собственной безопасности сперва создать «охранные отряды». «Задача их («охранных отрядов»). — *Авт.*), — пишет Конрад Гейден, — как официальной военной силы партии заключается в том, чтобы своей конкуренцией убить и поглотить бесчисленные местные группы штурмовых отрядов, «товарищеские союзы», местные дружины «россбаховцев» (один из «фрейкоров». — *Авт.*) и т. п. Поэтому при их создании необходимо поступать очень осторожно. Если прежде, при сколачивании штурмовых отрядов, заявлялось: «Партия ожидает, что вы все явитесь на ее зов», то теперь подчеркивается: «Партийное руководство исходит из того положения, что гораздо больше ценности представляет горсть самых лучших, самых решительных и стойких, чем масса попутчиков без решимости и энергии. Поэтому «охранные отряды» строятся по очень строгим директивам, и численность их весьма ограничена».

Существует множество документов, показывающих, что Гитлер после 1925 г. особо выделял подразделения СС, подчеркивая их «избранность». Так, в Веймаре, на съезде НСДАП, нацистский фюрер торжественно вручил своему новому войску «окрашенное кровью знамя». (В 1923 г. в день провалившегося путча нацисты несли это знамя.)

Уже в директивах по созданию отрядов СС говорилось: «Хронические алкоголики, болтуны и люди, обладающие иными пороками, абсолютно непригодны» (для приема в СС. — *Авт.*). В этом тезисе был довольно недвусмысленный намек на состав СА.

Один из тогдашних главарей СС возвестил: «СА — это линейные войска, СС — гвардия». Далее эта «мысль» стала обрастать подробностями. Эрхард Хейден — в ту пору рейхсфюрер СС — сказал: «Гвардия была всегда: у персов, у греков, у Цезаря, у Наполеона, у «старого Фрица» (речь идет о кумире прусской военщины Фридрихе II, 1712—1786. — *Авт.*), гвардией новой Германии станет СС». Заявлялось также, что эсэсовцы — это «новое дворянство».

А в ноябре 1926 г. Гитлер перестроил СА (предварительно наведя порядок в самой НСДАП и покончив с «оппозицией») и нашел для штурмовиков нового командира — капитана Пфедфера фон Заломона. Одновременно произошла чистка верхушки берлинских и мюнхенских штурмовиков. Глава мюнхенской СА Хейнес вылетел из НСДАП, но отнюдь не за то, что был гомосексуалистом и подозревался в убийстве, а из-за недостаточного повиновения нацистским фюрерам.

Однако Заломон не собирался отдавать сколоченную усилиями Рема и К⁰ организацию в руки «штафинок» из «партийного» аппарата. И кроме того, СА превратились в удельные княжества со своими сюзеренами.

У Гитлера начались большие неприятности с СА...

Первый «бунт» штурмовиков в Берлине произошел осенью 1926 г.

Во главе его стоял Курт Далюге, который сыграл немалую роль в сколачивании аппарата насилия в «третьем рейхе». В ту пору этот бывший «фрейкоровец», по профессии инженер, ведал в Берлине вывозкой мусора. Он получил кличку Думми-Думми (что приблизительно означает: Дурень-Дурень). После путча 1923 г. Далюге вступил в ремовский эрзац СА — «фронтбанн». Потом организовал штурмовые отряды в Берлине, насчитывавшие 500 человек. Гитлер справился с Думми довольно быстро, сделав гаулейтером Берлина Геббельса.

Но это были цветочки. Куда серьезнее оказалась фронда под предводительством бывшего полицейского офицера Стеннеса, которая решила свергнуть «мюнхенских фюреров», то есть самого Гитлера и его ближайших помощников. Ни больше ни меньше.

Надо сказать, что к тому времени СА сильно разрослись. Отчасти за счет деклассированной безработной молодежи (начинался мировой экономический кризис), отчасти за счет уголовников, которые прямо-таки хлынули в штурмовые отряды. Этот факт отмечают все исследователи. Более того, надо сразу сказать, что повадки и нравы уголовного мира наложили поистине неизгладимый отпечаток не только на СА, но и на все будущие карательные органы нацистов...

Вальтер Стеннес, главарь СА в Берлине, был особенно опасен для Гитлера тем, что связался с Отто Штрассером, организовавшим в ту пору так называемый «Черный фронт», который делал ставку на наиболее «левые» антибуржуазные слои в нацистском движении. Среди штурмовиков получил распространение лозунг: «Адольф Гитлер нас предадет». Из рук в руки ходил памфлет, где говорилось: «Мы, пролетарские (!) элементы, ужасно довольны. Нам разрешено нюхать вонь от вареной капусты, зато наши милые фюреры получают в месяц от 2 до 5 тысяч марок и живут припеваючи. Особенно воодушевляет нас известие о том, что наш Адольф Гитлер купил на автомобильной выставке новый большой «мерседес» за 40 тысяч марок».

Стеннес требовал, чтобы представители СА заседали в рейхстаге, чтобы им платили за драки в залах, где выступают нацисты, так сказать, аккордно, а главное, чтобы их вывели из подчинения гаулейтеров...

Гитлер, не долго думая, выгнал Стеннеса из НСДАП и посадил на его место... Хейнеса, которого также вскоре устранил.

Но и это не помогло. В ночь на 30 августа 1930 г. берлинские штурмовики ворвались на Хедеманштрассе, 10, в резиденцию гаулейтера Геббельса, и расколотили все, что там было. Геббельсу, который непрерывно поносил и оскорблял берлинскую полицию, пришлось обратиться к ее помощи. Полицейские арестовали 25 штурмовиков, а Геббельс сломя голову ринулся в Мюнхен. «Через день, — пишет историк Хёне, — Гитлер с пересохшей гортанью стоял перед... Стеннесом и умолял его не покидать партию. Нацистский фюрер переходил из одной пивнушки в другую и заклинал СА доверять ему и впредь. Вечером 1 сентября 1930 г. в берлинском Доме ветеранов войны состоялся праздник примирения. Гитлер обещал, что выполнит важнейшие требования партийного товарища — Стеннеса. Умиротворенные стороны разошлись».

Разумеется, нацистская верхушка не собиралась сдерживать свое слово. Да и СА не успокоились. Уже 8 сентября шпик Гимmlера в руководстве штурмовиков — Леонардо Конти (позже он за свои заслуги получил чин обергруппенфюрера СС и играл немалую роль до последних дней нацистского режима) сообщил,

что СА во главе со Стеннесом желает стать независимой от НСДАП и ее идеологии организацией. «Поэтому фюреры СА, которым национал-социалистское мировоззрение чуждо и которые сознательно отказываются углубляться в него, могут в любое время распустить нацистскую партию».

И тут Гитлер пошел на решительный шаг: он изгнал Пфееффера, объявил самого себя верховным фюрером СА и вызвал из Боливии... Рема. Покидая Германию, Рем патетически писал Гитлеру: «Если тебе понадобится моя помощь, то скажи мне: в такой-то день, в 6.00 утра прибудь со своими людьми туда-то, и я явлюсь...» Рем и впрямь скоро возвратился в Германию.

Тем не менее в марте 1931 г. состоялась тайная конференция штурмовиков, на которой было объявлено (неким Яном), что «1 апреля днем Гитлер сместит группенфюрера «Восток» Стеннеса. Однако фюреры СА ослушаются фюрера НСДАП и во всеуслышание заявят о том, что они против Гитлера, за Стеннеса». «За какие-нибудь несколько часов, — пишет Хёне, — гитлеровская империя СА по одну сторону Эльбы рухнула, вышли из повиновения как низшие, так и высшие чины в Бранденбурге, Силезии, Померании и Мекленбурге». Стеннес изгнал Геббельса. Началась большая заваруха. Впрочем, путч Стеннеса скоро выдохся.

Тогда победителями из борьбы с фрондой СА впервые вышли «охранные отряды» СС и их глава — «тихий», «незаметный» Гиммлер.

Насколько велика была тревога Гитлера из-за беспорядков в его армии коричневорубашечников, видно по тому, что он не скрывал ее даже перед «посторонними». Так, в беседах с главным редактором самой многотиражной газеты веймарской Германии «Лейпцигер нойсте нахрихтен» Брайтингом нацистский фюрер то и дело возвращался к этой теме. «Враги пытаются проникнуть повсюду, затеять против меня путч... Но только отдельные фюреры СА выступили с ними. Рядовые штурмовики отвернулись от тех, кто сеял смуту; не исключено, впрочем, что мы еще будем иметь дело с такими элементами. Революцию (!) нельзя провести без трудностей. Существует очень много оппортунистов, которые хотят плыть по течению. Моя служба информации уже сообщила мне, что враги рассчитывают на внутренние трудности, из-за которых я сдамся. Но я никогда не отступлю от своей программы и цели. Группенфюрерам и гаулейтерам предлагают деньги. Пытаются нас расколоть и обмануть... Безродным людикам никогда этого не удастся. Мы намереваемся принять новые меры для своей безопасности. Мы знаем все рецепты отравителей...» И т. д. и т. п.

И тут возникает законный вопрос: почему Гитлер еще до захвата власти не покончил с СА? Тем более что сама нацистская

партия с ее «кадровым» костяком представляла собой в ту пору мощный кулак, который в любое время можно было использовать для всякого рода «боевых» акций. Кроме того, у фюреров НСДАП уже существовала дисциплинированная, отлично вымуштрованная преторианская гвардия эсэсовцев.

Полчища коричневорубашечников, по меткому выражению того же Хёне, занимались «пропагандой паники». А это было в ту пору просто необходимо фюреру: бесконечные драки, «зальные побоища», скандалы на всех митингах, собраниях (а в начале 30-х годов без конца шли предвыборные кампании!), стычки в рабочих кварталах, хулиганские выходки среди бела дня на улицах расшатывали правопорядок, парализовали жизнь простых людей, запугивали не только политиков, но и обывателя. Страну лихорадило, буквально все институты Веймарской республики, даже полиция, демонстрировали свою неспособность защитить себя. И «человек с улицы», путая причину со следствием, все чаще стал заговаривать о необходимости «сильной власти».

Итак, Гитлер стоял перед сложной дилеммой: с одной стороны, он нуждался в огромной армии СА, с другой — эта армия становилась все более неуправляемой¹. Нацистский фюрер пошел на риск — заключил мир со штурмовиками. И это дало свои плоды...

В разгар сложной политической борьбы реакция добилась отмены указа министра внутренних дел Гренера от 14 апреля 1932 г. о запрете СА, СС и всех подчиненных им организаций (указ действовал считанные месяцы, и в нем говорилось, что штурмовики — своего рода «частная армия», которая образует государство в государстве и является постоянным источником беспокойства для мирного населения...). Как только запрет отменили, СА и СС с новой силой обрушились на немецкий народ. Тем более что этот запрет не так уж и повредил СА, не говоря уж о СС; они и не думали «ликвидироваться».

Вождь трудящихся Эрнст Тельман сказал, что отмена запрета на деятельность СА является фактически открытым призывом к убийству. Так оно и случилось. Только с 1 июня по 20 июля 1932 г. в одной лишь Пруссии, по официальным данным, произошло 461 нападение штурмовиков на трудящихся. 82 человека были убиты,

¹ Насколько ненадежными оказались СА и их руководство, видно по тому, что и генерал Шлейхер, соперник Гитлера, занимавший до него канцлерское кресло, вступил в переговоры с Ремом и с тогдашним фюрером берлинских штурмовиков графом Гельдорфом. «По-видимому, — пишет известный английский историк Алан Булок, — он носился с мыслью добиться разрыва между СА и Гитлером и превратить штурмовые отряды в государственную милицию, что всегда было желанием Рема. За спиной Гитлера Рем и Шлейхер обсуждали возможность в случае войны подчинить СА рейхсверу...»

400 тяжело ранены. Ко второй половине 1932 г. обстановка в стране накалилась до предела.

9 августа произошло чудовищное преступление. Пять штурмовиков зверски убили в силезской деревне Потемпа коммуниста горняка Питцруха — они затоптали его насмерть на глазах у матери. 22 августа суд приговорил преступников к смертной казни. Гитлер немедленно послал телеграмму убийцам: «Мои товарищи, перед лицом этого небывалого кровавейшего приговора я чувствую себя связанным с вами нерасторжимыми узами верности. Ваше освобождение для нас дело чести. Наш долг — бороться против правительства, которое допустило такое».

В свою очередь Рем посетил в тюрьме убийц и заверил их, что казнь им не грозит. Гитлер обратился с «воззванием» к правительству Папена, и уже спустя несколько дней смертный приговор озверевшим негодяям был заменен пожизненным заключением. А через несколько месяцев Гитлер пришел к власти...

Таковы были «подвиги» штурмовиков. Конечно, в их рядах наблюдалась некоторая убыль: например, в пьяной драке был убит автор фашистского гимна Хорст Вессель. Распоясавшихся хулиганов настигали иногда и пули полицейских. Имена этих «героев», воспетых геббельсовской пропагандой, были высечены впоследствии на мраморной стене в парадном зале Коричневого дома в Мюнхене. Им придумывали биографии, их наделяли качествами, о которых они и не помышляли, их «деяния» изображались как жертвы во имя неких мистически-туманных идеалов...

* * *

Опорой нацистских бонз наряду с СА и аппаратом НСДАП становились и «охранные отряды» СС.

В январе 1930 г. Гиммлер хвастливо писал своему тогдашнему покровителю — Рему в Боливию, что в отрядах СС уже 2 тыс. человек, что это сплошь «хорошие парни» и что «служебные требования и условия поступления из месяца в месяц становятся все более строгими».

Дело дошло до того, что главари СА стали роптать: эсэсовцы, мол, переманивают у них самых «надежных людей»...

Паролем войск СС стало изречение Гитлера: «Эсэсовец! Твоя честь — в верности». Это изречение было выгравировано на пряжках ремней эсэсовцев. История его такова: в 1930 г., когда, как уже говорилось, с помощью эсэсовцев был подавлен самый опасный из всех «бунт» СА во главе со Стеннесом, Гитлер во всеуслышание заявил, что его победа — заслуга СС. По сему случаю он написал в письме к Далюге «знаменательные» слова насчет верности, явно в пик «неверным» штурмовикам!

Можно сказать, что еще до 1933 г. начали постепенно выри-

совываться основные черты лейб-гвардии Гитлера. Главным образом, ее надгосударственный, надпартийный характер.

Один из «постулатов» эзесовцев гласил: «Охранные отряды» — совершенно самостоятельны». И это при том, что до 30 июня 1934 г., по словам Гизевиуса¹, «Гиммлер был еще полностью в тени Рема».

«Уже тогда (в самом начале 30-х годов. — Авт.) СС, — пишет историк Хёне, — опустили плотное покрывало секретности».

«Официально», однако, на эзесовцев были возложены на редкость скромные функции — вербовать подписчиков для органа НСДАП «Фелькишер беобахтер» и еще более грязной газетенки Юлиуса Штрейхера «Дер штюрмер», расклеивать предвыборные плакаты и собирать «пожертвования». Нетрудно догадаться, что для этого не надо было ни преподнесенного Гитлером знамени, окрашенного кровью, ни пароля насчет «чести» и «верности», ни «самостоятельности», ни жгучей тайны. Однако — таковы уж были повадки гитлеровцев — они всегда лгали. Лгали и на сей раз.

Итак, еще до прихода к власти фашистский фюрер выполнил важную задачу — обезопасил себя от посягательств своих соперников, создал нацистскую гвардию, вымуштрованные, нерассуждающие отряды бессовестных молодчиков, которым Гиммлер постепенно прививал особую «мораль и этику».

2. АНАРХИЯ ТЕРРОРА

Сразу после 30 января 1933 г., когда восьмидесятишестилетний президент Германии, монархист генерал-фельдмаршал Гинденбург с «подачи» самых реакционных кругов немецкого монополистического капитала и военщины вручил власть бывшему ефрейтору Гитлеру, в стране началось нечто невообразимое: нацистские отряды вышли на улицы, один драконовский «указ» следовал за другим, зверские убийства, чудовищные провокации (вплоть до поджога рейхстага) и кровавые интриги стали повседневностью в жизни государства.

Впоследствии это ужасное время нацисты окрестили своей «национальной революцией». Что касается буржуазных историков, то некоторые из них склонны рассматривать сей период как период стихийного, неконтролируемого, спонтанного разгула насилия. Более того, по мнению ряда видных исследователей на Западе, разгул первых месяцев 1933 г. породил чрезвычайно слож-

¹ Ганс Бернд Гизевиус — реакционный политик. До 1936 г. работал в прусском министерстве внутренних дел, потом в абвере. Примкнул к оппозиционным генералам, осуществляя их связь с западными разведками. После заговора 20 июля 1944 г. против Гитлера бежал в Швейцарию. Выступал в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе главных военных преступников.

ный, неповоротливый, дорогостоящий и нечетко действующий карательный аппарат. Так, уже упоминавшийся западногерманский историк Хёне в своей книге «Орден под знаком мертвой головы» пишет: «Начиная с 30 января на немецкие государственные учреждения была брошена густая, запутаннейшая сеть иерархических соперничеств и взаимоисключающих полномочий...»

Думается, дело обстояло не совсем так, а может быть, и совсем не так. Разобраться в этом нам поможет бесстрастная хроника событий. Выстроенные в один ряд злодеяния нацистов, даже, казалось бы, совершенно бессмысленные, показывают, что в их безумии была «своя система».

Уже 30 января подготовленные заранее толпы вышли на улицы с факелами в руках, дабы изобразить «народное ликование». На самом деле шествие нацистов выполняло иную функцию: демонстрировало «мощь» нового канцлера и запугивало обывателя.

Буквально на следующий день началась кипучая «политическая» деятельность Гитлера. Наипервейшей ее целью являлся поход против коммунистов и всех прогрессивных, здравомыслящих элементов в веймарской Германии. Ведь именно для этого Гитлера и провели от «Кайзерхофа» до имперской канцелярии¹, то есть отдали ему бразды правления. Задача была ясна. А средствами стали захват «улицы», аресты, обыски, убийства — словом, «кровопускание», с одной стороны, и создание огромного разветвленного аппарата слежки, подавления и террора — с другой.

31 января Герман Геринг захватил прусское министерство внутренних дел, которое контролировало прусскую полицию, самый сильный полицейский орган в Германии. (Полиция эта насчитывала 76 тыс. человек.)

1 февраля Гитлер распустил рейхстаг и назначил на 5 марта новые выборы. В тот же день Геринг в качестве «чрезвычайного комиссара» прусского министерства внутренних дел запретил митинги Компартии Германии под открытым небом в Пруссии. Через сутки этот запрет распространился на всю Германию. Одновременно Геринг развил бешеную деятельность в стенах самого министерства. Вот что пишет об этом Конрад Гейден, бывший корреспондент буржуазной «Фоссише цейтунг» в Мюнхене, буквально «по следам» событий²: «Он (Геринг.— Авт.) немедленно ввел

¹ «От «Кайзерхофа» до имперской канцелярии» — название книги Геббельса о приходе Гитлера к власти. «Кайзерхоф» — гостиница, где останавливался Гитлер, приезжая в Берлин.

² Гейден написал свою вторую книгу по истории германского фашизма в 1934 г., бежав из Германии в Швейцарию. Естественно, что он пользовался материалами «из первых рук». Сведения о деятельности нацистов еще свободно циркулировали в соседних странах.

в аппарат большое число так называемых почетных комиссаров, как, например, вождя «особых отрядов» — Далюге, своего личного адъютанта Халля и Зоммерфельда. В качестве юридического советника он привлек в прусское министерство внутренних дел адвоката Гитлера доктора Лютгебруна. Директором отдела полиции Геринг назначил весьма своеобразную личность, а именно прокурора в отставке Грауэрта, бывшего управляющего делами Союза работодателей северо-запада, самой непримиримой и анти-социальной организации германской тяжелой промышленности. Грауэрт уже давно был национал-социалистом и имел большие заслуги по части финансирования своей партии.

Немедленно по всей Пруссии начались отставки и новые назначения. Увольнялись или отпускались в длительный отпуск чиновники — от старшего председателя до уголовных комиссаров, которые были известны как сторонники левых партий. Их преемниками стали большей частью национал-социалисты. Это происходило во всех без исключения ведомствах, имевших отношение к полиции. Многочисленные фюреры штурмовиков или национал-социалистские функционеры были назначены полицией-президентами, и притом на посты, которые ранее занимали даже весьма правые чиновники... Еще до новых выборов рейхстага 5 марта в Пруссии было смещено несколько сот политических чиновников... Благодаря такому методу действий Геринг в течение каких-нибудь четырех недель укрепил свои позиции настолько, что Немецкая национальная партия (партнеры нацистов по правительственной коалиции.—*Авт.*) не смогла бы овладеть ими даже в случае, если бы позднейшие события протекали иначе.

4 февраля президент Гинденбург издал закон с весьма звучным названием: «В защиту германского народа». Согласно этому закону власти могли запретить любое собрание, которое якобы «угрожало общественному спокойствию». По тем же причинам разрешалось закрывать газеты. Если учесть, что именно в феврале проходила предвыборная кампания, то можно себе представить, в какое положение нацисты поставили не только своих политических противников, но и своих партнеров. Конечно, все новые законы и «указы» были направлены против коммунистов. Но надо сказать, что и буржуазным партиям уже в начале февраля было о чем задуматься. Например, в Крефельде штурмовики ворвались на предвыборный митинг партии «Центр», разогнали собравшихся беспорядочной стрельбой и избили оратора, бывшего имперского министра труда Штегервальда. Даже собрание, на котором собирался выступить бывший канцлер Брюнинг, было

¹ Хёне в уже упоминавшейся книге утверждает, что число смещенных чиновников в прусской полиции достигло 1457 человек.

сорвано. Правда, в конце февраля Гитлеру пришлось извиниться перед этой партией, представлявшей интересы крупных буржуа и аграриев и тесно связанной с католической церковью. Гитлер заявил, что эксцессы вызваны провокаторами и что не «Центр», а марксисты являются врагами НСДАП, и их следует уничтожить. Но толку в этом извинении было мало. Наверяд ли благонамеренных бюргеров можно было заманить на последующие митинги партии «Центр», готовившейся к выборам.

Итак, закон от 4 февраля фактически ликвидировал свободу слова и свободу печати в Германии. Тем более что на этом «мероприятии» нацистов отнюдь не кончились.

7 февраля Гитлер распустил прусский ландтаг.

17 февраля Геринг издал беспрецедентный «указ о стрельбе» — разрешение применять оружие против безоружных граждан. Безусловно, этот указ был направлен против левых сил, но одновременно он продемонстрировал, что гитлеровцы плюют на законность, что само понятие «правового государства» им глубоко чуждо и что они готовы на все... Вот что сказал Геринг, инструктируя своих полицейских: «Полицейским чиновникам, которые при исполнении своих обязанностей пустят в ход оружие, я окажу покровительство, независимо от последствий... Напротив, всякий, кто проявит ложное мягкосердечие, должен ждать наказания по службе. Пусть чиновник всегда помнит, что непринятие мер — большой проступок, чем ошибка, допущенная при их проведении». Яснее не скажешь!

22 февраля Геринг издал еще одно распоряжение: «О привлечении в Пруссии вспомогательных сил в полицию», иными словами, штурмовиков и эсэсовцев¹. Таким образом, полицейские, то есть государственные, органы становились органами нацистской партии, или — что в данном случае правильней — надгосударственными карательными органами. Как это выглядело на практике в те роковые февральские дни, рассказал Конрад Гейден: «Этот приказ означал мобилизацию штурмовиков... 50 процентов вспомогательной полиции должны были состоять из штурмовиков... Всего в Пруссии было вовлечено во вспомогательную полицию около пятидесяти тысяч человек». «Вспомогательные полицейские получали три марки в день. Это вполне удовлетворяло их. А для правительства важно было то, что эти люди получали резиновые дубинки и пистолеты...»

А вот как Геринг напутствовал своих молодчиков из вспомогательной полиции: «Я пришел сюда не для того, чтобы блюсти справедливость, моя цель — уничтожать и искоренять. Вот и все».

¹ Формально привлекались также головорезы из «Стального шлема» — военизированной организации Национальной партии. Но их число было сравнительно незначительным.

И далее: «Эту борьбу не на жизнь, а на смерть я веду вместе с низами, а именно с коричневыми рубашками (форма штурмовиков. — Авт.)! Я разъясняю, что народ должен сам себя защищать».

По меткому выражению одного из историков: «В Пруссии начался шабаш ведьм». Впрочем, почему только в Пруссии? Все законы и указы Гитлера — Геринга немедленно распространялись и на другие земли, где действовал зловеший дуумвират Гиммлер — Гейдрих. Но об этом — позже.

24 февраля опьяневшие от неслыханной безнаказанности бандиты ворвались в Дом Карла Либкнехта на площади Бюлова, где помещался ЦК *легальной* Коммунистической партии Германии (подчеркиваем слово «легальной», ведь КПГ никто не только не запрещал, за эту партию голосовали миллионы трудящихся). Три дня ищйки Гитлера обыскивали Дом — и, разумеется, безрезультатно. Никаких «подрывных» документов там не было и не могло быть.

Полиция опубликовала совершенно невразумительное сообщение о каких-то «сотнях центнеров преступных бумаг». Однако, что именно говорилось «в сотнях центнеров», осталось неизвестным. Пришлось вмешаться Герингу. Он заявил через официальное прусское информационное бюро, что «в очень короткий срок представит общественности найденные документы». Нетрудно догадаться, что он их так никогда и не представил. Зато полиция и сам Геринг намекали, будто им известно (?), что коммунисты готовятся к террористическим актам против национал-социалистов и... публичных зданий. Французский историк Эдуард Калик в своей книге «Рейнхард Гейдрих. Ключевая фигура «третьего рейха» пишет, что инспирированная Гиммлером и Гейдрихом *Flüsterpropaganda* (пропаганда шепотом) утверждала, будто Герингу стало известно: коммунисты готовят 10 тыс. пожаров во всей Германии и целую серию покушений на политических деятелей. При этом «марксисты будут переодеты в форму СА».

Таким образом, разбой в Доме Карла Либкнехта был прологом к новому, еще более чудовищному разбою...

27 февраля нацисты совершили «провокацию века» — подожгли рейхстаг¹ и объявили, что в этом повинны... коммунисты. Рейх-

¹ О поджоге рейхстага и о Лейпцигском процессе, где Георгий Димитров, сидя на скамье подсудимых и ежеминутно подвергаясь смертельной опасности, стал истинным обвинителем коричневого рейха и его сатрапов, написано достаточно. Речи Димитрова, документы Нюрнбергского процесса, «Коричневая книга» антифашистов, изданная по следам процесса, неопровержимо изобличали виновников поджога — Геринга и К^о. О поджоге рейхстага писали и у нас в стране, в частности авторы этой работы в книге «Преступник номер 1» и Л. Безыменский в книге «Разгаданные загадки «третьего рейха», да и вообще все советские исследователи, занимавшиеся историей нацизма. Посему не будем останавливаться на этой провокации подробно.

стаг являлся «публичным зданием»! Тут уж ничего не скажешь! Совершенно очевидно: провокация с поджогом рейхстага была необходима Гитлеру и его подручным, дабы раз и навсегда расправиться с авангардом рабочего класса, с самой последовательной, умной и непримиримой по отношению к реакции и к войне партией Германии — КПГ.

Непосредственными организаторами поджога были, безусловно, штурмовики, довольно скоро «ликвидированные» как нежелательные свидетели совершенного преступления. Однако Эдуард Калик в своей книге о Гейдрихе убедительно доказывает, что и СС не остались в стороне от этого неслыханного злодеяния. В частности, он выделяет роль Гейдриха. Думается, что рассуждения Калика заслуживают внимания.

Не вдаваясь сейчас в детали подготовки и проведения поджога, скажем одно — провокация была исполнена неумело, топорно. В нее не поверили ни в самой Германии, ни за ее пределами. Слабоумный, находившийся под гнетом не то пыток, не то специальных наркотических препаратов, Ван дер Люббе никак не соответствовал той роли коммуниста-поджигателя (кстати, он и не был коммунистом!), которую ему навязали.

Тем не менее известно, что даже столь грубая работа гитлеровцев возымела действие.

28 февраля дряхлый президент Германии Гинденбург издал закон «Об охране народа и государства», фактически окончательно ликвидировавший все конституционные права немецких граждан. Этот же закон вводил смертную казнь для участников антифашистского Сопротивления. Десятки видных деятелей КПГ были заключены в тюрьму.

3 марта нацисты бросили за решетку Эрнста Тельмана, председателя Коммунистической партии Германии. 6 марта был запрещен «Рейхсбаннер»¹ в Тюрингии. До конца марта этот запрет распространился на другие левые организации во всей Германии.

Казалось бы, поджог рейхстага, жестокие преследования, концлагеря, тюрьмы, где подвергались пыткам и издевательствам тысячи людей, чрезвычайные законы, следовавшие один за другим и представлявшие собой сплошные беззакония, должны были обеспечить Гитлеру неограниченную власть над Германией. Но такова уж была природа этого проклятого строя — малейшая тень права и законности ставила в тупик, парализовала нацистов. Провалилась комедия с поджогом рейхстага, провалились и выборы 5 марта. Несмотря на то что в избирательных участках сидели штурмовики, не брезгавшие и прямыми подлогами, несмотря на то что коммунистам власти не дали возможность вести предвыборную кампа-

¹ Военизированная организация социал-демократов.

нию, КПП получила 4,8 млн голосов, а социал-демократы — без малого 7 млн. Итого, за партии трудящихся проголосовало 12 млн смелых людей! А это значило для Гитлера и его хозяев, что террор надо усилить.

21 марта Гинденбург издал новый «Указ о предательстве», согласно которому поступки, вредящие благополучию империи или репутации правительства, караются по всей строгости. Следствием этого указа было создание «чрезвычайных судов» (просуществовавших, кстати сказать, до крушения нацизма) и амнистия нацистским убийцам, которые как бы по мановению волшебного жезла превратились в «героев» и «мучеников». К концу марта относится и первое упоминание о концлагерях, в частности о концлагере в Ораниенбурге, размещившемся на территории заброшенной фабрики. К тому времени тюрьмы в Германии были переполнены, и нацисты «официально» ввели термин «охранный арест», то есть арест без ордера, без следствия и суда. Под «охранным арестом» человек мог пробыть до конца своих дней, не зная, за что он подвергся репрессиям. Это также явилось весьма важным нововведением нацистов, ибо начисто лишало граждан «третьего рейха» возможности апеллировать к законам, к юстиции. И тут компетенция карательных органов выводилась из-под контроля государственных инстанций.

Наконец, 26 марта в недрах прусского министерства внутренних дел возникла тайная государственная полиция — гестапо¹, то самое гестапо, которое на протяжении 12 лет наводило ужас на 70 млн немцев рейха и на миллионы людей за пределами Германии. Непосредственным создателем гестапо стал Рудольф Дильс, личный другок, а впоследствии и родственник Геринга. Дильс — ему было всего 33 года — прожил бурную молодость. Этот пьяница и развратник, член самых реакционных студенческих корпораций, пошел на службу в прусское министерство внутренних дел еще при социал-демократе Зеверинге. Потом выступил с лжесвидетельством против своего первого шефа (обвинил его в связи с коммунистами), поочередно подлизывался к канцлерам Папену и Шлейхеру и наконец окончательно выбрал себе хозяина — Геринга (при этом Дильс не вступил в НСДАП). Будучи начальником отдела IA, он уже при Папене вел запрещенную игру, шпионил за левыми силами, собирал досье на видных общественных деятелей — словом, организовал нечто вроде

¹ Это название появилось совершенно спонтанно. Первоначально отдел в министерстве Геринга назывался geheime Staatspolizeiabteilung, что означает «Тайный отдел государственной полиции». Потом неизвестный чиновник создал аббревиатуру, которая читалась как «гестана». Сравнительно короткое время (при Геринге) аббревиатура сохранялась, а затем другой неизвестный чиновник заменил букву «а» на «о», получилось «гестапо».

шпионско-политического центра внутри министерства. С приходом нацистов к власти Дильс превратил свой отдел в политическую полицию Пруссии.

Прежде всего он расширил отдел в четыре раза (первоначально в нем было всего 60 чиновников, а после первой реорганизации — уже 250). А главное, основал «службу безопасности» (СД), которая действовала уже независимо от министерства внутренних дел. Вскоре она официально выделилась из полицейско-президиума и получила огромное собственное здание, в котором раньше помещалось художественное училище. Это здание было расположено на ставшей печально знаменитой Принц Альбрехтштрассе¹.

Выше мы уже писали, что и Гиммлер с Гейдрихом не сидели сложа руки. Правда, западные историки утверждают: Геринг, Геббельс, Фрик и еще многие другие — вот кому нацистский фюрер сразу же обеспечил «теплые местечки» в государстве, но «бледного, всегда чересчур усердного фактотума Гиммлера он забыл...».

На самом деле «бледный фактотум» постепенно захватывал все большую и большую власть.

Гиммлер начал с того, что укрепил свои позиции в Баварии. 1 апреля 1933 г. он стал официальным руководителем политической полиции в этой земле и присвоил себе титул «политический полицейский командир». Формально Гиммлер подчинялся баварскому министерству внутренних дел (в этом министерстве он занял пост начальника особого отдела).

В своих «владениях» Гиммлер решил представить себя противником «эксцессов», творившихся в концентрационных лагерях СА. Так, например, он отдал приказ, согласно которому арест лиц духовного звания мог производиться только с особого разрешения баварской политической полиции. Одновременно будущий рейхсфюрер СС «систематизировал» террор против основных врагов нацистского рейха — немецких коммунистов. Сотни и тысячи коммунистов и других противников режима были арестованы и помещены в «официальные» концлагеря. Главным концлагерем в Мюнхене стал концлагерь в Дахау, который разместился в корпусах бывшей фабрики по изготовлению пороха. Собственно говоря, именно с этих времен и началась «эра» концлагерей.

Дахау — первый гиммлеровский «легальный» концлагерь сразу стал символом жестокости и террора.

На Нюрнбергском процессе главных военных преступников был зачитан «дисциплинарный устав» этого концлагеря от 1 октября 1933 г. В четвертом абзаце предисловия к уставу говорилось:

¹ Небольшая часть аппарата Дильса — «специальный отдел по борьбе с большевизмом» переехал из полицейско-президиума на Александерплац в захваченный штурмовиками Дом Карла Либкнехта.

«Терпимость означает слабость. В свете этого понятия надо беспощадно наказывать всякого, когда интересы родины этого требуют... Пусть это будет предупреждением для политических деятелей, агитаторов и провокаторов, независимо от сорта. Будь начеку, чтобы тебя не захватили врасплох. Иначе твоя шея пострадает и тебя застрелят, в соответствии с методами, которые ты сам используешь». На том же заседании в Нюрнберге рассказывалось о чудовищных нравах, царивших в Дахау сразу после его создания, то есть тогда, когда там непосредственно хозяйничали Гиммлер и Гейдрих.

Вспоминая баварский период, Гиммлер позже говорил: «Под давлением министерства я отпустил в 1933 г. большое число «охраняемых заключенных» в Пруссии и в других землях. Только в Баварии я не уступил нажиму и не освободил ни одного заключенного». Напрасно на Гиммлера жаловался фон Эпп, наместник имперского правительства в Баварии. Уже на этом этапе ему пришлось замолкнуть. Садисты Гиммлера оказались сильнее фон Эппа.

Однако политические амбиции Гиммлера выходили далеко за пределы Баварии. «Я твердо намерен, — говорил он, — создать, наконец, из существующих ныне 16 различных земельных полиций настоящую имперскую полицию, ибо только имперская полиция может стать самой важной объединительной силой в государстве». А тогдашнему руководителю полиции в гессенском министерстве внутренних дел Вернеру Бесту он откровенно разъяснил, что «немецкая полиция должна быть изъята из ведения князей-гаулейтеров».

В ноябре 1933 г. Гиммлер стал начальником политической полиции Гамбурга и Мекленбург-Шверина. В декабре того же года он был назначен начальником политической полиции в провинциях Ангальт, Баден, Бремен, Гессен, Тюрингия и Вюртемберг. В январе 1934 г. последовало его назначение начальником политической полиции Брауншвейга, Ольденбурга и Саксонии.

Таким образом, только Пруссия еще оставалась в руках Геринга, хотя уже 31 марта 1934 г. был издан первый закон об «унификации» земель, которые тем самым лишались своей автономии. А 7 апреля Гитлер разразился новым законом об «унификации», за которым последовал указ о введении «штатхальтеров» — наместников рейха в отдельных провинциях.

2 мая были фактически ликвидированы профсоюзы, захвачена их собственность.

С 27 июня по 5 июля произошел самороспуск буржуазных партий, их лидеры сложили оружие, боясь, что иначе им придется сложить голову¹. Таким образом, за пять месяцев на глазах у

¹ Этот статус-кво был еще подтвержден специальным законом, запрещающим создавать новые партии.

всего мира Германия превратилась в политическую пустыню, в огромную тюрьму.

Однако в этой коричневой тюрьме оказалось довольно много хозяев. В первый год карательные аппараты создавались действительно стихийно и каждый из них пытался урвать как можно больше.

Главным претендентом на всевластие стали, безусловно, штурмовые отряды. В их рядах находились хулиганы со стажем, так называемые «старые бойцы», которые привели Гитлера к власти. Штурмовиков по одним данным числилось 4 млн, по другим — четыре с половиной. Сейчас считается, что активных членов СА было три с половиной миллиона. Цифра достаточно внушительная. Начальником штаба СА был Эрнст Рем, как считалось, ближайший друг самого фюрера, фигура характерная для разнузданной вольницы первого года правления нацистов. Штурмовикам нужны были жертвы, деньги, власть, почет. Они стали господами улицы, организовали первые «дикие» концлагеря, они расправлялись с коммунистами, социал-демократами, интеллигенцией, а заодно и со всеми, кто попадался под руку.

В Пруссии, крупнейшей земле Германии, «царствовал» Геринг и его гестапо. И эти чинили расправу, и эти терроризировали население.

Однако и «обычный» буржуазный аппарат насилия, а именно общегерманское министерство внутренних дел, «трудился» в Германии не покладая рук. Им руководил старый нацист Вильгельм Фрик. Он очень быстро «нацифицировал» министерство. Кроме того, чрезвычайные законы здорово помогли Фрику. В его распоряжении оказались не только «специальные» суды, но и чрезвычайные меры наказания. Мы уже писали, что Гитлер ввел смертную казнь. Немного позднее — смертную казнь через повешение, еще позже — смертную казнь через гильотинирование. В недрах министерства внутренних дел действовал такой страшный тип, как Роланд Фрейслер¹. Став председателем так называемого Народного трибунала, он приговорил к смерти тысячи людей. Имя Фрейслера, превратившего судебную процедуру в пропагандистское шоу, выносившего бессмысленно жестокие приговоры, навело ужас на всю Германию. О том, как действовал Фрик и его министерство, мы еще расскажем. Сейчас приведем лишь циничное изречение одного из высокопоставленных чиновников этого министерства —

¹ По сообщениям советской печати, в 1985 г. стало известно, что вдова Фрейслера получает пенсию и специальную «надбавку» к ней за своего мужа, погибшего во время бомбежки Берлина. Иными словами, вдова нацистского палача 40 лет получала денежную «компенсацию» за дела мужа, военного преступника и убийцы.

Вернера Беста¹. «Полиция никогда не поступает «незаконно» или «противозаконно», поскольку она всегда следует директивам начальников, включая высшее руководство. До тех пор, пока она выполняет волю фюреров, она поступает законно...»

Четвертый кандидат на должность обер-палача Германии был, безусловно, Генрих Гиммлер. И в его руках находилась вполне реальная власть — «охранные отряды». Конечно, по численности они не могли сравниться с СА. Но в «охранных отрядах» собрались самые отчаянные головорезы, к тому же они отличались дисциплинированностью и преданностью фюреру. Многочисленные песни насчет «верности фюреру», «знамен» и «стягов», которые горланили штурмовики после 1933 г., подошли бы скорее эсэсовцам.

Эсэсовцы уже в ту пору были серьезными претендентами на надгосударственную, неконтролируемую власть в Германии, на руководство всем террористическим аппаратом. Но их час еще не пробил.

Как же выглядел разгул террора на практике? И тут мы предоставим слово лицам, имевшим к нему отношение. Они много вращались в своих послевоенных мемуарах и показаниях на различных процессах, но в отдельных случаях им было выгодно говорить правду или хотя бы полуправду.

В книге воспоминаний «Lucifer ante portas» («Люцифер перед дверью»), изданной в 1949 г., Рудольф Дильс — первый начальник гестапо, а следовательно, человек Геринга, враждовавшего в ту пору не только с Ремом, но и с Гиммлером, описал несколько «диких» концлагерей. «Дикие» лагеря штурмовиков и эсэсовцев были ликвидированы сравнительно скоро, и жертвы их, запуганные нацистами, так и не «заговорили». Часть из них была уничтожена, немногих выживших передали в «нормальные» концлагеря и там умертвили. Таким образом, свидетельство Дильса — одно из немногих, дошедших до нас.

В основном Дильс (разумеется, ярый противник «диких» лагерей, где распоряжались его личные враги) описывает «пещеры пыток» в Берлине, но приблизительно то же самое происходило в десятках других городов Германии. Особо печальную известность получили лагеря в Вуппертале, Крефельде, Штеттине и Бреславле (Вроцлаве). Мы уже не говорим о лагерях СС в Ораниенбурге, Эстервальде, Папенбурге.

¹ Этот палач, на совести которого 8 тыс. жизней (в их смерти он виноват непосредственно), как сообщили в конце 1983 г. органы юстиции ФРГ, окончательно ушел от возмездия. Суд над ним откладывался из года в год. Причина: плохое здоровье! Тридцать восемь лет Бест прожил с «плохим здоровьем», а в 1983 г. представители западногерманской Фемиды объявили, что он... не выдержит судебного процесса, и поему дело против него прекращено.

Итак, вот что рассказывает Дильс о «пещере пыток» на четвертом этаже «Дома НСДАП» в Берлине, куда вошли его молодчики в мундирах полицейских.

«Полы в нескольких пустых комнатах, где орудовали палачи, были покрыты соломой. Найденные нами жертвы умирали голодной смертью. Много дней подряд они провели запертые в узких шкафах — так у них добивались «признаний». При этом дюжина палков каждые несколько часов избивала свои жертвы железными палками, резиновыми дубинками и кнутами. Доказательством их мучений были выбитые зубы и переломанные кости. Когда мы вошли, эти живые скелеты лежали рядами на гнилой соломе. Мы не увидели ни одного человека, на теле которого не было бы синих, желтых и зеленых полос — следов жесточайших избиений. У многих совершенно заплыли глаза, под носом были кровавые струпья. Не слышно было ни стонов, ни жалоб — все безмолвно ждало смерти или новых мучений». И далее:

«На Кантштрассе отряд СА мучил и христиан и евреев. Жертвы, у которых были деньги, чтобы откупиться, ускользали. Однако те, кто, искалеченные, возвращались на волю, не осмеливались произнести ни слова. ...И на Фюрстенфельдштрассе существовала своя «камера пыток», «ходы», которые в нее вели, мы узнали только после того, как нам рассказали о них заключенные с Хедеманштрассе — их утаскивали сперва туда... Преступления совершались в разных частях города. Самым неприступным логовом оказался Колумбиахауз, жертвы пыток в нем были почище, чем в «пещерах» СА. Полновластными хозяевами в Колумбиахауз являлись ээсовцы. По иронии судьбы «начальником» там был Тойфль¹ (Черт.— Авт.). Свое ведущее положение он завоевал исключительно усердием и садизмом. Невзирая на чины и звания, в этих «адских кухнях» заправляли те, кто разделялся с жертвами наиболее жестоко и отличался абсолютной беспардонностью, что особо ценилось». Дело не ограничивалось «дикими» концлагерями. Время от времени штурмовики совершали рейды, устраивали уличные побоища — прообразы будущих погромов и облав. Такой акцией были «кеппенингские убийства» — резня коммунистов в рабочем пригороде тогдашнего Берлина Кеппенинге. Вот что пишет об этом Дильс:

«Там заставляли коммунистов и членов «Рейхсбаннера» — социал-демократов — пить серную кислоту, одну из жертв поджарили на открытом огне, других зверски избивали плетью, а потом приставляли к стенке».

¹ Тойфля убили 30 июня 1934 г. во время расправы с Ремом и другими штурмовиками. По-видимому, такие, как он, вызывали страх даже у главарей СС. Кроме того, Тойфль слишком много «болтал», в частности о поджоге рейхстага, в котором был замешан.

В Кёппенинге было убито 30 антифашистов.

Невероятно жестокие расправы с коммунистами, социал-демократами, профсоюзными вожаками, прогрессивно настроенными трудящимися и левыми интеллигентами, казалось, должны были заставить содрогнуться весь цивилизованный мир. Однако не только военные и промышленные главари Германии, но и многие власть имущие на Западе хранили гробовое молчание. Правдивые рассказы политических эмигрантов-антифашистов наталкивались на стойкое недоверие официальных кругов в Западной Европе и США. Их обвиняли в «тенденциозности», «преувеличениях», «недостовёрности». О горькой судьбе антифашистов, беглецов из Германии, достаточно хорошо известно из книг Анны Зегерс, Ремарка, Фейхтвангера. Лучше не напишешь!

Довольно скоро наступило время, когда и те, кто привели Гитлера к власти, заволновались. Монополисты и военные стремились к *единовластию* в стране, а получили хаос, при котором разные шайки сражались друг с другом. Кроме того, после фактического сведения на нет «нормального» буржуазного судопроизводства, после фактической отмены всех конституционных прав и законов ни один человек — отнюдь не только коммунист, социал-демократ или левый интеллигент, но и архиреакционный промышленник или прусский юнкер, барон «фон» и «цу», — не мог чувствовать себя в безопасности. Получив соответствующий «мандат», скажем, от Геринга, казалось бы обезопасив себя, он не был гарантирован от того, что Рем не вздумает поставить его к стенке.

Да и в самом карательном аппарате не было необходимого властям порядка. Став неподвластными официальным правительственным органам, карательные организации превратились, по выражению Гизевиуса, в «разбойничьи притоны».

Воспроизведем несколько соответствующих сценков.

Сценка первая. Рассказ того же Дильса о чрезвычайном происшествии в стенах подведомственного ему учреждения, то есть гестапо. К нему влетел один из его помощников и сообщил: только что звонил Небе¹ — шеф уголовной полиции — и сказал, что в его

¹ Небе до 1944 г. возглавлял уголовную полицию в РСХА. Он был одним из участников заговора 20 июля 1944 г., его пытали и повесили. Небе считался профессионалом. Восхваляя его профессиональные качества, Гизевиус в книге под названием «Где Небе?» утверждает, что в Небе нуждались буквально все функционеры Гимmlера, начиная от Гейдриха и кончая мелкими чиновниками. Поэтому якобы в многочисленных зданиях «под знаком мертвой головы и свастики» день и ночь раздавались возгласы: «Где Небе?» Разумеется, Небе не случайно оказался на столь ответственном посту. Он был махровый милитарист и реакционер. Как мы увидим далее, именно молодчики Небе помогли Гимmlеру состряпать «аферу Бломберга» и многие другие политические провокации.

отдел ворвался группенфюрер СА Эрнст и накинулся на одного из полицейских чиновников.

«Я шел по коридору огромного здания, — пишет Дильс, — и издали услышал хамский голос группенфюрера СА, кричавшего что есть мочи. Эрнст в сопровождении вооруженной свиты, которая постоянно следовала за ним, проник в служебное помещение и хлыстом избивал одного из чиновников. Когда я вошел в комнату, Эрнст орал на Небе, который пытался защитить своего подчиненного, увещевая Эрнста весьма почтительно и робко. «Я вас выпрою как собаку, — кричал в ответ Эрнст. — Я знаю все ваши уловки. Подлец, от злости вы аж пожелтели». Обращаясь ко мне, Эрнст продолжал: «Пусть этот хитрец Небе пожалуется на меня идиоту Далюге! (шеф прусской полиции. — *Авт.*) Ведь Далюге — его кровитель».

Избитый чиновник в это время спрятался в толпу других напуганных чиновников, теснившихся у дверей: их привлек сюда шум, поднятый кондотьером. Я поздравил чиновника, и он коротко объяснил, в чем состоит его «преступление»: он арестовал за шантаж одного из штурмовиков из специального подразделения Эрнста. Его рассказ беспрестанно прерывался площадной бранью — Эрнст в совершенстве владел берлинским «сленгом». Мои угрозы несколько успокоили хулигана. В конце концов он вошел ко мне в кабинет: свита, которую он пригласил театральным жестом сопровождать его, заполнила всю комнату. Я объяснил Эрнсту, что застал его на месте преступления. Нельзя терпеть такие необузданные выходы, попытки запугать представителя государственной власти.

Эрнст буквально зашелся от смеха. «Государственная власть, — орал он, — это мы!» После этого он окончательно разбушевался. Кипя от злости, он решил расправиться и со мной».

Шеф гестапо Дильс и Эрнст расстались на том, что Эрнст пообещал убить Дильса: «Пуля для тебя уже отлита!»

Сценка вторая. Небе инструктирует своего подчиненного Гизевиуса, к которому явно благоволит, — учит, как тот должен ходить по зданию, где находится тайная полиция. Оказывается, сам Небе пользуется исключительно черным ходом и, спускаясь или поднимаясь по лестнице, сжимает в кармане револьвер со взведенным курком... «Сколько раз он впадал в гнев, — пишет Гизевиус в своей книге, — из-за того, что я шел по лестнице прямо, держась за перила, — таким образом меня было хорошо видно сверху. Небе же велел мне красться по стене, стараясь миновать простреливаемые участки лестницы».

Сценка третья. «Арестовывать друг друга в гестапо было очень даже принято», — пишет Гизевиус в той же книге. И далее с эпическим спокойствием повествует об одном комиссаре полиции, ко-

торый придумал следующий трюк — он носил в кармане ордер на собственный арест, изготовленный им самим; «сей умудренный опытом блюститель порядка не сомневался, что рано или поздно его «заметут», невзирая на гестаповские чины. И в эту секунду он вытаскивает означенный ордер и объявит, будто он уже давно арестован. Эффект от его заявления, как предполагал гестаповец, продлится не менее одной-двух минут, а за это время он успеет выхватить оружие и скрыться за ближайшим углом».

Сценка четвертая. В начале ноября 1933 г. Дильса сместили за явный разбой с поста начальника гестапа и на его место посадили «старого бойца», «лучшую лошадь из конюшни Геринга», как острили в министерстве внутренних дел, некоего Пауля Хинклера. Согласно легенде, ходившей в ту пору в среде нацистов, Хинклер считался настолько глупым, что суд не стал возбуждать против него дела по обвинению в присвоении государственной собственности. Его признали «ограниченно вменяемым». Фигура эта особой роли в истории аппарата насилия не сыграла. Через 30 дней Хинклера сместили, и в гестапа опять воцарился Дильс. Однако у Хинклера не хватило ума сбежать сразу, он остался ночевать в своей служебной квартире в здании гестапа. Тем не менее, услышав среди ночи приближение бывших «соратников», он выпрыгнул из окна и помчался в ландтаг, где его признал портье — ведь он был членом ландтага от НСДАП. Но шаги послышались снова, и Хинклер в ночной сорочке побежал дальше, на сей раз он очутился в Тиргартене, где на скамейке сидели парочки. Бывший шеф гестапа стал выпрашивать у них мелкие монетки, чтобы позвонить по автомату Кубе — тогдашнему обер-президенту Берлина и Бранденбурга. В конце концов Хинклера забрали в обычный полицейский участок. И оттуда (после долгих уговоров и молений) он позвонил Герингу...

Нет, так продолжаться не могло. Анархию насилия следовало обуздать. В карательных органах навести железный порядок. Но прежде всего надо было обезглавить миллионную армию штурмовиков и «старых бойцов», которые желали воспользоваться плодами своих побед...

Описывая «ночь длинных ножей», западные историки отмечают, что «Гитлер долгое время колебался, отдавать ли ему приказ об уничтожении Рема и его штаба». Объясняют они это личными чувствами, которые связывали нацистского фюрера с Эрнстом Ремом и людьми из его окружения. Это глубоко ошибочный тезис. Гитлер просто боялся разнузданной вольницы — вооруженных до зубов формирований СА. Для нанесения решающего удара надо было выбрать подходящее время, подходящих людей (ими стали Гиммлер и Гейдрих) и подходящих союзников (ими стала верхушка генералитета).

Глава вторая

ОТ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ФЮРЕРА ДО «ИМПЕРИИ СС»

30 ИЮНЯ 1934 г. —
«НОЧЬ ДЛИННЫХ НОЖЕЙ»

Германские монополисты и военная верхушка неприязненно относились к СА. Особое раздражение вызывали разговоры и декларации Рема и его приближенных о создании «вооруженных сил народа» вместо германской армии — рейхсвера и о «второй революции», которая, мол, закончит дело, начатое фюрером, а именно лишит богачей, «анонимный капитал» (как это значилось в программе НСДАП), власти и обеспечит победу «истинного национал-социализма» в стране. Такого рода декларации были отголосками настроений той социальной среды, из которой на последнем этапе формировались отряды СА, — мелкой буржуазии, люмпенов и т. д.

В указе Гитлера от 10 марта 1933 г. содержалось предупреждение, адресованное «всем членам партии, членам СА и СС» о необходимости соблюдать дисциплину и — что весьма характерно — ни в коем случае не допускать нарушений «деловой жизни в стра-

не». Последнее явно относилось именно к штурмовикам, которые продолжали использовать антимонополистическую демагогию нацистов и в некоторых местах организовали даже разгром крупных универсальных магазинов. По поручению Гитлера руководитель «Трудового фронта» (организации, созданной взамен уничтоженных профсоюзов) Роберт Лей¹ 14 марта 1933 г. издал очередное распоряжение, согласно которому уполномоченным отрядам СА запрещалось обращаться к партийным органам с просьбами об увольнении или замене чиновников. Такое право, указывалось в распоряжении, имеют только гаулейтеры. Отряды СА (вернее, их руководство) были лишены тем самым прерогатив, касавшихся кадровой политики, прерогатив, которыми они раньше широко пользовались. Чтобы внести окончательную ясность в вопрос о статусе чиновничьего аппарата, Гитлер несколько позже издал указ, получивший название «Закон о возрождении профессионального чиновничьего сословия». Указ закрепил за органами партии нацистов право на увольнение и замену чиновничьих кадров, лишив всех прерогатив в этом деле уполномоченных СА.

В конце концов и Рем должен был включиться в кампанию, направленную на обуздание слишком ретивых уполномоченных СА. 30 мая 1933 г. было опубликовано «Распоряжение начальника штаба СА», которое заканчивалось призывом «заняться делом», то есть выполнять функции «стражей национал-социалистской революции и защитников ее завоеваний».

Однако эти весьма туманные слова никак не могли успокоить правящие классы Германии, особенно военно-промышленную и армейскую верхушку, по теперешней терминологии — «военно-промышленный комплекс». А ведь он оказал Гитлеру решающую поддержку и рассчитывал, что тот будет укреплять позиции профессиональной военщины, а не разрушать их. В отрядах СА немецкие милитаристы видели опасного конкурента, который покушался на само их существование.

Да и хаос в стране никого не устраивал. Надо было навести железный, сиречь национал-социалистский, порядок.

Оппозиция военщины была важным фактором борьбы против планов Рема и одним из решающих препятствий на пути реализации его проектов стать чуть ли не главой всего нацистского аппарата.

Желая приблизить структуру штурмовых отрядов к структуре

¹ Роберт Лей (1890—1945 гг.) — разгромил в 1933 г. все немецкие профсоюзы, игравшие большую роль в Веймарской республике. «Трудовой фронт» Лей немало сделал для порабощения немецких трудящихся, а в годы войны и для физического уничтожения иностранных рабочих и военнопленных. Лей должен был судить Международный трибунал в Нюрнберге. Но, не дожидаясь начала первого судебного заседания, он повесился в уборной в здании суда.

рейхсвера, Рем разделил свое войско на пять обер-групп (армий), 18 групп (или корпусов) и дал им централизованное руководство под названием «руководящий штаб» (соответствовал генеральному штабу армии). Полки назывались в этой армии штандартами. Во главе каждого штандарта стоял штандартенфюрер (полковник). В 1934 г. в штурмовые отряды были включены члены бывшей организации Национальной партии «Стальной шлем». Численность их составила 314 тыс. человек, так что в целом под командованием Рема оказалась почти миллионная армия. 1 декабря 1933 г. Рем был введен в кабинет Гитлера и стал министром без портфеля. Это еще больше укрепило его позиции.

К началу 1934 г. Рем настолько осмелел, что предъявил в письменном виде свои требования к армии: по его проекту функции вооруженных сил должны были выполнять отряды СА, а рейхсверу надлежало заняться допризывной подготовкой. Армейское руководство серьезно встревожилось и апеллировало к Гитлеру. 20 февраля 1934 г. Гитлер созвал совещание руководителей СА и командующих войсковыми соединениями рейхсвера. На совещании он подтвердил, что единственной армией в рейхе остается рейхсвер. Рем и Бломберг (военный министр) в знак достижения полного согласия должны были пожать на банкете друг другу руки. Как утверждают историки, Рем, выйдя из банкетного зала, не сдержал гнева и крикнул в присутствии горстки приближенных: «Учтите, то, что говорил этот дурацкий ефрейтор, для нас не имеет значения». Произнес он эти слова довольно громко, так, что его услышали и агенты Гимmlера. Эта сцена, по сути, ознаменовала начало конца карьеры Рема. Хотя, конечно, дело было не в словах, а в самой логике событий.

Дерзкое высказывание Рема было передано фюреру одним из его приближенных — бывшим старшим лейтенантом кайзеровской армии оберфюрером СА в Ганновере Виктором Лютце. Лютце решил воспользоваться услышанным, чтобы заслужить особое доверие Гитлера. Он обратился сначала к заместителю фюрера Гессу, но не нашел у того достаточной поддержки. Гесс хотел свести слова Рема к «пустой болтовне». Но Лютце на этом не успокоился. Он решил поехать прямо в Берхтесгаден, в резиденцию Гитлера. Там Лютце передал «кошунственные» слова Рема самому Гитлеру. Фюрер задумался, поблагодарил Лютце и сказал, что пока мер принимать не будет. «Надо дать созреть этому плоду», — произнес он и велел Лютце держать свои сведения в секрете.

Но о непочтительности Рема к особе фюрера узнал другой свидетель — генерал Рейхенау, который стал частым гостем в тайной полиции — гестапо. Рейхенау подружился также с Рейнхардом Гейдрихом. Он не преминул сообщить о словах Рема своему другу, и тот отреагировал как положено. Он сказал, что уже давно на-

меревается «ликвидировать всю клику руководителей, собравшихся вокруг Рема».

Началась открытая война между двумя организациями — СС и СА.

Существует огромная литература, посвященная событиям, происшедшим в ночь на 30 июня 1934 г., или, как окрестили расправу с Ремом сами нацисты, «ночь длинных ножей». Советские историки внесли свой вклад в раскрытие классовых корней противоречий между СА и представителями военщины, монополистов и части партийного аппарата нацистской партии. Однако до последнего времени осталось немало «белых пятен» в истории карательного аппарата, избранного для расправы с главарями СА. Документы и материалы, опубликованные в конце 70 — начале 80-х годов, позволяют восстановить картину действий нацистских карателей в ночь на 30 июня 1934 г. и в последующие дни. Они явно противоречат версиям, пущенным в ход представителями западногерманской историографии, желающими обелить фюрера нацистов или хотя бы завуалировать его участие в кровавой драме, разыгравшейся 30 июня. Одна из этих версий состоит в следующем: Гитлер якобы явился жертвой дезинформационной кампании, которую развернули Гиммлер и Гейдрих, дабы скомпрометировать Рема. Нацистский фюрер тем самым предстает чуть ли не в виде жертвы интриг Гиммлера и Гейдриха. Но эта легенда полностью опровергается фактами. Операция «длинных ножей» в действительности была запланирована руководством нацистской партии, и автором плана расправы со штурмовиками был лично Гитлер. Что же касается отрядов СС, то хотя они и преследовали свои собственные корыстные цели, но являлись всего лишь исполнителями замыслов фюрера и именно как исполнители выдвинулись на столь видное место в нацистском аппарате.

Кропотливые исследования, которые углубили наши знания о событиях 30 июня, и в частности исследования Эдуарда Калика, опубликованные в начале 80-х годов, привели к тому, что был разоблачен и автор легенды об «обманутом фюрере». Это некий доктор Генрих Беннеке, который с сентября по июнь 1934 г. занимал должность имперского руководителя «высшей школы» СА. В своих воспоминаниях он впервые сформулировал тезис о том, что, хотя мятежа СА в действительности не было, Гитлер искренне верил тому, что он готовился именно в те дни, причем эту мысль сумели внушить Гитлеру Гейдрих и Гиммлер.

Для оправдания этой версии был мобилизован большой материал. Историки, работавшие в архивном центре Западного Берлина (находящегося до сих пор в ведении американских оккупационных властей), использовали ворох бумаг, которые якобы были изъяты из багажа одного из руководителей СА — Эрнста — и его

адъютанта Вальтера фон Мореншильда. Согласно этим бумагам, сфабрикованным и подброшенным в багаж Эрнста агентами Гейдриха, оба эти деятеля (то есть Эрнст и Мореншильд) намеревались бежать на Запад и, договорившись с английской разведкой, создать там центр борьбы против СС и нацистского режима. Эрнст, в частности, должен был заявить, что СА не одобряет политику Гитлера. Эрнст, согласно этим фальсифицированным бумагам, намеревался якобы также разоблачить истинных организаторов поджога рейхстага, то есть Геринга и его приближенных плюс эсэсовцев, и раскрыть тайну убийства руководителя фракции Национальной партии Оберфорена нацистами. Желая придать фальшивке большее правдоподобие и теснее связать Рема с иностранной разведывательной службой, Гиммлер пустил в ход еще и другую версию: руководство СА, а именно Эрнст, было будто бы связано с французским послом в Берлине Франсуа Понсе, с которым оно согласовало план государственного переворота. Доказательством истинности этой версии должна была служить встреча Рема с Франсуа Понсе во время приема, который устроил известный банкир Шикеданс на своей вилле в Далеме (аристократический район довоенного Берлина). Агенты Гейдриха сделали так, что машина Рема, на которой он прибыл на прием, оказалась рядом с машиной Франсуа Понсе. Затем агенты сфотографировали две машины, стоявшие рядом, причем так, чтобы были видны их номерные знаки, то есть чтобы легко можно было опознать их владельцев. Этот снимок был представлен Гитлеру и послужил для него якобы вполне достаточным доказательством того, что Рем состоял в сговоре с французским послом.

Историками установлено, что в действительности никакого заговора СА против Гитлера не было, а тем более не было никаких намерений убить Гитлера, как это утверждали Гиммлер и его агенты. И, конечно, сам нацистский фюрер это прекрасно знал.

Вместе с тем у противников СА было более чем достаточно материала, чтобы приписать Рему и его приближенным намерение устроить очередную резню. Ведь мы уже знаем, что штурмовики не раз бунтовали. Кроме того, СА всегда пытались играть самостоятельную роль, противопоставить себя НСДАП, армии и «охранным отрядам».

Как и в любой фракционной борьбе, за разговорами о разногласиях по поводу методов дальнейших действий нацистской верхушки скрывались реальные интересы определенных кругов правящего класса Германии. Речь шла о борьбе за «теплые местечки», за привилегии для верхушки нацистской партии. При этом Рем выступал выразителем интересов многочисленной прослойки внутри самой нацистской партии. Чувствуя поддержку этой немалой части «партийной массы», он мог считать себя достаточно силь-

ным, чтобы бросить вызов «бюрократам и ревизионистам», которые хотели, мол, погубить дело нацистской «революции».

Но внутрифракционная борьба в условиях фашистского правления имела свою логику и должна была неминуемо привести к взрыву, вызвать лавину убийств и тайных расправ со сторонниками противостоящих друг другу мафий.

События 30 июня 1934 г. показали совершенно новые методы разрешения, казалось бы, чисто «домашних» разногласий в лагере гитлеровских преступников. Ведь штурмовые отряды были плоть от плоти нацистского режима, верными сторожевыми псами гитлеровского руководства. Тем более тяжким грехом должно было казаться «отступничество», и тем более суровым должно было стать возмездие. И здесь, следовательно, мы достаточно четко видим родство нравов нацизма с нравами мафий, бандитских шайк в буржуазных государствах.

К акции расправы со штурмовиками Гитлер и Гиммлер начали готовиться заранее, практически за два месяца до 30 июня, причем с обычным для них коварством. Дабы усыпить бдительность молодчиков СА, Гитлер принял Рема и провел с ним многочасовую беседу. По слухам, беседа была «примирительная». Фюрер, по видимому, наобещал начальнику штаба СА свою полную поддержку в борьбе с чванливыми генералами. В свою очередь Рем, чтобы снять «напряженность», отправил большую часть штурмовиков в отпуск. А сам также решил отдохнуть в курортном городишке Бад-Висзее. После встречи Гитлера с Ремом 8 июня было выпущено специальное коммюнике отдела печати руководящего штаба СА. В нем говорилось, что по совету врачей Рем берет отпуск по болезни для прохождения курса лечения в Бад-Висзее. Кончалось коммюнике вполне «успокоительными» для слуха СА словами: «Чтобы не было никаких жетолкований, сообщаем, что начальник штаба СА (Рем. — Авт.) будет исполнять свои обязанности в полном объеме».

Кроме того, как говорили в верхах, Гитлер обещал Рему еще одну встречу для окончательного улаживания «некоторых недоразумений», связанных с рейхсвером.

Итак, штурмовики (в большинстве) отправились по домам. А Рем — «лечиться».

Однако окончательное решение, если верить английскому исследователю событий Уиллеру Беннету, в распоряжении которого оказались архивы СС и гестапо, хранящиеся в Вашингтоне и в бывшем американском секторе Западного Берлина, было принято Гитлером 21 июня, за девять дней до «ночи длинных ножей». Решение состоялось после двух знаменательных выступлений, послуживших для Гитлера сигналом к тому, что пора приступать к действиям. Одно из них носило характер предупреждения по адресу

фюрера со стороны представителя правоконсервативных кругов и военщины в Германии. Мы имеем в виду речь фон Папена в Марбургском университете 17 июня 1934 г., которая содержала нарочито плохо замаскированные нападки на политику нацистского правительства и прямые призывы покончить со штурмовиками. Хотя Геббельс наложил запрет на публикацию речи в германских газетах, сведения о вызывающем выступлении фон Папена широко распространились в Берлине. Гитлер опасался, что за речью последуют прямые действия военщины и определенной части правящих кругов Германии в целом (особенно германских монополий), направленные против нацистской партии. А ведь в то время Гитлер правил еще в коалиции с Национальной партией во главе с Гугенбергом, и разрыв с поддерживавшей его на посту канцлера мощной группой мог привести к весьма тяжелым, если не катастрофическим, последствиям для режима.

Второе событие, не на шутку встревожившее Гитлера, было связано с поведением Гинденбурга, который оставался главой государства, президентом империи. Когда 21 июня Гитлер явился с визитом к Гинденбургу, его встретил не президент, а военный министр Бломберг. Он заявил, что президент встречу отменил. Президент считает, сказал Бломберг Гитлеру, что «пора покончить с «радикализмом» (имелись в виду речи Рема о «второй революции» и его претензии на руководство армией).

После всего этого Гитлер приступил к подготовке расправы над Ремом. 22 июня он позвонил в Ганновер руководителю окружной организации СА Виктору Лютце, тому самому Лютце, который доказал свою верность фюреру доносом на руководителя СА Эрнста Рема, его начальника. Гитлер сообщил Лютце, что он решил сместить Рема и назначить Лютце начальником штаба СА. 25 июня Гитлер посвятил в эти планы военного министра Бломберга. Бломберг обещал, что рейхсвер окажет необходимую поддержку действиям Гитлера. Фюрер сообщил Бломбергу и о некоторых деталях операции. Он сказал, что намерен собрать всех руководителей СА в Бад-Висзее и там арестовать их. Так он и поступил, объявив о внеочередном совещании СА.

На следующий день Гитлер назначил ответственным исполнителем акции по ликвидации лидеров СА Зеппа Дитриха, командира одного из подразделений его личной охраны, так называемого лейб-штандарта «Адольф Гитлер». В помощь головорезу Зеппу Дитриху выделили две роты лейб-штандарта¹, которые направили в Южную Баварию, где им обещали дать подкрепление из числа охранников концентрационного лагеря Дахау. Было условлено

¹ Это и было одно из первых подразделений, получивших в дальнейшем название «зондеркоманд», которые формировались для выполнения «особо секретных и важных заданий» руководства СС.

также, что оружие для проведения операции Зепп Дитрих получит от рейхсвера. Охранникам лейб-штандарта приказали соединиться с охранниками концлагеря Дахау по пути в Бад-Висзее на полустанке около Ландсберга и совместно отправиться напрямик туда, где должна была разыгаться кровавая драма, — в Бад-Висзее. Образовалась, таким образом, странная и на первый взгляд противостественная коалиция рейхсвера с отрядами СС; военная элита с ее полуфеодальными традициями, как правило, избегала в ту пору прямых связей с подозрительными, выполнявшими палаческие функции элементами из СС, она не хотела «пачкать военный мундир», свою «солдатскую честь», как ее понимали лица, принадлежавшие к германской военной касте. Альянс с Гиммлером был для представителей военщины, однако, лишь началом пути, который привел их в дальнейшем к участию во всех злодеяниях гитлеровского режима и к операциям по истреблению миллионов людей на оккупированных нацистами территориях.

О деталях участия рейхсвера в расправе над руководителями СА договорились непосредственно генерал Рейхенау с Гиммлером и Гейдрихом. Это произошло 22 июня, а 24 июня к альянсу был привлечен командующий рейхсвером генерал Фрич. Он приказал всем начальникам военных гарнизонов в Германии готовиться к подавлению путча против фюрера, который якобы планировался руководством СА. В секретном указании Фрича говорилось, что «СС на нашей стороне» и что акциям по подавлению путча следует оказывать всяческое содействие. Западногерманский историк и публицист Гейнц Хёне сухо прокомментировал сей факт в своей книге об СС: «Рейхсвер и СС объединились для проведения совместной акции против Рема».

Естественно, что в эти дни особо активно действовал аппарат СС под руководством Гиммлера — Гейдриха. 27 июня Гиммлер созвал совещание начальников округов СС и объявил для отрядов СС «мобилизационную готовность № 1». Он отдал распоряжение организовать в округах слежку за руководителями СА и докладывать ему немедленно обо всех подозрительных фактах.

20—30 июня отряды СС должны были, согласно распоряжению имперского руководства СС, сосредоточиться в казармах. Там им надлежало получить боевое оружие — винтовки и пулеметы.

Ход событий после 29 и 30 июня можно благодаря имеющимся в настоящее время документам проследить буквально по часам. И поскольку для понимания методов действий аппарата насилия в дальнейшем все происшедшее имеет особое значение, стоит остановиться на этом более подробно.

30 июня был создан определенный графарет действий. Большинство других акций проводилось по аналогичному сценарию, хотя и с иным предназначением и в иных масштабах.

Решающее совещание, на котором были определены планы всей операции и сроки отдельных ее этапов, состоялось 27 июня в Берлине. В нем участвовали Гитлер, Геринг, Гиммлер и Гейдрих. Для отвлечения внимания от действий руководства партии Гитлер решил покинуть Берлин: он направился 28 июня в Эссен под предлогом того, что обещал гаулейтеру Рурской области Тербовену присутствовать на его бракосочетании с секретаршей, служившей в геббельсовском министерстве пропаганды. Оттуда, так сказать, не выходя из-за свадебного стола, фюрер намеревался руководить «акцией». (Впоследствии торжество в доме сравнительно мало-влиятельного Тербовена получило название «кровавой свадьбы».)

Операция должна была происходить одновременно в трех центрах: в Берлине, где оставался Гиммлер, в Мюнхене, где находился штаб руководства СА, и в Бад-Висзее, куда Гитлер созвал высших руководителей СА.

В качестве сигналов к началу действий были установлены пароли: для берлинского центра пароль «бабушка умерла» (опять дешевый детектив!), а для действий в Бад-Висзее и Мюнхене — «колибри». В 15.00 28 июня Гитлер вызвал по радио Зеппа Дитриха. Он велел ему прибыть в Бад-Годесберг (около Бонна) в гостиницу «Дрезден», где была расположена его штаб-квартира. Зепп Дитрих прибыл туда в 20.00. В это время в штаб-квартире шло совещание 15 приближенных фюрера, посвященных в его планы и прибывших туда по специальному вызову фюрера. Среди них были Геббельс, Лютце, адъютанты фюрера Броннер, Шуб и Шрекк. Гитлер в присутствии этих лиц приказал Зеппу Дитриху отправиться в Мюнхен, обосноваться в Коричневом доме и отсюда позвонить, чтобы получить дальнейшие инструкции. Звонок последовал уже около полуночи. На сей раз Гитлер велел Дитриху отправиться на полустанок Кауферин, где его будут ждать выделенные для расправы с Ремом две роты из лейб-штандарта «Адольф Гитлер». Гиммлер в это время находился в Берлине и от туда сообщил Гитлеру по телефону, что «все приготовления СА к путчу закончены и что на 17.00 на завтра назначен государственный переворот»¹. То была явная дезинформация, но именно ее — это и был истинный пароль будущей резни — ожидал нацистский фюрер. Поговорив с Гиммлером, Гитлер на самолете отправился в Мюнхен. Прибыв в город, он поехал в баварское министерство внутренних дел. Было 4 часа утра. Гитлер велел разбудить местного обергруппенфюрера СА Шмида, а когда растерявшийся обергруппенфюрер предстал перед фюрером, Гитлер безо всяких объяснений набросился на него, сорвал погоны и объявил арестован-

¹ Интересно, что потом в спешке забыли обнародовать этот важнейший «документ» для оправдания последовавших кровавых событий.

ным. Началась облава на мюнхенское руководство СА, которое считалось одной из главных опор Рема. Вместе со Шмидом был арестован глава баварских отрядов СА обергруппенфюрер СА Шнейдхубер и несколько других баварских руководителей штурмовых отрядов. Арестованных препроводили в следственную тюрьму в Мюнхене — Штадельхейм. Лишь после этого — опять-таки на самолете — Гитлер отправился в Бад-Висзее, где спали после бурно проведенной ночи Рем и его приближенные в местном пансионе вдовы Ханзельбауэр. Было 6.30 утра 30 июня 1934 г. Владелица пансиона открыла дверь после настойчивого громкого стука. Мимо нее пробежал Гитлер, за ним другие участники «ночи длинных ножей». Фюрер остановился перед дверью комнаты Рема, а когда в ответ на стук дверь раскрылась, Гитлер набросился на Рема, назвал его предателем, разразился градом ругательств. На губах у него выступила пена. Фюрер велел Рему одеться, а в его комнате оставил двух охранников. Затем он направился в комнату напротив, где ночевал один из главных приближенных Рема, Хейнес, и его «мальчик». Гитлер объявил Хейнеса также арестованным, и его вместе с другими фюрерами СА, находившимися в пансионе, отправили в тюрьму Штадельхейм. «Мальчиков» заперли в подвал, потом их без лишнего шума ликвидировали.

Неожиданно во время расправы к пансиону прибыли на грузовике штурмовики из охраны Рема, но фюрер не растерялся, он громко отдал команду руководителю охраны вернуться в казармы, откуда они прибыли. Штурмовики послушались Гитлера, они оказались совершенно неподготовленными к происходящим событиям.

В 10 часов утра все было кончено. Гитлер вновь отправился в Мюнхен и оттуда позвонил Герингу, который должен был по паролю «колибри» начать расправу со штурмовиками в столице коричневого рейха. После этого вступили в игру Гиммлер и Гейдрих, началась охота на штурмовиков. За «ночью длинных ножей» последовало несколько дней расправ с десятками штурмовиков, а заодно и с другими «оппозиционерами», которые значились в списках лиц, подлежащих ликвидации. Гитлер, Гиммлер и К⁰ бесчинствовали трое суток.

Кстати, списков лиц, подлежащих уничтожению, оказалось несколько. Главным был список, составленный Гиммлером. Был и список Геринга, и списки некоторых местных руководителей СС.

Во всех этих списках фигурировал Карл Эрнст, обергруппенфюрер СА, командир штурмовиков в Берлине-Бранденбурге. В ликвидации Эрнста был заинтересован, в частности, Геринг: Эрнст был замешан в операции по поджогу рейхстага и вообще «слишком много знал».

Накануне событий 30 июня Эрнст намеревался вместе с женой

отправиться на остров Мадейру — провести там отпуск. Первоначально отплытие парохода из Бремена намечалось на 20 июня 1934 г., но по техническим причинам его отложили на 10 дней, что оказалось для Эрнста роковым. Обергруппенфюрер уже давно чувствовал, что над СА нависла смертельная опасность. В апреле 1934 г. он сказал одному из своих доверенных лиц: «Надо вовремя смыться из Германии», ибо «Гейдрих задумал «марш смерти» против СА».

Но «смыться» Эрнсту не удалось: его арестовали 30 июня в Бремене в гостиничном номере, где он ждал отплытия. Эрнст пытался воспротивиться аресту, ссылаясь на свой иммунитет как член рейхстага. Это его заявление было встречено громким смехом. Обергруппенфюрера сразу же переправили самолетом в Берлин, а с аэродрома в казарму в Лихтерфельде. Там его и расстреляли.

Эсэсовцы, видевшие Карла Эрнста спускавшимся по трапу на берлинском аэродроме, очень удивились. Дело в том, что во всех газетах было напечатано, что Эрнста накануне казнили как опасного заговорщика.

Думается, не надо пояснять, что о своем удивлении эти эсэсовцы рассказали только после войны. В те дни 1934 г. граждане «третьего рейха» держали язык за зубами.

Нельзя не привести еще несколько эпизодов, касавшихся событий 30 июня, ибо они как нельзя лучше характеризуют поспешность и беспардонность действий отрядов палачей из команды Зеппа Дитриха.

Так, в списках была фамилия мюнхенского врача Людвиг Шмитта, сотрудничавшего с Отто Штрассером, братом Грегора, второго человека в НСДАП до 1933 г., организатора «Черного фронта». В погоне за этим человеком отряд палачей натолкнулся на персонажа с похожей фамилией — музыкального критика Вильгельма-Людвига Шмида. Жил он совсем в другом месте, фамилия также была другая (Шмид, а не Шмитт), но все это впопыхах ускользнуло от внимания убийц. Они схватили музыкального критика и отправили в концлагерь Дахау, где и убили. Родственникам послали гроб со строжайшим предписанием не открывать крышку. Так погиб в эту «немецкую Варфоломеевскую ночь» (как потом пышно окрестил Герман Геринг события 30 июня 1934 г.) доктор Шмид.

При драматических обстоятельствах были уничтожены и другие люди, которые никакого отношения к предполагаемому путчу и вообще к СА не имели. Для расправы над рядом лиц, неугодных по каким-то причинам фюреру и некоторым другим режиссерам резни, учиненной 30 июня, Гиммлер выделил отряд лейб-штандарта под руководством другого эсэсовца — гауптштурмфюрера Курта Гильдиша. Приказ о выполнении этих «особо ответственных поручений» отдал Гильдишу Гейдрих. Речь шла, в частности,

о ликвидации одного из лидеров объединения католиков — доктора Эриха Клаузенера. «Вам поручается, — сказал Гейдрих Гильдишу, — руководить акцией «Клаузенер». Вы лично должны его застрелить». — «Яволь!» («Так точно!» — *Авт.*), — ответил Гильдиш, щелкнув каблуками. Гильдиш нимало не смутился, хотя хорошо знал, какое важное место в иерархии рейха занимал Клаузенер: он был министриал-директором в имперском министерстве путей сообщения и бывшим руководителем отдела полиции в прусском министерстве внутренних дел, к тому же Клаузенер являлся видным деятелем католической церкви, известным и уважаемым в консервативных и религиозных кругах человеком.

По дороге в министерство путей сообщения Гильдиш продумал план действий. Кроме служебного парабеллума у него в кармане лежал маленький маузер — из этого маузера «незаметно» и внезапно для жертвы Гильдиш и решил убить Клаузенера.

В 13.00 Клаузенер появился на пороге своего служебного кабинета. Ему навстречу направился Гильдиш и громко объявил, что Клаузенер арестован как «враг нации». Когда Клаузенер отошел к шкафу, чтобы надеть пиджак, Гильдиш выстрелил из своего маленького маузера: он выпустил три пули, целясь в голову Клаузенера. Министриал-директор упал замертво. Тут же Гильдиш набрал номер Гейдриха и отрапортовал об исполнении задания. Естественно высоким, писклявым голосом руководитель СД из своего кабинета на Принц Альбрехтштрассе отдал новую команду: Гильдиш должен был имитировать самоубийство Клаузенера. Убийца просто оставил свой маузер рядом с трупом и покинул здание.

Жертвами из лагеря «не штурмовиков» стали также генерал Шлейхер и генерал-майор Фридрих фон Бредов, адъютант генерала Шлейхера.

Казалось бы, расправа над Шлейхером требовала особо тщательной подготовки. Шутка ли сказать: Шлейхер был министром обороны во времена революционных событий в Берлине в 1918 г. и сыграл важнейшую роль в их подавлении, а также в выдвижении кандидатуры Гинденбурга на пост президента. В течение долгих лет он считался его фаворитом. Наконец, общеизвестна роль Шлейхера в подготовке прихода Гитлера к власти и его «заслуги» в поддержке нацистского переворота, закрепившего владычество нацистов. Мы уже не говорим о том, что еще совсем недавно Шлейхер занимал канцлерское кресло(!).

Тем не менее и это убийство было проведено с той же лихостью. Эсэсовская команда окружила дом в Бабельсберге на Гриндницштрассе, где проживал генерал. Двое из команды направились в дом. Открыла дверь кухарка. Шлейхер находился в кабинете. Войдя туда, убийцы осведомились прямо у генерала, он ли генерал

Шлейхер. Когда тот ответил утвердительно, убийцы открыли стрельбу¹. Прибежала жена генерала. Не задумываясь ни на секунду, эсэсовцы застрелили и ее. Правда, убийство жены Шлейхера было, так сказать, «незапланированным». В этом особенно усердно клялся Герман Геринг на Нюрнбергском процессе. Фюрер, однако, полностью одобрил действия эсэсовцев. Лишняя жертва, пусть даже женщина, его отнюдь не смущала. Расправа с «попутчиками», некогда поддерживавшими Гитлера и ставшими «лишними» и даже опасными для выполнения дальнейших планов нацистов, продолжалась. Заодно были ликвидированы десятки людей, которые по тем или иным причинам стали или могли стать поперек дороги Гитлеру и его приближенным. Одновременно было сведено немало чисто личных счетов эсэсовских вельмож со своими соперниками или просто не приглянувшимися им личностями. Бандиты есть бандиты.

«Ночь длинных ножей» имела для режима фюрера и особенно для его аппарата насилия глубокие последствия.

Главный итог событий 30 июня заключался в перераспределении функций в нацистском террористическом аппарате, в существенно изменившейся роли СС и их рейхсфюрера — Гимmlера, хотя вначале это еще многие не поняли. Именно Гимmlер и Гейдрих стали главными победителями в битвах, которые разыгрались внутри «частной армии» Гитлера. СС стала самостоятельной организацией, главным проводником массового террора в Германии и на оккупированных территориях. В ее составе впоследствии выделились части «Мертвая голова» (для охраны концлагерей и расправы над узниками), войска СС и служба безопасности СД (главный орган разведки и контрразведки). Штурмовые отряды СА были окончательно превращены во вспомогательную полицию нацистской партии, им были переданы также функции допризывной подготовки.

Беспорядочная резня в дальнейшем преподносилась многими «очевидцами», а с их легкой руки и некоторыми буржуазными историками как образец великолепно организованной операции. В частности, Гизевиус, ссылаясь на слова Курта Далюге, пишет в своих мемуарах: «Говорят, что сегодня (то есть 30 июня 1934 г. — Авт.) все было беспардонным, мыслил в иных категориях, нежели Гитлер. Впоследствии мы увидим это на примере Чемберлена, Даладье да и многих других западных политических деятелей.

¹ Существуют неопровержимые доказательства того, что Шлейхера предупредили: его жизни угрожает опасность. Безусловно, у него была возможность эмигрировать. Но хитрая лиса, прожженный политикан Шлейхер просто не мог уразуметь, что его так легко прикончить. Он, подобно другим буржуазным политикам, даже самым беспардонным, мыслит в иных категориях, нежели Гитлер. Впоследствии мы увидим это на примере Чемберлена, Даладье да и многих других западных политических деятелей.

№ 6, 9, 17, 33, 45 — арестованы, № 18 — исчез, № 28 — в дороге, одним словом, номер, номер, номер... Хейнес перед расстрелом, как рассказывают, расплакался, а застигнутый врасплох Рем вообще не смог сообразить, что происходит...»

ГЕНРИХ ГИММЛЕР — «УБИЙЦА ЗА ПИСЬМЕННЫМ СТОЛОМ»

О Генрихе Гиммлере и его «команде» существует на Западе куда меньше трудов, нежели обо всех других главарях нацистского рейха. И все-таки книг о всемогущем рейхсфюрере СС набирается порядочно. Биографы Гиммлера, в отличие от биографов Гитлера, не пытаются наделить его ни сверхъестественными гипнотическими чарами, ни окружить ореолом величия, ни рассказать о его «харизме» — даре богов, который будто бы делал фюрера неотразимым для тогдашних западных политиков, дипломатов и... красавиц.

И если бы мы поверили этим историкам и «очевидцам» и попытались сделать то, что в криминалистике называется «словесным портретом», то есть то, что за неимением фотографий должно помочь розыску и поимке беглых преступников, то получили бы некий усредненный образ немецкого бюргера 20, 30 и 40-х годов.

В «третьем рейхе» ходило множество анекдотов-легенд, «подтверждавших» неприметность, бесцветность и... безобидность Гиммлера. И по сию пору они кочуют из одного исследования об «империи СС» в другое. Наиболее распространена легенда о том, что главный палач коричневого рейха боялся крови и вообще был на редкость чувствительный господин. Известно также, что в окружении Гиммлера многие наделялись уменьшительными, ласковыми прозвищами. Эсэсовского генерала Вольфа, адъютанта рейхсфюрера СС, звали Вольфхен (Волчонок), метрессу Гиммлера — Хезхен (Зайчонок).

Существуют также «бродячие сюжеты» о мелочности Гиммлера. В 15 лет он подсчитывал, в какую сумму обойдется мох для рождественских ясель (эту игрушку — символ в семье Гиммлеров — ставили под елку). Уже будучи в зените «славы», он якобы долго размышлял, купить ли ему часы за 150 марок.

Наконец, весьма живучими оказались рассказы о «чудачествах» Гиммлера. В частности, рассказывалось, как Гитлер журил Гиммлера за его страсть к черепкам, выкопанным нацистскими археологами. Дескать, зачем выставлять битые кувшины «арийских предков», ведь в то время греки уже давно построили Парфенон.

В общем, если бы мы стали перечислять «трогательно»-юмористические истории о Гиммлере, величайшем преступнике гит-

леровской Германии, которые имеют хождение на Западе до сих пор, нам пришлось бы написать целый фолиант. Но надобности в этом нет. И так ясно, что «словесный портрет» рейхсфюрера СС очень далек от истинного.

Каков же был Гиммлер на самом деле? Сошлемся опять же на западных историков.

Внешность. На редкость заурядная. Неарийская. *Происхождение.* Вполне респектабельное. *Биография.* Весьма обыденная (конечно, до 1933 г.). *Характер.* Скромный, тихий, бесцветный, вялый. Рабски послушный, исполнительный чиновник. А главное, бесконечно предан всем начальникам, особенно «обожаемому» фюреру.

Внешность Генриха Гиммлера установить нетрудно. Сохранились тысячи его фотографий. Вот что пишет французский историк Жак Деларю:

«У Кальтенбруннера и Гейдриха лица убийц, у Гиммлера напротив — гладкое, до ужаса банальное лицо».

А вот как описывает рейхсфюрера СС генерал Доренбергер, руководивший созданием ракет Фау-1 и Фау-2.

«При всем желании я не мог разглядеть в этом человеке в эсэсовском мундире ничего выдающегося или приметного, он был среднего роста, довольно стройный. Из-под не очень высокого лба смотрели серо-голубые глаза, прикрытые блестящими стеклами пенсне. Ухоженные усики под прямым... носом выделялись на этом болезненно-бледном лице темной чертой. Губы были бескровные и очень тонкие. Удивлял меня, пожалуй, только почти незаметный подбородок. Кожа на шее была дряблая, морщинистая. В уголках губ постоянно таилась улыбка, слегка насмешливая, порой даже презрительная... Его тонкие, бледные, женственно-нежные руки, покрытые голубоватой сетью прожилок, неподвижно лежали на столе».

Приведем еще одно высказывание, принадлежавшее Альфреду Розенбергу, который, как известно, был не только «теоретиком» расового превосходства немцев, но и сугубым «практиком», грабя «восточные территории» и загоняя людей в гетто и концлагеря. И вот этот-то Розенберг, отнюдь не робкий мальчик, а преступник, повешенный в Нюрнберге, признался, глядя на фото Гиммлера: «Я никогда не мог смотреть в глаза Генриху Гиммлеру. Правда, его глаза были спрятаны за стеклами очков. Но сейчас, когда они, застывшие, уставились на меня с фотографии, мне кажется, что я вижу в них одно: коварство».

Очень плохо внешность Гиммлера вязалась с «нормальной» арийской внешностью «белокурой бестии», которая, как считал рейхсфюрер СС, должна отличать «элитных» молодчиков в эсэсовских отрядах. По словам известного западногерманского историка Хайбера, «Генрих Гиммлер представлял собой карикатуру на собственные законы, нормы, идеалы».

Интересен рассказ начальника СД Шелленберга о его первой встрече с Гиммлером. Шелленберг описывает не столько внешность своего шефа, сколько манеры, повадки.

«На второй день (пребывания на Принц Альбрехтштрассе. — *Авт.*), — пишет Шелленберг в своих «Записках», — меня позвали к Гиммлеру на доклад. В первый раз я по долгу службы столкнулся с ним. Я слегка нервничал, был в замешательстве.

Что всегда вначале сбивало меня с толку — это блеск его пенсне. Из-за стекла лицо Гиммлера казалось почти уродливым. Пока я говорил, черты его лица оставались неподвижными. Он лишь несколько раз стукнул карандашом по столу. Мне почудилось, что я сижу перед гимназическим учителем, который с бюрократической точностью оценивает заданный мне урок и с удовольствием бы поставил за каждое мое замечание отметку в свой блокнот. Как я узнал позже, он и впрямь ставил людям своего рода отметки. Правда, не сообщал их, для этого у него был Вольфхен (генерал СС Вольф. — *Авт.*). Иногда, когда дело приобретало неприятный оборот, Гиммлер мог стать довольно-таки грубым. Однако, чтобы напрасно не трепать себе нервы, он обычно поручал такие беседы другим. Благодаря этому он мог в некоторых случаях вылезти из щекотливых ситуаций, ссылаясь на то, что его неправильно поняли. Этот запасный выход он держал открытым не только, когда речь шла о личных отношениях, но и при важных политических решениях».

Итак, «гимназический учитель» с заурядной внешностью, скрывавший пронзительный взгляд за стеклами пенсне. Невыносимый педант. И в то же время чрезвычайно уклончивый начальник, о чем рассказывали и Шелленберг, и другие подчиненные Гиммлера.

Французский историк Деларю пишет:

«Его подчиненные позже скажут: он никогда не хвалил и не порицал. Его указания в большинстве случаев звучали неясно».

Некоторые биографы Гиммлера не без основания подметили, что эдакая уклончивость позволяла главе СС в критические моменты уходить от ответственности, сваливая вину на других. Ведь прямых приказов — тем более письменных — Гиммлер не давал. Ясных резолюций на документах он, как правило, тоже не накладывал. Этот «работяга» (Гиммлер трудился с восьми утра до двух ночи), читая соответствующие бумаги (чудовищные!), делал заметки на полях тусклыми зелеными чернилами. «С педантичной основательностью, — пишет Деларю, — он отмечал каждый прошедший через его руки документ буквами «чит.» (то есть «читал»), числом и своими инициалами: «Г. Г.».

Полная противоположность Герингу, который изукрашивал все бумаги, попадавшие к нему, размашистыми надписями яркочерным карандашом.

Итак, внешность и манеры Гиммлера нам ясны. Кстати, он такой и на портретах. Ретушь придает ему особое благообразие и стандартно-слащавое выражение лица.

Переходим к пункту второму и третьему: к происхождению и биографии рейхсфюрера СС. Здесь на первый взгляд все кажется ясным: ведь играют роль не субъективные оценки, а объективные факты. Однако мы увидим, что на самом деле все очень даже не просто.

Гиммлери и его присным было легче легкого фальсифицировать свои биографии: кое-что опустить, кое-что подправить. Фактически власть полицейских в черных мундирах на протяжении 12 лет была безгранична, а нежелательных свидетелей нацисты всегда ликвидировали. Если они так исказили историю своего «движения», историю СА и СС, равно как и биографии хулиганов и убийц из штурмовых отрядов, превратив эти биографии в «жития святых», то почему бы им было не подделать собственные «жизнеописания»? Так, западные исследователи до сих пор не в состоянии распутать биографию Гейдриха. В ней осталось несколько «белых пятен». В «истории» Гиммлера таковых «белых пятен», казалось бы, нет. Но поручиться за это тоже нельзя.

Родился Гиммлер в 1900 г. в Мюнхене. Отец его был учителем гимназии, имел чин тайного советника и назывался обер-штудиен-директором, некоторое время он воспитывал принца из Виттельсбахского дома. Генриха называли в честь главы рода — Генриха Виттельсбахского, который стал крестным отцом будущего нацистского чудовища¹. Мать Гиммлера происходила из семьи торговца овощами. У Гиммлера было еще два брата: старший Гербхард и младший Эрнст.

По понятиям того времени строгая католическая семья Гиммлеров была вполне нормальной семьей буржуа средней руки. А в провинциальном Ландхуте, где она прожила с 1913 по 1919 г., очевидно, даже уважаемой. Гиммлер мечтал стать офицером. Но мешала близорукость. Папаша Гиммлер писал: «Мой сын Генрих имеет настоятельное желание стать пехотным офицером, это его призвание». В конце 1919 г. Гиммлера наконец призвали в кайзеровскую армию, и он стал юнкером. Но тут... война кончилась. В том же году Гиммлер вступил во «фрейкор», мечтая подавить последний оплот революции в 1919 г. — Баварскую Советскую республику. Однако опять опоздал. Мюнхен залили кровью и без него. После этого Гиммлер начинает учиться на агронома. Поступает на соответствующий факультет мюнхенской высшей школы, а главное, записывается в реакционную студенческую корпорацию, по кодек-

¹ По утверждению Шелленберга, крестным отцом Генриха Гиммлера был епископ Бамбергский.

су которой надлежало пить пиво и сражаться на дуэлях. Но католическая церковь запрещала дуэли, а больной желудок молодого Гимmlера не переносил пива. По утверждению историков, Гимmlер в то время был самым обычным молодым буржуазным болваном — любителем танцев, «умеренным антисемитом, ярким шовинистом и милитаристом». Однако в 1923 г. он не только вступает в организацию «Рейхскригсфлагге», но и под предводительством Рема участвует в пресловутом путче 1923 г., давшем Гитлеру «путевку в жизнь». Гимmlер несет флаг. А это уже факт весьма примечательный — дети из чиновничьих семей, стремящиеся разбогатеть, не так уж охотно примыкали к темным проходимцам и неотесанным буянам, группировавшимся вокруг Рема и Гитлера. Однако Гимmlера, что называется, понесло. Вопреки совету отца, который не рекомендовал ему заниматься политикой, он ею занялся. По-видимому, в 1922 г. Гимmlер все же получил диплом агронома и год проработал в фирме искусственных удобрений близ Мюнхена, но потом очутился на улице, хотел даже эмигрировать не то в Турцию, не то в Перу. Первая «политическая должность» Гимmlера привела его к Грегору Штрассеру, он стал его секретарем и целыми днями гонял на мотоцикле — агитировал за НСДАП. В августе 1923 г. вступил в нацистскую партию, получив билет за № 14 303 ¹. До 1928 г. Гимmlер был не очень крупным партийным функционером под эгидой Штрассера. Грегор Штрассер не раз отмечал его исполнительность и преданность: «Хейни (Генрих) все сделает».

В 1925 г. Гимmlер познакомился с Вальтером Дарре, который помог сформироваться его взглядам — дикой смеси социал-дарвинизма с плохо переваренными знаниями касательно выведения породистого скота. Вальтер Дарре вовлек Гимmlера в организацию «артаманов» ², насчитывавшую 2 тыс. членов. Среди них был Рудольф Хёсс ³ (впоследствии комендант концлагеря Освенцим) и многие другие будущие эсэсовцы. Чисто расистская программа «артаманов» заключалась в том, чтобы «вытеснить» славян из Восточной Германии и заселить «освободившиеся» территории сто-

¹ Сколько на самом деле было в ту пору членов НСДАП, сказать невозможно: нацисты жульничали вовсю.

² Слово «артаманы» означало на древневерхненемецком: «те, которые защищают страну». «Союз Артам» был основан в 1924 г. Танцманом и Кютце в Саксонии и Средней Германии с центром в Галле. Конкретная задача союза заключалась в том, чтобы подыскивать работу для безработной молодежи в деревне. С самого начала это была реакционная организация, тесно связанная с нацистами.

³ Во избежание путаницы с главным военным преступником нацистским политиком Рудольфом Гессом мы пишем коменданта Освенцима в такой транскрипции — Хёсс.

процентными «арийцами». Ненависть к славянским народам про­низывала все «учение» Дарре о «крови и почве».

После 1933 г. мировоззренческая мешанина, засевшая в голо­вах Гиммлера — Дарре, стала догмой для армий эсэсовцев и осно­вой для уничтожения миллионов людей — от «неполноценных» и больных в самой Германии («программа эвтаназии») до целых народов на временно оккупированных нацистами территориях.

В конце 20-х годов Гиммлер поменял хозяина: от Грегора Штрассера перешел к Рему, которому были подчинены и «охран­ные отряды», лейб-гвардия Гитлера. Как уже говорилось выше, Гиммлер стал четвертым шефом СС.

Произошли перемены и в личной жизни Гиммлера: в 1926 г. он женился на дочери помещика из Западной Пруссии Маргарет Бо­ден, которая была на восемь лет старше его и имела частную клини­ку в Берлине. Под влиянием проповедей молодого супруга, ут­верждавшего, что только в сельской местности, вдали от «асфаль­та» больших городов могут жить настоящие немецкие мужчины («становой хребет немецкой родины и немецкого духа») и настоя­щие немецкие женщины («жизнерадостные, не знающие болезней, целомудренные, будущие матери»), Маргарет продала клинику, и Гиммлеры купили небольшое поместье, где основали, как мы сказали бы сейчас, птицеферму — они разводили кур. На первых порах у них было 50 несушек. Но опыт приобщения к земле прова­лился. Гиммлеры прогорели, куры несли не более двух яиц в день.

Итак, с конца 20-х годов ничто не мешало Гиммлеру целиком погрузиться в то, что в НСДАП именовали «политикой», иными словами, в трясину интриг, подсиживания, кровавых провока­ций. Впрочем, тогда у Гиммлера было ненамного больше эсэсов­цев, нежели несушек,— всего 280.

Лишь французский историк Андрэ Гербе в книге «Гиммлер и его преступления» нашел в биографии рейхсфюрера СС некую забытую, но весьма «яркую» страницу. Версию Гербе пересказал другой французский историк, уже упоминавшийся нами Жак Де­ларю. Цитируем Деларю:

«...Молодой Гиммлер вскоре после окончания первой мировой войны вступил в конфликт с полицией и с законом. Согласно Гер­бе, он жил в 1919 г. с проституткой Фридой Вагнер, 1893 г. рожде­ния, иными словами, на семь лет старше его, в пользовавшихся дурной славой меблирашках в районе Моабита. В протоколе, со­ставленном Францем Штирманом, полицейским 456-го участка, от 2 апреля 1919 г. говорилось, что соседи этой парочки жалова­лись на постоянные ссоры и драки. Молодой Гиммлер — так зна­чилось в протоколе — жил за счет Вагнер. Частично он сам при­знал это обстоятельство. В начале 1920 г. Гиммлер внезапно исчез. И это выяснилось как раз тогда, когда Фрида Вагнер была обнару­

жена убитой. Полиция объявила розыск, Гимmlера арестовали в Мюнхене, привезли в Берлин, и 8 сентября он предстал перед судом по подозрению в убийстве... Суд оправдал его из-за недостатка улик».

Оба французских историка рассказывают далее о знакомстве Гимmlера с сутенером, также сыном родителей-буржуа, который в свою очередь «сошел с круга», стал деклассированным элементом. Имя этого сутенера, равно как и имя Гимmlера, неразрывно связано с историей германского фашизма. Сутенера звали Хорст Вессель. Он вступил в СА и в НСДАП и сочинил стих на мотив старой матросской песни. Хорст Вессель погиб в пьяной драке в 1930 г. После 1933 г. его стих стал гимном германских фашистов. А Хорста Весселя нацистская пропаганда превратила в героя и мученика номер один.

Книга Гербе опубликована в Париже в 1946 г., книга Деларю — в 1964 г. По-видимому, французские историки пересказали версию немецких эмигрантов (тогда еще были живы люди, знавшие Гимmlера в 20-х годах).

Впрочем, даже отбросив пикантный эпизод с Фридой Вагнер, мы видим в биографии Гимmlера нечто не совсем обычное для рядового бюргера тех лет, а именно вступление во «фрейкор» и в «Рейхскригсфлагге». Через «фрейкоры» прошли буквально все крупные штурмовики, эсэсовские бандиты и разведчики — от Рема и главы военной разведки Канариса до Гейдриха.

От «фрейкора» и «Рейхскригсфлагге» был один шаг до НСДАП и штурмовых отрядов. И Гимmlер этот шаг сделал, а в дальнейшем он боролся за власть и влияние в СА и гитлеровской партии.

Таковы наиболее распространенные описания биографии Генриха Гимmlера до того, как он вышел на политическую авансцену в нацистской Германии.

Однако западные историки и публицисты отдали дань и характеристике Гимmlера как личности, отметив в основном его усердие, бюрократическое рвение, а главное, преданность всем начальникам, особенно фюреру. Читать об этом по меньшей мере странно!

Вся карьера Гимmlера — цепь малых и больших предательств. Он поистине был предателем по натуре. И первой он предал католическую церковь. В 1922 г. Гимmlер писал: «Что бы ни случилось, я всегда буду любить бога, молиться ему и буду верен католической церкви». А через 10 лет он говорил вслух, что «жаждет повесить папу в тиаре и в полном облачении на площади Святого Петра». В своем антицерковном, антикатолическом рвении Гимmlер зашел так далеко, что фюреру постоянно приходилось его одергивать. Так, Гитлер отверг план Гимmlера ликвидировать христиан-

ство и вместо него воскресить древнегерманский культ Вотана и Тора.

Гиммлеру не удалось повесить папу Пия XII, который, кстати, совсем неплохо уживался с нацистами. Зато с другими своими кумирами он разделался беспощадно.

Именно Гиммлер был одним из главных инициаторов и организаторов «ночи длинных ножей». Конечно, руководил всей операцией сам Гитлер. Но сценарий был разработан в недрах СС. И согласно этому сценарию, были уничтожены Грегор Штрассер — первый хозяин Генриха Гиммлера — и его второй непосредственный хозяин — Эрнст Рем. Причем, по-видимому, как раз Рем считал Гиммлера абсолютно безобидным чиновником и своим верным паладином — иначе он не позволил бы этому «бесцветному школьному учителю» организовывать у себя под носом «охранные отряды», те самые отряды СС, без которых нельзя было бы за три дня разделаться с верхушкой СА и парализовать более чем трех с половиной миллионную армию коричневорубашечников. Рем опасался и Геринга, и Геббельса, боялся, разумеется, Гитлера, боялся надменных генералов, всех этих «резиновых львов» типа военного министра Бломберга. А вот на Гиммлера он вовсе не обращал внимания.

Но быть может, всю любовь и беззаветную преданность, на какую был способен Гиммлер, он отдал своему фюреру Адольфу Гитлеру?

Ничего подобного. Современными западными историками собран большой материал, свидетельствующий о том, что исподволь Гиммлер наблюдал и за Гитлером, имел на него досье, собирал компрометирующие материалы, знал о планах заговорщиков, направленных на ликвидацию фюрера, в душе благословлял их и вообще под конец спал и видел, как бы убрать Адольфа и заключить сепаратный мир с Западом.

Вернер Мазер, историк из ФРГ, апологет Гитлера, пишет: «Гиммлер, который целеустремленно укреплял свои позиции, уже давно завел секретное «досье фюрера»... он думал, что когда-нибудь сумеет его использовать», «позже он так и сделал, планируя договориться с западными союзниками и выступить в качестве их партнера в войне против СССР». Прежде всего, по словам Мазера, Гиммлер дал указание гестапо «провести расследование о происхождении Гитлера». Ищейки рейхсфюрера СС отправились в Брауншвейг на Инне, где рылись в церковных книгах¹.

Таким образом, возник документ с грифом «секретно». Из мемуаров Феликса Керстена, лейб-врача Гиммлера, известно, что

¹ Ничего особо увлекательного ищейки Гиммлера там не обнаружили, если не считать того факта, что Адольф Гитлер был плодом инцеста — его родители находились в очень близком, кровном родстве.

Гиммлер муссировал версию о том, что Гитлер заразился сифилисом от проститутки в Вене и страдал от прогрессирующего паралича.

Действительно, Керстен утверждал, что в 1942 г. он узнал от Гиммлера, будто тот имеет двадцатистраничное досье, которое доказывало: Гитлер болел сифилисом и ему угрожал прогрессирующий паралич. Но предоставим слово опять Мазеру: «Генрих Гиммлер с недоверием наблюдает за Гитлером. Он давно знает, что фюрер — больной человек. Самое позднее, с весны 1941 г. он зондирует почву... через посредников в Швейцарии, как будет реагировать Англия на предложение о компромиссном мире, если не Адольф Гитлер, а он, Генрих Гиммлер, будет ее партнером». «...Гитлер дает Гиммлеру еще большие полномочия, но сам он (Гиммлер. — Авт.) видит, что его страхи и выводы подтверждаются. Когда шеф СД Шелленберг, особо доверенное ему лицо, предлагает Гиммлеру сместить Гитлера, сесть на его место и заключить сепаратный мир, тот только притворяется потрясенным. Он давно не верит, что больной фюрер добьется победы».

Мазеру вторит Иохим Фест в книге «Гитлер». «С 1943 г., — пишет он, — на периферии сопротивления (речь идет о сопротивлении верхов. — Авт.) появился не кто иной, как Генрих Гиммлер. Он имел медицинскую экспертизу, в которой состояние Гитлера характеризовалось как болезненное». Вальтер Шелленберг вел зондаж через испанских, швейцарских и американских посредников насчет сепаратного мира без Гитлера или вопреки ему. Далее Фест сообщает, что 26 августа 1943 г. произошла встреча между бывшим прусским министром финансов Попитцем, участвовавшим в заговоре, и Гиммлером. «Канарис тоже хотел наладить контакты с Гиммлером, но молодые офицеры выступили против этого». «Одновременно Гиммлер сказал Канарису: он (Гиммлер) точно знает, что вермахт готовит мятеж и в подходящий момент ударит»¹.

Одним словом, очевидно, что Гиммлер был «предан» Гитлеру лишь до той поры, пока фюрер побеждал. Как только он почувствовал, что «тысячелетний рейх» затрещал, он сделал буквально все, дабы спасти свою шкуру за счет «обожаемого вождя». Отметим далеко не «нибелунговский конец» рейхсфюрера СС (так охарактеризовал смерть «крысы» Гиммлера, разгрызшего ампулу с ядом, кто-то из западных историков!).

Не выдерживает критики и сказка о «бескорыстии» служаки Гиммлера, которая также на все лады варьируется в западной

¹ Интересно, что, несмотря на тотальную слежку и полную неспособность офицеров-заговорщиков соблюдать правила конспирации, Гиммлер на протяжении нескольких лет ничего не предпринимал, но стоило примкнуть к заговору социал-демократам, а через них и представителям подпольных коммунистических групп, как он тут же выдал ордера на аресты части заговорщиков.

исторической литературе. На чем она основана? Прежде всего на филиппиках Гиммлера по адресу тех, кто грабил свои жертвы, брал взятки и т. д.

Однако известно, что аппарат насилия в нацистской Германии был коррумпирован снизу доверху. И Гиммлер не мог не знать об этом. Почему, собственно, убийцам не следовало обогащаться за счет убитых? Ведь война, которую нацистская Германия развязала, была, так сказать, «официально» грабительской: войной за чужие земли, промышленность, сырье. Верхи бесконечно наживались, концерны «присоединяли» к себе все, что армия захватывала. Разумеется, и эсэсовцы не зевали, и к их кровавым рукам прилипало чужое добро. Чтобы охарактеризовать нравы, царившие в аппарате насилия, приведем только одно письмо, вышедшее из канцелярии Гиммлера и направленное Борману: письмо датировано 23 февраля 1945 г. Гиммлер укоряет Бормана за то, что «команда» соответствующей гау (области) — 300 рядовых и шесть фюреров, — после того как фельдмаршал Модель оставил город Арнем, «взломала все сейфы в банках» и захватила много миллионов марок, драгоценности и т. д. Только произведений искусства было вывезено 34. Фюреры, «устраивавшие по пяти трапез в день», забрали с собой «три ценных рояля».

Но быть может, сам Гиммлер, уничтоживший миллионы людей, и впрямь был бессребреником?..

Здесь придется сделать небольшое отступление. В свое время, по свидетельству очевидцев, Гитлер восклицал: «Кто из государственных деятелей на Западе, кроме меня, не имеет своего банковского счета?»

Вопрос этот, как выяснилось, был чисто риторический. Из мемуаров его адъютанта Линге видно, что Гитлер счет имел и на него поступали миллионы (ни больше ни меньше!) от издательства «Эгер», которое невиданными тиражами издавало «Майн кампф» и другие «произведения» фюрера. Правда, Линге утверждает: Гитлер неизменно жертвовал эти миллионы разным нацистским организациям. Возможно. В нацистской Германии фюреру марки были не нужны. Он просто не делал различия между государственной казной и собственным карманом. Его дома, его гигантская свита, его приближенные содержались за счет налогоплательщиков. И здесь мы приведем только один маленький факт. Гитлер решил построить в своем поместье в Оберзальцберге второй «чайный домик» (один уже был!). С этой целью на высоте 1000 метров над уровнем моря, где находились многочисленные постройки для фюрера и его штата, провели шоссе сквозь тоннель к площадке на высоте 1700 метров. А отсюда еще один тоннель к лифту в скале, поднимавшемуся на 120 метров. И там возвели «чайный домик», из которого открывался особенно красивый вид. «Идея выстроить

это сооружение, которое, насколько я помню, стоило тридцать миллионов (!) марок, принадлежала Борману», — пишет все тот же всеведущий Линге, стараясь задним числом свалить вину за роскошную жизнь «аскета» Гитлера на Бормана.

Ну а как обстояло дело с неприметным «скромнягой» Гиммлером? Здесь мы позволим себе сослаться на предисловие историка Голо Манна (сына Т. Манна) к книге, изданной Эдуардом Каликом, «Без маски». В нем говорится: «Все высокопоставленные лица в «третьем рейхе» имели городские квартиры, поместья, охотничьи замки. Так, «скромный» рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер имел виллу в фешенебельном берлинском районе, где его обслуживали 14 рабов, охотничий замок севернее Берлина, виллу на Штарнбергском озере, а также тайную квартиру, где жила его метресса». Свою «скромность» Гиммлер доказал и тем, что, будучи не только всемогущим, но и совершенно не контролируемым — эсэсовское «государство в государстве» оперировало миллиардами марок, — обратился за «помощью» к Борману. Это было в нацистской Германии принято: Борман выдавал «своим людям» «ссуды» (разумеется, безвозвратно) из кассы НСДАП по первому требованию. Гиммлер, в частности, попросил у него 200 тыс. марок, чтобы оборудовать «гнездышко» для упомянутой метрессы (Зайчонка). И он эти деньги тут же получил — сей факт широко известен, фигурирует в книгах многих западных историков, кое-кто сообщает о нем даже с умилением.

Кстати сказать, и «хобби» Гиммлера, средневековый замок Вевельсбург, где он изображал... короля Артура, а своих приближенных превращал в рыцарей-паладинов, обошелся немецкому народу во много миллионов марок. По официальным данным, в Вевельсбург было вложено 13 млн марок. Но о Вевельсбурге мы расскажем ниже.

В своей книге «Преступник № 1» авторы уже подробно писали об «отрицательном отборе» в «третьем рейхе». О том, что фашистская система в Германии допускала пребывание на высших ступенях иерархической лестницы чрезвычайно ограниченных, малообразованных выскочек. Единственной предпосылкой для «выдвижения» в фюреры при нацизме являлось полное отсутствие нравственных норм, абсолютная аморальность. Все остальное — профессионализм, политическая подготовка, кругозор и прочие качества, необходимые политикам, — в гитлеровской Германии не играли никакой роли.

В 30-х годах на Западе бытовало ошибочное мнение: дескать, в 1933 г. к власти в Германии пришли «мелкие лавочники». В действительности у власти остались крупные монополисты, аграрии и военная каста. Изменилось лишь одно: интересы промышленников и юнкеров стали представлять или деклассированные

элементы, или напыщенные мещане, прошедшие вдобавок школу «фрейкоров» и прочих милитаристских организаций, пигмеи по умственному уровню.

Среди этих пигмеев был и хитрый, изворотливый, совершенно безнравственный и беспринципный, фанатически жестокий Генрих Гиммлер. Полная бесконтрольность и внушаемый его ведомством страх вселили в Гиммлера феноменальное самомнение. К тому же эсэсовские головорезы не только беспрекословно подчинялись чудовищным приказам Гиммлера, но и благоговейно внимали всем его изречениям. Только после войны бывшие «соратники» рейхсфюрера СС стали рассказывать о его истинном лице. И то лишь потому, что перестали действовать подвалы на Принц Альбрехтштрассе. А двенадцать с половиной лет с Гиммлером, так же как и с другими нацистскими главарями, нельзя было спорить, полемизировать. Надо было стоять, вытянув руки по швам, смотреть восторженным взором в его отвратительное лицо и говорить «яволь», то есть «слушаюсь».

Но среди своих коллег Гиммлер до конца выдерживал роль «недалекого малого», преданного до гроба фюреру. Сила и характер Гиммлера как раз в том и состояли, что он, зная нацистскую систему тотального шпионажа и всеобщего доноительства, никогда и ни перед кем не раскрывался.

Гиммлер, который создал многомиллионную армию эсэсовцев, и впрямь обязан был казаться совершенно незаметным, серым бюрократом, как попугай повторяющим побасенки гитлеровской пропаганды. Ведь основной «вклад» Гиммлера в нацизм заключался в том, что он довел до гигантских масштабов аппарат насилия, превратил карательные органы в бесперебойно действующий механизм, концлагеря — в «фабрики смерти» с соответствующим конвейером, перерабатывающим живых людей в горсточку праха, а янычаров Рема — в тупых, нерассуждающих чиновников.

Даже «идеологию» он ухитрился забюрократизировать. Пожалуй, в истории нацистского государства это был единственный «туз», который прятался за спины других «тузов» и даже за спины своих подчиненных: «злого гения» Гейдриха, «мясника» Кальтенбруннера. Не сходя с авансцены событий, Гиммлер ухитрился держаться «в тени». Ведь и уничтожение людей, и массовые казни проходили за кулисами, а на переднем плане в это время озверевшие толпы маршировали, гарцевали, махали флагами, пели и орали: «Зиг! Хайль!»

Западногерманский историк Фест в одной из своих ранних книг написал о Гиммлере: «...как только мы удалим с демонического портрета этого человека несколько слоев, проявятся чрезвычайно простые черты надутого мелкого бюргера, который в специфических условиях тотального господства добился необычайной власти

и получил возможность утвердить кровью свою благоглупость...»

Можно, конечно, рассуждать и так. Но у каждой медали есть обратная сторона. Попробуем стереть с портрета Гиммлера несколько слоев, приличествующих разве что мелкому бюргеру, и тогда отчетливо проступит лицо фашистского Люцифера, Великого инквизитора коричневого рейха. Генрих Гиммлер был прежде всего убийцей, но не мелким наемным убийцей, а крупномасштабным убийцей «за письменным столом», или, скорее, убийцей за пультом управления гигантского механизма, который он сам создал.

МЕХАНИЗМ НАСИЛИЯ. ВСЕВЛАСТИЕ ТЕРРОРА

Приступить к строительству постоянно действующего, воистину тотального аппарата устрашения и расправ можно было, только покончив с «двоевластием» в стране, с анархией насилия, о которой речь шла на предыдущих страницах книги. Эта задача, как мы знаем, была выполнена в ходе резни, устроенной Гитлером и его ближайшими сподвижниками — Герингом, Геббельсом, Гиммлером и другими в ночь на 30 июня 1934 г., в «ночь длинных ножей».

Именно тогда Гитлер сформулировал свой новый курс, рассчитанный на то, чтобы прочно укрепиться на завоеванных позициях и создать фундамент не какой-то временной власти, а «тысячелетнего рейха».

Громадной массе чиновников, хлынувших в новые карательные органы, следовало впредь действовать по заранее выработанным правилам.

На первых порах это привело к некоторому сокращению числа заключенных по приказу о применении «охранных арестов», то есть арестов без санкции прокурора. Так, общее число арестованных составляло в Пруссии на 31 июня 1933 г. 15 тыс. После «ночи длинных ножей» — 10 тыс. По словам премьер-министра Пруссии, на этом этапе желательно было создать у граждан «третьего рейха» впечатление о «реставрации их правовой защиты», о «конце произвола» и т. д. Но все это, разумеется, было камуфляжем.

На самом деле только после июня 1934 г. действительно начался организованный государственный террор.

Шел процесс нацификации государственного аппарата и создания органов насилия. Нацификация коснулась в первую очередь городских управлений (обер-бургомистров и бургомистров) и земельных властей (ландратов). Уже в 1935 г. из 2288 бургомистров и обер-бургомистров 1049 (47 процентов) были членами нацистской партии еще до захвата власти Гитлером, а 896 (31 процент) вступили в НСДАП после 30 января 1933 г. Только 485 чиновни-

ков городской бюрократии не были членами НСДАП. Из этой же официальной партийной статистики явствует, что в 1940 г. в Пруссии осталось всего 11 ландратов, не состоявших в нацистской партии. Во всей остальной Германии насчитывалось к тому времени только 304 ландрата, не являвшихся членами НСДАП.

Процесс сращивания нацистской партийной верхушки с руководством карательных органов рейха принял сразу после 1934 г. новые масштабы и формы. В партию нацистов хлынул огромный поток немецких обывателей, жаждавших приобщиться к власти имущим, получить свою долю государственного пирога, распределением которого целиком и полностью ведали нацистские бонзы разных степеней и рангов.

Количество членов нацистской партии к 1942 г. достигло почти 6 млн человек. По официальной статистике, в НСДАП состояло около 7,7 процента всех работающих жителей Германии. Статистика дает также любопытную картину роли отдельных слоев населения в нацистской партии: в 1936 г. в НСДАП состояло, например, 20 процентов всех чиновников нацистского рейха и 30 процентов учителей, в 1933—1934 гг. среди учителей была проведена чистка, в итоге которой старые кадры педагогов народных школ и гимназий были уволены по политическим или расовым мотивам и заменены бывшими кадровыми военными и лицами, известными своей преданностью нацистской партии, нацистской идеологии.

Безусловно, большую часть всей партии Гитлера можно отнести к бюрократам, надсмотрщикам, «воспитателям», осуществлявшим контроль над массой рядовых немецких граждан. 1 декабря 1936 г. Гитлером был издан так называемый «закон о молодежи», который сделал обязательным принадлежность юношей к молодежной организации НСДАП — гитлерюгенд. Для девушек была создана особая организация — «объединение немецких девушек» (БДМ). Юноши и девушки получили своего фюрера — им стал Бальдур фон Ширах, имевший официальный титул «рейхсюгенд-фюрер» — имперский вождь молодежи. Он был в ранге министра.

Чтобы процесс слияния нацистских партийных организаций с аппаратом насилия был понятнее, необходимо также параллельно охарактеризовать структуру нацистской партии и карательных органов. НСДАП была разделена на 32 области (гау) во главе с гаулейтерами, каждая область делилась на округа, округа — на местные группы, а местные группы — на ячейки. Низшим звеном НСДАП и вместе с тем самым непосредственным и главным представителем нацистской партии был руководитель «блока» — объединения нескольких ячеек, блоклейтер, который получал дополнительную зарплату от гестапо и числился в штате гестапо. Вместе с тем в «блоке» был и официальный представитель

гестапо. Немудрено, что их взаимоотношения оказались довольно запутанными. Теоретически каждый из них действовал самостоятельно, на основе поставленных центральной инстанцией задач. Но фактически они шпионили друг за другом и находились в непрестанной борьбе по вопросу о «разделении компетенций», хотя, естественно, когда дело доходило до «противников рейха» — настоящих или мнимых, — они были едины. Такая же грызня происходила и в других звеньях двух громоздких аппаратов — НСДАП и карательных органов.

Хотя сразу же было установлено, что верховным арбитром во всех межведомственных спорах является гаулейтер, то есть представитель нацистской партии, власть чиновника гестапо являлась чаще всего более ощутимой и опасной для местного руководителя НСДАП. До гаулейтера еще надо было добаться, когда возникали споры между представителями гестапо и блоклейтерами или руководителями местных групп, а тем временем по любому доносу рядовой нацистский функционер мог угодить в концентрационный лагерь, которым ведало гестапо.

В высших эшелонах власти соперничество между представителями нацистской власти и СС — опять-таки, имея в виду всю систему тайных служб нацистской империи, — проявилось, в частности, в вопросах о взаимоотношении СС с имперским министерством внутренних дел. По указу Гитлера от 17 июня 1936 г. начальник (шеф) германской полиции подчинялся министру внутренних дел и занимал в министерстве пост статс-секретаря — заместителя министра. Но министру внутренних дел практически доступ к делам гестапо был заказан. В 1937 г. распоряжением от 15 мая Гиммлер был назначен постоянным заместителем министра внутренних дел, который «в пределах своей компетенции самостоятельно решает задачи, порученные ему фюрером». Фактическая самостоятельность Гиммлера как начальника германской полиции была юридически оформлена лишь в 1943 г., когда Гиммлер сам стал министром внутренних дел (то есть когда гестапо фактически поглотило и это министерство). Но еще до того была придумана формула, согласно которой Гиммлер в качестве шефа германской полиции подчинялся фюреру «персонально и непосредственно». Это ставило Гиммлера в особое положение на иерархической лестнице нацистского рейха.

Конечно, не следует преувеличивать значение множества распоряжений Гитлера, которые «возвышали» лично Гиммлера и Гейдриха, делали их неподвластными суду НСДАП. Руководство нацистской партии (в лице фюрера и заместителя фюрера по партии Гесса, а потом Бормана) могло заменить на посту любого, пусть самого ответственного, работника аппарата насилия. Одним словом, нацистская партийная бюрократия бдительно следила

за тем, чтобы власть Гимmlера не стала бы угрозой самому существованию партийных бонз.

Но вернемся к первым дням «строительства» аппарата насилия.

Некоторые западногерманские ученые склонны отнести дату «рождения» империи Гимmlера, то есть строго централизованного и четко функционирующего бюрократического механизма полицейской власти, к 1936 г. Об этом пишет, в частности, автор первого тома двухтомного исследования об аппарате СС «Анатомия государства СС» видный западногерманский историк Ганс Бухгейм. Французский историк Калик дает иную дату: «Новая эра в истории тайной полицейской службы, — пишет он, — начинается в 1935 году».

И на самом деле, в аппарате тайной полиции в 1935—1936 гг. произошли важные качественные изменения.

Аппарат этот значительно разросся, число чиновников, работавших в штабах Гимmlера, превысило 55 тыс. человек. С весны 1935 г. служащие тайной полиции (гестапо) и уголовной полиции (крипо) были официально включены в ряды СС (то есть получили соответствующие эсэсовские чины). И над всеми этими различными формированиями был поставлен своего рода «генеральный штаб» (так называет его Э. Калик) — СД, служба безопасности, которую возглавил группенфюрер СС Рейнхард Гейдрих.

Свою штаб-квартиру он создал не в помещении тайной полиции, а отдельно от нее. Если руководство гестапо по-прежнему занимало корпуса на пресловутой Принц Альбрехтштрассе в помещении... школы прикладного искусства, то штаб Гимmlера обосновался на Вильгельмштрассе, 102. Там находился «мозг» его аппарата, отсюда исходили все приказы исполнительным органам — гестапо, руководству концентрационных лагерей, уголовной полиции и т. д.

В «мозговом центре» Гимmlера работали люди самых разных специальностей. В их число входили историки, физики, техники, химики, врачи, теологи и даже графики (для изготовления фальшивых денег и документов), а также видные спортсмены, тренеры, журналисты и, наконец, целая армия наемных убийц, завербованных из числа уголовников.

К этому времени относится также создание, по выражению того же Калика, «теневого армии» — так называемых «членов содействия организации СС». Вступление в эту организацию было связано с обязательством делать регулярные взносы, часто весьма крупные, в кассу организации СС. В 1934 г. число «членов содействия» составило около 300 тыс. человек и пожертвования в кассу СС достигли большой суммы — 581 тыс. марок.

Наконец, важным нововведением, которого добился Гимmlер вопреки советам Геббельса, было создание центрального органа

СС — газеты «Дас шварце кор» («Черный корпус»). Во главе ее Гиммлер поставил Гюнтера д'Алкуэна, сына преуспевающего эссенского коммерсанта, который обеспечивал связь между СС и крупными рейнско-рурскими капиталистами. Впрочем, эти связи приобрели новое качество, когда сами промышленники создали так называемый «Кружок друзей рейхсфюрера СС», о котором речь пойдет ниже.

«Дас шварце кор» была официальным органом «охранных отрядов» и имперского руководства СС. Своими хулиганскими провокационными выступлениями против руководителей запрещенных политических партий, своим диким шовинизмом и антисемитизмом, а также некоторыми «разоблачениями» махинаций людей высшего света, ставших неугодными нацистам, этот орган вскоре добился скандальной славы. Тираж газеты значительно возрос. Если вначале «Дас шварце кор» выходила тиражом всего лишь в 50 тыс. экземпляров, то к 1940 г. ее тираж достиг уже 750 тыс. экземпляров. Сначала ее объем составлял восемь страниц, затем увеличился до 20 страниц.

Газета превратилась в мощный рычаг эсэсовской пропаганды и в важное подспорье в борьбе Гиммлера и Гейдриха за ведущее положение во всей гитлеровской империи.

Бесперывный рост численности сотрудников центральных аппаратов СС и СД повлек за собой и непрерывную «территориальную» экспансию этих ведомств. На Вильгельмштрассе несколько зданий перешло в ведение СС, так что образовался целый квартал эсэсовских зданий. Кроме того, СД имело большое количество квартир для явок и секретных помещений с наглухо зашторенными окнами в самых разных районах столицы. Не раз упоминавшийся нами Гизевиус рассказал на Нюрнбергском процессе, что как-то ему поручили организовать встречу между представителями гестапо и абвера на одной из явочных квартир СД. Шофер, который должен был привезти их на эту встречу, кружил по городу, заезжал в какие-то глухие переулки, пока в конце концов не остановил машину перед одной из роскошнейших вилл в западной части Берлина. Оказалось, что эта вилла принадлежала службе безопасности. Но об этом, конечно, в городе никто не должен был знать, ведь секретность, даже в самых мелочных ее проявлениях, всегда составляла важнейшую черту деятельности службы безопасности.

Сохранилось довольно любопытное описание визита в штаб-квартиру Гиммлера на Вильгельмштрассе, 102, Карла Якоба Буркхарта — бывшего верховного комиссара Лиги Наций в вольном городе Данциге (Гданьске) и представителя Международного комитета Красного Креста. Гитлеровцы согласились на этот визит по ряду политических соображений.

Прием Гиммлером Буркхарта был обставлен весьма пышно. Гиммлер принял его сначала в старинном замке герцога Кобургского, представителя высшей аристократии и старого поклонника нацистов. Гости собрались в салоне замка. Буркхарт рассказывает: «И вот вдруг широко раскрылись створки двери, появился Гейдрих в черной форме СС, которую мне впервые удалось рассмотреть вблизи». О посещении штаб-квартиры Гиммлера на Вильгельмштрассе, 102, Буркхарт писал: «У входа в здание застыла черная стража; казалось, люди в черном лишены всего человеческого. Они — порождение самого бога войны — Ареса... Служебные помещения были обставлены одинаково: слева огромный стол, нечто вроде копий столов в венецианском дворце «Палаццо Венеция», у стены — круглый столик, покрытый скатертью, около стола два больших кресла, а у противоположной стены — диван».

Правда, главные помещения гостю показаны не были — огромные нескораемые шкафы, картотека и камеры для особо важных заключенных, содержащихся в здании центрального ведомства Гиммлера.

Много времени Гиммлер потратил на то, чтобы продемонстрировать гостю экспонаты музея гестапо. «Гиммлер, — записал в своем отчете Буркхарт, — включил тусклый свет, в полутьме стали различимы разного рода предметы культа масонских лож... Далее следовали полутемные комнаты непонятного назначения. Оказалось, в частности, что здесь были скелеты, подвешенные к потолку, они привносили в движение специальными механизмами, создавалось впечатление, что они прямо хватают за руку посетителя».

Два дня спустя после посещения музея Гиммлер выполнил просьбу Буркхарта о встрече с Осецким, известным немецким публицистом, издателем широко распространенного в Веймарской республике либерального журнала «Вельтбюне». Карлу Осецкому была присуждена Нобелевская премия мира. Его имя пользовалось всемирной известностью. «Передо мной стоял, — рассказывает Буркхарт, — полуживой человек, человек, испытывший безграничные страдания. Ни одного слова в ответ на мое приветствие. Я приблизился к нему и увидел, что в глазах у него стоят слезы. Шепелявя и всхлипывая, он тихо произнес: «Спасибо. Передайте друзьям, что со мной все кончено. Скоро уже все будет позади».

После визита Буркхарта смертельно больного Осецкого выпустили из концентрационного лагеря. Нацисты дали ему умереть «на свободе». Через два года после выхода из концлагеря он скончался...

Справедливости ради надо сказать, что Гиммлеру сопутствовали не только успехи, но и неудачи. Так, например, случилось, когда он вступил в борьбу с Герингом. Дело в том, что Герман Геринг

создал под видом научно-исследовательского института (официально он так и именовался — Институт имени Германа Геринга) обширную службу подслушивания телефонных разговоров, радиogramм и телеграфных сообщений, в первую очередь иностранных граждан, но также и «подозрительных» соотечественников. «Попутно» Геринг контролировал все телеграфные и телефонные связи, которые проходили «транзитом» через германскую территорию.

Чтобы дать читателю представление о размахе этой «работы», достаточно сказать, что в институте было свыше 5 тыс. сотрудников. Институт осуществлял контроль в основном выборочно. Но имелся список лиц, за которыми была установлена постоянная слежка. К таким лицам относились иностранцы и люди, занесенные в специальную картотеку.

Самое пикантное в работе этого уникального института заключалось, пожалуй, в том, что Геринг сумел организовать подслушивание телефонных разговоров нацистских чиновников как государственного, так и партийного аппарата. Имеются даже сведения о том, что подслушивались и разговоры, которые вел по телефону сам фюрер: досье с записью подслушанных разговоров Гитлера хранилось в личном сейфе Геринга.

«Партизанские действия» (так называл их Гиммлер) Геринга вызывали вспышки гнева у рейхсфюрера СС. Недовольны были и многие приближенные Гитлера. Сохранился весьма любопытный документ — письмо Ильзы Гесс (жены Рудольфа Гесса, заместителя фюрера и, по сути дела, в то время второго человека в нацистском государстве). Оказывается, разговоры семьи Гесс, несмотря на высокое положение Рудольфа Гесса и близость его к Гитлеру, также подслушивались. Ильза Гесс решила обратиться с протестом против такого бесцеремонного вмешательства в семейную жизнь заместителя фюрера к Гиммлеру. Ее послание рейхсфюреру СС было написано не без юмора и содержало открытую издевку над практикой тотальной слежки. Документ этот заслуживает того, чтобы воспроизвести его полностью, ибо он весьма неплохо характеризует нравы, господствовавшие в верхах нацистской империи.

«Самый уважаемый из всех полицей-президентов!

У Вас весьма похвальная привычка... следить за происками врагов отечества, например с помощью телефона. Но почему Вы, глубокоуважаемый король всех сыщиков, распространяете слежку на разговоры жен бравых министров, благодаря чему их домашние слышат по телефону сплошной треск? Может быть, стоило бы Вашим чиновникам прекратить подслушивание, хотя бы тогда, когда речь идет о рецептах рождественских коржиков и когда госпожа жена имперского министра ведет абсолютно невинную беседу со своей больной матушкой??! Если же по каким-то причи-

нам, непостижимым для простой смертной, неискушенной супруги министра, такое подслушивание совершенно необходимо, то, может быть, его можно было бы проводить как-то более незаметно? Разговоры по телефону превратились для нас в мучение, ибо, когда Ваши усердные и старательные комиссары подключают нас к сети подслушивания, мы слышим одни лишь помехи. И только тогда, когда супруга имперского министра начинает пользоваться выражениями, которые она, собственно говоря, не должна была бы знать, Ваши чиновники прекращают свое дурацкое дело. Повторяю, разговоры мои касались рецептов рождественского печенья, которые, видимо, особенно интересуют Ваших сотрудников... Но шутки в сторону, милый господин Гиммлер, может быть, вовсе не Вы тот злодей, который нас подслушивает... Тогда прошу выяснить, кто же в этом повинен? Покорнейше прошу также, чтобы нас не хранили постоянно, иными словами, не охраняли круглые сутки, а только по ночам.

С сердечным приветом и пожеланием счастливого рождества всей Вашей семье от нашей семьи. Привет жене. Приходите к нам в гости.

Ильза Гесс».

Несмотря на многочисленные протесты Гиммлера и Гейдриха, им так и не удалось добиться от Гитлера распоряжения прекратить работу Института Геринга — слишком уж ценными оказались для фюрера сводки, в которых содержались сведения о телефонных разговорах лиц из его ближайшего окружения. Для Гитлера эти сведения являлись дополнительным источником информации не только и не столько о секретах противников его режима, сколько о секретах службы Гиммлера и верхушки полицейского аппарата в целом. Это была испытанная тактика противопоставления и натравливания друг на друга лиц из высшей партийной бюрократии, лиц, которые могли бы при известном стечении обстоятельств приобрести самостоятельную власть, договориться между собой и даже стать соперниками Гитлера. И в первую очередь такие подозрения могли зародиться в душе Гитлера в отношении руководства секретных служб, которые работали бесконтрольно. У Гиммлера остался лишь один выход — создать в противовес Герингу свой собственный аппарат подслушивания, в частности, телефонных разговоров Геринга и его приближенных. Это было, конечно, поражением Гиммлера, ибо ему пришлось смириться с существованием параллельного аппарата слежки, включая слежку за сотрудниками СС и СД. Но до конца войны он так и не смог организовать настолько совершенный и технически оснащенный аппарат подслушивания, каким обладал Геринг.

Зато в политической сфере Гиммлер сумел завоевать новые позиции, которые настолько усилили его власть, что в 1937—

1938 г. он оказался вполне сопоставимым по влиянию на судьбы рейха с такой фигурой, как Геринг, хотя Геринг считался преемником Гитлера.

Существенно помогло Гиммлеру «изобретение», которое приписывается Гейдриху, наиболее честолюбивому полицейскому в полицейском государстве Гитлера. «Изобретение» это заключалось в следующем: Гиммлер начал раздавать чины группенфюреров СС крупным бонзам, не имевшим прямого отношения к аппарату насилия. Эти «почетные» функционеры СС — видные деятели в области экономики, политики и культуры — получили не только чины, но и черные эсэсовские мундиры. Они тем самым как бы приобщились к «ордену Гиммлера», к новой элите нацистского рейха.

В один прекрасный день на очередном приеме перед иностранными дипломатами предстала удивительная картина: виднейшие сановники гитлеровской империи в большинстве своем были одеты в черные мундиры СС. Эсэсовский «орден» пополнился сотнями «почетных членов». «К началу 1940 г., — констатирует историк германского фашизма Мартин Броскат, — все чиновники полиции и руководители других ведомств либо сами оказались чиновниками СС, либо получили от Гиммлера звание почетных членов его организации».

Между тем Гиммлер продолжал строить свою сугубо секретную политическую империю, постоянно совершенствуя ее структуру и приспособлявая ко все расширяющимся задачам подавления и уничтожения целых прослоек населения, а потом и суверенных стран и народов.

Довольно скоро Гиммлер прибавил к своему званию рейхсфюрера СС титул — шеф (начальник) германской полиции. И это было отнюдь не только формальностью. Централизация полицейской власти повлекла за собой реорганизацию как полицейского управления, так и руководящих органов СС. Политическая полиция приобрела свой самостоятельный статус в рамках полицейской империи, а другие органы полицейской власти были также объединены в особом центральном управлении со своими специфическими функциями. Так возникли два больших главных ведомства. Одно называлось Главное ведомство полиции безопасности («зипо»), а другое — Главное ведомство полиции порядка («орпо»). Указ о новой структуре полицейской власти был издан 26 июня 1936 г., то есть через 2¹/₂ года после прихода Гитлера к власти.

Руководителем ведомства «орпо» был назначен полковник полиции, старый кадровый нацист, отличившийся при подавлении «бунта Стеннеса», Курт Далюге. Руководителем второго управления — полиции безопасности — группенфюрер СС Рейнхард Гейдрих.

В подчинении полиции порядка находились обычные полицейские формирования, жандармерия, земельная полиция и общинная полиция. В подчинении Гейдриха — тайная полиция (гестапо) и уголовная полиция («крипо»). Каждое из главных ведомств делилось на управления и отделы.

Ведомство политической полиции имело следующие отделы:

1-й отдел — коммунизм и марксизм,

2-й отдел — церковь, секты, эмигранты, масоны, евреи,

3-й отдел — реакционеры, оппозиционеры,

4-й отдел — концентрационные лагеря, предварительное заключение,

5-й отдел — аграрные и социально-политические проблемы,

6-й отдел — радиоперехват,

7-й отдел — НСДАП и примыкающие к ней массовые организации,

8-й отдел — иностранная политическая полиция,

9-й отдел — сбор и обработка сводок,

10-й отдел — печать,

11-й отдел — гомосексуализм,

12-й отдел — контрразведка.

Эта структура нуждается в некоторых пояснениях. Принципиальное отличие ее от структуры полицейской власти в других буржуазных странах состоит прежде всего в том, что она носит идеологический и расовый характер.

Новую политическую полицию рейха интересовали не просто отдельные лица (преступники, нарушители законов), а целые категории и группы населения, которые по тем или иным идеологическим и расовым причинам считались неудобными нацистскому режиму.

Естественно, что врагом номер один для Гимmlера и К⁰ были «коммунисты и марксисты», то есть передовая, наиболее активная часть германских трудящихся. С первых дней существования нацистского режима и буквально до последнего дня, дня тотального поражения германских фашистов, карательный аппарат боролся с коммунистами-подпольщиками, с пролетариями, сочувствующими и помогающими Сопротивлению. Все бывшие члены запрещенной КПГ и левые социал-демократы автоматически подвергались слежке и преследованиям. Именно первый отдел гестапо был ключевым отделом. Шеф гестапо Мюллер и его начальники Гейдрих и Гимmlер уделяли ему самое пристальное внимание. Здесь прошли кровавую «практику» все эсэсовские палачи, которые впоследствии зверствовали в оккупированных странах Европы и на оккупированных территориях Советского Союза.

Итак, задачи отделов нацистской полицейско-сыскальной организации определялись политикой и идеологией. Один из отделов, как

показано выше, занимался, например, специально сектантами и масонами. В тот же отдел входили эмигранты. Другой отдел ведал лицами, которые определялись как «реакционеры». Люди, зачисленные во все эти категории, и в первую голову коммунисты, автоматически попадали в число подозреваемых, подлежащих гонениям, заключению в концентрационные лагеря и истреблению. Полицейский аппарат был, так сказать, «натаскан» на борьбу не с преступностью, а с идеологией и с «неполноценными» группами населения (с точки зрения расовой полноценности) сначала внутри рейха, а потом и во всей Европе, на захваченных гитлеровцами территориях. Иными словами, речь шла о сотнях тысяч или даже миллионах людей, не соответствовавших принципам нацистского «вероисповедания».

Вот почему к службе политической полиции нацистской Германии в целом и к чиновникам, занятым в ней, нельзя подходить с критериями, с которыми обычно подходят к обязанностям чиновников полицейских ведомств в капиталистических странах. Это был прежде всего аппарат определенного идеологического назначения, но действовал он по бюрократическим правилам и законам, имманентно присущим любому буржуазному аппарату.

Однако описание политической полиции, созданной Гиммлером и Гейдрихом, было бы неполным, если не коснуться еще одной важной ее черты — существования «внеструктурных» образований: органов, не укладывавшихся в приведенную выше схему. Эти органы исполняли сверхсекретные задания и служили, в частности, для наблюдения за самой полицией, чем-то вроде «домашней» полиции Гиммлера. Чаще всего «внеструктурные» образования носили название зондеркоманд. Именно зондеркоманды провели такие операции, как организация убийства югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту в Марселе в 1935 г., убийство австрийского канцлера Дольфуса в 1934 г. и т. д.

В дальнейшем о функциях зондеркоманд будет рассказано более подробно. Они служили важным орудием власти Гиммлера, а затем и фюрера и, может быть, ярче всего отражали суть нацистского режима. Роль зондеркоманд в событиях 30 июня 1934 г. мы описали достаточно подробно, хотелось бы отметить еще раз, что в этих событиях они выступили, в частности, как важное орудие внутрипартийных расправ.

«Нововведением» Гиммлера — Гейдриха после сосредоточения полицейской власти в их руках было создание центральной картотеки для полицейско-сыскной службы. Внушить страх, вести слежку за всем населением Германии, за каждым человеком в отдельности, а затем и за широкими слоями населения в оккупированных нацистами странах — вот что являлось главной целью

рейхсфюрера СС. Для этого следовало придать аппарату полиции «техническое» совершенство, использовать буквально все тогдашние достижения науки и техники. Организация (а вернее, реорганизация) картотек была поручена одному из близких сотрудников Гейдриха — оберштурмфюреру СС доктору Мельхорну. Он создал гигантское (по тем временам) сооружение: картотека представляла собой огромных размеров круг, на котором помещались отдельные карточки. Вращался этот круг при помощи электромотора. Его можно было остановить на определенном месте, нажав на кнопку. При этом из соответствующей ячейки выскакивала искомая карточка, на которой значились данные об интересующем гестапо лице. Гиммлер и Гейдрих очень гордились этой полицейской новинкой, «чудом техники», и демонстрировали свое изобретение время от времени иностранным гостям из «родственных ведомств».

На Нюрнбергском процессе главных военных преступников генерал-фельдмаршал Мильх показал: «Мы все были убеждены, что находимся под постоянным наблюдением, независимо от того, в каком ранге состоим. Я думаю, что не было такого человека, который не числился бы в картотеке (гестапо. — *Авт.*)». А бывший министр экономики Шахт обнаружил, что у него в доме был спрятан микрофон и что его прислуга — сотрудница гестапо. Прислуга имела свой аппарат подслушивания, при помощи которого могла следить за разговорами хозяина дома даже в его спальне.

Кстати, сразу же после создания «механизированной картотеки» ее изобретатель Мельхорн был перемещен на другую должность. На место Мельхорна пришли два новых сотрудника — молодые эсэсовцы, имена которых позже приобрели весьма громкую «славу». Одного из них звали Адольфом Эйхманом, ставшим во время войны начальником подотдела в ведомстве Гейдриха — подотдела, который ведал уничтожением евреев. Фамилия другого эсэсовца, начавшего свою карьеру с картотеки, стала еще более известной — это был Вальтер Шелленберг. Он стремительно поднимался по ступеням служебной лестницы СС и стал начальником службы СД-заграница, основного разведывательного центра в гиммлеровском ведомстве.

Завершая краткое описание структуры полицейского аппарата ко времени сосредоточения всей власти в руках Гиммлера, хотелось бы еще раз обратить внимание читателя на одну примечательную черту.

Структура эсэсовской полицейской империи полностью соответствовала построению аппарата НСДАП: каждое звено в этой империи имело свой аналог в партийном аппарате, хотя названия отдельных звеньев этих двух сверхспрутов были совершенно различны.

На уровне, например, области (гау) руководитель управления назывался высшим руководителем СС и полиции, а высший руководитель партийной организации в области, как известно, носил название гаулейтера. Высший руководитель СС и полиции находился как бы в двойном подчинении: он обязан был согласовывать свои действия в данной области с гаулейтером, но отчитывался он перед руководством СС и от него получал указания, выполнение которых гаулейтерами не контролировалось. Та же система подчинения повторялась на более низких уровнях, вплоть до блоклейтера (которому соответствовала в системе тайной политической полиции должность «тайный информант»). Но такая «параллельная слежка» была характерна не только для взаимоотношений СС и нацистской партии. Существование параллельных служб вообще было характерной чертой нацистского аппарата. Его создатели исходили из принципа всеобщего недоверия друг к другу.

В государственном масштабе такая практика была закреплена созданием различных аппаратов секретной службы. Вплоть до конца войны ожесточенная борьба происходила между тайной службой вермахта (абвером) и управлением службы безопасности СД, которую возглавлял Шелленберг. Руководителем абвера в 1935 г. был назначен адмирал Канарис, кадровый флотский офицер, заслуживший доверие реакции еще во времена борьбы с революционным движением в Германии в 1919—1923 гг. Уполномоченные Канариса выполняли не только прямые разведывательные функции, связанные с военным шпионажем, но и функции контрразведки внутри вермахта и на этом поприще беспрерывно сталкивались с другим органом контрразведки — гестапо. В «треугольнике» гестапо — СД — абвер происходила ожесточенная грызня. Требовалось неоднократное вмешательство фюрера, чтобы разграничить функции каждой из этих трех разведывательных организаций. Для понимания роли и значения разных шпионских ведомств существенным является то обстоятельство, что Гиммлер с самого начала добился для себя одной из важнейших привилегий — у него был свой собственный исполнительный орган — гестапо. Другие службы были обязаны передавать ему все материалы, касающиеся «враждебной деятельности» как внутри рейха, так и на территориях иностранных государств. Сама же центральная исполнительная инстанция была призвана вести следствие присутствующими ей методами, методами зверских пыток. Результаты своих «расследований» она передавала прокуратуре или судьям, то есть тем же полномочным представителям нацистской партии.

Буржуазные исследователи на основании факта существования различных секретных служб и свар между ними нередко делают вывод о том, что в гитлеровской империи, особенно в аппарате насилия, господствовала полная анархия и что различные службы

как бы парализовали друг друга. Дальше всех в утверждении такого тезиса зашел, пожалуй, уже упоминавшийся западногерманский историк Бросчат. Он пишет, что рейх и его основные контрольные звенья управления (включая, естественно, аппарат насилия) превратились в «поликратию партикулярных ведомств», они, мол, воевали друг с другом и нередко тормозили функционирование всего механизма власти. «Поликратия» эта не вела к полному хаосу лишь благодаря существованию верховной и неоспоримой воли фюрера, благодаря всевластию диктатора и его тираническому управлению. Однако построения Бросчата не выдерживают сопоставления с фактами. На «хаос» жаловались как раз те, кто осуществлял на практике тираническое управление государством, в котором в действительности господствовал «железный порядок».

Характерно, что легенду о «хаосе» рьяно поддержал в своих мемуарах не кто иной, как Шелленберг. Первоначально мемуары Шелленберга носили название «Лабиринт». И автор уверял, что в этом «лабиринте», в хаотическом нагромождении секретных ведомств, он сам так и не смог разобраться. Но служат его рассуждения очень простому замыслу — спрятаться за ворох различных бумаг, распоряжений и приказов, действительно иногда противоречивших друг другу, и тем самым оправдать свои действия и действия всего нацистского террористического аппарата. На самом деле межведомственная борьба отнюдь не парализовала слаженную работу невероятно разбухшего, многотысячного аппарата насилия, слежки и террора. Он делал свое черное дело весьма успешно. Об этом свидетельствуют миллионы жертв нацистского террора и геноцида.

* * *

Эскалация насилия — вот в двух словах история СС, история НСДАП и государственного аппарата в коричневом рейхе... Закрыв несколько «диких» лагерей, нацисты «открыли» многие десятки «регулярных» концлагерей. Они во все увеличивающемся масштабе проводили так называемые «охранные аресты», бросали без суда и следствия за колючую проволоку людей, обрекая их на медленную или немедленную смерть. Они все время нагнетали подозрительность, страх и ненависть.

Двенадцать с половиной лет просуществовал нацизм. И все эти двенадцать с половиной лет число «врагов» нацизма росло, можно сказать, в арифметической прогрессии. А раз росло число «врагов», то, стало быть, в арифметической прогрессии росло число жертв.

Читателю уже известно, что даже после того, как Гитлер стал канцлером и начал репрессии против КПГ, за коммунистов проголосовало почти 5 млн германских граждан, а за социал-демокра-

тов — семь. И так, 12 млн. немцев не побоялись «коричневой чумы» и отдали свои голоса на последних, фактически уже не свободных выборах левым партиям. Совершенно очевидно, что всех их без исключения нацистский режим автоматически зачислил в список своих врагов. Были у них основания бояться разгула террора? Разумеется, были.

Рабочие партии Германии имели своих кадровых работников, своих активистов. Кадровые работники и активисты существовали и в германских профсоюзах, игравших в Веймарской республике огромную роль. Ясно, что все списки активистов партии и профсоюзов, просто членов КПП попали в картотеку гестапо. То же касалось и молодежных организаций рабочих.

Далее мы увидим, что на первых порах нацисты, и в частности Гиммлер, вели борьбу с церковью, имевшей свой разветвленный аппарат в стране. И так, сын священника, да еще священника, которого любили бедняки прихожане, или внук, бабушка которого аккуратно посещала церковь, представляли собой потенциальных «врагов».

К 30-м годам в Германии ассимиляция евреев зашла далеко, в результате чего появилось много полукровок. Кроме того, чистокровных арийцев нередко связывали с евреями узы дружбы, служебные отношения, наконец, чувство благодарности и взаимной симпатии. Какой-нибудь нацист, например, верил своему врачу-еврею, считая, что тот спас его. Или, наоборот, немец-врач вылечил пациента-еврея, спас его от смерти. И т. д. и т. п. При этом отнюдь не каждый ариец, находившийся в родстве, в свойстве или просто в приятельских или деловых отношениях с неарийцем, тут же бежал с доносом в гестапо на себя и на своего друга (родственника, свойственника, компаньона). Естественно, что и у него были все основания считать себя «замаранным», со страхом ожидать «визита» гестапо.

В Германии было большое количество антивоенных, пацифистских организаций: передовая интеллигенция сплошь выступала против войны. Разумеется, людей, так или иначе связанных с антивоенным движением, нацисты взяли на заметку.

Что уж тут говорить о немцах, с симпатией относившихся к Советскому Союзу! А ведь и таких было в веймарской Германии немало. Экономический кризис принудил большое число специалистов — инженеров, техников искать работу в Советском Союзе, возводившем в ту пору гигантские промышленные объекты. Многие крупные и мелкие фирмы также держались на плаву только благодаря заказам из СССР.

Можно себе представить, как все эти люди, связанные с СССР, с его народом, опасались репрессий со стороны коричневых бандитов!

Большая часть творческой интеллигенции после 1933 г. эмигрировала за границу, эмигрировали и люди, так или иначе связанные с границей. (Даже старые нацисты, успевшие повздорить с Гитлером и его приближенными, бежали в Западную Европу и в США.) Их родственники, друзья и знакомые, часто вообще не знавшие о судьбе эмигрантов, автоматически попали в рубрику «неблагонадежных».

Мы уже не раз отмечали, что среди эсэсовцев, штурмовиков, членов НСДАП была масса уголовников. Безусловно, уголовники затаили злобу на судей, свидетелей обвинения, просто соседей, присутствовавших при их «позоре». Теперь, дорвавшись до власти, они жаждали свести счеты, отомстить.

Хорошо, если дело происходило в большом городе, где трудно было сразу обнаружить «врагов» нового режима и своих собственных. Но ведь существовали тысячи мелких городишек и многие тысячи деревень, где все происходило на виду, где достаточно было одного мерзавца, чтобы «замести» всех порядочных людей.

Ну а потом начала осуществляться «программа эвтаназии» — умерщвления людей, больных наследственными болезнями. Можно себе представить, как чувствовали себя родные и близкие больных, в каком страхе пребывали!

В указах и распоряжениях, то и дело издававшихся в «третьей рейхе», были специальные параграфы о недопущении укрывательства государственных преступников, о недопущении «недоносительства», об ответственности родственников (клана, рода) за проступки «врагов нации».

Таким образом, мы видим, как широк был круг подозреваемых, запятнанных, потенциальных «преступников». Видим, что в нацистской Германии насилие и впрямь стало всесильным, а страх всеобъемлющим!

В послевоенном мире много рассуждают о «харизме» Гитлера, об ораторском таланте Геббельса, о ловкой фашистской пропаганде, загипнотизировавшей немецкий народ. И почему-то редко вспоминают о страхе, в котором нацисты держали немцев и народы оккупированных стран многие годы.

В этом направлении действовал гигантский аппарат насилия — все эти гестапо, СД, «народные суды», «чрезвычайные суды», «превентивные» аресты, виселицы и гильотины.

Отнюдь не только истерическая любовь к фюреру гнала стариков и мальчишек под пули¹.

¹ Кстати, Гиммлер это прекрасно понимал. В речи перед командирами военного флота в Веймаре 16 декабря 1943 г. он сказал: «Я даже не думаю сейчас, во время войны, предпринимать разъяснительную работу, доказывать, что гестапо не так страшно, как его описывают. Это принесло бы Германии величайший вред...»

СС И ВЕРМАХТ

После назначения Гимmlера начальником полиции рейха власть его настолько укрепилась и расширилась, что находившиеся у него в подчинении силы практически образовали нечто вроде государства в государстве — одну из главных опор режима и его фюрера — Гитлера. Более того, «империя Гимmlера» приобрела определенную степень независимости, руководители ее — прежде всего Гимmlер и Гейдрих — могли активно воздействовать на общую политику рейха и в какой-то степени формировать ее.

Однако на одну область власть аппарата Гимmlера не распространялась. Это была армия, рейхсвер, а затем (после введения всеобщей воинской повинности — в Веймарской республике была всего-навсего стотысячная армия — и отказа в мае 1935 г. Гитлера от ограничений по составу и численности вооруженных сил, наложенных на Германию по Версальскому мирному договору) — вермахт.

Для понимания событий, сопутствовавших коренной реорганизации руководства армией и перетасовкам в ее верхушке, необходимо напомнить читателям о роли, которую играла военщина в общественной и политической жизни Германии.

Особенности развития капитализма в Германии были раскрыты Марксом, Энгельсом и Лениным. Эти особенности явились причиной того, что дворянство в значительной мере сохранило свои позиции в стране после перехода Германии в капиталистическую, а затем и в империалистическую стадии развития. Незадолго до первой мировой войны В. И. Ленин писал, что в Англии и во Франции буржуазия господствует полновластно и почти (за малыми исключениями) непосредственно, «тогда как в Пруссии первенство за феодалами, за юнкерами, за монархическим милитаризмом»¹. Один из крупных немецких экономистов, В. Зомбарт, так охарактеризовал положение в стране накануне первой мировой войны: «При скрещивании дворянства с буржуазией первое оказывается у нас (то есть в Германии.—*Авт.*) всегда более сильным элементом. Его дочери выходят замуж за дворян, а сыновья вливаются в дворянство свежую кровь, женятся на богатых наследниках. Разбогатевшие же буржуа стремятся, как можно скорее, забыть о своем происхождении и раствориться в родовом дворянстве или, по крайней мере, — в феодально-родовом помещичьем классе»².

Первая мировая война мало что изменила в специфической социальной структуре Германии. «Кайзер ушел, генералы остались» — так характеризовали тогда положение в Веймарской рес-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 280.

² Зомбарт В. История экономического развития Германии в XIX веке. Выпуск 2. Спб., [1915], с. 434.

публике прогрессивные деятели страны. И с этой точки зрения весьма характерным явилось избрание на пост президента Веймарской республики одного из виднейших представителей дворянско-помещичьего класса и германской военщины — Гинденбурга. Не случайно именно Гинденбург вручил власть в стране Гитлеру.

Крупное юнкерство рассматривало армию как свою вотчину. Почти весь генералитет при переходе власти в руки нацистов состоял из знати, имевшей длинную родословную и ставившей перед своей фамилией приставку «фон» — фон Браухич, фон Бломберг, фон Фрич и т. д.

Вот почему Гитлер, желая овладеть этим аванпостом германского милитаризма — армией и полностью подчинить ее нацистскому руководству, должен был соблюдать сугубую осторожность.

Напомним, что армия являлась важной опорой Гитлера во время борьбы за власть: она действовала заодно с фюрером и в период расправы со штурмовиками в 1934 г., а также оказала неоценимую услугу Гитлеру в сложный период, связанный с перевооружением рейха, введением всеобщей воинской повинности и форсированной милитаризацией Германии.

Эти услуги были вполне оценены Гитлером. После событий 30 июня 1934 г. наступил «медовый месяц» во взаимоотношениях фюрера с рейхсвером. В то время Гитлер еще нуждался в безусловной поддержке армейской верхушки — как для проведения чистки в рядах НСДАП, СА, СС, так и для осуществления широкой программы ремилитаризации. Поэтому «уступчивость» Гитлера по отношению к требованиям немецкой военной касты, казалось, не знала границ.

13 июля 1934 г., вскоре после ликвидации верхушки штурмовых отрядов, нацистский фюрер выступил в рейхстаге с речью, в которой подтвердил, что армия остается «единственной вооруженной силой» в государстве. Несколько позже, в речи в Гамбурге, он воздал хвалу германской военщине, заявив, что «армия всегда с честью отстаивала интересы Германии». Гитлер напомнил также, что после смерти Гинденбурга, став главнокомандующим вооруженными силами рейха, он «поручил военному министру заниматься всеми делами, касающимися вооруженных сил».

Генералы ответили на эти слова заверениями в готовности «напрячь все силы для достижения общей цели», то есть для восстановления военной мощи Германии. Началась эра неслыханно быстрой ремилитаризации, которой руководили самые крупные армейские чины: Фрич и Бек, Бломберг и Рейхенау. Правда, во взаимоотношениях между Гитлером и руководством армией существовало одно «недоразумение» — «недоразумение», мы бы сказали, чисто формального характера. Генералитет требовал,

чтобы убитые в ходе чистки 30 июня 1934 г. генералы Шлейхер и фон Бредов были бы официально реабилитированы. Но это означало косвенное осуждение действий СС. Поэтому Гитлер колебался. В конце концов был все же найден «компромисс». Гитлер объявил на широком совещании руководителей армии, что убийство Шлейхера и фон Бредова — досадное «недоразумение», но вместе с тем отказался признать это публично. В печати не появилось ни слова о «реабилитации» Шлейхера и фон Бредова. Генералы были вполне удовлетворены этим «компромиссом». Они удвоили свою энергию в целях возрождения военной мощи Германии. В течение двух лет после захвата власти Гитлером был построен внушительный военно-морской флот и созданы предпосылки для организации мощных военно-воздушных сил. И наконец, 16 марта 1935 г. Гитлер официально объявил о восстановлении воинской повинности и о создании крупных вооруженных сил рейха вместо куцевого рейхсвера веймарских времен.

21 мая последовал «закон о вооруженных силах», предусматривавший реорганизацию армейского руководства. Бломберг, носивший титул министра обороны, стал называться военным министром Германии. Одновременно с этим он был назначен командующим вооруженными силами (в подчинении у президента, то есть у Гитлера). Наряду с этим были учреждены должности командующих отдельных родов войск: сухопутных сил (генерал фон Фрич), флота (адмирал Редер) и военно-воздушных сил (генерал-полковник Геринг). Каждый из командующих имел свой генеральный штаб. Общего генерального штаба не оказалось (структура высшего командования изменилась после создания Верховного главнокомандования вооруженными силами — ОКВ).

«В самом деле, — замечает по этому поводу английский исследователь истории германской армии Уиллер Беннет, — казалось, что армия достигла всего, чего хотела. Все обещания Гитлера, данные представителям армии, по крайней мере формально, были выполнены».

Формально, но отнюдь не в том виде, как это представляли себе тогдашние руководители вермахта.

В первую очередь это касалось заявления — армия будет «единственным представителем вооруженных сил Германии». Впоследствии было сделано одно важное изъятие, оказавшееся затем роковым для судеб многих генералов. Наряду с войсками, подчинявшимися командованию армии, были созданы части «особого назначения» (предшественники «ваффен СС»), подчинявшиеся непосредственно Гиммлеру и выполнявшие специальные задания руководства СС.

Гиммлер в разговоре с Гитлером указал, что армия во время расправы со штурмовиками хотя и поддержала фюрера, но не-

посредственного участия в акции по ликвидации «бунтовщиков» не принимала. «Раз армия не захотела выполнять операции подобного рода, — сразу же заявил Гиммлер фюреру, — необходимо создать еще какую-то другую вооруженную силу». Гиммлер успокаивающе добавил, что речь должна идти о «двух, максимум трех полках», которые поступят в распоряжение СС. Гитлер с этим согласился. Так родились войска «особого назначения службы безопасности», то есть СД (таково было их официальное наименование). На эти войска власть армейского командования не распространялась, и, таким образом, первое обещание Гитлера не учреждать военные формирования, стоящие как бы над армией и не подчиняющиеся армейскому командованию, превратилось в пустой звук.

Точно так же обстояло дело с обещанием «экстерриториальности» армии и запрещения органам безопасности вмешиваться в ее внутренние дела.

Первая «проба сил» между армейским командованием и СС состоялась в конце 1936 г. Тогда в здании, в котором помещался абвер, были обнаружены микрофоны службы СД. Оказалось, что Гиммлер имел возможность следить за всеми разговорами, которые велись в святая святых вермахта — в отделе военной разведки, которым руководил адмирал Канарис.

Разразился громкий скандал. Военный министр и командующий вооруженными силами Бломберг, а также командующий сухопутными силами Фрич поспешили доложить об этом «возмутительном случае» Гитлеру. Фюрер также притворился возмущенным. Он еще раз торжественно подтвердил право армии на экстерриториальность. Микрофоны службы СД удалили, но, естественно, фюрер был хорошо информирован о действиях Гиммлера. Протест генералов лишь ускорил решение Гитлера и его верного сатрапа Гиммлера нанести решающий удар по генералитету и по его мечтам о полной самостоятельности.

Материалы, опубликованные в связи с так называемым «делом Бломберга и Фрича», показывают, что средства, которыми пользовались Гиммлер и Гейдрих для компрометации верхушки вермахта, основывались на прямой фальсификации и подтасовках! И Гитлер в них никогда не поверил бы, если бы не захотел поверить.

Тем не менее до сих пор среди историков ФРГ идут споры о том, знал ли фюрер о грязной афере, жертвами которой стали военный министр Бломберг и командующий сухопутными силами Фрич. И до сих пор еще некоторые реакционные исследователи твердят, будто «разоблачения» двух военных руководителей, состряпанные в недрах аппарата СС, оказались для Гитлера неожиданностью. И это несмотря на то, что документы последнего

десятилетия с абсолютной достоверностью показывают: речь идет о заранее спланированной акции, которая осуществлялась по сценарию, составленному в самых верхах. Легенда о «неведении» Гитлера относительно того, что затевается в центральном ведомстве СС и СД на Вильгельмштрассе и гестапо на Принц Альбрехтштрассе, полностью опровергается фактами. Эту легенду нельзя воспринять иначе как очередную попытку обелить нацистского фюрера.

Конечно, это не означает, что преступления самого германского генералитета можно списать со счета или что генералитет придерживался принципиально иной линии, нежели гитлеровское руководство. Речь идет о другом, а именно: фюрер утверждал свою тотальную власть над страной, включая армию.

Поводом к тому, что Гитлер дал «добро» на расправу с верхушкой генералитета, послужила позиция двух ведущих деятелей вермахта: военного министра и командующего сухопутными силами (а заодно и министра иностранных дел фон Нейрата, старого консерватора, не вступившего в нацистскую партию).

На сугубо секретном совещании военных и политических руководителей рейха 5 ноября 1938 г., то есть накануне развязывания второй мировой войны, эти три деятеля высказали сомнение в правильности наметок фюрера.

Фрич, Бломберг и фон Нейрат сочли, что с агрессией следует несколько повременить, не подвергая, впрочем, сомнению долговременных планов Гитлера. Однако даже подобного рода робких возражений было достаточно, чтобы начать операцию, которая привела к устранению «непокорных». И весьма характерно, что поводом для смещения военного министра и командующего сухопутной армией были избраны... моральные соображения.

С дьявольской изворотливостью аппарат Гимmlера сконструировал обвинение двух генералов в аморальности и в «оскорблении чести вермахта». Руководителем аферы Бломберг — Фрич был, видимо, Генрих Мюллер, глава гестапо. Однако непосредственными исполнителями «свержения» генералов стали не Мюллер, не Гейдрих и не Гимmlер, а мелкие и средние полицейские чиновники и лица, как будто вовсе не принадлежавшие к приближенным Гимmlера.

Первым было сфабриковано «дело Бломберга». Суть этого дела была такова. Старик министр, будучи вдовцом, женился на Еве Грун, секретарше из министерства Геринга... Свадьба была чрезвычайно пышной, свидетелями жениха стали сам Гитлер и Геринг. Но после этого торжества якобы выяснилось, что молодая была... проституткой.

До последнего времени считалось, что Ева (или Эрика?) Грун до замужества и впрямь была девицей легкого поведения. И к тому же происходила из весьма сомнительной семьи.

Однако ныне мы обладаем документами, опубликованными уже не раз упоминавшимся нами западногерманским историком и публицистом Гейнцем Хёне¹.

Версия Хёне кажется нам убедительной. Хотя вопрос о том, была или не была безнравственной супруга Бломберга, не столь уж существен для картины нравов в преступном государстве нацистов. Мы лишь потому пересказываем все перипетии дела военного министра, что это поможет нам показать, какими методами действовали Гиммлер и К⁰ даже в отношении крупных сановников гитлеровской Германии, к каким грубым и наглым фальсификациям прибегали. И как, несмотря на это, добивались нужных результатов.

Все началось в имперском ведомстве уголовной полиции, где хранились документы о деятелях нацистского рейха, в том числе и о верхушке генералитета. Советник уголовной полиции Гельмут Мюллер, руководитель службы опознания в Берлине, будто бы получил от своего секретаря, ассистента уголовной полиции Ричарда Бункера, «ценную» находку подотдела по борьбе с преступлениями на сексуальной почве: серию порнографических снимков, на которых среди прочих «дам» можно было распознать Еву Грун, жену военного министра. Гельмут снабдил фотографию следующей запиской: «Изображенная на снимках особа уже дважды или трижды была привлечена к ответственности за поступки, несовместимые с нравственностью, и в частности за кражу во время свидания с клиентом».

Далее в розыски изображенной на фотографии «дамы» включился руководитель ведомства по регистрации граждан, проживавших в Берлине, государственный советник Мельш. Он затребовал данные на всех жительниц Берлина, носивших фамилию Грун, и обнаружил, что в его картотеке значится некая Луиза Маргарита Грун. Она действительно была арестована по подозрению в воровстве, и она же служила моделью для порнографических снимков, которые ее «друг» Генрих Левингер продавал на вокзалах Берлина по 80 пфеннигов за штуку. Что же касается Евы Грун, то в картотеках, имевшихся в распоряжении уголовной полиции, ее имя не значилось. Легендой оказались также сведения о том, что мать Евы Грун владела салоном для массажа в Нойкёльне — она была простой домохозяйкой, а отец Евы состоял в обслуживающем персонале бывшего королевского замка в Берлине.

¹ Материалы эти впервые появились в начале 1984 г. в журнале «Шпигель» под заголовком «Обесчещена вся армия».

Несмотря на все эти явные несоответствия, имперский директор уголовной полиции группенфюрер СС Артур Небе¹ решил дать ход «пикантному» делу, чувствуя, что найдет понимание у вышестоящих начальников. Небе по своему служебному положению должен был доложить о собранных сведениях прежде всего руководителю политической полиции Гейдриху. Вместо этого он (какая доверчивость!) решил сперва посоветоваться со своим другом и сообщником полицей-президентом Берлина Гельдорфом. Гельдорф в свою очередь направился не к руководителю тайной полиции Гейдриху, а к генералу Кейтелю, сын которого только что женился на дочери Бломберга. Кейтель (по словам Гельдорфа) пришел «в неописуемый ужас».

Казалось бы, естественной реакцией генерала было обратиться к командованию рейхсвером, чтобы перепроверить донос. То есть привлечь к делу военную разведку — абвер. Тем более что абвером руководил «верный человек» — адмирал Канарис. Кстати, в абвере существовал специальный отдел по наблюдению за связями и поведением высшего офицерства. Установить неидентичность Евы Грун и Марии Луизы (а вернее, опровергнуть их идентичность) и удостовериться в лживости версии, выдвинутой полицией, было довольно просто. Однако ни Бломберг, ни Кейтель, ни якобы сочувствующие им Небе и Гельдорф по такому пути не пошли: слишком устрашающим был «авторитет» гестапо. Поэтому полицейско-гестаповская провокация продолжала гулять по свету, пока не достигла ушей нацистского фюрера (как на то и рассчитывали ее авторы).

Вместо того чтобы апеллировать к Канарису, Гельдорф бежал к Герингу. Но это как раз был тот шаг, который быстрее всего мог привести к развязке, желательной для гестапо. (И для Гитлера, прибавим мы.)

В военной среде было широко известно (и об этом не мог не знать Гельдорф), что честолюбивый Геринг сам метил на руководство армией. Устранить любыми путями соперника (военного министра) было ему явно на руку. Поэтому, как только Геринг узнал о случившемся, он поспешил информировать об этом Гитлера. Было воскресенье 24 января 1938 г., нацистского фюрера не оказалось в Берлине. Он должен был вот-вот вернуться из своей летней резиденции на юге Германии. Нетерпеливый Геринг решил тем не менее поехать в имперскую канцелярию, чтобы дожидаться возвращения фюрера и тотчас передать ему «важное известие». Не успел Гитлер выйти из машины, как Геринг увлек его в

¹ На Западе сейчас пытаются обелить Небе, изображая его кристально честным человеком, «идеалистом», который с самого начала выступал против карательного аппарата нацистов. На самом деле Небе верой и правдой служил Гитлеру и только на последнем этапе решил переметнуться. И сам стал жертвой Гимmlера.

сторону и попросил аудиенцию для конфиденциальной беседы. «В драматических тонах, — повествует Хёне, — рейхсмаршал рассказал о тяжелом проступке военного министра, который обманул доверие своего главнокомандующего и поставил себя вне порядочного общества позорной для чести германской армии женитьбой». Гитлер, естественно, притворился разгневанным. Он разыграл одну из тех сцен, которые не раз демонстрировал, когда хотел внушить страх своим подчиненным. «Бломберг немедленно должен уйти в отставку — такому человеку я никогда больше не подам руки».

Так была решена участь военного министра рейха, одного из тех столпов генералитета, который немало сделал, чтобы привести Гитлера к власти¹.

Избавившись от одного соперника — Бломберга, Геринг, теперь уже по собственной инициативе, затеял новую провокацию. На этот раз против командующего сухопутными силами Фрича. По утверждению того же Хёне, именно Геринг вспомнил, что, будучи в 1933—1936 гг. руководителем прусской тайной полиции (и одновременно премьер-министром Пруссии), он видел донесение, содержавшее протокол допроса известного полиции шантажиста некоего Отто Шмидта, специализировавшегося на выслеживании лиц, которых можно было уличить в гомосексуалистских связях и которые были готовы заплатить хорошую цену за сохранение в тайне компрометирующего их материала. За шантаж этот субъект дважды отсидел в тюрьме. Один из самых жестоких гестаповцев — Иозеф Мейзингер — взялся за это дело и нашел в протоколах допроса Шмидта фамилию какого-то «генерала Фрича». Гестаповец начал выпытывать подробности, и Шмидт заявил, что «генерал» якобы показал ему удостоверение личности, на котором ясно значилась фамилия Фрич. Он встречал Фрича, продолжал Шмидт, на вокзале в Ванзее. Шмидт «вспомнил» также, что на генерале было темное пальто с коричневым меховым воротником и белый шарф.

Все это произошло в 1936 г. Среди своих «клиентов» Шмидт назвал кроме Фрича Рюдигера, а также графа фон Гольца — сына одного из известных руководителей «фрейкора», оказавшего немалые услуги нацистам, полицей-президента Потсдама, штандартенфюрера СС графа фон Веделя и статс-секретаря, а впоследствии министра хозяйства — Вальтера Функа.

¹ Сейчас, конечно, трудно проследить весь ход гестаповской провокации. Однако следует все же упомянуть, что вдова Бломберга после войны выступила с опровержением данных гестапо и заявила, что она и ее муж пали жертвами интриг Гейдриха и Мюллера. Фотографии, представленные Гитлеру, Ева Грун назвала «явным фотомонтажом». Известно также, что Бломберг не согласился на требование Гитлера о разводе с Евой Грун. Супружеская пара прожила вместе вплоть до смерти Бломберга.

Тогда эти материалы Гитлер не пожелал использовать, он велел не только не давать хода скандальным показаниям Шмидта, но и уничтожить документы, собранные гестапо. Однако уже упомянутый хитроумный Мейзингер изъясил документы из гестаповского архива лишь после того, как сделал с них фотокопии для собственного архива.

Вот эти-то фотокопии и оказались исключительно нужны Герингу. Мейзингер сидел на старом месте, и копии допросов Шмидта были в целости и сохранности. «На месте» оказался и шантажист Шмидт. Он провел это время в тюрьме. Оттуда его вновь извлекли, и он предстал перед гестаповским следователем. Пребывание в тюрьме сделало Шмидта достаточно сговорчивым, а кое-что нужное для Гимmlера — Гейдриха следователь «освежил» в памяти Шмидта. Шмидт дополнительно показал, что «генерал» сначала дал ему всего сто марок, но обещал в дальнейшем тысячу марок, которые были выплачены в зале для ожиданий городской железной дороги в Лихтерфельде. Новый следователь, секретарь уголовной полиции Лёфнер, дополнил протокол допроса Шмидта новыми деталями: Шмидт назвал фамилию своего сообщника — еще одного шантажиста, некоего Хейшера, который подтвердил все показания Шмидта. Теперь Геринг счел, что обладает достаточными уликами против Фрича. Естественно, ни Мейзингер, ни Геринг не пожелали перепроверить показания шантажиста. Иначе они без труда могли бы убедиться в том, что вся информация, исходящая от Шмидта, была ложной, а гомосексуалистом оказался не генерал-полковник Фрич, а бывший ротмистр кайзеровской армии Фриш¹, живший неподалеку от вокзала в Ванзее.

Геринг, вооруженный гестаповскими документами, поспешил к фюреру. Гитлер потребовал очной ставки шантажистов с генерал-полковником в своем присутствии. Для того чтобы подготовить такую встречу, гестапо понадобилось некоторое время. Но Гитлер спешил. И вот, как повествует Мейзингер, «в течение интенсивной ночной работы» он успел достаточно подготовить шантажиста Шмидта. Фантазмагорическая «очная ставка» состоялась в ночь на 24 января 1938 г., и Шмидт при появлении генерал-полковника барона фон Фрича воскликнул: «Это он, это он!»

Приведем выдержки из сообщения тогдашнего адъютанта рейхсвера полковника Хосбаха о некоторых весьма любопытных обстоятельствах, сопровождавших очную ставку. «После длительного ожидания, — писал Хосбах, — в приемной перед кабинетом фюрера я услышал вдруг громкие шаги, раздававшиеся в соседнем помещении, расположенном между библиотекой и малой столовой

¹ В немецком, как и в русском, эти две фамилии в написании отличаются одной буквой — Фрич пишется Fritsch, а Фриш — Frisch.

имперской канцелярии. Дверь с шумом отворилась, и Геринг громко всхлипывая, появился в приемной. Он бросился на диван, закрыв лицо руками, и закричал сквозь слезы: «Это был он, это был он!»

Эта сцена должна была показать, как паяц Геринг заботится о чистоте генеральских мундиров.

Гитлер велел Фричу явиться на следующий день в гестапо, чтобы попытаться доказать свою невиновность. Для всех участников провокации уже было ясно, что песенка Фрича спета. Геринг, в частности, еще до очной ставки отозвал в сторону адъютанта Гитлера Видемана и прошептал ему на ухо: «Послушайте, вы же можете поговорить с фюрером. Скажите ему, чтобы он поручил мне руководство армией. Я готов отказаться ради этого от поста уполномоченного по «четырёхлетнему плану».

Тем не менее Фрич потребовал судебного расследования. Под нажимом генералов, которых на этот раз поддержал и Геринг, расследование состоялось, и после долгих проволочек суд вынужден был оправдать Фрича. Но к его судьбе как командующего сухопутными силами это уже отношения не имело. 4 февраля 1938 г. было опубликовано официальное сообщение, в котором объявлялось об отставке Фрича. Отставка объяснялась плохим состоянием здоровья¹. После оправдания генералу разрешили вернуться в ряды вермахта — он получил назначение в полк, где когда-то служил. К тому времени уже шла война с Польшей, и в одном из сражений Фрич был убит. По этому поводу французский исследователь истории гестапо Жак Деларю замечает: «Наверное, он искал смерти на поле боя, но многие тогда полагали, что он был убит гестапо».

Характерно, что военная каста оказалась совершенно неспособной противодействовать провокациям Гимmlера и Гейдриха. Она «сложила оружие» — отставка командующего сухопутными силами и военного министра не вызвала сколько-нибудь заметного волнения в армейских частях.

Гитлер же извлек из этих событий важный урок: расправу с неугодными ему генералами можно было, оказывается, совершать совершенно безнаказанно.

После удаления Бломберга и Фрича Гитлер перестал бояться оппозиции армии: старому генералитету был преподан предметный урок, и большинство генералов смирились с установлением фактического контроля гестапо над армией. Это были, не говоря уже о Кейтеле и Йодле, генералы Рундштедт, Лееб, Кюхлер, Клюге,

¹ Гестаповская затея удалась на сто процентов. Но когда впоследствии все же обнаружилось, что показания Шмидта были лживыми, его прикончили во дворе здания на Принц-Альбрехтштрассе.

Вейхс и другие. Они рьяно выполняли предписания фюрера и активно участвовали во всех преступлениях, которые совершались немецкой армией на оккупированных гитлеровским вермахтом территориях европейских стран. Гитлер мог вполне спокойно доверить им проведение самых зверских приказов, направленных на покорение и истребление целых народов.

Однако часть офицерства не смирилась все же с политикой фюрера и с его действиями по отношению к армии и к военной касте в целом. Именно в этой части офицерства возникли планы «дворцового переворота» с целью устранения бывшего «богемского ефрейтора», планы, которые привели к покушению на Гитлера 20 июля 1944 г. Среди видных участников заговора, примкнувших к противникам Гитлера еще в предвоенные годы, надо отметить прежде всего генерал-фельдмаршала фон Витцлебена, генерала Людвигу Бека, генерала Хаммерштейна и других. Так что можно сказать, что борьба СС и нацистского руководства с довольно широкими кругами старого офицерства продолжалась и после событий 1938 г. Но преимущество в этой борьбе после отставки Бломберга и Фрича и связанных с этим перемещений в армии оказались явно на стороне СС и СД, то есть на стороне Гимmlера и Гейдриха.

Именно после событий 1938 г. начался усиленный процесс проникновения СД и СС в высшие сферы армейского командования, процесс «нацификации» армии.

Одновременно укрепились позиции войск «особого назначения», которые находились в непосредственном подчинении у руководства СС. Сначала, как обещал Гитлер рейхсверу, эти войска составляли действительно лишь два-три полка. Но затем численность их резко возросла, а во время войны они стали использоваться в качестве главной полицейской силы в тылу гитлеровской армии для расправы с мирным населением на оккупированных территориях и частично в качестве ударных частей для выполнения особых заданий командования.

* * *

Материалы об обстоятельствах смены руководства армии сейчас достаточно изучены, и громадное большинство исследователей, занимающихся историей нацизма, согласны с тем, что речь идет об акции, организованной и осуществленной ведомством Гимmlера и преследовавшей совершенно определенные политические цели. Однако, как упоминалось выше, эта бесспорная истина не устраивает представителей реакционной западногерманской историографии.

Смушает некоторых историков в особенности тот факт, что коренная реорганизация руководства армией, которая привела к

отстранению от командования крупнейших представителей военной касты, была предпринята в самый канун войны, когда вопрос о нападении нацистского вермахта на ряд европейских стран, а в конечном счете вопрос о развязывании второй мировой войны, был уже окончательно решен Гитлером. В такой момент, считают они, нацистам было крайне невыгодно предпринимать перетасовки в верхушке военных эшелонов, наносить удар по самым талантливым представителям офицерства и тем самым ослаблять армию. Это якобы было невыгодно Гитлеру. Но подобный аргумент не выдерживает критики. Интересы Гитлера заключались прежде всего в том, чтобы на пороге войны очистить армию от всех потенциальных противников его авантюристического курса как в настоящем, так и в будущем.

Логика нацистского диктатора перевешивала всегда и во всем логику политического деятеля и стратега. Уже не говоря о том, что нельзя представить себе гитлеровский режим без систематических «кровопусканий» даже среди сторонников и ближайших сподвижников, в том числе и в военной среде.

4 февраля 1938 г. был опубликован указ фюрера о новой структуре руководства вермахтом. Было учреждено Верховное командование вооруженными силами. Его возглавил бесцветный генерал Кейтель, получивший прозвище «Лакейтель» за лакейские услуги Гитлеру. В указе определялись задачи Верховного командования. Оно, по мысли Гитлера, играло роль военного штаба фюрера и находилось под непосредственным его руководством. Начальник (шеф) Верховного командования получил ранг министра. «Верховное командование вооруженными силами,— говорилось в указе,— принимает на себя все функции имперского военного министерства. Начальник Верховного командования вермахта выполняет по моим (то есть Гитлера.— Авт.) указаниям функции, которые до сих пор находились в компетенции военного министра».

Цель всей этой перестройки состояла в том, чтобы отстранить от дел, связанных с руководством армией, часть старого генералитета и полностью подчинить армию нацистскому фюреру.

Соотношение сил между армией, аппаратом насилия и нацистской партией изменилось. И операция, приведшая к этим далеко идущим переменам, была проделана аппаратом Гимmlера. Заслуги ее организаторов — Гимmlера, Гейдриха, Мюллера и других были в глазах фюрера поистине огромными. Немудрено, что власть империи Гимmlера в нацистском рейхе в итоге этих событий значительно укрепилась.

СС И МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

«Дружба с СС приносит самые благоприятные плоды», — писал крупнейший представитель монополистического капитала Германии, член правления «ИГ Фарбениндустри» Отто Амброз. Письмо это датировано 1942 г., когда отношения между СС и немецкими монополиями вступили в новую фазу: «ИГ Фарбениндустри» и другие концерны нацистской Германии получили от Гиммлера разрешение черпать резервы рабочей силы, которой так не хватало для поддержания военного производства, непосредственно из концентрационных лагерей, из числа заключенных, пользоваться их даровым трудом.

Однако сотрудничество Гиммлера с руководителями германской промышленности сложилось гораздо раньше: германские монополии активно помогали Гитлеру и НСДАП в подготовке к захвату власти, в укреплении нацистского режима на основе уничтожения организованного рабочего и особенно коммунистического движения.

Именно «охранные отряды» СС, гестапо и система концлагерей должны были стать наиболее надежными союзниками истинных хозяев Германии — немецких монополий.

Таким образом, союз СС с германским монополистическим капиталом не был случайностью, и развитие его, о котором пойдет речь в дальнейшем, явилось вполне закономерным. Эту закономерность всеми силами пытаются ныне отрицать защитники германского милитаризма и все тайные и явные адвокаты нацистского фюрера.

Германские монополии финансировали нацистское движение с начала его зарождений, и около трети всех сумм, предоставленных промышленниками нацистам, шли на нужды создания террористических организаций НСДАП — СА и СС. Вначале эти суммы были относительно скромными: в 1923 г. не кто иной, как Тиссен — самый богатый и влиятельный в то время германский монополист, передал в кассу нацистской партии 100 тыс. марок¹. За ним последовал Кирддорф — другой «король угля и стали» в Веймарской республике. В 1927 г. состоялось свидание его с Гитлером, и с тех пор начались регулярные отчисления группы крупнейших монополий в кассу нацистской партии.

В 1931 г., опять-таки при содействии Тиссена, произошла встреча Гитлера и Геринга с особо доверенным лицом германского

¹ Сейчас эта цифра кажется мизерной, ибо военно-промышленный комплекс оперирует миллиардами. Но в масштабе довоенных цен 100 тыс. были крупной суммой.

монополистического капитала — Яльмаром Шахтом. Именно тогда, по мнению многих буржуазных историков, и был заключен «исторический пакт»: представители монополий благословили Гитлера — как будущего канцлера. В осуществлении этого сговора монополистов с нацистами важнейшая роль выпала на долю террористического аппарата НСДАП, которым тогда руководили начальник штурмовых отрядов Эрнст Рем и начальник «охранных отрядов» Генрих Гиммлер.

Такова, так сказать, предыстория взаимоотношений монополистов с главой террористической организации нацистского рейха Гиммлером.

Дальнейшая эволюция роли гиммлеровских отрядов в нацистском государстве частично уже знакома читателям. Союз между промышленниками и бандитами из ведомства СС в 1934 г., можно сказать, был скреплен кровью: Гиммлер стал, как известно, главным исполнителем расправы со штурмовиками, большинство которых по своему социальному происхождению представляло городские средние слои, разорившихся мелких буржуа, не сумевших «выбиться в люди» и стать в ряды хозяев жизни. Этих полухозяинов и полуюлупенов снедали глухая зависть и ненависть к их более удачливым конкурентам — богачам, особенно владельцам универсальных магазинов — представителям «анонимного капитала». Выражаясь современным языком, спикером этого социального слоя, из которого черпали в основном свои кадры штурмовые отряды, был Рем, и расправа с ним стала одним из важнейших социальных требований господ Тиссена, Кирдорфа, Феглера, Крупна и иже с ними, то есть представителей крупного бизнеса, хозяев рынка и биржи в Германии. Приемы мафии отнюдь не были чужды поклонникам «золотого тельца». Они хорошо знали, что «деньги не пахнут». Как известно, «походя» наемные убийцы Гиммлера расправились в 1934 г. с такими видными лидерами германской военщины, как генералы Шлейхер и фон Бредов, но они не тронули *ни одного заметного человека из среды германского монополистического капитала*, хотя в то время отнюдь не все монополисты стали на сторону фюрера, а многие из них относились к гитлеровской шайке с брезгливостью и презрением. Но и Гитлер и Гиммлер хорошо понимали, что «капитаны хозяйства» для них «запретный плод». И соответствующим образом действовали.

«Ночь длинных ножей» была первой, но отнюдь не последней совместной акцией монополистов с аппаратом СС, хотя, конечно, господа, на банковском счету которых лежали миллионные состояния, прямого участия в этой акции не принимали.

Монополистический капитал, вернее, наиболее видные его представители из числа правящей элиты рейха и непосредственного окружения президента республики Гинденбурга были в восторге

от бандитских действий Гимmlера, избавивших их от угрозы «второй революции». Гинденбург направил Гитлеру поздравительную телеграмму, в которой, в частности, писал: «Вы избавили немецкий народ от серьезнейшей опасности». Так что победу праздновали не только гитлеровские убийцы, но и «столпы общества» — германские толстосумы.

Именно толстосумам пришла в голову идея выделить из общих пожертвований, которые шли в кассу нацистской партии, суммы, специально предназначенные для Гимmlера. Переговоры по этому вопросу проходили через адъютанта Гимmlера, уже известного нам Карла Вольфа. Он вошел в контакт с такими крупными промышленниками и банкирами, как Курт фон Шредер, Август Ростерг, фон Бисмарк, Альберт Фёглер, Рудольф Бингель и другие. Образулся некий «избранный круг друзей СС», откуда Гимmlеру регулярно поступали солидные суммы. В ответ на это магнаты получали от Гимmlера приглашения на различные нацистские сборища и даже на некоторые сугубо секретные совещания.

Поскольку приглашения на партийные съезды НСДАП посылались монополистам постоянно, Гимmlер распорядился, чтобы для них зарезервировали места. И вот в один прекрасный день, как повествует тот же адъютант Гимmlера Вольф, над креслами, на которых восседали лица, приглашенные Гимmlером, появилась надпись: «Кружок друзей рейхсфюрера СС». Это название привилось, оно, по-видимому, льстило самолюбию Гимmlера и вполне устраивало «друзей» рейхсфюрера СС — крупнейших представителей германских монополий. Таким образом, в самом названии этого своеобразного гестаповско-монополистического синдиката, или сплава промышленного капитала с тайными службами нацистского рейха, отражена суть режима — союз капитала и плетки, эксплуататоров и палачей.

Профессор из ГДР Клаус Дробиш так характеризует факт создания «Кружка друзей рейхсфюрера СС»: «Возможно, так и было (то есть название «Кружка» возникло случайно. — Авт.), но причины организации «Кружка друзей рейхсфюрера СС» лежат гораздо глубже. Гимmlеру нужна была поддержка экономических кругов для того, чтобы расширить свою собственную власть и власть его эсэсовских отрядов. Отто Олендорф, член «Кружка друзей рейхсфюрера СС», так объяснял намерения Гимmlера: «Он был заинтересован в том, чтобы собрать вокруг себя влиятельных людей из числа богачей».

В свою очередь монополисты также хотели иметь «своего человека» в ближайшем окружении Гитлера, да к тому же человека, которому подчинялась вся тайная полиция рейха.

Да, это был действительно взаимовыгодный союз. И монополи-

сты извлекли из него огромные барыши: суммы, потраченные на нужды рейхсфюрера СС, окупились сторицей.

Впрочем, для того чтобы заслужить право на участие в «Кружке друзей рейхсфюрера СС», надо было иметь специальные рекомендации, пройти соответствующую проверку. О принципах отбора повествует Поль — руководитель административно-хозяйственного отдела центрального руководства СС. На процессе, проведенном американским трибуналом, Поль, в частности, показал: «Выбор членов («Кружка друзей рейхсфюрера СС». — Авт.) производил Кранефус — близкий поверенный Гимmlера и член правления компании «Браунколе-бенцин АГ». Этот крупный промышленник был хорошо знаком с широким кругом монополистов. Лица из числа избранных Кранефусом получали от Гимmlера приглашение стать членами «Кружка» и после проверки обзаводились соответствующими официальными удостоверениями. Проверкой лояльности кандидатов занимался сам Кранефус. «Особое внимание я обращал на то, чтобы будущие члены «Кружка» соответствовали по образу мыслей и по поведению людям, уже состоявшим в нем», — показал он.

Первоначально в «Кружке» было всего 12 человек, но вскоре количество его членов возросло до 40 (данные на 30 ноября 1939 г.). Таким образом, речь шла о весьма ограниченном числе лиц, но зато они действительно представляли основные монополистические группировки нацистской Германии. Перечисление компаний, руководимых членами «Кружка», и должностей, занимаемых ими, заняло бы много страниц. Ограничимся лишь общей характеристикой официально признанных «друзей» Гимmlера.

Вот хотя бы несколько фамилий — представителей отдельных концернов и тех должностей, которые многие из них занимали одновременно в империи Гимmlера.

Доктор *Фридрих Флик*. Владелец концерна Флика. Член наблюдательного совета 20 акционерных обществ, главным образом в угольной и сталелитейной промышленности. В 1945 г. был приговорен к 10 годам тюрьмы за военные преступления, в 1950 г. освобожден американцами, а в 1958 г. уже вновь стал членом наблюдательных советов восьми акционерных обществ.

Отто Штейнбринк. Один из руководителей концерна «Ферейнигте штальверке». Штейнбринк был членом нацистской партии, в 1938 г. получил чин бригадефюрера СС при штабе рейхсфюрера СС Гимmlера. Он был членом наблюдательных советов 10 акционерных обществ.

Эвальд Хеккер и доктор *Генрих Шмидт*. Руководители угольной промышленности в нацистской Германии. Первый из них был членом наблюдательных советов 11 концернов, преимущественно

в угольной промышленности Германии, второй, также крупный предприниматель, состоял в отряде СС, а с 1939 г. стал оберштурмбанфюрером СС в центральном руководстве СС.

Герберт Геринг и доктор *Вильгельм Фосс*. Представители концерна «Герман Геринг-верке». Герберт Геринг — родственник всемогущего Германа Геринга, именем которого был назван один из крупнейших горнорудных концернов Германии. Он состоял в СС, а с 1939 г. имел чин оберштурмбанфюрера. Одновременно был членом 10 наблюдательных советов в машиностроительной промышленности и в страховых обществах. Доктор Вильгельм Фосс заседал в 14 наблюдательных советах и имел чин штурмбанфюрера. Был прикомандирован к штабу рейхсфюрера СС. После войны стал советником по вопросам экономики в Египте.

Август Ростерг. Один из руководителей концерна «Винтерсхалл». Его специальностью была, в частности, калийная химическая промышленность, он занимал посты члена наблюдательных советов в восьми концернах.

Доктор *Генрих Бюгефиш*. Один из руководителей знаменитой химической монополии «ИГ Фарбениндустри». Имел чин гауптштурмфюрера, был членом наблюдательного совета четырех акционерных обществ. С 1957 г. стал членом двух наблюдательных советов западногерманских концернов.

Вильгельм Кеплер и *Фриц Кранефус*. Владельцы концерна «Браунколе-бензин АГ». Кеплер был группенфюрером СС, прикомандированным в 1939 г. к штабу рейхсфюрера СС. Кроме того, занимал пост статс-секретаря в министерстве иностранных дел Германии. Член наблюдательных советов 14 акционерных обществ. В 1949 г. был приговорен к 10 годам тюрьмы, но в 1950 г. освобожден и теперь вновь занимает ведущие позиции в ряде отраслей промышленности в ФРГ, поскольку имущество было ему полностью возвращено. Кранефус с 1939 г. имел чин штандартенфюрера СС, был членом наблюдательных советов шести акционерных компаний.

Рудольф Бингель. Один из владельцев электротехнического концерна «Сименса».

Гельмут Рёнерг. Представитель концерна «Рейнметалл — Борзиг», член наблюдательных советов 20 акционерных обществ, представитель знаменитого калийного концерна Квандта.

Отто Хойер. Член наблюдательного совета четырех акционерных обществ в цементной промышленности, один из владельцев компании «Портланд-цемент АГ».

Карл Линдемманн. Представитель северогерманской фирмы «Лойд» (морские перевозки). Член наблюдательных советов 14 акционерных обществ, преимущественно в легкой промышленности и в страховом деле.

Ганц Вальс. Представитель крупнейшего электротехнического концерна Боша, член НСДАП с 1938 г., унтерштурмфюрер СС, член наблюдательных советов 14 компаний, в основном банковских.

Кроме того, крупный банковский капитал был представлен в «Кружке друзей рейхсфюрера СС» следующими банками.

Имперский банк (Рейхсбанк). Одним из его руководителей был Герман Вальдхеккер, до 1939 г. Вальдхеккер состоял членом директората «Имперского банка» и членом семи наблюдательных советов акционерных обществ.

«Дрезденер банк». Был представлен доктором Эмилом Майером и доктором Карлом Раше. Первый из них имел чин оберштурмбанфюрера СС, второй также числился в СС и с 1939 г. был членом правлений 24 акционерных обществ.

«Дойче банк» был представлен в «Кружке друзей рейхсфюрера СС» доктором Карлом Ритером фон Хальтом.

Коммерц унд приватбанк. Владелец фирмы — Фридрих Рейнгарт.

Рейхскредитгезельшафт. Главный владелец — Альфред Ольшер.

Банк Штейна. Его основным владельцем был Курт фон Шредер, состоял в СС и в НСДАП. В 1938 г. фон Шредер получил чин бригадефюрера СС и работал в штабе рейхсфюрера СС.

Повторяем: этот список можно было бы продолжить, если ставить себе цель перечислить всех членов «Кружка друзей рейхсфюрера СС» с обозначением постов, которые они занимали в немецких концернах и в аппарате насилия, то есть в «империи Гимmlера». Но предоставим это специалистам, изучившим в деталях своеобразный процесс сращивания промышленности, финансов и карательного аппарата нацистов.

На ежемесячных встречах «Кружка друзей рейхсфюрера СС» обсуждались отнюдь не теоретические вопросы. Члены «Кружка» имели возможность глубоко заглянуть в практическую деятельность банды Гимmlера и собственными глазами убедиться в том, что он, Гимmlер, соблюдает их интересы не только с точки зрения безопасности капитала и охраны его от классовых врагов — рабочих, крестьян и широких слоев трудящихся, но и заботится о бесперебойном снабжении монополий рабочей силой за счет дарового труда заключенных. Для этой цели кроме концентрационных лагерей были созданы так называемые «рабочие лагеря», в которых выжимались последние соки из жертв гестапо, прежде чем их отправляли в следующий и последний «круг ада» — в лагерь смерти.

Знали ли об этом господа промышленные и банковские воротилы? Сам Гимmlер заботился о том, чтобы информировать «дру-

зей» рейхсфюрера СС и ознакомить их с тем, что творилось в лагерях и во имя чего все это происходило.

В 1937 г. члены «Кружка» при участии самого Гимmlера посетили концлагерь Дахау близ Мюнхена. Промышленники и банкиры из «Кружка друзей» Гимmlера уже тогда поняли, что концлагеря могли стать важными поставщиками рабочей силы для их собственных предприятий. Гимmlер продемонстрировал посетителям находившуюся неподалеку от концлагеря Дахау фарфоровую фабрику. Ее обслуживали исключительно заключенные. Рейхсфюрер СС разрешил посетителям свободно передвигаться по лагерю и участвовать в разговоры с узниками. Через некоторое время Гимmlер организовал такую же экскурсию в концентрационный лагерь Заксенхаузен.

Еще более широкий размах «дружеские связи» между СС и верхушкой промышленников приняли уже после начала нацистской агрессии и особенно после нападения на Советский Союз. Тут в полной мере сказались выгоды, которые промышленники извлекали из альянса с Гимmlером: из концентрационных лагерей, а также на оккупированных нацистами территориях германская промышленность черпала миллионы рабочих рук, а точнее, рабов, обреченных на вымирание из-за дикой физической нагрузки и голода.

Один из видных сотрудников Гимmlера, Олендорф, начальник 3-го управления РСХА, зондеркоманда которого носила название «Отряд группы Д», показал: «Когда рейхсфюрер СС проявил интерес к поставкам военных материалов для войсковых формирований СС, он с большой пользой для себя мог воспользоваться своими связями с промышленниками для того, чтобы в своем «Кружке» обсудить все интересующие его вопросы. А когда перед рейхсфюрером СС в 1943, 1944, а также в 1945 г. была поставлена задача срочно сформировать новые дивизии и выделить для этого соответствующее вооружение, он также обратился к своим друзьям-промышленникам... Таким образом, часто по неофициальным каналам рейхсфюрер СС мог получить все необходимые ему военные материалы. Этому способствовали его связи с членами «Кружка друзей рейхсфюрера СС».

Центральный орган СС газета «Дас шварце кор» 6 марта 1941 г. в следующих словах описала взаимоотношения СС с промышленниками: «Идеальный «брак» между творческой частью предпринимателей и государственным руководством мы видим на примере развития военной промышленности... Вряд ли кому-нибудь придет в голову мысль, что они (предприниматели.— Авт.) могли бы воспринять этот брак как брак по принуждению». Упомянутый нами историк ГДР профессор Дробиш так комментирует сие высказывание: «Нет, господа монополисты не действовали «по

принуждению!» Они видели в нацистском государстве инструмент, при помощи которого могли претворять в жизнь свои планы мировой гегемонии и порабощения других народов. Они были столпами, на которых покоилось государство, они проникли в государственный аппарат и присвоили себе многообразные и решающие функции в нем, по сути дела, превратили государственный аппарат насилия в свой собственный аппарат».

Справедливые слова! Именно потому монополисты были щедро вознаграждены. Вот еще один конкретный пример симбиоза СС и монополий для получения сверхприбылей, а именно: симбиоз самого мощного в нацистской Германии концерна «ИГ Фарбениндустри» с ведомством Гиммлера. Правление этого концерна в 1935 г., когда Гиммлер организовал посещение «друзьями» рейхсфюрера СС концентрационного лагеря Дахау, заинтересовалось возможностью использовать труд заключенных на своих предприятиях. Уже тогда было оформлено соглашение между «ИГ Фарбениндустри» и руководством СС, согласно которому правлению концерна разрешалось создать новое предприятие для производства каучука — «Буна» в местности, непосредственно примыкавшей к концентрационному лагерю. То был четвертый по счету филиал основного предприятия, на котором работали исключительно заключенные концлагеря. Впоследствии было решено создать филиал рядом с Освенцимом — одним из самых больших лагерей смерти, находившимся в ведении отрядов «Мертвая голова» Гиммлера.

Местоположение нового предприятия определил сам генеральный директор предприятий по производству каучука «Буна» Отто Амброс. 1 марта 1941 г. Гиммлер посетил концлагерь Освенцим. В его свите находились несколько представителей «ИГ Фарбениндустри». Было решено, что для строительства филиала руководство лагеря выделит дополнительно 10 тыс. заключенных. Чтобы оформить сделку, доктор Генрих Бютефиш с согласия председателя правления «ИГ Фарбениндустри» Шмитца связался с адъютантом Гиммлера Вольфом (как мы знаем, одним из создателей «Кружка друзей рейхсфюрера СС»). Руководство СС дало официальное согласие на выделение означенного количества заключенных. Эта сделка была специально оговорена в документе о создании нового филиала. Руководитель административно-хозяйственного отдела СС Поль показал: «Рейхсфюрер СС Гиммлер велел, чтобы выделили заключенных для работы вне лагеря. Предпочтение должно было быть оказано строительству завода «Буна». Когда выяснилось, что завод, несмотря на помощь Гиммлера, испытывает недостаток в рабочей силе, руководство СС распорядилось создать по соседству новый, специальный «рабочий лагерь», которым распоряжалась бы исключительно фирма «ИГ Фарбениндустри». Так возник «рабочий лагерь» «Моновитц». Фирма взяла на

себя все расходы по строительству барачков, санитарному обеспечению лагеря. Работами заключенных руководили служащие фирмы «ИГ Фарбениндустри». Они, в частности, отдали распоряжение, чтобы заключенные передвигались по территории только бегом; мастера имели право бить заключенных, и нередко бывали случаи избияния до смерти. Технический директор завода Вальтер Дюренфельд сам следил за тем, чтобы заключенные выполняли непосильные нормы, и применял для этого самые жестокие телесные наказания. Рацион для заключенных, работавших на строительстве, состоял из одного литра жидкого супа, 375 граммов хлеба и 8 граммов маргарина. Рабочие носили деревянную обувь, мыло им вообще не выдавалось. Средняя продолжительность жизни заключенных, попавших в лагерь «Моновитц», составляла... два месяца.

В качестве компенсации за даровую рабочую силу фирма «ИГ Фарбениндустри» выплатила в течение двух с половиной лет в кассу СС более 20 млн марок. Прибыль же от труда заключенных составила более 330 млн марок.

Но фирма «ИГ Фарбениндустри» выполняла и другие функции: в частности, была пособником ведомства Гимmlера по организации шпионской деятельности за границей. Для этого она пользовалась своими обширными связями с иностранными монополиями, особенно с американскими. Речь шла об экономическом шпионаже, то есть о выведывании секретных технологических данных, которые касались развития военной промышленности в странах, находившихся в состоянии войны с Германией. С этой целью была создана обширная шпионская сеть фирмы «ИГ Фарбениндустри», в которой были заняты несколько сот штатных работников.

Западногерманский исследователь Клаус Сатор, опубликовавший специальный труд о связях «ИГ Фарбениндустри» с нацистским партийным и государственным аппаратом, писал: «Главой этой шпионской организации был Макс Ильгнер. Подобно его родственнику (имеется в виду дядя Макса Ильгнера Герман Шмитц, который был председателем правления «ИГ Фарбениндустри». — Авт.) он уделял особое внимание тщательному засекречиванию работы этого органа. Макс Ильгнер руководил своим бюро с большой энергией, и никто из его сотрудников не был полностью информирован о проводимых операциях».

Наиболее важным звеном в этой шпионской организации был статистический отдел «ИГ Фарбениндустри», занимавший отдельное здание в северо-западной части Берлина. В этом отделе сотрудник Ильгнера, известный специалист по статистике Антон Рейтлингер, использовал свои связи с руководителями статистических служб американских концернов, чтобы собирать материалы о состоянии промышленности других стран. «Отдел шпионажа концерна «ИГ Фарбениндустри», — заканчивает свой рассказ Клаус

Сатор, — выполнял огромный объем работы. Бюро в Берлине НВ-7 (Сатор приводит индекс бюро. — Авт.) было наиболее эффективным шпионским центром Европы». Дополнительно к этому бюро «ИГ Фарбениндустри», сообщает далее западногерманский исследователь, создало особое «посредническое ведомство В», которое служило исключительно целям содействия вермахту (то есть службе разведки вооруженных сил — абверу. — Авт.).

Можно поэтому полностью согласиться с выводом Клауса Сатора о том, что концерн «ИГ Фарбениндустри» являлся организацией, финансировавшей немалую часть разведывательной работы в нацистской Германии».

Вот как на практике выглядело сотрудничество СС с германскими монополиями. Обе стороны могли быть вполне довольны его плодами.

Укрепление нацистской диктатуры сопровождалось процессом сращивания монополий и нацистского аппарата. Гитлеровские бонзы становились членами правлений акционерных компаний, а промышленники вступали в нацистскую партию и получали высокие эсэсовские чины. При этом промышленники не жалели средств, чтобы приблизить к себе чиновников тайных служб, и в первую очередь гестаповских чиновников, ибо эти связи укрепляли их личную безопасность и помогали при «аризации» промышленности (то есть при конфискации еврейской собственности) как в самой Германии, так и в оккупированных странах.

Но все это, как говорится, имело свою цену. Приходилось отчислять крупные суммы в кассу СС, тратить средства на подкуп крупных и мелких чиновников гиммлеровского аппарата насилия. Неслыханных размеров достигла коррупция именно в этом аппарате — ведь часто приходилось просто «откупаться», чтобы не вступать в конфликты с чиновниками гестапо или, скажем, ускорить получение виз на выезд (число выезжавших из Германии с коммерческими или даже просто с туристскими целями было резко ограничено), принимать родственников, прибывавших из-за границы, и т. д. и т. п.

Таким образом, возникла своеобразная «личная уния» между промышленниками и аппаратом СС, СД и полицией.

УЗАКОНЕННОЕ БЕЗЗАКОНИЕ

Мы уже видели, что начиная с 1933 г. гестапо, СД и прочие карательные органы, подчинявшиеся сперва Герингу (гестапо), а потом Гиммлеру и Гейдриху, забирали все большую власть. Как сказал на Нюрнбергском процессе главный обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс, эсэсовские концентрационные лагеря, подобно сыпи, покрыли всю Германию. А о том, что творили

на оккупированных нацистами территориях войска СС, эйнзац-группы и прочие палачи с эсэсовскими рунами, речь еще впереди.

Сейчас надо отметить, что при всем том в «третьем рейхе» продолжали функционировать и министерство внутренних дел и министерство юстиции. Издавались законы с длинным перечнем параграфов, по форме точь-в-точь законы любого «нормального» буржуазного государства, а по содержанию, по сути своей — чудовищные. Наряду с «охранными арестами» выдавались ордера на «обычные» аресты — обвиняемых сажали в тюрьмы. Изо дня в день заседали суды, число их росло. Просто суды, «чрезвычайные суды», так называемые «ускоренные» суды СД в Польше, военно-полевые суды. Наконец, пресловутый «народный трибунал», самое страшное судилище, в котором обвиняемым не разрешалось иметь адвоката и вызывать свидетелей защиты, а судьи кричали на людей, зачастую измученных пытками, оскорбляли их, издевались над ними.

Только с 15 февраля 1944 г. до конца войны военно-полевые суды вынесли от 7 до 8 тыс. смертных приговоров. Тогда же, в феврале 1944 г., были созданы новые «чрезвычайные суды». Их целью было пресечь «ликвидаторские настроения».

Росло и количество тюрем, число заключенных.

Итак, министерство внутренних дел и министерство юстиции работали на полных оборотах. Более того, до 1943 г. Гиммлер и весь его аппарат формально подчинялись министерству внутренних дел. Тем не менее в организации тотального террора решающую роль играло гиммлеровское ведомство.

Как же осуществлялось взаимодействие всех органов насилия? И какую роль играл каждый из них?

Попробуем ответить на этот далеко не простой вопрос.

Начнем с министерства внутренних дел нацистской Германии. Во главе его 10 лет из 12, отпущенных нацистам, стоял Вильгельм Фрик.

Сама биография Фрика достаточно выразительна. Он родился в 1877 г., следовательно к 1933 г. был не так уж молод. Получил юридическое образование. К его фамилии прибавлялось уважительное «доктор» — свидетельство того, что Фрик окончил университет и защитил докторскую работу. В Веймарской республике он был одним из руководителей баварской политической полиции, стал там «человеком Гитлера», примкнул, хоть и тайно, к нацистам. В 1923 г. принял участие в «пивном путче». Вместе с Гитлером, Гессом, Людендорфом сел на скамью подсудимых. В 1925 г. открыто вступил в НСДАП, за что и был вознагражден — в первом коалиционном кабинете Гитлера (нацисты называли его «кабинетом национальной концентрации») был одним из трех нацистов (всего из трех!), остальные члены этого кабинета принадлежали

к другим реакционным буржуазным партиям. Трио было такое: сам Гитлер, Геринг и Фрик. С 1933 по 1943 г. Фрик руководил министерством внутренних дел. Имел еще множество постов. На фотографиях изображен в большинстве случаев в черных брюках и в светлом кителе, в сапогах и с повязкой на рукаве, в центре повязки — огромная свастика. Не брезгал также эсэсовской формой. Кончил жизнь на виселице по приговору Нюрнбергского трибунала для главных военных преступников. Это произошло в 1946 г.

Поскольку Фрик проходил по Нюрнбергскому процессу, его деятельность подробно освещена.

Вот что говорил о Фрике обвинитель от США Р. Джексон: «Фрик, безжалостный организатор, помогал партии при захвате власти, руководил полицейскими учреждениями, с тем чтобы сохранить для нее власть, и приковал экономику Богемии и Моравии к германской военной машине»¹.

А вот что говорил о нем обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс:

«В 1935 году имперский министр юстиции (тогда министром юстиции был Гюртнер. — Авт.) в письменном виде изложил Фрику свой протест против многочисленных случаев жестокого обращения в концентрационных лагерях, включая «избиение как меру дисциплинарного взыскания», «жестокое обращение главным образом с политическими заключенными, для того чтобы заставить их говорить», и «жестокое обращение с заключенными исключительно для развлечения или по садистским мотивам»².

Далее Гюртнер жаловался на то, что «избиение находящихся в заключении коммунистов рассматривается как обязательная полицейская мера, необходимая для более эффективного подавления коммунистической деятельности».

Приведя примеры пыток, министр юстиции заключил:

«Эти несколько примеров показывают степень жестокости, которая оскорбляет чувство каждого немца».

Чувства Фрика, очевидно, не испытывали оскорбления. Уже на следующий год он получил подобный же протест от одного из своих собственных сотрудников и вскоре после этого издал декрет о подчинении всех полицейских сил Гиммлеру, то есть тому самому человеку, который, как он знал, является ответственным за зверства.

Шоукросс сказал в заключительной речи: Фрик уже в 1927 году заявил, что «национал-социалисты всегда стремились к тому дню, когда они смогут положить бесславный, но полностью заслуженный

¹ Фрик с 1943 г. был «протектором» Богемии и Моравии.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в 7-ми т. М., 1961, т. 7, с. 30, 61—62 (далее — Нюрнбергский процесс).

конец этой дьявольской бутафории — парламенту — и открыть дорогу для расовой диктатуры».

На Фрике остановился в своей речи и обвинитель от Франции Шампетье де Рибо:

«Фрик был членом партии с 1925 года. Он стал рейхслейтером, затем генеральным уполномоченным по имперской администрации с 30 января 1933 г. по 20 августа 1943 г.». Возглавлял также специальный орган, занимавшийся присоединением Австрии к Германии и включением в состав рейха «Судетской области, Мемеля (Клайпеды), Данцига (Гданьска), территории на Востоке, Эйпена, Мальмеди и Моренэ. Кроме того, он был начальником центрального управления «протектората» Богемии и Моравии, «губернаторства» Нижней Штирии, Верхней Каринтии, Норвегии, Эльзаса, Лотарингии и всех остальных оккупированных территорий. Более года он был «протектором» Богемии и Моравии. С момента захвата власти (нацистами.— Авт.) он был имперским министром внутренних дел... членом совета обороны. Будучи избран в рейхстаг, предложил издать антисемитские законы. Сохраняя полнейшее повиновение, он неоднократно служил рупором политической мысли режима...

...Это он, Фрик, назначил Гиммлера. Фрик ответствен за антисемитское законодательство. Наконец, он заставил подвергнуть стерилизации людей... Помимо этого он приказал уничтожать всех душевнобольных, признанных неизлечимыми».

А теперь предоставим слово главному обвинителю от СССР Р. А. Руденко:

«С именем подсудимого Вильгельма Фрика неразрывно связана история развития нацистского движения в Германии и многочисленные преступления гитлеровцев.

В качестве министра внутренних дел гитлеровского правительства Фрик участвовал в издании многочисленных законов, указов и других актов, направленных на уничтожение в Германии демократии, преследование церкви, дискриминацию евреев и т. д. В этой роли Фрик активно способствовал созданию в Германии гитлеровского тоталитарного государства.

В течение ряда лет в подчинении подсудимого Фрика находилась получившая мрачную известность германская государственная тайная полиция (гестапо).

Не кем иным, как подсудимым Фриком, в 1940 году был издан приказ об уничтожении душевнобольных и престарелых.

В качестве министра внутренних дел гитлеровской Германии Фрик... был полностью осведомлен о широко развитой в третьей империи системе концентрационных лагерей и о существовавшем в них изуверском режиме.

Значительная роль принадлежит подсудимому Фрику в под-

готовке и осуществлении агрессивных планов гитлеровского правительства. Он являлся членом совета министров по обороне империи и генеральным уполномоченным по вопросам администрации.

Все документы, которыми гитлеровские заговорщики «узаконивали» присоединение к Германии захваченных территорий, в числе других гитлеровских главарей были подписаны также Фриком.

Лично Фрик в качестве «протектора» Богемии и Моравии несет ответственность за все преступления, совершенные гитлеровцами на этой территории.

Возглавляемое Фриком министерство внутренних дел после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз принимало самое активное участие в создании администрации на захваченных территориях СССР. Из числа служащих министерства внутренних дел комплектовался в основном аппарат немецких оккупационных властей на Востоке.

Нет необходимости повторять, какую роль в истреблении, угоне в рабство и других бесчеловечных действиях в отношении мирного населения оккупированных территорий сыграл этот аппарат, созданный при самом активном участии подсудимого Фрика.

За все эти преступления Фрик как активный участник фашистского заговора несет прямую и полную ответственность».

Из приведенных цитат видно, что на Нюрнбергском процессе портрет Фрика был нарисован достаточно подробно¹. Он все знал, ставил, когда надо, свою подпись, а его подпись многого стоила. Словом, делал все возможное, чтобы превратить Германию и оккупированные территории в застенки. И облакал это в юридическую форму законов, указов, распоряжений.

Вот по годам основные «деяния» Фрика, а стало быть, и его министерства на территории самой Германии.

1933 год. Год захвата власти Гитлером. На основе указа от 28 февраля были введены имперские комиссары в Бадене, Вюртемберге и Саксонии (до этого местная полиция не подчинялась Фрику). 31 марта был издан закон, согласно которому ландтаги вообще распускались, чтобы собраться вновь без предварительных выборов. Закон подписали Гитлер и Фрик, покончив с автономией отдельных земель, гарантированной веймарской конституцией.

¹ Один маленький штрих к вышесказанному надо все же добавить: последнее слово подсудимого Фрика уместилось в восьми неполных строчках печатного текста. Фрик начал свою речь фразой: «Перед лицом обвинения я стою с чистой совестью...» И кончил ее словами: «Я считаю, что за исполнение моего морального долга я не должен понести наказания...» Таким образом, он, невзирая на катастрофические улики, накануне смертного приговора прикинулся эдаким чинущей, исполнявшим чужие приказы!

Уже через неделю Гитлер ввел институт имперских наместников. Наместниками во всех 18 землях стали нацисты, в большинстве бывшие гаулейтеры. Еще в феврале вюртембергский министр экономики Майер выступил с резким протестом против попытки отобрать у земель независимость. Фрик ответил на это: «Рейх с его авторитетом одержит блистательную победу над южнонемецкими провинциями...» Он же принял присягу наместников, поклявшихся в верности Гитлеру.

1934 год. Год расправы со штурмовиками и прочих кровавых расправ. Уже 2 февраля Фрик запретил монархические (!) союзы в землях. Накануне 1 мая Геббельс писал Фрику в страхе перед первомайскими демонстрациями трудящихся: «Посему предлагаю господину министру внутренних дел разместить тайно в этих кварталах (рабочих. — Авт.) усиленные наряды полиции, дабы предотвратить подобные демонстрации. Самое целесообразное — скрывать от населения это мероприятие, что даст возможность раскрыть хотя бы часть подпольного коммунистического аппарата».

30 июня, «ночь длинных ножей», Фрик провел вместе с Герингом и Гиммлером, своими тогдашними соперниками. Это не помешало всем троем дружно уничтожать прежних друзей и соратников — Рема и К⁰.

1935 год. Год упорядочения нацистского аппарата насилия. Год первых территориальных захватов гитлеровцев. Фрик и имперский комиссар Бюркель «включили» в рейх Саарскую область¹. В январе этого года Фрик опубликовал статью — циркуляр о местном (общинном) самоуправлении:

«За два года, прошедшие со времени нашего прихода к власти, была опробована реформа управления; построенная на фюрерском принципе. Она обеспечивает единую, боеспособную и четкую систему руководства и всеобъемлющую ответственность. Парламентаризм окончательно изгнан из общин...» «Граждане действуют заодно с руководством. Руководитель общины назначается по предложению уполномоченного НСДАП после одобрения органом надзора. Он, таким образом, облечен доверием партии и государства... Контроль над деятельностью руководителя общины осуществляет в полной мере государство. НСДАП, как представитель народа, которая несет также ответственность за все происходящее, включена в управление общиной. Партия также комплекзует советы общин, которые как совещательный орган при бургомистре назначаются из соответствующего круга граждан».

Итак, с «парламентаризмом» было покончено раз и навсегда как в центре, так и на местах. А вместе с тем покончено с гласностью, с критикой (Геббельс начал кампанию против «шептунов

¹ До 1935 г. Саарская область находилась под управлением Лиги Наций.

и критиканов»). Было покончено, разумеется, и с правосудием, со всеми атрибутами буржуазно-демократического строя.

1936 год. 10 июня Фрик запретил католические юношеские союзы. 17 июня передал Гимmlеру руководство всей немецкой полицией. Чрезвычайно важный шаг! 20 сентября издал еще одно знаменательное распоряжение. Согласно этому распоряжению, гестапо во всех землях перешли в ведение центрального берлинского гестапо. А ведь всего год назад тот же Фрик во всеуслышание заявил: «Возможно, я буду вынужден взять в свое министерство Гимmlера, но ни в коем случае не впущу туда «убийцу Гейдриха». В 1936 г. Гейдрих распоряжался и гестапо и полицией. «Все непосредственные орудия террора, — пишет исследователь из ГДР Бергшиккер, — оказались в его руках (руках Гимmlера. — Авт.). И произошло это при непосредственном участии Вильгельма Фрика. Результаты сего не преминули сказаться: только в 1936 г. было арестовано примерно 1400 социал-демократов и 12 тыс. коммунистов, и это уже после того, как сотни тысяч людей были брошены в концлагеря».

1937—1938 годы. Оргия арестов, смертных приговоров и т. д. Начало программы уничтожения «неполноценных» немцев («программы эвтаназии»), одобренной Фриком. В 1938 г. Фрик предоставил право выписывать ордера на «охранный арест» гестапо. До тех пор списки арестованных должны были, пусть формально, утверждаться в министерстве внутренних дел. Отныне, как гласил декрет Фрика, «охранный арест» стал прерогативой тайной полиции, ибо он был направлен «против лиц, которые своей деятельностью вредят прочности и безопасности народа и государства». В ордере сверху было напечатано: «Постановление об охранном аресте не подлежит обжалованию». Ниже шло «обоснование». К примеру: «Подозревается в подрывной работе против государства» или: «Серьезно подозревается в помощи дезертирам». Или: «...в родстве с эмигрантом, если останется на свободе, способен использовать все возможности, чтобы повредить рейху». В том же году Фрик издал декрет, предписывающий низовым организациям НСДАП сотрудничать с гестапо.

Таким образом, мы видим, что министерство внутренних дел уже до начала нацистской агрессии предприняло все, чтобы узаконить беззаконие в нацистской Германии.

1939 год. Первый военный год. 30 августа образован министерский совет имперской обороны. В совет вошли Геринг, Ламмерс (начальник канцелярии рейхсканцлера), Фрик, Функ (министр экономики), Гесс и Кейтель. Гимmlер и Геббельс также принимали участие в работе совета. Естественно, что внутри страны произошло ужесточение террора. По приказу Гимmlера в концлагеря стали сажать не только «недовольных» и потенциальных «врагов», не

только противников войны, но и тех, кто уклонялся от работы на войну.

1940 год. Число «чрезвычайных судов» по сравнению с 1938 г. было увеличено вдвое. С 55 до 110.

1943 год. Наконец Гиммлер получил пост министра внутренних дел, но и Фрик не оказался внакладе. Его назначили имперским «протектором» Богемии и Моравии...

Итак, по существу, функции Гиммлера и Фрика совпали. Почему же все-таки наряду с гестапо и СД, наконец с РСХА, действовало министерство внутренних дел?

Параллелизм был заложен в самой нацистской системе. Даже канцелярий у Гитлера было несколько: канцелярия рейхсканцлера во главе с Ламмерсом и партийная канцелярия во главе с Гессом, а потом с Борманом. И в довершение всего — военная канцелярия во главе с Йодлем. Оккупационной политикой занимались заместители — крупнейшие чины в партийной иерархии: Франк, Фрик, Кох, Гейдрих, Кубе. А также министерство экономики под руководством Функа, министерство по оккупированным восточным областям под руководством Розенберга, министерство внутренних дел, возглавляемое Фриком. И министерство вооружений, возглавляемое одним из фаворитов Гитлера — Шпеером. Геринг наряду с министром Функом отвечал за немецкую экономику как уполномоченный фюрера по четырехлетнему плану. И Шпеер тоже. И Заукель — уполномоченный по рабочей силе.

Одно ведомство следило за другим. Все дублировалось, и функции не сводили глаз со своих соперников. Малейшее упущение сразу же бралось на заметку.

Отчасти жесткая система контроля объяснялась тем, что все держалось в тайне. Следовательно, каждое министерство, аппарат каждого гаулейтера, любое учреждение могло стать гнездом заговорщиков, противопоставить себя нацистскому фюреру. Особенно это касалось карательных органов, окруженных сугубой секретностью. Значит, за ними необходимо было следить пристальнее, чем за другими учреждениями. С Фрика и его людей не спускали глаз Гиммлер и Гейдрих. За Гиммлером и Гейдрихом следили не только аппарат НСДАП (это считалось в порядке вещей), но и Геринг и Фрик. И Канарис, глава военной разведки (абвера). Среди тонн документов, которые оказались в руках союзников после 1945 г., было огромное количество доносов из разных ведомств. По ним мы можем изучать сейчас нравы, царившие в высших эшелонах власти нацистского рейха.

Кроме того, создав империю концлагерей — «конвейер смерти», нацисты вовсе не собирались отказаться от буржуазной пенитенциарной системы, от судов, тюрем, смертных приговоров и прочих средств устрашения.

С приходом нацистов к власти все «обычные» орудия репрессий в Германии были поставлены на службу режиму — основным объектом их деятельности стали опять же не преступники, а враги нацистского строя. Это во-первых. Во-вторых, жестокость и беззаконие проникли в практику судов и тюрем.

В первую голову в коричневом рейхе боролись с коммунистами, авангардом трудящихся, и с левыми деятелями — антифашистами, в годы войны к ним прибавились патриоты из разных стран. В отношении всех этих узников жестокость нацистов не знала пределов.

Вот что пишет Аннедоре Лебер¹:

«Число смертных приговоров начиная с 1933 г. все время росло (до 1933 г. высшая мера давалась в Германии в исключительных случаях, и только за убийство. Фактически казни происходили раз в несколько лет. — Авт.). С 1933 г. до начала войны было издано 12 соответствующих законов и распоряжений. Например, 13 октября 1933 г. — «Закон об обеспечении справедливого мира в стране» с недвусмысленным комментарием: дескать, «изданные ранее законы насчет... антинационал-социалистских кругов не в полной мере подавили их».

После начала войны было обнародовано еще 15 указов и законов о применении смертной казни. Число смертных приговоров с 1933 г. и за годы войны достигло небывалых размеров.

Национал-социалисты пытались уничтожить списки людей, казненных ими (так же, впрочем, как и все другие важные документы. — Авт.), но берлинский адвокат по фамилии Либенон сумел спасти из развалин жилого дома примерно 30 томов — разрозненных листков с приговорами. Среди гильотинированных было 1100 женщин, 5088 иностранцев — граждан разных стран. В этих данных учитываются лишь приговоры немецких уголовных судов и «народного трибунала».

Вот какими общими далеко не полными сведениями мы обладаем сейчас.

Казни по приговорам военных судов

Военные суды сент. — авг.	1939/40	1940/41	1942/43	1943/44	1944 сент. — дек.
Число казненных	519	447	1769	4118	204

21 июня 1943 г. был издан указ о создании Верховного чрезвычайного апелляционного суда вермахта; ему были подсудны «политические преступления... направленные против доверия к политическому и военному руководству».

¹ Цитируем по книге «Порядки в среде преследуемых» Геральда Пёльхау, тюремного священника сначала в тюрьме Берлин-Плётцензее, а потом еще и в тюрьме Бранденбург (Западный Берлин, Издательство Кете Форт, 1963).

Казни по приговорам гражданской юстиции

(По данным имперского министерства юстиции)

Год	1937.	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Число казненных	86	99	123	306	1146	3393	5764	5764	примерно 800

Только с начала войны до конца 1943 г., по данным историка из ГДР Гейнца Бергшиккера, было приговорено к смерти примерно 4500 солдат.

Естественно, что казни, совершенные СС без суда и следствия, здесь не учитываются. Равно как и массовые расстрелы мирных жителей на оккупированных территориях и умерщвление миллионов людей в душегубках и газовых камерах.

В той же книге «Порядки в среде преследуемых» Пёльхау¹ приводит свою статистику: в 1933 г. было казнено 53 человека, в 1934-м — 97, в 1935-м — 81, в 1936-м — 85, в 1937-м — 99, в 1938-м — 215, в 1943—1944 гг. — около 6 тыс.

Благодаря книге Пёльхау мы знаем подробно, как в нацистских тюрьмах пытались сломить волю людей, с какой бесчеловечностью расправлялись со всеми противниками режима — действительными и мнимыми.

Вот что рассказал Пёльхау как очевидец расправ по приговорам судов, то есть министерства внутренних дел.

В догитлеровские времена орудием палача был большой, тяжелый топор с очень широким лезвием. Обезглавливание происходило во дворе перед зданием тюрьмы, где помещались камеры смертников.

Но при неудержимом росте числа казней стало трудно обходиться топором. Уже в конце 1933 г. Гитлер заказал 20 гильотин. Их построили заключенные тюрьмы Тегель. С конца 1939 г. гильотины были введены вместо топора повсеместно.

«В Плётцензее, — свидетельствует Пёльхау, — гильотина стояла в специальном бараке для казней, который находился во дворе для прогулок в середине общего комплекса тюремных зданий. Барак представлял собой помещение без окон площадью примерно восемь метров на десять, стены барака были кирпичные, пол — цементный. Из него вела дверь в морг, расположенный в конце бара-

¹ Пёльхау был мужественный человек. Он не только честно выполнял свой долг, но и по мере возможности пытался облегчить участь жертв нацизма. Более того, он помогал преследуемым скрываться, ежеминутно подвергая опасности собственную жизнь. Будучи по природе человеком наблюдательным, Пёльхау заметил множество черт того страшного времени и передал последующим поколениям свои наблюдения. Он писал, в частности, что в тюрьмах очень достойно держались коммунисты. Они «меньше других страдали от слепоты, имели ясное представление о ходе событий и делали все, что было в их силах».

ка. В морге лежали штабелями деревянные ящики для трупов...

Барак был разделен на две части черным занавесом, который при помощи специального приспособления быстро раздвигался и задвигался. В заднем, меньшем помещении стояла гильотина, скрытая занавесом. В передней, большей части барака находился стол судьбы.

В последние полчаса перед казнью приговоренным в камерах заламывали руки за спину и заковывали в наручники, затем разделяли до пояса. На казнь узник шел в деревянных сандалиях. Женщин стригли наголо, чтобы шея у них была открыта».

«Иногда палач и его помощники также появлялись в камерах смертников: они заглядывали приговоренным в рот, чтобы потом выломать золотые зубы. Осужденного, закованного в наручники, с обнаженным торсом вели в барак. После прочтения приговора в присутствии свидетелей прокурор, повернувшись к палачу, произносил сакраментальную фразу: «Палач, приступайте к выполнению своих обязанностей».

Только тогда резким движением палач отдергивал занавес. Никогда не забуду этот скрежещущий звук. При электрическом свете становилась видна гильотина.

Осужденному следовало встать рядом с вертикально стоящей доской с выдолбленной на уровне головы впадиной. В ту же секунду помощники палача опрокидывали его вместе с доской, которая была прикреплена на шарнирах и сразу же поворачивалась на девяносто градусов. Таким образом, осужденный молниеносно оказывался в таком положении, когда его голова попадала прямо под нож гильотины. «Искусство» помощников палача заключалось в том, чтобы заранее определить рост жертвы. Палач нажимал на кнопку. Нож со свистом опускался, голова осужденного падала в подставленную корзину. И палач с такой же торопливостью задерживал черный занавес, страшная картина исчезала. И опять от скрежещущего звука мороз подирал по коже. Став по стойке «смирно», палач выкрикивал: «Господин верховный прокурор, приговор приведен в исполнение!»...

Казни проходили с интервалами в три минуты. Вот, например: «7.10 — Вильгельм Шульце, 7.13 — Густав Мюллер, 7.16 — Фриц Леман...»

В картину, нарисованную Пёльхау, известный писатель из ФРГ Хоххут добавил несколько немаловажных штрихов:

«...Поскольку приговоренных на эшафоте не привязывали (что подтверждает и Пёльхау, — *Авт.*), тело их в мгновения смерти билось в конвульсиях. Торс поднимался, ноги сводила судорога, с них падали деревянные сандалии, из разрубленного горла кровь высокой дугой поднималась вверх и текла в специальный сток.

...Тому, кто «именем народа» лишился жизни, государство де-

монстрировало себя в полной мощи и великолепии. Палач был в визитке, его три подручных — в черных костюмах. Господин член Верховного апелляционного суда — в красной тоге, прокурор — в черной мантии, священник — в черной сутане, чиновники из министерства юстиции — в зеленом сукне, тюремный врач — в белом халате, гости — в мундирах. На столе стояли распятие и два высоких канделябра... Для «гостей» были специальные билеты, на которых значилось: «На месте казни немецкое приветствие не отдается». Даже от жертв чиновники требовали неукоснительного соблюдения ритуала. Им предписывалось держать себя «спокойно и сдержанно».

«...Казненных помещали по два человека в одном гробу (скорее, в деревянном ящике. — *Авт.*). И поскольку человек без головы занимает меньше места, ящики делались на 20 см короче. А из-за крови дно ящиков посыпали опилками».

Таким образом, мы видим, что, несмотря на явное желание нацистов обставить процедуру казни как можно торжественней, даже помпезно, она носила все черты «фабричности» и «конвейерности». Ведь система правосудия (какое неподходящее слово в данном случае!) была в гитлеровской Германии рассчитана на массовое умерщвление людей.

Пёльхау рассказывает и о последних часах осужденных и вообще о нравах, царивших в тюрьмах.

Вот что он пишет:

«Когда день казни был определен, осужденного за сутки или за несколько суток помещали в особую камеру: камеру смертников. В тюрьмах Плётцензее и Бранденбург внизу находились камеры, превращенные в камеры смертников. Уже сам факт перевода в эту камеру давал знать осужденному еще до официального уведомления, что его час пробил.

Камеры смертников в Плётцензее были маленькие и холодные: холодные, ибо батареи замуровали в стену. Это должно было предотвратить попытки самоубийства. Одна такая попытка имела место: осужденный пытался в последнюю ночь разбить себе голову о батарею... Освещение было тусклое. Лампа находилась в отверстии для вентиляции над дверью и еле-еле горела. Как во всех тюрьмах, выключатели помещались в коридоре. Свет не гасили никогда, чтобы можно было наблюдать за заключенным все время, «предотвращая опасность» самоубийства. До последней минуты юстиция неусыпно следила за своими жертвами...»

«Когда смертные приговоры касались супружеских пар — это имело место в 1944 г. в 15 случаях (в Плётцензее. — *Авт.*), а в 1943 г. — в 14 случаях, — просьба супругов увидеть друг друга в последний раз перед приведением в исполнение приговора неизменно отклонялась».

«Просьба осужденных после объявления дня казни в последний раз увидеть своих родных также отклонялась».

Хоххут в своей публицистической работе «Тель-38» пишет: «Около трех тысяч человек погибло на гильотине (речь идет, очевидно, об одной из берлинских тюрем.— Авт.), не осталось даже их фотографий. Старшему из них минуло 83 года, это был рабочий, младшему — всего семнадцать.

...В Берлине в тюрьме Плётцензее обычно ждали смерти человек триста. Вахмистрам, которые вели заключенных из камер к месту казни, в качестве награды давали восемь сигарет за голову»... «Палач Роттгер получал аккордно по 300 марок за каждого казненного. За 186 гильотинированных в сентябре 1943 г. он получил 5580 марок. Четверо оказались казненными «ошибочно». Чиновников, ответственных за ошибку, «серьезно предупредили».

В заключение приведем еще одну горькую фразу западногерманского писателя: «Вся гражданская юстиция поставляла жертвы для тюрем и гильотин. Но ни один судья, ни один-единственный, не привлечен до сего дня к ответственности. Все они получают пенсии» (в боннском государстве.— Авт.).

Вскоре после начала второй мировой войны среди узников немецких тюрем появились и лица, схваченные на основании приказа «Тьма и туман»¹. В большинстве своем то были участники Сопротивления в Западной Европе. Реже — жертвы внезапных облав. Название «Тьма и туман», придуманное гитлеровскими карателями, имело свой изуверский смысл. Люди, внезапно схваченные гестапо, как бы исчезали во мраке, растворялись в тумане. О них не поступало никаких сведений. Их местопребывание сохранялось в строжайшей тайне. Близкие не знали даже, живы они или нет. И разумеется, самим арестованным не предъявлялось никаких обвинений. Они не знали, за что арестованы, на какой срок осуждены. Предстанут ли перед судом. Не будут ли казнены. Словом, тьма и туман. Все это делалось для устрашения Европы. Тайна, окутывавшая всю деятельность нацистского аппарата насилия, должна была вселять леденящий ужас в души миллионов людей.

Однако сатана Гиммлер и его подмастерья одновременно были и чиновниками. Поэтому приказ «Тьма и туман», вышедший из недр тайных ведомств, был подписан официальным лицом. Не самим Гиммлером и не Фриком, а фельдмаршалом Кейтелем, шефом Верховного командования вермахта. В основе его лежали директивы Гитлера от 7 декабря 1941 г.

Вот этот чудовищный документ:

«I. В оккупированных областях за преступления, совершенные

¹ По-немецки это звучало так: «Nacht und Nebel» — и иногда переводится у нас: «Мрак и туман».

гражданскими лицами не немцами против рейха или оккупационных властей и угрожающих их безопасности или ударной силе, как правило, выносятся смертный приговор.

II. Преступления, указанные в статье I, подсудны на оккупированных территориях, только если преступникам, или по меньшей мере главным преступникам, будут вынесены смертные приговоры и если судебное дело и исполнение приговоров будет завершено в кратчайший срок. В противном случае преступники, или по меньшей мере главные преступники, должны быть доставлены в Германию.

III. Преступники, отправленные в Германию, подлежат юрисдикции военных судов только в том случае, если этого требуют военные интересы. Немецким и иностранным инстанциям, запрашивающим о судьбе такого рода преступников, следует отвечать, что они арестованы, но что их дело не позволяет дальнейших разъяснений.

IV. Командующие в оккупированных областях и судьи в рамках своих компетенций лично отвечают за осуществление этого приказа.

V. Шеф Верховного командования вермахта определяет, в каких оккупированных областях следует применять приказ. Он уполномочен разъяснять и следить за выполнением приказа. В компетенцию министра юстиции входят распоряжения об осуществлении приказа».

Еще более ясно о приказе «Тьма и туман» говорится в циркуляре шефа Верховного командования от 2 февраля 1942 г.

«Приказ, — написано в циркуляре, — знаменует собой принципиальное новшество. Фюрер и верховный командующий вермахтом требует рассматривать совершенные гражданскими лицами в оккупированных областях преступления данного рода (речь идет о политических «преступлениях»). — Авт.) соответствующими судами лишь в том случае, если они приговорят этих лиц к смертной казни и если приговор может быть вынесен в течение восьми дней со дня ареста.

Только если обе эти предпосылки гарантированы, фюрер и верховный командующий будут уверены, что судопроизводство в оккупированных областях окажет необходимое устрашающее действие.

В противном случае в будущем обвиняемые должны тайно отправляться в Германию и дальнейший разбор дела необходимо проводить там. Устрашающее действие этого мероприятия заключается в следующем:

а) в бесследном исчезновении обвиняемого,

в) в том, что о его местонахождении и его судьбе не должно просачиваться никаких сведений.

Приказ фюрера в настоящий момент следует применять только на оккупированных западных территориях (в Норвегии, Нидерландах, Бельгии, Франции)».

Тюремный священник Пёльхау не раз встречал в тюрьме Плётцензее людей, посаженных туда по приказу «Тьма и туман». Среди них были норвежцы и голландцы, студенты и коммерсанты, учителя и простые рыбаки. «По специальному приказу Гиммлера, — писал Пёльхау, — они должны были исчезнуть во тьме и тумане для всего света, и это имело цель — устрашить близких из числа гражданских лиц».

По словам Пёльхау, три четверти людей с Запада из числа гражданских лиц, увезенных в Германию, уже никогда не вернулись к себе на родину.

Страшные подробности о приказе «Тьма и туман» приводились на Нюрнбергском процессе, в частности, в речи главного обвинителя от Великобритании Шоукросса:

«В директиве Гитлера, подписанной Кейтелем, после указания карать смертью всех лиц, своими действиями ставящих под угрозу безопасность оккупирующих держав, указывается, что лица, расправа над которыми не может быть произведена в наикратчайший срок, должны перевозиться в Германию, причем таким образом, чтобы не поступало никаких дальнейших известий об их судьбе».

Сопроводительное письмо Кейтеля от 12 декабря (1941 г. — *Авт.*) приводит следующее основание этому:

«Эффективного и длительного устрашения можно добиться или решительными карами, или путем мероприятий, при которых родственники лиц, совершивших преступления, и население не будут знать об их судьбе. Эта цель достигается увозом преступников в Германию».

...В феврале 1944 г. приказ «Тьма и туман» все еще проводился в жизнь, причем комендантам примерно 18 концентрационных лагерей напомнили о его целях и «разъяснили», каким образом избавляться от трупов заключенных, не обнаруживая места их смерти. Как обращались с заключенными согласно приказу «Тьма и туман», показал норвежский свидетель Каппелен. Каппелен в Нюрнберге сообщил о переброске 2500—2800 узников из одного концентрационного лагеря в другой в 1945 г., в пути в тот раз погибло 1347 человек.

«Мы были так слабы, — показал Каппелен, — что не могли идти достаточно быстро, они (эсэсовцы. — *Авт.*) схватили свои ружья и изо всех сил стали бить ими по головам людей, идущих в пятерке непосредственно перед нами. Это действие сопровождалось возгласами: «Если вы не будете идти так, как полагается, вы увидите, что с вами будет...» Наконец после шести — восьми часов ходьбы мы подошли к железнодорожной станции. Было очень холодно, а на

нас, конечно, была только полосатая арестантская одежда и рваная обувь, но мы говорили: «О, как мы рады, что пришли на станцию. Лучше стоять в вагоне для скота, чем в середине зимы идти пешком. Было очень, очень холодно, я думаю, от 10 до 12 градусов. Очень холодно. Для нас был приготовлен длинный поезд из открытых товарных платформ. В Норвегии мы называем их товарными платформами для песка. Нас вталкивали на эти платформы примерно по 80 человек на каждую... На этой товарной платформе мы сидели около пяти дней без пищи, в холоде, без воды. Когда шел снег, мы делали вот так (*показывает*) для того, чтобы набрать в рот немного воды; через долгое, долгое время — мне, естественно, показалось, что прошли годы — мы приехали в местечко, которое... называлось Дора и находилось в окрестностях Бухенвальда. Итак, мы туда прибыли. Нас начали сталкивать с платформ, но многие из нас были уже мертвы. Человек, сидевший рядом со мной, также был мертв, но я не имел права отойти от него. В течение последнего дня я должен был сидеть рядом с мертвецом; я видел, что примерно половина людей уже мертва и окостенела, хотя, естественно, не мог определить точного числа погибших. Нам сообщили — и я впоследствии услышал эту цифру в Доре, — что число погибших на нашем поезде равнялось 1347. О том, что произошло в Доре, я уже плохо помню, так как все время находился в полумертвом состоянии. Я всегда был оптимистом и человеком веселого нрава. Обычно я держался сам и поддерживал друзей, но тут я почти перестал сопротивляться. Затем, когда наши страдания близились к концу, нас спасли и привезли в Нейенгамм близ Гамбурга; когда нас туда доставили, я встретил нескольких своих друзей, студента из Норвегии, вывезенного в Германию, несколько заключенных, доставленных из Заксенхаузена и других лагерей, и немного, сравнительно немного, неизвестных норвежцев, заключенных согласно приказу «Тьма и туман», которым приходилось жить в исключительно тяжелых условиях.

Многие из моих друзей все еще находятся в госпитале в Норвегии, некоторые умерли по возвращении домой».

До сих пор неизвестно число лиц, арестованных и уничтоженных согласно приказу «Тьма и туман». Впрочем, из отдельных публикаций видно, что оно было значительным. Жертвами этого приказа стали многие десятки тысяч людей. Однако Гитлер счел, что и этот приказ недостаточен суровый. 30 июля 1944 г. нацистский фюрер издал директиву относительно «террора и саботажа» в Западной Европе. Лица, не уничтоженные на месте, должны были передаваться в руки СС, женщин следовало направлять на принудительные работы. В течение месяца Кейтель расширил действие директивы, указав, что она распространяется также на лиц, ставящих под угрозу безопасность и готовность к войне любыми

иными методами, а не только актами террора и саботажа. Далее излагались обычные требования о соблюдении секретности директивы. Ее распространение в письменном виде было ограничено до минимума. Гитлер дал указание о том, что директива о «терроре и саботаже» должна лечь в основу систематического инструктажа по текущей работе кадров вооруженных сил, СС и полиции. Директива должна была распространяться «на все преступления, вредившие интересам Германии...». По соглашению отдельных командующих с высшими руководителями СС могли издаваться иные распоряжения. Словом, любой «проступок», совершенный человеком на оккупированных территориях Западной Европы, подходил под эту директиву.

9 сентября 1944 г. состоялось совещание представителей высшего военного командования и СС, на котором гитлеровцы обсуждали, как соотнести приказ «Тьма и туман» и директиву о «терроре и саботаже». Было высказано мнение о том, что приказ «Тьма и туман» изжил себя, и затем совещание перешло к рассмотрению вопроса о депортации 24 тыс. не германских гражданских лиц, задержанных СС и СД в соответствии с этим приказом. Далее на совещании обсуждался вопрос о нескольких гражданах нейтральных стран, которые были «окутаны туманом»... по ошибке.

Итак, сначала по приказу «Тьма и туман» следовало увозить иностранцев в Германию и сажать в тюрьмы, потом тюрьмы сменили на концлагеря, а министр внутренних дел, как ответственный за выполнение приказа, уступил место представителям СС и СД.

Отчасти это следует отнести на счет того, что Германия уже начала терпеть сокрушительные поражения от советских войск и ей было, что называется, не до формальностей. Однако и до 1944 г. функции карательных органов часто отдавались на откуп аппарату НСДАП, армии и т. д.

В сущности, буквально все учреждения фашистского рейха были включены в машину террора и действовали в одном направлении — в направлении убийств, уничтожения, подавления.

Очень ясно это видно еще на одном примере. Мы имеем в виду репрессии в отношении родственников лиц, которых гитлеровцы объявили государственными преступниками.

1 августа 1944 г. Гитлер издал приказ об «ответственности» родственников офицеров, которые, попав в плен, ведут антифашистскую работу. В декабре 1944 г. Верховное командование вермахта угрожало солдатам, участвовавшим в антифашистских комитетах, тем, что их родственники подвергнутся карам.

Фактически репрессии против родственников были в ходу уже давно. В частности, в книге историка из ГДР Бергшиккера приводится телеграмма имперского ведомства безопасности в дюссельдорфское отделение гестапо от 15 февраля 1943 г.

«Полиция безопасности обнаружила и обезвредила семью предателей, которая принадлежит к польскому меньшинству Германии.

После того как сын польской семьи Лейсс, проживавший в Мёрс-Рейнланде, перебежал на Западном фронте к врагу и продолжил свою предательскую деятельность, поставив под угрозу жизнь многих немецких солдат, полицейское расследование, принятое в отношении его родственников, установило, что семья эта уже много лет вела подрывную коммунистическую и шпионскую работу.

Это долго длившееся предательство теперь наказано — *вся замешанная в заговоре семья казнена* (курсив наш. — Авт.).

Родственников следует уведомить, что в рамках этого мероприятия казнены:

- 1) Иозефа Лейсс, г. р. 19.11.1914, Мёрс,
- 2) Иозеф Лейсс, г. р. 3.3.1916, Мёрс,
- 3) Теодора Лейсс, урожд. Хвирот, г. р. 1915, Гомберг.

Насчет детей — Марианны Лейсс, г. р. 21.10.1940, Мёрс, и Вильгельма Христина, г. р. 17.1.1938, в Мёрс сообщать ничего не следует».

Уже не раз цитированный тюремный священник Пёльхау также пишет, что в тюрьмах сидели родственники обвиняемых. Словом, министерство внутренних дел спешило выполнить приказы Гитлера.

«Жены главных обвиняемых (по делу покушения на Гитлера. — Авт.), — пишет Пёльхау, — были арестованы и сидели в Моабите. Женщин было 30. ...Почти во всех случаях детей забрали и увезли в неизвестном направлении. Матери не знали, где их дети, и боялись самого страшного». «Даже грудных младенцев отобрали. Отчасти, для того чтобы добиться новых показаний от несчастных матерей».

«В рамках арестов родственников были схвачены дети из многих семей. Позже стало известно, что их поместили в детский приют в Гарце. Детям запрещалось носить прежние фамилии. Их происхождение ни в коем случае не должно было стать известным. Я считаю вероятным намерение гестапо в конце концов передать детей в другие семьи, чтобы — как это называлось на языке национал-социалистов — «навсегда вычеркнуть из жизни весь род».

Особенно свирепствовали нацистские палачи в 1944—1945 гг.

14 января 1944 г. Верховное командование вермахта угрожало всем перебежчикам тем, что их близкие подвергнутся арестам. 2 февраля того же года был издан указ, еще более расширявший список людей, несущих «ответственность» за поступки своих близких.

8 марта 1945 г., то есть всего за два месяца до краха фашистской Германии, было издано распоряжение арестовывать родственников всех тех, «кто попал в плен, не будучи раненым, или же не может доказать, что он боролся до последнего».

Среди найденных после 1945 г. документов есть распоряжение шефа Верховного командования вермахта Кейтеля от 5 февраля 1945 г. В нем говорится:

«В то время как подавляющее большинство пленных немецких солдат считает своим само собой разумеющимся долгом уж лучше принять смерть или подвергнуться тяжелейшим истязаниям, нежели предать фюрера, народ и отечество, отдельные бесчестные субъекты дали показания о численности вооружений и дислокации своей части или иным путем вступили на путь предательства. Опасность, которая возникает благодаря этому для сражающихся фронтов и для родины, борющейся во имя победы, должна быть беспощадно ликвидирована всеми возможными средствами. Этого требует защита империи и сохранение единства нации.

На основе указаний фюрера посему приказываю:

За вину солдат и офицеров, которые, попав в плен, стали предателями и поэтому, согласно закону, должны быть казнены, отвечает весь их род своим имуществом, потерей свободы и *даже жизнью* (курсив наш. — Авт.). Число арестованных родственников в каждом отдельном случае определяет рейхсфюрер СС и начальник немецкой полиции.

Этот приказ должен быть немедленно сообщен войскам устно и при каждой возникающей возможности должен стать предметом изучения и поучения. Письменная передача приказа на передний край, в штабы дивизий и других более мелких подразделений нежелательна...»

Характерно, что перечисленные выше чудовищные указы, приказы и распоряжения были не актами произвола, а, так сказать, «узаконенными» преступлениями. При Фрике существовала специальная статья закона: «За деяния, совершенные одним из членов семьи, несут ответственность все члены семьи», которая звучит просто невероятно. Но такая статья, своего рода аналог «кровной мести», и впрямь существовала в фашистском государстве Гитлера.

Итак, мы видим, что полнейшее беззаконие было возведено при Гиммлере и Фрике в ранг закона.

Остается сказать лишь еще несколько слов о том, какую роль играли при нацизме блюстители закона.

Хорошо известно, что не только Фрик, но и многие гестаповцы и эсэсовцы были юристами по образованию. Например, Шелленберг и Кальтенбруннер. Вообще палачи, пришедшие в СД и гестапо после 1933 г., как правило, имели юридические дипломы.

На смену уголовникам или полууголовникам, до 1933—1934 гг. действовавшим кулаками, кастетами, дубинками и револьверами, явились вылощенные господа с портфелями, прослушавшие курсы лекций по юриспруденции, знавшие латынь. Они-то и проводили политику геноцида, они-то и ввели душегубки и газовые камеры, в которых погибли миллионы поляков, украинцев, белорусов, русских, евреев, цыган...

Классовая юстиция, всегда служившая власть имущим, защищавшая интересы крупного капитала, в условиях Германии 30—40-х годов превзошла самое себя...

Сначала краткая историческая справка.

Уже в 1933 г. была основана Академия немецкого права. Ее президентом стал Ганс Франк. Тот самый Франк, который впоследствии был палачом Польши. Франка казнили по приговору Нюрнбергского трибунала. Приведем несколько небольших выдержек, характеризующих Франка как юриста. Только как юриста.

Главный обвинитель от Великобритании Шоукросс сказал в Нюрнберге:

«...Франк, будучи министром юстиции в Баварии, по-видимому, получал отчеты об убийствах в Дахау. Он был главным юристом партии... В марте 1933 года и в марте 1934 года он выступил по радио с заявлениями, оправдывающими расовое законодательство и уничтожение враждебных политических организаций...»

В речи главного обвинителя от США Джексона также была дана характеристика Франка-юриста:

«Фанатик Франк утвердил нацистский контроль путем установления новой власти, основанной на беззаконии, тем самым превращая волю партии в единственный критерий законности...»

Наиболее емко определил роль Франка как «главного юриста» НСДАП в своей обвинительной речи на Нюрнбергском процессе Р. А. Руденко:

«Юрист по образованию, подсудимый Ганс Франк был тем, кто любил говорить о рецепции «старонемецкого права для немцев», о «принципах справедливости для «избранных» и о «праве избранных» на уничтожение народов и государств.

В 1939 году именно этому человеку, длительное время растлевавшему немецкую юридическую мысль, Гитлер вверил судьбу поработочной Польши».

Да, Ганс Франк был одним из тех, кто долгие годы «растлевал немецкую юридическую мысль».

Однако отнюдь не только Франк вершил юридические дела в нацистской Германии. В Академии немецкого права членами были Гиммлер, обергруппенфюрер СС Бух (главный судья НСДАП), обергруппенфюрер СС Ламмерс (начальник канцелярии Гитле-

ра), обергруппенфюрер СС Нейрат (позже президент тайного госсовета), обергруппенфюрер СС Штуккарт (позже статс-секретарь министерства внутренних дел), Тирак — президент «народного трибунала», впоследствии министр юстиции, бригадфюрер СС Фрейслер, сменивший Тирака на посту президента «народного трибунала», — чудовищный демагог и особо кровожадный негодяй, Гюртнер — первый министр юстиции в нацистской Германии, тайный агент нацистов еще со времен «баварского периода» деятельности Гитлера¹.

Все началось, как водится, с «теории». В журнале «Немецкая юстиция» 1 февраля 1938 г. говорилось: «Судья сам творит законы. Он больше не подчинен букве закона. Он подчинен лишь одному — отдаваемым фюрером приказам. Независимость судов окончательно канула в прошлое... Закон — орудие в руках фюрера. Он пользуется им во имя торжества национал-социализма».

В книге «Новое уголовное право», написанной Гюртнером и Фрейслером, говорилось: «Так же как полководец с помощью своих приказов командует сражением, так и законодатель командует борьбой с помощью уголовного права (уже с самого начала нацисты оперировали исключительно военными терминами. — *Авт.*). ...Так же как полководец в определенных ситуациях может приказывать своим подчиненным: «Поступайте сообразно обстоятельствам», так и законодатель может напутствовать судью: «Поступайте сообразно обстоятельствам».

Естественно, что фашистские «теоретики» призывали забыть о правовых нормах не только судей. Генеральным прокурором нацистского рейха стал в августе 1936 г. Лаутц, который не преминул заявить: дело прокурора — «выполнять волю фюрера, выражающую здоровое народное восприятие жизни».

«Яркой» в этом плане является речь Фрейслера, произнесенная им в 1936 г.:

«...Не существует больше частной жизни, которая выходит за рамки общественных обязанностей, народной общности. Нет смысла говорить, что тот, кто спекулирует или как-либо иначе вредит общности, теряет право на юридическую защиту...

Тот, кто в коммунистическом ослеплении хочет разложить соборную в кулак жизненную силу нации, — не заблуждающийся совратитель, а преступник, которого следует обезвредить.

Тот, кто позорит немецкую расу, — враг, которого мы обязаны уничтожить.

Тот, кто разлагает согласие и единодушие и тем самым мощь труда на немецких предприятиях, — это не заблудший марксист-

¹ Мы даем далеко не полный список членов нацистской академии, ограничившись лишь главными действующими лицами в юстиции коричневого рейха.

ский идеолог, а преступник, которого мы должны уничтожить...

Право есть то, что идет во благо немецкому народу!

Это время борьбы, а время борьбы — это время посева, время борьбы — это время жатвы. Если мы поседем верность, то пожнем жизнь! А дело идет сейчас о жизни, свободе и чести нашего народа!»

К этому можно лишь добавить, что Фрейслер в 1936 г. еще не ведал, как неудачно он перефразировал известные библейские слова: кто посеет ветер, тот пожнет бурю.

Нацистские юристы, проповедовавшие явное беззаконие, были в первых рядах тех, кто сеял ветер...

Существование практики беззакония подтверждает, в сущности, все, что написано в этой книге. Здесь следует добавить совсем немного, чтобы выделить роль именно юридического аппарата, хотя выделить его беззакония в общем потоке беззаконий очень трудно...

11 декабря 1941 г. Гитлер объявил о необходимости усилить террор. Статс-секретарь министерства юстиции Шлегельбергер потребовал от судей и прокуроров более жестоких приговоров.

20 апреля 1942 г. рейхстаг утвердил Гитлера в качестве верховного властителя судов — последний фиговый листок законности упал.

20 августа 1942 г. министром юстиции стал Тирак. Очевидно, Гюртнера нацисты сочли чересчур «либеральным».

18 сентября 1942 г. Тирак договорился о переводе заключенных из тюрем в концлагеря для «их уничтожения с помощью работы».

Сохранились записи Тирака об этой его беседе с Гиммлером в ставке рейхсфюрера СС. Приведем выдержки из записей. Они не нуждаются в комментариях. Более того, трудно представить себе, что все это можно было произнести вслух и запечатлеть на бумаге. Тем не менее запись Тирака существует. Вот она:

«1. Коррективы слишком мягких приговоров с помощью полицейского чрезвычайного обращения¹. По предложению рейхслейтера Бормана между рейхсфюрером СС и мною состоялось ниже следующее соглашение:

а) Принципиально все эти вопросы вообще не должны больше отнимать время у фюрера.

б) Вопрос о том, будет или не будет то или иное лицо подвергаться особому обращению, решает имперский министр юстиции.

2. Выдача антисоциальных элементов, отбывающих наказание по приговору судов, рейхсфюреру СС с целью уничтожения их с помощью работы. Все до единого выдаются рецидивисты, евреи,

¹ По-видимому, пыток, побоев и т. д.

цыгане, русские и украинцы, поляки, у которых срок заключения более трех лет, чехи и немцы со сроком заключения более 8 лет по решению имперского министра юстиции.

...
6. Запланированное мной упорядочение введенных фюрером телесных наказаний¹ рейхсфюрер СС поддерживает в полной мере.

...
8. Рейхсфюрер СС согласен со мной в том, что возраст лиц, которые несут ответственность за содеянное, надо уменьшить до 12 лет, а возраст лиц, несущих полную ответственность, — до 18 лет.

...
14. У нас существует также полное согласие насчет того, что урегулирование проблем, связанных с Востоком и касающихся будущей политики в отношении евреев, поляков, цыган, русских и украинцев, не подлежит компетенции судов и судебных ведомств, их решает рейхсфюрер СС».

Итак, нацистская юстиция выдала Гиммлеру полный карт-бланш на оргию убийств, на пытки и избиения, на истребление целых народов, включая двенадцатилетних детей. Думается, к этому ничего нельзя добавить!

¹ В документе сказано еще более недвусмысленно: порка, избиение.

Глава третья ИДЕОЛОГИЯ СС

ЭРЗАЦ-РЕЛИГИЯ НАЦИСТОВ

В толковом словаре Даля говорится: «Палач — исполнитель торговой, а также смертной казни; кат, заплочный мастер... Палачник — пристав, сторож над палачами, кои, по нашим законам, должны всегда содержаться в тюрьме». Малая Советская энциклопедия поясняет это последнее: «Уложение царя Алексея Михайловича 1649 обязывало города иметь палача. В 19 в. охотников в палачи почти не стало, и с 1833 их стали назначать из осужденных за тяжкие уголовные преступления... Содержались палачи в тюрьмах, получая определенную плату. Наряду с казнями и пытками, палачи приводили в исполнение телесные наказания. Они же сжигали запрещенные книги...» и т. д. и т. п.

Итак, в прошлом веке в России «охотников в палачи» не находилось, палачи назначались из числа лиц, совершивших тяжкие преступления, и содержались в тюрьмах; они были, так сказать, дважды отверженными, дважды изгоями.

В западноевропейских странах, как говорится в энциклопедиях, в средние века существовали «особые цехи». В некоторых странах должность палача была наследственной, в других — передавалась из рода в род. В дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Ефрона сказано:

«В средние века (имеется в виду Западная Европа. — Авт.) палачи образовали особые цехи и им была присвоена особая одежда».

Палачество в разных странах и у разных народов считалось самой низкой, вселявшей некий суеверный ужас профессией. Палачи были париями общества, которым и на людях-то было срамно показываться!

Но вот в XX в. десятки тысяч палачей старались быть на виду, гордились своими палаческими эсэсовскими мундирами, с превеликой охотой хвастались убийствами безоружных, объявили себя элитой общества. Они не только не прятались в укромных уголках, они буквально лезли на авансцену. И именитые граждане громко кричали: «Возьмите и меня. Меня и моего сына. Я тоже хочу в палачи, украсьте меня рунами СС».

Что же произошло в цивилизованной стране? Как это стало вообще возможным? Была создана соответствующая идеология. Вот что главное. Иначе мы ничего не поймем. Не поймем, почему двенадцать с половиной лет безотказно действовала машина «селекции», массовых казней и пыток.

Известный западногерманский ученый Карл Дитрих Брахер в одной из своих работ заметил: «...история национал-социализма — это есть история его недооценки». Действительно, западные политики 30-х годов, как говорится, в упор не видели гитлеризма. А некоторые из нынешних исследователей на Западе упрямо не желают замечать того факта, что у германского фашизма существовала своя чрезвычайно действенная идеология. Более того, в гитлеровском государстве впервые было теоретически обосновано «право» на государственный терроризм, на массовые убийства.

Но самое главное — это то, что западные историки явно недооценивают роль и значение идеологии фашизма в деятельности карательных органов в коричневом рейхе. Характерно, что в самых известных трудах об «ордене под знаком мертвой головы» нет специальных разделов, глав или параграфов, посвященных идеологии этого самого «ордена».

Почему до сих пор существует такая недооценка нацистской идеологии в целом и идеологии аппарата насилия в частности?

Видимо, для этого есть несколько причин.

Во-первых, гитлеровские преступники на всех известных нам процессах утверждали, что они были винтиками, гайками некоего чудовищного механизма, действие которого ускользало от их по-

нимания. Будто убивали они по приказу свыше. Естественно, это был их способ защиты.

Во-вторых, идеология фашизма, не имевшая научных корней, серьезной философской, экономической и политической базы, кажется нелепой, мы бы сказали, даже чудовищно нелепой. Но господствующая идеология, как показала история, не обязательно должна быть научно обоснованной, умной и передовой.

В-третьих, нацистская идеология, особенно идеология насилия, была чисто конъюнктурной, она менялась в зависимости от тех задач, которые ставили себе гитлеровцы. Это правильно подметила западногерманский философ Ханна Арендт. В книге «Эйхман в Иерусалиме. Рассказ о банальности зла» Арендт писала: «Восемьдесят миллионов немцев были отгорожены от действительности и фактов... отгорожены ложью, глупостью и самообманом (сиречь нацистской идеологией. — *Авт.*). Та ложь, в которую в каждый данный момент верили, ежегодно менялась и часто друг другу противоречила. Кроме того, различные части партийной иерархии, попутчиков и народ не обязательно кормили одинаковой комбинацией лжи. Но для всех стало привычным обманывать себя, ибо это было моральной предпосылкой для выживания, и эта привычка вошла в кровь и плоть...»

В этой цитате надо особо подчеркнуть одно обстоятельство: Арендт подметила, что в «третьем рейхе» существовали теории, предназначенные для различных частей партийной иерархии.

Существовала и «идеология» для «избранных», для аппарата НСДАП и аппарата насилия.

Однако не надо забывать: все эти «теории» опирались на одну и ту же нацистскую «теорию», сформулированную сперва Гитлером в «Майн кампф», а потом в значительно расширенном и систематизированном виде Розенбергом, главным идеологом НСДАП, в «Мифе XX века». Именно розенберговский вариант идеологии сыграл огромную роль в формировании нацистской «элиты», к которой принадлежали в первую очередь сотрудники карательного аппарата.

Историки на Западе считают ныне, что «Миф XX века» вообще никто не читал. Видно, ученые мужи не представляют себе, каким было нацистское государство. Там и дилеммы подобной не существовало — читать или не читать. Приказали читать. Стало быть, читали. А потом цитировали. Упоминали в разговорах. Заставляли детей заучивать наизусть, ибо боялись доноса соседей, сослуживцев, консьержки, блоклейтера. Да и вообще — у стен есть уши. Ведь у каждого, как мы писали выше, было какое-то «пятно». И его хотели скрыть, отмыть, замолить грех! Поэтому старались не только запомнить и усвоить догматы нацистской веры, но и «проникнуться»!

Вот перед нами эта книга Розенберга, один из краеугольных камней нацистского идеологического государства: «Миф XX века»¹. Подзаголовок: «Оценка душевных и духовных основополагающих битв нашего времени». Издательство Хоэнайхен, Мюнхен. 1935. Следовательно, всего-навсего третий год нацистского господства. А издание уже 54-е. Итого: 273 тыс. экземпляров. За два года раскупили почти 300 тыс. (Первое издание было в 1930 г., но, думается, поначалу не очень-то хватало. Кто знал балтийского немца Розенберга?) А потом спохватились и стали покупать. «Майн кампф» в торжественных случаях (включая свадьбы!) вручали как подарок. А Розенберга покупали.

По новейшим данным, к 1943 г. тираж «Майн кампф» достиг 9480 тыс. экземпляров, а «Мифа XX века» — почти миллиона экземпляров. Для «научной» книги — неслыханный тираж по тем временам!

Что же представлял собой «Миф XX века», посвященный «памяти двух миллионов германских героев, которые пали в первой мировой войне во имя самого существования германской расы и германского рейха, во имя чести и свободы»? Уже в посвящении — явная спекуляция на жертвах первой мировой войны, развязанной империалистами. Но такая спекуляция неплохо срабатывала в разоренной кабальным Версальским договором Германии... Итак, памяти жертв.

Пробираемся сквозь гелертерский язык Розенберга. (Впрочем, в те времена все псевдонаучные труды писали именно таким языком.) Вызывают раздражение откровенные подтасовки и переделки. Однако не забудем, немецкий обыватель 30-х годов читал эту книгу совсем иными глазами. Книга льстила обывателю. С ним говорили об «умном», да еще «умным» языком. Тут тебе и Ницше, и Достоевский, и Лао-Цзы, и древнеиндийская философия, и древнегерманские мифы, тут тебе и древняя история — Египет, Рим, этрусски. Тут тебе и Шопенгауэр, и Вагнер, и Гёте, и Бетховен, словом, полный «джентльменский набор» культурного европейца тех времен.

Книга первая. Схватка ценностей. I. Раса и душа расы. II. Любовь и честь. III. Мистика и действие.

Книга вторая. Сущность германского искусства. I. Расовый

¹ В немецком толковом словаре Варига о слове «миф» говорится: «Учение о богах, представления, передающиеся из рода в род в том или ином народе о происхождении мира и о богах, чертях, демонах и т. д. Сага о богах, героях, демонах, ставших легендой, о событиях или личностях всемирно исторического значения». Розенберг намеревался создать «новый миф», иными словами, новую религию XX в. Мы придерживаемся традиционного перевода заголовка книги только потому, что он уже вошел в наш научный обиход.

идеал прекрасного. II. Воля и инстинкт. III. Объективность и субъективность. IV. Эстетическая воля.

Книга третья. Грядущий рейх. I. Миф и тип. II. Государство и пол. III. Народ и государство. IV. Нордическое немецкое право. V. Немецкая народная церковь и школа. VI. Новая государственная система. VII. Единство сущего.

Всего, включая предметный и именной указатели, 712 страниц. На этих 700 страницах Розенберг пересматривает буквально всю историю человечества. Не приводя ни единого доказательства, изображает ее как историю борьбы рас — полноценной (арийской, нордической) с неполноценными (всеми остальными). Получается весьма стройная картина: то или иное общество образует чистая раса, оно переживает невиданный расцвет (Вавилон, Индия, Египет, Греция, Рим). Но потом появляется «нечистая кровь» — сирийцы, евреи, этруски (Малая Азия, как их именует Розенберг), позднее Африка, негры, «желтые». Смешанные браки становятся нормой. Высшая раса утрачивает свою чистоту. Полукровки губят великую культуру. Мужчины теряют воинственность. Женщины легкого поведения приобретают роковую власть. Общество загнивает, потом разрушается. И на его обломках (иногда нескоро) воцаряется новая чистая раса...

Вот образчики рассуждений Розенберга на «историческую» тему: «Разрушение Карфагена было с точки зрения расы необычайно важным делом: благодаря этому была спасена позднейшая средневековая и западноевропейская культура от зловонных миазмов этого финикийского чумного очага». «Вавилон погиб из-за финикийского проникновения». «...Этот малоазиатский народ» (этруски. — *Авт.*), «чуждый поэзии», «отравил римскую кровь». «Первая нордическая волна создала древнюю республику Рим. Только с переходом к христианству началось расовое перерождение», «Ренессанс превратился в бурное утверждение нордической, на сей раз германской, крови», «Уже давно стал расхожим тезис, что все государства Европы и их творческие свершения были созданы германцами...», «Вопрос о «прародине» арийской расы исторически неважен». Со ссылкой на Дарре¹ Розенберг утверждает, что «арийцы появились повсюду, где люди в древности... начинали пахать землю».

Европейские страны — все, как одна, — были созданы германцами. А дальше все происходило по уже знакомой нам схеме. Они гибли или, как выражается Розенберг, заболели «духовным сифилисом» из-за «бастардства», то есть из-за смешения «чистой»

¹ Речь идет о книге одного из теоретиков НСДАП, Дарре, друга Гимmlера по «Союзу Артам», «Крестьянство как первоисточник нордической расы». Главная книга Дарре — «Кровь и почва».

крови с «нечистой». Вот как появились те или иные ныне существующие государства. «Нордические викинги бродили по свету. Правда, они, как и другие воины, грабили, но при этом грезили о чести и о государстве, о господстве и о созидании, и повсюду, куда они приходили, создавалась одинакового характера культура: в Киеве (очевидно, Киевская Русь. — Авт.) и Палермо, в Бретани и в Англии».

Но как же эту, с позволения сказать, «концепцию» можно доказать? Тут Розенберг поступает очень просто: путая в буквальном смысле этого слова поэзию с правдой и вымысел с реальностью, он выискивает в художественных произведениях всех жанров, времен и народов... блондинов, и на сем основании утверждает, будто они принадлежали к высшей, нордической расе, а стало быть, сия раса существовала испокон века. На страницах «Мифа» появляются «голубоглазые фараоны»... на груди у Сикстинской мадонны «белокурый Иисус смотрит прямо-таки героически», по-арийски выглядят и «голубоглазые личики ангелов в облаках». Значит... и Иисус Христос, и даже ангелы принадлежат к нордической расе! В другом месте Розенберг прямо говорит, что нельзя представить себе Христа в обличье человека «с горбатым носом, отвислой губой, пронзительными черными глазками и волосами в мелких завитушках». Этот глубокомысленный тезис с некоторыми вариациями повторяется несколько раз. Вывод отсюда — Христос был не какой-нибудь там еврей или сириец, а человек нордической расы. Естественно, что и эллины (древние греки) были арийцами, поскольку у Гомера сказано, что они «с белокуроыми локонами». Далее Розенберг воссоздает тип эллина: «...они были как раз высокого роста, крепкие, белокожие, с руками и ногами красивой формы, шея у них была стройная, волосы каштановые, тонкие, слегка волнистые, лицо удлинненное, губы красивые, нос прямой, взгляд гордый, глаза этого народа были самые красивые на свете...» Однако среди «голубоглазых героев» встречались и люди с дурной кровью: «малоазиатские шпионы — темноволосые, с плохой фигурой». Например, Тирсит — один из персонажей гомеровского эпоса — или... Сократ, или, точнее, «уродливый Сократ», — чуждый человек «для эллинской жизни». Этот Сократ, оказывается, приводил в отчаяние прекрасных, но потерявших волю к жизни греков... ибо был «тогдашним интернационалистом и социал-демократом»... Дальше — больше. «Санчо Панса — расовый тип чисто восточного темного человека: суеверный, невосприимчивый к культуре». Чистую расу — Дон Кихота вытесняла нечистая — Санчо Панса. Стало быть, и в Испании все развивалось таким же манером.

Итак, история перевернута с ног на голову. Создана совершенно новая расовая «концепция». И это не случайно. Испокон

века временщики пытались расчитаться с прошлым, фальсифицировать историю, переиначить ее на свой лад. Авторитет переиначенного прошлого давал им возможность творить беззакония в настоящем.

Авторитеты, кстати, были очень нужны нацистам. Поэтому Розенберг и причислил подавляющее большинство великих людей к «чистым арийцам», а значит, к предтечам национал-социалистов. «Тот факт, что Данте был арийцем, совершенно точно установлен!» Арийцами, согласно Розенбергу, были: Гомер и Эсхил, Платон и Кант, Микеланджело и Рафаэль, Рембрандт, Рубенс (хотя последний писал чересчур толстых женщин, что не нравилось Розенбергу!), Кранах и Гольбейн, Вермер и Гёте, Бетховен, Бах, Диккенс и Вагнер (сверхариец!). Из ученых — Коперник и Ньютон. Об остальных великих людях Розенберг в большинстве случаев вообще не упоминает, а о некоторых упоминает с величайшим пренебрежением (Сократ, Толстой, Вольтер, Руссо, Маркс, Гейне).

Цитаты, которые мы привели, могут показаться читателю совершенно бессмысленными. Но это далеко не так: высказывания Розенберга и его коллег с самого начала носили ярко выраженный расистский характер, а стало быть, могли послужить основой для расправы с целыми народами, для геноцида. Уже в 1930 г. Розенберг заявлял в своей книге: «Через пятьдесят лет сила цветных возрастет... Поэтому человек нордической расы должен позаботиться о том, чтобы в его государстве не осталось бы ни одного негра, желтого, мулата, ни одного еврея». Надо добавить к этому, что «своим» государством Розенберг считал отнюдь не только Германию, но также «Скандинавию плюс Финляндию» (так именно в книге написано), а также Англию и в дальнейшем США. И вот это «свое» государство он и намеревался очистить от негров, евреев, желтых. «Еврей — паразиты», — утверждал Розенберг. И далее, цитируя Лагарда, одного из основателей расовой теории, писал: «Трихин¹ нельзя воспитывать, их надо как можно быстрее обезвреживать». «Энергичный кулак... прогонит их (очевидно, трихин. — Авт.) взащей».

Как видим, в псевдоученых рассуждениях появился «энергичный кулак». И вскоре мы убеждаемся: для «теоретика» Розенберга самое главное — доказать, что без кулака не обойтись. Ведь «нечистая» кровь, «бастарды» и паразиты, уже приготовились к решительному натиску, человечество подошло, так сказать, к последней черте. Перед ним альтернатива: либо погибнуть, либо... выжить и очиститься (от «испорченной крови». — Авт.).

¹ К этим розенберговским «трихинам» мы еще вернемся, когда речь дойдет до «вклада» Гиммлера в теорию нацизма.

Рисуя перспективу гибели всех стран и народов, и в частности Германии, Розенберг не жалеет красок: полное вырождение, идиотизм, духовная смерть и прочие апокалипсические ужасы, «последние ценности западного мировоззрения и государственного устройства погрязнут в смрадных человеческих потоках гигантских городов, превратятся в обрубки на раскаленном бесплодном асфальте, где торжествует зверская бесчеловечность. Или же уйдут в песок как заразный зародыш, воплотившись в бастардов — переселенцев в Южную Америку, Китай, Голландскую Индию, Африку».

Итак, вырисовывается архикошмарное будущее — превращение людей в обрубки, да еще на раскаленном асфальте! Или гибель в смрадных человеческих потоках. Впрочем, согласно Розенбергу, некоторые народы уже безнадежно деградировали. Например, французский — «демократизированный, толкаемый в пропасть хитрыми адвокатами, ограбляемый еврейскими банкирами, хоть и внешне блестящий, но живущий лишь соками прошлого...».

К тому же Германия, то есть чистая раса, со всех сторон окружена врагами. (Теория «враждебного окружения» была, как мы увидим далее, совершенно необходима нацистам!) Против Германии все и вся. И еврейские банкиры, и хитрые адвокаты, и масонские ложи, и католическая церковь¹, и демократы, и интеллигенция, а главное — коммунисты. Если им всем не противостоять, над миром воцарится «вечная ночь».

Стараясь до смерти запугать немецкого обывателя, Розенберг переходит к позитивной части своей программы, к части, которая была такой же бессмысленной, как и негативная. Притом замыслы у него, так же как и у других нацистских «теоретиков», были большой — от «перестройки» крупных городов (более 100 тыс. жителей в германских городах Розенберг видеть не желал) до «перестройки» душ. Да, Розенберг и впрямь хотел создать «всеобъемлющую систему ценностей». В частности, «новое расовое право»: «Право для нас исключительно то, что служит немецкой чести»². Любое преступление против «немецкой чести» должно вести к потере гражданских прав, пожизненной ссылке и конфискации имущества... За инакомыслие — «либо каторга, либо смертная казнь», «Кровь и воля едины», на крови основана «идея права». «Насколько должна караться родня (подвергнутого наказанию. — Авт.),

¹ Розенберг в своем «основополагающем труде» обрушивался на церковь, поскольку она, как известно, претендовала на мировое, пусть духовное, господство и считала себя надгосударственным институтом. На практике нацисты неплохо ладили и с Ватиканом, и с верхушкой протестантской церкви. Коль скоро церковь мирилась с нацизмом, нацизм мирился с церковью. Это не касалось сотен рядовых священнослужителей, которые выступали против нацистских зверств, их гестапо уничтожало беспощадно.

² Ранее мы видели, что эта идея Розенберга была полностью воплощена в жизнь нацистским аппаратом юриспруденции.

надо решать в каждом отдельном случае». «Сын отвечает за отца», «отец отвечает за сына» (вполне логично с точки зрения нацистов: ведь у сына и отца одна кровь). В основу будущих законов Розенберг рекомендовал положить не римское право, а кодекс древних германцев.

Розенберг был намерен создать:

новую расовую мораль. Внебрачных детей, если их родила арийская мать от арийского отца, следует приветствовать. Но если немецкая женщина вступит в законный брак с негром, желтым, «бастардом», евреем, то ее надо покарать тюрьмой, конфискацией имущества, выдворением из германского рейха на вечные времена. В более возвышенной тональности это звучит так: «Миф крови и миф души, расы, индивидуальности народа и личности, крови и чести может быть один, и только один, он должен пронизывать всю жизнь нации, поддерживать ее и определять...»;

новую элиту. «Те мужчины, которые в борьбе за грядущий рейх стояли на передовой — в духовном, политическом и в военном смысле, — являются основой для создания нового дворянства». «И тут со всей ясностью выявится, что эти люди на 80 процентов также и по внешности близки к нордическому типу».

Однако Розенбергу пришлось сделать существенную оговорку, ибо фюреры «третьего рейха» совершенно не подходили под мерку чистых светловолосых и голубоглазых арийцев — и Гитлер, и Гиммлер, а особенно Геббельс выглядели как... «бастарды», что ли. «Нет ничего поверхностней, нежели с сантиметром в руках измерять индексы черепов, — пишет Розенберг. — При оценке отдельных людей надо правильно оценивать их жизнь на службе нации». «Немецкое орденское дворянство будет в первую очередь крестьянским дворянством и дворянством меча». «Куда осторожней надо быть при присуждении дворянского титула людям искусства, ученых, политикам»¹. Новое дворянство должно создать «орденское государство». Звучало хоть и непонятно, но внушительно;

и наконец, *новый эстетический идеал:* эталон красоты. Его Розенберг видит в... немецком солдате. И с присущим ему пафосом живописует: «Во всех городах и во всех деревнях Германии... лица под стальной каской на военных памятниках... имеют сходство, которое можно назвать мистическим. Прямой, изборожденный морщинами лоб, прямой, сильный нос с угловатой конфигурацией, крепко сжатый узкий рот с глубокими складками в уголках, говорящими о твердой воле. Широко раскрытые глаза смотрят прямо. Они устремлены вдаль, в вечность. Воля и мужественность фронтовых солдат заметно отличает их от идеала красоты прежних

¹ С пролетариатом у нацистов-теоретиков были весьма «сложные» отношения. Они то пытались его подкупить, льстили ему, то публично предавали анафеме. В «Мифе XX века» это все отразилось.

времен: внутренняя сила стала еще заметней, чем в эпоху Ренессанса или барокко. Такая же идеальная красота присуща и немецкому рабочему и вообще каждому борющемуся немцу... Тожество это хотят скрыть морфинисты-«бастарды», рисующие в еврейских и «рабочих» газетах и журналах искаженные лица нравственных калек, делающих гравюры на дереве, где идиотизм и эпилепсия должны изображать волю и борьбу, ее скрывает и церковь, малюющая распятия и божьих агнцев...»

* * *

Итак, уже у Розенберга содержится полная идеологическая программа для палачей: взамен освященного веками права и законов он предлагает руководствоваться неким кодексом викингов, которые, по его же словам, грабили. Взамен общепринятой морали следовать расовой морали. И на этой базе создать «новую элиту» и «орденское государство». А главное, Розенберг заранее выдает индульгенцию всем будущим мучителям и убийцам. Ведь они якобы спасают расу, кровь, немецкий народ от «паразитов» и врагов, которые уже нацелились уничтожить не только Германию, но и всю мировую цивилизацию. (Как ни парадоксально, но нацисты, будучи махровыми националистами, претендовали на роль «спасителей человечества», в том числе «желтых» и «черных».)

Ну а для тех, для кого напыщенное словоблудие Розенберга было чересчур сложным, существовал более понятный язык Гитлера. Нацистский фюрер хоть и менее детально, но изложил те же идеологические постулаты. Менее детально, потому что его интересовала в первую голову политика, внешняя и внутренняя, и конкретная борьба за власть, вначале в масштабах Германии, потом в мировом масштабе. Приведем только три цитаты из Гитлера, чтобы показать идеологический фундамент национал-социализма.

В «Майн кампф» Гитлер писал: «Он (еврей.— Авт.) не только планомерно портит женщин и девушек, но и не останавливается перед тем, чтобы распахнуть двери, куда хлынет чуждая кровь. Не кто иной, как еврей, приваживает негров к Рейну и всегда с той же задней мыслью и ясными целями: с помощью «бастардизации» разрушить ненавистную ему белую расу, сбросить ее с культурной и политической высоты и самим превратиться в ее господ».

Десять лет спустя, то есть в год прихода к власти, в Нюрнберге Гитлер вещал: «Национал-социализм заявляет себя сторонником героического учения о ценности крови, расы, личности, равно как и законов отбора».

А 30 января 1937 г., в четвертую годовщину захвата власти, нацистский фюрер изрек: «Точно так же, как открытие того, что Земля вращается вокруг Солнца, произвело переворот и создало совершенно новую картину мира, так и учение о крови и расе

национал-социалистского движения приведет к перевороту в сознании и тем самым создаст иную картину истории человека прошлого и будущего».

Можно сказать, что в этих трех цитатах в более сжатой форме дается и розенберговское «учение», и все будущие «научные» комментарии (многие сотни книг!) гитлеровских идеологов, о которых пойдет речь дальше. И без которых, повторяем, не понять ни нацистского изуверства, ни нацистского господства над душами миллионов людей.

Если свести все эти бредовые рассуждения к простейшей формуле, то надо сказать, что нацистам на всем протяжении их господства нужны были враги и среди них два главных врага. Главный враг был коммунист. И главным врагом стал человек иной крови. С ними надо было бороться любыми средствами. При этом были не главные борцы — все немцы и главный Борец — член «ордена» СС.

Настоятельную «необходимость» иметь врагов лучше всех понимал Гиммлер. В своей печально знаменитой речи от 4 октября 1943 г. в Познани он это выразил очень ясно. Обратим внимание на дату речи — октябрь 1943 г., то есть более чем полгода спустя после проигранной гитлеровцами Сталинградской битвы и после разгрома на Курской дуге, в общем тогда, когда исход войны был предрешен. И вот в Познани Гиммлер заявил: «Автоматически против нас (то есть наш враг. — *Авт.*) каждый, кто считает себя убежденным коммунистом, каждый, кто состоит в масонах, против нас все демократы и все убежденные христиане...» И это не считая врагов, с которыми нацистская Германия вела войну.

Так что «врагов» не убывало, а прибывало...

РАСОВОЕ БЕЗУМИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Авторы книги «Имперское ведомство по выяснению родства решает все. Расовая биология при национал-социализме» (1982 г.) Хорст Зейдлер и Андриас Ретт нашли, на наш взгляд, всеобъемлющее определение для той чудовищной атмосферы, которая царила в «третьем рейхе», — расовое безумие¹. И подробно описали всю бюрократически-«научную» сторону сего безумия. Мы еще не раз будем ссылаться на эту книгу, на те уникальные «будничные» документы, которые в ней приводятся. Зейдлер и Ретт ничего не говорят об ужасах концлагерей, не упоминают Эйхмана и Хёсса (коменданта Освенцима), не описывают душегубок и массовых расстрелов, Бабий Яр и печей крематориев. Их рассказ посвящен

¹ Немецкое слово *Wahn* в переводе означает: иллюзия, заблуждение, ослепление и в то же время бред, мания.

«расовой биологии», уважаемым профессорам-теоретикам и практикам расовых ведомств, словом, закулисной идеологической работе, что шла до того, как было принято решение о ликвидации миллионов евреев, поляков, русских, белорусов, украинцев, словом, решение о ликвидации «неполноценных» народов.

Заранее скажем: хотелось бы добавить к определению «расовое безумие» одно-единственное слово — «организованное». Организованное расовое безумие. Ибо слово «безумие», своего рода умопомрачение, предполагает нечто стихийное, иррациональное. А расовое безумие нацистов было иного порядка: это была заранее продуманная, запланированная, «научно» обоснованная идеология, которую они неукоснительно проводили в жизнь. Программа, выгодная власти имущим, выгодная режиму, и в то же время хладнокровно, систематически насаждаемый бред, мания.

Расовое безумие в нацистской Германии прошло несколько стадий. Первую надо считать теоретической, подготовительной. Как говорили сами гитлеровцы, они проводили «отбор», а точнее, разделение всего народа на расово «полноценных» и «неполноценных» особей. После того как «полноценных» отобрали и «неполноценных» отделили, этих последних стали поэтапно лишать всех гражданских прав, превращать в изгоев. Ну а потом настал следующий этап — пресловутое «окончательное решение» — поголовное уничтожение, ликвидация сначала евреев. Затем расовое безумие стали распространять на многие народы. Но все это проходило под непрерывную идеологическую трескотню. Следовало идеологически подготовить и палачей, и даже жертвы.

И безусловно, интенсивная обработка палачей в расовом духе началась задолго до того, как убийцы перешли к массовым казням, к геноциду. Как мы видели, палаческую идеологию прививали немцам и Гитлер и Розенберг. После прихода нацистов к власти человеконенавистническую теорию следовало подробнее разработать, детализировать и довести до каждого гражданина «третьего рейха». И вот тут-то закопошились доценты и профессора, ставшие официальными консультантами и экспертами по «расовой проблеме». Наукообразные «труды» специалистов по антропологии и антропометрии, по так называемой «антропосоциологии», основоположниками которой были Гобино и Ляпуж (культ арийцев), и евгенике получили непомерно большое распространение.

Строго говоря, сама буржуазная наука антропология (все остальные перечисленные отрасли — ее производные), констатирующая, что существуют три расы «первого порядка» — негроиды, европеоиды и монголоиды — и далее расы «второго» и «третьего» порядка (результат более дробной классификации тех же трех рас), ничего особенного нацистам не давала. Однако, используя труды таких корифеев «расоведения», как Гобино, как антро-

пологи Гюнтер, Ленц, Фишер и менее известные Эйкштедт, Бауэр и другие (и обильно цитируя Гитлера, Розенберга и Дарре), фашистские практики в ведомстве Гиммлера, так сказать, общими усилиями создали «расовую теорию», согласно которой существует якобы иерархия рас — высшие и низшие, полноценные и неполноценные, хорошие и дурные. Исходя из этого, нетрудно было объявить, что «расовая гигиена» требует очищения германского народа от зловредных примесей. И это было провозглашено в стране, народ которой, по словам Фридриха Ницше, «является плодом небывалого смешения и путаницы рас, быть может, даже при перевесе доарийских элементов».

Итак, путаница, смешение рас... Но немецких ученых-антропологов, принявших фашизм, увидевших, что он сулит им небывалое влияние, престиж, деньги, публикации, это не смутило. Они в своих «исследованиях» выстроили по ранжиру все расы европеоидов¹, объявили немцев высшей, нордической расой, расой господ. А Гитлера — ее фюрером. Вот что писали эти псевдоученые накануне и сразу же после прихода фашистов к власти. Ф. Ленц: «...лишь после национал-социалистской революции широкие круги начинают понимать, что самая важная задача руководителей государства — забота об оздоровлении и сохранении расы» (1933 г.). Ученый В. Йенш выражался еще выпендренней: «...мы хотим идти вперед навстречу светлому будущему с нашим фюрером...» (1934 г.). Кажется на первый взгляд неясным: куда идти? Но выше мы приводили цитаты из высказываний нацистского фюрера... Т. Моллисон в том же году говорил: «Лживый тезис о равной ценности людей, в котором нас столетиями убеждали и в который на самом деле никто не верил, создавал тем не менее предпосылку для того, чтобы мы поддерживали неполноценных, а ценных тащили назад».

Он же прямо говорил о непоправимом вреде смешанных браков для немецкой расы. А ведь Моллисон был директором Мюнхенского антропологического института, имевшего солидную репутацию.

Ф. Штумпфль писал: «Мы должны внести свой вклад в работы о народе и расе, которую Адольф Гитлер сделал первоосновой великого дела обновления» (1934 г.). И. Кауп: «Раса и народ — основополагающие понятия национал-социалистского мировоззрения» (1935 г.). О. Фершур: «Национал-социалистское государство повело с небывалой силой борьбу против опасностей, угрожавших народному организму. Первой целью была борьба против расо-

¹ В нацистской Германии была принята такая классификация европеоидов: 1) нордическая раса, 2) фельская (палеолитская — гунны), 3) восточно-балтийская, 4) восточная раса (альпийская), 5) динарская, 6) западно-средиземноморская. Деление это совершенно произвольное. В буржуазной антропологии существуют и другие расовые классификации, в частности к перечисленным шести расам европеоидов добавляются армениды, индоды, ориенталиды.

вого засилья евреев» (1937 г.). И далее: «Благодаря ясному пониманию расового вопроса национал-социалистское государство открывает новую дорогу к разрешению еврейского вопроса».

* * *

Итак, наука двинулась в поход. И дело не ограничивалось теоретическими «трусами». Составлялись соответствующие расовые таблицы, была выработана система «очков» для определения «чистоты» расы (естественно, нордической). Шесть очков были максимальным числом, высшим баллом. Писался он так: 6:0. Но коль скоро появлялось «загрязнение», к примеру какая-то примесь восточно-балтийской расы, очко изымалось, балл снижался: 5:1. Вторая примесь давала такую картину: 5:2. Могло быть и так: 2:2:2.

Вот какой «портрет» нордического человека дает Г. Фризе (1936 г.): «Нордический человек обладает высоким ростом, он строен, длинноног. С первого же взгляда он кажется гибким. У него узкие бедра и широкие плечи. Голова у нордического человека узкая, череп удлинённый, лоб высокий. Особенно характерен для этого лица нос, высоко посаженный, сильно выдающийся вперед. Так называемый орлиный нос относится к нордическим формам носа. Крылья носа узкие... Благодаря этому лицо приобретает особое выражение благородства. Губы узкие, слегка припухлые, умеренно изогнутые. Нордический человек светловолосый, у него тонкие пушистые волосы. Глаза голубые, иногда серо-голубые или серые...»

Разумеется, дело не ограничивалось одними внешними признаками. Соответствующим образом были «расписаны» и характеры особей разных рас. Нетрудно догадаться, что наивысшими добродетелями обладали люди, принадлежавшие к нордической расе. В 1940 г. некий Ф. Кладиус выпустил «труд» под названием «Нордическая душа». Из этого «труда» (равно как из многих других!) следует, что нордический человек обладал «свободой духа», был смел, активен; утверждалось также, что среди истинных германцев гораздо больше талантливых людей, нежели у других рас. Нордическому человеку, естественно, присущи и «военные успехи» (сочинение писалось до нападения на Советский Союз), и «новые глубокие мысли», и «способность принимать решения», и «правдолюбие».

Совсем по-иному обстояло дело с другими расами.

Скажем, представители фельской расы, наиболее близкой к германской (раса эта, по утверждению «расоведов», дала немцам Бисмарка и Гинденбурга), были хоть и смелые, но скрытные, тугодумы, к тому же «вросшие в землю».

Еще меньше достоинств было у восточно-балтийской расы.

К ней принадлежали «слабые люди», подверженные несчастьям, фаталисты, вечно всем недовольные и беспокойные.

Альпины (восточная раса) были трезвыми работягами и скупердяями, в общем, типичными мелкими обывателями («ученый» Гюнтер), а также честолюбцами и карьеристами («ученый» Клаус).

Зато динарская раса отличалась якобы любовью к родине и хорошими солдатскими качествами, музыкальностью и надежностью.

Больше всего недостатков было присуще представителям средиземноморской расы: непостоянство (при живом уме!), нетерпение (тот же Гюнтер), болтливость, отсутствие творческих способностей.

Каждой расе была свойственна и любовь к... определенным цветам.

Это была какая-то карикатура на науку. Каждый молот, что ему вздумается, с одной целью: доказать превосходство так называемой нордической расы и необходимость переходить к... жестким мерам для очищения этой расы от «плевел». В книге некоего К. Гильдебрандта «Норма. Загнивание. Гибель» черным по белому было написано:

«То, что государство или нация имеет право, более того, обязанность повышать энергию расы, не боясь жестких мер, очевидно». «Гуманность (в ее нынешнем понимании), возможно, является большой добродетелью, но не самой большой. И нация может позволить себе насажать ее только в той мере, в какой она не вредит качеству расы» (слова-то какие! — *Авт.*).

«Права человека» даются не самим фактом его рождения, они зависят от «биологической полноценности».

Однако дело отнюдь не ограничивалось такого рода словоблудием. Одновременно проводились и переписи населения с точки зрения расовой принадлежности, дабы доказать его «биологическую полноценность». Вот какой документ приводят Зейдлер и Ретт в уже цитированной нами книге:

«Антропологический институт
при Университете в Братиславе:

Господину старосте общины в...

По согласованию с правительством Ваша община будет исследована с расовых позиций. См. публикацию господина ландрата... в официальном окружном вестнике №... от... В связи с этим Вам предлагается собрать всех постоянных, коренных жителей, мужчин и женщин в возрасте от 20 до 50 лет, в указанные часы в гостинице (школе). Постоянными, коренными жителями считаются те жители, чьи предки, включая бабушку и дедушку, родились в этом округе. Мы просим Вас выделить для требуемого опроса достаточно светлое и вместительное помещение, где можно будет измерять

и фотографировать... В дополнение Вы получите повестки для членов Вашей общины, которым надлежит расписаться в них — тем самым будет ясно, что они оповещены.

Хайль Гитлер.

печать

подпись».

Но самая главная «работа» заключалась в том, чтобы составить каждому жителю «третьего рейха» специальный «паспорт», так называемый «родословный паспорт», подтверждавший его «арийское происхождение».

Со свойственной немецким фашистам сентиментальностью и любовью к красотам они окрестили этот паспорт «шкатулочкой для сокровищ предков». В «шкатулочку» вносились данные о матерях, отцах, дедушках и бабушках по материнской и отцовской линиям с указанием их «расы». Так как мертвых нельзя было обследовать и сфотографировать «по форме» (впрочем, такие попытки тоже делались), в удостоверении писалось просто «немец», «немка». Но иногда возникали недоразумения. Допустим, бабушка была приезжей и кому-то из начальства показалось «подозрительным» ее имя. В церковной книге, где был зарегистрирован брак дедушки с бабушкой, она значилась евангелистка (или католичка), бабушкину метрику затеряли (или уничтожили намеренно) — тут-то внуков ждала чрезвычайно неприятная процедура: их соответствующим образом «проверяли», так сказать, по экстерьеру. Ведь в «шкатулочку» следовало что-то внести.

Если познакомиться с выводами «экспертов», становится очевидным — какого бы роста ни был «подопытный», какой бы цвет глаз и волос у него ни был — все равно вывод делался один — наличие неарийской крови *не исключено*. А если «эксперт» счел «подопытного» арийцем (это случалось в одном случае из тысячи) — результаты «экспертизы» оспаривались. Словом, установка была ясна: во всех случаях уничтожать ненадежных. Иногда результаты «экспертизы» и впрямь означали смертный приговор. Наличие арийской крови (хотя бы одного арийского родителя) исключалось — и человеку грозил концлагерь и смерть в печах крематория. Но мы уже видели, что гуманность не считалась в рейхе палачей добродетелью...

Сейчас нам важно подчеркнуть другое — составление «родословной», определение расы воистину охватило миллионы людей. Это стало повседневностью для жителей нацистской Германии. Безумие стало повседневностью. Многие люди, очевидно, даже не отдавали себе отчета в том, что, пополняя свою бесценную «шкатулочку», они участвуют в постыдной, варварской церемонии... Тут сыграл свою роль и инстинкт самосохранения (с нацистами шутки были плохи) и стадный инстинкт. Трудно представить себе, что кто-то всерьез верил в необходимость «расовой гигиены» и прочее.

В первую очередь трудно представить, что сами ученые уверовали в болтовню о выведении чистопородных арийцев... Думается, их перьями водили корысть и страх, а не пресловутое «расово-политическое мышление» (формула «ученого» по фамилии Фельдшер). А между тем очень многие из этих «ученых» процветают до сих пор на Западе. Никто их не пригвоздил к позорному столбу, не призвал к ответу...

Известно, что в гитлеровской Германии родственники платили даже за казни своих близких, за урны с их прахом... Нацисты были всегда верны себе: «экспертизы», иногда означавшие для испытуемого гибель, также оплачивались. Существовала строго установленная такса. Антропологический институт получал за снимок ноги 1 марку, за определение группы крови — 33 марки. В среднем экспертиза стоила от 150 до 200 марок (притом заработок рабочего не превышал в ту пору 100 марок в месяц). Естественно, что разоренные семьи просто не в силах были платить такие суммы, по видимому, их взыскивали по суду...

Однако отнюдь не институты, не профессора и доценты выносили окончательный приговор испытуемым. 15 октября 1934 г. Гесс, тогдашний заместитель фюрера, создал специальное ведомство для изучения родства при НСДАП. В марте того же года оно получило официальное название «Имперское ведомство для изучения родства», в обиходе его звали «Ведомство по родству». И СС, и министерство юстиции руководили работой ведомства, не давая ему, так сказать, расслабиться. Если «эксперт» старался облегчить участь испытуемого, говоря, что он не нашел видимых примесей «неарийской» крови, его тут же «поправляли». Новый «эксперт» писал: «Примесь неарийской крови исключить нельзя» или: «Одна восьмая еврейской крови совершенно ясно видна по глазам и носу» (таков был «научный» уровень «экспертиз»). Хотя испытуемые могли гораздо больше походить на так называемый «нордический тип», нежели любой из фюреров нацистского рейха.

На местах все решали суды (на основе «справок») — окружные, земельные; а также «партийный суд», если речь шла о члене НСДАП. У судов были свои «эксперты», а у ведомства — свои. Так, на общегерманской конференции по расовым вопросам в 1939 г. присутствовало 2800 судебных «экспертов» и 370 «экспертов» «Имперского ведомства по определению родства». В общем, была создана огромная бюрократическая машина.

Зейдлер и Ретт замечают: «Экспертизы ничего не говорят об испытуемых, ибо ни у одной из них («экспертиз». — *Авт.*) нет никакой научной базы, зато они многое говорят об экспертах». Об их жестокости, шарлатанстве, добавим мы.

Однако речь шла не о «науке», а о реальной политике нацистов. Поэтому практика выявления расово «неполноценных» все расши-

ялась — народ надо было держать в страхе. В 1936 г. по указанию имперского министра юстиции было объявлено, что девяти специальным (антропологическим) институтам вменяется в обязанность определять расовую принадлежность испытуемых. Дело доходило воистину до анекдотов — институты, в частности, занимались... подкидываками.

Вот перечень институтов: Берлинский (имени кайзера Вильгельма), институты во Франкфурте-на-Майне, в Братиславе (Вроцлаве), в Мюнхене, в Вене. Справка о расовой принадлежности, которая выдавалась отныне немцам, также получила определенное «фирменное» название: «Наследственное и расовое заключение экспертизы Имперского института по изучению родства». При составлении «расовой справки» следовало учесть от 120 до 130 «расовых признаков» — результаты обмеров и «морфологических» описаний. Плюс установление группы крови, которая, как признавали сами нацистские «ученые», была бесполезной: «широко распространенное мнение среди дилетантов о том, что, если установлена группа крови, можно определить расовую принадлежность испытуемого, ошибочна». Плюс фотографии головы, «сделанные при правильном положении» и «при сильном свете» (спереди, сзади, справа, слева). Плюс фотографии зубов, зрачка, языка, рук и ног, плюс отпечатки ладоней и ступней (их мазали специальным составом).

Параллельно с опросами, осмотрами и поголовной классификацией немцев по принципу «чистый», «нечистый» шла и законодательная деятельность гитлеровцев, направленная на все большее ущемление прав «нечистых», на их изоляцию.

Уже в 1935 г. был издан закон об «имперском гражданстве». В нем (§ 2) прямо говорилось, что гражданином рейха может быть лишь тот германский подданный, у кого в жилах течет «немецкая или родственная кровь...». И уже в первом, изданном два месяца спустя указе на основе закона было зафиксировано: «Еврей не может быть гражданином рейха. Ему не положено иметь право голоса в политических вопросах, он не может занимать административный пост...»

Куда важнее было то, что в окончательной формулировке закона о «Восстановлении профессионального статуса чиновничества» (сентябрь 1933 г.) говорилось, что все «нечистокровные чиновники, служащие и рабочие в пределах рейха подлежат увольнению». Сперва еще делались кое-какие исключения для участников первой мировой войны (их выводили на пенсию), а также для детей, чьи отцы погибли на фронте. Но расовое безумие скоро смело и эти крохотные преграды на пути тотального преследования всех неарийцев (это произошло уже в 1935 г.).

С чрезвычайной помпой был принят закон «О запрещении ев-

реям вывешивать флаг со свастикой». Разумеется, он играл чисто символическую роль. Зато чудовищные практические последствия имел так называемый «запрет на браки», категорически не разрешавший браки между: 1) арийцами и евреями, 2) между «евреями на одну четверть» и евреями, 3) между «евреями на одну четверть» и «евреями на одну четверть». В «запрете» специально оговаривалось, что немец может жениться на немке, если она была до этого замужем за евреем и разошлась с ним или овдовела. Знаменательное разъяснение: стало быть, еврей не навек «осквернял» арийскую кровь. Чистое средневековье!

Но этого еще мало: запрещались и внебрачные связи между арийцами и неарийцами. В § 11, в пункте втором того же указа говорилось: «За преступление, выражающееся в расовом позоре, ответствен мужчина». «Расовый позор»! Вот какое новое юридическое понятие изобрели нацисты! Сожительство с негром, к примеру, считалось «расовым позором» и каралось концлагерем. В годы войны как «расовый позор» клеймилась также связь немки с поляком, с русским... Неарийца вешали, немку упрятывали в концлагерь... но в те времена, о которых мы повествуем, ни о какой войне и речи не было. На Западе царил мир. И изуверские «расовые законы» не помешали западным демократам принимать немецких дипломатов, писать об «обновлении Германии», приехать на фашистскую Олимпиаду, вести дела с гитлеровскими промышленниками и обвинять немецких антифашистов — коммунистов в том, что они «сгущают краски», «страдают манией преследования», не видят «здорового начала» в установлениях гитлеровцев...

Казалось бы, после «запрета на браки» и фактического запрета на работу пора было поставить точку, но как бы не так: законы и указы о «расе и крови» на всем протяжении господства нацистов продолжали сыпаться как из рога изобилия. Ведь «биологически-расовое сознание», сиречь расовую истерию, надо было все время подогревать.

Неарийцам запретили посещать концерты, доклады, театральные спектакли.

Запрещено им было также работать на частных предприятиях, торговать вразнос, на рынках, на ярмарках... А с января 1939 г. — и заниматься ремеслом.

В 1938 г. был издан специальный указ, согласно которому «евреи должны были иметь только еврейские имена и фамилии».

С 1939 г. «неарийцев» начали выгонять из домов и квартир, в 1940 г. их еще «уплотнили», поскольку «смешанные» дома стали столь же нежелательны, как и «смешанные» браки.

И наконец, все это венчал «указ о желтой звезде». В нем было три пункта. В последнем говорилось, что евреям запрещено покидать свои дома, даже нацепив желтую звезду, но не имея при себе

специального разрешения местных властей на выход. А переезд из одного населенного пункта в другой и вовсе запрещался.

Итак, с неарийцами внутри Германии было покончено. Оставалось «немного»: всего-навсего — физически уничтожить их. «Тероретическая» база для этого была подведена. Остальное было вопросом скорее техническим, как утверждали на судах все военные преступники.

Но расовые «преступления» внутри рейха на сем вовсе не прекратились. Соответствующие органы все время выискивали новых «врагов». 70 млн — население Германии — надо было держать в напряжении ежедневно, ежечасно до самого конца. То и дело появлялись нежелательные прабабушки и прадедушки, доносы строчились, заводились досье, люди лихорадочно мчались за выписками из церковных книг, умоляли «экспертов» обмерить и «описать» их, заседали суды, — словом, громоздкая бессмысленная машина, запущенная в ход «расовыми ведомствами», функционировала.

Среди множества документов, которые приводят Зейдлер и Ретт, приведем письмо некоего верноподданного Гитлера, который, испугавшись насмерть, пишет в 1944 г.: «При сборе документов для выяснения родословной я узнал страшный, до сих пор совершенно не известный ни мне, ни моим родителям факт: половина моих предков (со стороны отца) были евреями.

Согласно Нюрнбергским законам, моя кровь считается немецкой, так что как чиновника это меня не затрагивает. Но как быть с членством в НСДАП и НСКК¹... и как будет обстоять дело с моими детьми, если они появятся на свет? У них неарийской крови будет $\frac{1}{16}$ часть?..»

Думается, что этот документ не нуждается в комментариях. Даже в ту пору, когда Германия уже стояла на пороге катастрофы, подданные «великогерманского рейха» пуще всего боялись, что их кровь окажется не стерильно «чистой».

* * *

Однако выяснение «расовой чистоты» самих немцев было лишь прологом — с самого начала не оставлял сомнения тот факт, что расовая теория была создана для агрессивных войн, для достижения мирового господства арийской расы. Уничтожение еврейского населения в Германии, а потом в чудовищных размерах на оккупированных немецким вермахтом и специальными отрядами СС территориях являлось началом переселения, перетасовки целых народов и их поголовного истребления — массовых казней или «убийства с помощью работы».

¹ Нацистский моторизованный корпус.

Глубоко не правы те западные историки, которые пытаются свести расовое безумие нацистов к антисемитизму в его, так сказать, крайних проявлениях. Расовая теория была идеологическим и политическим орудием гитлеровцев и их хозяев, наиболее оголтелых, агрессивных кругов германского империализма, проводивших политику агрессивных войн.

«Чистота» расы эти круги вообще не интересовала — они прекрасно сотрудничали с японскими милитаристами. Не говоря уж об итальянских фашистах.

* * *

Известно, что «Дранг нах Остен», поход на Восток, испокон веков был мечтой германских военных, промышленников, банкиров. Гитлер, Гиммлер и «расовые» специалисты вложили в их руки мощное идеологическое оружие. А молодчики Гиммлера, Гейдриха, Шелленберга, Кальтенбруннера отработали практику уничтожения миллионов людей, создали корпус профессиональных убийц в лице эсэсовцев.

Все это будет подробно изложено гитлеровцами в пресловутом «плане Ост».

Впрочем, предоставим слово «самому» Гиммлери. В своих секретных, да и не только секретных, речах он довольно ясно и недвусмысленно изложил программу истребления славянства. Коротко перескажем «план-максимум» рейхсфюрера СС, подкрепив несколькими выдержками из его речей. «План-максимум» заключался в том, чтобы создать на Востоке — «от Познани до Урала» и от Прибалтики до Кавказа многомиллионный чисто «арийский» вал. А для этого, во-первых, надо было «очистить» соответствующую территорию от коренного, «неполноценного» населения, то есть от народов, проживавших на этих землях. Предварительно, разумеется, объявив славянские народы собранием «недочеловеков». Большую часть «недочеловеков» — миллионы — уничтожить по рецептам Освенцима, Майданека и т. д. А другую часть (это уже во-вторых) превратить в рабов, в илотов для германской промышленности и сельского хозяйства.

Вот что говорил Гиммлер в речи перед гаулейтерами и другими функционерами НСДАП 29 февраля 1940 г.: «К победе меча надо добавить победу крови, крови нашего качества». «Раньше делали так: ...учили население (оккупированное. — Авт.) немецкому языку, брали в армию, превращали в немецких солдат, онемечивали, быть может, давали немецкие имена...» Теперь проблему надо решить раз и навсегда, именно теперь, то есть при жизни фюрера. И далее: «Я очень сурово решал проблему (польскую. — Авт.). Меня упрекали в том, что решал ее «не по-германски». Непокорных, польскую интеллигенцию необходимо было удалить». «Отвра-

тительно и ужасно для каждого немца видеть это (казни. — Авт.). Мы делали это, сжав зубы». «Сразу же мы переселяем огромные массы».

Еще раньше, в речи в Вене в 1939 г., Гиммлер заявил: «Надо культивировать (немецкую кровь. — Авт.)... чтобы «вокруг Германии было создано кольцо из 80—100 миллионов германских крестьян».

Заметим, все это говорилось еще до нападения на Советский Союз, с соблюдением некоторой осторожности...

«...После войны, — заявил Гиммлер тогда же, — фюрер скажет: «Вперед на Восток». И поток потечет на Восток... И на Запад, где еще просторнее». «Я согласен, что мы безжалостны в своей политике переселения, но новые провинции должны стать германскими, белокурами (!), должны стать нашими провинциями». «Мы создадим германский вал». «Из всех гау на Восток приедут люди, и строить здесь будут по-царски. Но возникает вопрос: что мы сделаем с миллионами местных жителей? С так называемым смешанным населением?.. Что мы сделаем с ним? Думаю, что мы будем решать этот вопрос по чисто расовым признакам. Люди пройдут через расовое сито. Часть смогут стать немцами, часть монголов, гуннов отправят в генерал-губернаторство (Польшу. — Авт.). А у немцев будет много детей, и дети там, на Востоке, станут богатством». «Восток — это подарок фюрера».

Но вот нацисты напали на Советский Союз.

9 июня 1942 г. в речи перед фюрерами СС и начальниками полиции в Доме летчиков в Берлине Гиммлер возвестил:

«У нас идет борьба между Европой и Азией, между германским рейхом и «недочеловеками».

«Это — расовая борьба. Русские — звери. У нас кровь лучше, сердце — тверже, нервы — крепче.

Война не имеет смысла, если после войны... Богемия и Моравия, немецкая Остгау, Северо-Восточная Пруссия, Данциг, Восточная Пруссия, Вартегау, Крым, Ингерманландия, генерал-губернаторство¹ не будут через двадцать лет заселены немцами самой чистой расы и крови... Кроме того, эти пространства следует заполнить рабами... илотами, которые, невзирая на потери, будут строить наши города, наши деревни, наши деревенские дворы». «Восток имеет для нас только одну цель — помочь нашей экономике». И далее: «Мы должны выжать все возможное из Востока, чтобы усилить военный потенциал Германии».

¹ Здесь и далее Гиммлер, ничтоже сумняшеся, оперирует немецкими названиями чужих территорий — Богемия и Моравия — исконно чехословацкие земли, Остгау — восточные земли Польши, Данциг — Гданьск, Вартегау (он же Вартелянд) — Познань, Ингерманландия — Новгородская, Псковская и Ленинградская области, «генерал-губернаторство» — Польша.

В речи перед группой войск «Север» 13 июля 1944 г. Гиммлер был еще более откровенен и нагл:

«Против нас стоит стовосьмидесятимиллионный народ — смесь рас, имена которых невозможно выговорить и внешность которых такова, что их надо убивать без всякого милосердия и пощады. Это звери... с ними нельзя обращаться, как с порядочными солдатами».

А в 1943 г. в речи перед гаулейтерами в Познани он сказал, что после войны «в империи к 85 миллионам немцев присоединятся еще 30 миллионов», и народ в 120—130 млн «сумеет управлять сотнями миллионов недочеловеков», использовать их в качестве рабочей силы. «На гребнях Уральских гор¹ будут созданы пункты противовоздушного оповещения». «Наша цель — продвинуть границы на 500 километров на восток».

Соответственно, «расовые законы», придуманные сначала для евреев, должны были быть автоматически перенесены на другие, «низшие расы», в данном случае на славянские народы. Так, по словам Гиммлера, «рабочие из Польши должны были носить опознавательный знак на рубашке или пиджаке». В 1940 г. рейхсфюрер СС разглагольствовал: «Надо запретить какие-либо их (поляков. — Авт.) отношения с немцами... Если поляки пойдут в пивную (им, видимо, намеревались выделить специальные дни. — Авт.), ни один немец туда не заглянет». А «если поляк вступит в половую связь с немкой, его повесят перед лагерем. Надобности в этой связи нет никакой, существует достаточно польских женщин и девушек».

В 1942 г. он развил эту «мысль»:

«Им запретят создавать семьи, свое гнездо. Пусть работают у нас, а осенью их вышлют. Их можно собрать в лагеря. Пускай имеют бордели, против этого я не стану возражать. Но с нашим народом у них не должно быть ничего общего. Мы уничтожим семью хорошего польского батрака или династию горняка. Если хотят размножаться — пожалуйста, но только за пределами нашей страны. Нам нужны новые рабы, но не у нас в Германии».

В обвинительной речи на Нюрнбергском процессе главный обвинитель от Великобритании Шоукросс с горькой иронией сказал о плодах расовой теории, насаждавшейся главным образом ведомством Гиммлера:

«В качестве примера результатов этой злонамеренной пропаганды я напоминаю вам слова Бах-Зелевского, который, когда его спросили, как могло случиться, что Олендорф с находившимися под его командой людьми убил 90 тысяч человек, ответил:

¹ В одной из своих речей Гиммлер пошел еще дальше, заявив, что Урал будет «исходным пунктом» для дальнейшего продвижения на восток.

«Я придерживаюсь мнения, что, когда в течение долгих лет, в течение десятилетий, проповедуется доктрина о том, что славяне являются низшей расой, а евреи вообще не являются людьми, такой исход неизбежен».

Однако не надо думать, что расовая теория ограничивалась одними только евреями и славянами... Уже, что называется, «под занавес», в 1944 г., Гиммлер говорил, что война велась для «расширения базиса немецкого народа — включения тридцати миллионов людей нашей (германской. — *Авт.*) крови в рейх: датчан, фламандцев, голландцев и норвежцев, может быть, еще и других».

Далее нам придется разбирать подробнее этот тезис, то есть тезис о принудительном онемечивании Западной Европы. И здесь у эсэсовцев была «точная» программа: людей, которые желали забить свою родину, язык, имя, родителей, они собирались приобщить к своей нации, всех остальных — убить. Либо сразу расстрелять, либо посадить в концлагерь и там уничтожить.

И наконец, нельзя не отметить, что главари СС почти пять десятилетий назад планировали войны «континентов» для своих внуков и правнуков. Даже вполне всерьез готовились к ним.

В речи в Познани Гиммлер провозгласил: необходима «подготовка нашего народа к дальнейшей борьбе, к конфликтам, которые выпадут на долю наших внуков или еще более поздних поколений, когда сражаться друг против друга будут не нации, а расы, целые континенты».

ИДЕОЛОГИЯ «ОРДЕНА»

Розенберг, автор «Мифа XX века» — новой религии нацизма, был не только теоретиком фашизма, но и практиком. Гиммлер являлся не только сугубым практиком, но и теоретиком фашизма. Из сумбурной нацистской философии, скомпилированной Гитлером, Розенбергом, Дарре путем склеивания обрывков старых философских систем, он собрал своего рода сокращенный «кодекс» для СС. «Кодекс» этот отличался большим удобством — он был прост и для усвоения не требовал умственных усилий. Но понять сей «кодекс» можно только в том случае, если поймешь, что в *идеологическом* государстве Гитлера все человеческие понятия были поставлены с ног на голову.

Гиммлеру, да и Гитлеру, нужно было не просто сборище дебоширов и преступных элементов, какими являлись СА и СС на первом этапе, а боевое соединение преданных фюреру, дисциплинированных воинов, нечто сугубо военное и в то же время не... военное. Нацисты и их элита называли себя не солдатами, а бойцами, и Гиммлер сказал в 1940 г.: «Юные немцы, которые выделяются своим поведением и характером, хотят быть больше нежели солда-

тами...» Сам Гиммлер и его приближенные называли СС «орденом».

Слово «орден» пошло гулять по свету и в послевоенные времена. Уже много раз упоминавшийся Хёне озаглавил книгу об СС «Орден под знаком мертвой головы». Кто-то из американских исследователей нарек Гиммлера «великим магистром ордена».

Действительно, в 30-х годах в цивилизованной Германии нацисты прямым ходом ринулись в средневековье, взяв на вооружение некоторые средневековые атрибуты и обряды, правила и фразеологию.

Итак, «орден»... Да еще, по словам того же Хёне, сколоченный по принципу «иезуитского ордена»¹.

Первое, что сделали создатели «ордена», — до крайности затруднили вступление в него. В середине 1933 г. Гиммлер вообще прекратил на время принимать в СС новых членов. Он заявил: «Ни один человек не был больше принят. И от конца 1933 г. до конца 1935 г. мы исключили всех, кто нам не подходил». За два года из СС выдворили 60 тыс. человек — немалая цифра. К этой чистке мы еще вернемся. А сейчас попробуем разобраться в правилах приема молодых немцев в СС.

В основу правил были положены не какие-либо профессиональные качества людей, даже не их заслуги перед нацистами, не образовательный и не имущественный цензы и уж, конечно, не ум, способности или деловая хватка, а пресловутый расовый принцип. Только в еще более жестком варианте! «Родословные» эсэсовцев должны были быть стопроцентно «чистыми». Более того, требование «расовой чистоты» распространялось и на их жен. Таким образом, «орден» должен был выполнять функцию не то питомника по выращиванию чистопородных арийцев, не то случайного пункта. Вот что говорил по этому поводу Гиммлер еще до захвата Гитлером власти:

«Приказ по СС А № 65

Рейхсфюрера СС

Мюнхен, 31 декабря 1931 г.

1. СС — это избранный с определенной точки зрения союз юридически запрограммированных мужчин.

2. Согласно национал-социалистскому мировоззрению и в сознании того, что будущее нашего народа зависит от отбора и от сохранения расово- и наследственно-здоровой чистой крови, я ввожу с 1 июля 1931 г. для всех неженатых членов СС разрешение на брак.

3. Цель, к которой мы все стремимся, — это создание наслед-

¹ Известно, что Гитлер называл иногда рейхсфюрера СС своим Игнатием Лойолой, а убитый 30 июня 1934 г. фюрер штурмовиков Карл Эрнст окрестил Гиммлера «черным иезуитом».

ственно-здоровых, ценных родов немецки запрограммированного типа.

4. Разрешение на брак будет или не будет даваться, только исходя из принципа наследственного здоровья.

5. Каждый эсэсовец, намеревающийся жениться, должен отныне получить разрешение на брак от рейхсфюрера СС.

6. Эсэсовцы, которые, несмотря на неполучение разрешения на брак, все же женятся, вычеркиваются из списков СС, они могут и сами выйти из рядов СС.

7. Соответствующая обработка заявлений с просьбами разрешения на брак является прерогативой ведомства по расовым вопросам СС.

8. Ведомство по расовым вопросам СС ведет «родословную книгу СС», в которую вносятся семьи родственников эсэсовцев после выдачи разрешения на брак или положительного ответа на заявление с просьбой жениться.

9. Рейхсфюрер СС, руководитель расового ведомства и референты этого ведомства клятвенно обещают не разглашать секретов, связанных с вышеизложенным.

10. СС ясно, что благодаря этому приказу они сделали шаг, имеющий огромное значение. Всякие насмешки, издевки и превратные толкования нас не трогают, будущее принадлежит нам. Рейхсфюрер СС

Г. Гиммлер».

Итак, для вступления в СС надо было пройти сквозь густое сито «расового отбора». Практически все свелось к бумажкам — к анкете. Эта анкета была самым «священным» документом в СС. Ее изучали как святое писание. А к анкете добавлялась фотокарточка, изображавшая «абитуриента» во весь рост. Будущих жен командиров (фюреров) СС, между прочим, снимали в купальниках, дабы лучше оценить их «статус».

Иными словами, для вступления в отряды СС требовалась безупречная «родословная» плюс подходящий «экстерьер».

Вот как это выглядело на практике. С 1 июня 1935 г. каждый эсэсовский командир, начиная со штурмфюрера и выше, а с 1 октября 1935 г. каждый гауптшарфюрер, а вслед за тем вообще каждый эсэсовец обязаны были доказать, что ни у него, ни у его супруги нет «неарийских предков». Говоря конкретно, любой, даже рядовой, эсэсовец должен был представить справку о том, что его предки с 1800 г. являлись арийцами; командирам (фюрерам) или кандидатам в командиры требовалось засвидетельствовать, что их прямые родственники с 1750 г. не имели «чужой, неарийской крови». Немудрено, что, как пишет Хёне, все «эсэсовцы, включая уже поседевших ветеранов, друзей Гиммлера, залезли в архивы и

иногда годами рылись в церковных книгах и старых фолиантах, чтобы составить ставшее обязательным генеалогическое древо».

Но нацисты не были бы нацистами, если бы они доверяли бумагам. Они не только виртуозно подтасовывали факты и подделывали документы, они фальсифицировали свою историю и биографии своих фюреров. Поэтому, не ограничиваясь «родословной», они требовали точного описания «экстерьера» будущего эсэсовца.

Некий доктор Бруно Шульц, гауптштурмфюрер и профессор, на основе изысканий расовых теоретиков создал специальную шкалу, разбив всех возможных «абитуриентов» на пять групп: 1) «чисто нордическая группа»; 2) «преобладающе нордическая, или фалическая, группа»; 3) группа, «состоящая из гармонически смешанных людей обеих рас» с «легкой примесью альпийской, динарской и средиземноморской крови»; 4) группа «гибридов, где преобладает альпийская, или восточная, кровь», и, наконец, 5) группа «метисов неевропейского происхождения». Естественно, что претендовать на вступление в СС могли только те люди, которые принадлежали к трем первым группам. Впрочем, лишь временно. Гиммлер уверял, что через какие-нибудь несколько десятков лет членами «ордена» будут исключительно чистые арийцы (нордическая группа), а через 120 лет весь немецкий народ превратится в голубоглазых и светловолосых викингов... Но пока до этого было далеко. Шульц составил таблицу из девяти баллов, по которой оценивалось строение тела кандидата. Первый балл — «идеальное телосложение», второй — «отличное», третий — «очень хорошее», четвертый — «хорошее», пятый — «удовлетворительное». Лица, получившие последние два балла, как правило, приему в СС не подлежали. Однако у них еще оставался шанс: они могли компенсировать свое недостаточно «идеальное» телосложение соответствующей осанкой. Гиммлер по этому поводу говорил: «Дело заключается в том, что он (кандидат. — Авт.) при всей своей дисциплинированности не должен походить на раба: его походке, его рукам следует соответствовать нашему идеалу».

На Нюрнбергском процессе Гизевиус заявил, что при обсуждении вопроса, годятся ли кандидаты для приема в СС, обсуждалось буквально все, например учитывалось, «потеет ли абитуриент под мышками, пот являлся признаком нордической расы». «Я помню, — продолжал Гизевиус, — что при выборе эсэсовцев для службы в полиции Гейдрих и Гиммлер принимали окончательные решения только тогда, когда у них в руках находилась фотокарточка». По другим свидетельствам, Гиммлер и Гейдрих буквально с лупой изучали портреты своих будущих сотрудников.

Даже при росте в 174 сантиметра (мужчины ниже 174 сантиметров вообще не принимались в расчет) надо было обладать определенными, строго нормированными пропорциями. У эсэсовца,

вещал Гиммлер, не должно быть непропорциональной фигуры, к примеру «совершенно неправильного соотношения между голенью и бедром или совершенно неправильного соотношения между голенью, бедром и верхней частью туловища, вследствие чего туловище при каждом шаге совершает необычайно большие усилия, требующие необычайно большой энергии для строевого шага».

Все это были, так сказать, «научные» рассуждения. Однако Гиммлер, прекрасно знавший уровень «элитных» молодчиков, в своих речах очень часто переводил эти рассуждения на иной практический язык. Вот что он сказал (дословно) в речи от 2 мая 1936 г. перед верхушкой гитлерюгенда, то есть перед функционерами массовой нацистской организации молодежи, из которой СС в основном черпала свои кадры: «Люди, выращивающие породистый скот, давно это знают (знают, как производить отбор. — Авт.). Допустим, человек хочет купить лошадь и должен выбирать из двух, трех или четырех животных — я опять вынужден привести этот пример, — допустим, у всех у них прекрасные родословные, все они хороших кровей, однако, если человек умен, он призовет знатока, а уж знаток по внешнему виду, руководствуясь опытом, интуицией, скажет, какую из четырех лошадей надо взять. Иногда выбор не подчиняется логике. Например, у претендента голубые глаза, и все же мы не отберем этого голубоглазого. Вы окликнете его, заговорите с ним и увидите, что он мигает, что глаза у него в самой глубине покрыты пленкой, поймете, что он нерешителен, и сразу же скажете себе — он не в состоянии выдержать борьбу не на жизнь, а на смерть, хотя, если следовать науке, он расово безупречен».

Об «отборе» в СС вещали все фюреры палачей — и Гиммлер, и Гейдрих, и Кальтенбруннер, да и не только они. Можно сказать, это была одна из любимых тем всей эсэсовской пропаганды.

В учебнике эсэсовцев, вышедшем с грифом «секретно», говорилось: «Не надо доказывать, что этот принцип (принцип отбора в СС по расовым признакам. — Авт.) с течением времени, когда мы накопим больше опыта, станет еще лучше и беспощадней. Пусть вам будет также совершенно ясно, что этот отбор никогда не прекратится. С каждым годом мы будем повышать свои требования в той мере, в какой исполнение расовых законов в Германии и все более высокое сознание важности чистоты крови и чистопородности обеспечат подъем германского самосознания».

И далее: «С помощью правил, которые мы сами себе устанавливаем, мы позаботимся и в далеком будущем о том, чтобы не каждый сын эсэсовской семьи, внесенной в «родословную книгу СС», имел бы право стать сразу же претендентом на прием в СС, а то и вовсе сразу эсэсовцем...» Автор учебника объясняет, что только часть детей эсэсовцев удостоится чести вступить в СС.

Как мы видим, нацисты всегда оставались верными себе. Они «заботились» о еще не родившемся поколении, мыслили глобальными масштабами; недаром они объявили свой рейх «тысячелетним». Временщики всегда думают о вечности!

Если же в кандидате не нашли особых физических изъянов и он прошел по анкетным данным, это еще вовсе не означало, что сей счастливец стал полноправным эсэсовцем. Ему предстоял долгий «искус». 9 ноября, в очередную годовщину мюнхенского путча, восемнадцатилетнего «абитуриента» объявляли новобранцем и разрешали облачиться в эсэсовскую форму. Но без петлиц. Следующий этап наступал 30 января, в годовщину захвата власти Гитлером; тот же новобранец получал предварительное удостоверение эсэсовца. Проходило еще несколько месяцев, и 20 апреля, в день рождения Гитлера, новобранцу давали петлицы и постоянное эсэсовское удостоверение, после чего он приносил присягу фюреру:

«Клянусь тебе, Адольф Гитлер,
Тебе — фюреру и канцлеру германского рейха,
Быть верным и храбрым.
Я торжественно обещаю тебе и назначенным тобою
начальникам
Хранить послушание до самой смерти,
И да поможет мне бог».

Суперторжественно проходило посвящение в эсэсовцы в так называемых «особых отрядах» СС. Его приурочивали опять же к годовщине мюнхенского путча — церемонию устраивали в 22 часа, то есть в глубокой темноте, поскольку стоял ноябрь, в Мюнхене в Фельдхернхалле; на церемонии присутствовал сам Гитлер. Некий Гельферих, один из членов «Кружка друзей рейхсфюрера СС», так вспоминает сие торжественное собрание: «Ночная присяга перед Фельдхернхалле в Мюнхене. Превосходные молодые люди, серьезные, с безукоризненной выправкой, безукоризненно вооруженные. Истинная элита. У меня на глазах выступали слезы, когда тысячи людей при свете факелов хором давали клятву верности. Слово молитву». К этому следует добавить, что Гельферих с умилением вспоминал эсэсовскую клятву фюреру через несколько десятилетий после разгрома нацистской Германии и после Нюрнбергского процесса, где СС была официально объявлена преступной организацией.

Итак, молодчики из «особых отрядов» СС становились полноправными палачами через год после того, как они проходили первый экзамен на чистоту крови. В отличие от них молодчики из «общих отрядов» СС подвергались дополнительной дрессировке. Дав клятву верности фюреру 20 апреля, они сдавали спортивные нормы, ибо им вменялось в обязанность получить так называемый

«имперский спортивный значок». Далее новобранец проходил «теоретический курс», вызубривал «вопросы» и «ответы» и сдавал экзамен уже не на стадионе, а в классе. Приводим (по книге Хёне) образчики вопросов и ответов, которые обязан был выучить каждый эсэсовец.

Вопрос: «Почему мы верим в Германию и в фюрера?» Ответ: «Мы верим в господ бога и потому верим в Германию, которую он сотворил по своему подобию, и в фюрера, которого он нам ниспослал». Вопрос: «Кому мы должны служить прежде всего?» Ответ: «Нашему народу и нашему фюреру Адольфу Гитлеру». Вопрос: «Почему ты послушен?» Ответ: «Из внутреннего убеждения, из веры в Германию, в фюрера, в «движение» (нацистов. — Авт.), в охранные отряды и из верности».

1 октября новобранец-эсэсовец шел отбывать трудовую повинность на «трудовом фронте», а потом его призывали на короткое время в вермахт. Только после этого, получив хорошую характеристику от командиров вермахта, он снова возвращался в СС и 9 ноября становился уже стопроцентным эсэсовцем. На сей раз он приносил новую присягу: клялся, что выберет себе подругу жизни, «исключительно исходя из расового наследственно-здорового принципа», а также с согласия ведомства по расовым вопросам или самого Гимmlера, и только после этого, пишет Хёне, юный абитуриент «ордена» становился полноправным его членом.

Читая правила приема в СС (или «отбора»), как выражались в гитлеровской Германии, можно подумать, что их составляли полные психопаты.

А между тем правила принадлежали преступникам и циникам, которые прекрасно знали, что творят.

Неимоверные препоны, стоявшие перед «абитуриентами», были совершенно необходимы: ведь будущий эсэсовец должен был сразу понять (а речь шла в большинстве случаев о девятнадцатилетних юношах), что он вступает в святая святых нацистского государства — в элитную организацию. Да, юноша, завербованный в СС, должен был уверовать в то, что он добился великой чести, дав присягу *беспрекословного послушания* Гитлеру и Гимmlеру. Он должен был считать, что, убивая пульей в затылок и сжигая в печах крематория, выполняет великую миссию спасения немецкого народа и всей цивилизации.

Джон М. Стейнер, американский исследователь, пишет, что все эсэсовцы «были убеждены, что они являются расовой элитой. Вследствие этого «охранные отряды» считали и своим долгом, и своим «правом» решать, имеют ли все остальные право на существование...» Сказано очень метко. Однако «отбором» в СС дело отнюдь не кончалось. Пребывание в этом «ордене» палачей сопровождалось целым рядом ритуалов.

Продолжим прерванную цитату. Итак, новобранец становился полноправным членом СС и тем самым «с головой окунался в исключительно странное братство, где сектантский фанатизм, феодальные правила и древнегерманский культ были соединены с современной политико-экономической организацией и хладнокровными государственными расчетами, что являло собой довольно-таки причудливую смесь. Теперь наступал решающий акт задуманного Гиммлером воспитания эсэсовского «сверхчеловека»: создание и внедрение корпоративного духа. Совершенно ясно: этот дух был подражанием сословному кодексу прусского офицера». И далее Хёне говорит: «Изю дня в день эсэсовцу внушалось «элитное сознание».

При этом дело не ограничивалось пропагандистской обработкой, так называемыми «политическими занятиями»¹. Существовал свод правил, который ставил всех членов СС в совершенно особое положение. Значение этих правил заключалось в том, что даже прямые привилегии эсэсовцев — они не проходили обязательной службы в вермахте, им больше платили, нежели всем остальным кадровым военным, — облекались в форму некой идеологической аскезы по принципу: кому больше дано, с того больше и спросится. Неважно, как это выглядело на практике, важно, что во всеуслышание Гиммлер требовал от палачей «идеализма» — порядочности, бескорыстия, строгого соблюдения всех постулатов нового мифа, новой религии гитлеровцев.

Эсэсовцы подчинялись юрисдикции специальных судов. Шарфе, эсэсовский судья, так сформулировал притязание СС на свое собственное правосудие: «Эсэовец занимает, разумеется, особое положение по сравнению с обычным членом НСДАП, в особенности потому, что он в случае необходимости жертвует жизнью во имя защиты «движения» и фюрера. Это особое положение... совершенно очевидно влечет за собой особое обращение...» Стало быть, особые суды.

Впрочем, Шарфе недоговаривает. Особые суды выдают генезис СС, их мафиозную основу. Суд «феме», особый суд, существовал и во «фрейкорах», существует в любой организованной банде.

Благодаря отказу от правовых норм, обязательно предполагающих равенство *всех* граждан перед законом, Гиммлер приобретал дополнительную власть над своим «орденом». Так же как главарь банды приобретает дополнительную власть над своими сообщниками.

Вообще говоря, «двоеправие» — чрезвычайно опасная штука для любого буржуазного государства. И это, конечно, понимал

¹ В юнкерских школах СС уроков «мировоззрения» было столько же, сколько уроков тактики.

Гитлер. Но уж очень он нуждался в эсэсовском «ордене» — тесно сплоченном сообществе карателей!

Существовали, однако, и другие особые правила для СС, имевшие, так сказать, чисто «декоративное» значение: к примеру, эсэсовцам разрешались дуэли, давным-давно запрещенные во всем цивилизованном мире. Более того, проштрафившийся головорез из СС имел право покончить жизнь самоубийством. Правда, и в том и в другом случае с разрешения начальства и с соблюдением массы бюрократических формальностей.

Эсэсовцы со стажем носили на пальце серебряное кольцо с изображением мертвой головы. И наконец, особо доверенные лица получали «кинжал чести». (Официально им награждались эсэсовцы, имевшие чин не ниже унтерштурмфюрера.) Но кому именно выдавался кинжал, зависело от Гимmlера. Только эсэсовцы, окончившие юнкерские школы, автоматически получали кинжал.

Думается, не надо объяснять, что и дуэли, и разрешения покончить с собой, и особые кольца, и кинжалы служили одной задаче — показать «старомодную» аристократичность, элитарность эсэсовцев.

Мы уже писали, что, как и всякий орден, эсэсовский союз был построен по строго иерархическому принципу. В нем существовала, однако, не только иерархия чинов, званий, привилегий, но и иерархия идеологий. И чем выше был эсэсовский чин, тем сложнее становился идеологический ритуал. Но и рядовые «бойцы» «охранных отрядов» все время были, что называется, при деле. И у них существовало множество различных церемоний и обрядов, в которых необходимо было участвовать.

Между прочим, рядовые эсэсовцы в казармах имели особый, гигиенический рацион: вместо кофе пили какую-то бурду с молоком, в больших количествах потребляли минеральную воду. Гимmlер сам беспрестанно занимался меню палачей, совещаясь с евгениками — специалистами по усовершенствованию эсэсовской породы. Как свидетельствует французский исследователь Деларю, в казармах СС проходили также «магнетические сеансы» и сеансы массажа — все с той же целью «оздоровления» эсэсовцев — рядовых, а главным образом, командиров. У всех эсэсовцев были также особые... праздники. Даже рядовые «бойцы» не справляли ни рождества, ни Нового года, ни пасхи.

Самыми главными семейными праздниками эсэсовцев считались: бракосочетание, которое обставлялось на некий полуязыческий лад, и праздник по случаю рождения ребенка — тоже весьма своеобразная церемония. Эсэсовцы (в особенности до войны) не венчались в церкви. На свадьбу приходили сослуживцы эсэсовца и обязательно его начальник. Начальник держал речь, брачащимся преподносили хлеб-соль и вручали серебряную чашу.

Новорожденный также получал эсэсовский подарок — серебряную чашу, серебряную ложку и голубой шелковый бант. На похоронах командир эсэсовского отряда опять же произносил речь. В заключение церемонии все присутствующие, взявшись за руки, образовывали круг и, глядя на могилу, пели эсэсовскую песню о верности.

Вместо рождества все эсэсовцы праздновали день «зимнего солнцестояния». Каждый из них получал по этому случаю керамический светильник (СС владела специальной фарфоровой фабрикой в Аллан-Мюнхене, производившей светильники-подсвечники на 12 свечей). Светильники зажигали, произнося соответствующие заклинания¹. Таким же важным праздником считался у СС «праздник солнцеворота» (день весеннего равноденствия, когда ночь начинает убывать, а день прибывать) — он символизировал победу света над тьмой... И далее, эсэсовцы, как и вся Германия, праздновали день рождения Гитлера, годовщину «пивного путча» и годовщину захвата гитлеровцами власти. Но праздновали куда торжественней, нежели простые смертные.

На более высокой ступеньке иерархической лестницы СС стояли воспитанники так называемых эсэсовских юнкерских школ. Им предназначалась роль «нового дворянства» (выражение Гитлера). О части их символических привилегий речь шла выше. Они подвергались особой муштре — причем буквально до самого 1945 г. Физическая подготовка перемежалась с идеологической: вызубриванием наизусть речей Гитлера и Гиммлера, соответствующих глав учебников.

Когда читаешь эти учебники, волосы становятся дыбом, до такой степени они проникнуты духом человеконенавистничества, жестокости, садизма. В беседах с Раушнинггом, своим бывшим сообщником, Гитлер не раз высказывался о цели воспитания «отборной молодежи». Однако довольно долго книга Раушнингга не считалась заслуживающей полного доверия — многим казалось, что Раушнинг все же преувеличивает. Однако чем больше доподлинных документов гитлеровских времен попадает в научное обра-

¹ Вот как описывает американский исследователь СС Стейнер праздник «зимнего солнцестояния» под Новый... 1962 г., который отмечали бывшие эсэсовцы в ФРГ. Главным на этом празднестве был бывший обергруппенфюрер и генерал СС Феликс Штайнер. А всего присутствовало 150 человек (!). «Когда Штайнер входил или выходил из зала, присутствовавшие — за исключением нескольких женщин и детей — по команде вставали. «Религиозная» часть праздника началась после того, как зажгли 12 свечей. Этот символический акт проделали два бывших эсэсовских офицера, которые читали что-то вроде стихов. Они говорили приблизительно так: «Эта свеча зажигается в честь матерей... в честь вдов нашего собрания... в честь наших жен... в честь павших на поле боя... в честь наших товарищей в Европе и во всем мире... в честь немецкого народа». Потом все хором запели... Во время праздника один бывший гауптштурмфюрер комментировал ход церемонии и подробно объяснял значение сего религиозного ритуала».

чение, тем яснее становится: высказывания нацистского фюрера в книге Раушнинга отнюдь не преувеличены. Вот что Гитлер говорил о воспитании элиты, то есть о том, что Гиммлер претворил в жизнь: «В моих орденовских замках вырастет молодежь, от которой мир содрогнется. Я хочу воспитать жестокую, властную, свирепую молодежь».

Цитата эта очень известна, но о ней, на наш взгляд, надо напоминать.

Наивысшим «достижением» в области теории воспитания или, скорее, выращивания свирепых, бессовестных людей — роботов надо считать эсэсовское учреждение под названием «Лебенсборн». Перевести это словосочетание на русский не так-то просто. Слово «борн» нечто вроде «кладезя» или «источника». Итак, «жизненный кладезь».

Вначале «Лебенсборн» (первый приют «Лебенсборна» был создан по приказу Гиммлера в 1936 г.) задумывался как некий «случной пункт»: в нем должно было происходить спаривание суперчистопородных эсэсовцев с не менее чистопородными девицами. Воспитание их потомства брал на себя тот же «Лебенсборн». Тем не менее особого успеха «Лебенсборн» не имел. В 1939 г. он насчитывал всего 8 тыс. членов-эсэсовцев.

В годы войны, когда мужское население Германии начало таять, солдатам (а не только эсэсовцам!) всячески внушалось, что они должны оставить здоровое потомство. Пусть, мол, у законной жены уже трое детей. Соседка, чистая арийка, тоже хочет иметь ребенка. И вот опять же пригодился «Лебенсборн»: забеременевшую женщину упрятывали в один из приютов «Лебенсборна». А после родов, оставив ребенка, она могла идти на все четыре стороны. Тайна беременности и родов свято хранилась. Так, во всяком случае, утверждали эсэсовские фюреры. Управляющий «Лебенсборном» Эбнер хвастался: «Лебенсборн» — единственная организация, которая может благодаря своему устройству гарантировать полную тайну родов».

Акции «спаривания» и «воспитания» были задуманы с большим размахом. Достаточно сказать, что «Лебенсборн» подчинялся непосредственно штабу рейхсфюрера СС. Всю Германию предполагалось покрыть сетью приютов «Лебенсборна». Однако за двенадцать с половиной лет создать несколько поколений воспитанников «жизненного кладезя», разумеется, не удалось.

Авторы не знают точного числа детей, прошедших через «Лебенсборн». Деларю считает, что их было около 50 тыс. «Умственный уровень этих детей в большинстве случаев оказался ниже среднего уровня, — пишет Деларю, — и среди них было в четыре или в пять раз больше слабоумных, нежели среди других детей. Нацистские специалисты по евгенике не знали того, что знают

- психологи «декадентских» стран и «вырождающихся» рас: самое совершенное закрытое детское учреждение уступает при «выращивании» детей родной матери, безразлично какой, даже весьма посредственной. Идеология и биология не заменяют материнской любви...»

Однако то, над чем можно теперь посмеяться, в свое время наделало массу бед, ибо развращало людей.

В истории с «Лебенсборном» мы видим полную идеологическую путаницу¹. Дело в том, что Гиммлер все время проповедовал семейные добродетели, ратовал за многодетные крепкие семьи. Тем не менее «романтики»-эсэсовцы предавались тайному разврату. Это, конечно, вполне объяснимо: идеология аморальности, легализация бесчеловечности не могли не коснуться семейных устоев. Удивительно другое: даже официально эсэсовские фюреры фактически поощряли внебрачные связи, многоженство, незаконных детей, а следовательно, разрушали семьи. Само существование «Лебенсборна» — яркое доказательство этому.

* * *

Итак, «орденские» замки, случайные пункты, невиданная «мораль», свои собственные праздники, кольца, кинжалы, особые рационы, серебряные чаши, «родословные» с 1750 г., да еще всевозможная чертовщина: теософия, оккультизм — все это насаждалось в эсэсовском «ордене», по крайней мере на фюрерском уровне.

Но настоящая мистика начиналась на тех ступеньках эсэсовской иерархии, где находился сам Гиммлер и его ближайшее окружение.

Рейхсфюрер СС верил и в «черную магию», и в переселение душ, запросто «общался с духами», советовался с гадалками и астрологами. Во всяком случае, такие слухи усиленно распространялись среди эсэсовцев², чему можно найти вполне рациональное объяснение. Тусклого чинушу Гиммлера (с его явно неарийской внешностью, менторским тоном и педантизмом) надо было

¹ Эту идеологическую путаницу многие буржуазные исследователи выдают за отсутствие идеологии в нацистской Германии. На самом деле она свидетельствует лишь о ее своеобразном «перепроизводстве» и о том, что эсэсовцы — да и вообще гитлеровцы — меняли свои идеологические постулаты в связи с требованиями момента, о чем уже говорилось выше.

² Последующим поколениям поведал обо всем этом биограф Гиммлера, его придворный массажист — Керстен. После войны Керстен издал свои мемуары, в которых пытался (хоть и осторожно!) обелить Гиммлера, приписывая не только себе, но и своему патрону спасение множества людей. Керстен имел большое влияние на Гиммлера: сеансами массажа он снимал у шефа СС какие-то таинственные желудочные боли, против которых лекарственные средства были якобы бессильны.

окружить хоть каким-то ореолом, как теперь сказали бы — аурой сверхъестественного.

Для пущей «аристократичности» рейхсфюрер СС отождествлял себя то с... мифическим королем бриттов Артуром, тем самым, кто, по кельтским преданиям, собирал 12 своих рыцарей вокруг «круглого стола», то с королем Генрихом, дух которого будто бы являлся к нему и давал всякие ценные указания. Правда, с королем Генрихом у историков на Западе получилась небольшая неувязка: некоторые исследователи, в частности Хёне, считают, что Гиммлер имел в виду Генриха I (876—936 гг.), саксонского короля, который воевал против славян — это последнее обстоятельство имело для Генриха Гиммлера немаловажное значение. Другие буржуазные историки, в частности Стейнер, утверждают, будто речь шла скорее о кайзере Генрихе VI, императоре Священной Римской империи, жившем в XII в. Как бы то ни было, Гиммлер любил, чтобы его звали «кайзер Генрих» или же «Черный герцог»...

В качестве лжекороля Артура рейхсфюрер СС соблюдал довольно сложный ритуал. За его столом всегда сидело ровно 12 человек. В СС он имел 12 обергруппенфюреров, которые считались высшими иерархами «ордена». Эти двенадцать имели свои «гербы», которые им «сочинили» и нарисовали художники из диковинной организации под названием «Наследство предков».

Все эти атрибуты играли свою роль и в культе смерти — главном культе Гиммлера.

Основным «орденским» замком эсэсовцев, так сказать вальхаллой Гиммлера (вальхалла — чертог мертвых и одновременно замок скандинавского бога Одина), был замок Вевельсбург. Этот замок находился в Вестфалии, недалеко от Падерборна, и Гиммлер арендовал его с 1934 г. за символическую плату — одну марку в год. Естественно, что о Вевельсбурге, так же как о любом другом средневековом замке, ходило множество легенд. Между прочим, легенда о том, что после нашествия с Востока (!) устоит одна-единственная крепость в Вестфалии, а именно Вевельсбург...

Вевельсбург был построен якобы гуннами. Свое название получил не то от рыцаря, не то от разбойника с большой дороги по имени Вевель фон Бюрен. Во время средневековых междоусобиц в замке скрывались падерборнские епископы. В XVII в. Вевельсбург кардинально перестроили, и он, по-видимому, принял тот вид, какой у него был при нацистах: огромное приземистое здание, серое, мрачное, замшелое, в виде треугольника.

Гиммлер намеревался превратить Вевельсбург в духовный центр своего «ордена», открыть там имперскую школу для фюреров СС. В его персональном штабе было образовано ведомство «Вевельсбург» под началом штандартенфюрера СС Тауберта (перестройкой и модернизацией Вевельсбурга занялся архитектор Бартельс).

В итоге над гигантским залом — столовой в южном крыле были устроены личные покои самого рейхсфюрера СС — в том числе огромное помещение для коллекции оружия (естественно, краденого!) и библиотека с 12 тыс. томов (опять же краденых!). Рядом находился зал заседаний и судебный зал. В том же южном крыле архитектор разместил апартаменты Гитлера, в которые тот, впрочем, ни разу не заглянул. В замке находились и комнаты для 12 приближенных Гимmlера, тех самых, что регулярно «заседали» в главном зале — тридцатипятиметровой длины и пятнадцатиметровой ширины — с круглым дубовым столом посередине. «Заседали», сидя в огромных креслах, обитых свиной кожей и украшенных заемными гербами (как известно, гигантомания и помпезность в гитлеровском рейхе заменяли вкус). Эти «заседания» «рыцарей», сиречь палачей Лже-Артура — Гимmlера, по словам Хёне, сильно походили на спиритические сеансы.

И наконец, последним штрихом эсэсовского архитектора, придававшим законченность картине, было переоборудование подвала Вевельсбурга для будущих погребений, вернее, для торжественного сжигания гербов лжерыцарей Лже-Артура — Гимmlера.

В общем и целом архитектурно-рыцарские «игры» в Вевельсбурге обошлись немецкому народу, как уже говорилось, в 13 млн марок — именно столько было затрачено на модернизацию старинного замка.

Однако Вевельсбург мыслился Гимmlеру только как начало — рейхсфюрер СС хотел, чтобы «в каждом штандарте (эсэсовском полку. — Авт.) был создан подобный культурный центр немецкого величия и немецкого прошлого и чтобы его привели в тот порядок и в то состояние, какое было бы достойно народа с древней культурой...».

Так обстояло дело с культом короля Артура. Но культ мертвых, проповедуемый Гимmlером, не ограничивался королем Артуром. 2 июля 1936 г., якобы в день тысячелетия со дня смерти Генриха I, он поклялся в Кведлинбургском соборе своему тезке, что «закончит его дело... порабощения славян». Через год, то есть в 1937 г., в Кведлинбургский собор перенесли останки Генриха I, и Гимmlер заявил, что этот собор должен стать местом паломничества эсэсовцев. Сам Гимmlер несколько лет подряд в годовщину смерти Генриха I отправлялся в собор и ровно в полночь шел в склеп под алтарем, где вел «беседы» с прахом короля¹.

Если вспомнить еще, что Гимmlер был основателем и патроном «Общества для обнаружения и ухода за памятниками древнегерманской культуры», то есть «колдовал» над «тевтонскими черепками», то картина будет полная.

¹ В разговорах с Керстеном Гимmlер объяснял, что он может «общаться» лишь с духами людей, которые умерли не менее ста лет назад.

Да, рейхсфюрер СС занимался гробокопательством, дабы облачить своих палачей в средневековые рыцарские доспехи, и для этой цели притворялся полным идиотом, каким он отнюдь не был. Но, увы, в нацистском государстве, народ которого был оболванен и запуган, часть населения верила во все его оккультные фокусы.

Впрочем, мистика эта гроша ломаного не стоила, когда доходило до дела. Достаточно внимательно прочесть речи Гимmlера, чтобы убедиться: он требовал от эсэсовских палачей вполне определенных качеств, необходимых для палаческих функций. И тут надо понять специфику их «работы». Бесперывные убийства, массовые казни, полная безнаказанность уродовали психику даже самых жестоких и тупых людей — они становились алкоголиками, наркоманами, психопатами, гомосексуалистами («мужское братство»), патологическими ворами, словом, совершенно «неуправляемыми». К этому следует добавить, что за какие-нибудь несколько лет нельзя было избавиться от «старых бойцов», штурмовиков и эсэсовцев первого призыва, а они, как мы знаем, часто вербовались из уголовников.

Исходя из всего этого, Гимmlер без конца вдавливал в головы СС своего рода «памятку», необходимый «свод правил» для рядовых убийц:

«Либо ты умеешь обращаться с алкоголем и слушаешься нас, либо тебе присылают револьвер и ты ставишь точку. Стало быть, подумай». «У тебя 24 часа времени на это», — сказал он в речи перед гитлерюгендом 22 мая 1936 г. Ту же нехитрую мысль он развил и перед группенфюрерами СС 8 февраля 1937 г.

В сентябре 1938 г. рейхсфюрер СС в речи перед заграничными организациями НСДАП заявил, что эсэсовцам запрещено делать долги, обращаться к ростовщикам. Эсэсовцы обязаны копить деньги.

За год до этого в речи в Дахау Гимmlер специально остановился на теме «бережливость»:

«Эсэовец должен быть бережлив. Когда он посылает поздравление к Новому году или к рождеству, то должен отправлять не телеграмму, а письмо с маркой за 12 пфеннигов. И писать свое поздравление не на сложенном листе, а на половинке... Таким образом, экономится масса бумаги».

Надо думать, что рейхсфюрер СС говорил это не только из-за своей мелкой мещанской душонки. О легкой наживе эсэсовцев, грабивших свои жертвы, бравших взятки, слухи ходили по всей Германии. Естественно, Гимmlер хотел их пресечь. Вот он и распространялся об экономии бумаги.

Чрезвычайно сурово осуждал Гимmlер самоубийц, которые лишили себя жизни из-за каких-либо личных причин, допустим из-за неразделенной любви.

«Я не понимаю тех, кто выбрасывает свою жизнь, как грязную рубаху...» — сказал Гиммлер в речи от 8 февраля 1938 г. И добавил: «Такое самоубийство — трусость, ибо в этой смерти не было смысла для Германии».

Речь эта была произнесена через шесть недель после мюнхенского сговора, однако Гиммлер не преминул заметить, что в случае войны (он-то знал, что война не за горами!) «не будет ни одного эсэсовца, который сдался бы в плен».

«ЭВТАНАЗИЯ» — ПРОБНАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ АКЦИЯ СС

На фотокадре запечатлены трое людей в белых халатах: двое мужчин, одна женщина. Чуть впереди мужчина средних лет со сжатыми губами, он стоит набычившись. За ним второй — помоложе, довольно смазливый, с темными усиками. Женщина — типичная «Гретхен»: гладко причесанные волосы, милые черты лица — скромно держится несколько поодаль. Фото опубликовано в книге Гейнца Бергшиккера, ученого из ГДР, «Немецкая хроника. 1933—1945». Под фотографией текст: «...фильм «Я обвиняю» ставит себе целью оправдать вызывавшую энергичные протесты части населения акцию по массовому умерщвлению людей, которую проводили нацистские врачи в рамках программы «Эвтаназия больных с наследственными болезнями»¹. Далее в той же книге приведена еще одна фотография — персонажи ее одеты не в белые халаты, а в мундиры эсэсовцев. Это уже не актеры, играющие «положительных героев», врачей-убийц, а сами убийцы, руководители «программы эвтаназии», — лейб-медик Гитлера профессор Брандт и старый эсэсовский шпик Леонардо Конти, статс-секретарь по ведомству здравоохранения. Из подтекстовки следует, что они проводили вышеназванную программу совместно с рейхс-лейтером Боулером.

«Эвтаназия», «программа эвтаназии» была одной из чрезвычайно важных акций СС, которой буржуазные историки, на наш взгляд, уделили чересчур мало внимания. Быть может, потому, что ее заслонили и пресловутое «окончательное решение», и казни миллионов людей в Польше и на временно оккупированных территориях СССР, и Орадур, и Лидице, и чудовищные опыты врачей над заключенными в концлагерях.

Однако смеем утверждать, что без «программы эвтаназии» все последующее было бы просто немислимим. «Эвтаназия» явилась, так сказать, репетицией массовых казней. Для нее потребо-

¹ Фильмов такого рода было два: один в порядке подготовки к указанной акции в 1936 г. — «Необходимость для фризов» и второй — «Я обвиняю» — в 1940 г., когда слухи об убийствах просочились в народ и вызвали протест.

валось и «теоретическое» биологически-расовое обоснование, и техническое решение — душегубки, и кадры «специалистов», и использование людей самой гуманной профессии — врачей — для убийств, и обстановка сугубой секретности, и многое-многое другое.

Начнем с названия: «эвтаназия» — термин медицинский. Он означает: «Облегчение умирания обезболивающими средствами». Ничего общего этот термин с нацистской «эвтаназией» не имел. Нацисты убивали (а не «облегчали умирание»!) так называемых «неполноценных», или, как официально значилось в приказе Гитлера, «людей, страдающих наследственными болезнями». Причем не людей «низших рас», а самых что ни на есть арийцев, попросту говоря, немцев, своих же соплеменников, соотечественников, граждан «третьего рейха».

Сразу скажем, что эвфемизм «эвтаназия» был одним из первых в целом ряде других. В правила «хорошего тона» палачей входило не называть вещи своими именами: они не убивали представителей «низших рас» — они проводили в жизнь «окончательное решение», они не умерщвляли голодом и непосильной работой миллионы пленных, угнанных — они «перевоспитывали работой», они не хватили заложников в Западной Европе — они назначали операцию «Тьма и туман».

Итак, «эвтаназия», или «легкая смерть», или же «дезинфекция» (этот термин еще того хлестче). Кстати, издавая секретный приказ Гитлера¹, эсэсовцы пошли на явное жульничество — приказ был подписан в конце октября, а датирован 1 сентября 1939 г., ибо должен был задним числом «узаконить» ликвидацию душевнобольных, проводившуюся полным ходом с 1 сентября, то есть с начала войны.

В приказе говорилось буквально следующее: «Эвтаназии» подлежат все люди, «жизнь которых не имеет ценности». Нетрудно догадаться, что под эту рубрику можно было подвести любого гражданина нацистской Германии, а отнюдь не только душевнобольного. Так же расплывчато и понятие больных «наследственными» болезнями. К ним относятся не одни лишь люди, страдающие психическими расстройствами. В 30-х годах буржуазная медицина считала «наследственными» болезнями гемофилию, многочисленные болезни кожи, различные болезни глаз (даже катаракту и дальтонизм), некоторые болезни уха, эпилепсию, наконец,

¹ Некоторые западные историки утверждают, что это был последний приказ, касавшийся умерщвления людей, на котором стояла собственноручная подпись Гитлера. Возмущение рядовых граждан и даже членов НСДАП «эвтаназией» заставило в дальнейшем нацистского фюрера быть более осторожным. Так, приказ об «окончательном решении» он не захотел подписывать. Возможно, что историки правы.

туберкулез и многие другие широко распространенные недуги. Беспомощных стариков (парализованных маразматиков) также можно было счесть «не имеющими ценности» для нацистского «сообщества».

Эсэсовцы провели известную подготовку к приказу об «эвтаназии». Уже 14 июня 1933 г., то есть спустя полгода после захвата власти Гитлером, был провозглашен закон о «предупреждении появления потомства, больного наследственными болезнями». Он предусматривал принудительную стерилизацию. Решения о стерилизации принимали суды по расовым вопросам (о них уже шла речь выше). Не надо думать, что совершенно невиданный по цинизму закон остался клочком бумаги. Он применялся очень даже широко. За 1934—1936 гг. было стерилизовано 168 тыс. несчастных.

Особых протестов ни внутри страны (со стороны буржуазных или церковных деятелей), ни тем более за границей не последовало.

И вот эсэсовцы приступили к еще более радикальному искоренению «плохой наследственности». На первых порах они решили покончить с душевнобольными. Но и в эту графу они могли включить любого, прежде всего своих противников. К примеру, в приказе от 12 сентября того же 1939 г. было сказано: «Направить всех психопатов, как потенциальных смутьянов, в концлагеря». Разумеется, этот приказ надо читать несколько иначе: всех смутьянов объявить психопатами и засадить в концлагеря. Иначе ничего не поймешь: почему, собственно, сажать психопатов в концентрационные лагеря? А не в психиатрические лечебницы? Не в сумасшедшие дома?..

Но мы несколько отвлеклись. Итак, с самого начала войны вступила в действие «программа эвтаназии». На секретных узких совещаниях говорилось, что воюющий немецкий народ не должен содержать неизлечимых, «бесполезных» больных. Это, мол, ложится тяжелым бременем на его бюджет. Отто Олендорф, группенфюрер СС, начальник Управления РСХА, а в дальнейшем один из главварей эйнзацгруппы, зверь наподобие Гейдриха, утверждал, что война — идеальное время для того, чтобы избавиться от всех «неполноценных». Ссылаясь на своего учителя профессора Йенса Иссена, он рекомендовал «вкладывать сэкономленные деньги (от содержания больных. — Авт.) в программу вооружения»¹. На более широких совещаниях (но тоже секретных) объясняли, что немецкая «народная общность» для своего биологического здоровья нуждается в «отсечении больных, зараженных ветвей»².

¹ Олендорф был тесно связан с немецкими монополистами, как мы покажем далее. В СС пришел из имперского министерства экономики, где занимал высокий пост министерал-директора.

² В германских университетах в ту пору учили, что, если бы не новые законы и указы национал-социалистов, германская раса «через триста лет исчезла бы с лица земли».

И при этом ссылались на расовых «теоретиков», которые напускали псевдонаучный туман на обыкновенные убийства. И наконец, от широких масс немецкого народа «программу эвтаназии», приказ Гитлера и т. п. вовсе скрывали. Родственники умерщвленных врачами (вдумайтесь в ужасный смысл этой фразы, ведь врачи давали «клятву Гиппократу», ведь у всех народов, во все эпохи существовала врачебная этика — обязанность каждого медика из последних сил до последней минуты бороться за жизнь больного!), итак, родственники умерщвленных врачами больных получали урну с прахом и бумажку с каким-то взятым с потолка диагнозом. Как пишет западногерманский историк Ф. Ципфель в книге «Борьба церкви в Германии. 1933—1945», «Общественность обратила внимание на то, что все чаще стали приходиться официальные сообщения о смерти больных, переведенных из одной клиники в другую, а также бланки с указанием явно неправдоподобных причин смерти. Особенно настораживала ссылка на опасность эпидемий, а также урны без всякого свидетельства о причинах смерти. Все это заставило людей понять, что в больницах творится нечто невообразимое».

Как происходили убийства? Ныне мы можем описать это вполне достоверно.

В подписанном Гитлером приказе (для исполнения он был направлен по двум адресам — рейхслейтеру Булеру и врачам Брандту и Конти) говорилось, что «полномочия врачей должны быть значительно расширены, с тем чтобы к практически неизлечимым больным, критически проанализировав их состояние, можно было бы применить «эвтаназию» (в приказе был использован в этом месте другой термин — «смерть из милости»).

До этого ассигнования на государственные и общинные клиники снизили до такой степени, что часть больных была обречена на голодную смерть — на каждого больного стали выдавать всего лишь... 24 пфеннига. Это была, так сказать, непосредственная подготовка к ликвидации части пациентов. После сего врачи приступили к беглому осмотру больных, в большинстве случаев они просто перелистывали истории болезни. И вот наступал главный этап — медики составляли списки смертников и передавали их в ведение специальных эсэсовских команд, «рабочее» название команд было «команды для убийств», но для вида им присвоили вполне благозвучные наименования: «Общепольное учреждение для лечебного ухода», «Общепольная перевозка больных. Акционерное общество», «Имперское рабочее общество для больниц и психиатрических клиник».

Эти «общепольные команды» переправляли свои жертвы в заведения для убийств: Хадамар в Гессене, Хартхейм около Линца, Графенэек близ Вюртемберга, Бранденбург-на-Хавеле

(бывшая тюрьма), Зонненштейн около Пирны (близ Дрездена).

С 1941 г. к этим пяти местам казней прибавилась еще клиника в Бернбурге.

Далее, как весьма небрежно писала жена Гейдриха: «Кто-то, не знаю его имени, собрал автомобили-фургоны и переоборудовал их так, что выхлопные газы моторов могли направляться в герметически закрытые кузова. Наверняка Рейнхард (Гейдрих. — Авт.) дал на это разрешение. Сумасшедших сгоняли в одно место, запирали в машину и умерщвляли газом от заведенных моторов». Так было найдено на первых порах «техническое решение» для массовых казней. И эту мучительную смерть в душегубках окрестили «смертью из милости»!

Названия Хадамар, Хартхейм, Графенэкк, Бранденбург-на-Хавеле, Зонненштейн и Бернбург можно обнаружить только на самых подробных картах. Эти глухие провинциальные дыры были выбраны эсэсовцами не случайно — они считали, что вдали от больших городов все останется шито-крыто. К тому же, прежде чем большие попадали в душегубки, их, как мы уже говорили, по несколько раз перебрасывали из одной больницы в другую. Заметали следы. Но ничего не помогло. Слухи начали просачиваться, особенно из Хадамара и Графенэка.

Как говорилось на Нюрнбергском процессе: «...убийства престарелых и слабоумных — предмет толков во всей Германии и тема статей в мировой прессе...»

Посыпались протесты. В книге Ципфеля сообщается о возмущенных «пасторских посланиях», проповедях, меморандумах священников — католиков и протестантов.

Вот что говорил по этому поводу на Нюрнбергском процессе главный обвинитель от Великобритании Шоукросс:

«Летом 1940 г. Гитлер издал секретный приказ убить всех больных и престарелых людей Германии, которые не могли уже больше продуктивно работать для германской военной машины. Имеется обильный материал, свидетельствующий... о том, что это было известно огромному числу людей в Германии».

В июле 1940 г. епископ Вурм писал Фрику:

«В течение нескольких последних месяцев умалишенные, слабоумные и эпилептики — пациенты государственных и частных медицинских учреждений — были переведены в другие медицинские учреждения по приказу имперского совета обороны. Их родственников даже в тех случаях, когда пациент содержался за их счет, информировали о переводе только после того, как он уже совершался. В большинстве случаев лишь через несколько недель после этого их информировали о том, что данный пациент скончался в результате болезни и что в связи с опасностью инфекции тело его должно было быть подвергнуто кремации. По прибли-

зительному подсчету, несколько сот пациентов только из одного медицинского учреждения в Вюртемберге умерли таким образом...

В связи с многочисленными запросами из города и провинции и из самых различных кругов я считаю своим долгом указать имперскому правительству, что этот факт является причиной особого возбуждения в нашей маленькой провинции. Транспорты с больными людьми, которые разгружаются на маленькой железнодорожной станции Марбах, автобусы с темными стеклами, которые доставляют больных с более отдаленных железнодорожных станций или непосредственно из госпиталей, дым, поднимающийся из крематория и заметный даже на большом расстоянии, — все это дает пищу для размышлений, поскольку никому не разрешается входить в то место, где происходят казни. Каждый убежден в том, что причины смерти, которые опубликовываются официально, выбраны наугад. Когда в довершение всего в обычном извещении о смерти выражается сожаление о том, что все попытки спасти жизнь пациента оказались напрасными, это воспринимается как издевательство. Но, кроме всего, атмосфера тайны будит мысль о том, что происходит нечто противоположное справедливости и этике... Это положение постоянно подчеркивается простыми людьми в многочисленных устных и письменных заявлениях, которые к нам поступают».

Через год, в августе 1941 г., епископ Лимбургский писал имперским министерствам — внутренних дел, юстиции и по церковным делам:

«Примерно в восьми километрах от Лимбурга, в маленьком городке Хадамар, на холме, возвышающемся над городом, имеется здание, которое прежде использовалось для различных целей, но с недавнего времени оно является инвалидным домом. Это здание было отремонтировано и оборудовано как место, где, по единодушному мнению, приблизительно с февраля 1941 г. в течение нескольких месяцев систематически осуществляется предание людей вышеупомянутой «легкой смерти». Этот факт стал известен за пределами административного округа Висбаден... Несколько раз в неделю автобусы с довольно большим числом жертв прибывают в Хадамар. Окрестные школьники знают этот автобус и говорят: «Вот снова идет ящик смерти».

После прибытия автобуса граждане Хадамара видят дым, поднимающийся из трубы, и с болью в душе думают о несчастных жертвах, в особенности когда до них доходит отвратительный запах. В результате того, что здесь происходит, дети, поссорившись, говорят: «Ты сумасшедший, тебя отправят в печь в Хадамар».

Те, которые не хотят или не имеют возможности жениться, говорят: «Жениться?! Никогда! Произвести на свет детей, с тем чтобы их потом бросили в эти мясорубки?!» Часто можно слышать, как

старики говорят: «Не посылайте меня в государственную больницу: после того как будет покончено со слабоумными, настанет очередь следующих бесполезных едоков — стариков...»

Говорят, что чиновники государственной тайной полиции стараются подавить обсуждение событий в Хадамаре путем применения суровых угроз. Это может быть вызвано хорошими намерениями в интересах общественного спокойствия, но осведомленность и негодование населения не могут быть этим изменены...»

Главный обвинитель от Великобритании Шоукросс особо подчеркнул, что министерства юстиции, внутренних дел и по делам церкви получали «протесты от епископов двух округов, далеко отстоявших один от другого...». Иными словами, о «программе эвтаназии» знала вся Германия.

Действительно, не только церковные иерархи, но и простые смертные пришли в волнение. Более того, «взбунтовалась» и часть нацистской элиты. До нас дошло письмо гитлеровской функционерки, некоей госпожи Лёвис. Оно датировано 1940 г., иными словами, написано спустя семь лет после прихода Гитлера к власти, после ликвидации всех партий и профсоюзов, после «ночи длинных ножей», после поджога рейхстага, после разрешения на превентивные аресты и организации целой сети концлагерей, через которые «пропускали» сотни тысяч немцев. Наконец, через год после начала войны, развязанной Гитлером. Но все это отнюдь не вызывало угрызений совести у нацистки Лёвис. А вот убийство больных — вызвало. Очевидно, «эвтаназия» знаменовала собой новый этап в политике нацизма в целом и СС в частности: эсэсовцы перешли еще какую-то границу бесчеловечности...

Вот это письмо, содержащее очень много реалий и потому, по нашему мнению, представляющее большой интерес.

Итак, госпожа Лёвис пишет жене верховного судьи НСДАП Вальтера Буха¹:

«Моя вера в победоносное преодоление всех трудностей и опасностей, которые стоят на пути Великой Германии, до сих пор была непоколебимой, свято доверяя фюреру, я безоглядно пробиралась через все политические дебри, но при том, что сейчас надвинулось на нас, у человека, как выразилась вчера одна юная стопроцентная национал-социалистка, работающая в расово-политическом ведомстве, земля уходит из-под ног.

Вы наверняка слышали о мерах, с помощью которых мы в настоящее время избавляемся от неизлечимых душевнобольных, но, возможно, еще не имеете полного представления о том, каким образом это происходит, в каких чудовищных масштабах и какое

¹ Бух сообщил, что «Лёвис подобна нордической богине, сошедшей с небес», пламенно обожает фюрера и имеет большие заслуги как одна из руководительниц нацистского женского движения.

ужасное впечатление производит на народ! Около Вюртемберга (Графенэек) разыгрывается трагедия. Это место приобрело совершенно жуткую славу. Сначала мы инстинктивно сопротивлялись тому, чтобы поверить во все, или считали слухи по меньшей мере сильно преувеличенными. Еще в середине октября во время нашей последней конференции в областной школе в Штутгарте (письмо датировано 25 ноября.— Авт.) «хорошо информированные» лица заверили меня, что речь идет об абсолютных кретинах и что «эвтаназия» применяется в совершенно исключительных случаях. Но сейчас ни один человек не сочтет эту версию хоть мало-мальски правдоподобной. Абсолютно доказанные истории отдельных людей то и дело узнаются, они возникают как грибы после дождя. Пусть в двадцати процентах случаев они преувеличены, но, даже если мы отбросим не двадцать, а пятьдесят процентов, все равно дела не поправишь. Самое страшное, самое опасное заключается не в факте как таковом, если бы был издан закон наподобие закона о стерилизации и после строгой научной экспертизы была бы отобрана группа больных, действительно больных, не обладающих ни единым проблеском сознания, ни каплей человеческих чувств, тогда — я убеждена — население хоть и поволновалось бы какое-то время, но потом смирилось бы с неизбежным, возможно, даже легче, чем с законом о стерилизации. Не исключено, что через несколько лет люди даже перестали бы понимать, почему этот полезный закон уже не был издан давным-давно. Но последствия нынешнего состояния дел просто невообразимы. Можно придерживаться разного мнения насчет того, вправе ли вообще человек распоряжаться жизнью себе подобных, однако одно совершенно ясно: право это должно быть строго ограничено законом, а закон этот должен применяться с чувством высочайшей ответственности, если мы не намерены потакать самым низменным человеческим инстинктам и преступлениям. Ведь уже испокон веку применялся, к примеру, такой метод: людей объявляли сумасшедшими и сажали в сумасшедшие дома их родственники, которые хотели от них избавиться...

«Эвтаназия» касается отнюдь не только безнадежных идиотов и буйно помешанных, по-видимому, под указ постепенно подведут всех неизлечимых больных, в том числе эпилептиков, которые вовсе не являются сумасшедшими. Среди них встречается множество людей, которые живут нормальной жизнью и вносят в нее свой скромный вклад, работая по мере сил; эти люди, завидев приближающийся серый фургон СС, знают, куда их повезут и что им предстоит. И крестьяне на Альбе, обрабатывающие свои поля и видящие эти фурунны, тоже знают, куда они направляются, более того, у них перед глазами труба крематория, из которой день и ночь валит дым. Нам известно, что среди неизлечимых душевнобольных

есть много высокоинтеллектуальных людей, часть из них только относительно нездорова, а часть страдает временными расстройствами психики и в промежутках между припадками обладает абсолютно ясным рассудком и даже повышенным интеллектом. Неужели мало того, что их уже стерилизовали? Разве можно без ужаса представить себе, что над всеми ними навис дамоклов меч Графенэкка?

Когда я пишу это, то чувствую опять весь ужас происходящего; мне кажется, что все это дурной сон и что я вот-вот проснусь. И именно сейчас мы, женщины, должны начать большую агитационную кампанию (видимо, в связи с войной, с так называемой «зимней помощью». — *Авт.*). И в то же время мы даем такой материал католической церкви!

Теперь люди еще цепляются за мысль о том, что фюрер ничего не знает, не может знать, иначе он вмешался бы, да, он ни в коем случае не знает, каким образом и в каких масштабах проводится эта акция. Но меня не оставляет чувство, что дальше так продолжаться не может. Иначе и эта вера будет поколеблена. Нас всегда трогает, что именно простые люди питают веру, трогает, что эта вера для них естественна: «Фюрер, разумеется, ничего не знает». Но это оружие, как никакое другое, должно быть в наших руках всегда отточенным. Мы ничего не добьемся, если будем втирать очки, отвечать на вопросы бесконечными отговорками, успокаивать. Ведь в отговорки мы сами не верим. Я убеждена также, что, притупив в народе здоровое чувство сопротивления тому, что ныне происходит, заставив народ замолчать, мы когда-нибудь за это жестоко расплатимся; не надо забывать, что, потеряв стремление к соблюдению человеческих прав и справедливости, народ неизбежно скатится по наклонной плоскости...»

Приведенное письмо от правоверной (или, как она сама выражается, «стопроцентной») нацистки могло бы вызвать улыбку, если бы не касалось столь ужасной темы. В самом деле, со стерилизацией она примирилась, с убийствами тоже готова была бы примириться, вера ее в фюрера не поколебалась бы, если бы все было строго регламентировано, если бы простой народ, «простые крестьяне» не видели перед собой трубу крематория, из которой валил дым, а главное, очевидно, если бы эсэсовские врачи-убийцы были бы приличными, добросовестными, советливыми людьми и не трогали бы больных с повышенным интеллектом.

Рассуждения этой нацистки с внешностью Валькирии (видимо, так!), увы, очень похожи на рассуждения ряда нынешних западных историков и даже политиков, которые убеждены: если бы в «империи СС» царил больший порядок и в печи бросали бы только тех, кто не имел «проблесков сознания», все было бы очень даже благопристойно.

Однако у бесчеловечности тоже есть свои законы. Сама нацистская система с ее секретностью, полным произволом одних и полным бесправием других, как магнит, притягивала к себе всевозможных подонков: преступников, взяточников, садистов — словом, отбросы общества. Особенно это касалось всех эсэсовских организаций. Недаром «сам» Гейдрих незадолго до смерти назвал СС «помойным ведром».

Нацистка, которую мы так обильно цитировали, не понимала, что другой «эвтаназии» просто быть не могло, не понимала, что любая эсэсовская акция (как ее ни называй) превращалась в оргию убийств.

Характерен ответ Гимmlера на письмо «сто процентной нацистки», посланное рейхсфюрером СС судье НСДАП Буху.

19 декабря Гимmlер написал на бланке с грифом «секретный имперский документ»: «Поскольку эти мероприятия становятся столь публичными, как явствует из вышеизложенного, то, значит, в их проведении допускаются ошибки».

Во многих местах пришлось привлечь к «программе эвтаназии» функционеров НСДАП, которые успокаивали население. В конце концов «программу» для вида немного свернули, а накануне 1942 г. официально вообще прекратили. (Это, впрочем, не касалось детей-душевнобольных, их по-прежнему умерщвляли в тех же клиниках!)

Ну а фактически все шло своим ходом. Под предлогом того, что клиники следует перевести из районов, где им угрожали налеты вражеской авиации, больных сажали в концлагеря, а там уж они, как осторожно пишет Ципфель, «вовсе вышли из-под контроля общественности». А потом с горечью добавляет: «Там они (душевнобольные.— Авт.) и нашли свою смерть вместе со всеми другими больными в газовых камерах».

Действительно, с конца 1941 по 1943 г. эсэсовские «врачебные комиссии» в концлагерях стали проводить «эвтаназию» в еще более широких масштабах. Она получила кодовое название «14 Ф 13». Уничтожению подвергались душевнобольные, инвалиды и прочие нездоровые люди, которых нацисты сочли балластом для коричневой империи. На первых порах убивали инъекциями, потом стали загонять в душегубки, а еще позже появилось новое изобретение «ученых» из СС — газовые камеры и «Циклон Б» — особый газ, специально созданный для массовых казней.

Некоторые западные историки утверждают, что именно начиная с «эвтаназии» эсэсовцы стали искать отдаленные от Германии места, дабы проводить там свои экзекуции. В частности, по их мнению, все эти программы были перенесены в Польшу, где не было немецкого населения. Мы знаем, однако, что и в самой

Германии, так сказать бок о бок с немецким населением до самого конца войны происходило уничтожение сотен тысяч людей (лагеря Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд и многие-многие другие).

Единственное, с чем можно согласиться, это с тем, что с эсэсовцев стали строже спрашивать за выбалтывание «имперских тайн», что их пытались несколько изолировать от «простого народа». И еще: родные перестали получать официальные уведомления о смерти, ибо медицинские заключения, которые к ним прилагались, звучали зачастую просто издевательски.

Подводя итоги, приведем еще один документ, опубликованный в книге ученого из ГДР Бергшиккера. Документ этот был найден в замке Хартхейм. Бергшиккер озаглавил его: «Разработка по уничтожению душевнобольных в рамках «эвтаназии».

«До 1 сентября 1941 г. было дезинфицировано лиц: 70 273.

Это число, распределенное по отдельным клиникам в 1940 — 1941 гг., дает нижеследующую картину:

Клиника	1940 г.	1941 г.	Всего
Графенэек	9 839	—	9 839
Бранденбург	9 772	—	9 772
Бернбург	—	8 601	8 601
Хартхейм	9 670	8 599	18 269
Зонненштейн	5 943	7 777	13 720
Хадамар	—	10 072	10 072
Итого	35 224	35 049	70 273

При средней дневной норме на содержание больного в немецких марках 3.50 следует, что:

Годов. экономия в нем. марках составила 88 543 980,00.

Учитывая, что данное число больных могло бы прожить 10 лет, сэкономлено в нем. марках 885 439 800,00, то есть эта сумма, соответственно, была сохранена после дезинфекции 70 273 лиц, проведенной до 1 сентября 1941 г.».

Итак, при осуществлении «эвтаназии» бухгалтерский учет в СС оказался на высоком уровне. Садисты-эсэсовцы подсчитали не только сэкономленные немецкие марки на 1 сентября 1941 г., но и чистую прибыль от смертей 70 тыс. ни в чем не повинных людей на 10 лет вперед! Напрасно нацистка Валькирия и современные буржуазные исследователи жалуются на беспорядок в гитлеровской Германии. Порядок был. Эсэсовский порядок.

И это при том, что само обоснование было чисто идеологическим. Карательные органы якобы очищали расу господ от биологически вредных элементов, проводили биологический отбор.

Глава четвертая

ПОДГОТОВКА АППАРАТА НАСИЛИЯ К ВОЙНЕ И ВОЙНА НА ЗАПАДЕ

РСХА. СТРУКТУРА, НАЗНАЧЕНИЕ

Террористическая система нацистской диктатуры, естественно, сложилась в законченном виде не сразу после захвата Гитлером власти в стране. И не сразу отряды Гимmlера — ядро всего аппарата насилия в нацистском рейхе — заняли то место, которое занимали в годы «расцвета» фашистской диктатуры. История возвышения этих отрядов и их главарей — Гимmlера и Гейдриха, Кальтенбруннера и Шелленберга и прочих крупных, средних и мелких исполнителей и палачей, служивших в ведомствах СС, СД и гестапо, — нелегко поддается периодизации. Тем не менее можно грубо подразделить эту историю на три этапа, каждому из которых соответствовали количественные и качественные изменения в эссовской структуре.

Первый из этапов условно назовем периодом становления и роста аппарата насилия в 1933—1936 гг. Он закончился тем, что

Гиммлер занял пост руководителя СС и начальника германской полиции. Подробное описание этого периода дано на предыдущих страницах книги.

Второй этап — это подготовка к развязыванию мировой войны. Он охватывает сравнительно небольшой, но исключительно насыщенный событиями период с 1936 по 1939 г.

Третий период — шестилетний период войны, который, в свою очередь, можно подразделить на войну против Польши на Востоке и против стран Западной Европы на Западе. И наконец, особое место в эти годы занимает агрессия гитлеровской Германии против Советского Союза.

Повторяем, на всех этих этапах задачи гиммлеровского аппарата менялись, менялись и его методы действий, но неизменными оставались общие цели завоевания мирового господства и, соответственно, росли масштабы операций гиммлеровских террористических банд, их численность и значение.

Выше мы уже говорили, что карательные органы нацистского государства были лишь частью общего террористического режима и верно служили ему до конца. С другой стороны, нельзя просто отождествлять гиммлеровский аппарат сыска и террора со всей системой нацистского государства в целом. Он выполнял строго дифференцированные задачи, хотя и претендовал нередко на тотальное господство в рейхе, на подчинение своему контролю государственной, общественно-политической, партийной и военно-политической жизни в стране. Но таковы, по-видимому, свойства карательных органов всех буржуазных террористических диктатур, и особенно диктатур фашистского типа. Стремление этих органов к экспансии, к расширению власти, к захвату решающих позиций в государстве не знает границ. Важно при всем этом не забывать о классовой сущности аппарата насилия как орудия самых воинственных, реакционных и агрессивных сил монополистического капитала и не приписывать ему как бы надклассовые, всеобъемлющие цели.

По этой причине мы не можем согласиться с трактовкой роли СС, гестапо и иных органов насилия в нацистской Германии, которую дают многие буржуазные исследователи. Например, по мнению такого серьезного и, несомненно, прогрессивного ученого, как Ойгон Когон (в годы нацизма он сам стал жертвой гестапо), «государство СС представляло собой сверхорганизованную и единую на всех этапах систему господ и рабов». Руководителей «черного ордена» Когон считает единой и самостоятельно действующей группой, операции которой отличались особой слаженностью.

Такая характеристика кажется нам явно преувеличенной как с точки зрения оценки единства действий «черного ордена»,

так и его вожаков. Но главное, конечно, в том, что буржуазные исследователи не раскрывают, во имя чего отряды Гимmlера совершали свои злодеяния и кто стоял за их спиной.

В таком ключе характеризует гестапо, СД и СС и английский историк Джеральд Реттлингер. Для него СС — это «государство в государстве», действовавшее на свой собственный страх и риск. И Реттлингер, стало быть, преувеличивает роль и место аппарата насилия в нацистском государстве. К Реттлингеру примыкает французский историк Кессель, полагающий, что не Гитлер завоевал Западную Европу, а Генрих Гимmlер. «Вся Европа, — пишет он, — лежала у его ног».

С другой стороны, автор докторской диссертации Эрмгольд Нейжус-Хенгель пытается всячески принизить роль СС в нацистской Германии и в какой-то степени даже снять вину с рядовых членов и среднего звена организации СС, хотя именно эти люди, как правило, непосредственно совершали злодеяния и в самой Германии и на оккупированных нацистами территориях. По мнению исследовательницы, не более 15 процентов членов СС были замешаны в действиях их руководства.

Наконец, большая армия реваншистски настроенных историков, авторов отдельных исследований и объемистых монографий, занимает открыто апологетические позиции и пытается всемерно реабилитировать воинство Гимmlера. Можно назвать здесь множество имен — от бывшего генерала войск СС Пауля Хаусера до архиреакционно настроенного биографа Гитлера Вернера Мазера, доходящих до прямого прославления кровавых деяний гимmlеровских орд.

* * *

Новый период в развитии аппарата насилия, находившегося в подчинении Гимmlера, начался в 1938 г. и был связан непосредственно с подготовкой к войне.

О смысле и характере готовившейся агрессии у рейхсфюрера СС не было никаких неясностей и сомнений. Он лучше многих других фюреров нацистского рейха понимал, что Гитлер затеял войну не ради выполнения каких-то частичных целей. В представлении Гимmlера война должна была привести в конечном итоге к мировой гегемонии нацистского рейха, причем не в каком-то отдаленном будущем, а еще при жизни Гитлера (а значит, и Гимmlера).

Об этом сам фюрер неоднократно говорил Гимmlеру в беседах с глазу на глаз и публично на совещаниях гаулейтеров и высшего генералитета. Напомним лишь еще раз о выступлении Гитлера 5 ноября 1937 г., которое дошло до нас в записи адъютанта главнокомандующего вермахта полковника Фридриха Хосбаха.

Именно тогда фюрер наметил сроки осуществления ближайших (и дальних) планов агрессии, намереваясь реализовать их при своей жизни.

Разглагольствования фюрера могли показаться кое-кому бреднями человека, полностью оторвавшегося от реальности и страдавшего манией величия. Ведь начало похода во имя завоевания мирового господства Гитлер определил уже на следующий, 1938 г., а осуществление плана в целом, то есть победу над всеми противниками рейха и завоевание мировой гегемонии, он отнес к 1945 г. Ему было бы тогда 56 лет, и он вполне мог бы, по его расчетам, насладиться плодами победы.

На этом совещании не присутствовал Гиммлер — поскольку оно носило чисто военный характер. Однако нет сомнения, что рейхсфюрер СС был не только полностью посвящен в планы и замыслы Гитлера, но и в немалой степени определял методы, при помощи которых эти замыслы должны были осуществиться.

Впрочем, у рейхсфюрера СС были и свои собственные представления об акциях, задуманных фюрером и канцлером германской империи. Он сформулировал их по-своему, отводя в них важнейшую роль отрядам СС.

Цель Германии в грядущей войне, заявил Гиммлер как-то в кругу своих приближенных, «организовать Европу на базе, которая взорвала бы существующие национальные границы, *сплотить Европу в экономическом и политическом отношениях под сенью ордена* (курсив наш. — Авт.)». В своих высказываниях Гиммлер не оставлял сомнений в том, что такой «величественной цели» можно было достигнуть лишь «большой кровью». «Проклятие истинно великой личности, — говорил он, — состоит в том, что она должна шагать по трупам».

Гораздо позже, когда часть программы Гитлера, обрисованная в 1937 г., была уже выполнена, а именно в речи на совещании группенфюреров СС в Познани 4 октября 1943 г., Гиммлер говорил: «Германский рейх нуждается в ордене СС. Он будет нуждаться в нем по крайней мере в течение последующих нескольких столетий».

История отвела кровавым деяниям Гиммлера и всего гитлеровского рейха не так уж много времени — 12 лет. Но и этих лет оказалось вполне достаточно, чтобы народы узнали, какую страшную участь готовили нацистские правители человеческому роду.

Вернемся, однако, к 1938 г. То был год лихорадочных приготовлений всего нацистского аппарата насилия к войне, бесчисленных провокаций, которые сопровождали начало гитлеровских походов. Нацисты оккупировали Австрию, расчленили Чехословакию и захватили большую часть ее территории.

Во всем этом не последнюю роль играл аппарат насилия, ведомства Гиммлера, Гейдриха, Мюллера, Шелленберга и других «героев» настоящей книги.

Подготовка к «большой войне» была сопряжена в «черном ордена» с серьезными перестройками организационного характера. Надо было создать из разрозненных отдельных служб разросшейся эсэсовской империи, служб, работавших частично параллельно, а иногда даже друг против друга, «единый организм», с четким разделением сфер влияния и компетенций, с ясной иерархической структурой.

Подготовкой к такому «упорядочению» работы «ордена» служил «Указ о разделении функций между политической полицией и службой безопасности (СД)».

Мы уже писали о том, что первоначально СД, которой впоследствии было уготовано большое будущее, выполняла сравнительно скромные задачи — она была чисто «домашней полицией» НСДАП, и ей надлежало в корне подавлять всякие проявления фракционной деятельности или оппозиции, направленной против фюрера. Однако СД расширила свои полномочия, борясь с инакомыслием и в более широких кругах населения гитлеровской империи. Но тут на ее пути стояла политическая полиция. Немудрено, что между СД и гестапо возникали постоянные трения.

В 1937 г. Гиммлер распорядился о разделении полномочий между этими службами, но не за счет ущемления прав СД, а за счет наделения последней (то есть службы безопасности) более общими и более важными задачами.

За политической полицией осталась слежка за подозрительными лицами и расправа с ними. СД же должна была заняться «решением задач для обеспечения безопасности империи в целом». Ей вменялось в обязанность собирать данные о враждебных настроениях, следить за общественной жизнью в стране, за экономикой, культурой, за церковной деятельностью и т. д. С этой целью СД, внутренней службе, было рекомендовано издавать секретный бюллетень, предназначенный для крайне ограниченного круга нацистских функционеров под названием «Известия из рейха». В дополнение к этому СД время от времени выпускала «экстренные сводки», предназначенные для того же круга лиц¹.

В январе 1937 г. Гиммлер обрисовал задачи СД и отличие этих задач от функций тайной полиции следующим образом: «Область, которой она (служба безопасности. — Авт.) должна заниматься, — это прежде всего коммунизм, политическая деятель-

¹ Секретные бюллетени ведомства Олендорфа пережили войну. И не так давно были собраны и опубликованы западногерманским ученым Гейнцем Бобе-рахом. Документация Бобераха вышла в 17 томах.

ность церкви и происки реакции... Вкратце можно сказать, что ее интересуют лишь общие вопросы идеологического характера».

Именно в 1937 г. Гиммлер назвал СД «центральной службой безопасности партии, выполняющей идеологические функции» (выделено нами.—*Авт.*).

Такое «разделение труда» было официально зафиксировано в так называемой «Инструкции о функциях» Гиммлера от 1 июля 1937 г. Сам текст инструкции уничтожили чиновники службы безопасности перед крахом гитлеровской империи. Но сохранилась запись Шелленберга, датированная 24 февраля 1939 г. В ней излагается суть инструкции. «Приказ о разделении функций,— записал Шелленберг,— определяет в деловом плане, какие задачи призваны выполнять отдельные подразделения и какие вопросы относятся к их компетенции». В итоге служба безопасности заняла место своего рода «генерального штаба» в аппарате насилия. Там, в этом своеобразном «генеральном штабе», решались вопросы, относившиеся к «стратегии» машины сыска и уничтожения миллионов людей, объявленных врагами рейха либо по «мировоззренческим», либо по религиозным или расовым мотивам. Принципиальное значение этого документа очевидно, и не случайно гиммлеровские чиновники приняли меры к тому, чтобы уничтожить как самый документ, так и все копии его к концу войны.

1 ноября 1938 г. полномочия и задачи СД расширились. Декретом Гитлера СД была объявлена органом безопасности не только партии, но и государства.

Лишь после издания этих указов служба безопасности получила как бы легальные права и смогла стать частью государственного аппарата. А это значило, что СД должна была черпать средства для существования также из государственной казны.

Дело в том, что вокруг вопроса о финансировании деятельности СД еще в начале гитлеровской эры разгорелась межведомственная борьба. Казначей нацистской партии (то есть тот человек, который распоряжался всеми ее средствами) Ксавер Шварц отказывался выделить из партийной кассы деньги на содержание аппарата СД, считая эту службу «частным предприятием» рейхсфюрера СС, которое он сам и должен оплачивать. Гиммлер апеллировал к Гессу, тогдашнему заместителю Гитлера по партии. Когда спор затянулся, к этому делу был подключен Борман, в ту пору заместитель Гесса. Он и выхлопотал для Гиммлера «временное распоряжение» Гесса, согласно которому имперская канцелярия взяла на себя часть расходов по содержанию СД. Другая часть была выделена имперским руководством НСДАП, то есть непосредственно Ксавером Шварцем (канцелярия фюрера согласилась выплачивать Гиммлеру ежемесячно на содержание СД 270 тыс. марок, а имперское руководство НСДАП — 80 тыс.

марок). Но этих сумм явно не хватало для оплаты расходов на содержание аппарата СД, и тогда с согласия всех сторон решили обратиться прямо... к монополиям. Крупнейшие деятели монополистического капитала Германии после прихода Гитлера к власти учредили в знак благодарности фюреру «фонд имени Адольфа Гитлера», которым распоряжался сам Гитлер. Из этого фонда при посредстве Бормана были выделены дополнительные средства на нужды СД. Таким образом, как метко отмечает один из крупных буржуазных исследователей немецкого нацизма, Ф. Ципфель, «расходы на СД в немалой степени покрывались за счет германской промышленности».

Заметим попутно, что влияние руководящих деятелей нацистской партии в значительной степени определялось тем, какую роль они играли в качестве распорядителей государственными и партийными средствами. С этой точки зрения представляет определенный интерес сообщение обергруппенфюрера СС Готлиба Бергера, изложенное в личном письме к Гиммлеру от 2 июля 1941 г. Согласно его донесению, Ксавер Шварц на совещании высших руководителей СС во всеуслышание заявил, что «святая троица» — Борман — Гиммлер — Шварц — на самом деле держат в своих руках Германию. Мы не знаем, как отреагировал Гиммлер на донесение Бергера, но, скорее всего, оно ему польстило. О тесных связях Гиммлера со Шварцем говорит хотя бы тот факт, что в последние месяцы войны Гиммлер регулярно посылал Шварцу бюллетень, в котором содержались сводки и донесения, предназначенные для руководства СС. Неудивительно поэтому, что, несмотря на определенные разногласия по вопросу о бюджете службы СД, между Гиммлером и Шварцем вскоре был найден компромисс: казначей НСДАП оказал поддержку рейхсфюреру СС в решении вопроса о включении бюджета СД в смету государственных расходов Германии.

Урегулирование вопроса о финансовом статусе СД было важным шагом на пути централизации разведывательной службы в нацистской Германии. Этим актом были устранены последние препятствия для создания новой центральной организации, собранной под одну крышу огромный чиновничий аппарат, который вел всю разведывательно-сыскную и карательную работу в рейхе. Новая мощная инстанция сразу же стала одной из самых влиятельных в бюрократическом аппарате нацистского рейха, а ее начальник — крупной политической фигурой, непосредственно связанной с руководством рейха и его фюрером — Гитлером. Мы говорим об организации, которая вошла в историю нацистского режима под названием РСХА — главное имперское ведомство безопасности. Обычно «главные ведомства» включались в какое-либо из министерств и ими руководил министр. Но в данном случае было

сделано исключение: РСХА ни в какое министерство не входило, руководил им начальник РСХА, подчиненный рейхсфюреру СС Гиммлеру. Положение его в бюрократической системе рейха осталось несколько неясным и даже двусмысленным. Однако такой статус нового бюрократического образования имел и свои плюсы: с одной стороны, маскировались истинные предназначения и полномочия организации (подумаешь — всего лишь «главное ведомство», таких в составе различных министерств существовали десятки!), с другой стороны, именно то обстоятельство, что РСХА никуда «не входило», обеспечивало ему самостоятельность и бесконтрольность. Реальное значение РСХА было весьма важным, оно заключалось в том, что ведомство это, по выражению Гейдриха, выполняло функции «глаз и ушей фюрера»: должно было все видеть и все слышать, дабы быть полностью информированным обо всем происходящем в рейхе. Да, информацию фюреру поставлял Гиммлер, поставлял благодаря подчиненной ему (и только ему!) организации под названием РСХА.

После создания РСХА Гейдрих получил новый титул — он стал называться «начальником полиции безопасности и СД». Гестапо было превращено в официальное государственное учреждение. Оно, как и СД, входило в РСХА. Это должно было обеспечить «организационное единство» гестапо и СД.

Всего в составе главного имперского ведомства было семь ведомств, функции которых строго разграничили. Новая структура была призвана, в частности, обеспечить если не ликвидацию, то, во всяком случае, хотя бы смягчение межведомственной борьбы в самом аппарате насилия, борьбы, которая нередко принимала весьма острые формы.

В итоге реорганизации сложились следующие подразделения главного ведомства, состоявшего из «обычных ведомств»:

Ведомство I. Кадры.

Руководитель ведомства — Эрлингер.

Ведомство II. Организационно-хозяйственные вопросы.

Руководитель ведомства — штандартенфюрер СС доктор Вернер Бест (позже Шпациль).

Ведомство III. СД — внутренняя служба.

Руководитель — группенфюрер СС Отто Олендорф.

Ведомство IV. Гестапо.

Руководитель — обергруппенфюрер СС Генрих Мюллер.

Ведомство V. Уголовная полиция.

Руководитель — группенфюрер СС Артур Небе (после 1944 г. — Панцингер).

Ведомство VI. СД — разведка, внешняя служба.

Руководитель — Юст, а затем группенфюрер СС Вальтер Шелленберг.

Ведомство VII. Идеология.

Руководитель — штандартенфюрер СС Франц-Альфред Сикс.

Подчеркиваем: для населения Германии учреждения, которое называлось бы РСХА, вообще не существовало! Само название этого ведомства было строго засекречено.

На этом основании некоторые буржуазные исследователи «третьего рейха» утверждают, будто в гитлеровской империи не существовало никакой единой организации террора, что РСХА было чисто формальным названием конгломерата ведомств, отделов и подразделов. Но такое утверждение совершенно необоснованно. В действительности в лице РСХА была создана центральная инстанция по управлению аппаратом насилия. Ядром ее стала служба безопасности (СД) и политическая полиция (гестапо). Никакие межведомственные распри не могли нарушить работу этого в общем слаженного механизма насилия. Во главе РСХА, как уже было сказано, стоял ближайший подручный Гимmlера Рейнхард Гейдрих, а после его убийства чешскими патриотами в 1942 г. РСХА возглавил Эрнст Кальтенбруннер. И Гейдрих и Кальтенбруннер правили железной рукой. Они обладали реальной властью — властью над жизнью миллионов людей как в самом рейхе, так и в оккупированных нацистским вермахтом странах. Это следует особо подчеркнуть в связи с тем, что один из руководителей РСХА, начальник VI ведомства Вальтер Шелленберг, в своих мемуарах пытается фальсифицировать истинную роль РСХА, утверждая, будто оно (это главное ведомство) никаких руководящих функций в аппарате насилия не выполняло. Посему, мол, его, Шелленберга, можно судить лишь за осуществление конкретных порученных ему задач «внешнего шпионажа», а за действия РСХА в целом он не отвечает. Подобного рода неуклюжие попытки преуменьшить роль и функции РСХА как единого целого в системе нацистского террористического государства полностью необоснованны.

Одной из конкретных функций РСХА было создание центральной картотеки, которой могли пользоваться все ведомства «империи Гимmlера». По сравнению с картотекой гестапо общая картотека РСХА пополнилась новыми важными материалами; согласно приказу Гейдриха об «унификации» картотечного дела, подписанного 7 июля 1938 г. Центральное хранилище получило название «картотека А врагов государства». «Враги государства, внесенные в картотеку А, — говорилось в указе Гейдриха, — должны быть разделены на три группы: А₁, А₂, А₃».

1. Группа А₁ включала карточки «особо опасных врагов государства», которых следовало арестовать на подготовительной стадии всеобщей мобилизации... Группа А₁ численно не должна была превышать определенную квоту. Помимо «особо опасных» —

предателей родины и шпионов — к этой категории лиц относились: «саботажники», функционеры Коммунистической партии Германии, причем решающее значение для занесения этих людей в картотеку имела не их прежняя деятельность, а степень опасности, которую они якобы представляли в будущем, то есть превентивная опасность.

2. Группа A_2 включала людей, которых надлежало арестовать одновременно с объявлением всеобщей мобилизации. Тут также рекомендовалось следить за тем, чтобы группа A_2 не слишком разбухала.

3. В группу A_3 , наконец, зачисляли лиц, которые хотя и не создавали «непосредственной угрозы для безопасности рейха в настоящее время или в период всеобщей мобилизации», но которые в случае «тяжких испытаний»... могли бы помешать внутренней безопасности «третьей империи».

4. На обороте карточки специальным знаком отмечали, к какой категории относилось данное лицо — к группе A_1 , A_2 или A_3 .

Карточке лиц, отнесенных к группе A_1 , надлежало иметь красный знак, A_2 — синий, A_3 — зеленый.

На лицевой стороне карточки делали вторую отметку, которая указывала, к какой именно категории «врагов государства» данное лицо относится. При этом отметки обозначали следующими цветами:

коммунисты — темно-красный цвет,

марксисты (к ним относились члены социал-демократической партии. — *Авт.*) — светло-красный,

оппозиционеры — желтый,

реакционеры (реакционерами называли консерваторов, настороженно относившихся к «революционным» преобразованиям нацистов. — *Авт.*) — синий,

функционеры католической церкви — черный,

организаторы покушений (на деятелей нацистской партии и государства. — *Авт.*) — коричневый,

недовольные — фиолетовый,

прочие враги государства — белый.

28 сентября 1938 г. было издано распоряжение начальника полиции безопасности (в то время им был Вернер Бест), в котором говорилось: «Лиц, арестованных на основе «картотеки А», следует сначала помещать в полицейские тюрьмы или в тюрьмы предварительного заключения, а затем как можно быстрее переводить в концлагеря Бухенвальд, Заксенхаузен или в концлагерь, который будет создан позднее, в Восточной Пруссии».

Заметим, что речь шла о мерах, прямо связанных с подготовкой агрессии против других стран.

Однако «империя смерти» отнюдь не ограничивалась РСХА.

Кроме этого главного ведомства под началом Гиммлера было еще несколько других главных ведомств, не считая всевозможных вспомогательных организаций: типа так называемого «Клада жизни», то есть управления приютами, куда эсэсовки отдавали своих прижитых вне брака младенцев, типа «Наследства предков» — организации, занимавшейся составлением генеалогических древ «чистых арийцев», с одной стороны, и разоблачением «нечистопородных» нацистских чиновников — с другой.

Так выглядел гигантский управленческий аппарат, созданный Гиммлером. Или, вернее, часть гигантского аппарата, так как в «империю Гиммлера» входили еще эсэсовские и полицейские формирования, а также управление концлагерями — опять же огромный спрут.

Говоря о структуре гитлеровского аппарата насилия, необходимо привести и некоторые цифры. Причем здесь трудно придерживаться хронологической последовательности — ведь этот аппарат не был чем-то раз и навсегда данным, застывшим. Он все время расширялся.

В центральном ведомстве СС к 1943 г. работало 38 415 служащих.

Важной составной частью аппарата была полиция, делившаяся, как мы знаем, на полицию безопасности («зипо») и полицию по поддержанию порядка («орпо»). В первой числилось 65 тыс. сотрудников, вторая имела огромный штат полицейских, работавших во всех городах и селах Германии и создавших густую сеть полицейских участков и полицейских постов.

Политическая полиция (гестапо) создала свои подразделения по всей стране; основными ее органами на местах считались так называемые «ведущие (головные) штабы», которые в свою очередь делились на «просто штабы». На территории Германии существовало 20 ведущих и 39 «просто штабов». К ним надо прибавить подразделения пограничной полиции. Первичные организации пограничной полиции назывались также «антеннами» (по-видимому, потому, что они ставили себе задачу «прощупывать» пограничную полосу рейха и наблюдать за теми, кто собирался посетить Германию, проверить, не являются ли они скрытыми шпионами).

Шпиономания в рейхе достигла при нацистах чудовищных размеров: во всех гражданах гитлеровской империи воспитывали чувства подозрительности и недоверия, насаждали ненависть к «чужеземцам», зарившимся якобы на покой и «счастливую» жизнь арийцев, представителей «высшей расы».

Ксенофобия была неизменным спутником режима не только в Германии, но и в других странах, в которых утвердились фашистские порядки.

Составной частью СС были так называемые дивизии «Мертвая голова» и дивизии СС, принимавшие участие в боевых действиях.

Дивизии «Мертвая голова», которым были отданы на откуп концлагеря и так называемые «рабочие лагеря», где использовался даровой рабский труд, насчитывали несколько десятков тысяч человек.

Что же касается других дивизий СС, то после начала военных действий численность их росла и к концу войны достигла 950 тыс. человек. Среди них насчитывалось 300 тыс. так называемых «фольксдойче», то есть лиц германской национальности, переселенных в Германию после присоединения к рейху территорий европейских стран, оккупированных нацистами. В это же число входили и иностранцы, то есть эсэсовцы, завербованные в оккупированных странах для службы в СС.

Наконец, к полицейскому аппарату следует причислить отряды «вспомогательной полиции», созданные для пополнения полицейских рядов, но не прошедшие специальной подготовки в полицейских школах. Общая численность «вспомогательной полиции» достигла 26 тыс. человек, а число полицейских, работавших в администрации оккупированных гитлеровцами стран, составляло еще дополнительно свыше 19 тыс. человек.

Однако все эти цифры не могут дать полного представления об аппарате насилия, если не учесть огромную армию «добровольцев», составлявших тайную агентуру гестапо среди населения Германии.

Оценить даже приблизительно ее численность не представляется возможным, так как ни в каких ведомостях «добровольные» агенты не значились и находились непосредственно в ведении местных гестаповских органов, которые либо постоянно, а иногда от случая к случаю привлекали их к работе. Но нет сомнения, что гигантский отряд доносчиков также насчитывал десятки, если не сотни, тысяч людей.

Из документов, обнаруженных в архивах гестапо, стало известно, что армия шпииков делилась на ряд категорий:

категория А — агенты, которые не обязательно должны были состоять в нацистской партии, но считались «надежными» и время от времени получали деньги за свои «услуги»;

категория V — от немецкого обозначения «доверенные» (Vertraute). Сотрудники, служащие, принадлежавшие к этой категории, обязательно должны были быть членами НСДАП, но не отрядов СС, они пользовались полным доверием гестапо;

категория Z — (от немецкого слова — Zuträger — доносчик). К этой категории относились платные доносчики, которые к тому же кроме зарплаты получали премии за особо ценную информацию;

категория X — к ней относились так называемые «помощники доносчиков». Она состояла из случайных людей, причем услуги этих агентов использовались в основном для компрометации того или иного человека;

категория У — к ней принадлежали так называемые «ненадежные агенты», часть из которых вербовалась даже из числа лиц, отсидевших свой срок в концлагерях. Они также оказывали услуги гестапо лишь от случая к случаю. Эта последняя категория находилась под неусыпным наблюдением гестапо.

Результатом действия этой хитроумной системы перепроверки одного гражданина нацистского рейха другим (в гиммлеровской империи она называлась «перекрестной проверкой») было создание разветвленной агентурной сети, которая буквально охватила всю Германию. В итоге люди перестали доверять даже друзьям и родственникам. Никто не был гарантирован от доносчиков даже тогда, когда собирался самый ограниченный круг. Подозрительность поддерживалась и атмосферой страха, создаваемой геббельсовской пропагандой, а главное многочисленными «чрезвычайными законами».

Можно сказать, что гитлеровский рейх уже в 1933 г. потерял характер «нормального» буржуазного государства, в котором существует определенный законом порядок. Германию постоянно лихорадило. Ежедневно сотни и тысячи автомобилей, замаскированных под фургоны для перевозки хлеба или грузовики для перевозки мебели, разъезжали по улицам городов и увозили очередные жертвы в гестаповские тюрьмы и концлагеря. Комментируя систему бесправия граждан гитлеровской империи, уже не раз цитировавшийся немецкий исследователь Гейнц Хёне пишет: «Основной закон государства был найден (нацистскими правителями. — Авт.) — это был закон о перманентном осадном положении».

И в самом деле, Германия становилась страной, которая походила на осажденную крепость. Гражданам рейха внушали, что это и есть нормальное состояние государства, которое-де со всех сторон окружено врагами и должно ежеминутно ожидать нападения извне или попыток подорвать единство «народной общности» изнутри. Множество граждан этой странной «общности» мало-помалу действительно стало верить в то, что нацистским фюрерам ничего не остается, кроме как превратить страну в военный лагерь, а точнее говоря, в большую казарму, где по «боевой тревоге» любой человек может быть поднят, чтобы ринуться на защиту фатерлянда. Необходимо понять, что только в такой духовной атмосфере можно было создать предпосылки для подготовки населения к войне.

НАЦИСТСКИЙ ЛЮЦИФЕР

Ни об одном эзэсовском палаче не существует столько легенд, сколько о Гейдрихе. Каких только пышных наименований не давали ему: «злой гений», «молодой злобный бог смерти», «белокурая бестия», «шеф черного Олимпа», «тайный технократ нацистских переворотов», «отточенный клинок фюрера», «человек с волчьими глазами», «сатана в человеческом образе», «Фуше Гитлера», «генерал войны в темноте», «преступник формата Люцифера», «Чезаре Борджиа»¹.

Отчасти такое внимание к особе Гейдриха объясняется тем, что некоторые нацисты, знавшие Гейдриха лично, были заинтересованы в выпячивании его роли в аппарате насилия, окружали эту действительно зловещую фигуру мистическим туманом. Кто эти нацисты? Да тот же Керстен — лейб-медик, массажист и фактотум Гимmlера, который выпустил после войны книгу о своем «знаменитом» пациенте, дабы реабилитировать себя, а заодно и Гимmlера. Ведь они долгие годы были неразлучны. Естественно, что Керстен валит все на Гейдриха.

То же самое сделал и жестокий, коварный начальник СД Вальтер Шелленберг, ускользнувший с помощью Запада от правосудия. С Гимmlером он шел до конца (только конец у обоих получился разный). Поэтому Шелленберг был заинтересован в том, чтобы обелить Гимmlера: дескать, Гимmlер оказался под влиянием Гейдриха и выполнял планы Гейдриха. Он, Шелленберг, пытался удерживать рейхсфюрера СС от дурных поступков, но Люцифер, Демон, «шеф черного Олимпа» мешал. Такова концепция Шелленберга.

Думается, впрочем, что существовала и объективная причина того, что буржуазные историки, особенно западногерманские (например, Иоахим Фест), сфокусировали свое внимание именно на Гейдрихе. Все-таки среди бюрократов-убийц типа Гимmlера, Хёсса, Эйхмана, Мюллера и десятков других он выделялся. Был фигурой более колоритной, что ли. Чаше высказывался. Больше интриговал. Обладал непомерным честолюбием. И т. д. и т. п.

В результате многие послевоенные буржуазные историки, не попытавшись критически оценить высказывания Керстена, Шелленберга и других, дали волю фантазии и наговорили о Гейдрихе бог знает что: нечто фрейдистски-заумное, что куда скорее подходило бы для героя венских салонов конца XIX в.

¹ За «Чезаре Борджиа» сгноили в концлагере одного именитого нацистского астролога — он не только сравнил Гейдриха с этим деятелем Возрождения, но и предсказал, что шефа РСХА ждет та же смерть, что и Борджиа.

и уж отнюдь не для генерала СС Рейнхарда Гейдриха — провокатора и организатора массовых убийств.

Правда, рассказывая о Гейдрихе, мы можем теперь опираться на книгу французского исследователя Эдуарда Калика, на монографию «Рейнхард Гейдрих. Ключевая фигура третьего рейха». Мы цитировали ее уже неоднократно. Основное достоинство этой книги в том, что в ней Гейдрих предстает не как «загадочная личность», а как нацистский политический деятель, один из создателей аппарата насилия в «третьем рейхе».

А теперь немного хронологии.

Гейдрих родился в 1904 г. в Галле на Заале. Отец его, Бруно Гейдрих, был директором консерватории и сам сочинял музыку, не очень удачно подражая Вагнеру. Став «протектором» Богемии и Моравии, то есть фактически наместником Гитлера в истерзанной оккупированной Чехословакии, Гейдрих заставил чешских музыкантов исполнять отцовские опусы. Сам Гейдрих был неплохим скрипачом.

Уже в 16 лет Гейдрих записался в реакционную нелегальную военную организацию — «фрейкор». С полубандитскими «фрейкоровскими» отрядами, с самыми их экстремистскими элементами он поддерживал тесную связь вплоть до вступления в СС.

С 1922 г. — служба на флоте, 9 лет и 2 месяца. 31 мая 1931 г. Гейдриха выгнали с крейсера «Берлин», где старшим офицером был Канарис, будущий шеф военной разведки — абвера. Выгнали по приговору «суда чести» якобы за обман девушки. Версии существуют разные: то ли девушка забеременела, а Гейдрих женился на другой, то ли он женился не на своей невесте, а на Лине Остен, будущей «политизирующей вдове», так ее окрестил после смерти Гейдриха Гиммлер.

Нам кажется более убедительной версия Калика о «суде чести». Гейдриха списали с учебного крейсера «Берлин» *за связь с нацистами*. В 1931 г. это был действительно серьезный проступок. В Веймарской республике военные не имели права активно действовать в рядах экстремистских организаций. И нам известно, что Гитлер не заступался за попадавших с поличным нацистов. Такова была его тактика. Фюрер боялся дразнить власть имущих в Германии, оберегавших тогда «лояльность» армии.

Что касается Гейдриха, то он вполне мог смекнуть, что выгодней открыто служить нацистам, нежели цепляться за военные регалии: как-никак в Веймарской республике армия и флот, связанные Версальским договором, влачили довольно жалкое существование.

1 июня 1931 г. Гейдрих вступил в СС, где стал организатором уличных драк и «зальных побоищ».

Дальнейшая биография Гейдриха уже неотделима от истории

эсэсовского «ордена»: в феврале 1933 г. Гейдрих вместе с Куртом Далюге действует в Берлине — составляет списки «врагов нации» для арестов, устраивает концлагеря, подготавливает поджог рейхстага. В марте того же года под руководством Гимmlера захватывает власть в Баварии. Там же создает концлагерь Дахау.

В ноябре 1933 г. Гейдриху присваивают чин бригадефюрера СС, иными словами, в 29 лет он становится эсэсовским генералом.

20 апреля 1934 г. Геринг отдал тайную полицию Пруссии — гестапо — дуумвирату Гимmlер — Гейдрих. 30 июня была «ночь длинных ножей». 25 июля — убийство австрийского канцлера Дольфуса, 9 ноября — «хрустальная ночь», первый большой антисемитский погром, и сразу во многих городах Германии. И т. д. и т. д.

До наших дней дошло множество фотографий Гейдриха. Конечно, все они сильно заретушированы. Но если взглянуть на них непредвзято, то можно утверждать — перед нами типичный эсэсовец, какими их изображали в нацистской Германии. Лошадиное лицо с маленькими глазками, белесые прилизанные волосы. Длинная шея, длинное туловище, облаченное в зловеющий черный мундир. Ординарная внешность¹. Сразу после 1933 г. Гейдрих объединил СС с полицейским аппаратом, создав мощную тайную организацию для сыска и репрессий, организацию, пронизанную насквозь нацистской идеологией и в то же время державшую в руках исполнительную власть. Он, как никто иной, умел создать во всей стране «атмосферу страха». Умело дирижируя своими молодчиками, Люцифер развязал «галопирующую эскалацию» пыток, а потом массовых убийств. Но это все было после, а уже в 1931 г. Гейдрих сказал Удо фон Мореншельду, адъютанту одного из главварей СА — Карла Эрнста, что после захвата власти Гитлером СС и тайная полиция будут определять не только экономику и политику, но и пропаганду, и дипломатию, и культуру. Таким образом, Гейдрих с самого начала имел перед своим мысленным взором «идеал» СС — тотальное полицейское государство. Создавал он его, конечно, не один: уменьять роль Гимmlера, Мюллера, Олендорфа, Поля, Шелленберга и других деятелей тайной полиции СС и управления концлагерей не следует.

В 1935 г., после того как нацисты распустили все партии, объявили вне закона профсоюзы и другие массовые организации трудящихся и засадили за решетку всех своих врагов — от коммунистов до левых интеллигентов и от социал-демократов до либе-

¹ Буржуазные исследователи обнаружили «чувство расовой неполноценности» у Гейдриха, объявив его в этой связи человеком с «раздвоенным сознанием», — по их глубокомысленным выкладкам, не то у бабушки, не то у дедушки Люцифера была примесь еврейской крови, что оказалось чепухой.

ральных священников, Гейдрих сказал, что «с уничтожением вражеских» организаций враги режима стали еще более «опасными», так как их «труднее выловить на новых позициях». Они действуют еще ужаснее, поскольку стали «невидимыми», замаскировались. «Он (враг. — Авт.) работает нелегально. Его цель — разрушить единство руководства и государства в государстве и в НСДАП... Эта сеть неимоверно разветвлена». Вывод ясен: аппарат террора следует все время расширять, репрессии усиливать.

Огромную роль сыграл Гейдрих и в обосновании «теории» очищения захваченных нацистами территорий от всех «потенциальных» противников: именно Гейдрих — автор проекта массового истребления населения.

Однако согласимся с западными историками. Гейдрих был не столько «теоретик», сколько технократ.

Не так уж не правы те, кто говорят: «Гейдрих умел ставить в зависимое положение всех людей — от прислуги до министра — благодаря знанию их слабостей...»

Козырем Гейдриха была на первых порах картотека, где фиксировались тайные пороки деятелей, окружавших Гитлера. Картотеку Люцифер начал создавать сразу же после прихода в Коричневый дом Гитлера. Лина Гейдрих с умилением сообщает, что сперва супруг держал карточки «в сигарных коробках», а пишущую машинку для заполнения их начальник штаба Гейдриха Гильдиш привозил на трамвае, а потом увозил тем же путем.

Впрочем, картотека явилась всего лишь первым «технократическим» достижением Люцифера. Засим последовала тотальная слежка. Следили и за функционерами НСДАП, и за иностранцами, и за «неблагонадежными».

Наконец, Гейдрих неусыпно пекся о технических (технократических?) новинках, без которых были бы невозможны массовые казни.

По данным Калика, Гейдрих экспериментировал с душегубками уже в 1939 г. в Заксенхаузене, иными словами, всего в 30 километрах (!) от Берлина. Там же были позже смонтированы и газовые камеры.

Калик с негодованием пишет о таких адвокатах нацизма, как Дэвид Ирвинг, который уверял, будто ни Гиммлер, ни Гейдрих не собирались до войны с Советским Союзом предпринимать уничтожение целых народов. Будто бы только в «трудных условиях» восточного похода у них возникла такая мысль. Между тем известно, что «изобретатель» душегубки Рауфф совместно с Розенбергом и Гейдрихом давным-давно планировали массовое уничтожение «нетрудоспособных неарийцев». А ведь кроме душегубок появились газовые камеры, и «Циклон Б», и вся, так сказать, «методика» ликвидации массы людей. «Уже весной

1940 г., — говорит Калик, — Гейдрих и Гиммлер ждали лишь кивка Гитлера, чтобы начать...»

Устройство газовых камер, продолжает Калик, выдает дьявольское намерение их создателей в самый кратчайший срок получить самые высокие результаты. Французский историк приводит описание газовых камер со слов очевидца. О газовых камерах речь пойдет ниже. Но здесь уместно сказать, что очевидец подчеркивает технические «достоинства» камер именно с точки зрения их «производительности», что ли. Если вообще можно применить этот термин к страшному процессу умерщвления ни в чем не повинных людей. «...Раздевались жертвы в страшной спешке, газовые камеры забивались до отказа, мужчин и женщин в спешке сгоняли вместе, акт убийства продолжался максимум 20—30 минут, убирали трупы в быстром темпе, сожжение производилось днем и ночью, а когда крематории не справлялись, трупы сжигали на свежем воздухе. Короче говоря, каждые два часа одна из газовых камер была готова для убийства...»

Гейдрих «позаботился» буквально обо всем: и о создании специального газа, и о «всасывающем» вентиляторе для удаления этого газа после того, как жертвы уже были мертвы, и о маскировке камер под «душевые», и даже о громкой музыке, которая играла в «предбаннике», где собирали людей, обреченных на смерть. Через громкоговорители по всему лагерю передавали тогда популярные мелодии немецких солдатских песен — «Мы идем на Британию», «Лили Марлен», «Слава Пруссии»...

Надо отдать должное нацистскому Люциферу: он знал не только то, что за границей эсэсовцев считают «кровавыми собаками» (это он сказал Бургхарду), но и то, что они таковыми являлись на самом деле. Выше уже говорилось, что Гейдрих заранее позаботился о том, чтобы скрыть следы злодеяний нацистов. Именно Гейдрих понял, что сокрытие преступлений нацизма стало «государственной проблемой». Незадолго до смерти он приказал уничтожить фотографии массовых казней и массовых захоронений и призывал к сохранению тайн «фабрик смерти». Оберфюрер СС Пауль Блобель получил специальное задание — уничтожать захоронения жертв концлагерей. Он взрывал их динамитом. Потом понял, что следы все равно остаются. Тогда нацисты поставили на поток производство «костомолок». Ганноверская фирма «Шривер АГ» создала этот механизм. А Гиммлер и Эйхман «изобрели» команду «тысяча и пять». Тысяча заключенных предназначалась для сожжения трупов, пять были «экспертами». Трупы сжигали на кострах, политых бензином. А потом уничтожали и тысячу заключенных... Это было уже после смерти Гейдриха. Но начало положил именно Гейдрих, этот предусмотрительный злодей и палач.

Нельзя забывать также, что «под занавес» Люцифер провел два страшных, быть может, самых страшных во всей своей карьере, «мероприятия». Во-первых, заключил соглашение с генерал-квартирмейстером Эдуардом Вагнером (а в его лице — со всей армией) о «террористических мерах на Востоке». Вместе с Шелленбергом и Мюллером Гейдрих в мае 1941 г. выговорил право для эсэсовских эйнзацгрупп вступать на оккупированные территории вслед за армейскими подразделениями и хозяйничать там «по своим законам» — уничтожать, жечь, грабить. Во-вторых, Гейдрих провел 20 января 1942 г. печальную известную конференцию в Ванзее, где было принято так называемое «окончательное решение» — решение о ликвидации всех евреев на занятых нацистами территориях.

1 октября 1941 г., сохранив все свои эсэсовские звания, привилегии и реальную власть, как начальник РСХА, Гейдрих получил новое назначение — стал «протектором» Моравии и Богемии¹.

27 мая 1942 г. на Гейдриха было совершено покушение, и он был смертельно ранен чешскими патриотами. Массовые казни гражданских лиц, уничтожение двух населенных пунктов — Лидице и Лежаков, расстрелы заложников — таков был «ответ» преемника Гейдриха — Далюге.

4 июня 1942 г. «мясник», «палач Праги», развязавший массовый террор в стране, а потом попытавшийся «добром» договориться с чешскими промышленниками-коллораборационистами, умер от перитонита. Ему было 38 лет. Примерно в 10 часов в этот день пражское радио сообщило: «Сегодня скончался от ран обергруппенфюрер СС и генерал полиции, начальник тайной государственной полиции и имперской службы безопасности, наместник «протектората» — Богемии и Моравии (так нацисты называли Чехословакию. — Авт.) Рейнхард Гейдрих».

Гейдрих сподобился пышным похорон. Перед его гробом, установленным в Праге, продефилировали эсэсовцы, сотрудники СД, полицейские, вермахт и чехословацкие коллаборационисты во главе с марионеткой Гахой...

¹ Будучи «наместником», Люцифер приобрел огромное поместье в 60 километрах от Праги. В поместье, как водится, был замок с 30 комнатами, охотничьими угодами и масса рабов-«неарийцев». В голодной Чехословакии жена наместника скупала домашнюю птицу, консервы. Кроме того, доверенные лица Гейдриха успешно конкурировали с «экспертами» Геринга. Да это и немудрено. Непосредственно конфискацией занимался РСХА и его шеф Гейдрих. РСХА захватывал концерна, тысячи гектаров земли, поместья аристократов и земли церкви. А уж такие «мелочи», как частные и государственные коллекции картин, ювелирных изделий и т. п., естественно, прилипали к грязным рукам главных палачей. В частности, ненасытная Лина Гейдрих «собирала» «старую Вену»: серебро, фарфор и прочий антиквариат.

Геббельс назначил государственную комиссию по похоронам. Торжественная церемония прощания состоялась 9 июня в мозаичном зале имперской канцелярии в Берлине. В 1942 г. нацисты еще верили, что им удастся создать какие-то свои, впечатляющие обряды. Характерно, что Гимmlера от организации похорон отстранили. Проповедуемый им мистический, полуокультурный ритуал в масштабах рейха казался нелепым. Так что после смерти Гейдриха его фальшивого герба не стали сжигать, как это полагалось у эсэсовцев высокого чина. У гроба Гейдриха стояла злущая ведьма — Лина Гейдрих, которая решила, что настал ее час; в качестве германской Валькирии и вдовы обергруппенфюрера она задумала сделать большую политическую карьеру. Но Гимmlер быстро осадил вдову, сказав, чтобы она лучше занялась детьми.

Речь на похоронах произнес сам Гитлер, хотя в толпе шептались, что он довольно сдержанно относился к покойнику. Гитлер закончил свою речь словами: «Как фюрер НСДАП и фюрер немецкого рейха, я даю тебе, дорогой Гейдрих, второму немцу после Тодта (Тодт строил автострады и создавал военную промышленность Германии и к тому времени тоже умер. — *Авт.*), самую высокую награду, какую только могу присвоить: я награждаю тебя наивысшей степенью Германского Ордена».

Итак, покойник получил еще один орден. После похорон Гимmlер поставил на свой письменный стол посмертную маску Гейдриха, но очень скоро убрал ее. Маска исчезла бесследно. Смерть Гейдриха развеяла миф о всеисилии карательного аппарата «третьего рейха». В самом деле, ближайшего помощника рейхсфюрера СС убили среди бела дня в людном месте. При этом участников покушения нашли не благодаря «зоркости» карательного аппарата, а из-за преступного легкомыслия деятелей чешской оппозиции в Лондоне, которые переправили в Чехословакию предателя Чурду, не скрывавшего своих симпатий к гитлеризму. Теперь мы все это доподлинно знаем. Нет, история с Гейдрихом Гимmlеру лавров не принесла. И хотя по Чехословакии прошла волна чудовищных репрессий: казни патриотов, резня в церкви Кирилла и Мефодия, Лидице — вот далеко не полный перечень террористических актов СС, которые они совершили, «мстя» за Гейдриха, — но кровавый террор не смог заставить чехословацких патриотов, участников партизанского движения в других странах, оккупированных гитлеровцами, прекратить борьбу.

Прошло менее трех лет. Нацизм был повержен в прах, Гейдрих заклеямен как один из самых страшных преступников, каких только знала история.

Преемником Гейдриха на посту начальника РСХА (объединившим все службы террора и сыска в Германии) стал Эрнст Кальтенбруннер. Правда, не сразу. Благодаря смерти Гейдриха, пишет

Деларю, «машина РСХА, почти ускользнувшая от Гиммлера, опять попала в его руки». С новым назначением Гиммлер не торопился. Может быть, и впрямь не хотел сильного соперника, наслаждался всей полнотой власти. Но скорее всего, за это место шла борьба в окружении Гитлера. По-видимому, в этой борьбе участвовали Геринг, Геббельс и «серый кардинал» Борман. И последний, как считалось, одержал верх.

За рубежом шли споры о целесообразности покушения на Гейдриха. В Праге в 1979 г. вышла книга Мирослава Иванова «Покушение на Рейнхарда Гейдриха. Свидетельства, факты, документы». Книга эта стала достоянием и русского читателя¹. В книге расставлены все акценты. Правдиво рассказано, как все было: 27 мая 1942 г. в 10 часов 30 минут «мерседес» Гейдриха, мчавшийся в Град, затормозил перед поворотом. В этот день Гейдриха вызвал Гитлер, он должен был лететь в Берлин. Но на повороте Гейдриха ждали парашютисты, обученные в Англии, — два чешских патриота — Габчик и Кубиш. Они стояли примерно в 2 метрах друг от друга. У Габчика под плащом был автомат. Кубиш на всякий случай держал в портфеле бомбы. Ведь за «мерседесом» Гейдриха могла ехать еще машина. Напротив находился третий парашютист — Опалка. И наконец, несколько выше на дороге стоял чех Вальчик с зеркальцем в руках. Завидев машину «протектора», он должен был подать знак, направив «зайчик» на Габчика. И вот сигнал подан. Габчик кинулся на дорогу, прицелился, нажал на спусковой крючок... Автомат дал осечку. Тогда Кубиш бросил бомбу. Оба побежали прочь. 10 часов 31 минута. Взрыв. «Покушение на имперского протектора Рейнхарда Гейдриха состоялось», — пишет Мирослав Иванов.

К несчастью, как мы уже писали, среди парашютистов оказался предатель Чурда². Все другие участники покушения держались героически. Да и те, кто догадывался о замешанных во взрыве, не поддавались ни на подкуп, ни на угрозы... Последним прибежищем участников покушения стала церковь Кирилла и Мефодия в Праге, подземелье под церковью. Вход в них взорвали, подземелье залили водой, но чешские патриоты стояли до конца. Никто из них не попал в руки врага живым.

¹ Монтаж по книге был опубликован в журнале: Иностранная литература, 1984, № 5 и 6.

² «Когда Чурда был в Англии, — пишет М. Иванов, — чехословацкие военнослужащие, проходившие подготовку вместе с ним, писали тогдашнему министру обороны, генералу Ингру, обращая внимание министра на ненадежность Чурды...» Однако начальник чехословацкой разведслужбы в Лондоне Франтишек Моравец не дал хода письму, разоблачающему этого негодяя. Чурда получил от нацистов миллионы. Изменил фамилию, женился на нацистке и попытался начать «новую жизнь». Однако в 1947 г. повсюду свершилось. Чехословацкий суд приговорил предателя к смертной казни через повешение.

«Погибли парашютисты, погибли тысячи чехов. Народ заплатил жестокую цену за покушение», — пишет Мирослав Иванов. И далее: «Убийство Гейдриха доказало всему миру, что чешский народ не покорился нацизму и борется. Президенту Бенешу покушение принесло ценный морально-политический капитал (на это он и рассчитывал), оплаченный, однако, слишком большой кровью. Вместе с тем, несмотря на тяжелейшие потери, нанесенные силам Сопротивления, нацисты не смогли сломить противодействие чешского народа... Покушение стало грозным антифашистским судом чешского народа над оккупантами. Именно это прозвучало в выступлении Клементы Готвальда из Москвы на чешском языке 6 июня 1942 г.:

«Дорогие друзья, товарищи, братья и сестры, находящиеся там, на родине, первые наши слова обращены к тем, пока еще неизвестным героям, которые уничтожили кровавого палача Рейнхарда Гейдриха, освободили тем самым человеческое общество от одного из самых страшных гитлеровских изуверов и прославили звание чеха во всем мире...

...Неизвестные герои, сразившие Гейдриха, не только отплатили за пролитую чешскую кровь, они отомстили также за бесчисленные жертвы, понесенные другими европейскими народами... Сей час речь идет о том, чтобы народ не сошел со своего пути и не остановился на полдороге. Наш народ не одинок. Великая Советская Армия и героические советские партизаны наносят гитлеровским ордам сокрушительные удары. Английские летчики сеют смерть над немецкими городами. Английские и американские армии готовятся к открытию второго фронта на Западе. По всей оккупированной Европе — от Греции, Югославии через Францию и до Норвегии — звучит единый призыв: «Смерть немецким оккупантам!» Нет, мы не одиноки. Весь мир борется вместе с нами, чтобы приблизить конец гитлеровской тирании».

Кроме политического резонанса, который получил во всем мире подвиг чешских патриотов, был и чисто человеческий аспект героизма этих людей — Яна Кубиша и Йозефа Габчика, Йозефа Вальчика и Адольфа Опалки, Ярослава Шварца, Яна Грубых и Йозефа Бублика, а также сотен других простых чехов, которые скрывали их, помогали им, защищали и заплатили за это жизнью. Не случайно гимmlеровские каратели уничтожили в ту пору не только коммунистов-подпольщиков, но и крестьян, не только таких людей, как Фучик, как член второго подпольного ЦК КПЧ Ян Зика, но и капеллана Петршека, священника Чикля, председателя совета старейшин православной церкви Сонневенда и епископа Горазда... Все эти люди были казнены. Но память о них будет вечной.

МЮЛЛЕР-ГЕСТАПО

Мюллер — фамилия в Германии чрезвычайно распространенная. Так же как и имя Генрих. И было бы вполне естественно, если бы у Генриха Мюллера появились какие-нибудь прозвища, клички. Такие, к примеру, как у Гейдриха: Великий инквизитор или Люцифер. Однако история донесла до нас одно-единственное прозвище Г. Мюллера, отличавшее его от всех прочих Мюллеров: Мюллер-гестапо.

Да, Мюллер в сознании современников полностью ассоциировался с тем постом, который он занимал, — с постом начальника тайной государственной полиции (гестапо).

Мы уже писали, что немцы не знали никакого РСХА¹. Они знали гестапо на Принц Альбрехтштрассе — солидное пятиэтажное здание в стиле «модерн» — такие здания, в меру вычурные, без особого полета архитектурной фантазии, десятками воздвигали в начале века во всех крупных городах Европы. Глаз к ним привык и скользил по похожим фасадам, почти не запоминая их отличий и примет. На Принц Альбрехтштрассе, 8, в догитлеровскую эру находилась Школа прикладного искусства — стало быть, в этот дом приходили молодые люди с мольбертами, учились там живописи, ваянию, резьбе по дереву, художественной обработке металла, стекла, керамики. На рубеже XIX—XX вв. поделки и украшения, прикладное искусство были в большой моде.

И вот в это-то обычное здание вселилась тайная полиция нацистов и превратила его в дом ужасов и страданий, пыток и убийств.

Хозяином гестапо вскоре стал Генрих Мюллер.

В отличие от начальников других ведомств РСХА — Артура Небе, Беста, в отличие от Гимmlера, Гейдриха, Фрика, мы знаем о Мюллере сравнительно мало. До нас не дошли ни его высказывания, ни речи, ни частные письма, ни дневники (сомнительно, что он их вообще вел). Только циркуляры и докладные записки, написанные канцелярским слогом, обычным для документов любого буржуазного полицейского учреждения.

Внешность Мюллера в исторических книгах описана более или менее одинаково: «Он был небольшого роста, приземистый, с квадратным мужицким черепом, с узкими, плотно сжатыми губами и колючими карими глазками, почти всегда полуприкрытыми, тяжелыми, постоянно дергающимися веками, — пишет Шелленберг. — Он не только не располагал к себе, но вызывал у собеседника беспокойство, нервозность. Особо неприятными казались

¹ Даже в Нюрнберге аббревиатура РСХА не употреблялась. Говорили о гестапо, об СС, об эйнзацгруппах.

его огромные руки с короткими толстыми пальцами». Руки эти, по словам историков, были руками «душителя». Историки добавляют еще несколько штрихов к портрету Мюллера, нарисованному Шелленбергом: у шефа гестапо был сильно выпуклый лоб, жесткое, сухое, невыразительное лицо... Темные волосы он стриг, оставляя только короткий ежик с прямым пробором.

Мюллер был баварец, говорил с легким акцентом, ходил вразвалку, что, по утверждениям западных публицистов, свидетельствовало о его крестьянском происхождении. Известно, что он вырос в простой, небогатой семье и что карьера полицейского на первых порах давалась ему нелегко. Способностей явно не хватало, в школе он слыл зубрилой.

Вся биография Мюллера в «догестаповский» период уместается в несколько строк. Он был 1900 г. рождения. Успел понасть в армию еще в годы первой мировой войны, стал унтер-офицером. Затем служба в летных частях на Восточном фронте. После войны сразу поступил в баварскую полицию. Поэтому не знал ужасов безработицы, деклассированности. К «потерянному поколению» его не причислишь. Можно только представить себе, что он зубами и когтями держался за хлебное и безопасное место в полицейском управлении. Как пишет Хёне, Мюллер «отличался необычайным тщеславием», добивался признания начальства. «Поступал беспардонно, расталкивал всех локтями, любил показать свою энергию, не прочь был присвоить чужие успехи». И еще: был набожен, ходил в церковь, отличался скупостью — больше 40 пфеннигов на «зимнюю помощь» нацистам в копилку не бросал.

Французский историк Деларю, который умеет находить сенсации в биографиях крупных деятелей нацистского аппарата насилию, на сей раз этого не делает. Наоборот, подчеркивает чиновничью суть Мюллера: «чиновник до мозга костей», «погрузился с головой в писанину», в статистику, в информацию. Чувствовал себя как рыба в воде лишь в мире циркуляров, предписаний, диаграмм. Его главной заботой было продвижение по службе и мало беспокоил тот факт, что продвижение это происходило на фоне доносов, анонимок и тайных убийств. И наконец: «Не брезгал никакими «деликатными» поручениями, «шпионил за собственными коллегами».

Очень нетрудно представить себе, как происходило возвышение Мюллера. Тайная полиция была создана Герингом на базе прусской политической полиции. Потом аппарат основательно перетряхнули, «вычистили» из него всех более или менее толковых чиновников и призвали взамен коричневорубашечников, или просто «старых бойцов» (членов НСДАП с 1923 г.), которые, как мы писали выше, превратили дом на Принц Альбрехтштрассе в разбойничий вертеп. «Старые бойцы», привыкшие к «зальным

побойцам» и уличным дракам, совершенно не признавали никаких государственных резонансов. А Гитлеру в то время было необходимо показать, что он может навести порядок, — на заднем плане еще маячил старец Гинденбург; монополисты и генералы вот-вот могли взбунтоваться: ведь к власти пришла чернь, рвань, откровенные бандиты.

Пора было снова менять команду. И Гиммлер это сделал, набрав вместо «старых бойцов» чинуш из баварской полиции.

На Нюрнбергском процессе свидетель Гизевиус — бывший сотрудник нацистского министерства внутренних дел — довольно внятно рассказал о том, как создавалось гестапо. Его спросили, можно ли считать «недобровольными работниками гестапо» лиц, переведенных туда из разных гражданских учреждений. Он ответил, что «эти работники гестапо в течение первого года были уволены из гестапо, как политически неблагонадежные».

«Вопрос. Далее, после чистки 30 июня 1934 г. были ли приняты особые меры для того, чтобы не допускать в организацию никого, кто не симпатизирует ее программе?

Ответ. Эти меры принимались с 1 апреля 1934 г., когда гестапо перешло в руки Гиммлера и Гейдриха. Уже с того времени не мог быть в гестапо ни один человек, чье мировоззрение не соответствовало бы требованиям Гиммлера и Гейдриха. Возможно, что в первые месяцы в гестапо пребывало некоторое количество чиновников, которые не были еще известным образом просеяны СС. Гестапо было весьма крупным учреждением. (В своей речи в Нюрнберге главный обвинитель от Советского Союза тов. Руденко отметил, что «число сотрудников гестапо в период 1943—1945 гг. доходило до 40—50 тысяч. Такой штат, говоря словами Фуше, позволял гестапо иметь «везде глаза, чтобы видеть, и везде руки, чтобы хватать».)

Само собой разумеется, потребовалось время, чтобы СС обучило и воспитало своих чиновников-криминалистов.

«Вопрос. Однако можно ли установить время, ...начиная с которого каждый сотрудник гестапо знал о преступной программе этой организации?

Ответ. Я сам раздумывал над этим вопросом в течение долгих лет... Ответ на этот вопрос налагает большую ответственность, и, сознавая эту ответственность, я сказал бы, что по крайней мере с начала 1935 г. каждый должен был знать, в какое учреждение он поступал и какие приказы ему придется исполнять в том или ином случае».

В речи перед прусскими государственными советниками от 5 марта 1936 г. сам Гиммлер весьма подробно изложил перипетии, связанные с упорядочением кадрового состава гестапо:

«Я думаю, что только я и господин министр-президент (Ге-

ринг.— Авт.) знают,— сказал Гиммлер,— до какой степени в 1933—1934 гг. и даже в 1935 г. был недееспособен аппарат тайной полиции. В нем собрались чиновники, которые, по крайней мере в филиалах, были отнюдь не из лучших — ведь никакое учреждение не отдаст свои лучшие силы, к тому же в мировоззренческом смысле они были совершенно не подкованы. Чтобы придать им политическую зрелость, мы привлекли в полицию старых бойцов из СА и СС, у которых было неоспоримое преимущество — принадлежность к НСДАП, но часть из них страдала одним недостатком — неумением приспособиться к упорядоченной жизни, к самой примитивной канцелярской работе».

В той же речи Гиммлер намеревался объяснить, почему его выбор остановился на служащих именно баварской полиции, а не, скажем, гессенской, нюрнбергской или дрезденской. Намеревался, но потом передумал и этот пассаж вычеркнул. Однако мы его приведем — пассаж остался в черновом варианте речи:

«Первой политической полицией с ярко выраженным национал-социалистским характером, по существу, инструментом для борьбы с евреями, марксистами и масонами — нашими врагами — была мюнхенская полиция в начале 20-х годов, точнее, отдел VI-а в мюнхенском полицейско-президиуме под руководством тогдашнего полицейско-президента Пёнера... Из этой школы вышла большая часть баварского полицейского аппарата, а теперь это наши лучшие чиновники — начальники подотделов и отделов».

Итак, школа Пёнера, то есть полицейско-чиновничья школа в буржуазном государстве. Но не просто полицейско-чиновничья, а полицейско-идеологическая, борющаяся с врагами.

В этой связи нельзя не отметить, что до недавнего времени буржуазные исследователи, те самые, которые обнаружили «чувство расовой неполноценности» у Гейдриха, любили порассуждать и о чувстве «неполноценности» у Мюллера. Он, дескать, до 1933 г. храбро сражался с нацистами и посему очень боялся своего прошлого. Хотел заглушить угрызения совести особым рвением. Все это выдумки чистой воды. Не с нацистами боролся Мюллер, а с коммунистами, с трудящимися, с левой интеллигенцией. Вся так называемая «группа баварских полицейских» — Рейнхард Флеш, Генрих Мюллер, Франц Йозеф Губер и Йозеф Мейзингер, состряпавший «дело генерала Фрича», а потом брошенный по следу Зорге, были реакционеры и патологические антикоммунисты. Но Мюллер выделялся и среди них своей ненавистью к коммунизму, к прогрессу. По материалам, разысканным Хёне, он еще до 1933 г. «не соблюдал законов и предписаний». Иными словами, даже в Веймарской республике действовал не как государственный чиновник, а как гангстер. Но, разумеется, прежде всего «в борьбе с коммунистами».

Вот почему Мюллера и всю «группу баварских полицейских» взяли в гестапо. В отличие от молодчиков Рема, они законы знали, но на законы, так же как и те, плевали. Хоть и были службистами, но службистами особого рода.

Интересно, что Мюллер не обладал тем «преимуществом», о котором говорил Гиммлер в приведенной выше речи перед прусскими государственными советниками, — он не состоял в НСДАП. Получив генеральский чин, он все еще пребывал беспартийным.

Только в 1939 г., в зените карьеры, Мюллер наконец-то получил значок члена НСДАП.

Видно, Гиммлер и Гейдрих не спешили предоставить Мюллеру все привилегии, связанные с его постом, — выдерживали.

Ясно одно: именно Генрих Мюллер — зловеще бесцветная личность, бывший полицейский — стал как бы фирменным знаком гестапо. Именно он перевел идеологическое изуверство эсэсовцев, их бесчеловечность и жестокость на бюрократический язык. Заполнял папки, сочинял циркуляры, вел служебную переписку. Так же как и концлагеря, гестапо стало «фабрикой» по уничтожению людей. И заведовал этой «фабрикой» чиновник Мюллер, Мюллер-гестапо. Без подписи Мюллера, «кругозор которого», как утверждал буржуазный историк Клаус Харпрехт, «почти не выходил за стены гестаповских подвалов», не совершалось ни одной сколько-нибудь серьезной террористической акции нацистского режима.

Зловещая тень Мюллера четко видна сквозь страшные «служебные записки», директивы. Правда, на всех на них стоял гриф «секретный имперский документ». Но история рассекретила самые секретные документы нацистов. И благодаря этому мы знаем: не было такой кровавой интриги, не было такого злодеяния, в которых не участвовал бы Мюллер-гестапо.

Дело генералов Бломберга — Фрича.

«Хрустальная ночь» (еврейский погром 1938 г.).

Присоединение Австрии к нацистской Германии (аншлюс). Лжепокушение на Гитлера в Бюргербройкеллере. Вылазка в Венло на немецко-нидерландской границе.

Концлагеря до начала войны. Уничтожение коммунистов, левых интеллигентов.

Среди других его состряпал и Мюллер.

Существует подробная письменная инструкция Мюллера, как «проводить» погром, что и как грабить и жечь.

Мюллер арестовывает антифашистов, австрийских патриотов. Мюллер — активный участник этой грязной интриги.

Все материалы о концлагерях проходят через руки Мюллера. Он непосредственно командует убийцами.

Провокация на польской границе. Начало второй мировой войны. И здесь маячит фигура Мюллера.

Дальше — больше.

Приведем несколько показаний и документов, оглашенных на Нюрнбергском процессе.

Из показаний нациста Науйокса:

«Гестапо и СД проводили массовые убийства сотен тысяч лиц гражданского населения оккупированных территорий в осуществление нацистской программы «уничтожения политически и расово нежелательных лиц».

Из показаний генерала Лахузена (абвер):

«Вскоре после начала кампании против Советского Союза (летом 1941 г. — Авт.) было создано совещание, на котором присутствовал он сам (генерал Лахузен. — Авт.)... генерал Рейнеке, полковник Брейер и начальник гестапо Мюллер. На этом совещании обсуждался приказ об убийстве советских должностных лиц и коммунистов из числа советских военнопленных. Казни должны были осуществлять оперативные команды полиции безопасности и службы безопасности».

Лахузен также вспомнил, что начальник гестапо Мюллер настаивал на выполнении этой программы и что единственная «уступка Мюллера» состояла в том, что «из уважения к чувствительности войск казни не должны были производиться в их присутствии».

Именно Мюллер проводил также операцию «кугель» («пуля») — расстрелы русских военнопленных.

12 июня 1942 г. Мюллер подписал приказ, который официально разрешал применять допросы «третьей степени» (пытки) в концлагерях.

«Допросы «третьей степени» могут применяться против коммунистов, марксистов, религиозных сектантов из числа «свидетелей Иеговы», саботажников, террористов, членов движения Сопrotивления, вражеских десантников и антиобщественных элементов, польских или советско-русских бродяг (партизан. — Авт.). Во всех других случаях необходимо получить мое разрешение...»

17 декабря 1942 г. Мюллер издал приказ об угоне мужского населения с оккупированных территорий и об использовании его в качестве рабов на военных заводах в Германии.

А вот отрывок из показаний свидетеля на Нюрнбергском процессе, касающийся последних двух лет нацистского господства:

«Во время совещаний начальников секторов группенфюрер Мюллер часто советовался с Кальтенбруннером о том, следует ли применить по тому или другому делу «особое обращение», не следует ли вопрос об «особом обращении» обсудить». «Когда

подобная беседа происходила между Мюллером и Кальтенбруннером, упоминались только инициалы, так что лица, присутствовавшие на совещаниях, никогда не знали, о ком шла речь.

Нетрудно догадаться, что беседы об «особом обращении» были беседами о казнях. И очень часто термин «особое обращение» относился не к отдельным людям, а к десяткам и сотням тысяч людей — инициалы заменялись, по-видимому, совсем иными сокращениями.

Итак, подведем итоги. Мюллер не произносил речей и редко появлялся на публике. Сидел на Принц Альбрехтштрассе, сочинял и подписывал циркуляры.

И именно по этим циркулярам, точно их придерживаясь, действовал громадный аппарат чиновников-убийц, проводя свою «селекцию». С безошибочным чутьем, превосходящим чутье лучших полицейских собак, палачи Мюллера загоняли в концлагеря самых совестливых, талантливых, честных людей Германии, а впоследствии и самых порядочных и смелых граждан оккупированных нацистами территорий.

И дело отнюдь не в том, истязал ли Мюллер свои жертвы самолично или, как Гиммлер, передавал истязуемых садистам-подчиненным, а в том, что немногословный бюрократ Мюллер вызывал самый большой страх в Германии.

Гиммлер, Гейдрих и все остальные главари «третьего рейха» были нацистами «первого призыва». И проживи Гитлер подольше, он, вероятно, избавился бы от прежних сообщников. На их место пришли бы палачи-чиновники, палачи-роботы типа Бормана и Мюллера. Система государственного терроризма тяготеет к анонимности, обезличенности.

ПРОВОКАЦИИ НА СЛУЖБЕ АГРЕССИИ

СД и вообще весь аппарат насилия в фашистской Германии лихорадочно готовился к «большой войне», задуманной Гитлером и наиболее реакционной частью немецкой верхушки. Для этого требовалось не только активизировать деятельность «пятой колонны», разведки и контрразведки, но и соответствующим образом «обработать» тыл, привить немецкому обывателю, во-первых, чувство превосходства, во-вторых, чувство страха и ненависти по отношению ко всем другим народам.

В плане этой внутривнутриполитической программы молодчики Гитлера провели две крупнейшие провокации — погром 1938 г., так называемую «хрустальную ночь»¹, и «покушение» на самого фюрера — идола немецких мещан.

¹ «Хрустальной» ее назвали потому, что улицы Берлина и других городов были буквально устланы ковром из осколков разбитых витрин еврейских магазинов и лавчонок.

Непосредственным организатором погрома считается Геббельс. Более того, он, видимо, даже как следует не согласовал свои действия с другими фюрерами рейха. Для Геббельса это был желанный повод привести в действие весь его пропагандистский аппарат, чтобы отвлечь внимание немецкой и мировой общественности от военных приготовлений, которые в конечном счете (всего через год!) привели к мировой войне, и подготовить общественность к предстоящим диким расправам с народами стран, избранных в качестве первых жертв гитлеровской агрессии — в первую очередь с населением Польши, одного из тех государств, которые по нацистским представлениям были населены людьми «низшей расы», подлежащей истреблению.

Именно в этом контексте можно понять размах антисемитских погромов в рейхе, вспыхнувших в ночь на 9 декабря 1938 г.

Погрому предшествовала акция, которая большинством исследователей гитлеризма справедливо воспринимается как сострепанная нацистская провокация. Речь идет о покушении на третьего секретаря посольства в Париже барона Эрнста фон Рата. Оно было совершено неким Гриншпаном, евреем по национальности, 7 ноября якобы в отместку за расправу гитлеровцев с его семьей в Германии. Гриншпан (ему в то время исполнилось 17 лет) подъехал на машине к зданию немецкого посольства и тремя выстрелами смертельно ранил немецкого дипломата. Покушавшийся был арестован и предан суду. Однако процесс тянулся очень долго, а после оккупации Франции гитлеровским вермахтом Гриншпан был выдан оккупантам. Но в Германии дело замяли. Во всяком случае, приговор Гриншпану не был вынесен. Загадочными кажутся и другие обстоятельства этой истории. Выяснилось, что Гриншпан был психопатом, который не смог даже окончить школу. Он бродяжничал в Париже и в Брюсселе, а потом полиция выслала его из обоих этих городов. Вполне вероятно, что на Гриншпана обратило внимание гестапо и избрало исполнителем затеянной провокации. Кстати, Рат — дипломат, застреленный в Париже, — был известен своими антинацистскими настроениями и находился под негласным надзором гестапо. Гиммлер и К⁰, по всей вероятности, рассчитывали одним ударом убить двух зайцев — убрать с помощью Гриншпана негодного дипломата и одновременно (по испытанному образцу с Ван дер Люббе) создать повод для кровавого побоища, изобразив погром как «стихийную реакцию простых немцев» на убийство «неарийцем» представителя «высшей расы».

Такова была закулисная предыстория «хрустальной ночи».

В своих мемуарах Шелленберг пытается снять вину за сию варварскую акцию с самого себя и с руководства СС. «Гиммлер и Гейдрих, — заявляет он, — насколько я знаю, не были информированы о затее Геббельса». И это пишется после Нюрнбергского

процесса, на котором был обнародован документ, свидетельствующий о том, что именно гестапо готовило погром, во всяком случае его «техническую сторону». В Нюрнберге был зачитан письменный приказ Гейдриха, в котором говорилось, что полиция должна лишь обеспечить соблюдение инструкций (то есть не мешать шайкам громил бесчинствовать.— Авт.) «во всех землях должно быть арестовано столько евреев, а в особенности богатых, сколько может быть размещено в имеющихся в наличии тюрьмах. В настоящее время должны быть арестованы только здоровые и не слишком старые мужчины. После их ареста следует связаться немедленно с соответствующими концентрационными лагерями для того, чтобы как можно скорее направить их в эти лагеря».

Как говорится, комментарии излишни.

По версии Шелленберга, материальный ущерб, нанесенный погромом, исчислялся в миллиард марок. «В частности, были сожжены три тысячи пятьсот автомашин, принадлежавшие еврейским владельцам. Часть их имущества была украдена функционерами нацистской партии»¹.

Западногерманский исследователь Хёне в свою очередь приводит данные, почерпнутые из нацистских архивов. По его сведениям, в «хрустальную ночь» было разрушено 815 магазинов, повреждено 29 крупных универмагов, разгромлен 171 дом, разграблены и ликвидированы 27 синагог, при этом было убито 36 человек и 186 тяжело ранены.

Между Геббельсом, с одной стороны, и Гиммлером и Герингом — с другой, возникла перепалка: министр пропаганды якобы превысил свои полномочия и вмешался не в свои дела. Геринг, как уполномоченный по выполнению «четырёхлетнего плана», претендовал на то, чтобы любые конфискации имущества или изъятия ценностей утверждались его ведомством, а Гиммлер ссылался на то, что руководить подобного рода операциями, затрагивающими «безопасность рейха», — прерогатива одной лишь тайной полиции.

В конце концов Геббельс, Гиммлер и Геринг сошлись на том, что их три ведомства разделили «славу» организаторов погрома. Вместе с тем дальнейшие действия по отношению к «неарийцам» должны были предприниматься лишь при согласовании с Герингом. Как мы увидим далее, он стал главным вдохновителем «окончательного решения», то есть полного уничтожения «неарийцев».

Так или иначе, погром 9—10 ноября 1938 г. следует воспринимать как одно из важных звеньев в общей программе подготов-

¹ Как явствует из материалов Нюрнбергского процесса, в «хрустальную ночь» najился и слывший среди нацистов «либералом» фон Нейрат, и «идеолог» НСДАП Розенберг, которые заняли роскошные виллы, принадлежавшие ранее «неарийцам».

ки войны: он должен был, так сказать, идеологически обосновать действия нацистских вооруженных сил и карательных органов.

Вторая провокация, служившая разжиганию ксенофобии — ненависти к иностранцам, шпиономании, шовинизма и национализма, была с начала до конца проведена Гиммлером, Гейдрихом и Шелленбергом.

Представим себе те предгрозовые дни... Гитлер готовился к агрессии, желал ее, планировал, уже сочинил кодовое название и продумал ход операции. И вот взрыв — покушение на самого фюрера в колыбели нацистского «движения», в пресловутом Бюргербройкеллере в Мюнхене, в самом центре зала пивной, где фюрер произносил пламенные речи и где в тот день состоялся большой праздник по случаю очередной годовщины «пивного путча» 1923 г.

Да, Гитлер в этот день, 8 ноября 1939 г., в Бюргербройкеллере был, речь произнес, но быстро ушел. Якобы торопился на поезд (хотя поезд был специальный и мог подождать). Вместе с ним покинула зал и его свита: Розенберг, Аман, Лей, Фрик, Тодт, Гиммлер и Борман. Из самых главных бонз вопреки обыкновению никто не остался в зале, чтобы поболтать со «старыми бойцами». Правда, бонзы рангом пониже присутствовали при взрыве: шесть или семь человек погибли, 63 были ранены. Взрыв произошел всего лишь через 10 или 12 минут после ухода Гитлера. «Фелькишер беобахтер» писала: «Благородное» желание Чемберлена не сбылось. Чудесное спасение фюрера».

Итак, лишь чудо, или, как любил говорить Гитлер, «провидение», спасло его от руки убийц. Надо было ожидать, что за покушением последует процесс, массовые репрессии, будет раскрыт гигантский заговор.

Теперь, почти пять десятилетий спустя, по мелким штрихам, скорее по гестаповскому «почерку», по обрывкам высказываний, по клочкам уцелевших документов можно восстановить сценарий задуманной гестапо провокации, хотя не все и сегодня ясно. Ведь никого из организаторов взрыва уже нет в живых. Кто конкретно внес лепту в мнимое покушение и какую — неизвестно. И нынче еще не смолкают споры... Хотя, казалось бы, чего спорить?

Сценарии в гестапо составлялись похожие. На роль «поджигателя», «стрелка-злоумышленника», «взрывника» обязательно избирался какой-нибудь безответственный субъект, про которого можно было сказать, что он связан с коммунистами, а если не с коммунистами, то с «левыми». Гриншпана захватили на месте преступления. Ван дер Люббе поймали с канистрой бензина в здании рейхстага. Эльсера арестовали на немецко-швейцарской границе с открыткой (или даже с двумя открытками) в кармане, изображавшей зал Бюргербройкеллера и колонну, куда была спрятана

«адская машина». На этой колонне стоял крест, сделанный рукой Эльсера.

Довольно странно. Почему, собственно, Эльсер не бежал сразу? Но оказывается, после взрыва он еще раз вернулся в Мюнхен — боялся не узнать, сработала ли «адская машина». Мы уже не говорим об открытке с крестом. Эту улику уничтожить было совсем нетрудно.

Позже многие историки (со слов гестаповцев) утверждали, что Эльсер был гениальный изобретатель-самоучка: свою бомбу он якобы спрятал за 10 дней до взрыва и поставил взрывное устройство на определенный час. Но теперь известно, что таких бомб и таких взрывных устройств в ту пору не существовало. Кстати, Шелленберг, великий мастер по части шпионско-технических новинок, утверждал, что «адская машина» Эльсера представляла собой «усовершенствованный будильник». И раз этот «будильник» нельзя было поставить за 10 дней до появления Гитлера, стало быть, его надо было устанавливать в присутствии эсэсовских охранников, которые, естественно, готовили зал для торжественной церемонии с участием Гитлера. А Эльсер должен был подпиливать деревянную колонну, вынимать оттуда куски дерева; вставляя «будильник», опять обшивать колонну дубом. Правда, он был столяр-краснодеревщик. Однако и столяры не волшебники...

Главное, уже после первого допроса Эльсер признался, что именно он поставил «адскую машину», признался также, что его брат был коммунистом... Следовательно, он мстил за брата, которого засадили в концлагерь. Первый подсудимый для громкого процесса был готов¹.

Впрочем, скромный столяр с открыткой являлся — по замыслам гестаповцев — лишь последним звеном в длинной цепи преступников. Главных обвиняемых должна была поставить СД-заграница, служба безопасности, в ходе так называемой «операции Венло».

«Операция Венло» продолжалась довольно долго — с 15 октября по 9 ноября 1939 г., — и проводил ее сам шеф СД-заграница Шелленберг. Теперь о ней известно очень подробно, но мы попытаемся рассказать о Венло кратко.

Гитлеровской разведке удалось наладить связь с агентами

¹ Историк Э. Калик сообщает: «Незадолго до взрыва в Бюргербройкеллере Канарис сказал своему другу и подчиненному Остеру, который уже тогда пытался наладить связи с Западом, что со дня на день надо ждать от гестапо какой-либо провокации: либо будет инсценировано нападение на Гитлера в Мюнхене, либо бомбу найдут в машине фюрера». Э. Калик считает, что подобного рода слухи могли курсировать в Германии среди крупных чиновников, связанных с разведкой. И очевидно, Остеру слух мог пригодиться — ему надо было показать Западу свою и Канариса «приобщенность» к тайнам верхушки коричневого рейха.

британской Интеллидженс сервис. Некий Фишер (по другим источникам, его фамилия была Франц) убедил англичан в том, что в Германии в среде офицерства существует большая оппозиционная группа, жаждущая контактов с Западом. Сперва Фишер (или Франц) влачил нищенское существование в Париже, потом перебрался в Нидерланды. Здесь и произошла первая встреча двух британских разведчиков — майора Стивенса и капитана Беста, офицера голландской разведки Клоопа с мнимым представителем офицерской оппозиции капитаном Шеммелем. Роль капитана Шеммеля взял на себя Шелленберг (англичанин и голландец, впрочем, тоже выступали под вымышленными фамилиями). На следующей встрече появился и немецкий «генерал», душа заговора, а в действительности известный берлинский психиатр де Кринис, который был тесно связан с нацистскими карательно-шпионскими органами¹.

Согласно мемуарам Шелленберга, он вел свою «игру» с английской разведкой лишь с целью запутать ее, поставить ложный материал. Однако «операция Венло» была только частью подготовляемой Гитлером — Гиммлером провокации со взрывом в Бюргербройкеллере. Как ни петляет Шелленберг, как ни врет, ему не удастся скрыть двух уличающих нацистских шпионов фактов. Уже утром 8 ноября, то есть до взрыва, была создана группа из 12 отъявленных головорезов под предводительством Науйокса, того самого, который провел позже «операцию Глейвиц» — повод для нападения на Польшу. А Шелленберг договорился о новой встрече с английскими разведчиками, пообещав привести на нее «главного немецкого заговорщика». На сей раз встреча должна была состояться на самой нидерландской границе в местечке Венло. Дескать, «главный заговорщик» не желал углубляться на нидерландскую территорию. Одним словом, мы видим, что еще до покушения на Гитлера Шелленберг приготовил все для того, чтобы похитить английских разведчиков. И напрасно он уверяет в своих мемуарах, что мысль о похищении пришла в голову не ему и не Гиммлеру, а разъяренному Гитлеру, который чуть было не стал жертвой «адской машины»...

В общем, по указанию Гитлера Шелленберг перенес встречу на 9-е. А далее события развивались, как в дешевом американском детективе. 9 ноября в 15 часов Шелленберг сидел в кафе в Венло. Англичане запаздывали. Потом появился их черный «бьюик», Шелленберг выскочил на улицу якобы затем, чтобы встретить английских разведчиков. Из «бьюика» вышли трое агентов. В эту минуту поджидавшая их у границы машина Науйокса, свалив

¹ Впоследствии он поставлял Гиммлеру «сводки» о психическом и физическом состоянии Гитлера.

шлагбаум, на предельной скорости рванулась к «бьюику». Голландец схватился за револьвер, началась перестрелка — гиммлеровские налетчики были вооружены пулеметами. Клооп упал, тяжело раненный. Науйокс и его гангстеры схватили всех трех разведчиков и бросили в свою машину. Пока машина переезжала через границу, несколько людей Науйокса, стреляя, прикрывали ее отход. Шелленберг тоже времени не терял. Он сразу же сел в машину, на которой приехал, и умчался на безопасную немецкую территорию. Все участники этого «детektива» вскоре встретились в Дюссельдорфе. В дюссельдорфском госпитале скончался от ран Клооп, а двое британских разведчиков были посажены в тюрьму по обвинению в подготовке взрыва в Бюргербройкеллере¹.

Так и видятся аршинные заголовки в «Фелькишер беобахтер», «Ангрифе», «Штюрмере», «Дас рейхе».

«Британская разведка организует заговор против Гитлера». «Адская машина» made in Britain».

Безусловно, английская разведка должна была стать одним из двух главных обвиняемых на будущем грандиозном процессе. Вторым обвиняемым Гитлер желал видеть... Отто Штрассера, брата Грегора Штрассера, нацистского политика, который был в свое время ближайшим другом фюрера, а потом стал его жертвой. Отто Штрассер бежал на Запад, организовал там фашистский «Черный фронт», имел приверженцев и по мере возможности разоблачал нацизм в печати и по радио, пытаясь втолковать Западу, с каким страшным и коварным врагом он имеет дело. Фашист Отто Штрассер лучше кого бы то ни было знал нравы при «дворе» Гитлера, методы Гиммлера. Нацистский фюрер видел в нем ренегата и ненавидел Отто Штрассера лютой ненавистью. Немецкая разведка гонялась за ним много лет, но она была «натаскана» на грубые провокации и привыкла иметь дело с подставными лицами. С О. Штрассером ничего не получалось. Однако это, по-видимому, не смущало в ту пору ни Гиммлера, ни Гейдриха, ни Шелленберга. Как мы уже писали выше, Эльсера схватили на немецко-швейцарской границе, а Штрассер находился в Швейцарии. Стало быть, Эльсер был связан с «Черным фронтом». Такова была «логика» гестапо.

Тем не менее процесс над Эльсером так и не состоялся.

Для этого существовало много причин — столяр оказался еще более неподготовленным «злодеем», нежели Ван дер Люббе. Гитлер в 1939 г. не терял надежды на примирение с Англией. Само

¹ За «операцию Венло» Шелленберг и еще двое похитителей-бандитов получили Железный крест первой степени, а трое других — Железный крест второй степени. Впервые Гитлер наградил служащих СД, то есть шпионов, боевыми армейскими орденами.

похищение английских разведчиков было скандальным — нацисты нарушили неприкосновенность чужой территории, убили голландского подданного, схватили британских граждан и т. д. и т. п.

Думается, однако, что несостоявшийся процесс объясняется следующей причиной: у Гитлера еще не выветрился из памяти страх, который нагнало на него лейпцигское судилище, он еще помнил лепет Ван дер Люббе, обличения Димитрова, жалкие крики провалившегося «свидетеля» Геринга, гигантское возмущение нацистским фарсом, охватившее весь мир.

Гиммлер, Гейдрих и Шелленберг, непосредственные организаторы взрыва и покушения, быстро дали задний ход. В то время как геббельсовская пропагандистская машина еще работала на полных оборотах, увязывая британскую разведку с Отто Штрассером, а Отто Штрассера с братом Эльсера, коммунистом, и разжигала ненависть немецкого обывателя к Западу, к «отступникам» и к большевизму, из официальных источников стали просачиваться слухи о том, что мюнхенский столяр был единственным организатором взрыва. Столяра посадили в концлагерь Заксенхаузен, потом перевели в Дахау. Он сидел в бараке для привилегированных узников. Смастерил себе цитру и играл на ней. В 1945 г., накануне разгрома фашистской Германии, Эльсера убили. Тому же Шелленбергу не нужны были лишние свидетели, уже само сравнительно мягкое обращение с Эльсером показывает, что он был всего лишь орудием в руках гестапо. Мы ведь знаем, с какой беспрецедентной жестокостью уничтожил Гиммлер буквально всех людей, причастных к покушению на Гитлера 20 июля 1944 г.

Стивенса и Беста также отправили в Заксенхаузен, где они просидели вплоть до 1945 г. и были освобождены после капитуляции гитлеровской Германии.

В своих воспоминаниях Шелленберг приписывает себе заслугу столь необычно «гуманного» обращения Гиммлера и Гитлера с английскими агентами. Но спасло англичан то, что после начала войны верхушка рейха делала ставку на возможность сепаратного мира с Западом. По расчетам фюрера, Бест и Стивенс могли бы в случае готовности Англии к переговорам оказаться удобными посредниками для налаживания связей с британским правительством. Поэтому фюрер отвергал всякие планы обмена британских разведчиков на пойманных в Англии германских шпионов. Характерно, что, в отличие от английских разведчиков, большинство немецких свидетелей «операции Венло» были по приказу Гейдриха ликвидированы.

Всю эту аферу Гитлер все же сумел использовать в своих политических целях. Поскольку было доказано, что нидерландская разведка сотрудничала с английской, он получил повод для обви-

нения в нарушении нейтралитета. Это облегчило нацистам проведение агрессии против Нидерландов.

Накануне войны усилилась слежка не только за «потенциальными врагами» рейха вообще, но и за определенными лицами из дипломатического корпуса и высших чинов нацистского государства, в той или иной степени связанных с иностранцами.

Для этой цели по личной инициативе Гейдриха было создано нечто вроде... гестаповского публичного дома, хотя и без красного фонаря и прочих атрибутов подобных заведений. Напротив, дамы, обслуживавшие этот дом, вербовались сплошь и рядом из аристократических кругов и должны были обладать хорошими манерами. Все они служили в гестапо, включая кельнеров, судомоек и прочий обслуживающий персонал. И сведения, полученные от клиентов, должны были передаваться в гестапо. Гейдрих назвал сие заведение «Салон Китти». Он распорядился выделить роскошную виллу для «салона», а главное, оснастить его новейшей для того времени техникой подслушивания. В «Салоне Китти» все стены в прямом смысле этого слова «имели уши». В них замуровали гестаповскую аппаратуру. То, что говорилось в отдельных комнатах, вернее номерах, записывалось и передавалось в центральное управление гестапо.

Наиболее подробное и достоверное (поскольку оно исходило, так сказать, из первоисточника) описание «салона» оставил в своих мемуарах Шелленберг. Свой хвастливый рассказ Шелленберг заключает следующими словами: «Салон Китти» давал нам отличную информацию. Крупной «рыбой», которая попала в сети «салона», среди прочих был имперский министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, он появлялся там довольно часто, не подозревая, кто «сервирует» ему удовольствия. Среди иностранных посетителей одной из наиболее интересных фигур, попавших в сети «Салона Китти», был итальянский министр иностранных дел граф Чиано, который в один из визитов в Берлин вместе со своим дипломатическим штабом пользовался услугами «Салона Китти». Шелленберг сообщает также, что Гейдрих пожаловался рейхсфюреру СС на то, что при одном из его посещений «салона» аппарат подслушивания оказался невыключенным. «Рейхсфюрер СС,— пишет Шелленберг,— был крайне возмущен этим случаем и потребовал от меня (то есть Шелленберга.— Авт.) объяснения, которое могло бы оправдать недосмотр». «Поводом для этой сцены,— добавляет Шелленберг,— могли быть подозрения, зародившиеся у Гейдриха по поводу того, что я якобы поддерживаю неподобающие отношения с его (Гейдриха.— Авт.) женой». Оставив на совести автора это объяснение. Впрочем, слово «совесть» в данном случае неприменимо. Думается, что Гейдрих боялся не за честь своей жены, а того, что Шелленберг захочет иметь досье на своего

непосредственного начальника, чтобы при случае шантажировать и его. В связи с объяснениями, которые потребовал Гиммлер от Шелленберга, последний делает вывод: «Эта история была для меня первым предупреждением. Я понял, что отныне должен быть начеку в своих отношениях с Гейдрихом».

Замечание Шелленберга, да и само существование «салона», может служить дополнительным штрихом к характеристике нравов, господствовавших при «дворе» Гиммлера. Воистину там не брезгали ничем.

«ПЯТАЯ КОЛОННА»

Термин «пятая колонна» в исторической литературе стал настолько привычен, что мало кто задумывается над его происхождением.

В самом деле: почему «пятая»? И при чем тут «колонна»?

Ответ на этот вопрос можно дать, только вспомнив исторический контекст, породивший этот термин, и цепь исторических ассоциаций, возникающих в умах людей, когда они употребляют данное словосочетание.

Возникло оно во времена смертельной схватки защитников Испанской республики с мятежниками, вооруженными до зубов нацистами и их итало-германскими пособниками в 1936—1938 гг.

Тогда мятежники и их фашистские покровители организовали наступление на революционный Мадрид четырьмя колоннами. Но при этом хвастались, что располагают еще «пятой колонной», находящейся в самом городе и готовой атаковать защитников города с тыла. В начале войны четыре колонны, наступавшие на Мадрид, расстреливали всех пленных. Но и в этой обстановке люди из «пятой колонны» оказались еще более жестокими.

Опыт, доставшийся республиканцам большой кровью, был описан Эрнестом Хемингуэем в его знаменитой пьесе «Пятая колонна», над которой автор работал с осени до весны 1937 г.

С тех пор термин «пятая колонна» получил новый, более широкий смысл. Он стал применяться по отношению ко всем предателям, поступившим в услужение к врагу, ко всем коллаборационистам, сотрудничавшим с нацистами после захвата родины, а также подготовлявшим германскую агрессию «изнутри».

Сотрудник Амстердамского государственного института военной документации Луи де Йонг определяет предмет своего труда, посвященного «пятой колонне», как попытку дать описание подрывной работы, которую вели за пределами нацистской Германии различные организации и учреждения накануне и в ходе второй мировой войны. Сюда он относит враждебную пропаганду, подкуп государственных деятелей, шпионаж, диверсии и саботаж.

«Пятые колонны» являлись весьма пестрым образованием, однако всегда связанным с работой секретных служб. Размах их деятельности велик, и живучесть, которую мы наблюдали в прошлом и которая проявляется даже в настоящем, — огромна.

Еще в начале гитлеровской «эры» было создано так называемое внешнеполитическое ведомство НСДАП. Указ о создании этого ведомства был подписан 1 апреля 1933 г., первым руководителем его стал Розенберг — один из «идеологов» нацизма, специалист по вопросам «борьбы с большевизмом», как он сам себя называл. Западногерманский исследователь Броскат утверждает, что Розенберг был на первых порах «своего рода антиподом министру иностранных дел фон Нейрату». Он стремился придать германской внешней политике особо антикоммунистический характер, устанавливая контакты с фашистскими и полуфашистскими партиями и группами за рубежом и антикоммунистическими элементами, нашедшими убежище в самой Германии. Практически это означало, что Розенберг и его ведомство взяли на себя руководство и финансирование деятельности пронацистски настроенных групп особенно в Англии и в некоторых соседних с гитлеровской Германией странах. Розенберг стал активно проводить курс на «идеологизацию» внешней политики Германии и на полное подчинение дипломатии целям подготовки гитлеровской агрессии. Внешнеполитическое ведомство НСДАП превратилось в центр обучения кадров нацистского «движения» за рубежом.

Несколько позднее, когда на пост министра иностранных дел был выдвинут Риббентроп, ему удалось добиться согласия Гитлера и создать свое собственное ведомство для подрывной деятельности за границей. Оно стало называться «бюро Риббентропа» и было подчинено непосредственно фюреру.

Что касается «пятых колонн», то руководили ими как министерство иностранных дел, так и «бюро Риббентропа».

Наконец, огромную роль в сколачивании «пятых колонн» играла внешнеполитическая организация, подчинявшаяся непосредственно партийной канцелярии НСДАП. Вождем ее стал гаулейтер Вильгельм Боле, занявший одновременно пост статс-секретаря (то есть заместителя министра) иностранных дел Германии. Членами внешнеполитической организации могли быть лишь граждане рейха, проживавшие за границей. Постепенно ведомство Боле стало занимать все более видное место в партийной иерархии. В 1936 г. оно было приравнено к областной организации (гау). Официально его именовали 43-й провинцией (гау) «третьего рейха». В самом этом факте наша свое выражение претензия нацистского руководства на то, что оно представляет «всех немцев», как внутри Германии, так и вне ее, и что оно не намерено считаться с территориальными реальностями, сложившимися к тому времени.

Итак, организация, руководимая Боле, формально подчинила себе лишь тех немцев, которые имели немецкое гражданство и жили за границей. В действительности организация обросла большим «активом», выполнявшим директивы нацистских фюреров. Она действовала в непосредственном контакте с германскими посольствами и консульствами за границей и имела тесные связи с многочисленными филиалами германских монополий.

Таким образом, гау Боле с полным правом можно рассматривать как одну из важных организаций «пятой колонны». Нацисты широко использовали людей Боле для создания шпионско-диверсионной сети, которая в свою очередь налаживала связи с пронацистски настроенными элементами в зарубежных государствах.

Однако, как справедливо отмечает де Йонг, было бы в корне неправильно включить всех немцев, проживавших за пределами рейха, в «пятую колонну». Это означало бы стереть различие между фашистскими подрывными элементами и массой антифашистов, боровшихся мужественно и стойко против нацизма в тех странах, где они проживали испокон веку или нашли политическое убежище¹.

В 1937 г. дипломатическая служба нацистской Германии была реорганизована, чтобы облегчить деятельность пронацистских элементов в зарубежных странах. Дипломатический и консульский персонал германских посольств за границей был объединен в так называемые «особые местные группы». Одновременно была принята реорганизация структуры и ведомства Боле. Оно было разделено на ячейки и «опорные пункты», которые проводили свою работу непосредственно на местах. В их задачу входило налаживание тесных контактов с людьми, симпатизировавшими нацистской Германии. Кроме того, были образованы группы, которые вели работу по принципу профессиональной принадлежности. И это значительно расширило круг людей, которые могли быть вовлечены в немецкую агентуру. Наконец, из состава дипломатического корпуса были выделены специалисты, имевшие широкие связи в деловом и промышленном мире. Деятельность их была тщательно законспирирована.

В целом возник огромный аппарат, подчиненный общей задаче: охватить за границей как можно большее число лиц во всех сферах

¹ До нас дошли многочисленные документы, свидетельствующие о том, что, вступив в ту или иную страну, службы гестапо и СД прежде всего арестовывали по заранее составленным спискам всех немцев-антифашистов — эмигрантов и абригенов. Известно также, что многие из жителей оккупированных гитлеровцами стран, которых ведомство Гимmlера объявляло «арийцами», отказывались от этой «чести», желая разделить трагическую судьбу своих сограждан. Рейхсфюрер СС и его присные не раз повторяли, что эти «голубоглазые и светловолосые» люди с «чистой кровью» — самые опасные враги и по сему подлежат истреблению.

жизни для ведения подрывной работы в интересах рейха. Один из западных исследователей справедливо называет эту организацию «копьем, направленным в самое сердце стран, избранных стать жертвами немецкой агрессии в Европе».

Но так как весь гитлеровский механизм был сугубо бюрократическим образованием, то нацисты ввели определенную классификацию своих агентов. Немцы, жившие за границей, были разделены на категории, которым надлежало исполнять разные обязанности.

Согласно учебнику, изданному в нацистской Германии для работников юстиции в 1941 г., основным критерием того или иного немца стала его «расовая характеристика», то есть наличие так называемых «расовых признаков». В соответствии с категорией, к которой был отнесен немец, проживавший за границей, ему и поручались разные функции в нацистской «пятой колонне».

Первая категория носила название «фольксгеноссе». Она состояла из лиц «немецкой крови», которые были включены в так называемую «народную общность».

Ссылаясь на параграф 4 программы НСДАП, к «фольксгеноссе» принадлежали лица «чисто арийской расы». Поэтому «народная общность», согласно учебнику, была не просто правовым понятием, а «общностью людей, состоявших в кровном родстве». Одновременно авторы учебника подчеркивали, что «народная общность» предполагала и идеологическое родство. На языке, заимствованном из учебника нацистской юриспруденции, это звучало так: «Фольксгеноссе может быть также и тот, кто верит в существование арийского кровного родства и связан с деятельностью германской общности».

Вторая категория именовалась просто «немцем». К этой категории относился уже более широкий круг лиц. Прежде всего это касалось людей немецкой национальности, которые проживали постоянно за границей и вместе с тем были «связаны по крови и мировоззрению с немецким народом». Такое определение дало возможность причислить к «немецкой общности» всех лиц, являвшихся гражданами других государств. Они не только имели право, но и обязаны были создавать свои особые организации, связанные с германским рейхом. Именно из этих двух категорий нацисты черпали наибольшее число кадров, составлявших «пятые колонны». Таким образом, теоретические рассуждения нацистских юристов имели сугубо практическое значение для подготовки «идейных основ» нацистской агрессии против западноевропейских стран.

Далее, согласно учебнику, существовали еще две категории, являвшиеся как бы резервом для пополнения «пятых колонн». Их вербовали из числа людей, составлявших национальные меньшинства.

К этой же категории относились лица немецкой национальности, близкие по крови к арийцам или «тяготевшие к ним». Среди них проводилась активная работа соответствующих идеологических ведомств.

Некоторые западногерманские исследователи утверждают, будто эффективность деятельности «пятых колонн» была сравнительно небольшой ввиду «распыленности» руководимых ими инстанций, отсутствия координации и известного параллелизма.

Действительно, число ведомств, которые занимались немецкими нацменьшинствами в европейских странах и «пятыми колоннами», непрерывно росло. Кроме уже перечисленных (Розенберга, Боле и «бюро Риббентропа») надо отметить еще VI отдел РСХА, возглавляемый Шелленбергом, военную разведку (абвер) под руководством Канариса и разного рода «координационные центры», как, например, «Ассоциацию фольксдойче», «Совет немцев, проживающих за границей», «Посредническое бюро по связи с фольксдойче», «Бюро по возвращению фольксдойче на родину» и т. д. и т. п.

Однако на самом деле функции этих организаций были разграничены, и когда возникала необходимость, их объединенные действия лишь усиливали эффективность подрывной работы.

Кроме всех перечисленных учреждений, занимавшихся непосредственно за границей, или, скажем точнее, будущими жертвами нацистской агрессии, свое черное дело творило, как мы писали, и ведомство Шелленберга (СД-заграница). Оно ставило своей целью организацию прямых актов саботажа и физического террора, «устранение» противников нацистского режима в других странах. Иногда их убивали, иногда похищали и сажали в концлагеря. Касалось это и антифашистски настроенных лиц или даже просто прогрессивных зарубежных деятелей — активистов профсоюзного движения, интеллектуалов.

Де Йонг справедливо отмечает, что одной из целей таких акций было распространение паники среди мирного населения, запугивание его.

Служба Шелленберга имела в своем распоряжении большое число профессиональных убийц, которые рассылались в различные страны. Организация государственного террора, то есть террора, оплаченного нацистскими имперскими органами, была одним из важных «изобретений» «империи Гимmlера». Как известно, опыт государственного террора широко используется и поныне секретными службами капиталистических стран.

Конечно, между, так сказать, «легальной» деятельностью «пятых колонн» в западноевропейских странах и подпольной деятельностью нацистских террористов существовало определенное различие.

Однако не надо забывать, что и работа «пятых колонн» носила диверсионный характер, была направлена в первую очередь на разложение тыла будущих противников Германии.

Чтобы показать размах чисто «просветительской» деятельности «пятых колонн», приведем всего лишь несколько примеров.

За пределами Германии в 1936 г. издавалось 1500 газет и журналов на немецком языке, причем многие из них (если не большинство, как об этом пишет ряд исследователей) не только сочувственно относились к нацизму, но и выступали прямыми пособниками при распространении нацистской пропаганды. Прогитлеровская пресса в 30-е годы явно превалировала над антифашистской печатью, ибо она широко финансировалась и нацистским государством, и местными фашистскими группами.

В соседних с Германией странах существовала также широкая сеть немецких школ (в 1936 г. их было 5 тыс.), причем преподаватели этих школ очень часто были пронацистски настроены.

Немецкие антифашисты немало сделали для того, чтобы разоблачить происки гитлеровской агентуры, но антикоммунистические настроения, господствовавшие в правящих кругах самих западноевропейских государств, к сожалению, сплошь и рядом вели либо к прямому, либо косвенному поощрению профашистской деятельности.

Тем не менее нельзя пройти мимо некоторых акций антифашистов в Праге, Амстердаме, Лондоне и Париже.

В 1935 г. в Париже была опубликована книга, содержавшая некоторые итоговые данные о происках нацистских агентов в Западной Европе. Она вышла под названием: «Коричневая сеть. Как работают гитлеровские агенты за границей, подготавливая войну». Книга сыграла немалую роль для разоблачения работы «пятых колонн». В частности, в ней рассказано, что в марте 1935 г. было созвано совещание руководителей немецких «пятых колонн» в Европе, в котором принимал участие сам Гиммлер. В руки немецких антифашистов попали отрывки из протокола этого совещания. Из протокола следовало, что в странах Западной Европы имелось к тому времени почти 2500 платных агентов и 20 тыс. «добровольцев», работавших на немецкую разведку «по идеологическим соображениям», или, как значится в нацистских документах, «из сочувствия к нацизму и к его антибольшевистской направленности».

«Третий рейх», как явствует из той же книги, израсходовал более 250 млн марок на пропаганду и организацию работы «пятых колонн». Авторы книги опубликовали поименный список 590 крупных нацистских пропагандистов, агентов, осведомителей и шпионов, действовавших за пределами Германии. Естественно, что это была лишь небольшая часть гитлеровской агентуры.

Само собой разумеется, что, чем интенсивнее гитлеровцы готовились к войне, тем больше активизировались «пятые колонны». Одновременно росла их зависимость от аппарата насилия, от ведомства Шелленберга и абвера.

В целом можно сказать, что ко времени, когда Гитлер дал сигнал к началу открытой агрессии против ряда западноевропейских стран, он обладал обширной и достаточно обученной, организованной и сплоченной агентурой, готовой вступить в действие по приказу из рейха. И большую роль в этом сыграли именно Шелленберг и Канарис.

Как известно, первыми жертвами, на которых были испробованы методы «пятых колонн», стали Австрия и Чехословакия.

Что касается Австрии, то при подготовке оккупации страны прошла целая серия кровавых провокаций местных австрийских нацистов (они убили австрийского канцлера Дольфуса). Лидером нацистов в Австрии был Зейсс-Инкварт. Известна его роль в трагедии страны. Им была организована банда диверсантов, избравших своими жертвами ведущих деятелей всех партий Австрии, развязавших широкомасштабный террор, в результате чего погибли тысячи людей. К этому надо добавить, что нацистская организация Австрии, руководимая Зейсс-Инквартом, проводила (на немецкие деньги) широкую националистическую пропаганду, основанную на тезисе «общности крови» австрийцев и немцев и «необходимости их воссоединения в едином рейхе».

Следует отметить, что такая пропаганда оказалась исключительно эффективной.

Операция по уничтожению самостоятельности Австрии носила кодовое название «план Отто». Она прошла на редкость легко — колонны германского вермахта вступили на чужую территорию, фактически не встречая сопротивления. В приказе Гитлера, изданном до вторжения нацистских войск в Австрию, в частности, говорилось: «В интересах рейха придать нашим действиям характер мирного вхождения в страну без применения оружия и с одобрения населения...» «Однако там, где мы встретим отпор, — говорилось далее в приказе Гитлера, — необходимо действовать беспощадно, не жалея пуль».

Въезд фюрера в Вену был обставлен с небывалой помпой. По всему маршруту, ведущему в будущую резиденцию Гитлера в австрийской столице, были выстроены «ликующие толпы».

Колонны немецкого вермахта, следовавшие за кортежем машин, сопровождавших Гитлера и его охрану, забрасывали цветами специально подобранные девицы чисто «германского» вида. В одной из этих машин находился и Гиммлер. Он вступил в Вену вместе с фюрером. В ту же ночь 13 марта 1938 г. были произведены массовые аресты среди населения, главным образом забирали коммунистов

и прогрессивных общественных и политических деятелей. Австрия стала частью гиммлеровской «империи концлагерей». На ее земле появилась и колючая проволока, и филиалы гестапо и СД.

Гиммлер был также в центре событий, предшествовавших агрессии против Чехословакии. Он один из первых прибыл в Прагу. И его люди обосновались там до конца войны.

Очень убедительно и подробно рассказано о работе «пятых колонн» в Чехословакии в книге чешских историков Станислава Бирмана и Романа Цилека «План Грюн» и Мюнхенское соглашение. Документальный очерк».

Всего в Чехословакии было 3 млн немцев. Соответствующую работу среди них нацисты начали вести сразу после 1933 г. Возглавил ее ярый фашист, бывший учитель гимнастики Конрад Генлейн. Генлейну удалось привлечь к своей организации большое число лиц немецкой национальности. Живя в Чехословакии, генлейновцы заявляли, что они подчиняются не президенту Бенешу, а Гитлеру...

Итак, судетские немцы «признали» Гитлера своим фюрером еще будучи гражданами Чехословацкой республики. Так шло дело по одну сторону границы, по другую же сторону, то есть на немецкой территории, в непосредственной близости от границы, абвер и СД создавали свои «опорные пункты».

Особо оживились группы Генлейна в пограничных областях в марте 1938 г., накануне нападения Гитлера на Чехословакию. Перед ними была поставлена совершенно конкретная задача: в «час Н», то есть в первые же минуты войны, занять местные оборонительные пункты и регулярно поставлять информацию о том, что творится в стране. Все члены генлейновской организации получили специальные билеты с фотографиями.

Увеличился и приток агентов из рейха. Под их руководством проводились регулярные военные учения генлейновцев, в том числе по ночам. В это же время сотни функционеров «судетского движения» переправлялись в Германию. Обставлялось это своеобразно: немцы уезжали в рейх на «работу», так как их якобы не трудоустроивали на родине. В Германии же они сразу шли в СД или в абвер, а оттуда их посылали в специальные лагеря для военного обучения под руководством эсэсовцев.

Все эти люди становились впоследствии платными агентами.

На первых порах агенты занимались нелегальным провозом оружия в Чехословакию, его хранением, актами саботажа на важных военных объектах. Потом были созданы «сотни», которые по телеграфу или через коротковолновые передатчики получали инструкции от СД и отдела I абвера (им руководил обергруппенфюрер Лоренц) и распространяли их по нужным адресам.

Накануне вступления гитлеровских войск в Чехословакию Генлейн писал Лоренцу в абвер:

«Мне кажется, лучше всего, если Вы будете давать указания прямо в Бад-Эльстер, где мы создадим центр для всех «доверенных лиц» из всех округов. Я представляю себе последующую работу так: мы укрепимся в округах, примыкающих к границе, и на всех переходах через границу. В каждом округе мы устроим опорные пункты для наших людей, а оттуда они будут иметь прямую связь с немецкой стороной в Бад-Эльстере».

Это, так сказать, «встречный план» Генлейна в ответ на сценарий, разработанный в Берлине.

И все это происходило на глазах у чехословацких властей, которые хотя и обладали тогда реальной силой, но были чрезвычайно нерешительны, боялись «обидеть» Германию, всячески заигрывали со своими «фольксдойче» и с германскими головорезами в рейхе.

«Час Н» приближался, и генлейновцы оказались отлично подготовленными к тому, чтобы встретить нацистский вермахт, — у них было и достаточно оружия. Прекрасно работала информационная служба судетских немцев. По свидетельству иностранных корреспондентов (а в Чехословакии собрался тогда весь цвет западной журналистики — и Липпман, и Ширер, и многие другие), в роковые дни 1938 г. правительственные чиновники, ответственные за информацию, кончали свой рабочий день, как всегда, рано. «Не в министерстве иностранных дел, — пишут Бирман и Цилек, — а в пресс-бюро «Немецкого дома» — центра фольксдойче можно было получить свежую информацию». Разумеется, соответствующим образом препарированную.

Нечего и говорить, что, когда «час Н» пробил, генлейновцы кроме всего прочего сразу же снабдили вторгшихся нацистов и подробными картами страны, и длинными списками антифашистов, с которыми гестапо не преминуло расправиться.

Мы знаем, что там, где была «пятая колонна», нападали из-за угла, убивали ни в чем не повинных людей, устраивали различные провокации. Много еще кровавых преступлений «пятых колонн» не раскрыто до конца. И не похоже, что западное правосудие заинтересовано в этом.

Говоря о «пятых колоннах», нельзя не вспомнить самого крупного агента нацистов за границей, лидера профашистской норвежской партии «Насьонал замлинг» («Национальный сбор») Видкуна Квислинга. В 1930 г. ему удалось занять в норвежском правительстве один из ключевых постов — пост министра обороны. В 1933 г. он стал председателем партии «Насьонал замлинг», преследовавшей явно подрывные цели. С тех пор Квислинг активно подготавливал оккупацию собственной страны.

Одним из первых мероприятий на этом пути было установление прямой связи с руководителем внешнеполитического ведомства НСДАП Розенбергом.

В начале лета 1939 г., еще до того, как гитлеровская Германия развязала вторую мировую войну, Квислинг прибыл в Берлин для переговоров с ведомством Розенберга. Речь шла о конкретной программе для банды из «Насьонал замлинг», программе по разложению норвежского тыла и организации диверсионно-подрывных акций на побережье, где предполагалась высадка немецких войск. В Берлине Квислинг встретился также с Герингом, с ним он вел переговоры о «субсидии» для норвежских фашистов в размере 6 млн марок. Правда, такой огромной по тем временам суммы Квислингу не удалось выторговать у Геринга. Однако в кассу организации Квислинга было переведено в общей сложности не так уж мало — 500 тыс. английских фунтов стерлингов — валюты, в которой норвежские фашисты особенно нуждались.

Особо активизировалась «пятая колонна» после начала гитлеровской агрессии в Западной Европе. Ядовитые семена провокаций, подкупа и разложения тыла западноевропейских стран дали свои пышные всходы. Имя Квислинга — предателя своей родины, главаря «пятой колонны» — в Норвегии стало нарицательным. Квислинговцами по сию пору именуют всех предателей родины на Западе, служивших нацистской Германии.

ПОЛЬША — «ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ» ГЕНОЦИДА

В задачу данной книги не входит рассмотрение военных кампаний Гитлера, нас интересует лишь та роль, которую сыграли при этом служба безопасности, гестапо и прочие органы «империи Гимmlера». И все же следует напомнить о некоторых уже известных советскому читателю фактах, связанных с фашистской агрессией.

Известно: чтобы создать повод для нападения на Польшу, Гитлер пошел на гнусную провокацию, состряннанную разведками, — инсценировку нападения «поляков» на радиостанцию в Глейвице, близ польско-германской границы.

Впервые некоторые детали этой операции были обнародованы на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников. Однако более или менее полная картина действий выяснилась позже — в результате множества исследований историков ГДР и ФРГ и новых материалов, обнаруженных в архивах гестапо.

В середине 60-х годов западногерманское правительство распорядилось об официальном судебном расследовании событий вокруг нападения на радиостанцию в Глейвице. Об этом расследова-

нии подробно рассказано в книге Калика, на которую мы уже неоднократно ссылались. Кратко изложим результаты экспертизы, которую проводил старший прокурор ФРГ Альфред Шипо:

1. Руководство операцией осуществлял Рейнхард Гейдрих. Непосредственное исполнение ее было поручено начальнику гестапо Мюллеру, который наблюдал за ходом операции из местного «опорного пункта» гестапо, расположенного в городе Опшельн.

2. Операция в целом делилась на три этапа.

Ответственным за первый этап был штурмбанфюрер СС Науйокс. Он подобрал группу (зондеркоманду) из шести-семи человек, которая по условленному сигналу — «бабушка умерла» — должна была напасть на радиостанцию, захватить ее и передать в эфир «воззвание польских борцов за свободу». Затем второй группе предписывалось совершить фиктивное нападение на таможду в Хохлиндене и на дом лесника в Питчене, для чего были выделены 300 эсэсовцев, 150 из которых намеревались одеть в польскую форму. И наконец, в ночь с 31 августа на 1 сентября 1939 г., после получения нового условного сигнала — «Агата» — планировалось осуществить инсценировку нападения на германскую таможду у польско-германской границы. Нападение должны были совершить эсэсовцы, переодетые в польскую форму, при этом нападающим следовало переключаться по-польски и петь польские песни. Операция была проведена «успешно», таможду эсэсовцы заняли, а здание разрушили.

В тот же вечер было инсценировано нападение на дом лесника. Между 20 и 22 часами. Переодетые эсэсовцы захватили дом и нескольких «польских пленных». Эту операцию поручили особому отряду, действовавшему отдельно от других участников.

В течение всего хода провокаций поддерживался постоянный контакт между Гиммлером и Гитлером, который, естественно, был полностью информирован обо всех деталях происходящего.

Было подсчитано, что всего в этой провокации прямо или косвенно участвовало 300 «статистов» и 40 чиновников гестапо. В общей сложности в нее было вовлечено не менее 2 тыс. жителей пограничной зоны, не имевших, разумеется, никакого представления о том, в каком дьявольском фарсе они задействованы.

Следует особо упомянуть об активном участии в провокации в Глейвице вермахта, поскольку западная пропаганда отрицает причастность нацистских вооруженных сил к преступлениям гестапо и других тайных служб гитлеровской империи в подготовке войны.

В действительности же о предстоящих действиях был заранее информирован начальник генерального штаба сухопутных сил Гальдер, который 17 августа поставил об этом в известность руководителя военной разведки (абвера) Канариса и приказал выде-

лить для осуществления провокации польские военные мундиры и передать их команде СС, имитировавшей нападение поляков на немецкую территорию.

1 сентября в 0 часов 45 минут гитлеровские орды вторглись в Польшу. 3 сентября Англия и Франция объявили, что они находятся в состоянии войны с Германией. Вторая мировая война стала реальностью.

Оценивая значение этого события для аппарата насилия, французский историк Калик справедливо замечает: «В новой ситуации, когда большая война стала фактом, влияние аппарата секретных служб значительно возросло». При этом оказалось, что именно служба СС лучше всего была подготовлена к войне: Гиммлер и Гейдрих хорошо знали, какую роль будут играть отряды СС в оккупационной политике, и заранее к этому готовились. Они приняли своевременно меры не только для вовлечения армии в провокации, послужившие поводом к войне, но и получили официальное согласие вермахта на действия гестаповских отрядов в тылу германских войск.

Калик пишет по этому поводу: «Он (Гейдрих.— Авт.) был заинтересован в том, чтобы армия оказалась сильно замешанной в кровавой бойне». Таким образом, продолжает Калик, возникла «кооперация СС и вермахта и координация их действий».

Польша стала важным «опытным полем» для проверки эффективности сотрудничества СС и вермахта. После польской кампании Гиммлер убедился в полном послушании армейского руководства, когда дело касалось программы геноцида.

Легкая победа над Польшей вскружила голову рейхсфюреру СС. К тому же Гиммлеру были хорошо известны дальнейшие планы Гитлера на Востоке — нападение на Советский Союз, попытка сокрушить первое в мире социалистическое государство и превратить народы СССР в рабов немецкой расы господ, то есть германского монополистического капитала.

С весны 1940 г. полным ходом шла выработка оперативного «плана Барбаросса» — плана агрессии против Советского Союза. Однако по воле фюрера сначала следовало расправиться с противниками рейха на Западе. Готовился сокрушительный удар по Франции и некоторым другим западноевропейским странам.

А на Востоке тем временем были приняты меры, чтобы максимально ускорить реализацию предначертаний рейхсфюрера СС об «освоении польского пространства».

Гиммлер нашел и исполнителей своего замысла в отношении Польши. Одним из них был обергруппенфюрер СС, начальник полиции города Люблина Одило Глобокник. Несколько слов о нем, поскольку фигура эта типичная.

В 1933 г. Глобокнику пришлось бежать из Австрии в Герма-

нию, так как его уличили в убийстве венского ювелира и он разыскивался полицией. Глобокник вступил в СС и стал одним из приближенных Гимmlера. В СС он приобрел репутацию специалиста по «мокрым» делам и в основном занимался выполнением особо «деликатных» поручений рейхсфюрера СС. В 1939 г. Глобокник дослужился до гаулейтера, но в связи с тем, что его уличили в спекуляциях, был понижен в звании. Однако, когда возникла нужда в особо жестоких и беспощадных палачах для расправы с населением Польши, Гимmlер вспомнил о Глобокнике, поручив ему осуществление планов по опустошению и колонизации польских земель.

Большая часть суверенной Польши была переименована нацистами в «генерал-губернаторство», а «генерал-губернатором» назначен Ганс Франк.

Ганс Франк предстал перед Нюрнбергским международным трибуналом и кончил свою жизнь на виселице.

Во время допросов в Нюрнберге, которые вел, в частности, в качестве эксперта американский психиатр Дж. М. Джильберт, Франк прибегнул к довольно распространенному приему — притворившись таким слабохарактерным, безвольным человеком, действовавшим по внушению «сильной личности» — фюрера. Франк хотел уверить эксперта, что страдает «раздвоением личности» и «искренне раскаивается» в содеянном. Говорил, что подчас ему кажется, будто в нем уживаются два человека: «Один — это я сам — Франк, — говорил он, — который сейчас стоит перед вами (экспертами. — Авт.), а другой — совершенно иной человек, бывший нацистский фюрер. И иногда я себя спрашиваю, как тот человек мог делать подобные дела. Один Франк видит другого Франка и как бы твердит ему: «Какая же ты вошь, Франк! Как ты мог совершать такие поступки?» Следователю Нюрнбергской тюрьмы он также пожаловался: «Ведь я такой слабый человек!»

И тот же Франк на вершине своей карьеры, будучи «вице-королем Польши» (так звали его многие подчиненные), говорил на одном из совещаний: «Не надо быть уж чересчур чувствительными и пугаться, когда мы слышим, что расстреляли, к примеру, семнадцать тысяч поляков».

Какие цели преследовали нацисты, оккупировав Польшу?

Планы гитлеровского руководства по отношению к Польше были детально обрисованы на заседании Международного Военного Трибунала в Нюрнберге, состоявшемся в декабре 1945 г.

В частности, там были представлены материалы, в которых давалась общая характеристика политики германизации и практики грабежа, осуществлявшегося немецкими оккупационными властями в Польше.

«Германизация, или онемечивание, — указывается в матери-

алах обвинений, — означает уничтожение национального характера захваченных территорий и искоренение всех элементов, которые не примут нацистской идеологии».

«Под грабежом, — говорится далее в документе обвинения, — мы понимаем разграбление общественной и частной собственности и вообще эксплуатацию народа и естественных богатств оккупированных территорий».

Характеризуя общие цели оккупационной политики нацистской администрации в Польше, обвинитель от США Гаррис указывал: «Планы в отношении Польши были довольно сложные:

1. Гитлеровцы специально ставили перед собой цель эксплуатировать людские и материальные ресурсы генерал-губернаторства Польши для того, чтобы усилить нацистскую военную машину, чтобы разорить генерал-губернаторство и превратить его в вассальное государство. На более поздней стадии были сформулированы планы создания островков немецких поселений в более плодородных районах генерал-губернаторства для того, чтобы поглотить польское население и ускорить процесс онемечивания.

2. Районы Польши, которые должны были стать частью германской империи, подлежали безжалостному онемечиванию. Для этого нацисты планировали:

а) сохранить производственные возможности в захваченных районах, с тем чтобы все, что будет производиться, использовалось военной машиной Германии;

б) ввозить в генерал-губернаторство сотни тысяч евреев, представителей интеллигенции, а также несогласных с нацистами элементов. Евреи, которые ввозились в генерал-губернаторство, были обречены на быстрое уничтожение. Более того, поскольку гитлеровцы видели, что польская интеллигенция не поддается германизации и может служить источником сопротивления, они решили уничтожить также и эту интеллигенцию;

в) вывозить всех физически годных польских граждан в Германию для работы на немецкую военную машину. Эта мера преследовала двоякую цель: во-первых, выполнить требования немецкой военной промышленности на рабочую силу, во-вторых, предотвратить рождение нового поколения поляков;

г) превратить всех жителей областей, включенных в состав германской империи, хотя бы с каплей немецкой крови, в германских подданных, которые фанатически верили бы в принципы фашизма. Для этого нацисты провели четкую систему расовой регистрации. Те, кто отказывался регистрироваться, заключались в концлагеря;

д) ввозить тысячи немецких подданных в эти включенные в империю районы для расселения их;

и, наконец,

е) конфисковать, особенно в сельских местностях, всю собственность поляков, евреев и недовольных нацистами».

Детальные указания об управлении экономикой захваченных земель были сформулированы в инструкции Геринга от 19 октября 1939 г., то есть еще на начальной стадии гитлеровской агрессии в Польше. В директиве, в частности, говорилось: «Задачи экономической политики в разных административных районах страны различаются в зависимости от того, какого района это касается, будет ли он включен политически в германскую империю, или мы имеем дело с генерал-губернаторством, которое, по всей вероятности, не будет являться частью Германии».

В первом случае следует иметь в виду реконструкцию и расширение экономики, сохранение всех производственных возможностей и источников сырья и полное включение экономики этой страны в германскую экономическую систему в самое ближайшее время.

Во втором случае с территории генерал-губернаторства следует вывозить все сырье, все материалы, весь лом, все машины, которые могут быть употреблены для германской военной экономики. Предприятия, которые не абсолютно необходимы для удовлетворения самых минимальных потребностей населения, должны быть вывезены в Германию, если только их вывоз не потребует слишком долгого времени, в противном случае они должны быть практически использованы на старом месте для работы по германским заданиям».

Воплощалась в жизнь и чудовищная программа «освобождения» Польши от наиболее активной части ее коренного населения и превращения сотен тысяч людей в рабов германской военной промышленности. Шла германизация поляков — женщин, мужчин и детей.

Естественно, что пальма первенства при проведении всех этих «мероприятий» принадлежала карательному аппарату нацистов. Впрочем, и нацистская администрация во главе с Франком делала свое дело исправно.

Переселение поляков на предназначенные для них территории на востоке страны в своего рода гетто шло полным ходом. Одновременно ни на минуту не прекращалась отправка на принудительные работы в Германию десятков тысяч поляков. Были спешно разработаны специальные «Правила обращения с поляками», насильно увезенными в Германию. Они были рассчитаны на то, чтобы превратить польских рабочих в «домашний скот» арийских рабовладельцев. В этих правилах содержалось 15 параграфов. Первый из них предусматривал, что никто из поляков не имеет права жаловаться на своего хозяина в какую-либо вышестоящую инстанцию: всем ведомствам рейха было строго запрещено прини-

мать к рассмотрению подобного рода жалобы. С 20 часов до 6 часов утра зимой и с 21 часа до 5 часов утра летом поляки не имели права покидать помещение. Полякам было запрещено пользоваться велосипедом для поездки на работу, посещать кинотеатры, слушать концерты и даже ходить в церковь. Строжайшим образом запрещалось посещение ресторанов, запрещались всякие «сходки, собрания и манифестации». Наконец, поляк не имел права пользоваться городским транспортом. Можно упомянуть и такой параграф, как запрещение полякам переходить на работу к другому хозяину без получения на то специального разрешения. Немецким хозяевам было дано право подвергать поляков телесному наказанию, «если уговоры не помогут» (именно так было написано в инструкции, разработанной гестапо).

Женщины и девушки, угнанные из Польши, часто использовались в немецких семьях в качестве прислуги, при этом члены НСДАП имели преимущество при получении польской служанки перед беспартийными. Число польских женщин, приданных в качестве бессловесных слуг немецким хозяйкам, оценивается в 400—500 тыс. человек. Разумеется, никакой зарплаты прислуга не получала.

25 января 1940 г. Франк объявил, что собирается «в кратчайшее время» депортировать миллион поляков для работы на немецких военных заводах. Эту программу можно было выполнить лишь путем устройства массовых облав на юношей и девушек в польских городах. И Франк добился, по его собственным словам, «полного успеха». Он смог уже в августе 1940 г. отрапортовать фюреру о вывозе в Германию 800 тыс. польских рабочих.

Естественно, что угон трудоспособного населения Польши в Германию сопровождался неслыханным террором. И здесь гитлеровские убийцы применяли свою излюбленную тактику «превентивных» арестов и казней. Не только все коммунисты, все левые профсоюзные деятели, но и вся интеллигенция попала в «черные списки», за ними охотились, их хватали и бросали в концлагеря.

10 мая 1940 г. гитлеровские орды напали на Францию. Франк «чутко отреагировал» на этот новый поворот в разворачивании нацистской агрессии. «Необходимо,— писал он в Берлин,— использовать то обстоятельство, что внимание общественности отвлечено от Польши, для того, чтобы ликвидировать тысячи неугодных нам поляков. Такая акция могла бы пройти вполне незаметно».

В 1939—1940 гг. нацисты начали специальную операцию, направленную против польской интеллигенции. Она получила кодовое название «Акция АБ». Непосредственное руководство акцией взял на себя РСХА, назначив своими уполномоченными обергруппенфюрера и верховного руководителя полиции и СД в «генерал-губернаторстве» Фридриха Крюгера, а также бригадефюрера

полицейскому Бруно Штреккенбаху, руководителю отдела кадров первого ведомства РСХА и заместителю Гейдриха. Двум представителям главного ведомства безопасности была придана группа эсэсовцев, присланных из Берлина. Уже в начале 1939 г. гестапо арестовало нескольких профессоров Краковского университета. Это было началом «Акции АБ». За первыми арестами последовали другие. Франк распорядился, чтобы арестованных профессоров не отправляли в Германию, а уничтожали на месте. «Нам совершенно нет смысла, — сказал он во время разговора с Крюгером и Штреккенбахом 30 мая 1940 г., — перевозить их туда, а затем обратно и потом опять в польский концентрационный лагерь. Это вызовет лишь ненужные осложнения и переписку с родными. Поэтому надо с ними поступить так, чтобы до предела упростить процедуру», то есть уничтожить быстро. Для того чтобы закрепить подобного рода практику, Франк отдал следующее распоряжение судебным инстанциям «генерал-губернаторства»: «Любая попытка судебных органов вмешиваться в дела лиц, арестованных в порядке проведения «Акции АБ», будет рассматриваться как предательство. Комиссия по расследованию ходатайств об амнистии не должна принимать заявлений от родственников арестованных».

После окончания «Акции АБ» Франк устроил прием по случаю отъезда Штреккенбаха, на котором выразил благодарность ему за проделанную «работу» (в ходе этой «работы» без суда и следствия были расстреляны 17 тыс. польских граждан). Франк провозгласил при этом следующее: «То, что вы, бригадфюрер Штреккенбах, и ваши люди сделали здесь, в генерал-губернаторстве, никогда не будет забыто немецким народом. Вы вправе не стыдиться этих дел».

В 1940—1941 гг. все более массовый характер приобретали аресты заложников и убийства поляков. Для «упрощения процедуры» полицейские полевые суды получили право исполнять приговоры на месте. «Приговоры полевых судов должны исполняться незамедлительно», — говорилось в инструкциях нацистов.

Польша стала воистину «опытным полем» для осатаневших безумцев, которые решили, что они могут перетасовывать целые народы, очищать их от «неарийских элементов», уничтожать миллионы людей, выводить «чистопородных арийцев» на манер чистопородного скота. Разумеется, немало потрудились в Польше и «расоведы». Одновременно с уничтожением части польского народа началась и массовая ликвидация евреев.

«Мы должны полностью уничтожить евреев, — сказал Франк на приеме во время совещания руководящих работников своего штаба. — Мы должны их истреблять везде, где только найдем».

В июне 1940 г. в порядке выполнения этого наказа, утвержденного самим Гитлером, на болотистой территории недалеко от

Кракова был создан лагерь истребления Освенцим. В течение последних лет правления нацистских убийц туда были свезены несколько миллионов евреев и поляков. Вскоре к этому лагерю прибавились еще два — в Майданеке и Трешлинке. Последний считался «моделью», образцом для подражания.

В дальнейшем гестапо и СД расширили свои полномочия и масштабы репрессий. Наибольшего размаха массовые убийства в лагерях смерти Освенциме и Майданеке достигли во второй половине 1943 г. и в начале 1944 г. Наряду с «селекцией» в эти годы в Польше развернулась кампания, имевшая целью установить число граждан «немецкой крови» (или поляков с примесью более 50 процентов немецкой крови) и переселить их в Германию. Гиммлеровское расовое ведомство установило четыре категории лиц, подлежащих «онемечиванию» (в зависимости от процента немецкой крови и некоторых других «расовых критериев», включая степень родства с человеком немецкой крови, «арийскую» внешность и преданность немецким оккупационным властям).

В итоге проведения этой полицейской операции около 100 тыс. поляков прошли процедуру «онемечивания». Полному «онемечиванию», то есть превращению польских граждан в «истинных немцев», подлежал лишь небольшой слой населения «генерал-губернаторства». По подсчетам польских ученых, он составил не более 3 процентов населения Польши. Остальные подлежали либо физическому уничтожению в концентрационных и «рабочих лагерях», либо угону в рабство для работы на нужды германской военной промышленности¹.

Строжайшим образом преследовались связи между немецкими женщинами и поляками и польскими женщинами и немецкими мужчинами. Немцев и немок сажали в концлагеря, а поляков и

¹ С необычайной жестокостью расправлялись эсэсовцы, как мы знаем, с «чистыми арийцами», которые не пожелали предать свою родину, Польшу. Это были воистину герои, не только разделившие скорбную участь польского народа, но и отдавшие жизнь во имя патриотического долга перед поверженной родиной. До нас дошли документы подобного рода с резолюциями: «ликвидировать». «Арийцев», не пожелавших переселиться в Германию, бросить своих польских друзей, Гиммлер, Гейдрих и их люди в Польше считали «отступниками», «рenegатами», а по мафиозным законам, действовавшим до самого конца в «империи СС», с отступниками следовало расправляться еще более изуверски, нежели с врагами.

Сохранилось письмо Гиммлера Эриху Касселю, одному из чиновников главного ведомства по расовым вопросам. В этом письме с собственноручной подписью рейхсфюрера СС приказывается: «...2) посадить в Равенсбрюк (женский лагерь смерти.— Авт.) Марию Ламбуки, стопроцентную немку, но воспринявшую польское мировоззрение. Ее сыновей 8 и 13 лет отправить в Германию, отдельно каждого. Воспитывать в интернате, не разрешать переписываться с матерью. 3) Послать на военный завод и посадить в «рабочий лагерь» Станислава Коха, немца на 75%, который отказывается от своей немецкой национальности...»

В этом списке еще несколько фамилий. А сколько таких списков было уничтожено, сожжено, потеряно...

полек убивали (вешали!). Ну а как надлежало поступать со смешанными браками, заключенными до того, как немецко-фашистские войска вошли в Польшу?

Сохранился документ, подписанный (по согласованию с РСХА) самим Франком.

«Поскольку было установлено, что в нарушение расовых законов немецкая женщина вышла в свое время замуж за польского офицера и родила от него троих детей, то ее, Брунгильду Мужинску (так звали женщину. — Авт.), и ее детей следует подвергнуть суровому наказанию». Предписывалось детей стерилизовать и передать на воспитание в один из детских домов рейха.

Вообще трудно себе представить, с каким садизмом Гиммлер и К⁰ распоряжались польскими детьми.

13 июня 1941 г. Гиммлер писал гаулейтеру Грейзеру, руководителю вновь созданной из бывших польских территорий области под названием «Вартегау». «Детей чистой расы, — писал Гиммлер, — следует отобрать у родителей и поместить в специальные детские сады или детские дома, где они получат образование. Родителям же надо сказать, что это делается *по соображениям здоровья* (курсив наш. — Авт.)».

Когда до гестапо дошли слухи, что поляки прячут детей в домах для беспризорных, чтобы избежать их «онемечивания», Гитлер отдал приказ распустить все подобного рода дома и подвергнуть детей соответствующей процедуре, чтобы установить, к какой категории можно отнести того или иного ребенка¹.

Приведем некоторые итоговые данные по выполнению акции переселения поляков и колонизации Польши. Они взяты из официальной нацистской статистики тех времен и касаются лишь части нынешней Польши, а именно бывшей территории так называемого «генерал-губернаторства». Но и эти данные достаточно красноречивы.

В общей сложности до 1943 г. у поляков было конфисковано 6 367 971 гектаров земли. К немецким колонистам перешло 703 760 крестьянских дворов и хуторов. Все они стали собственностью немцев, хлынувших из Германии по мобилизации гестапо. В основном это были так называемые «фольксдойче», то есть немцы, проживавшие раньше в различных восточноевропейских странах.

¹ Всем лицам, участвовавшим в подобного рода операциях гестапо и СД, было строжайшим образом предписано хранить молчание о своей деятельности, дабы никто из посторонних, включая членов семей, не знал, чем занимается ведомство Гиммлера. Правила сохранения тайны были настолько строгими, что за болтовню, которая могла бы привести к просачиванию сведений об акциях гестапо и СД, провинившегося могли приговорить к смертной казни. Так, одного из водителей грузовика, который в пьяном виде выболтал, что он возил людей, подлежащих уничтожению в душегубках, по приговору эсэсовского суда расстреляли.

Всего на польских землях поселились 500 тыс. «фольксдойче», что составляло около трети того числа поляков, которых изгнали из этих мест.

Послевоенные публикации — как документальные, так и исторические — дали новые материалы, характеризующие итоги господства нацистских оккупантов на польской земле. Большую ценность представляют сведения, полученные в результате работы Международной научной конференции на тему «Гитлеровский геноцид в Польше и Европе в 1939—1945 годах». В конференции, состоявшейся в Варшаве, приняли участие ученые более 20 стран, в том числе Советского Союза и других социалистических государств, а также представители международных организаций.

Начальник Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше Ч. Пишбыльский заявил, что из 2078 дней гитлеровской оккупации «не было ни одного дня без убийств и расправ, чудовищных по своей жестокости и цинизму».

В расположенных на польских землях концлагерях, указал Пишбыльский, было уничтожено 6,7 млн. человек из 7,2 млн узников. Жертвами нацистов стали граждане 51 национальности из 30 государств Европы, Америки, Азии и Африки.

В январе 1985 г. в Варшаве состоялась торжественная сессия Варшавского народного совета, посвященная 40-летию освобождения польской столицы от фашистских захватчиков. На ней присутствовали руководители ПОРП и польского государства, делегация Московского городского Совета, делегации других братских стран. Касаясь потерь, понесенных польским народом в борьбе с немецким фашизмом, участники сессии констатировали, что Польша потеряла в ходе войны 6 млн. своих граждан. В польской земле покоится 600 тыс. советских воинов, павших в боях за избавление страны от фашистской неволи.

Подробный анализ демографических, экономических и социальных последствий фашистской оккупации Польши содержится в работах ряда видных польских ученых, опубликованных в послевоенное время. Потери, нанесенные гражданскому населению Польши гитлеровскими оккупантами, были поистине огромными. Они исчисляются в 220 человек на каждую тысячу поляков. Это означает, что почти каждый четвертый гражданин Польши пал жертвой гитлеровского террора.

Столкновения между представителями отдельных ведомств, действовавших в Польше, — о них шла речь выше — объяснялись отнюдь не разногласиями по вопросам, касавшимся обращения с польским населением. Просто различные немецкие учреждения при проведении оккупационной политики в Польше преследовали свои цели — одинаково преступные.

Так, отдел вооружения Верховного командования вермахта

(под руководством генерала Томаса) был прежде всего заинтересован в использовании военной промышленности Польши для расширения производства вооружения в гитлеровском рейхе и потому иногда выступал за сохранение на местах заводов или военных объектов, которые могли бы усилить военно-промышленную мощь Германии.

Крупные военные монополии Германии рассматривали Польшу главным образом как резервуар рабочей силы (или, вернее, дарового труда польских рабочих), поэтому они, с одной стороны, требовали обеспечения бесперебойного притока рабочей силы из Польши в Германию, а с другой — принятия определенных мер для более длительной эксплуатации польской рабочей силы (поляки были поставлены в столь невыносимые условия, что быстро умирали).

Что касается Гимmlера и руководства аппаратом насилия в Польше с его многочисленными ответвлениями, сетью концентрационных и «рабочих лагерей», огромной машиной для уничтожения миллионов узников, свезенных в Польшу из всех стран Европы, то перед ними стояла лишь одна задача: скорейшее «очищение» жизненного пространства в целях колонизации Польши, уничтожение польской интеллигенции, удушение в зародыше любых признаков национального самосознания — в общем, уничтожение Польши как государства и поляков как нации. Для этой цели Гимmlер намерен был создать в Польше, по его собственным словам, «суперуправление», которое могло бы сконцентрировать в своих руках всю полноту исполнительной, судебной и карательной власти. И с этой точки зрения Польша должна была служить «опытным полем» для претворения в жизнь чудовищных предначертаний фюрера и его главного полицейского — Гимmlера. Эти предначертания гитлеровцы хотели распространить затем на весь восток Европы. В планах фюрера Польша должна была служить (опять-таки, употребляя собственные слова фюрера) «защитным валом» немецкого господства над славянским населением Восточной Европы (включая, естественно, население Советского Союза).

Польские источники дают также некоторые итоговые цифры, характеризующие оккупационную политику нацистской Германии в отдельные периоды господства нацистов в Польше, а также за весь период оккупации страны. Согласно этим данным, в конце 1940 г. число рабочих, насильственно угнанных на работу в Германию, достигло 350 тыс. человек. К концу оккупации Польши, а именно в мае 1944 г., общее число всех польских рабочих, занятых на предприятиях германской империи в границах 1939 г., включая военнопленных, составило почти 2,8 млн человек, что было равно 8 процентам всего населения Польши. Если же иметь в виду взрослое, или, как его называет статистика, «продуктивное»

население, то этот показатель возрастет до 15 процентов. Наконец, возьмем лишь данные, относящиеся к населению так называемого «генерал-губернаторства»: в середине 1941 г. число депортированных и угнанных в Германию польских рабочих достигло 1,3 млн человек, что составляло более 10 процентов населения этой части Польши. Речь идет при этом о лицах в наиболее «продуктивном» возрасте — от 14 до 40 лет.

Если дать классовое определение нацистскому террору в Польше, то это был государственный террор. Впервые в нацистской оккупационной политике практика геноцида стала повседневным, будничным делом для оккупационной администрации и полицейского аппарата — СС, СД, гестапо, полевой полиции, эйнзацгрупп и т. д. и т. п.

Счет жертв такой политики сначала шел на тысячи, потом на десятки тысяч, далее на сотни тысяч и, наконец, на миллионы. Об этом сообщали ежедневные сухие сводки политической полиции: почти все они сохранились и составляют в совокупности одну из самых характерных и страшных примет эпохи, когда нацистские варвары взяли верх на громадном пространстве Европейского континента.

Однако цифры в сводках, ежедневно поступавших в канцелярию РСХА, казались слишком низкими Гиммлеру и Гейдриху, Мюллеру и Кальтенбруннеру. Имеются десятки и сотни телеграмм, в которых Гиммлер требовал увеличить число расстрелянных и замученных в концентрационных и так называемых «рабочих лагерях». Гиммлер спешил, и по его указаниям спешно строились все новые концлагеря, расширялись старые, придумывались все более разнообразными способы массового уничтожения людей. Техника убийств совершенствовалась изо дня в день. Репрессии не терпели отлагательств: Гиммлер требовал истребления всей интеллигенции, казни всех заложников и т. д. Польша должна была исчезнуть с лица земли, чтобы освободить место для немецких колонизаторов, хлынувших широким потоком в страну из Германии и территорий, причисленных к германскому рейху. А поляки, уцелевшие от массовых экзекуций, должны были превратиться в рабочий скот.

Не секретом было в то время, что главная кампания гитлеровского вермахта еще впереди — кампания нацистской Германии против Советской России, во имя создания новой нацистской империи — наследницы империй Барбароссы и Карла V, империи «третьего рейха». Победой над Россией должен был увенчаться первый этап завоевания мирового господства.

Именно для этого и нужна была, в частности, «генеральная репетиция» такого свойства и такого масштаба, какая была проведена в Польше. То был — по планам гитлеровцев — практический урок не только по превращению чужеземцев в рабов «арийской»

расы, но и по превращению самих немцев в «сверхчеловеков», коим дозволено все и коих фюрер освободил от бремени человеческого — от ответственности и воли, от разума и даже от инстинкта самосохранения.

ГИММЛЕР НАД ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ

В последние предвоенные годы функции и полномочия отрядов СС в нацистской империи изменились. Все большую роль стала играть военная подготовка гиммлеровских головорезов. Обещание Гитлера, данное в свое время генералам, о том, что вермахт останется единственной вооруженной силой рейха, явно становилось фикцией.

Уже к 1938 г., когда нацисты перешли к аннексии чужих территорий, отряды СС фактически превратились в часть гитлеровской военной машины.

18 августа 1938 г. был издан секретный приказ Гитлера, согласно которому вооруженные формирования СС должны были в некоторых случаях подчиняться армейскому командованию. Однако набирали в эти формирования сами эсэсовцы, четырехлетняя служба в частях СС освобождала призывника от воинской повинности и давала ряд ощутимых льгот и преимуществ. Естественно, что приток добровольцев в «элитные» войска увеличился.

В 1940 г. в дивизиях СС насчитывались десятки тысяч новобранцев — общая численность эсэсовских солдат достигла к тому времени 100 тыс. И вооружал их рейхсфюрер СС самым современным оружием.

Гиммлер постоянно настаивал на дальнейшем увеличении своей армии, несмотря на протесты многих представителей армейского командования. Забегая вперед, скажем, что, когда были исчерпаны людские резервы внутри рейха, Гиммлер начал вербовку добровольцев для своих войск в оккупированных гитлеровской Германией странах Европы. При этом он фактически отказался от «отбора» по признаку «чистоты крови». Его войска отныне пополнялись головорезами различных национальностей.

К концу войны в дивизиях СС насчитывалось свыше миллиона человек. Вместе с другими аналогичными вооруженными подразделениями СС — с так называемыми «лейб-штандартами», подразделениями «Мертвая голова», зондеркомандами и т. д. — эти «элитные» войска вели войну во имя истребления целых народов. Впрочем, и вермахт сражался за те же «идеалы».

Но подготовка Гиммлера к «большой войне» отнюдь не ограничивалась созданием войск СС. Агрессии в Западной Европе предшествовали провокации, диверсии, покушения, которые СД-заграница и гестапо проводили совместно с военной разведкой — абвером.

Сформированные Гиммлером и Канарисом группы вторгались на чужие территории еще до наступления вермахта. В задачу им вменялась дезорганизация тыла, поджоги, взрывы, убийства. Они сеяли панику среди населения, терроризировали его.

Особенно ясно это видно на примере Норвегии. Когда Англия и Франция объявили войну нацистской Германии, ценность Норвегии как «северного фланга» будущего фронта и как возможного плацдарма для военных действий на море против Англии значительно возросла.

Захват этой страны предполагалось совершить по старому испытанному рецепту — сначала организовать приход к власти нацистской агентуры (в данном конкретном случае — Квислинга и его банды), а затем новая администрация должна была обратиться к Германии с просьбой прислать немецкие войска в качестве «гаранта безопасности братского народа», для защиты страны от «коварного Альбиона», предавшего интересы «арийской расы господ» и превратившегося в слугу американского капитала. Такова была нехитрая схема «идеологического обоснования» оккупации Норвегии.

Составление оперативного плана вторжения в Норвегию было поручено Гитлером генералу фон Фалькенхорсту, который считался знатоком Скандинавии, хотя никогда там не был и якобы — такова легенда! — черпал свои сведения в основном из популярного путеводителя Бедекера. Рассмотрев предложения Фалькенхорста, Гитлер утвердил их «в принципе» и передал для более подробной разработки в ОКВ. (До этого Верховное командование в планы Гитлера не было посвящено.)

В результате немецкий флот беспрепятственно подошел к ключевым позициям норвежской обороны. Вторжение морской пехоты гитлеровского вермахта оказалось полной неожиданностью как для Норвегии, так и для ее союзника — Великобритании.

Гитлер торжествовал победу. За всю операцию в Норвегии немецкие военно-морские силы потеряли лишь одно транспортное судно! Даже самые большие оптимисты в гитлеровских штабах и в нацистской разведке не ожидали такого. Вот что означала на деле подрывная работа «пятой колонны» и нацистских шпииков.

* * *

Гестапо заранее составило подробные списки «враждебных Германии лиц» в Нидерландах, Бельгии и Франции, которые должны были быть арестованы, а затем многие из них уничтожены. Еще до начала военных действий во Франции заработали два тайных передатчика СД. Они служили целям дезинформации французского командования и внесли свою лепту в дело разгрома французской армии.

Итак, представители гиммлеровских ведомств как бы вступили на землю трех западноевропейских стран еще до вермахта, часть из них была одета в полицейскую форму. Эти подразделения действовали в составе «тайной полевой полиции», которая считалась органом вермахта. 14 июня вместе с войсками 28-й армии они вошли в Париж.

Небольшая группа людей, одетых в форму полевой полиции, — всего 20 человек — прибыла в столицу Франции. Гиммлер приказал им: образовать в Париже «предмостные укрепления», чтобы с этого плацдарма постепенно распространить полицейскую власть на всю страну.

Начали уполномоченные Гиммлера с конфискации документов парижской префектуры: они забрали досье, которые содержали сведения о немецких эмигрантах, коммунистах и других, кто был известен враждебным отношением к гитлеровской Германии. Эту команду возглавил Гельмут Кнохен, эсэсовец, который «отличился» во время знакомой нам операции по похищению офицеров английской разведки в Венло. За его спиной был изрядный полицейский и шпионский опыт. Кнохен сам набирал группу, за исключением одного человека — уполномоченного гестапо Бемельбурга, старого знакомого и друга Мюллера-гестапо, который должен был представлять его интересы.

Со временем эта группа полиции безопасности («зипо») превратилась в мощный полицейско-гестаповский аппарат, который в течение почти пяти лет терроризировал Францию.

Надо сказать, что рейхсфюрер СС с самого начала уделял французской операции особое внимание. После оккупации Франции он и сам наведывался туда дважды и постоянно следил за работой своих служб.

После оккупации полиция безопасности приобрела огромную власть. Штаб ее насчитывал 2600 штатных сотрудников, в дальнейшем его численность была доведена до 6 тыс. Была создана сеть тайных агентов из числа французских коллаборационистов. Полицейский штаб после ряда переездов занял роскошную виллу на Авеню де Фош. Название «Авеню де Фош» вызывало у французов такой же ужас, как у немцев Принц Альбрехтштрассе.

В Париже и других городах Франции начались повальные аресты. Десятки тысяч французов были депортированы в немецкие концлагеря. Девиз оккупантов можно сформулировать так: «Террор и управление с помощью коллаборационистов». Под этим девизом и работали во Франции органы СД, гестапо, полевой жандармерии. При этом они действовали в тесной взаимосвязи с армейской военной администрацией.

В стране была размещена целая сеть военных комендатур — 144 районные и 48 — в департаментах.

В конце 1941 г. Кнохену разрешили создать дополнительно еще три своих представительства, которые получили название «внешних ведомств», — в Бордо, Дижоне и Руане.

Наконец, в 1942 г. Гиммлер добился от Гитлера согласия на то, чтобы оккупационное управление вообще устранилось от руководства полицейскими силами, вся полицейская власть отныне была сконцентрирована в руках «особого уполномоченного рейхсфюрера СС», так называемого «верховного полицейского руководителя» всеми органами аппарата насилия во Франции. Этот пост занял по настоятельной рекомендации Гейдриха генерал СС Карл Оберг¹. Ему была подчинена полиция безопасности.

Оберг был представителем «старшего поколения» СС. В 1914 г. вступил добровольцем в кайзеровскую армию. После первой мировой войны подвизался на коммерческом поприще — создал предприятие по импорту бананов. Но в 1930 г. компания разорилась — Оберг стал безработным. Именно в этот период он и примкнул к нацистскому движению: в июне 1931 г. стал членом НСДАП, а в начале 1932 г. был принят в СС. Там он познакомился с Гейдрихом, который привлек его на службу в свой личный штаб. После прихода к власти Гитлера Оберг был откомандирован в личную охрану Гитлера — в 22-й лейб-штандарт в Мекленбурге. Вскоре Оберг стал руководителем всех отрядов СС в Ганновере. Мировая война застала его на посту полицей-президента города Цвикау. Он получил чин оберфюрера.

Особо выслужился Оберг при расправе с населением оккупированной Польши, куда был направлен в 1941 г. Оберг показал себя в Польше жестоким и беспощадным палачом. Его усердие было оценено, и ему поручили ключевой пост в Париже. Он был типичным представителем эсэсовской бюрократии. «Оберг, — пишет Деларю, — был непревзойденным ревнителем дисциплины и безусловного повиновения, когда дело касалось приказов рейхсфюрера СС».

В Париж Оберг прибыл в мае 1942 г. Сам Гейдрих приехал во французскую столицу, чтобы участвовать в официальной церемонии введения его в должность. На церемонию были приглашены представители французских марионеточных властей и германской оккупационной администрации. Гейдрих выступил с речью,

¹ Уже на Нюрнбергском процессе, который, как известно, проходил с ноября 1945 г. по октябрь 1946 г., роль Оберга была совершенно ясна. Вот что написано о нем в 7-м томе «Нюрнбергский процесс», вышедшем в 1961 г. в Москве: «Оберг — высший руководитель СС и полиции в оккупированной Франции, военный преступник, непосредственный виновник кровавых расправ над населением Франции — после краха гитлеровского рейха был арестован, но суд над ним во Франции многократно откладывался под давлением западногерманских реваншистов».

в которой поставил все точки над *i*. Он заявил, что отныне оккупационная администрация не будет больше выполнять функции «исполнительного органа» — забота о «безопасности тыла» полностью переходит в ведение полиции, СС и лично Оберга. Французская полиция в оккупированной зоне будет формально подчинена германским полицейским органам. С этой целью управление французской полицией реорганизуется. В интересах обеспечения полной преданности служащих французской полиции идеям фюрера кадры ее пересматриваются и должны принести особую присягу на верность рейху. Таким образом, должна была быть достигнута полная концентрация полицейской власти в одних руках — в руках Оберга, как верховного руководителя всей полиции во Франции.

Управление полиции Оберг реорганизовал по образцу РСХА, чтобы обеспечить наиболее тесное сотрудничество между соответствующими ведомствами в Париже и в Берлине. Так, например, отдел IV управления полиции в Париже должен был выполнять те же задачи, что и отдел IV (гестапо) в РСХА. Из Берлина прибыла для работы в Париже зондеркоманда 4-В. В функции этой зондеркоманды входила отправка всех евреев в концлагеря в Польше. Руководил отправкой Эйхман. Чтобы ускорить выполнение этого приказа, Эйхман назначил в Париже специального эмиссара — гауптштурмфюрера Броннера. Броннеру было приказано создать еще одну зондеркоманду в составе 25 человек. Отдел IV парижского управления полиции составил также список заложников, которые должны были быть убиты в отместку за действия французского Сопротивления.

В IV отдел полицейского управления в Париже входили еще две зондеркоманды, объединенные в особую «группу специалистов». «Группа специалистов» вербовала наемных убийц, которые должны были «незаметно» ликвидировать неугодных гестапо лиц, организуя автомобильные катастрофы, нападения из-за угла, похищения и т. д. «Специалисты» пользовались услугами уголовных преступников, под их крылышком действовали бандитские шайки, которые выполняли поручения как гестапо и полиции безопасности, так и абвера. Особую известность получила банда Лафонд. Ею руководил бывший обер-кельнер, который выполнял поручения непосредственно Кнохена, первого помощника Оберга. Действовал он вместе с бывшим инспектором полиции Бони и создал свою штаб-квартиру. Банда Лафонд отличалась особой жестокостью. Члены этой банды проводили обыски, имели ордера на арест, получили право допрашивать арестованных, зверски пытая их. Одной из зондеркоманд Оберга руководил гауптштурмфюрер Панвиц — он занимался участниками разветвленной подпольной организации патриотов-антифашистов, которой гестапо присвоило

наименование «Красная капелла». «Красная капелла» действовала на территории Германии, Франции, Бельгии и некоторых других западноевропейских стран. В задачу Панвитца входило также выявление подпольных радиопередатчиков. Наконец, он отвечал за охрану функционеров немецкой оккупационной администрации во Франции.

Существовали еще четыре зондеркоманды — для операций в неоккупированной зоне Франции.

Методы, при помощи которых нацистский аппарат насилия правил Францией, можно охарактеризовать одним словом — террор.

От арестов отдельных лиц нацисты перешли к массовым полицейским облавам. В качестве примера можно привести массовые облавы на французов еврейского происхождения, произведенные в августе и декабре 1941 г. и июле 1942 г., облавы на французских патриотов, заподозренных в участии в движении Сопротивления, в январе 1943 г. в Марселе, а также аресты 40 тыс. французов 24 октября 1942 г. в Гренобле и т. д. Тюрьмы во Франции превратились в кромешный ад для арестованных. В тюрьмах, находившихся лишь в ведении французской полиции, погибли 40 тыс. людей. Число жертв гестапо, уничтоженных в других тюрьмах, не поддается точному подсчету — здесь речь идет о сотнях тысяч человек. На одной из гестаповских тюрем был вывешен плакат: «Отсюда есть только один выход — в трубы крематория». На другом аналогичном плакате значилось: «Сюда входят в дверь, а выходят через трубу». Таковы некоторые образчики гестаповского юмора.

По мере того как война приближалась к концу, все больший размах приобрела политика депортации (угона) гражданского населения оккупированных стран для работы в германской военной промышленности. Эту депортацию аппарат насилия проводил с неслыханной жестокостью. Условия в так называемых «рабочих лагерях» зачастую были не намного лучше, чем в концентрационных лагерях. Лишь небольшое число депортированных пережило конец нацистской империи. «Рекордными» (это касается лишь западных стран) оказались данные о судьбе депортированных граждан Нидерландов: из 120 тыс. голландцев, отправленных в рейх на принудительные работы, на родину вернулись лишь 11 тыс. человек.

Рассказывая о злодеяниях нацистов в Западной Европе, нельзя не остановиться хотя бы коротко на преступной деятельности гауптштурмфюрера СС, начальника гестапо в оккупированном Лионе Клауса Барби (в нашей печати фамилия Барби часто пишется на французский лад — Барбье).

Барби вполне заслужил свою кличку: палач Лиона.

Дважды французский суд заочно приговорил Барби к высшей

мере наказания — смертной казни. «Была доказана вина Барби, — пишет советский публицист Л. Безыменский в статье «Двойная жизнь палача Лиона»¹, — в убийстве 4342 человек, в аресте 14 311 человек, в депортации 7951 человека». И далее: «Уроженец рейнского городка Бад-Годесберг, двадцатидвухлетний Барби стал сотрудником СД... в 1935 году и первый раз «отличился» при подавлении восстания в амстердамском гетто. Позднее он служил в частях СС (в том числе и на советско-германском фронте). В 1942 г. получил задание возглавить «истребительную команду» для преследования отрядов Сопротивления в Южной Франции. Уже тогда он отличался жестокостью и беспощадностью».

В ноябре 1942 г. Барби назначили начальником СД и полиции безопасности. Здесь он развернулся как палач высшей квалификации. От него не могли укрыться ни взрослые, ни дети. Сохранился такой отчет, подписанный Барби 7 апреля 1944 г.:

«Сегодня утром ликвидирован детский приют в Изье. Арестован 41 ребенок в возрасте от 3 до 13 лет. Кроме того, удалось задержать весь персонал в составе 10 человек. Их отправка в Дранси произведена 7.4.44».

Можно продолжить: из концлагеря Дранси дети попали в Освенцим. Установлено также, что на совести Барби гибель национального героя Франции, председателя национального совета Сопротивления Жана Мулена. В июне 1943 г. ищейкам Барби удалось арестовать этого выдающегося патриота. Его подвергли жесточайшим пыткам, в которых непосредственно участвовал сам Барби. Так гауптштурмфюрер заслужил кличку — палач Лиона.

Несмотря на все эти преступления, несмотря на то что общественность Франции много раз требовала выдачи нацистского преступника, ставшего преуспевающим бизнесменом по фамилии Альтман, Барби прожил в полном покое и довольстве в далекой Боливии 38 лет. Только в 1983 г., более четырех десятилетий после крушения нацистского рейха, вопрос о выдаче палача Лиона встал на повестку дня. Да и то после того, как Альтмана — Барби арестовали по обвинению в мошенничестве.

Совершенно очевидно, что у Барби оказались высокие покровители. И не только в Боливии. Л. Безыменский в цитированной статье утверждает, что Клаус Барби «еще до окончания войны... установил контакт с американской разведкой...».

Суд над Клаусом Барби проходил в парижском здании Дворца правосудия с... опозданием на 42 года — 11 мая 1987 г. «Каков бы ни был исход суда, — пишет газета «Известия» в номере от 11 мая 1987 г., — Клаус Барбье (Барби. — Авт.) не рискует своей головой. Во Франции отменена казнь, а его адвокат Ж. Вержес

¹ Нацистских преступников к ответу. М., 1983, с. 196—197.

продолжает раздавать интервью, в которых утверждает, что его «клиент» невиновен, и грозит «разоблачениями».

В результате почти двухмесячного расследования суд над преступником завершился. Клаус Барби приговорен к пожизненному заключению.

К сожалению, тысячи гестаповских палачей, в том числе палачей, орудовавших в странах Западной Европы, до сих пор разгуливают на свободе.

* * *

Германский фашизм не скрывал, что, концентрируя усилия на борьбе против коммунизма, он стремится к завоеванию мирового господства. Путь к осуществлению этой цели проходил и через западноевропейские страны.

Бесчисленное количество документов, обнаруженных в сейфах, в картотеках гимmlеровских ведомств, в официальной переписке чиновников СС, СД и гестапо, свидетельствуют о том, что целью Гитлера была, в частности, ликвидация французской государственности, подрыв основ существования французского народа.

Согласно планам Гитлера, Франция должна была быть расчленена: часть страны отходила к Италии, где правил Муссолини, другая часть была предназначена для того, чтобы создать на ее территории новое, эссовское государство «Бургундия». Оно должно было стать питомником для разведения людей чисто «арийской расы», людей без всякой примеси «чужой крови», в том числе и французской. Кроме того, предполагалось создать особое «автономное» государство «Бретань» — колонию германской расы господ. Французам же была уготована участь рабов «высшей расы» — арийцев. Такова правда о действиях и планах нацистских палачей в Западной Европе.

УБИЙЦА С ДИПЛОМОМ

В 1961 г. в СССР был издан последний, 7-й том материалов Нюрнбергского процесса. В именном указателе тома были напечатаны и такие строки: «Шелленберг Вальтер, фашистский палач, один из ближайших подручных Гимmlера, начальник VI управления главного имперского управления безопасности». Кажется, ясно! Однако в 1956 г. в Лондоне издали «Мемуары» Шелленберга, а в 1979 г. их выпустили и в ФРГ.

Читатель может сказать, что на западе от Эльбы чего только не напечатали — и воспоминания Бальдура фон Шираха, и воспоминания Лины Гейдрих и Веры Эйхман, и записки личных врачей, летчиков, шоферов гитлеровских бонз. Но некоторый нюанс во всем этом все же был. Ширах отсидел в тюрьме свой срок, вдову Гейдриха Лину и вдову Эйхмана Веру нельзя отождествлять с их

мужьями, а остальные были все ж таки челядью при дворе первых сановников рейха. Шелленберг сам занимал высокий пост, да еще высокий пост в карательном аппарате нацистской Германии.

Книга Шелленберга снабжена предисловием, которое написал Клаус Харпрехт. Кроме того, мемуарам предпослана справка составительницы — Гиты Петерсон.

Что же написал Харпрехт о фашистском палаче?

«В его (Шелленберга. — *Авт.*) жизни не было недостатка ни в славе, ни во власти, ни в авантюрах, ни в героизме, ни в фантастике. Его жизнь соприкасалась и с зоной преступления».

Всего лишь «соприкасалась»? Начальник VI управления РСХА, один из тех, от приказа которого зависели жизнь и смерть людей, всего лишь «соприкасался» с преступлениями!

На самом деле Шелленберг был негодяем масштаба Гейдриха и Олендорфа, Хёсса и Эйхмана. И вот из палачей он превратился под пером Харпрехта в... стендалевского Жюльена Сореля — в авантюриста и храбреца. В его поганой жизни люди, спасшие начальника СД от возмездия, а вслед за ними и некоторые историки на Западе нашли даже «героизм»... В чем, собственно говоря?

Начнем сначала.

Шелленберг родился в 1910 г. Он был седьмым сыном фабриканта роялей. Никаких тягот и трудностей, свойственных представителям послевоенного «потерянного поколения», Шелленберг не пережил. Юность у него была весьма благополучной. Он поступил в университет на юридический факультет. И уж воистину по «зову сердца» стал осведомителем — слушал лекции и строчил доносы на коллег — студентов и профессоров, заподозренных в «крамоле». Писал складно, его заметили наверху, начальники из СС. Вместе с Гейдрихом Шелленберг — один из создателей пресловутой картотеки.

Картотека ввела Шелленберга в высшие сферы СС, с 1937 г. он стал фаворитом Гейдриха.

В 1941 г., когда Шелленберга назначили начальником VI управления, Гиммлер якобы запретил публиковать его фотографии и упоминать его имя в печати. Тем не менее фотографии Шелленберга — и в полной эсэсовской форме, и в штатском — до нас дошли. Правильные черты лица, удлинённый овал, большие светлые глаза, средний рост. Ничего запоминающегося. В мундире «при параде» он улыбался нагло, на последних фотографиях заискивающе. На групповых снимках держался позади Гейдриха и даже Мюллера, хотя занимал такой же пост, как Мюллер. И будучи пролазой, находился ближе к Гиммлеру и Гейдриху. Из его показаний на Нюрнбергском процессе и из его записок¹, которые превратили

¹ Он писал свои «воспоминания» на клочках бумаги, иногда на ресторанных меню.

в мемуары, вырастает довольно выразительный образ. Но не Жюльена Сореля, а палача с портфелем и дипломом. Чрезвычайно хладнокровного, когда дело касалось чужих жизней, и весьма трусливого, когда речь шла о его собственной драгоценной жизни. Из всех главарей СС он, пожалуй, самый осторожный. Тихой сапой пробирался к власти, всегда обеспечивал себе тылы, на последнем этапе и алиби, пытаясь сговориться с Западом. Умел держаться за спиной начальников, наносил удары исподтишка.

Впрочем, в его карьере были разные стадии. В первое время он сам участвовал в «мокрых» делах. Главное тогда было — не отказываться, слыть исполнительным. Как рассказывалось выше, именно Шелленберг с помощью специально выделенной команды умыкнул с голландской территории двух английских разведчиков, попутно убив голландского связного. По косвенным признакам видно, что Шелленберг являлся инициатором и режиссером многих внесудебных расправ. Допустим, в Австрии в придорожной канаве находили труп какого-либо деятеля-антифашиста. Или бывший противник Гитлера на территории Южной Америки вдруг умирал от «неизвестной болезни». Или загадочно исчезал в нейтральной стране человек, во времена оны близкий к фюреру. Если внимательно присмотреться ко всем этим «казусам», мы увидим в каждом из них руку Шелленберга. Сам Шелленберг рассказывает, что его на первых порах то и дело вызывал Гитлер, дабы поручить очередную бандитскую операцию. Один раз ему дали яд, чтобы он убил Отто Штрассера в Испании, в другой раз велели похитить герцога Виндзорского.

Но потом в аппарате СД и гестапо появилось немало «специалистов», то есть профессиональных гангстеров, которых засылали в другие государства, снабжая оружием, ядами, фальшивыми документами, фальшивыми деньгами.

«Заслуга» Шелленберга, убийцы с портфелем и дипломом, состоит как раз в том, что он поставил дело диверсий и шпионажа на «промышленную» основу. В зените своей карьеры он не убивал собственноручно, а пользовался хорошо обученной и вышколенной командой.

И опять же: главное не в том, что он сумел эту команду создать. Сами масштабы провокаций и убийств, совершенных под руководством Шелленберга, перевели их в иной ряд, возвели, так сказать, в новую степень — государственного терроризма.

Количество перешло в качество. Щупальца организации СД-заграница проникали во все страны, на все континенты. Пресловутый Скорцени, похитивший Муссолини и сеявший смерть в глубоких тылах, был всего-навсего сотрудником Шелленберга.

Со временем Шелленберг стал крупным боссом. Карьера этого босса четко делится на несколько этапов. Об одном этапе мы уже

говорили — это создание специальных подразделений для осуществления государственного терроризма. На последующих этапах начальник VI управления, безусловно, вошел в «мозговой трест» при Гиммлере. С 1941 г. он участвовал буквально во всех кровавых замыслах и интригах Гиммлера и его штаба — тут он был уже не исполнителем, а вдохновителем. Более того, без него не принималось ни одно важное решение. Приведем пример: по инициативе Гиммлера — Шелленберга произошел сговор между генерал-квартирмейстером Вагнером и Гейдрихом о том, что вслед за войсками на захваченные территории прибывают так называемые эйнзац-группы, то есть банды карателей для расправы с мирным населением. Этот сговор состоялся в 1941 г. в рамках «плана Барбаросса», плана порабощения Советского Союза.

Вот что показал Шелленберг на Нюрнбергском процессе после того, как его обвинили в авторстве указанного соглашения между армией и СС: «Оглядываясь назад, я пришел к заключению, что Гейдрих, равно как Вагнер и главнокомандующие группами войск, знали пределы письменных соглашений... Однако из обвинений, предъявленных Олендорфу, известно, что приказ (об «окончательном решении». — *Авт.*) существовал лишь в виде устного приказа, отданного эйнзацгруппам опять же в устном виде. Известно также, что он сохранялся в строгой секретности. Я ничего не знал ни об этом приказе Гитлера, ни о дальнейших рапортах эйнзацгрупп, исполнявших приказ».

Здесь что ни слово, то ложь — как всегда у Шелленберга. Нарочно смешав в одну кучу разные решения — решение о создании эйнзацгрупп и приказ об «окончательном решении» (ликвидации лиц еврейской национальности) в оккупированных странах, он немедленно сообщает, что не знал ни о том, ни о другом.

А между тем Шелленберг не мог остаться в неведении насчет подробностей соглашения Гейдриха с Вагнером, ведь документально доказано, что он при сем присутствовал. В своих мемуарах Шелленберг сообщает, что Гейдрих велел ему выйти из комнаты в конце переговоров. И что через стенку он слышал только приглушенные голоса. Просто смешно. Почему, собственно, Гейдрих не пожелал разговаривать с представителем армейского командования о «подробностях» при своем самом верном человеке, эсэсовце Шелленберге? Щадил «невинность» начальника СД? Но ведь СД-заграница для того и была создана, чтобы распространять методы гестапо за пределы коричневого рейха. Кроме того, даже если бы Шелленберг не был в комнате рядом с Гейдрихом, он знал бы о практике эйнзацгрупп. О них знали в Германии так же, как и об «окончательном решении». Между прочим, все это открыто обсуждалось за столом в заведении, где обедали в последние годы войны все эсэсовские крупные чины — от Кальтенбруннера до Шеллен-

берга и от Мюллера до Небе. Это также подтверждено документально.

Шелленбергу было известно все. Он держал непосредственную связь с промышленниками, а стало быть, отлично знал о «рабочих лагерях», где ежедневно, ежечасно убивали непосильным трудом угнанное с оккупированных территорий население.

Именно канцелярия Шелленберга была «инкубатором», где выращивали грязных предателей из всех стран: палачей-коллаборационистов, карателей-полицаев.

И наконец, анализируя работу аппарата насилия в нацистской Германии, мы видим, что все его ответвления проводили в жизнь одни и те же бесчеловечные приказы. В этом была своя убийственная логика — вернее, логика убийц. Во-первых, гитлеровский аппарат строился на общности преступлений, на круговой поруке. Во-вторых, палачи контролировали друг друга: каждый начальник подотдела, отдела, управления мог в любое время донести, что начальник смежного подотдела, отдела, управления действует недостаточно энергично, недостаточно «радикально».

Поэтому не только Шелленберг, но и самый последний-распоследний эсэсовец не имел оснований утверждать, будто в «его» управлении не знали того, что творили другие управления. Тем не менее показания и мемуары Шелленберга построены именно на таком абсурдном утверждении. Начальник VI управления РСХА, оказывается, каждый раз «испарялся» именно в тот момент, когда замышлялись кровавые дела, и оказывался в служебной командировке, когда они осуществлялись.

В эпоху массовых ликвидаций и «фабрик смерти» Шелленберг якобы был эдаким одиночкой-шалунишкой-шпиончиком-интриганчиком, который время от времени прокручивал сравнительно безобидные авантюры. При этом если и были убитые, то убитые в результате перестрелок — рисковали обе стороны.

Беспардонная ложь! Шелленберг отличался от своих коллег, других эсэсовских бонз, крупных нацистских карателей лишь одним. Он оказался хитрее и Канариса, и Небе, и Гизевисуса, и многих других сослуживцев, которые «под занавес» решили поменять хозяина. Шелленберг изобрел более хитрый путь сговора с Западом. Сговора не вопреки начальникам — главным палачам, — а вместе с ними, так сказать, под их эгидой. Сидя за обеденным столом с Кальтенбруннером и Мюллером, он плел интриги, дабы заключить сепаратный мир на Западе и передать западным спецслужбам гиммлеровскую шпионскую сеть, дорогие кадры — «специалистов по Востоку». Расчеты Шелленберга оказались правильными: он дважды избежал виселицы — виселицы гестапо и виселицы судов по денацификации. Уникальный случай для карателя его масштаба.

Глава пятая

«КОНВЕЙЕР СМЕРТИ»

ИСТОРИЯ, ОБЩИЕ КОНТУРЫ

На всем протяжении нацистского рейха концлагеря, или, как их называли в просторечии, «кацет» — по двум латинским буквам слова «концлагерь», являлись важнейшей составной частью эссовской террористической системы. Но подобно всей системе, «кацет» нельзя рассматривать как нечто совершенно застывшее. Количество лагерей менялось (увеличивалось), менялись и порядки в лагерях (ужесточались), и само назначение «кацет». Постоянная эскалация насилия в коричневом государстве сопровождалась и «усовершенствованием» концлагерей. Здесь надо подчеркнуть одно: если тюремная пенитенциарная система является неотъемлемой принадлежностью любого буржуазного государства, то «кацет» — изобретение нацистов; они могли быть созданы лишь на основе так называемых «охранных арестов», то есть арестов превентивных, не за совершенные преступления, а по политическим, «расово-биологическим» и прочим мотивам. Притом арестам, совершенным без всяких юридических формальностей, по произволу чиновников террористического аппарата.

Нельзя забывать также, что система «охранных (превентивных) арестов» и сама система «кацет» были прежде всего оружием против коммунистов, против сознательной части трудящихся Германии.

Наиболее ясно это сформулировал Эрнст Тельман, вождь немецких коммунистов, в своей последней речи на заседании ЦК коммунистической партии в Цигенхаузе 7 февраля 1933 г.

«Для буржуазии очень важно уничтожить и нашу партию, и весь авангард рабочего класса. Она не остановится ни перед чем, дабы достичь этой цели. Стало быть, сейчас речь идет не только о ликвидации последних жалких прав рабочих, не только о запрещении партии, не только о фашистской классовой юстиции, но и обо всех формах фашистского террора: о массовом интернировании коммунистов в концентрационных лагерях, о линчеваниях, об убийствах из-за угла».

Истинные хозяева Германии — монополисты прекрасно понимали, что обычными средствами, с помощью буржуазной юстиции, нельзя покончить раз и навсегда с демократией, прекратить всякую оппозицию, уничтожить инакомыслие. Без системы концлагерей коричневый рейх не сумел бы продержаться и дня.

Гиммлер прямо говорил, что он намерен заключить в «кацет» сотни тысяч немцев на всю жизнь. Вот что он заявил уже 8 февраля 1937 г. в речи перед группенфюрерами СС:

«...Я убежден, и надо сказать об этом открыто, что таким количеством лагерей в случае войны мы не обойдемся. ...Я того мнения, что преступников необходимо держать в лагерях много лет, минимум до тех пор, пока они не приучатся к порядку — в нашем понимании этого слова... и пока не удастся сломить их волю. Очень многих мы вообще никогда не сможем выпустить на свободу; следует ясно представить себе: широкие массы нашего народа и в последующие годы, а может десятилетия, будут восприимчивы к яду большевизма, который во все новых формах и гомеопатических дозах, причем в рафинированной упаковке, станет выдавать вражеская пропаганда. И если мы выпустим их вожаков, они станут жертвами этого яда; зато если верхушка окажется в заточении, то в трудные времена здоровый дух возьмет верх... Но если мы так не поступим, то будущее уже сейчас... видится мне в черном свете».

Яснее не скажешь! Надо увеличивать число концлагерей, следует держать в них «вожаков», дабы они не распространяли «яд большевизма», к которому немецкий народ столь «восприимчив».

Спустя семь лет, в речи 28 февраля 1944 г. в Берлине перед пропагандистами НСДАП, Гиммлер повторил это в еще более откровенной форме. «Все коммунисты, — сказал он, — теперь уголовные элементы. Главная наша забота в отношении будущего привела к тому, что сейчас у нас не может возникнуть никакая

организация на коммунистической базе, ибо основная масса коммунистических функционеров уже много лет сидит в концлагерях. Здесь, как и во всех других вопросах, которые касаются блага нашей нации, мы проводим беспощадную и безжалостную политику».

Речь перед генералами в Зонтхофене 5 мая 1944 г., всего за год до крушения нацистского рейха, была своего рода ретроспективой «подвигов» СС. И Гиммлер опять счел необходимым похвастаться тем, что он сделал для господ монополистов, поправ все законы и создав целую сеть концлагерей.

«Сознаюсь, что, несмотря на протестующие крики в Германии и крики во всем мире, я заблаговременно посадил за решетку всех истинных преступников (сиречь инакомыслящих.— *Авт.*), а не ждал, пока эти господа снова совершат преступления.

Я и тогда, и сегодня делаю много такого — признаюсь в этом откровенно, — что по писаным законам делать нельзя, а по законам разума и здравого опыта положено делать...

Потом у нас появились законы об охранном заключении, согласно которым за определенное преступление после отсидки в тюрьме по судебному приговору преступник еще много лет охраняется в концлагере. Мы это делали и делаем по сию пору».

Хорошо известно, что в «кацет» погибли миллионы поляков, украинцев, белорусов, русских, евреев, сотни тысяч голландцев, норвежцев, французов... Но кое-кто на Западе хочет забыть, что в концлагерях годами томились немцы, что именно на немцах, на их костях был опробован весь этот «конвейер смерти». По подсчетам ученых из ГДР (в частности, Бергшиккера), сквозь концлагеря нацисты пропустили не менее 1 млн 600 тыс. *немецких граждан*.

Итак, фактически пребывание в концлагерях было бессрочным... Вечный ад! Наказание (а как мы видели, это даже не было наказанием, ибо само понятие наказания предполагает совершение какого-либо преступления!) приобретало апокалипсические черты! Вот что сказал в своей обвинительной речи в Нюрнберге главный советский обвинитель Р. А. Руденко:

«Никогда подвергавшийся превентивному заключению не знал, на какой срок мучений и издевательств он обречен, — срок заключения всецело зависел от произвола гестапо. Даже в тех случаях, когда гестапо, бросая человека в концлагерь, заранее определяло срок его заключения, было строжайше запрещено сообщать его как заключенному, так и его близким».

Выше мы говорили, что сеть концлагерей все время расширялась — она и впрямь росла подобно раковой опухоли, захватывая все новые страны и территории, на которые ступал сапог немецкого вермахта. И притом это чудовищное образование подчинялось

неизменным законам, правилам, установлениям, пусть и противоестественным.

Концлагеря выполняли вполне определенные функции — они уничтожали противников нацизма, вселяли страх в миллионы людей, предоставляли рабов немецким концернам и одновременно были идеологическими учреждениями, так же как и весь эсэсовский «орден».

Поэтому глубоко не правы те буржуазные ученые, которые считают, что все зверства в концлагерях надо объяснять низменными, садистскими инстинктами охранников. Фюрер сказал эсэсовцам, что они высшая раса, элита нации, призванная спасти мир от биологического вырождения. И эсэсовцы поверили фюреру, что, конечно, не освобождает их от вины и ответственности. Но понять это необходимо, иначе не понять природу концлагерей, где беззаконие, вседозволенность, жестокость и лицемерие были обнажены до предела и во сто крат обострены...

Чего стоят, к примеру, надписи на огромных щитах, поставленных на многих лагерных «улицах» (в частности, в Бухенвальде) по приказу Гимmlера: «Существует только одна дорога к свободе. Ее вехи: послушание, прилежание, честность, трезвость, чистоплотность, жертвенность, чувство порядка, дисциплина и любовь к отечеству».

Воистину кощунственно звучали «изречения» на дверях Дахау: «Работа дарует свободу», над воротами Бухенвальда: «Справедливо или несправедливо — это моя родина», а на решетке — «Каждому свое».

«Выродкам в эсэсовской форме, потерявшим всякое представление о человеческой морали, не только гарантировалась безнаказанность за преступления, им повседневно внушалось, что именно они являются тем «полноценным расовым слоем», который составит основу будущей «великой германской империи», — сказал главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко в Нюрнберге. Так заявлял им Гимmlер, так заявляли рейхслейтеры и гаулейтеры, возведенные Гимmlером в высшие звания СС и в зависимости от оценки рейхсфюрером СС их деятельности повышаемые по эсэсовской иерархии. И далее:

«...Одна и та же система СС объединяла коменданта Треблинки унтершарфюрера Курта Франца, изобретателя «душегубок» унтершарфюрера Беккера, эсэсовского экспериментатора над живыми людьми гауптштурмфюрера доктора Рашера и имперского министра обергруппенфюрера СС Риббентропа».

* * *

А сейчас — немного истории... Мы уже писали о «диких лагерях», основанных СА сразу же после захвата Гитлером власти,

о лагерях, где штурмовики избивали, морили голодом, пытали людей, видя в них врагов нацистского строя¹.

Большинство таких лагерей находилось в Берлине и его окрестностях, несколько меньше в Саксонии и Тюрингии, а именно лагеря Лихтенберг, Заксенбург, Хоэнштейн, Бад-Зульца, Гильдиц, еще лагерь Хейбер недалеко от Штутгарта. «Дикие» лагеря размещались где попало: в бывших казармах, казематах, заброшенных фабричных зданиях, полуразрушенных пустующих замках. Наиболее страшной репутацией пользовались берлинские концлагеря Колумбия-Хауз (о нем уже говорилось) и лагерь на Генерал-Папенштрассе. В каждый из них запирали обычно около тысячи узников. Общее, что они имели с лагерями-гигантами последующих времен, заключалось в том, что из них мало кто выходил живым. Вот что пишет Ойген Когон² о «диких» лагерях: «Немногие люди, пережившие те годы, в один голос заявляют, что не существовало таких изощренных противозаконных пыток, какие садисты-штурмовики не перепробовали бы на своих жертвах». «Но это были, — подчеркивает Когон, — безусловно, индивидуальные акты зверств; великолепно организованная холодная система террора еще не имела места... Сие достижение надо отнести на счет СС».

Примерно в то же время, что и «дикие» лагеря, появились и «лагеря юстиции» в Ольденбургских болотах — Папенбург, Эстервеген. В них наряду со штурмовиками, а позже — с эсэсовцами хозяйничали и чиновники министерства внутренних дел. Официально в этих лагерях должны были отбывать наказание уголовники, но на самом деле в «болотные лагеря» сажали и политических заключенных, обвиняемых в государственной измене и в измене родине. Эти лагеря существовали до разгрома рейха. В «болотных лагерях» в годы войны томились десятки тысяч человек.

Далее на смену «диким лагерям» пришли лагеря под эгидой СС. Впрочем, некоторые «кацет», созданные штурмовиками, остались. В частности, лагеря в Ораниенбурге и Дахау; ведь концлагерь Дахау с самого начала появился по инициативе Гимmlера — Гейдриха. В 1935 г. в Германии функционировало семь «кацет»: Дахау, Эстервеген, Лихтенберг, Заксенбург, Бад-Зульца, Колумбия-Хауз и Фюльсбюттель. В июле 1936 г. «основным» (базовым)

¹ По сведениям Бергшиккера, в марте 1933 г. впервые были официально упомянуты концлагеря (Дахау и др.), до конца года их создали не менее сотни и заключили в них 150 тыс. антифашистов.

² Ойген Когон — западногерманский профессор философии. С 1939 по 1945 г. провел в заключении сперва в гестаповских тюрьмах, потом в концлагере Бухенвальд. Уже в 1946 г. выпустил книгу «Государство СС», которая выдержала множество изданий и, несмотря на некоторые неточности методологического (главным образом) характера, является основополагающим трудом по гитлеровским концлагерям.

лагерем стал концлагерь Заксенхаузен, в июле 1937 г. началось интенсивное строительство концлагеря Бухенвальд.

В 1936 г., когда произошло «упорядочение» системы террора в «третьем рейхе», Гиммлер и Гейдрих «навели порядок» и в концлагерях. Именно в это время на территории Германии окончательно сформировались лагеря, рассчитанные, как и весь «тысячелетний рейх», на «вечные времена». Именно тогда была разработана вся та страшная регламентация, все те страшные «ритуалы» для унижения людей, для подавления в них чувства собственного достоинства, в конечном счете для их быстрого физического уничтожения. «Конвейер смерти» начал приобретать некую законченность.

...В 1936—1937 гг. тысячи узников стали свозить в лагеря Дахау (близ Мюнхена), Бухенвальд (близ Веймара), Заксенхаузен (в Ораниенбурге под Берлином), а также в менее известные концлагеря — в Гросс-Розен (близ Штутгарта), во Флоссенбург (в баварском Верхнем Пфальце), в Нойенгамме (близ Гамбурга), в женский лагерь Равенсбрюк — он функционировал с 1939 г., — а после захвата Австрии — и в Маутхаузен (близ Линца).

В обстановке лихорадочного перевооружения и подготовки к войне 28 сентября 1938 г. была издана директива о мероприятиях гестапо в случае приказа о всеобщей мобилизации. В директиве, подписанной Бестом, говорилось: «Касат. размещения арестованных лиц, занесенных в картотеки «А».

Лиц, арестованных на основании картотеки «А», вначале следует направлять в полицейские и прочие тюрьмы, а как только представится возможность, — отсылать в концентрационные лагеря Бухенвальд, Заксенхаузен или в лагерь в Восточной Пруссии, который сейчас строится».

30 августа — 1 сентября 1939 г., на пороге войны, нацисты провели акцию «Заключенные». Две тысячи коммунистов и большое число антифашистов не членов КПГ были посажены в концлагерь. Сюда входили и «заключенные протектората», в том числе пражские студенты и поляки, жившие в Германии.

В 1939 г. была введена казнь в концлагерях за «саботаж» на военных предприятиях. Созданы также «штрафные лагеря» специально для вермахта. С 18 октября 1939 г. людей бросали в концлагеря за уклонение от работы, для этого проводились специальные облавы. 24 октября 1939 г. был издан указ о более жестком обращении с охранными заключенными в концлагерях.

В июле 1934 г. Гиммлер создал ведомство инспекторов концлагерей в Берлине, а главное — отряды «Мертвая голова», ими командовал бригадефюрер Эйке, который сыграл немалую роль в установлении концлагерных порядков. Канцелярия Эйке разместились в том же комплексе зданий, что и гестапо, — на Принц

Альбрехтштрассе. Именно эсэсовские части «Мертвая голова» распоряжались жизнью сперва сотен тысяч, а потом и миллионов людей.

После начала войны в 1939 г. ведомство инспекторов и так называемая группа «Д» (концлагеря) стали координировать свои действия с Главным ведомством по экономике и управлению, начальником которого был Поль — великий специалист по финансовому обогащению на трупах людей, «бюрократ смерти», как его назвал Ойген Когон. Гигантский аппарат Поля размещался в Ораниенбурге, около концлагеря Заксенхаузен. Начальником «группы Д» на первых порах был оберштурмбанфюрер Либехеншель. Его преемником стал штандартенфюрер Маур.

Война ознаменовалась огромным расширением сети концлагерей, а также созданием лагерей смерти, где ликвидация узников шла непрерывно и ускоренным темпом. К лагерям, находящимся в самой Германии, прибавились лагеря, спешно созданные на оккупированных территориях, — такие, как Освенцим, Майданек, Трешлинка. И наконец, в годы войны появились «рабочие лагеря», где заключенные жили не более трех — шести месяцев: там проводился пресловутый приказ об «умерщвлении работой».

В «Немецкой хронике. 1933—1945» историк из ГДР Гейнц Бергшиккер, рассматривая «конвейер смерти» в военные годы, пишет:

«Сутью и сердцевиной фашистского государства все больше и больше становилась система концлагерей. Тесная совместная работа с немецкой промышленностью привела к перестройке лагерей из политико-воспитательных учреждений в прибыльные предприятия, обеспеченные даровой рабочей силой, и все это завершилось планом СС превратить концлагеря в сугубо постоянные и на их базе основать свой собственный суперконцерн. Этому способствовала и передача в ходе войны многих функций юстиции в руки полицейского аппарата и СС; роль юстиции в конце концов свелась к минимуму, к созданию военно-полевых судов, игравших в основном пропагандистскую роль».

Подробнее о концлагерях, созданных во время войны, речь пойдет ниже, здесь же у нас иная задача — показать, как функционировали, как управлялись десятки крупных и сотни мелких «обычных» лагерей, в которых в каждый данный момент истязали около миллиона жертв...

Разумеется, узники нацизма не знали ни общего количества лагерей, ни их функций, ни структуры «конвейера смерти», ни таких больших начальников, как Поль или Эйке, Маур или Либехеншель. Они целиком и полностью зависели от низших чинов частей «Мертвая голова». Бюрократически-садистский разум эсэсовцев создал особого рода ад: «конвейер», где все было подчинено

железным правилам и где в то же время царил неслыханный произвол.

Владимир Познер, французский публицист, в своей документальной книге «Нисхождение в ад» цитирует высказывания множества заключенных концлагеря Освенцим № 1, которым чудом удалось выжить и которые поделились своими мыслями о системе «кацет». Пелагия Левинска, лагерный номер 32292, сказала:

«Я думала, что концлагерь — это мера наказания изоляцией, лишением свободы, тяжелой работой, убогим бытом. Разве я не знала, что такое тюрьма?»

Однако нацистский концлагерь — это нечто иное, это место, где узники умирают медленной неотвратимой смертью.

Все то, что сначала показалось мне просто неорганизованностью, было на самом деле изощренной жестокостью. Все, что казалось беспорядком, было задумано сознательно... Ничего случайного в этой системе не было, все заранее преследовало определенную цель. Наконец-то я уразумела, осмыслила, поняла! Поняла подлинную суть концлагерей. Их назначением было систематическое истребление людей»¹.

Унификация «обычных» лагерей начиналась уже с их внешнего вида. Для устройства «кацет» избирали земельную неудобь — болота, чащобы, пустоши, но не в глухомани, а недалеко от больших городов. По мнению О. Когона, это делалось для того, чтобы эсэсовцы-охранники имели возможность развлекаться. Но, думается, не только для этого: лагерям необходимы были железные дороги, промышленные предприятия.

Благодаря даровой рабочей силе охранники обеспечивали себе на любой пустоши роскошную жизнь. За пределами лагерей заключенные возводили добротные административные здания (комендатуру и т. д.), казармы, а также целые поселки, состоявшие из особняков, окруженных фруктовыми садами. В старых лагерях были парки и теплицы, манежи для верховой езды, офицерские казино, животноводческие фермы, птицефермы и т. д. Часто эсэсовцы селились несколько поодаль — в радиусе 3—6 километров от концлагерей. Для них тоже строили виллы.

Собственно «кацет» был обнесен высоким забором из колючей проволоки, сквозь который пропускали ток высокого напряжения. Через каждые 75 метров торчала наблюдательная вышка (каменная или деревянная) с обзорной площадкой под крышей. На вышке устанавливали пулемет, пристрелянный соответствующим образом. Часовые сменялись через три часа. За колючей проволокой и вышками пролегалла широкая нейтральная полоса, которая великолепно просматривалась. «Ворота» лагеря представляли собой

¹ Иностранная литература, 1985, № 2, с. 206.

обычно вытянутое в длину одноэтажное здание с башней посредине, где опять же была обзорная площадка и где стояли мощные прожектора, которые зажигали, когда темнело. В одном из крыльев здания-«ворот» помещались апартаменты дежурного по лагерю фюрера СС, в другом крыле — карцеры (бункеры) для штрафников. Лагеря были радиофицированы.

Сразу за «воротами» начинался так называемый апельплац, то есть плац, где выстраивали заключенных. Если все дороги за пределами лагеря были великолепно вымощены, заасфальтированы, то в самом лагере и дороги («улицы») между бараками, и апельплац представляли собой пыльную, выложенную щебенкой землю с колдобинами, превращавшуюся зимой, осенью и весной в сплошную чавкающую под ногами грязь. Разумеется, и это было продумано и входило в общую программу истязания людей.

За апельплацем рядами стояли бараки для узников, а также бараки, где помещался лазарет, прачечная, кухня и, разумеется, крематорий. «Улицы» были довольно широкие, ибо заключенных водили строем по восемь, а то и по 10 человек в ряду. Каждый барак в свою очередь был окружен колючей проволокой.

Отдельно находились выгребные ямы, а в бараках, где заключенных запирали на ночь, — параши, всегда слишком маленькие, или уборные с открытыми кабинами. Вообще, отправление естественных нужд превращалось для узников концлагерей в сплошную пытку. Охранники, караулившие около выгребных ям, часто сталкивали заключенных в клоаку, и те захлебывались в нечистотах. Это была одна из распространенных забав членов «ордена» СС.

Каков же был аппарат, управлявший концлагерем?

Мы уже говорили, что «кацет» являлись плотью от плоти нацистского режима. Они и были организованы соответственно — густая сеть надзирателей всех сортов следили за каждым шагом, за каждым вздохом заключенных. Все было централизовано; существовала сложная иерархия как узников, так и начальства.

Вот какие «виды» господ были в концлагерях.

Во-первых, комендант и его адъютанты. Обычно на пост коменданта назначался штурмбанфюрер СС или оберштурмбанфюрер, то есть майор или полковник.

Комендатуре подчинялся начальник по хозяйственной части, имевший в своем распоряжении множество шарфюреров (унтерфельдфебелей). Это во-вторых. Практически начальник по хозяйственной части и его помощники также являлись неограниченными властителями заключенных.

В-третьих, существовали еще так называемые рапортфюреры — промежуточная инстанция между лагерными рабами и их повелителями. В подчинении рапортфюреров были блокфюреры в ранге до обершарфюреров (фельдфебелей СС). Они жили, так же как

и более высокое начальство, за пределами лагеря, но толклись всегда в лагере — мучили людей и во время бесконечных поверок, и в бараках, и за едой (если можно назвать едой те отбросы, которые давались узникам «кацет»).

В-четвертых, в лагерях были еще командофюреры, то есть эсэсовцы, отвечавшие за «рабочие команды». Эсэсовцы, которые заставляли узников делать (особенно на первых порах) совершенно бессмысленную работу — скажем, выкорчевывать пни без всяких инструментов, голыми руками, или таскать на себе камни из каменистых мест в каком-то бешеном темпе. «Рабочий день» продолжался в лагерях 14—16 часов. Зачастую командофюреры гнали заключенных за пределы лагеря, тогда им придавались еще подразделения СС с собаками, натасканными на людей в полосатой лагерной одежде.

Вся эта свора охранников измывалась над заключенными, соревнуясь друг с другом в жестокости и садизме.

Лагерное начальство считало себя «экстерриториальным». В лагерях процветали взяточничество, коррупция, откровенное воровство...

В-пятых, в лагерях были особые «политические отделы» — в них сидели представители гестапо, совершенно независимые от прочего начальства. В «политические отделы» вызывали узников — на допросы. Иногда люди исчезали после этих допросов, не выдержав пыток.

Число собственно охранников достигало в лагерях 6 тыс. эсэсовцев — двух штандартов — эсэсовских подразделений. Рядовые эсэсовцы жили в казармах.

Надо прямо сказать, что, чем более жестоким был охранник, тем больше шансов у него было выдвинуться. Всякий акт жестокости, издевательства поощрялся — эсэсовца награждали деньгами, давали ему внеочередной отпуск, повышали в чине. Естественно, что любой милосердный поступок был наказуем. Эсэсовцев, проявлявших человечность, изгоняли. Во время войны их посылали на фронт, иногда в штрафные части.

В лагерях существовала и официальная организация заключенных — она была придумана эсэсовцами для того, чтобы еще больше усилить неусыпное наблюдение за своими жертвами. Но в некоторых «старых» лагерях узники использовали ее по-своему: вводя туда порядочных людей — речь, разумеется, идет о концлагерях, где существовали подпольные интернациональные антифашистские комитеты, созданные коммунистами. Однако, как правило, организации заключенных, назначаемые лагерным начальством, состояли из бывших уголовников, проштрафившихся штрафников, проворовавшихся эсэсовцев. И естественно, измываясь над своими же товарищами по заключению, они стремились

выслужиться, выйти на свободу или занять более «теплое местечко» в «кацет»¹.

Самыми важными персонами из среды узников были лагерные старосты — в больших лагерях их назначали несколько (до трех). Существовали еще писари, их роль тоже нельзя преуменьшать — от писарей зависело, в какой блок (барак) попадал заключенный. Писари вели отчетность, канцелярскую работу и при огромном числе людей могли кое-что сделать — вплоть до «списания» человека как мертвого. Ведь смертность в лагерях была ужасающая. Наконец, существовал институт статистиков, то есть заключенных, ведавших выпиской нарядов на работу. Нетрудно догадаться, что от них зависело еще больше. Однако все заключенные, назначаемые на посты писарей, статистиков и т. д., можно сказать, подвергались повышенной опасности. Ведь они были ближе к лагерному начальству.

На низшей ступени лагерной иерархии стояли капо. Но именно их больше всего и страшились узники. Капо — слово это иностранного происхождения (Caporal — по-французски начальник, то же и по-итальянски — саро) — был заключенный, следивший за порядком в блоке, а также за порядком во время работы лагерных команд. Капо не работал, а только надзирал. То было дьявольское изобретение палачей. Сам Гиммлер в печально знаменитой речи в Зонтхофене перед генералами в 1944 г. хвастливо заявил: «Итак, за каждым тридцатью, сорока или ста заключенными наблюдают свои капо. Лишь только узник становится капо, его отделяют на ночь от остальных лагерников. Он отвечает за выработку, следит, чтобы не было саботажа, смотрит за чистотой в бараке, за тем, чтобы койки (четырёхэтажные или трехэтажные нары. — Авт.) были правильно застелены. И это в среде заключенных, из которых ни один не говорит по-немецки (напомним, что речь в Зонтхофене была произнесена тогда, когда лагеря были переполнены военнопленными и гражданским населением из оккупированных стран и областей. — Авт.)... Капо должен непрерывно подгонять людей, но в ту минуту, когда он вызовет наше неудовольствие и перестанет быть капо, его отправят к остальным. И он знает (!), что в первую же ночь его убьют. Капо получает некоторые привилегии... Со всей прямотой я говорю — порядки в концлагерях рассчитаны не на то, чтобы превратить их в богоугодные заведения. Я обязан во имя Германии заставить недочеловеков работать на нашу победу...»

¹ Обычно добровольные палачи из среды заключенных кончали плохо. Лагерная система работала безупречно. Бывшие уголовники, дорвавшись до власти, влезали в денежные аферы, и их часто забивали насмерть в бункерах, делая козлами отпущений за взяточничество и коррупцию, повсеместно разъедавшие эсэсовские «кацет».

Гиммлер не зря похвалялся капо. Уголовники, из которых в основном вербовались капо, сыграли свою мрачную роль в «кацет».

Старосты лагерей, старосты блоков, капо и прочие заключенные, занятые в лагерных организациях, носили на левом рукаве черную повязку с белой надписью.

* * *

Узники концлагерей были разбиты на множество категорий, каждая из которых была либо на ступеньку ниже в лагерном аду, либо на ступеньку выше и имела... свой цвет.

Ойген Когон перечисляет следующие категории узников:

«политические»;

представители «неполноценных» рас и «расово-биологически неполноценные»:

уголовники;

так называемые «антисоциальные элементы»;

гомосексуалисты.

К разряду «политических» эсэсовцы причисляли кроме членов КПГ (их было большинство) социал-демократов и профсоюзных активистов, а также бывших нацистов, которые по каким-либо причинам вышли из НСДАП или вступили в конфликт с партийной верхушкой. А в годы войны — и дезертиров из вермахта. Кроме того, среди «политических» нередко значились вообще люди случайные — любители слушать иностранное радио, простаки, разоткровенничавшиеся с соседом-шпионом и получившие ярлык «паникер», «предатель», «ворчун» (особенно много таких людей сажали за колючую проволоку в годы войны). В те же годы концлагеря пополнились узниками не немецкой национальности, постоянно проживавшими в Германии, — их всех заклеямили как шпионов, особенно если они переписывались с родственниками и друзьями, проживавшими за пределами страны. Большая группа «политических» состояла из людей, которые не принимали нацизм по религиозным мотивам: из католических и протестантских священников и из мирян. Надо, впрочем, отметить, что церковных иерархов высокого сана нацисты в концлагеря не сажали, если они были немцами. Это не относилось к священникам полякам и к священникам других национальностей.

Группа «расово-неполноценных» заключенных была чрезвычайно многочисленной. К ней принадлежали на первых порах цыгане и евреи. А в годы войны еще и поляки, русские, украинцы, белорусы. «Расово-неполноценные» стояли на самой последней ступеньке лагерного ада. Их больше всего унижали, истязали, убивали.

Группа «расово-неполноценных» делилась, в свою очередь, на подгруппы: «политические», уголовники, «антиобщественные» и т. д. Но деление это было уж вовсе произвольным...

Уголовники в «кацет» были двух родов: уголовники-рецидивисты и уголовники, посаженные в целях, так сказать, профилактики. Среди уголовников-рецидивистов — убийц, взломщиков, грабителей — и вербовались основные кадры помощников палачей. Кроме того, рецидивисты выполняли шпионские функции. «Блатные» были бичом нацистских лагерей¹. Да и шпионская сеть за колючей проволокой играла особо зловещую роль.

К уголовникам примыкали «антисоциальные элементы». Но они, по словам Ойгена Когона, были более «безобидные». К ним принадлежали карманники и вообще мелкие воры, бродяги, сутенеры и т. д. и т. п. Однако встречались среди «антиобщественных элементов» и совершенно нормальные люди, не имевшие ничего общего с дном общества. Достаточно было несколько раз не явиться на работу, или без разрешения начальства взять отпуск, или перейти с одной работы на другую — и ты попадал в рубрику «антисоциальных элементов». К тому же не надо забывать, что сотни мелких фюреров и лейтеров день и ночь строчили доносы на своих сограждан, объявляя их «паразитами» и т. д. и т. п. И по этим доносам гестапо бросало «паразитов» в концлагеря или «рабочие лагеря». Если таких людей освобождали, то посылали на передовую...

Каждая из перечисленных категорий и групп имела, как уже сказано, свой цвет, свой ярлык. Кроме того, заключенный сразу же после прибытия в лагерь получал номер. (В Освенциме номера заключенных вытатуировывались у них на предплечье.) В других лагерях номер пришивался к одежде. К одежде — полосатым лохмотьям — пришивался и соответствующего цвета треугольник. Узник обязан был носить этот треугольник на левой стороне груди и на правой штанине.

«Политическим заключенным» полагался красный треугольник (люди, попавшие в концлагерь во второй раз за политическое «преступление», кроме красного треугольника имели на одежде чуть повыше еще красную черту).

Уголовники были «украшены» зеленым треугольником. Если они принадлежали к рецидивистам, то в треугольник было вписано латинское S.

«Свидетели Иеговы» получали лиловый треугольник.

«Антисоциальные элементы» — черный.

¹ Знаменательно, что после поражения нацистских войск под Сталинградом уголовники-лагерники пополняли «элитные» эсэсовские войска, войска карателей на оккупированных территориях.

Цыгане — коричневый.

Евреи кроме треугольника, причисляющего их к какой-либо группе (скажем, «политических», уголовников и т. д.), обязаны былишивать еще один треугольник — желтого цвета. Он укреплялся таким образом, чтобы получалась шестиконечная звезда. Нацисты были заинтересованы в том, чтобы уголовники и всякий сброд находились в одном лагере с «политическими». Это унижало борцов-антифашистов, безмерно утяжеляло их и без того мучительную жизнь, кроме того, эсэсовцы получали добровольных надзирателей и шпиков. Лагерное начальство беспрерывно подчеркивало, что любой грабитель, любой убийца и растлитель малолетних во много крат более ценный член гитлеровского «народного сообщества», нежели «политический» — предатель и изменник, и уж тем паче, чем «расово-неполноценный».

* * *

В начале главы мы говорили: нельзя забывать, что «кацет» были созданы в Германии прежде всего для уничтожения инакомыслия в самой стране, для расправы с Коммунистической партией Германии, авангардом трудящихся. Сейчас надо добавить: глубоко закономерно, что именно в концлагере был убит вождь КПГ Эрнст Тельман.

Произошло это четыре с лишним десятилетия назад, в ночь с 17 на 18 августа 1944 г.

С 3 марта 1933 г. Эрнст Тельман томился в нацистских застенках — перенес немало физических и нравственных страданий. Одиннадцать лет он просидел в одиночках, но остался сильным духом. «Много сильнее своих мучителей» — эти слова о Тельмане написал Генрих Манн. Да и сами нацистские палачи понимали, что им никогда не сломить волю Тэдди, вождя немецких народных масс. И чем труднее становилось положение коричневого рейха, чем ощутимее приближался час расплаты, тем больше «мешал» нацистам безоружный, лишенный свободы и близких, товарищей и постоянной информации, отрезанный от всего мира Тельман. У злодеев тоже есть своя логика. И это знал пролетарский политик Тельман.

«Выпустят ли меня из тюрьмы на свет божий? — спрашивал он себя. И отвечал: — Нет! Добровольно — наверняка не выпустят. Возможно, как ни ужасно и ни больно это высказать здесь, что при опасном для Германии продвижении Красной Армии и связанном с этим ухудшением общего военного положения национал-социалистский режим сделает все, чтобы такой личности, как Эрнст Тельман, объявить шах и мат. При подобной ситуации гит-

леровский режим не остановится перед тем, чтобы убрать Тельмана, покончить с ним навсегда»¹.

Убили Тельмана в Бухенвальде. Убили трусливо, стараясь сохранить в тайне это злодеяние, замести следы. Однако преступления такого масштаба рано или поздно выходят наружу. Уже давно известны все подробности убийства Тэдди.

За два часа до того, как вождя немецких коммунистов доставили из тюрьмы в лагерь, всех заключенных заперли в бараках. Более того, бухенвальдскую команду «99» — команду, убивавшую узников, которую потом убивала другая команда, также временно упрятали под замок. И все-таки свидетели нашлись. Нашлась и записка, с которой Гиммлер пошел 14 августа 1944 г. к Гитлеру, где среди 12 пунктов предстоящей беседы было написано: «Тельман» — и где напротив этого слова значилось: «подлежит ликвидации».

Да, уже давно известны люди, которые тайком, без суда, без приговора, по нескольким нацарапанным на клочке бумаги словам убили вождя германских трудящихся.

...В полночь 18 августа 1944 г. в ворота Бухенвальда въехал крытый грузовик. Группа эсэсовцев на сей раз сама должна была совершить убийство и сжечь тело. Машина подъехала прямо к дверям лагерного крематория. Из машины вышел человек в штатском в окружении эсэсовцев. Двери крематория захлопнулись. Раздались три выстрела. Чуть погодя еще один. Убийцы стреляли Тельману в затылок. Два эсэсовца, выйдя из крематория после сожжения, перебросились несколькими словами. Один спросил: «Знаешь, кто это был?» Второй ответил: «Да, вождь коммунистов Тельман».

Теперь нам известны и фамилии этих двоих, и фамилии *всех* участников убийства. В деле, предъявленном западногерманскими адвокатами суду ФРГ, — 12 томов.

На территории мемориала, созданного на месте гитлеровского концентрационного лагеря Бухенвальд, сейчас могила Тельмана. На бронзовой доске надпись:

«Вечная слава великому сыну немецкого народа, вождю немецкого рабочего класса Эрнсту Тельману, который 18 августа 1944 г. был убит здесь фашистами».

«КОНВЕЙЕР СМЕРТИ»

О системе концлагерей существует огромная литература — здесь и материалы Нюрнбергского процесса, и воспоминания очевидцев (в большинстве коммунистов), и научные исследования,

¹ Правда, 1984, 18 августа.

и очерки, и документальные повести. Как видно из этих книг и брошюр, лагеря существовали разные, с разными целевыми установками. И все же сеть «кацет» была унифицирована в самом главном. Она представляла собой невиданного масштаба «конвейер»: на «конвейер» загружались люди, миллионы людей, а выгружался пепел. «Конечной станцией» лагерника был крематорий. Но «длина» «конвейера» в различных лагерях была различной. В одних «загрузка» и «выгрузка» продолжалась несколько часов (лагеря смерти), в других несколько месяцев («рабочие лагеря»), в третьих — год, два («обычные» лагеря).

Издательства, наказания, казни в «кацет» были самые неожиданные. Каждый комендант, каждый фюрер СС, каждый политфюрер изощрялся, как мог, но опять же общего было больше, нежели разного. Идея «конвейера» заключалась в том, чтобы сломить человека, уничтожить его сперва морально, а потом физически.

Три цифры надо запомнить, чтобы понять весь размах гитлеровского «конвейера». Только на территории Германии насчитывалось 1100 концлагерей. Через концлагеря прошли 18 млн человек, погибли 12 млн.

А теперь вернемся к лагерному «конвейеру».

Мы уже писали, что из семидесятимиллионного населения «рейха» почти никто не мог считать себя полностью застрахованным от «охранного ареста». Что уж тут говорить об оккупированных странах — у кого из поляков, французов, норвежцев родичи не служили в армии, не состояли в запрещенных (иногда сугубо буржуазных) партиях, кто не был ревностным прихожанином или не имел родственников в нейтральных странах, кто не дружил или не был в свойстве с людьми «низших рас» и т. д. и т. п.

Посему каждый ждал ночного звонка¹: забирали обычно ночью. До войны, то есть до облав и массовых арестов прямо на улицах и предприятиях, будущим лагерникам вручали ордер. Однако это вручение было чистой народной на законность, ибо кроме фамилии и имени будущего заключенного на ордере было написано: «...берется под охранный арест по подозрению в деятельности, ведущей к предательству и измене родине» или: «...берется под охранный арест, поскольку существует опасность, что имярек

¹ В книге немецкой антифашистки Ш. Мюллер «Слесарная команда Равенсбрюка», недавно изданной в СССР, рассказывается, что в лагерь попала женщина, вся «вина» которой заключалась в том, что «в очереди в магазине она посмела сказать: «В этой куче продуктовых карточек невозможно разобраться, что за дурацкие карточки!» Нацистка-фанатичка донесла на нее. Ее арестовали. Стало известно, что она ничего не пожертвовала в фонд зимней нацистской кампании. Ее отправили в Равенсбрюк.

использует свою свободу для подрыва национал-социалистского государства и его учреждений».

Впрочем, даже в первые годы нацистского господства ордера давались далеко не всем. Но страх, темный страх перед гестапо, перед людьми в черных мундирах с черепом и свастикой, был настолько велик, что никому просто не приходило в голову сказать, что арест незаконный. К какому закону, к какой правде можно было взывать в царстве нацистского произвола?

Несколько недель, а то и месяцев арестованный сидел в гестаповской тюрьме, в камерах, забитых до отказа людьми, обвиняемыми лишь в том, что они «могут использовать свою свободу» не так, как этого хочется нацистам, или желают «заниматься деятельностью», ведущей не туда, куда идет гестапо... Из камер их вызывали на допросы, после которых «подозреваемые» возвращались избитые, с кровоподтеками, без зубов, иногда с серьезными внутренними повреждениями.

Вслед за тюрьмой шла «транспортировка» — отправление в концлагерь. Естественно, что и это было обставлено соответствующим образом. Сотни заключенных заталкивали в товарные вагоны, и они стояли там в такой тесноте, что даже люди, потерявшие сознание от жажды, голода, холода (или жары) и недостатка воздуха, не падали — это было невозможно. Далее арестованных пересаживали в крытые грузовики. И наконец — пеший марш: истощенных, обезумевших людей гнали пинками, пощечинами, ударами сапог и дубинок к воротам концлагеря; отставших, упавших забивали насмерть, затапывали, расстреливали в упор... Так происходила пресловутая «селекция» будущих узников «кацет». Только наиболее выносливые, а стало быть работоспособные, переступали порог лагерного ада. С этого и начинался «конвейер смерти».

У ворот лагеря на вновь прибывших набрасывалась свора эс-совцев — и самые низшие чины, и высшие. И опять направо и налево сыпались удары, зуботычины, пинки. Кое-кто бросал в беззащитных людей камни, кое-кто плевал, кое-кто мочился на них. А все остальные гоготали. Длинноволосых и бородатых таскали за волосы и за бороды. Если на улице был мороз, узников обливали из шлангов водой. Их ставили перед воротами, заставляли стоять по многу часов подряд на холоде, под проливным дождем, под палящим солнцем. Иногда приказывали делать пресловутые приседания. А кто падал, тех пристреливали...

Без «этапа» и церемонии «встречи» нацистский концлагерь был бы невозможен, ведь с самого начала следовало превратить узника в дрожащую, истерзанную плоть, лишить воли и способности сопротивляться. Иногда при «встрече» сажали сразу в карцер.

Документы, которые стали известны после войны, показыва-

ют, что эсэсовцам это удавалось отнюдь не всегда. Лагеря рождали героев. Таких, как советский генерал Карбышев, таких, как сотни и тысячи антифашистов из разных стран, подвиги которых всегда будут жить в сердцах человечества.

Но мы говорим не о них, а об империи «кацет» и ее хозяевах — эсэсовцах, о тех, кто по самой своей природе не в силах был понять мужество и достоинство униженных, избиваемых, пытаемых...

Эсэсовцы верили в силу — других богов у них не было. Они не говорили даже, как французский король: «После меня хоть потоп», ибо им казалось, что их власть вечна. Фюрер обещал им «тысячелетний рейх», и они решили, что и концлагеря, и их безнаказанность останутся на века.

...Итак, только после многих мучений и унижений начиналась унижительная процедура приема в концлагерь. Ее не мог миновать никто. После заполнения многочисленных анкет¹ заключенных гнали к парикмахеру (брили наголо даже женщин в женском концлагере Равенсбрюк), потом в душ (часто душ заменяли «купанием» в грязной лохани с дезинфекционной жидкостью). За это время узника успевали обработать — одежду связывали в узлы, ценности — от денег до обручального кольца, от часов до крестика или распятия — прятали якобы до «освобождения», на самом деле это была добыча эсэсовцев, которую они тут же делили (в лагерях смерти порядок был другой — награбленное добро передавали в имперский банк!).

Так начиналась лагерная жизнь. А потом шли лагерные будни... Сирена... Подъем... Поверка на аппельплаце... Работа по 14—16 часов... Снова поверка, на сей раз вечерняя, которая продолжалась, как правило, бесконечно долго... Короткий сон... Сирена... Подъем...

И все это при чудовищном недоедании — лагерников держали на голодном пайке даже до войны, когда на каждую лагерную «душу» приходились кое-какие продукты, но их разворовывали эсэсовцы. И при небывало антисанитарных условиях², скученности, при непрекращающихся эпидемиях. Уже зимой 1939/40 г. в империи «кацет» вспыхнула эпидемия сыпного тифа, унесшего многие тысячи жизней. И наконец, при заранее продуманной,

¹ Ойген Когон рассказывает в своей книге, что не все узники вообще понимали, о чем их спрашивали эсэсовцы, в таком тоне шел разговор. Например, одному немцу проорали: «Какая б... родила тебя, ублюдка?» — что означало: «Как фамилия твоей матери?» А между тем этого несчастного произвела на свет женщина, которая получила от Гитлера «материнский крест в золоте».

² Немецкая антифашистка Ш. Мюллер, на книгу которой мы уже ссылались, пишет, что даже в их «образцовом» бараке в Равенсбрюке узницы «безуспешно пытались бороться со вшами». И в каждую свободную секунду «трясли свои одеяла, над которыми поднимались тучи пыли и блох, от которых не было покоя по ночам».

изошренной системе издевательств, наказаний, пыток, которым подвергались узники иногда по самой ничтожной причине, а иногда и вовсе без причин...

Наказанием была уже сама работа в «обычном» лагере. Для нее были характерны — неимоверная, непосильная тяжесть и... бессмысленность. Работа в «кацет» была построена таким образом, чтобы уморить людей. Особенно тяжелой считалась работа в каменоломнях, где приходилось таскать огромные камни. Не легче было волочить в упряжке вагон. В Равенсбрюке заключенные-женщины таскали гигантский каток. Узников, впрягавшихся в вагон, «остряки» ээсовцы называли «поющие лошади», ибо им приказывали петь хором. В Маутхаузене, где работа в каменоломнях считалась основной, заключенные шли на вечернюю поверку, толкая тачки с трупами умерших от истощения, застреленных.

Невыносимой была и работа землекопов. Впрочем, «выносимых» работ в концлагерях вообще не было. Ш. Мюллер пишет в своей книге: «Для работы у станка (в ткацкой мастерской. — Авт.) отбирали самых крепких, большей частью русских, украинок, поляков. Однако на баланде и сухом хлебе, работая то в дневную, то в ночную смену, через год-полтора погибали даже самые здоровые. Участь, грозившая нам, была у всех перед глазами. Уже в первый день я с ужасом увидела, как, обессилев и кашляя кровью, молодая ткачиха сползла со скамейки и упала под ткацкий станок. Ведь тот, кто, заболев туберкулезом... попадал в страшный блок — десятый, мог оставить всякую надежду когда-нибудь увидеть родину. Если же несчастные умирали недостаточно быстро, им была обеспечена газовая камера. Ээсовцы и те, кто стоял за ними, думали только о том, как бы побольше выколотить прибыли».

Страшная судьба ожидала узников, посланных на военные заводы. А их было огромное количество. Зачастую они не выходили из цехов в буквальном смысле этого слова (спали у станков на полу), «на волю» выносили их трупы и пригоняли новое пополнение.

В последние годы войны, когда участились бомбежки, заводы по производству оружия поместили под землю. Вот там-то и погибли миллионы людей — без дневного света, без воздуха.

Однако вернемся к «обычным» лагерям. Лагерный труд кроме всего прочего был, как мы писали выше, издевательски бессмыслен. Иногда землю, щебень и камни носили голыми руками, обдирая руки в кровь: не хватало лопат, мотыг, тачек. Очень часто узников заставляли по 16 часов в сутки копать ямы, а на следующий день засыпать их. Иногда в эти ямы заталкивали живых людей. В Бухенвальде на «заре» его возникновения при даровой рабочей силе водопровод стоил 3 млн марок (довоенных!), а осушение заболоченных мест — 5 млн — гигантские суммы по тем временам. Рабский труд был совершенно непроизводителен.

Кроме того, бесконечные наказания, превращавшие людей в калек, не давали им возможности нормально работать.

Система наказаний в общем была унифицирована — во всех лагерях приблизительно одинакова, что, впрочем, не мешало эсэсовцам придумывать свои собственные «оригинальные» способы расправы с незащитными людьми...

Мы уже писали о бесконечных стояниях на аппельплаце, кончавшихся обычно несколькими смертными случаями. Иногда узников выгоняли на аппельплац голыми. Часто людей пристреливали «за попытку к бегству»: сперва избивали, а потом толкали по направлению к колючей проволоке и в упор расстреливали. Иногда лагерь лишали еды на несколько дней; за «серьезные» проступки (неправильно застеленные нары, курение, «отлынивание от работы» — все это по доносу капо или уголовника) назначались телесные наказания. Согласно циркуляру Гиммлера от 4 апреля 1942 г., они были официально введены в «кацет» (до этого существовали неофициально). Порядок был такой: на аппельплаце зачитывался список (естественно, по номерам — в концлагере человек лишался имени и фамилии и становился «номером») тех, кого должны были подвергнуть избиению. Если дело ограничивалось 25 ударами, их наносили в один прием. Иногда приговаривали к 50, 75 или даже 100 ударам — тогда экзекуция растягивалась на несколько дней. Согласно инструкции, наказывали «в одежде» или обнажая «заднюю часть тела» («усиленная строгость»). Подвергавшегося порке привязывали ремнями к так называемой «кобыле», голову закутывали тряпьем, чтобы приглушить крики. Часто на всю мощь включали радио. В циркуляре говорилось, что телесное наказание требует «санкции» врача. Обычно врач давал «санкцию» уже после экзекуции. Нередко жертвам отбивали почки. После наказания многие палачи требовали, чтобы избиваемые, которых ставили с «кобылы», сделали от 50 до 150 приседаний, дабы «укрепить мускулы».

Избивали плетками или палками.

Еще более страшным наказанием было подвешивание. Узникам заламывали руки за спину, надевали кандалы и за эти кандалы подвешивали к столбу или к дереву, следствием чего были вывихи плечевых суставов и нечеловеческая боль. Одновременно эсэсовцы избивали свои жертвы — били по лицу, по половым органам, по ногам. Потерявших сознание обливали водой. Подвешивание продолжалось от получаса до четырех часов. Наконец, в случае неповиновения или сопротивления сажали в карцер, в бетонные камеры-бункеры.

Коротко мы упоминали о карцерах в связи со «встречей» новых партий лагерников. Но вновь прибывшие проводили там одну ночь. Не для этого предназначались карцеры. Они существовали

для наказания заключенных. По свидетельству Ойгена Когона, в каждом концлагере карцеры имели свои «особенности». Так, в Дахау запертые в бункеры узники могли лежать только скорчившись и должны были выпрашивать еду лаем. В Дахау карцеры назывались «собачьи клетки».

Несколько месяцев в концлагере Бухенвальд действовал так называемый «черный карцер». Один из заключенных, Отто Лайшнигг, портной, чудом спасшийся, рассказал о нем: «Каждую дырочку или трещину заклеивали бумагой, чтобы не пробивался свет.

...Поскольку отопления не было... на стенах скапливалась сырость. На полу стояли лужи. В темноте я ощупью добрался до воды и сел на мокрое, чтобы несколько утолить нестерпимую боль (Лайшнигга и его товарищей по портняжной мастерской несколько раз выпороли на «кобыле». — Авт.)... Умываться давали раз в три дня... Помещение было абсолютно пустым, только в углу находились две параша. Туда мы тоже пробирались ощупью. Из-за фекалий вонь стояла невыносимая. Спали мы вповалку на полу, положив под голову башмаки и шапку. Прижимались друг к другу, чтобы окончательно не замерзнуть, пошевелиться было невозможно. Примерно два-три часа люди выдерживали такое лежание. Потом приходилось вставать и ходить по кругу, чтобы хоть немного согреться. Когда человек падал, его оттаскивали в угол. Если он лежал неподвижно двое суток, эсэсовцы выбрасывали его на улицу, в большинстве случаев он был мертв. Так шли дни и недели, мертвых и полумертвых выносили. Срока наказания никто не знал. Я пробыл в «черном бункере» 50 дней и ночей. Силы мои почти иссякли...»¹

В Заксенхаузене в карцере человек мог только стоять: на высоте лица в стену были вделаны решетки, для того чтобы эсэсовцы могли плевать в наказанного.

Церемония допросов в бункерах также была отработана до мельчайших деталей. Узника раздевали догола, потом его вводили в комнату, закованного в кандалы, и привязывали к батарее.

В некоторых концлагерях в бункере не разрешали спать. Заснувших избивали резиновой дубинкой, а если он начинал кричать, приходил другой эсэовец с плеткой. Потерявших сознание обливали ледяной водой.

В огромных «обычных» лагерях по временам скапливалось такое количество людей, что на лагерной территории устраивали дополнительные так называемые «малые лагеря». Условия там были еще более тяжелые, чем в больших «кацет», поскольку узники жили либо в палатках, либо в дощатых, наскоро сколоченных сараях. В «малых лагерях» не водилось ни печей, ни воды, ни

¹ Цитируем по книге Ойгена Когона.

соломенных матрасов, ни одеял. Но и в этих лагерях существовало подобие карцеров. К примеру, в Бухенвальде в «малом лагере» стояла клетка из колючей проволоки под названием «розарий». Там люди умирали от голода и холода на глазах у своих товарищей.

«Казни» совершались, как правило, стихийно. Например, охранник мог «под настроение» положить узника лицом в лужу и до тех пор прижимать его голову к земле, пока он, захлебнувшись, не испускал дух. Тысячи людей в «кацет» эсэсовцы удавляли, повесили (в Бухенвальде на апельплаце долгое время стояла виселица), отравили, убили инъекциями... О палачах в белых халатах речь пойдет ниже...

Один из комендантов Бухенвальда, Кох¹, сочинил такую притянутую за уши историю: «В моем (!) лагере больных не бывает. У меня есть только здоровые или мертвые».

Тем не менее больных при тех условиях, которые существовали в «кацет», насчитывалось великое множество. Обращались с ними еще более жестоко, нежели со здоровыми. После своеобразного «отбора» некоторых из них укладывали в специальные бараки, где находились заключенные с самыми разными заболеваниями — от тифа до флегмоны, от дизентерии до воспаления легких. Случалось, врачи-эсэсовцы поступали еще проще — врач вставал перед нескончаемой очередью больных и взмахом руки определял, какому узнику отойти направо, какому — налево. Отошедших налево (или направо) отправляли сразу к крематорию, где делали укол, остальных помещали в больничный блок. Тех, кого умерщвляли, цинично именовали «вспрыснутыми» — им вводили очень большие дозы хлоралгидрата, фенола либо просто воздух. Впрочем, отравляли в «обычных» лагерях (и, кстати, в бункерах) самыми разными способами, в частности подмешивали в баланду или в «кофе» мышьяк.

С течением времени, когда в концлагерях начали вспыхивать эпидемии сыпного тифа, эсэсовцы перестали посещать больничные бараки — они боялись за свою жизнь, — и персоналу (разумеется, если это были «политические») удавалось не только лечить людей, чудом добывая медикаменты, но и прятать среди больных тех товарищей, кому грозила смерть.

То же относилось и к туберкулезным баракам, куда никогда не заглядывали эсэсовские врачи.

Но это было лишь исключением из общего правила. А правило

¹ Эсэсовское семейство Кох вообще вошло в историю «кацет». Ильзе Кох — жена Коха — делала абажуры из человеческой кожи, истязала женщин и детей, а когда ее супруг часами держал в стужу на апельплаце раздетых догола узников, стояла у забора с другими эсэсовками и покатывалась со смеху. Эрих Кох был комендантом гитлеровского концлагеря Бухенвальд с момента основания лагеря (1937 г.).

состояло в том, что заболевший автоматически приближался к концу «конвейера», то есть к крематорию. Ведь он уже не представлял ровно никакой ценности как рабочий скот.

* * *

Страшным деянием эсэсовцев с врачебными дипломами были опыты над живыми людьми.

В этих случаях «самодеятельность» встречалась уже реже.

Медицинские эксперименты проводились только с ведома и разрешения самого Гиммлера.

Самое непосредственное участие в опытах над узниками «кацет» принимали монополии, особенно химический гигант «ИГ Фарбениндустри», а также множество научных институтов, не имевших прямого отношения к СС. Начиная с 1943 г. опыты стали проводиться с санкции уже не раз упоминавшегося выше Небе — начальника одного из отделов РСХА.

В самих концлагерях буквально весь медицинский персонал — а следовательно, тысячи людей — был участником этих тягчайших преступлений.

Для экспериментов возводились бараки в некотором отдалении от других. Доступ туда был строжайше запрещен, что не мешало просачиваться слухам об ужасах, творимых в этих бараках.

С течением времени у каждого концлагеря появилась своя «специализация».

В *Бухенвальде* в основном занимались разработкой противотифозной вакцины. Но как занимались! Ничтоже сумняшеся, заражали здоровых людей. И даже в тех редких случаях, когда противотифозная сыворотка оказывалась действенной, эсэсовские врачи вводили вакцинированным людям такие лошадиные дозы бацилл (внутривенно), что люди все равно гибли. Более того, дабы иметь под руками свежие штаммы сыпного тифа, целую группу узников все время заражали тифом. Чудом выжившие стали калеками — их парализовало, они потеряли память. Этим «подопытных» заключенных можно было считать стопроцентными смертниками. Впрочем, крематорием кончался любой эксперимент — кроме всего прочего, эсэсовцы вовсе не были заинтересованы в том, чтобы оставались живые свидетели их «медицинской» деятельности.

Проходили эти опыты с осени 1941 г. в блоке 46, обнесенном двойным рядом колючей проволоки. Ответственным за них был Институт гигиены войск СС в Берлине. Непосредственно участвовали штандартенфюрер (позже оберфюрер) СС доцент Марговски, а также инспектор вермахта, генерал-полковник, профессор Хандлозер; имперский фюрер здравоохранения, статс-секретарь группенфюрер СС Конти, президент «имперской палаты здравоохране-

ния» профессор Рейтер, профессор института имени Роберта Коха в Берлине Гильдемейстер и, наконец, врачи из самого Бухенвальда, в частности Динг-Шулер.

В Бухенвальде проводились и другие эксперименты — опыты по заражению желтой лихорадкой, оспой, паратифом, дифтеритом. Как и во всех «кацет», там экспериментировали с ОВ (отравляющими веществами). И наконец, врачи-садисты пересаживали узникам половые органы, якобы для... борьбы с гомосексуализмом. Руководил этими опытами штурмбанфюрер СС Шульце и оберфюрер Попендик. Эти же «ученые мужи» кастрировали людей и вводили им... синтетические гормоны.

В концлагере Дахау специализировались на малярии. С января 1942 г. гауптштурмфюрер, доктор Плётнер (а до него Брахтель) по распоряжению профессора Шиллинга начали отбирать среди лагерников «абсолютно здоровых людей» в возрасте от 20 до 45 лет и заражать их малярией. Каждую неделю жертвами Плётнера становились не менее 20 человек. Заразив людей малярией, эсэсовские врачи спокойно наблюдали за ходом болезни и за соответствующими осложнениями: желтухой, сердечной недостаточностью, воспалением легких. Особо много смертных случаев от нелеченной малярии объяснялось и тем, что ею заражали узников с ослабленным, истощенным организмом.

Гиммлер посетил малярийный блок в сопровождении Конти и воскликнул, обращаясь к «подопытным» заключенным: «Парни, вы принесли отечеству такую же пользу, как наши солдаты на фронте! Я позабочусь о том, чтобы вас выпустили на свободу».

Разумеется, все «парни», подвергшиеся в Дахау медицинским экспериментам, были умерщвлены там же, впрочем, как и зараженные узники в других лагерях.

С 1943 по 1945 г. узникам в Дахау делали прививку, чтобы вызвать у них флегмону. «Подопытными кроликами» убийц с врачебными дипломами были в основном католические священники, больше всего из Польши. Главный врач СС Вольтер поставлял их из числа заключенных, а другой эсэовец — Лауэ — «заражал». Рапортуя Гиммлеру, врач СС Гравиц сказал, что, «несмотря на неблагоприятные результаты (все больные умирали.— Авт.), исследования в Дахау продолжаются».

В этом лагере проводились и такие варварские эксперименты: узников подвергали высочайшему атмосферному давлению либо замораживали живьем.

В 1941 г. штабной врач нацистской авиации Рашер (вскоре он получил чин унтерштурмфюрера СС), работавший в Мюнхене, начал, с разрешения Гиммлера, экспериментировать на узниках Дахау. Это вызвало превеликую зависть у штатских «исследователей» Ромберга и Руффа — оба были директорами соответствующими

щих научных институтов, связанных с воздушным флотом. Суть экспериментов Рашера сводилась к тому, чтобы выяснить, как люди выдерживают быстрый подъем и столь же быстрый спуск в негерметизированных кабинах. Характерно, что Гиммлер разрешил проводить эти заведомо смертельные опыты на поляках и русских — участниках Сопротивления.

В Дахау на лагерной «улице» поставили «вагон» — высокую камеру на колесах, снабженную специальной аппаратурой. Когда испытуемый «поднимался вверх» или «падал» — в камере соответствующим образом менялось давление, — ему снимали кардиограмму. А после смерти жертву подвергали анатомическому вскрытию. «Научные» выводы господина палачи сформулировали следующим образом: «Кровь на высоте 21 тысячи метров еще не закипает» (медицинское заключение от июля 1942 г.) — или же: «При вскрытии сердце еще билось» (заключение самого Рашера). После чего доктор Рашер начал подряд рассекать на части еще живых людей, чтобы узнать, сколько времени после наступления клинической смерти работает сердце.

«Вагон» вызывал дикий ужас у заключенных Дахау. Правда, первые жертвы Рашера были «добровольцы» — им обещали сносное питание, не объяснив, что с ними произойдет. Но потом, естественно, никто не соглашался идти в камеру, и Рашер стал выискивать жертвы сам. Рашер был одним из фаворитов Гиммлера: всемогущий рейхсфюрер СС и «скромный ученый» обменивались письмами.

В одном письме, к примеру, Рашер писал, что «продуктивный интерес Гиммлера к его (Рашера) исследованиям повышает активность и творческую энергию» сего ученого мужа.

Впрочем, не только Рашер находился в переписке с Гиммлером. Так, в октябре 1942 г. генерал-полковник профессор Хиппке, санитарный инспектор немецкой авиации, писал Гиммлеру:

«Глубокоуважаемый господин рейхсфюрер СС! С почтением благодарю Вас от имени медиков-исследователей германского воздушного флота за Вашу огромную помощь и за Ваш интерес к проводимым нами научным опытам; эти опыты являются для нас существенными и важными... Опыты по охлаждению — они представляют уже другой аспект — еще идут в Дахау... В тех случаях, когда работа требует Вашей дальнейшей поддержки, прошу Вашего разрешения на то, чтобы штабной врач доктор Рашер снова мог обратиться к Вам лично.

Приветствую Вас словами: Хайль Гитлер!

Профессор, доктор Хиппке».

Опыты по «охлаждению» (замораживанию) людей под названием «действие охлаждения на теплокровных» уже с октября

1942 г. ставил некий профессор Хольцлёнер. Все тот же Рашер предложил Хольцлёнеру сотрудничество, иными словами, неограниченное число «тепловкровных» — живых людей. Некоторое время профессор работал с Рашером, а потом Рашер решил не делить ни с кем «лавры» и до мая 1943 г. единолично губил узников Дахау, подвергая их мучительной смерти.

«В первый период (экспериментов. — Авт.) испытуемых — одетых или обнаженных — погружали в холодную воду с t° от -4 до -9° Цельсия до тех пор, пока они не окоченевали. Измерение температуры тела проводилось термоэлектрически через прямую кишку. Число подвергнутых экспериментам на первых порах — 50—60 человек, число летальных исходов — от 15 до 18. Во втором периоде Рашер ввел еще одно «новшество»: заключенных в мороз от -20 до -35° часами обливали водой и оставляли на улице ночью; поскольку крики замерзающих вызывали большое беспокойство, Рашер под конец стал усыплять их, делая соответствующий укол. Двух русских офицеров, которых приволокли из камеры, Рашер, согласно свидетельству бывшего узника Дахау Вальтера Неффа, обнаженных положил в холодную воду. Офицеры погибли только через пять часов. По прошествии двух с лишним часов один из русских сказал другому (это слышал присутствовавший при опыте польский санитар): «Попроси того офицера, чтобы нас пристрелили». На что второй ответил: «Не имеет смысла ждать милости от фашистского зверя».

Чудом выжил после экспериментов Рашера в Дахау советский военнопленный Николай Хонич, «добродушный великан, убежавший из неволи много раз, замороженный в Дахау заживо, активный участник лагерного подполья...». Газета «Известия» от 13 августа 1984 г. приводит рассказ о Хониче.

«Сколько раз возвращался из небытия сам Хонич, сосчитать трудно. Его бросали в бассейн с ледяной водой, держали там по три с лишним часа, пока не угаснет. Затем доктор-палач Рашер приказывал: отогреть, растереть спиртом... через несколько дней опыт видоизменялся: узника клали в студеную ванну, голову, спину, шею обкладывали льдом, на лоб лили воду. Процедура повторялась четыре раза — в научных целях, по словам Рашера, и еще дважды — для развлечения высоких чинов в черных мундирах и их семей...»

Общее число «испытуемых» с ноября 1942 г. по май 1943 г. составило от 200 до 240 человек (речь, разумеется, идет лишь о заключенных, которых заморозили. — Авт.); некоторых подвергали этой пытке два-три раза...

Гиммлера особенно интересовало отогревание еще живых, но потерявших сознание узников. Для этого было поставлено множество серий экспериментов с помощью догола раздетых женщин, кото-

рых привозили из концлагеря Равенсбрюк. «Лично я считаю, — писал рейхсфюрер СС Рашеру (Рашера за это время успели повысить в чине, сделать гауптштурмфюрером. — *Авт.*), — что эти эксперименты принесут самый большой и длительный успех...»

Ответ Рашера на это письмо даже не хочется цитировать, он выдержан в стиле неприличных статей в нацистской газетенке «Штюмер», где похоть густо перемежалась с политиканством, а кровавые призывы — с порнографией.

Но на сем переписка по поводу замученных узников «кацет» отнюдь не кончилась. Продолжаем цитировать из книги О. Когона:

«...Руководство СС утверждало, что упомянутые выше эксперименты имели большое значение для немецких летчиков, но что господа из авиации недостаточно энергично поддержали их инициативу. Однако профессор Хипке попытался оправдаться, направив 6 марта 1943 г. письмо начальнику личного штаба рейхсфюрера СС обергруппенфюреру СС Вольфу¹. В письме говорилось:

«...Ваше мнение о том, что я, будучи ответственным руководителем всех медико-научных исследований, оказывал хоть малейшее сопротивление опытам по охлаждению людей или мешал их проведению, совершенно необоснованно; я сразу же согласился с постановкой этих экспериментов, так как наши опыты над крупными животными были закончены и требовали уточнения. Просто невероятно предположить, что я, отвечая за разработку всех мер по спасению наших летчиков и делая в этом направлении все, что в моих силах, не пошел бы навстречу такой работе (нацистский профессор оскорблен в своих лучших чувствах! — *Авт.*). Когда Рашер изложил в свое время свои пожелания, я немедленно согласился с ними».

Опыты над живыми людьми в *женском концлагере Равенсбрюк* отличались такой же чудовищной жестокостью, как и опыты в Дахау.

Гравиц, имперский медицинский инспектор СС, приказал вводить узникам Равенсбрюка стафилококки, возбудители газовой гангрены и столбняка, а также вводили одновременно несколько видов бактерий, дабы установить эффективность сульфаниламидных препаратов. Непосредственно руководил экспериментами профессор Гебхард (с ним мы еще встретимся) — ординатор клиники ортопедической хирургии Берлинского университета, главный врач больницы Хознлихен, друг и один из лейб-медиков Гиммлера. По его указанию доктора Шидлауски, Розенталь и Герта Оберхейзер калечили и убивали несчастных женщин.

¹ Тому самому Вольфхену (Волчонку), с которым так любили вести сепаратные переговоры англо-американские представители, делая вид, будто Волчонк совершенно не в курсе кровавой практики эссовцев. А он, оказывается, был отлично осведомлен даже о «медицинских» экспериментах в концлагерях.

Надрез для внесения бактерий узницам делали на верхней части бедра, почти всегда глубокий, до самой кости, очень часто в рану вкладывали также щепки и осколки стекла; нагноения начинались сразу, и «контрольные» больные умирали в страшных муках. Смерть других больных наступала позже, но мучились они не меньше. (Для опытов почему-то выбирали самых красивых девушек!) А когда в Равенсбрюк являлся профессор Гебхард собственной персоной, больных (иногда умирающих) узниц часами держали привязанными к операционным столам.

В мае 1943 г. Гебхард сделал доклад об опытах в Равенсбрюке на «третьей конференции по Востоку для врачей — консультантов» военной академии в Берлине. Доклад назывался: «Особые эксперименты касательно действия сульфаниламидов». На конференции присутствовали уже известные нам профессор Хандлозер, профессор Рошток, директор университетской клиники в Берлине, консультант вермахта генерал-полковник Шрёдер, начальник санитарного управления авиации вездесущий Конти, начальник санитарного управления войск СС и полиции оберштурмфюрер Попендик, лейб-медик Гитлера (он же генерал-лейтенант войск СС) Брандт и другие менее известные медицинские «светила» «третьего рейха». Ни один из них не выразил своего возмущения тем, что опыты проводились над живыми людьми!

В Равенсбрюке также трансплантировали костные ткани. «Методика» и здесь была обычная для «кацет» — брали здоровых женщин, калечили их, а потом накладывали гипс. Когда хотели взглянуть, как идет эксперимент, вырезали куски живого тела и обнажали кость.

Иногда поступали еще проще: ампутировали здоровую ногу, руку или лопатку и отвозили в другой концлагерь — Хоэнлихен, к профессору Гебхарду, а там он вместе с Штумпффэггером и Шульцем (все это самые знаменитые хирурги СС) «приставляли» их к другим подопытным.

С 1939 г. опыты на живых людях проводились в *Заксенхаузене* — на узниках испытывали жидкие отравляющие вещества (ОВ), их втирали в кожу (!). О результатах экспериментов докладывали лично Гиммлеру. Заключение сперва слепли, а потом в страшных мучениях погибали.

В концлагере *Нацвейлер* также была широко поставлена вивисекция. Здесь экспериментировали с желтой лихорадкой, сыпным тифом... Особо отличался в Нацвейлере некий профессор Хирт. Хирт в конце 1942 г. связался с Гиммлером и получил разрешение создать «коллекцию» черепов и скелетов «еврейско-большевистских комиссаров». Оказывается, в нацистской науке существовал и такой «термин». Профессору было предоставлено 115 заключенных для этой цели, в основном из Освенцима. В Нацвейлере их отравили

в газовой камере, а потом Хирт отправил «экспонаты» в Анатомический институт при имперском университете, где их хранили в спирту. Когда фронт приблизился, тот же Хирт расчленил на куски трупы и сжег.

Освенцим с самого начала был задуман как лагерь уничтожения. «Медицинские» эксперименты в нем проводились в особо широких масштабах. Главным образом, эксперименты по стерилизации людей. Здесь выделился врач-венеролог некий Покорни, так же как Рашер, находившийся в переписке с самим Гиммлером. Сперва эти два «мудреца» решили испробовать медикаментозное «лечение» на основе исследований фирмы «Мадаус и К⁰», проведенных на животных. В октябре 1941 г. Покорни с восторгом писал Гиммлеру: «Если нам удастся на основе этих исследований быстро создать лекарство, которое в относительно короткий срок и незаметно будет стерилизовать людей, то мы получим в свое распоряжение новое, действенное оружие (у нацистов военные термины не сходили с языка. — *Авт.*) Одно то обстоятельство, что находящиеся в немецком плену три миллиона большевиков (речь шла об угнанных советских гражданах. — *Авт.*) могут быть стерилизованы, то есть останутся работоспособными, но не сумеют размножаться, открывает широкие перспективы».

Однако оказалось, что экзотическое лекарственное растение для стерилизации трудно выращивать в Германии.

За дело взялись другие врачи-убийцы, в частности Шуман (один из тех, кто проводил «программу эвтаназии»). Шуман связался с рейхслейтером Боле и оберфюрером СС Браком, сотрудником канцелярии Гитлера. Боле и Брак носились в ту пору (в 1941 г.) с планом поголовной стерилизации всех «неарийцев».

Опыты на сей счет по приказу Гиммлера проводились в Освенциме. И вот Шуман приступил к делу, отобрав в Освенциме всех евреев от 20 до 24 лет, хороших работников, и облучил их соответствующим образом рентгеном, после чего опять погнал на работу. Через две — четыре недели «подопытных» кастрировали и исследовали их половые органы. А Шуман отправился в Равенсбрюк, где *без наркоза* проводил чудовищные операции по стерилизации детей цыган.

И опять в стане убийц наступило ликование — врачи отрапортовали, что вопрос о стерилизации с помощью рентгена решен положительно; при наличии 20 рентгеновских установок можно якобы за день стерилизовать 3—4 тыс. узников концлагерей. Брак в послании к Гиммлеру заверил своего рейхсфюрера, что он обязуется стерилизовать «от двух до трех миллионов мужчин и женщин из числа еврейского населения», которые только «через несколько недель или — соответственно — месяцев поймут, что они кастрированы». «Если Вы, рейхсфюрер, — писал Брак далее, — решите, что

в интересах сохранения рабочей силы следует пойти этим путем, то рейхслейтер Боле предоставит в Ваше распоряжение требуемых врачей и прочий персонал».

Но и на сей раз произошла осечка. Шуман сообщил, что, во-первых, на мужчин рентген действует не стопроцентно и, во-вторых, все предложенные «мероприятия» весьма дорогостоящи (тем более что облученные умирали как мухи, и, таким образом, нацисты лишались рабов).

Тогда, не мудрствуя лукаво, Шуман предложил кастрировать «неарийцев», пообещав, что операция продлится всего 6—7 минут.

Наконец, в 1942 г. появился еще один садист с ученой степенью — профессор Клауберг. Этот «изобрел» свой метод — вспрыскивание в матку женщин химического препарата. Состоялась встреча Клауберга с Гебхардом и Глюксом — оберфюрером СС (заместителем Поля). Клаубергу было разрешено «производить опыты на людях и животных в концлагере Освенцим». Кроме того, свои жертвы сей профессор получил и в Равенсбрюке.

7 июня 1943 г. Клауберг сообщил, что его «методику можно считать разработанной» и что за один день он обязуется изуродовать «до одной тысячи женщин». Впрочем, для дальнейшего усовершенствования «метода» он потребовал еще 300 узниц из Равенсбрюка. Все они погибли в Освенциме.

* * *

Быть может, не стоило бы так подробно останавливаться на «врачебных» экспериментах в концлагерях — о них писалось не раз — и, пожалуй, ничто из практики эссовцев не вызывало такого ужаса и отвращения, как эти эксперименты, хотя и сам «обычный» «конвейер смерти», через который нацисты пропустили миллионы людей, убедительно показывает всю меру патологической бесчеловечности гитлеровского строя.

Однако есть причина, которая заставила нас с такой дотошностью описывать опыты над живыми людьми. Эта причина заключается в том, что «врачи», причастные к опытам, до сих пор разгуливают на свободе. Более того, находятся люди, которые смеют защищать их. Приведем только один пример: за четыре десятилетия так и не предстал перед судом гауптштурмфюрер СС Иозеф Менгеле по кличке Ангел смерти. Иозеф Менгеле ответствен за убийство 400 тыс. узников Освенцима. Он проводил, кроме того, «генетические эксперименты» для «создания чистой арийской расы», а попросту говоря, убивал детей-близнецов (какой изощренный садизм!) под видом постановки «научных» экспериментов. Впрочем, изобретательности этого патологоанатома по профессии не было пределов: он испытывал на живых людях (не только близнецах) воздействие отравляющих химических веществ, сжигал им

кожу, выкачивал кровь, не говоря уже о том, что Менгеле ответствен за «селекцию» узников в Освенциме... И этот-то Менгеле за 40 послевоенных лет где только «не мелькал»: был опознан в Вене, арестован американцами, но очень скоро выпущен на свободу, жил в Швейцарии с супругой, переправился в Южную Америку с фальшивым паспортом на имя Грегора из Буэнос-Айреса, съездил под своим настоящим именем в ФРГ, где развелся с первой женой, получил врачебную практику в Парагвае, совершал оттуда вояжи в США — в Майами... Какой позор для западной демократии!..¹

ЛАГЕРЯ УНИЧОЖЕНИЯ

Историки и публицисты, которые пишут о лагерях уничтожения — последнем круге нацистского ада, подчеркивают, что умерщвление людей в них — в Трешлинке, Берген-Бельзене, Собиборе, Майданеке, Освенциме — было поставлено на промышленную основу. Действительно, сами цифры уничтоженных мужчин, женщин и детей показывают, что необходимо было создать «индустриальную базу» для убийств. Ведь счет шел не на сотни, не на тысячи, даже не на десятки или сотни тысяч, а на миллионы. Чтобы умерщвлять миллионы, и впрямь необходимо было создать что-то вроде «производственного процесса». На повестку дня встали вопросы транспорта — жертвы свозились из всех стран Европы; вопросы строительства и «технического оснащения» палачей — вручную убить и захоронить столько людей, естественно, не представлялось возможным.

Но авторы этой книги не перестают повторять — «империя смерти», «империя Гиммлера», была идеологическим образованием. И прежде чем строить газовые камеры и крематории, прежде чем сгонять в них «неарийцев» со всей Европы, необходимо было идеологическое обоснование этой неслыханной акции.

Азбука нацизма предписывала освобождаться от особой с «нечистой» кровью. С этой целью были изданы пресловутые Нюрнбергские расовые законы, одним из авторов которых явился Глобке, в будущем начальник канцелярии Аденауэра. С этой целью пропагандистская машина коричневого рейха без конца нагнетала напряженность, сеяла ненависть к «низшим расам» и бук-

¹ Летом 1985 г., после того как в мире поднялся шум по поводу судьбы палача Менгеле, в ФРГ объявили, что сей «врач» умер в 1976 г. и похоронен на западногерманском кладбище. Но так как подобные сообщения не раз оказывались блефом, общественность потребовала эксгумации останков Менгеле. Официальная комиссия, проводившая расследование, объявила, что в могиле действительно похоронен Менгеле. Теперь остается гадать: правда ли, что этот чудовищный палач умер, или выводы комиссии ложные?

важно доводила до истерики обывателя, запугивая его «загрязнением нордической крови», подстрекая, накаляя обстановку в стране. «Штюрмер» — одна из крупнейших газет в нацистской Германии — писала изо дня в день: «они должны быть вырваны с корнем», «будут выкорчеваны навсегда», «будут вырезаны в массовом масштабе», «приготовьте им могилу, из которой они не смогут восстать».

Главный обвинитель от Великобритании Шоукросс говорил в Нюрнберге:

«Как может кто-нибудь из этих подсудимых заявлять, что он ничего не знал об этом?.. Гиммлер говорил об этих действиях открыто перед своими генералами СС и остальными офицерами дивизий СС в апреле 1940 года, он сказал им:

«Антисемитизм — это точно то же самое, что санитарная обработка. Избавление от вшей не вопрос идеологии, это вопрос гигиены. Точно так же для нас антисемитизм являлся не вопросом идеологии, а вопросом гигиены, которым мы скоро практически займемся. Скоро мы избавимся от «вшей». У нас осталось только 20 тысяч «вшей», и затем с этим вопросом будет покончено во всей Германии».

Палачи решали свои проблемы «поэтапно». Врагами номер один, «вшами», были перво-наперво объявлены евреям... Их надо было «давить» немедленно и полностью. Однако уже готовились враги номер два, номер три, номер четыре, номер пять — поляки, русские, украинцы, белорусы...

Маниакальной, навязчивой идеей Гиммлера была борьба с «насекомыми» — вшами, мухами, блохами... Любимой темой — гигиена, очищение, дезинфекция...

Двенадцать с половиной лет происходила эскалация насилия в Германии. Нет сомнений, что и эскалация геноцида шла бы в арифметической прогрессии...

Важным этапом в «промышленном» уничтожении «неарийцев» явилась конференция. Сами нацисты назвали эту конференцию «Конференцией статс-секретарей». В историю она вошла под именем «Конференция в Ванзее» — Ванзее был аристократический пригород Берлина — район вилл. Конференцию созвали 20 января 1942 г. Проводил ее Гейдрих, тогда он был в зените «славы». Материалы для Гейдриха готовил Адольф Эйхман — его «звезда» только восходила.

Разумеется, конференция работала не на пустом месте. Подготовка к массовой ликвидации «вшей» шла уже полным ходом. На Нюрнбергском процессе Хёсс¹ показал, что подготовкой к

¹ Хёсс Рудольф Фердинанд в 1923 г. за убийство был приговорен к 10 годам заключения; в 1933 г. получил назначение в Дахау от Гиммлера, потом стал заместителем коменданта, а затем комендантом в другом концлагере — в Заксенхаузене. В 1940 г. Хёсс был переведен в Освенцим, где создал один из лагерей смерти,

геноциду (не теоретической, а сугубо практической) занимались в Германии с самого начала войны — с 1939 г.

«Полное разрешение еврейского вопроса,— сказал Хёсс.— означало полное уничтожение всех евреев в Европе. В июне 1941 года я получил указание создать необходимые для уничтожения условия в Освенциме». К тому времени в генерал-губернаторстве (в Польше.— *Авт.*) существовали уже лагеря уничтожения.

И все-таки недооценивать конференцию в Ванзее нельзя. одно дело — грязный палач Хёсс. другое дело — статс-секретари. то есть заместители министров таких «приличных» министерств. как министерство путей сообщения. министерство экономики. министерство вооружений. наконец. министерство иностранных дел. Вполне респектабельные господа...

До показаний Хёсса в Нюрнберге было еще далеко. и участники совещания на Гросс-Ванзее. 56/58. не слышали. как тикают часы истории. неотвратно приближая день расплаты. день возмездия. Не по ним звонил колокол. а по их жертвам.

Как явствует из воспоминаний Эйхмана (вспоминал он много лет спустя в стеклянной клетке незадолго до вынесения ему приговора), этому чинуше среднего масштаба конференция очень понравилась. показалась таким уютным (слово «уютный» он произнес несколько раз) разговором обходительных и энергичных джентльменов... Само заседание. вспоминал Эйхман. продолжалось не более часа-полтора. после чего принесли напитки. затем последовал обед и «уютная беседа», во время которой завязывались более тесные личные связи... «И еще я помню, что после окончания этой «конференции в Ванзее» Гейдрих, Мюллер и я, ваш покорный слуга, уютно сидели у камина... не для того, чтобы обсуждать узкоспециальные вопросы, а чтобы отдохнуть после долгой напряженной работы... В тюрьме (!) я не раз вспоминал, как все были довольны, особенно в каком хорошем настроении находился Гейдрих... И подумал: сегодня Гейдрих курит. а раньше я не видел Гейдриха курящим... И он пьет коньяк... Я подумал, что до того вообще ни разу не видел, чтобы Гейдрих пил спиртное...»¹

Почему Гейдрих пришел в такое прекрасное настроение? Очевидно, обер-палачи все же боялись, что профессиональное чиновничество, можно сказать «элитное» чиновничество, окажет сопротивление чудовищным, злодейским планам нацистского карательного аппарата. А оно, согласно живым свидетельствам и печатным

в котором было истреблено более 4 млн человек; после краха гитлеровской Германии Хёсс скрывался под фамилией Ланг; в 1946 г. его обнаружили и передали Польше. 2 апреля 1947 г. Верховный трибунал ПНР приговорил Хёсса к смертной казни; повешен на территории Освенцима.

¹ Цитируем по книге Ханны Арендт «Эйхман в Иерусалиме, или Банальность зла».

документам. не только не возражало против этих планов, но, наоборот, билось за то. чтобы оказаться «в передовых», отличиться, «перевыполнить» наметки Гимmlера...

Как тут не вспомнить речь обвинителя от СССР Р. А. Руденко в Нюрнберге, в которой он с огромной силой пригвоздил к позорному столбу всех власть имущих в нацистской Германии: и политических деятелей, и промышленников, и высшее офицерство.

«Конечно. подсудимым. занимавшим высшие руководящие посты в гитлеровской Германии. не было никакой нужды самим. своими руками расстреливать. вешать. душить. замораживать живых людей... Это делали по их указаниям их подчиненные. палачи, выполнявшие. так сказать. черную работу, а подсудимым нужно было только давать приказания. исполняемые беспрекословно.

Поэтому безнадежна попытка подсудимых разорвать свою связь с этими палачами. отгородиться от них. Эта связь несомненна и бесспорна. И если комендант Освенцима Рудольф Хёсс вырывал золотые зубы у мертвецов. то имперский министр Вальтер Функ открывал для хранения золотых зубов специальные сейфы в подвалах имперского банка.

Если подчиненные Кальтенбруннера умерщвляли людей в душегубках, то строились эти «газзагены» на заводах Зауэра, Даймлера и Бенца, подчиненных подсудимому Шпееру.

Если военнопленных уничтожали профессиональные палачи из соединения «Тотенкопф» («Мертвая голова») и лагерная охрана. то приказы об уничтожении подписывались фельдмаршалом германской армии Кейтелем; именно подсудимые намечали сроки уничтожения, отдавали приказы о создании специальной техники умерщвления, идеологически обосновывали «право высших рас» на уничтожение, истребление «неполноценных» народов.

Это они спокойно и безжалостно наблюдали за замученными жертвами и, как Ганс Франк. произносили парадные речи «о еще новом шаге», пройденном германским фашизмом по пути очищения «жизненного пространства» от «низших рас».

Да так оно и было. И именно поэтом 20 января 1942 г. статс-секретари крупнейших министерств нацистской Германии «уютно» собрались с Гейдрихом и его помощниками — Мюллером-гестапо и Эйхманом, непосредственным исполнителем «окончательного решения». Посидели часок-полтора, потом, засучив рукава. принялись за работу.

К великому сожалению уважаемых статс-секретарей. сохранился протокол конференции. Выдержки из него — хотя бы выдержки! — необходимо привести.

«...Начальник полиции безопасности и СД, обергруппенфюрер

СС Гейдрих вначале передал присутствовавшим уполномоченным по подготовке окончательного решения еврейского вопроса в Европе соображения рейхсмаршала (Геринга. — *Авт.*) и указал, что они приглашены для обсуждения их, чтобы создать ясность по принципиальным вопросам... Поскольку рейхсмаршал возложил на него (Гейдриха. — *Авт.*) проведение организационных, экономических и материальных мер в связи с окончательным решением еврейского вопроса, требуется предварительная общая подготовка непосредственно задействованных в этой работе центральных инстанций...»

Такова, так сказать, преамбула — обоснование конференции в Ванзее. Однако нам могут возразить, что в преамбуле ничего не сказано о массовых казнях — говорится только об «окончательном решении». Но хорошо известно, что эсэсовцы создали *свой* язык — в этом языке такие слова, как убийства, казни, умерщвления, вообще отсутствовали. Уже в параграфе об «эвтаназии» мы упоминали об этом языке палачей. Сама эвтаназия — облегчение умирания обезболивающими средствами — не имела ничего общего с нацистской «эвтаназией» — убийством «лишних ртов». Тогда же были придуманы термины — «дезинфекция», «отсечение зараженных ветвей». Даже в концлагерях, где убийцы были, что называется, в своем кругу, существовал определенный жаргон. Вместо отбора для газовых камер говорили «селекция». Два палача, возившие жестянки с «Циклоном Б» и вводившие его в газовые камеры, именовались «санитарами». Заключенные (старики, дети, больные), которых умерщвляли сразу же после поступления в «кацет», получили название «пересылаемых по инстанции» (инстанция в данном случае означала, видимо, тот свет), а заключенных, которых еще намеревались использовать в качестве рабов, называли «отложными».

Буржуазные историки до сих пор уверяют, будто конференция в Ванзее содержит некую «загадку». Их, видите ли, беспокоит, почему Гейдрих ссылался на рейхсмаршала, то есть на Геринга, а не на Гитлера или хотя бы на Гимmlера. Не являлось ли это самодеятельностью Люцифера — Гейдриха?

Разумеется, нет. Решение об убийстве миллионов людей нельзя было принять, а тем более проводить в жизнь без прямых указаний Гитлера и Гимmlера. За такое самоуправство первым сторел бы в печи крематория не какой-нибудь там ремесленник из Лодзи, а сам Люцифер. Безусловно, в данном случае мы имеем дело с *коллективной волей всех* главарей рейха — от Гитлера до Лея, от Гимmlера до Франка, от Геринга до Розенберга.

«Окончательное решение» было логическим завершением начального этапа борьбы гитлеровцев за мировое господство. И утвердили его в январе 1942 г., когда нацисты, несмотря на первые

поражения на советско-германском фронте, еще были полны чудовищной спесью, мнили себя господами мира. Нет сомнения, что, если бы советский народ не разгромил немецкий фашизм, возникли бы другие программы и другие «вопросы». Они, как мы покажем ниже, были заложены в «плане Ост», в плане опустошения и нового заселения «восточного пространства», а далее неизбежно перекинулись бы на Запад.

Мы остановились на преамбуле... Потом идет та часть протокола конференции в Ванзее, где рассказывается о «достижениях» нацистов в вопросе преследования «неарийского» населения — в Германии, Австрии и в «протекторате», то есть на территории Чехословакии.

Собственно программа массового уничтожения «неарийцев» следует после констатации того факта, что предварительная их депортация на Восток, одобренная фюрером (вот и Гитлер появился в протоколах), прошла успешно, но что ее «надо рассматривать только как временную меру, хотя здесь уже создается практический опыт, который имеет важное значение в связи с планом окончательного решения...».

Самое главное начинается в заключительной части протокола — там дается «контрольная цифра» — число людей, которые должны были быть уничтожены в ходе «окончательного решения», — 11 млн человек! И «разнарядки» по отдельным странам. То обстоятельство, что в утвержденном в Ванзее решении значатся сама Германия, Австрия, оккупированная Польша (пресловутое «генерал-губернаторство»), «протекторат» (часть захваченной Чехословакии), оккупированная и неоккупированная Франция, Нидерланды, Норвегия, Дания, Советская Прибалтика, не может никого удивить. Известно, что на этих территориях, в этих суверенных европейских странах, эсэсовские палачи с самого начала лили кровь, зверствовали, уничтожали все живое. Более или менее понятно, что нацистские убийцы захотят превратить в ловушку для евреев и земли своих вассалов и союзников — Венгрии и Болгарии, Румынии и Италии. Однако последняя часть «разнарядки» убеждает нас в том, что амбиции гитлеровцев в Европе были поистине тотальными! В «разнарядке» значатся Англия, Швейцария, Турция, Португалия, Испания.

После конференции в Ванзее, которая была не только сугубо секретной, но и, так сказать, установочной, палачи приступили к конкретной деятельности. Адольф Эйхман созвал 28 августа 1942 г. «конференцию референтов». Эта конференция также прошла в Берлине, и на ней во всех подробностях были обсуждены «технические вопросы».

А далее «референты» — сотни эсэсовцев — разъехались по всем оккупированным территориям и по странам — вассалам

Германии, и началась массовая депортация еврейского населения в лагерь смерти.

Машина геноцида отладилась не в мгновение ока. Вначале людей убивали самым примитивным способом, на месте, без газовых камер и т. д. Да и впоследствии известный «разнобой» существовал. Число евреев, подлежащих уничтожению, было столь велико, что полной «унификации» палачи сумели добиться только в отдельных лагерях — в Трешлинке, Майданеке, Освенциме...

А теперь предоставим слово свидетелям. В Нюрнберге об уничтожении людей рассказал немецкий инженер Герман Фридрих Грабе, ставший очевидцем в октябре 1942 г. массовых расстрелов гитлеровцами еврейского населения городов Ровно и Дубно.

До этого нацистские власти собирали их в определенных местах, вывешивая соответствующие объявления-приказы. А потом на грузовиках привозили к месту казни.

Вот что увидел Грабе:

«Люди, которые сошли с грузовиков, — мужчины, женщины и дети всех возрастов — должны были раздеться по приказу членов СС, имевших при себе кнуты и плетки. Они должны были сложить свою одежду в определенных местах, таким образом, соответственно рассортировывалась обувь, верхняя одежда и белье.

Я видел груды обуви, приблизительно от 800 до 1000 пар. огромные кипы белья и одежды. Без криков и плача эти люди, раздетые, стояли вокруг семьями, целовали друг друга, прощались и ожидали знака от другого эсэсовца, который стоял около насыпи также с кнутом в руке. В течение 15 минут, пока я стоял там, я не слышал ни одной жалобы, ни одной мольбы о милосердии. Я наблюдал за семьей, состоявшей из 8 человек: мужчин и женщин в возрасте около 50 лет с детьми около 8 и 10 лет и двумя взрослыми дочерьми около 20 и 24 лет. Старая женщина со снежно-белыми волосами держала на руках годовалого ребенка, пела ему и играла с ним. Ребенок ворковал от удовольствия. Родители смотрели на него со слезами на глазах. Отец держал за руку мальчика приблизительно 10 лет десяти и что-то мягко говорил ему. Мальчик боролся со слезами. Отец указывал на небо, гладил рукой его по голове и, казалось, что-то объяснял ему. В этот момент эсэсовец у насыпи крикнул что-то своему напарнику. Последний отсчитал около 20 человек и приказал им идти за насыпь. Среди них была и та семья, о которой я говорил. Я запомнил девушку, стройную, с черными волосами, которая, проходя близко от меня, показала на себя и сказала: «23». Я обошел вокруг насыпи и оказался перед огромной могилой. Люди тесно были сбиты друг к другу и лежали друг на друге, так что были видны только их головы. Почти у всех по плечам струилась кровь из голов. Некоторые из расстрелянных еще шевелились, некоторые поднимали руки и поворачивали головы,

чтобы показать, что они еще живы. Яма уже была заполнена на две трети. По моему подсчету, там уже было около тысячи человек. Я искал глазами человека, производившего расстрел. Это был эсэсовец, сидевший на краю узкого конца ямы: ноги его свисали в яму. На его коленях лежал автомат, он курил сигарету. Люди совершенно нагие сходили вниз по нескольким ступенькам, которые были вырублены в глиняной стене ямы, и карабкались по головам лежавших там людей к тому месту, которое указывал им эсэсовец. Они ложились перед мертвыми или ранеными людьми, некоторые ласкали тех, которые еще были живы, и тихо говорили им что-то. Затем я услышал автоматную очередь. Я посмотрел в яму и увидел, что там бились в судорогах люди: их головы лежали неподвижно на телах, положенных до них. Кровь текла из затылков...

Следующая группа уже приближалась. Они спустились в яму, легли... и были расстреляны. Когда я, возвращаясь, огибал насыпь, я заметил другой, только что прибывший грузовик, нагруженный людьми. На этот раз это были больные и дряхлые люди. Старая, очень худая женщина со страшно тонкими ногами была раздета другими, уже обнаженными, в то время как два человека подерживали ее. Женщина, очевидно, была разбита параличом. Обнаженные люди принесли ее. Я покинул это место вместе со своим десятником и уехал на машине обратно в Дубно.

Утром следующего дня, когда я снова посетил строительный участок, я увидел около 30 обнаженных людей, лежавших вблизи от ямы, примерно в 30—50 метрах от нее. Некоторые из них были еще живы, смотрели прямо перед собой остановившимися глазами и, казалось, не замечали ни утреннего холода, ни рабочих моей фирмы, которые стояли вокруг. Девушка около 20 лет заговорила со мной и попросила дать ей одежду и помочь бежать. В этот момент мы услышали шум быстро приближавшейся машины, и я заметил, что это была команда СС. Я отошел обратно на свой строительный участок.

Через 10 минут мы слышали выстрелы со стороны ям».

Здесь речь идет о массовых расстрелах... Но в том же 1942 г. наряду с такого рода «кустарными» акциями, которые проводились на глазах у людей, что называется, цивильных, не служивших в СС, проходили и другие акции — с применением палаческой «техники». Крупный эсэсовский чин докладывал о «газовых автомобилях» — душегубках (автомобилях, в которых люди умерщвлялись выхлопными газами), вернувшись в Берлин из инспекционной поездки, нижеследующее:

«Приказав прорубить по одному окну с каждой стороны в маленьких автомобилях, а в больших автомобилях — по два окна с каждой стороны — таких, какие можно часто видеть в крестьян-

ских домах в деревне. — я добился того, что автомобили группы «Д» стали выглядеть, как автомобили, приспособленные для жилья. Однако они настолько хорошо известны, что не только власти, но и гражданское население называют такие автомобили «машины смерти», лишь только они появляются. По моему мнению, даже при маскировке нельзя будет держать это в секрете хоть сколько-нибудь продолжительное время».

У нас есть описание лагеря уничтожения, сделанное советским писателем Василием Гроссманом. Вместе с частями Советской Армии Гроссман в 1944 г. вошел на территорию Треблинки; ему представилась возможность поговорить с сотнями простых людей, живших в окрестностях концлагеря и изо дня в день, хотя и издали, наблюдавших за ужасами, творимыми эсэсовцами. Сама земля открыла писателю секреты гитлеровских палачей. Так же как и в других концлагерях, нацистам не удалось полностью уничтожить следы своих злодеяний, несмотря на прямые приказы Гимmlера.

Силой своего таланта Гроссман воссоздал на бумаге картину треблинского ада, «будни» одного из нацистских «кацет» на польской земле. Его записи поистине уникальны¹. А ведь человечество еще не знало в 1944 г. всего размаха нацистских преступлений. Не знало оно и пресловутого «плана Ост», о котором подробно будет рассказано в следующей главе. Не знало и итоговых цифр — числа замученных, «загазованных», сожженных гитлеровцами людей. Но даже если бы кроме треблинского ада молодчики Гимmlера не совершили бы ничего преступного, то и тогда их злодейства были бы поистине чудовищны.

«Эшелоны с жертвами шли сюда со всех четырех сторон света, с запада и востока, с севера и юга...

Эшелоны шли к Треблинке в течение 13 месяцев. в каждом эшелоне было 60 вагонов, и на каждом вагоне мелом были написаны цифры: 150—180—200. Эта цифра показывала количество людей, находящихся в вагоне. Железнодорожные служащие и крестьяне тайно вели счет этим эшелонам.

...С 15 июня 1942 г. по август 1943 г. в лагерь по ветке от станции Треблинка ежедневно подходили от одного до трех железнодорожных составов... Тринадцать месяцев, 396 дней, эшелоны уходили, груженные песком, и пустые, ни один человек из прибывших в лагерь № 2 не уехал обратно. Пришло время задать грозный вопрос: «Каин, где же они, те, кого ты привез сюда?»

Фашизму не удалось сохранить в тайне свое величайшее преступление. Но вовсе не потому, что тысячи людей невольно были

¹ Авторы дают всего лишь отрывки из очерка «Треблинский ад», опубликованного в книге Василия Гроссмана «Повести. Рассказы. Очерки». М., 1958.

свидетелями этого преступления. Гитлер, уверенный в безнаказанности, принял решение об истреблении миллионов невинных летом 1942 г. в период наибольшего успеха фашистских войск... Убежденные в своей безнаказанности, фашисты показали, на что они способны. О, если бы Адольф Гитлер победил, он сумел бы скрыть все следы всех преступлений; он бы заставил замолчать всех свидетелей, пусть их было бы десятки тысяч, а не тысячи. Ни один из них не произнес бы ни слова. И невольно еще раз хочется преклониться перед теми, кто осенью 1942 г. при молчании всего ныне столь шумного и победоносного мира вели в бой в Сталинграде и на волжском обрыве против немецкой армии, за спиной которой дымилась и клокотала реки невинной крови. Красная Армия — вот кто помешал Гиммлеру сохранить тайну Треблинки...

...Все, что написано ниже, составлено по рассказам живых свидетелей, по показаниям людей, работавших в Треблинке с первого дня существования лагеря по день 2 августа 1943 г., когда восставшие смертники сожгли лагерь и бежали в лес, по показаниям арестованных вахманов, которые от слова до слова подтвердили и во многом дополнили рассказы свидетелей...

Пройдем же по кругам треблинского ада.

...Известно, что Гиммлер приезжал в это время в Варшаву, отдавал соответствующие распоряжения. День и ночь шла подготовка треблинской плахи. В июле первые эшелоны уже шли из Варшавы и Ченстохова в Треблинку, людей извещали, что их везут на Украину для работы в сельском хозяйстве...

...Для последнего обмана людей, приезжавших из Европы, железнодорожный тупик в лагере смерти был оборудован наподобие пассажирской станции. На платформе, у которой разгружались очередные 20 вагонов, стояло вокзальное здание с кассами, камерой хранения багажа, с залом ресторана, повсюду имелись стрелуказатели: «Посадка на Белосток», «На Барановичи», «Посадка на Волковыск» и т. д.

...Тревога на площади (куда сгоняли с перрона обреченных. — *Авт.*) продолжается несколько мгновений. может быть две-три минуты... Выход всегда сопряжен с задержкой, в каждой партии имеются калеки, хромые, старики и больные, едва передвигающие ноги. Но вот все на площади. Унтершарфюрер (младший унтер-офицер войск СС) громко и раздельно предлагает приехавшим оставить вещи на площади и отправиться в «баню», имея при себе лишь личные документы, ценности и самые небольшие пакетики с умывальными принадлежностями.

...А на площади перед вокзалом две сотни рабочих с небесно-голубыми повязками... молча, быстро, умело развязывают узлы, вскрывают корзинки и чемоданы, снимают ремни с портпледов. Идет сортировка и оценка вещей, оставленных только что прибывшей партией...

...Нужно обладать квалификацией, чтобы в считанные минуты рассортировать все эти тысячи предметов, оценить их — одни отобрать для отправки в Германию, другие — второстепенные, старые, штопаные — для сожжения... Сорок эсэсовцев и 60 вахманов работали «на транспорте», так называлась в Треблинке первая, только что описанная нами стадия: прием эшелона, вывод партии на «вокзал» и на площадь, наблюдение за рабочими, сортирующими и оценивающими вещи...

...И пока люди, все еще живые, готовились к «бане», работа над их вещами подходила к концу — ценные вещи уносились на склад, а письма, фотографии новорожденных, братьев, невест, пожелтевшие извещения о свадьбах, все эти тысячи драгоценных предметов, бесконечно дорогих для их владельцев и представляющих лишь хлам для треблинских хозяев, собирались в кучи и уносились к огромным ямам, где на дне лежали сотни тысяч таких же писем, открыток, визитных карточек, фотографий, бумажек с детскими каракулями и первыми неумелыми рисунками цветным карандашом. Площадь кое-как подметалась и была готова к приему новой партии обреченных. Не всегда прием партии проходил, как только что описано. В тех случаях, когда заключенные знали, куда их везут, вспыхивали бунты...

...«Achtung!»¹ проносится над толпой, и в свинцовой тишине голос шарфюрера произносит заученные, повторяемые несколько раз на день, много месяцев подряд слова:

«Мужчины остаются на месте, женщины и дети раздеваются в бараках налево».

...Психиатры смерти знают те простые законы, которые действуют на всех скотобойнях мира, законы, которые в Треблинке скоты применяли к людям. Это один из наиболее ответственных моментов: отделение дочерей от отцов, матерей от сыновей, бабушек от внуков, мужей от жен.

И снова над площадью: «Achtung! Achtung!» Именно в этот момент нужно снова смутить разум людей надеждой, правилами смерти, выдаваемыми за правила жизни. Тот же голос рубит слово за словом:

— Женщины и дети снимают обувь при входе в барак. Чулки вкладываются в туфли. Детские чулочки вкладываются в сандалии, ботиночки и туфельки детей. Будьте аккуратны.

И тотчас же снова:

— Направляясь в баню, иметь при себе драгоценности, документы, деньги, полотенце и мыло... Повторяю...

Внутри женского барака находится парикмахерская: голых женщин стригут под машинку...

¹ «Внимание!»

...Все свидетели подтверждали, что волосы отправляли в мешках в германские адреса...

...Мужчины раздевались во дворе. Из первой утренней партии отбиралось полтора ста — триста человек, обладающих большой физической силой, их использовали для захоронения трупов и убивали обычно на второй день. Раздеваться мужчины должны были очень быстро, но аккуратно, складывая в порядке обуви, носки, белье, пиджаки и брюки. Сортировкой носильных вещей занималась вторая рабочая команда...

...Начиналась новая процедура. Голых людей подводили к «кассе» и предлагали сдавать документы и ценности. И вновь страшный, гипнотизирующий голос кричал: «Achtung! Achtung! За сокрытие ценностей смерть! Achtung!»

В маленькой, сколоченной из досок будке сидел шарфюрер. Возле него стояли эсэсовцы и вахманы. Подле будки стояли деревянные ящики, в которые бросались ценности — один для бумажных денег, другой для монет, третий для ручных часов, для колец, для серег и для брошек с драгоценными камнями, для браслетов. А документы летели на землю, уже никому не нужные на свете, документы живых мертвецов, которые через час уже будут затрамбованными лежать в яме. Но золото и ценности подвергались тщательной сортировке, десятки ювелиров определяли чистоту металла, ценность камня, чистоту воды бриллиантов...

...Здесь, у «касс», наступал перелом — здесь кончалась пытка ложью, державшей людей в гипнозе неведения, в лихорадке, бросавшей их на протяжении нескольких минут от надежды к отчаянию, от видений жизни к видениям смерти. Эта пытка ложью являлась одним из атрибутов конвейерной плахи, она помогала эсэсовцам работать. И когда наступал последний акт ограбления живых мертвецов, немцы резко меняли стиль отношения к своим жертвам. Кольца срывали, ломая пальцы женщинам, вырывали серьги, раздирая мочки ушей.

На последнем этапе конвейерная плаха требовала для быстрого своего функционирования нового принципа. И поэтому слово «Achtung!» сменялось другим, хлопающим, шипящим: «Schneller! Schneller! Schneller!» Скорей! Скорей! Скорей! Бегом в небытие!

Эсэсовцы... применяли на последнем этапе работы конвейерной плахи метод чудовищного оглушения, ввергали людей в состояние психического, душевного шока.

Как это делалось?

Внезапным и резким применением бессмысленной, алогичной жестокости... Из рук их (голых людей.— Авт.) вышибали куски мыла и полотенца. Их строили рядами по пять человек...

— Hände hoch! Marsch! Schneller! Schneller!¹

¹ Руки вверх! Марш! Быстрее! Быстрее!

Они вступали на прямую аллею, обсаженную цветами и елками, длиной 120 метров, шириной два метра, ведущую к месту казни. По обе стороны этой аллеи была протянута проволока и плечом к плечу стояли вахманы... и эсэсовцы... Дорога была покрыта белым песком...

Эту аллею немцы назвали «дорога без возвращения».

...Путь от «касы» до места казни занимал несколько минут. Подхлестываемые ударами, оглушенные криками, люди выходили на третью площадь...

Перед ними стояло красивое каменное здание, отделанное деревом, построенное, как древний храм. Пять широких бетонированных ступеней вели к низким, но очень широким, массивным, красиво отделанным дверям. У входа росли цветы, стояли вазоны. Кругом же царил хаос: всюду видны были горы свежевскопанной земли, огромный экскаватор, скрежеща, выбрасывал своими стальными клешнями тонны желтой песчаной почвы, и пыль, поднятая его работой, стояла между землей и солнцем. Грохот колоссальной машины, рывшей с утра до ночи огромные рвы-могилы, смешивался с отчаянным лаем десятков немецких овчарок.

...Эсэсовцы спускали натренированных собак, которые кидались в толпу и рвали зубами голые тела обреченных. Эсэсовцы с криками били прикладами, подгоняя замерших, словно в столбняке, женщин.

...Жители ближайшей к Треблинке деревни Вулька рассказывают, что иногда крик убиваемых женщин был так ужасен, что вся деревня, теряя голову, бежала в дальний лес, чтобы не слышать этого пронзительного, просверливающего бревна, небо и землю крика. Потом крик внезапно стихал и вновь столь же внезапно рождался, такой же ужасный, пронзительный, сверлящий кости, череп, душу... Так повторялось по три-четыре раза в день.

...Это была конвейерная плаха, организованная по методу потока, заимствованному из современного крупнопромышленного производства.

И как подлинный промышленный комбинат, Треблинка не возникла сразу в том виде, как мы ее описываем. Сперва были построены три газовые камеры небольшого размера... 5×5 метров, то есть площадью в 25 квадратных метров каждая. Высота камеры 190 сантиметров. В каждой камере имелись две двери — в одну впускались живые люди, вторая служила для вытаскивания загазированных трупов...

Эти три камеры не удовлетворяли заданной Берлином мощности конвейерной плахи.

Тотчас же приступили к строительству описанного выше здания. Руководители Треблинки гордились тем, что оставляют далеко позади по мощности, пропускной способности и производственной

квадратуре камер многие гестаповские «фабрики смерти»: и Майданек, и Собибур, и Бельжице.

Общая площадь новых 10 камер составляла 560 квадратных метров, а считая и площадь трех старых камер, которые продолжали работать при поступлении небольших партий, — 630 метров. В одну камеру загружалось одновременно 400—600 человек. Таким образом, при полной загрузке 10 камер в один прием уничтожалось в среднем 4—6 тыс. человек. При самой средней нагрузке камеры треблинского ада загружались по крайней мере два-три раза в день (были дни, когда они загружались по шесть раз).

...И вот наступает последний акт человеческой трагедии — человек переступил последний круг треблинского ада.

Захлопнулись двери бетонной камеры. Усовершенствованные, комбинированные затворы, массивная задвижка, зажим и крюки держат эту дверь, ее не выломать...

...Через 20—25 минут подручные Шмида (начальник лагеря «Треблинка-2». — *Авт.*) заглядывали в глазки. Наступала пора открывать двери камер, ведущие на платформы. Заключенные, в комбинезонах, под шумное понукание эсэсовцев приступали к разгрузке... Эсэсовцы, переговариваясь, осматривали трупы. Если кто-нибудь оказывался жив, стонал или шевелился, его достреливали из пистолета. Затем команды, вооруженные зубо-врачебными щипцами, вырывали у лежавших в ожидании погрузки убитых платиновые и золотые зубы. Зубы эти сортировали согласно их ценности, упаковывали в ящики и отправляли в Германию...¹

Трупы грузили на вагонетки и подвозили к огромным рвам — могилам. Там их укладывали рядами, плотно один к одному. Ров оставался незасыпанным, ждал. А в это время... шарфюрер, работавший «на транспорте», получал по телефону короткий приказ, подавал сигнал машинисту, и новые 20 вагонов медленно подкатывались к платформе...

Писатель Гроссман, один из первых советских людей побывавший в Треблинке, не знал еще, что этот «кацет» был отнюдь не самым производительным из всех «фабрик смерти». Показания коменданта Освенцима Хёсса на Нюрнбергском процессе и показания других палачей на процессах во Франкфурте-на-Майне (1963—1965 гг.) и в Кёльне (1979—1980 гг.) свидетельствуют о том, что только в этом лагере эсэсовцы и гестаповцы достигли своего потолка.

В Нюрнберге Хёсс, комендант освенцимского лагеря, заявил:

¹ Переплавкой зубных коронок в золотые и платиновые слитки занималась весьма почтенная фирма Дегусса, которая существует в ФРГ и поныне. И, как водится, процветает, поскольку ведет дела с Южно-Африканской Республикой. Потом эти слитки переправлялись через Поля, начальника Главного административно-хозяйственного ведомства, в имперский банк.

«Я поехал в Треблинку, чтобы узнать, как они проводили операции по уничтожению. Начальник лагеря Треблинка сказал мне, что он ликвидировал 80 тыс. человек на протяжении периода в полгода. Он главным образом занимался ликвидацией евреев из Варшавского гетто».

Далее Хёсс описал «усовершенствования», которые он ввел в Освенциме. Он ввел в употребление новый газ — «Циклон Б», который «умерщвлял людей в газовой камере за время от 3 до 15 минут, в зависимости от температурных условий. Мы узнавали о том, что люди задохнулись, по тому, что они переставали кричать. Второе наше усовершенствование по сравнению с Треблинкой заключалось в том, что мы построили газовые камеры, рассчитанные на одновременное уничтожение двух тысяч человек, в то время как в Треблинке десять газовых камер были оборудованы лишь на двести человек каждая». (Очевидно, это было еще до реконструкции Треблинки. — *Авт.*)

И далее он описывает, как отбирались жертвы из ежедневно прибывавших транспортов:

«Те, кто был пригоден для работы, отправлялись в лагерь. Остальные немедленно посылались на установки для уничтожения. Дети младшего возраста уничтожались без исключения, поскольку они не могли вследствие своего возраста быть использованы на работе. Следующее усовершенствование, которого мы достигли по сравнению с Треблинкой, заключалось в том, что в Треблинке жертвы почти всегда знали, что их ведут на уничтожение, а в Освенциме мы старались одурачить их и заставить их думать, что они должны пройти санитарную обработку. Конечно, очень часто они понимали, каковы были наши истинные намерения. Очень часто женщины прятали своих детей под одежду, но, найдя их, мы направляли этих детей на уничтожение...

От нас требовали, чтобы мы проводили эти уничтожения в обстановке самой строгой секретности, но, конечно, отвратительный и тошнотворный запах постоянно сжигаемых человеческих тел пропитал воздух в окрестностях, и все жители окружающих селений знали о том, что в Освенциме производится уничтожение людей».

Об этом также должны были знать те, кто жил близ Бельзена, Треблинки, Майданека, Маутхаузена, Заксенхаузена, Флоссенбюрга, Нойенгамма, Гузена, Натцвейлера, Люблина, Бухенвальда и Дахау.

Но пропускная способность газовых камер и крематориев, которыми хвастались эсэсовские палачи — от Кальтенбруннера до последнего ополоумевшего из-за трупного смрада и своей безнаказанности унтершарфюрера, — оказалась недостаточной.

Поэтому наряду с этими усовершенствованиями «конвейера

смерти» продолжали действовать и старые, испытанные способы — благо свинца для выстрелов в затылок хватало.

В уже цитированной книге В. Познера читаем запись беседы с Миклошем Нисли, лагерный номер А8450: «Третий рейх захватил деревню Биркенау рядом с Освенцимом, чтобы создать здесь концентрационный лагерь. Все дома, кроме этого, были разрушены, а жителей выселили...

В Биркенау направляют тех, для кого не хватило места в четырех крематориях...

Здесь ждет их самая страшная смерть. Здесь нет кранов с водой, чтобы утолить жажду после длительного путешествия. Нет живых объявлений, дабы рассеять дурное предчувствие, нет газовых камер, которые узники считают дезинфекционными. Один лишь деревенский дом, окрашенный некогда в желтый цвет, с истлевшей соломенной крышей, с окнами без стекол, заколоченными досками. За домом — огромные столбы дыма, вздымающиеся высоко в небо и распространяющие чад горелого мяса и жженных волос.

Во дворе — пяти тысячная толпа перепуганных, охваченных ужасом людей. Их окружает густая цепь эсэсовцев-охранников с собаками на поводках. Вводят в раздевалку по 300—400 человек сразу. Здесь, подгоняемые ударами дубинок, они снимают одежду и выходят через дверь на противоположной стороне дома, освобождая место следующим.

Переступив порог, они не успевают даже оглянуться и осознать ужас своего положения, как тотчас же люди из зондеркоманды хватают их и тащат вперед, меж двух рядов эсэсовцев, вдоль извилистой траншеи длиной метров в полтора, окаймленной лесной порослью, к самому костру, скрытому до тех пор за деревьями.

Костер — это ров длиной в 50 метров, шириной в 6 и глубиной в 3 метра, заполненный сотнями горящих трупов. У кромки рва и по сторонам его, выходящим на дорогу, через каждые 5 метров выстроены солдаты (очевидно, эсэсовцы. — Авт.), которые поджидают свои жертвы. В руках у каждого — мелкокалиберный пистолет (6 мм). В лагере его употребляют для выстрела в затылок осужденного.

В конце аллеи — двое из зондеркоманды. Они хватают обреченных за руки и 5—20 метров тащат к стрелкам. Крики ужаса заглушают звуки выстрелов. Тотчас же несчастных еще живыми бросают в пламя костра.

В полусотне метров отсюда — такой же костер. Работа идет полным ходом...

...На двух кострах сжигали по 5—6 тыс. трупов в день, немногим больше, чем в крематории. Но здесь смерть была в тысячу раз

страшнее, так как здесь умирали дважды — сначала от пули в затылок, потом в огне.

Я узнал об этом четвертом, «комбинированном» методе уничтожения помимо умерщвления газом, уколами хлороформа и пули в затылок». (В Освенциме существовала особая, так называемая «Черная стена», где узников убивали пулей в затылок, предварительно собрав целую партию.— *Авт.*)»

* * *

Итак, круг замкнулся. Отбросив хитроумные способы обмана своих жертв, всякие там «бани», «душевые», «лазареты», «дез-камеры», палачи-эсэсовцы косили безоружных, ни в чем не повинных людей пулеметными очередями, убивали из пистолетов. Не изменился лишь «промышленный», «конвейерный» характер умерщвлений.

Посему, как и каждое «производство», нацистские «фабрики уничтожения» имели своих «смежников» — поставщиков газа, строителей, изобретателей и т. д. и т. п. Имели и свою «технику безопасности», свою систему поощрений.

Надо сразу сказать, без нацистского министерства путей сообщения вся система концлагерей и рабочих лагерей была бы невозможна. «Имперское министерство путей сообщения, — пишет Арендт в книге «Эйхман в Иерусалиме», — предоставляло (СС.— *Авт.*) необходимые железнодорожные вагоны, большей частью товарные, даже во времена острой нехватки транспортных средств, когда лозунгом было: «Колеса должны вертеться только для победы».

Постоянным поставщиком «кацет» была фирма «Бауэр», входившая в суперконцерн «ИГ Фарбениндустри», она отправляла в лагеря жестяные запаянные банки с газом «Циклон Б» для газовых камер и яд фенол для смертельных инъекций.

Крематорий в Освенциме построила фирма «Топф и сыновья». До этого фирма получила патент на «беспрерывно работающую печь массового использования для сжигания трупов». В патенте было оговорено, что в печи можно сжигать за один раз до 2 тыс. трупов. Патент выдало «Имперское патентное бюро» 26 октября 1942 г. Много дела оказалось в лагерях и для инженеров коммунального хозяйства — там время от времени переставала работать канализация, так как трубы «засоряли» куски тел, вырезанные из живых людей, а иногда из трупов. Этим инженеров часто также посылали крупные, всем известные фирмы.

До нас дошла корреспонденция эсэсовцев, обращенная к поставщикам, в частности к фирме, которая закладывала печи в крематориях. Сохранились и письма о поставках «Циклона Б». Все

это обычные, деловые письма, как будто речь шла не о массовых умерщвлениях, а о производстве железа или тканей.

Очень беспокоились эсэсовские руководители о безопасности палачей и об их удобствах. Известно, что при массовых казнях в обязательном порядке должен был присутствовать врач, имея при себе кислородную подушку. Врачу вменялось в обязанность оказывать в случае необходимости первую помощь... эсэсовцам, которые подавали в газовые камеры «Циклон Б» и которые по неосторожности могли почувствовать себя плохо.

В одном из приказов, изданном в Гавре французским гестапо (этот приказ был зачитан на так называемом процессе «Лишка и другие», процессе персонала Освенцима, который проходил в Кёльне в 1979—1980 гг.), говорилось:

«...Принять меры к тому, чтобы члены карательной команды в перерывах между отдельными карательными акциями получали дополнительный паек для освежения. Рекомендуются иметь наготове сигареты или шнапс для укрепления нервов».

В том же приказе было написано:

«Команду, занимающуюся трупами... необходимо обеспечить умывальными принадлежностями, дезинфекционными средствами и перчатками, которыми следует запастись заранее. Если нельзя обеспечить людей резиновыми перчатками, в наличии должны иметься крепкие матерчатые перчатки».

В дневнике Иоганна Кремера, освенцимского врача (дневник этот широко цитировал и В. Познер, и журналист из ГДР Рудольф Хирш, описавший процесс «Лишка и другие»), читаем:

«Вечером, часов в восемь, опять присутствовал при «специальной акции» (умерщвлении людей в газовых камерах.— Авт.), прибыл транспорт из Нидерландов. Из-за спецпайка, состоящего из 200 граммов шнапса, 5 сигарет и 100 граммов колбасы с хлебом, рядовые стремятся участвовать в этих акциях» (по словам врача, «рядовые» пускали в камеры «Циклон Б»). Сам Кремер также получал спецпак.

На суде он, выступая как свидетель, цинично заявил, что, поскольку со спиртным и табаком в последние годы войны в Германии было туго, рвение эсэсовских палачей «никого не может удивить»¹.

Однако больше всего заботило Гимmlера моральное самочувствие его палачей, их «дух». В своих речах, письмах и статьях он беспрестанно подчеркивал, что массовые умерщвления — чрез-

¹ Кремер — профессор анатомии и хирургии в Мюнстере — был приговорен польским судом к смертной казни, которую ему заменили пожизненным заключением. Через 10 лет передан властям ФРГ, которые, зачтя десятилетний срок заключения, выпустили сего профессора на свободу.

вычайно почетная (да, да, именно почетная!), хоть и трудная, задача. Тяжко, оказывается, приходилось не убиваемым, пытаемым, заживо сжигаемым, а тем, кто травил людей овчарками, запикивал их в газовые камеры, закапывал в землю, сжигал в специальных печах фирмы «Топф и сыновья»!

Трупы, горы трупов и горы пепла оставляли за собой люди Гимmlера, Гейдриха, Мюллера, Кальтенбруннера, Поля, Эйке, Олендорфа. Даже по минимальным данным, они уничтожили в концлагерях и в ходе своих карательных акций 12 млн человек. И уничтожили бы в пять, в десять раз больше, если бы Красная Армия не разгромила военную машину Гитлера.

РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ ИЗ СС

Многих на Западе поражает «практицизм» организаторов «конвейера смерти». Ведь все без исключения имевшееся у узников, обреченных на гибель, утилизировалось во благо коричневого рейха. Нельзя забыть ни горы детских ботиночек, ни горы оправ от очков, ни мешки с женскими волосами, которые увидели наши воины и воины союзников, вступившие на территории концлагерей. Нельзя забыть и многочисленные нацистские циркуляры и предписания, где черным по белому было написано: одежду убитых, спарывая метки и, по возможности, очищая от крови, отправлять в Германию в фонд «зимней помощи». Все драгоценности, валюту, а также «платиновые и золотые зубные коронки пересылать в имперский банк». Пепел использовать в качестве удобрений. Часть трупов послать на выделку мыла (сие находилось еще на стадии разработок), а из человеческих волос изготовлять теплоизоляцию для подлодок, а также особые (типа войлочных) чулки для подводников...

Да, забыть это нельзя. Ограбление трупов и осквернение могил во все времена считалось тягчайшим преступлением. Но не только на мыле, на пепле и даже не только на золотых коронках обогащались эсэсовские мародеры и их хозяева. Они обогащались в основном за счет рабского труда миллионов людей, насильно угнанных, незаконно схваченных во всех странах Европы и замученных в нацистских «кацет».

В своей книге «Империя рабов», вышедшей сравнительно недавно, в 1981 г., Альберт Шпеер, министр вооружения в «третьем рейхе», подробно рассказал о притязаниях аппарата насилия — создать суперконцерн и захватить в свои руки всю военную промышленность, пользуясь рабским трудом. В качестве эпиграфа к книге Шпеер привел слова Гитлера: «Гимmlер станет когда-нибудь самым крупным предпринимателем!..» (Очевидно, самым крупным в мире.— Авт.)

Итак, фраза, которую мы часто произносим: германский фашизм хотел повернуть историю вспять, отбросить человечество на многие столетия назад, в самые мрачные и темные периоды его бытия,— отнюдь не гипербола и не метафора. В середине XX в. Гиммлер и его аппарат и впрямь собирались вернуть мир к рабовладению. К рабовладению, оснащенному современной техникой как производства, так и умерщвления.

15 апреля 1943 г. Фриц Заукель¹, назначенный в марте 1942 г. Гитлером «уполномоченным по рабочей силе», иными словами, поставщиком рабов, гордо отрапортовал своему фюреру, что всего за один год он «привез» (то есть силком утащил в Германию) 3 638 065 мужчин и женщин с оккупированных территорий Советского Союза и Западной Европы. В марте 1944 г. тот же Заукель сообщил, что им угнано в нацистский рейх уже «5 миллионов иностранных рабочих». Характерно, что кредо нацистских рабовладельцев было сформулировано тем же Заукелем, фактически сменившим Геринга на посту «уполномоченного по четырехлетнему плану» и «по совместительству» имевшему звание обергруппенфюрера СС и СА. Заукель сказал:

«Всех людей (насилно угнанных.— Авт.) следует кормить, размещать и обращаться с ними таким образом, чтобы эксплуатировать их с наибольшим эффектом при минимально возможных затратах».

В результате, как это констатировал Нюрнбергский трибунал, рабы Заукеля «подвергались... жестокостям и терпели величайшие страдания».

Однако «трудовая повинность», введенная Заукелем на оккупированных нацистами территориях, была не единственным источником даровой рабочей силы. Рабов гитлеровские рабовладельцы получали разными путями. Отправляя в «кацет» военнопленных, захватывая тысячи заложников, депортируя в лагеря смерти «расово-неполноценных» и отбирая среди них наиболее трудоспособных, арестовывая участников Сопротивления и сочувствующих им, наконец, попросту устраивая облавы во всех городах, куда вошли нацистские солдаты...

Но каким бы способом ни были «добыты» рабочие, каким бы варварским манером их ни перевозили в рейх, результат был один: они попадали на «конвейер смерти», в руки молодчиков Гиммлера. А там разговор был еще куда откровенней и короче, чем у Заукеля.

«Теоретиком» рабского труда стал один из самых видных эсэ-

¹ Заукель был приговорен в числе главных военных преступников в Нюрнберге Международным трибуналом к смертной казни через повешение.

совцев — Отто Олендорф¹, начальник третьего управления РСХА (СД-внутренняя служба). «Практиком» — Освальд Поль, чрезвычайно важная фигура в военные годы. С 1 февраля 1941 г. генерал-инспектор всех «кацет» Поль был назначен начальником Главного административно-хозяйственного ведомства СС, которому поставили задачу — укреплять «экономику» «империи Гиммлера». Через его руки проходили и золотые колечки, и детские башмачки, и гигантские «аризированные» предприятия в оккупированных странах. Он же приходовал прибыль от рабского труда.

Теория, подведенная Олендорфом под рабский труд, была весьма нехитрой. Олендорф утверждал, что даже в годы войны, в экстремальных условиях, «арийцев», «высшую расу» нельзя делать придатком машин, роботами. «На всякую экономическую структуру, — говорил он, — надо смотреть и оценивать ее с точки зрения того, даст ли она возможность раскрыть свойства немецкого человека — его честь, свободу духа, ответственность, правдивость...» Или же он вещал: «Эта война — не только война промышленных мощностей, но и война идей, а в истории можно найти немало примеров, когда идеи оказывались сильнее цифровых показателей производства». И далее: «...то, что мы будем создавать после войны из материальных ценностей, для меня не столь важно, мне важно, чтобы мы сохранили и развили субстанцию, присущую только нам; так мы выиграем мир».

Однако совершенно ясно было, что пушки и пулеметы, самолеты и танки следовало выпускать не поштучно, а сериями, на конвейере, отнюдь не в ремесленных мастерских. Словом, для сохранения арийского духа, «немецкой субстанции» и «идей» расизма следовало иметь огромную армию рабов. Что касается арийцев, то их ради «идей» надо было сохранить от унификации и «стандартизации», сделав надсмотрщиками, инженерами и т. п.

Конкретные правила обращения с «илотами» вырабатывали Поль и коменданты «кацет».

Основное положение, касающееся рабского труда, было сформулировано Полем через три месяца после его вступления на пост начальника Главного ведомства 30 апреля 1942 г. В длинном сообщении Гиммлеру Поль писал:

«1. ...Война принесла с собой явные структурные изменения в системе концлагерей и коренным образом поменяла их задачи в отношении использования заключенных.

Содержание в концентрационных лагерях узников лишь только

¹ С обергруппенфюрером СС Олендорфом вышло некоторое недоразумение. Сперва его на Западе зачислили вместе с Небе и Канарисом в разряд «оппозиционеров», чуть ли не боровшихся с режимом Гиммлера. Но потом выяснилось, что по личному приказу Олендорфа в его бытность командиром эйзаагруппы «Д» было убито 90 тыс. человек. Пришлось Олендорфа судить и... казнить.

из соображений безопасности, воспитания и профилактических целей не является первостепенным.

Центр тяжести переместился на экономическую сторону. Мобилизация рабочей силы заключенных сначала для военных нужд, а затем для задач мира все больше и больше выступает на передний план.

2. Отсюда вытекают необходимые меры, которые требуют постепенного перевода концлагерей из прежней односторонней политической формы в организацию, которая соответствовала бы их хозяйственным задачам.

3. Поэтому я собрал всех фюреров бывшей инспекции концлагерей, всех лагерных комендантов и всех директоров предприятий 23—24 апреля 1942 г. и лично разъяснил им новый порядок. Важные вопросы, осуществление которых является первоочередным — иначе затянется начало промышленных работ, — я сформулировал в приложенном предписании.

4. Перевод инспекции концлагерей в Главное административно-хозяйственное ведомство СС было произведено при полном взаимопонимании всех заинтересованных управлений. Совместная работа различных инстанций прошла без всяких трений, устранение параллелизма в концлагерях повсеместно приветствуется как преодоление препятствий, мешающих прогрессу» (!).

К этому сообщению следует добавить запись Тирака о беседе с Гиммлером в сентябре 1942 г. О беседе, в которой ясно и недвусмысленно отмечалось, что отныне заключенные «кацет» и вообще все неугодные нацистам лица — военнопленные, чехи, русские, украинцы и т. д. — будут *уничтожаться работой*. Таков был прогресс по-эсэсовски!

В переписке Гиммлера с подчиненными, а также самих подчиненных вопрос о наиболее рациональном использовании рабского труда обсуждался весьма подробно. Так, уже в конце марта 1942 г. (еще до упомянутого совещания, проведенного Полем) Гиммлер потребовал от Поля ввести (для заключенных. — Авт.) «довольствие, сходное с довольствием египетских рабов...»

В конце апреля 1942 г. Поля в послании к Гиммлеру высказался еще откровенней: «Работа должна быть в полном смысле этого слова изнуряющей, чтобы добиться максимальных достижений. Рабочее время нельзя связывать с какими бы то ни было ограничениями. Его продолжительность будет зависеть только от структуры лагеря... Все обстоятельства, которые ведут к сокращению рабочего дня, как-то: еда, поверки и т. д., должны все больше укорачиваться... Обеды, которые отрывают надолго от работы, запрещены...» (Последнее звучало весьма странно — баланда надолго оторвать ни от чего не могла.)

Открыленные тем, что число рабов, уже имевшихся в лагерях,

было гигантским, Гиммлер и Поль решили перебазировать крупные предприятия военного значения в «кацет». Ведь в уже цитированном сообщении Поля говорилось, что директора предприятий без всяких «трений» согласились сотрудничать с СС. В 1942 г. Гиммлер доложил Гитлеру, что целесообразно было бы производить в «кацет» винтовки¹.

Уже в феврале 1941 г. директор «ИГ Фарбениндустри» Краух по распоряжению Гиммлера стал строить Бунаверке, то есть заводы по производству искусственного каучука рядом с Освенцимом. В мае 1942 г. Поль создал для заводов Буна специальный рабочий лагерь в Освенциме под названием Освенцим-Моновиц. Тогда же в Катовицах рядом с Освенцимом фирма «Опель» соорудила завод для серийного выпуска грузовиков. На базе концлагерей велось строительство заводов для производства зениток в Риге и опять же в Катовицах. В концлагерях Бухенвальд, Заксенхаузен, Нойенгамме, Равенсбрюк создаются оружейные фабрики. Наконец, в 1943 г. в Нордхаузене строится концлагерь Дора и одновременно завод. Это уже не наземные корпуса, а гигантские штольни — подземные туннели в горе и огромные залы — цехи, ибо на заводе Дора Гиммлер намерен был производить ракеты.

В 1942 г. многим крупным фирмам было приказано посылать в «кацет» инженеров, техников, мастеров, чтобы обучать рабов, собранных из всех стран Европы, техническим профессиям.

В октябре 1943 г. в речи в Познани Гиммлер хвастливо заявил, что в его «империи» 200 тыс. лагерников работают на вооружение... Они будто бы производят одну треть всех немецких истребителей, одну треть орудийных стволов, громадное количество гранатометов и зенитных орудий. И на каждые 900 рабов будто бы требуется всего один немец-надсмотрщик.

Историки не без основания отмечают, что мечтой рейхсфюрера СС было создать автаркию, то есть производить для себя все самому. Известно, что тираны масштаба Гитлера испокон веку мечтали об автаркии... Но в случае с Гиммлером эта мечта имела довольно своеобразное звучание. Прежде всего, СС должна была стать государством в государстве, а уж потом перейти на самообеспечение.

Но условия в концлагерях были таковы, что заключенные просто не могли производительно работать. Смертность с каждым месяцем возрастала. Только с июля по ноябрь 1942 г. из 109 тыс.

¹ Когда решение о производстве оружия было принято, Шибер, бригадефюрер СС, доложил, что в Бухенвальде через 3—4 месяца будет производиться 15 тысяч карабинов ежемесячно. Однако через 4 месяца Поль сообщил Гиммлеру, что закончена только *подготовка* к постройке оружейного завода. Вообще, как выяснилось после войны, «преданный служака» Гиммлер без конца оперировал дутыми цифрами, блефовал. Таков был «стиль» работы в СС. Когда Гиммлер доложил, что Бухенвальд будет выпускать 55 тыс. карабинов в месяц, в этом «кацет» еще не выпустили ни одного карабина.

заключенных, занятых в военном производстве, то есть уже обученных, погибла 71 тысяча. И это по официальным данным, которые были преуменьшены. Как справедливо отмечает Шпеер¹, даже сам Поль признавался, что около четверти всех рабочих в «кацет» были истреблены. Кстати, на тысячу заключенных приходилось 74 надзирателя, каждый из которых только деньгами получал полторы тысячи марок в год.

Фактически рапорты и заявления Гиммлера о достижениях «кацет» в области военного производства и эффективности рабского труда оказывались блефом.

Живые трупы не могли вносить вклада в военное производство нацистского рейха. Вся система «конвейера смерти» была совершенно не приспособлена к этому. Кроме того, концлагеря еще в большей степени, нежели всю страну, разъедала коррупция. Специальная группа «Ви», созданная в управлении уголовной полиции в РСХА, была завалена делами о взяточничестве и кражах в «кацет». Всемогущий Гиммлер метал громы и молнии против «этой чумы под названием «коррупция». Все было тщетно.

Да, лагеря были созданы не для жизни людей, а стало быть, и не для труда. Но и заводы, принадлежавшие немецким концернам, фактически превратились в... рабовладельческие «плантации». Невольники с них бежали массами. Из тех же мемуаров Шпеера мы узнаем, что в июне 1944 г. он докладывал Гитлеру: с заводов убегает ежемесячно 30—40 тыс. имперских рабочих. «Я не могу с этим мириться, — заявил Шпеер, — ибо речь в большинстве случаев идет об обученных людях или же мастерах, которых как можно скорее следовало бы вернуть к их прежней профессии». Далее Шпеер жаловался на то, что беглецов хватала полиция и гестапо и сажали в концлагеря, чтобы использовать в качестве рабов СС.

По подсчетам Шпеера, они (сиречь германские монополии) потеряли, таким образом, 500 тыс. иностранных рабочих. Гитлер якобы обещал помочь своему министру вооружения и своим монополиям... Но бегство продолжалось, и нацистские рабовладельцы оказались в порочном круге... Все шло как прежде.

В сентябре 1942 г. крупные чиновники из министерства вооружений собрались с Полем и его подручными и договорились о том, что заключенные из «кацет» должны быть предоставлены в распоряжение военных предприятий. Заводы, расположенные за городской чертой, получали, согласно договоренности, по 10—15 тыс.

¹ Шпеер пишет, что цифры смертности в концлагерях, которые Поль давал Гиммлеру, никогда не соответствовали действительности. Так, по официальным данным, в августе 1942 г. смертность на предприятиях в «кацет» достигла 10,6 процента, а на самом деле — 25,6 процента, в сентябре того же года, по сообщениям Поля, — 10,18 процента, а на самом деле — 36,2 процента.

заклученных от СС. Кроме того, концерны имели особое соглашение непосредственно с Заукелем о доставке рабов с оккупированных территорий. Здесь счет шел на сотни тысяч, на миллионы...

Так в середине XX в. в центре Европы стал функционировать невиданный по масштабам невольничий рынок.

Вот подсчет, найденный после войны среди документов РСХА:

Ежедневная плата за аренду	Вычеты на одежду	Вычеты на питание	Полученная в итоге сумма
6 марок	0,10 марки	0,60 марки	5,30 марки

При средней продолжительности жизни рабочего 9 месяцев

$$530 \times 270 = 1431 \text{ марка}$$

Прибыль при рациональном использовании трупа:

1. Золотые коронки

3. Ценности

2. Одежда

4. Деньги

За вычетом стоимости кремации — 2 марки

Средняя прибыль 200 марок

Общая прибыль по истечении 9 мес. 1631 марка

Дополнит. прибыль от использов. костей и пепла ¹.

¹ Цитируем по книге Раймунда Шнабеля «Власть без морали».

Такая «арифметика» вполне устраивала германских монополистов: они готовы были платить 6 марок в день за раба, предоставляя эсэсовцам право использовать его труп, кости и пепел...

На одних только предприятиях Фридриха Флика работало свыше 50 тыс. иностранных рабов, «арендованных у СС» ¹.

Всего в 1944 г. СС продало промышленникам около полумиллиона заключенных и получило за это 50 млн марок.

Казалось бы, работорговля была выгодна обеим сторонам: и эсэсовцам и крупным промышленникам. Однако немаловажным вопросом являлись в нацистской Германии и вопрос о престиже, о реальном влиянии на ход событий.

Из соображений престижа гиммлеровский аппарат желал распоряжаться не только рабами, но и военной промышленностью и исследованиями в области военной техники.

Чиновничий аппарат в РСХА и в ведомстве Поля рос с каждым часом.

Более того, Гиммлер с помощью Мюллера-гестапо начал потихоньку внедряться в военную промышленность. Для этой цели он создал в концлагере несколько «конструкторских бюро» и поручил им разработку проектов новейшего оружия.

¹ Эти цифры вновь всплыли в мировой печати в связи с «аферой Флика», скандалом, разыгравшимся в ФРГ, когда выяснилось, что хозяева фликовского концерна давали взятки нынешним западногерманским политикам.

Так, в августе 1943 г. с согласия рейхсфюрера СС и главного ведомства Поля в концлагере Дахау была открыта лаборатория по радиолокации. В лаборатории работали исключительно заключенные. Директором назначили оберштурмбанфюрера Шредера. Научным руководителем лаборатории стал Ганс Майер, бывший директор Центральной лаборатории фирмы «Сименс и Гальске». В распоряжении лаборатории оказались также дипломированные физики, инженеры, техники. «Ясно, — возмущался впоследствии Шпеер, министр вооружения, — что такие специалисты работали бы куда успешней, если бы ими не руководил технический невежда оберштурмбанфюрер СС в Дахау».

Из письма крупного эсэсовца Плендля мы видим, что более чем через год, в январе 1944 г., ведомство Поля стремилось расширить свои радиолокационные разработки. «Чтобы в гораздо большем масштабе привлечь и необученных заключенных для исследований в области радиолокации, — писал Плендль, — в концлагере Гросс-Розен в данный момент при личной поддержке рейхсфюрера СС идет строительство предприятия для нужд научно-исследовательской лаборатории. Это предприятие будет размещено в четырех бараках общей площадью в 1700 квадратных метров. Возведение бараков, по предварительным сведениям, должно быть закончено в начале марта. Бараки предполагается использовать следующим образом: в полутора бараках разместится находящаяся ныне в Дахау лаборатория, в остальных двух с половиной бараках мы оборудуем подсобные предприятия для лаборатории. Как только строительство бараков закончится, 150—200 заключенных под руководством инженера и пяти мастеров, которых предоставит имперский Институт радиолокации, начнут работу; вначале это будет разборка трофейной техники, конструкций и т. д., которая во все большей степени применяется сейчас для нужд исследований».

Примерно в то же время, когда рабы Поля занимались радиолокацией, другие «конструкторские бюро» за колючей проволокой трудились над проектом новой подводной лодки (своего рода мини-подлодки), а также над проектами нового стрелкового оружия.

Однако, безусловно, самым большим успехом империи «кацет» на военно-промышленной ниве было согласие Гитлера отдать на откуп Гиммлеру ракетостроение, пресловутые Фау-1 и Фау-2. Гиммлер занялся ракетами, когда германские конструкторы под руководством Вернера фон Брауна и генерала Дорнбергера проектировали создание «чудо-оружия», Фау-4, то есть более прицельной тяжелой ракеты с огромным по тем временам радиусом действия. В марте 1942 г. было принято решение довести производство ракет до 3 тыс.

А в августе 1942 г. Гиммлер торжественно возвестил, что ракетостроением будет заниматься он.

«Этим письмом сообщаю Вам (Шпееру.—*Авт.*), что я, как рейхсфюрер СС, принимаю на себя всю ответственность за изготовление объекта Ау...¹» Далее в письме говорилось: «Я передал соответствующее задание обергруппенфюреру Полю, а непосредственным руководителем работ по линии СС назначил бригадефюрера д-ра Каммлера. Прошу Вас в самые ближайшие дни лично принять д-ра Каммлера, чтобы ознакомить его со всеми требованиями... Можете быть уверены, что СС не разочарует фюрера и Вас при выполнении этой воистину важнейшей для хода войны задачи».

Шпеер в своей книге «Империя рабов» признает, что и он, и нацистские ученые, и промышленники посетили заводы в Гарце, где заключенные из концлагеря Дора собирали ракеты, признает также, что истощенные, буквально падавшие с ног от усталости узники выглядели ужасающе, что воздух в подземных цехах был спертый, промозглый и холодный и что там воняло фекалиями, что от недостатка кислорода он даже потерял сознание. Признает далее, что главный врач организации Тодта, доктор Пошман называл заводы по производству ракет «адом в Гарце». Но тот же Шпеер справедливо замечает: «По существу, мы (то есть монополистический капитал.— *Авт.*) и СС принадлежали к одной и той же системе».

Где бы ни находились заключенные — в концлагерях или в лагерях для военнопленных², — кончалось все газовыми камерами или пулеметными очередями и крематорием.

До какой степени чудовищной была практика заполучения рабов для Германии, выявилось уже на Нюрнбергском процессе.

Вот несколько цитат из речи помощника главного обвинителя от СССР Н. Д. Зори по разделу обвинения: «Угон мирного населения в немецко-фашистское рабство и применение принудительного труда на оккупированных территориях».

...«Фашизм, с его планами завоевания мирового господства, с его отрицанием права, морали, жалости и человечности, предусматривал порабощение мирного населения временно захваченных территорий, угон миллионов людей в фашистскую Германию и использование в принудительном порядке их рабочей силы».

Фашизм и рабство — понятия, неотделимые друг от друга...»

¹ «Фау» — от немецкого слова «возмездие» — так ракеты именовались для широкой публики. Гиммлер пользовался кодовым названием.

² К военнопленным нацисты причисляли и насильно угнанное население из оккупированных стран, в особенности из Советского Союза.

Далее Н. Д. Зоря привел выдержки из доклада правительства Югославской Республики:

«В докладе указывается, что гестапо и специальная комиссия применили давление и силу... «добровольцев» ловили прямо на улицах, собирали партиями и угоняли в Германию».

...«Помимо этих так называемых «добровольных» рабочих немцы угоняли в Германию на принудительную работу заключенных из лагерей и «политически неблагонадежных», последних использовали, естественно, на самых тяжелых работах...»

«Отправляли молодых и старых, мужчин и женщин, крестьян, рабочих и интеллигенцию, притом не только в Германию, но и в другие страны, оккупированные рейхом».

Потом Н. Д. Зоря перешел к докладу правительства Польской Республики по этому разделу, приведя в подтверждение несколько раз слова так называемого «генерал-губернатора» Польши — Франка. В 1940 г. Франк заявил в Польше:

«Под нажимом империи отныне сделано распоряжение о том, что так как на работу в Германскую империю добровольно поступает недостаточное количество рабочей силы, то должны быть приняты меры принуждения.

Это принуждение означает возможность ареста поляков, как мужчин, так и женщин...»

«Далее указывается, что — цитирую дословно: «Франк сам по себе ничего не имеет против того, чтобы забирать с улиц работоспособный, «шатающийся» элемент, но лучшим путем была бы организация облав. Вполне законно задержать поляка на улице и спросить его, что он делает, где он работает и т. д.».

«В беседе с подсудимым Заукелем 18 августа 1942 г. подсудимый Франк говорит:

«Очень рад, что могу официально сообщить вам, что по сей день мы отправили в Германию свыше 800 тысяч рабочих. Недавно вы ходатайствовали о посылке 140 тысяч рабочих. Счастлив официально сообщить вам, что в соответствии с нашим вчерашним соглашением 60 процентов этих новых поляков мы дадим до конца октября, а остальные 40 процентов — до конца года».

«...14 декабря 1942 г. на совещании польских руководителей «трудового фронта» «генерал-губернаторства» Франк в своем выступлении говорил:

«Вы знаете, что мы отправили в Германию свыше 940 тысяч польских рабочих. В этом отношении генерал-губернаторство абсолютно и относительно стоит впереди всех европейских стран. Это исключительное усилие, и гаулейтер Заукель признает это. Кроме этих 940 тысяч вы, однако, в следующем году можете рассчитывать на новые партии рабочих из генерал-губернаторства, ибо для вербовки мы используем полицию».

В докладе польского правительства, процитированном Зорей, говорилось:

«...Имеются конкретные доказательства, что во время этих принудительных работ тысячи мужчин были стерилизованы, а молодые девушки отправлялись в публичные дома...

Рабочих отправляли к немецким крестьянам обрабатывать их земли, на заводы или специальные принудительные работы в лагерях. Условия в этих лагерях были ужасны.

...К этой огромной армии рабочих-рабов следует причислить также тысячи поляков, увезенных из присоединенных территорий, а также 200 тысяч польских военнопленных, которые, согласно декрету Гитлера от августа 1940 г., были «освобождены» из лагерей только для того, чтобы затем отправить их на принудительные работы в разные части Германии.

...Эти депортации продолжались в течение всех лет войны. Общее число таких рабочих дошло в одно время до 2 миллионов.

Вся глава, касающаяся депортации на принудительные работы, представлена здесь в крайне сжатой форме. Несколько строк скрывают историю сотен тысяч разрушенных польских семейств, трагедию, смерть и скорбь. ...Число «2 миллиона» скрывает море разбитых жизней, по крайней мере 10 процентов всего населения Польши.

Это было огромное преступление...».

Затем Н. Д. Зоря перешел к докладу Греческого правительства о зверствах немцев, представленному Трибуналу...

«Как и на других оккупированных территориях, немцы в своей оккупационной политике в Греции руководствовались двумя определяющими факторами: максимальная эксплуатация ресурсов страны в интересах немецкой военной экономики и порабощение населения посредством методического террора и всеобщего угнетения. Немцы следовали своей двусторонней политике грабежа и лишения, тем самым нарушая всеми признанные законы».

«Одной из проблем, с которой столкнулась немецкая администрация, явилась проблема набора рабочей силы. Все мужское население в возрасте от 16 до 50 лет подлежало трудовой мобилизации».

«Когда... «добровольный» набор рабочей силы не дал желаемых результатов, они (нацисты.—*Авт.*) отказались от него и поставили рабочих перед дилеммой — ехать в Германию работать или быть взятыми в качестве заложников».

Далее Н. Д. Зоря перешел к Чехословакии.

«Совершенно аналогичные меры принудительного угона рабочей силы в Германию применялись фашистами и в Чехословакии.

Но особенно большой размах угон фашистскими преступника-

ми в рабство мирного населения получил на временно оккупированных территориях Советского Союза».

О чудовищной политике превращения СССР в пустыню, об угоне мирного советского населения в рабство речь пойдет в следующей главе. Здесь мы приведем для полноты картины всего лишь несколько цитат из речи Н. Д. Зори.

Так, обвинитель от СССР прочел распоряжение Геринга, касающееся использования рабочих, захваченных нацистами. В этом распоряжении, в частности, говорилось:

«1. Наличие крупных резервов рабочей силы... имеет решающее значение для исхода войны. Русские рабочие показали свою работоспособность во время строительства гигантской русской промышленности, поэтому эта трудоспособность должна быть теперь использована во благо империи...

2. Русские в зоне боевых действий. Русских надо использовать преимущественно на строительстве шоссе и железных дорог, для работы по расчистке, для разминирования и для строительства аэродромов. Значительная часть немецких строительных батальонов должна быть расформирована... квалифицированных немецких рабочих надо направить в военную промышленность, копать землю и дробить камни — эта работа не для них, для этого есть русские».

Далее Н. Д. Зоря зачитал документ ОКХ (Верховного командования армии) от 6 мая 1942 г.:

«Назначенный фюрером генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы гаулейтер Заукель... распорядился об ускорении темпов мобилизации русской рабочей силы и ее отправки в империю и о значительном увеличении количества мобилизуемых рабочих...»

Обвинитель от СССР зачитал директиву Гитлера, где цинично говорилось:

«Во всех отношениях гораздо гуманнее заставить русское население работать, применяя все средства, чем жертвовать нашим наиболее ценным сокровищем — нашей собственной кровью...»

В той же речи Н. Д. Зори приводится письмо генерала Вейганга:

«Только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских рабочих за счет неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых и крепких людей в оккупированных восточных областях... сможет разрешить катастрофический недостаток рабочих рук в Германии».

И наконец, в Нюрнберге обвинитель от СССР огласил выдержки из ноты Советского правительства «О массовом насильственном угоне в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и

частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии».

Из этой ноты ясно видна, с одной стороны, наглость нацистских главарей, а с другой — тот факт, что население, захваченное «для работы» нацистскими карателями, неминуемо ждала мучительная смерть. В так называемых «рабочих лагерях» с людьми обращались столь же жестоко, как и в концлагерях, на «конвейере смерти»¹.

В ноте цитируется предельно циничное заявление Геринга: «Русский неприхотлив, поэтому его легко прокормить без заметного нарушения нашего продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище».

В той же ноте цитируются показания советских граждан. Обвинитель от СССР привел показание колхозницы Варвары Бахтиной из села Николаевка Курской области:

«В Курске нас впахнули в телятник по 50—60 человек в вагон. Выходить не разрешали... Во Льгове нас высадили, здесь мы проходили осмотр специальной комиссии (пресловутую «селекцию». — *Авт.*). В присутствии солдат заставляли раздеваться догола, осматривали тело. Чем ближе к Германии, тем все больше пустел наш эшелон. Из Курска взяли 3 тысячи человек, но почти на каждой станции выбрасывали больных и умирающих с голоду людей. В Германии нас заключили в лагерь, где находились советские военнопленные. Это был участок в лесу, обнесенный высокой оградой из колючей проволоки. Через четыре дня нас распределили по местам. Я, моя сестра Валентина и 13 девушек попали на военный завод».

Далее обвинитель от СССР прочел письмо немки из Хемница, найденное у убитого немецкого солдата Бока — ее сына.

«Много русских женщин и девушек работает на фабриках «Астра Верке». Их заставляют работать по 14 и более часов в день. Зарплаты они, конечно, никакой не получают. На работу и с работы они ходят под конвоем. Русские настолько переутомлены, что они буквально валятся с ног. Им часто попадает от охраны плетью. Пожаловаться на побои и скверную пищу они не имеют права. Моя соседка на днях приобрела себе работницу. Она внесла в кассу деньги, и ей предоставили возможность выбирать по вкусу любую из только что пригнанных сюда женщин из России».

И сам Гитлер, и аппарат Гимmlера «идеологически» обосновывали угон в рабство и зверства, творимые на советских террито-

¹ Условия в лагерях для насильно угнанных советских граждан талантливо описал советский писатель В. Семин в своей книге «Нагрудный знак «Ост». В. Семин сам пережил ужасы нацистского рабства. Будучи подростком, он попал в облаву и был угнан в фашистский лагерь в Германии.

риях. Они объявили великие народы, населяющие нашу страну. людьми «низшей расы».

Закончить этот раздел опять же хочется цитатой из речи главного обвинителя от Великобритании Шоукросса:

«Должен ли мир пройти мимо возрождения рабства в Европе. мимо порабощения 7 миллионов мужчин, женщин и детей, которых увезли из-под родного крова, с которыми обращались, как с животными, которых морили голодом, избивали и умерщвляли... Долгие годы миллионы иностранных рабов трудились на фабриках и в деревнях по всей Германии и, как скот, транспортировались по всем дорогам, по всем железнодорожным линиям Германии».

Глава шестая

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ «ПЛАН ОСТ» В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

ЗАПЛАНИРОВАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ НЕВИДАННОГО МАСШТАБА

На страницах этой книги уже было приведено немало страшных, леденящих душу документов, вышедших из-под пера гитлеровцев. Однако так называемый генеральный «план Ост» беспрецедентен. Это чудовищный по своей бесчеловечности документ.

В виде законченного плана «план Ост» не сохранился. Он был чрезвычайно секретен, существовал, по-видимому, в немногих экземплярах¹. Вероятнее всего, его уничтожили сознательно. Нам уже известно, что в последние годы войны вскрывали даже массовые захоронения и сжигали полуразложившиеся трупы. Куда легче было сжечь документ.

¹ Согласно инструкции самого Гитлера чиновники распорядились, чтобы с «плана Ост» сделали всего несколько копий для части гаулейтеров, двух министров, «генерал-губернатора» Польши и двух-трех высших чинов СС. Остальные эсэсовские фюреры РСХА должны были ознакомиться с «планом Ост» в присутствии курьера, расписаться в том, что документ прочитан, и вернуть его.

Но история свидетельствует о том, что все следы преступлений такого масштаба, какие совершали гитлеровцы, уничтожить никогда не удавалось. И в письмах, и в речах Гиммлера и других эсэсовских офицеров ссылки на план встречаются не раз. Сохранились также две докладные записки, из которых видно, что этот план существовал, обсуждался. Из записок мы узнаем довольно подробно содержание плана.

Советский историк В. Дашичев привел их в своей книге «Банкротство стратегии германского фашизма» полностью. Он же кратко сформулировал суть генерального «плана Ост».

«На завоеванных славянских территориях предусматривалось проведение политики геноцида в ее самых крайних формах. Подрыв «биологической силы» славянских народов планировалось осуществлять следующими основными методами: 1) физическим истреблением больших масс народа; 2) сокращением населения путем преднамеренной организации голода; 3) уменьшением населения в результате организованного снижения рождаемости и ликвидации медицинского и санитарного обслуживания; 4) истреблением интеллигенции — носителя и продолжателя научно-технических знаний и навыков, культурных традиций каждого народа и низведением образования до низшего уровня; 5) разобщением, дроблением отдельных народов на мелкие этнические группы; 6) переселением масс населения в Сибирь, Африку, Южную Америку и другие районы Земли; 7) аграризацией захваченных славянских территорий и лишением славянских народов собственной промышленности».

Такова была программа нацистов в отношении Советского Союза. Дашичев сформулировал суть генерального «плана Ост» кратко. Мы сформулируем его еще короче: генеральный «план Ост» предполагал полное уничтожение нашей великой Родины, биологическое истребление советского народа.

Звучит дико! Как можно уничтожить великий народ, много-миллионный народ с тысячелетней культурой, давшей человечеству столько гениев, столько великих людей, осветивших мир силой своего разума?

Тем не менее почти в середине XX в. был разработан генеральный «план Ост» и Гитлер начал проводить в жизнь политику геноцида в ее самых крайних формах».

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению «плана Ост» и его последствий, надо отметить два весьма важных обстоятельства.

«План Ост» был создан после побед над Западной Европой, которые заморозили не только правящую верхушку гитлеровской Германии, но и довольно широкие круги немецких обывателей. Гитлеровцы возомнили себя непобедимыми; эсэсовец и впрямь

поверил Гиммлеру, счел себя «сверхчеловеком», которому дозволено все.

Генеральный «план Ост» предполагал как некую данность быструю и окончательную военную победу над СССР.

Именно на этом базировался безумный план.

В меморандуме «Уполномоченного по централизованному решению восточноевропейского пространства» от 2 апреля 1941 г., стало быть, за два с половиной месяца до нападения на Советский Союз говорилось:

«Военное столкновение с СССР поведет к чрезвычайно быстрой оккупации важных и крупных пространств. Весьма вероятно, что за первыми ударами наших вооруженных сил очень скоро последует полная военная катастрофа Советского Союза. В этом случае оккупация территории представляла бы собой не столько военную, сколько административную и экономическую проблему».

Отдел «Иностранные армии» в Верховном командовании вермахта издал 23 января 1941 г. «Инструктивное письмо», где отмечалось, что вывод из анализа, проведенного данным отделом, гласит: «Красная Армия никоим образом не является современным войском и не способна вести современную войну».

Но не только безграничная вера в свою завоевательскую мощь вызвала к жизни генеральный «план Ост». Существовало и второе, не менее важное, на наш взгляд, обстоятельство, породившее этот план.

Война на Западе, пусть и победоносная, не принесла ожидаемых дивидендов германскому бюргеру. Невиданно обогатились на войне лишь немецкие монополии. Рядовые граждане «третьего рейха» вынуждены были пройти через казарменную муштру, их оторвали от семей, от дела. Даже в самые «лучезарные» дни войны появились раненые, в Германию шли первые «похоронки». В Западной Европе нарастало Сопротивление.

И вот в воспаленном мозгу фюреров разных мастей стали вставать картины одна другой заманчивее — безбрежные русские просторы, плодородные земли Украины, кавказская нефть, дешевые рабы. «Белокурые бестии» — эсэсовцы поселятся в роскошных имениях — в эдаком гибриде прусских латифундий и южноамериканских плантаций. У них появятся «онемеченные» надсмотрщики и бесчисленные рабы... — славяне... Так выглядел германский «рай» на земле, коим Гитлер, Гиммлер, Розенберг и другие заменили христианский рай в потустороннем мире.

Дело, как говорится, было за малым. Надлежало завоевать Восток — не то до Урала, не то прихватить Среднюю Азию («Туркестан», как писали гитлеровцы). Для этого был сочинен «план Барбаросса», то есть военный план. А затем оставался уж вовсе «пустяк»: следовало «освободить» территорию СССР от

«излишков» коренного населения и заселить «чистопородными арийцами».

И чтобы это не происходило стихийно, был создан генеральный «план Ост», согласно которому истребление, депортацию и перетасовку миллионов людей, целых народов следовало проводить планоно, поэтапно.

Как именно, мы увидим ниже. Сейчас отметим всего лишь, что о будущей райской жизни немцев на Востоке говорили в речах и статьях не только Гиммлер и другие эсэсовцы, но и сам Гитлер. Приведем весьма известную цитату из так называемых «застольных бесед» нацистского фюрера.

10 сентября 1941 г. Гитлер сказал: «При нашем заселении русского пространства имперский крестьянин¹ должен проживать в необычайно прекрасных поселениях. Немецкие учреждения и власти получают чудесные здания, губернаторы — дворцы. Вокруг административных центров будет выстроено все необходимое для поддержания жизни. А вокруг города на расстоянии 30—40 километров мы заложим кольцо красивейших деревень, которые свяжут самые лучшие дороги. За этими деревнями начнется совсем иной мир, там мы поселим русских (тех, кто сразу не будут уничтожены. — *Авт.*). Пусть себе живут, как хотят. Но властвовать над ними будем мы. А в случае бунта мы просто сбросим пару бомбочек на их города — и дело с концом. Один раз в году толпу киргизов можно привозить в столицу империи, дабы они увидели воочию мощь и величие ее каменных изваяний... Если бы я только мог внушить немецкому народу, что будет значить для него в грядущем это пространство! (То есть великая Советская держава, которую уже в сентябре 1941 г. Гитлер иначе как «пространство» или «территорией» не именовал. — *Авт.*)

Сия картина — СССР в положении образцовой гитлеровской колонии — переходила из одной речи нацистских фюреров в другую. Кое-какие детали, правда, менялись, но суть оставалась прежней: гигантские пространства с великолепными немецкими поселениями и подневольные «завоеванные» советские народы. Омерзительная программа!

Еще омерзительней сам генеральный «план Ост».

Ведь нельзя забывать, что за этим «планом» стояли и печи крематориев, и промышленное производство «Циклона Б» для газовых камер, весь опыт империи «кацет», а главное, мощнейшая индустрия и самая сильная в Западной Европе вооруженная до зубов армия.

¹ Как мы видим, речь и впрямь шла о мелком буржуа, словом, о тех людях, которые пошли когда-то за Эрнстом Ремом, натянули на себя коричневую форму и потребовали своей доли пирога от хозяев разоренной войной и Версалем Германии. Покончив с Ремом, нацисты во многом восприняли его программу.

Сохранилось несколько документов, по которым можно реконструировать генеральный «план Ост».

Самый важный из них — «Замечания и предложения по генеральному «плану Ост» рейхсфюрера СС».

Документ напечатан на бланке, слева исходящий номер, надпись: «1/214. Имперский документ», справа столбиком гриф:

«Совершенно секретно
Имперский документ
Берлин, 27/4 1942».

Документ очень пространный, многостраничный. Подписан он неким доктором Ветцелем. Ветцель служил в так называемом «министерстве по делам оккупированных восточных территорий», которое возглавлял Розенберг. С Розенбергом, автором «Мифа XX века», читатель уже успел познакомиться. Что касается Ветцеля, то он был начальником одного из отделов в центральном политическом управлении министерства Розенберга, которое для краткости иногда называли просто «восточным министерством». Характерно, что отдел Ветцеля именовался «группа по расовой политике». Вот этот-то «расовед» в квадрате (он занимался расовой политикой в «расовом» министерстве Розенберга), очевидно, и свел воедино, а потом записал замечания Гимmlера, касавшиеся «плана Ост».

Чтобы не быть голословными, приведем несколько цитат из разных разделов «Замечаний и предложений»¹. Сначала идет преамбула, которую мы процитируем полностью.

«Еще в ноябре 1941 г. мне стало известно, что главное управление имперской безопасности (РСХА.— Авт.) работает над генеральным «планом Ост». Ответственный сотрудник главного управления имперской безопасности штандартенфюрер Элих назвал мне уже тогда предусмотренную в плане цифру в 31 млн человек не немецкого происхождения, подлежащих депортации. Этим делом ведает главное управление имперской безопасности, которое сейчас занимает ведущее место среди органов, подведомственных рейхсфюреру СС, при этом главное управление имперской безопасности, по мнению всех управлений, подчиненных рейхсфюреру СС, будет выполнять также функции имперского комиссариата по делам укрепления немецкой расы».

Уже из преамбулы мы видим, что «план Ост» предусматривал депортацию 31 млн человек. Ни больше ни меньше!

¹ В документе, не считая преамбулы, четыре раздела: «Общие замечания по генеральному «плану Ост», «Общие замечания по вопросу об онемечивании, особенно о будущем отношении к жителям бывших Прибалтийских государств», раздел «К решению польского вопроса» и раздел «К вопросу о будущем обращении с русским населением».

Первая фраза первого раздела гласит:

«По своей конечной цели, а именно запланированному онемечиванию рассматриваемых территорий на Востоке, план следует одобрить».

Из дальнейшего явствует, однако, что Гиммлер нашел в генеральном «плане Ост» много упущений:

Первое упущение:

«Прежде всего бросается в глаза, что из плана выпала Ингерманландия (так гитлеровцы называли территории Новгородской, Псковской и Ленинградской областей. — Авт.), Приднестровье, Таврия (!) и Крым, как территории для колонизации...»

Второе упущение:

На землях Востока должно остаться 14 млн местных жителей и поселиться 10 млн немцев. Однако Гиммлер считает, что даже если у немецких колонистов на восточных территориях «удастся пробудить желание к увеличению деторождения, то можно рассчитывать лишь на 8 млн немцев для колонизации этих территорий за период примерно в 30 лет. Однако этим не достигается предусмотренная планом цифра в 10 млн немцев».

Здесь обратим особое внимание на слова «30 лет». Гиммлер планировал на 30 лет вперед, хотя жить ему, как мы вскоре узнаем, оставалось всего три года...

Но самое главное упущение — это *третье упущение*.

Составители плана считали, что для «обезлюдивания» Востока следует депортировать 31 млн человек. Гиммлер с возмущением отвергает это: «Число людей, подлежащих выселению... должно быть в действительности значительно выше, чем предусмотрено (курсив оригинала. — Авт.). Прежде всего Гиммлер требует, чтобы еще до депортации были бы «ликвидированы 5—6 млн евреев, проживающих на этой территории». «Кроме того, как мне кажется, — заявляет он далее, — местное население не немецкого происхождения будет за период в 30 лет очень быстро размножаться...» Из всего этого Главный Палач нацистской Германии делает такой вывод:

«Если учитывать, что на рассматриваемых территориях останется 14 млн местных жителей, как предусматривает план, то нужно депортировать 46—51 млн человек. Число подлежащих депортации жителей, установленное планом в 31 млн человек, нельзя признать правильным».

Здесь уже начинается полная фантазмагория, делирий!.. Куда намерен Гиммлер депортировать четыре или пять десятков миллионов людей — мужчин, женщин, стариков, подростков, грудных младенцев?.. Сам он отвечает на этот вопрос в «Заметках и предложениях» мимоходом... Поляков, в частности, он намерен

сослать «за океан»... Куда именно? Далее вдруг возникает «Южная Америка, особенно Бразилия» и еще позже — «Сибирь».

Мы останавливаемся на этом вопросе не случайно. Даже в дни Нюрнбергского процесса кое-кто из обвиняемых и адвокатов уверяли, что гитлеровцы вообще не намеревались уничтожить 6 млн евреев, они хотели сослать их всего-навсего... на остров Мадагаскар. Да что там Нюрнбергский процесс! До сих пор некоторые буржуазные историки не стыдятся перепевать эту версию, возникшую накануне поражения Германии. Дескать, в условиях военного времени не хватало транспорта для высылки на Мадагаскар.

Да, мы знаем, что транспорта гитлеровцев хватило лишь для депортации миллионов русских, поляков, евреев в лагерь смерти. Для этого товарные вагоны всегда находились.

Как же поверить, что 46—51 млн человек можно было вывезти куда-то в заселенную страну, область, регион?

Совершенно ясно, что и здесь речь шла не о депортации, а об истреблении... Гиммлер крепко надеялся на своих верных партнеров — на фирму «Топф и сыновья», поставлявшую СС печи для крематориев, на химические концерны, изготовлявшие ядовитые газы, и на тысячи эсэсовских палачей, готовых за дополнительные пайки убивать людей «низшей расы», в данном случае — славян.

Рейхсфюрер СС дал и своего рода «разнарядку» по отдельным народам...

План предусматривает выселение 80—85 процентов поляков, то есть... 16—20,4 млн подлежат депортации, в то время как 3—4,8 млн должны остаться на территории, заселенной немецкими колонистами.

Гиммлеру и эта цифра кажется заниженной. Он лично считает, что только 3 процента поляков могут быть онемечены! И «если взять этот процент за основу, то число поляков, подлежащих депортации, должно составить даже более 19—23 млн».

Итак, от 19 до 23 млн поляков были кандидатами на уничтожение!

Цитируем дальше:

«б) К вопросу об украинцах.

По плану главного управления имперской безопасности на территорию Сибири¹ должны быть переселены также западные

¹ Вообще насчет Сибири у Гиммлера были обширные планы. В том же документе рейхсфюрер СС писал: «Когда Кузнецкая, Новосибирская и Карагандинская промышленные области начнут работать на полную мощность, потребуется огромное количество рабочей силы, особенно технических работников. Почему бы валонским инженерам, чешским техникам, венгерским коммерсантам и им подобным не работать в Сибири?»

украинцы. При этом предусматривается депортация 65 процентов населения...

в) К вопросу о белорусах.

Согласно плану, предусматривается выселение 75 процентов белорусского населения с занимаемой им территории...»

«К вопросу о чехах.

...Онемечиванию подлежит около 50 процентов всего чешского населения. Если исходить из этой цифры, то останется еще 3,5 млн чехов, не предусмотренных для онемечивания, которые должны быть постепенно удалены с территории империи...

Следует подумать о том, чтобы переселить этих чехов в Сибирь, где они растворятся среди сибиряков и тем самым будут способствовать дальнейшему отделению сибиряков (!) от русского народа...»¹

Своего «кульминационного пункта» «Замечания и предложения» Гимmlера достигают в последнем разделе, а именно в разделе «К вопросу о будущем обращении с русским народом».

Центральная мысль раздела (если гимmlеровский бред можно назвать мыслью!) — как побороть «огромную биологическую силу русского народа». В переводе с расистского языка на нормальный человеческий язык это означает: как уничтожить великий народ, так сказать, на веки веков.

В этом пункте Гимmlер призывает в союзники расистскую «науку» в лице некоего профессора Абеля, ассистента уже упоминавшегося нами Фишера. «Ученый» Абель, как явствует в «Замечаниях и предложениях по генеральному «плану Ост», рекомендовал отнюдь не только разгром государства с центром в Москве... «Дело заключается, скорее всего, в том, — говорится в цитируемом документе, — чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. Только если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности с расово-биологической точки зрения, и если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ...»

Гимmlер поправляет Абеля — он замечает, что уничтожить

¹ Еще в июле 1941 г. Гитлер отдал распоряжение выселить все население Крыма и превратить Крым в «немецкую Ривьеру». Несколько позже — в сентябре того же года — Розенберг закрепил это распоряжение фюрера в специальном указе, согласно которому, в частности, «генеральному комиссару Крыма» некоему Фрауэнфельду было поручено разработать проект переселения в Крым населения Южного Тироля. Проект был затем одобрен Гитлером и Гимmlером. Было создано специальное «Крымское командование войск СС», занимавшееся подготовительными работами для проведения запланированной «колонизации». Однако окопавшееся в Крыму эсэсовское командование было наголову разбито советскими войсками.

русских сразу «едва ли было бы возможно». У него свой план, который он и излагает:

«а) Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населяемой русскими, на различные политические районы... Народам, населяющим эти районы, нужно внушить, чтобы они ни при каких обстоятельствах не ориентировались на Москву, даже в том случае, если в Москве будет сидеть немецкий имперский комиссар...

Русскому из Горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от русского из Тульского генерального комиссариата...

б) Вторым средством, еще более действенным, чем мероприятия, указанные в пункте «а», служит ослабление русского народа в расовом отношении...

Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского (!) типа...

в) Есть много путей подрыва биологической силы народа. Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет являться доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. То же самое относится... к чрезвычайно плодовитым народам Кавказа, а в будущем частично и к Украине.

...Мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения... Следует пропагандировать... добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней».

И наконец, заключительный «аккорд».

«Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он был не в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе...»

Можно, конечно, привести выдержки и из других документов, касающихся генерального «плана Ост».

Но, на наш взгляд, и этого достаточно. Тем более мы имеем дело с комментариями и замечаниями первого лица в «империи смерти» — самого Генриха Гимmlера.

Характер «плана Ост», его направленность и конечные цели ясны. Это особенно важно потому, что вот уже 40 лет на Западе муссируется версия о том, что Гитлер якобы вел борьбу только против коммунизма.

Нацисты были и впрямь ярыми антисоветчиками, ненавидели коммунистическую Россию. В последние дни своей поганой жизни, скрываясь в подземелье во дворе имперской канцелярии, Гитлер в так называемом «Политическом завещании» (в записи Бор-

мана) заявил, что смыслом его существования было «уничтожение большевизма»...

Однако это была всего лишь часть правды, рассчитанной на Запад.

«План Ост» ясно показывает, что речь шла не просто о борьбе с коммунистической идеологией, а о завоевании жизненного пространства, не об уничтожении большевиков, а об уничтожении славянских народов.

«План Ост» был в какой-то степени универсальным и основополагающим. Предписывая истребление десятков миллионов людей, перетасовку народов — чехов — в Сибирь, австрийцев — в Крым, — он давал полную волю нацистским чиновникам. Разве можно исключить, что Гитлер в случае осуществления плана «Морской лев» (завоевания Англии) не пожелал бы переселить британцев, скажем, в Польшу или в Африку?

Самое главное, что в генеральном «плане Ост» была четко проведена идея «высших» и «низших рас» — господ и рабов, и число последних рекомендовалось «биологически» лимитировать, независимо от того, проживают ли они на Востоке или на Западе. Составлен «план Ост» был против Востока, но в любую минуту мог обернуться против «Вест», то есть против Запада.

Это был человеконенавистнический план. В этом отношении характерным было, например, такое послание Гейдриха Гиммлеру, датированное 20 октября 1941 г.:

«Покорнейше прошу обратить Ваше внимание на то, что вопреки ясным указаниям касательно городов Петербурга и Москвы, эти указания никогда не будут проведены в жизнь, если с самого начала мы не примем самые крутые меры.

Начальник эйнзацгруппы «А» бригадефюрер д-р Шталекер сообщил мне, например, что агенты, которые перешли через линию фронта и вернулись из Петербурга, рассказали: разрушения в городе еще чрезвычайно незначительны.

Пример бывшей польской столицы также показал, что самый интенсивный обстрел не может вызвать нужных разрушений.

По-моему, в подобных случаях надо применять в массовом порядке зажигательные и фугасные бомбы.

Покорнейше прошу в связи с этим еще раз привлечь внимание фюрера к тому, что, если вермахт не будет давать совершенно недвусмысленные и ясные приказы, оба названных города нельзя будет разрушить дотла».

Кажется, ясно сказано: *разрушить дотла* Москву и Ленинград — два великих русских города.

Ведь русскому народу (по планам Гитлера — Гиммлера — Гейдриха) положено было жить не в прекрасных городах, а

в бараках, за колючей проволокой или в хлеву с хозяйской скотиной...

Страшная цитата. Но удивляться нечему. Раз можно было объявить Эйнштейна ублюдком, то почему бы не попытаться разрушить ленинградские дворцы и древний Кремль?!

* * *

Генеральный «план Ост» был составлен относительно второстепенными чиновниками. Однако, на наш взгляд, важно, что эти чиновники работали в гиммлеровском расовом ведомстве, официально именовавшемся главным ведомством по укреплению германской расы.

Указ о назначении Гимmlера «Имперским комиссаром по укреплению германской расы» (в добавлении ко всем его прочим должностям) был издан Гитлером 10 октября 1939 г., вскоре после того, как гитлеровская Германия развязала вторую мировую войну и оккупировала Польшу. Задачей нового главного ведомства была, согласно указу, «борьба с враждебными элементами, создающими угрозу германскому народу». Под этой формулой скрывались сугубо конкретные указания Гитлера о биологическом истреблении населения оккупированной Польши и заселении «польского пространства» немецкими колонистами за счет «вытеснения» коренного польского населения.

Новая организация получила статус главного ведомства и создала многочисленные филиалы на оккупированных нацистским вермахтом землях Восточной Европы.

Ну а в ходе подготовки войны против СССР главное ведомство приступило к более широкой программе — к составлению генерального «плана Ост».

Нам известны два чиновника, работавшие над «планом Ост»: некий Конрад Мейер-Хетлинг и Ульрих Грейфельт. Первый считался «ученым», был профессором — специалистом в области «аграрных наук и аграрной политики». Одновременно он работал начальником отдела планирования в гиммлеровском главном ведомстве. Вторым был начальником штаба этого ведомства и имел чин бригадефюрера СС.

Сперва начал работать над генеральным «планом Ост» Мейер-Хетлинг, затем в работу включился Ульрих Грейфельт.

Они и составили, очевидно, первый набросок этого плана.

Историк из ФРГ Хёне считает, что Гитлер с самого начала был в курсе работы, связанной с «планом Ост», и что первая беседа об этом плане состоялась у Гимmlера с Гитлером уже в 1940 г.

Ссылаясь на небезызвестного Керстена — лейб-медика Гимmlера, Хёне следующим образом повествует о меморандуме, представленном рейхсфюрером СС Гитлеру:

«Проект предусматривал создание системы вооруженных крестьянских поселений на советской земле, поселений, которые будут принадлежать «ордену» (то есть отрядам СС). «Германский народ, — сообщил Гиммлер Керстену, — является крестьянским народом и должен быть возвращен к исконно присущему ему способу существования. С помощью Востока должна укрепиться крестьянская основа германского народа, именно на Востоке будет источник вечной молодости германцев, немецкий народ возродится».

Гиммлер передал свой меморандум Гитлеру 28 мая 1940 г. В нем содержались написанные рейхсфюрером «некоторые мысли об обращении с чужими народами на Востоке». В свойственном Гиммлеру чиновничье-бюрократическом стиле, продолжает Хёне, всего на восьми страницах была сформулирована программа уничтожения населения на востоке Европы. Эти народы должны были «уступить место» германской расе господ.

Горячий спор возник у буржуазных историков по вопросу — до каких пределов Гитлер и Гиммлер желали «раздвинуть» границы нацистского рейха.

Нацисты хотели захватить Украину, Крым (туда они «планировали», как мы знаем, заслать южных тирольцев) и Кавказ¹.

Мы перечитали сохранившиеся речи Гиммлера на секретных и несекретных совещаниях. Там ясно говорится: «Германские противоздушные пункты должны быть созданы на гребнях Уральских гор». Это было сказано в 1942 г. в Познани.

В той же речи Гиммлер заявил, что Восток «надо заполнить рабами для работы, которые, невзирая ни на какие потери, будут строить наши города, наши деревни, наши крестьянские дворы...».

В октябре 1943 г. Гиммлер вещал:

«Детей славян, из которых можно воспитать хорошую расу, надо перевезти в Германию. Если ребенок будет сопротивляться, мы его уьем, ибо он опасен».

«120—130 млн германцев будут править сотнями миллионов недочеловеков».

Это было сказано через восемь месяцев после разгрома вермахта на Волге. Не пошли Гиммлеру уроки истории впрок.

В 1940 г., прежде чем напасть на Советский Союз, рейхсфюрер СС, пигмей, облеченный небывалой властью, мечтал:

«После войны фюрер скажет нам: «Поднимайтесь и устремляй-

¹ Сохранилось письмо Гиммлера Шелленбергу, в котором Гиммлер писал: «Милый Шелленберг!.. Насчет нового политического порядка на Кавказе... Название Кавказа будет: «Свободные кавказские охранные государства». Ими должен править не рейхскомиссар, а генерал-резидент». Охранные государства, очевидно, предполагалось отдать в руки «охранных отрядов», то есть отрядов СС.

тесь на Восток». И поток потечет к Востоку, а на Западе станет вольнее, просторнее.

...Мы будем безжалостно проводить политику переселения, ибо новые провинции должны стать германскими, белокуроыми, должны стать национал-социалистскими. Нам надо образовать «германский вал». Приедут немцы из всех гау. И строить там будут по-царски».

Это не единственная речь, в которой Гиммлер с упоением расписывал, как он будет создавать свой эсэсовский рай на «обезлюженной» земле, на трупах, на развалинах. Он даже проекты заказывал, в частности заказал проект некоему профессору Крейсу, специалисту по кладбищам. Тот должен был спроектировать «крепости смерти» (тотенбурги). Что-то вроде гигантских городов мертвых — в память об эсэсовцах — первых колонизаторах Востока!

А 31 января 1942 г., за месяц до Сталинградской битвы, Гиммлер писал Полю, одному из своих самых верных паладинов, убийце миллионов заключенных:

«...Я прошу Вас уже сегодня принять все меры к воспитанию из пленных мастеров по разным специальностям — например, специалистов сооружать бетонные перекрытия, людей, способных возвести кирпичную кладку, строить лифты, ставить оконные рамы и т. д. Это сведет до минимума расходы на строительство зданий для СС и полиции, как государственных, так и частных... Если мы этого не сделаем и не сможем возводить на 80% собственными силами (то есть силами рабов новые постройки. — Авт.), то не будем иметь ни приличных казарм, ни школ, ни административных зданий, ни квартир для наших эсэсовцев в рейхе, а также я, как Имперский комиссар по укреплению немецкой расы, не сумею построить гигантские поселения, с помощью которых мы онемечим Восток».

Характерно, что даже тогда, когда стало ясно: план завоевания и порабощения Советского Союза гитлеровцами провалился окончательно и бесповоротно, Гиммлер продолжал проводить политику «обезлюживания».

Так, в письме от 1943 г. он писал: «Фюрер приказал, чтобы партизанские области на севере Украины и в Центральной России были бы полностью очищены от людей. Операция должна быть проведена в ближайшие 4 месяца». Далее Гиммлер предлагает ряд мероприятий для того, чтобы превратить целые области в зону пустыни: вырубить леса, посеять какую-нибудь культуру, непригодную для еды.

Еще более «выразительно» письмо Гиммлера от 7 сентября 1943 г., адресованное Прюцману, высшему руководителю СС и полиции в Киеве:

«Дорогой Прюцман!

...Надо добиться, чтобы при эвакуации украинских областей не

осталось бы ни одной живой души; ни одного домашнего животного, ни центнера зерна, ни одной рельсы; все до единого дома должны быть уничтожены с тем расчетом, чтобы их нельзя было восстановить долгие годы, все без исключения колодцы — отравлены. Надо позаботиться, чтобы противнику досталась бы дотла сожженная, totally разрушенная территория».

Подобного рода цитирование можно было бы продолжать до бесконечности. Но и так ясно: генеральный «план Ост» существовал не только в папках гиммлеровских чиновников средней руки. Им руководствовался и рейхсфюрер СС, и все его главные советники и помощники на протяжении отпущенных им лет!

Теперь остается выяснить, как этот злодейский план претворялся в жизнь в годы войны на временно оккупированных территориях Советского Союза. Какие организации его по преимуществу выполняли, и, наконец, кто персонально отвечал за зверства на советской земле. Полный список представить не удастся — не позволяет объем книги. Но некоторые фамилии мы считаем своим долгом назвать.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ГЕНОЦИДА

Для того чтобы осуществить чудовищную программу геноцида, предусмотренную генеральным «планом Ост», необходимо было создать массовую и притом четко функционирующую организацию со своим специфическим аппаратом и обученными для этой цели кадрами. Костяком этой организации служили в первую очередь отряды СС. Еще до начала вероломного нападения на Советский Союз они были мобилизованы для выполнения таких функций. Из них и были выделены специальные формирования, которые уже в 1938 г. — после захвата Австрии и оккупации Чехословакии — получили название — эйнзацгруппы.

Западногерманские исследователи Гельмут Краусник и Ганс Генрих Вильгельм в книге «Армия для борьбы мировоззрений» пишут: «Они (то есть эйнзацгруппы. — Авт.) представляли собой моторизованные полицейские формирования, созданные спонтанно и обладавшие большой мобильностью». Это было нечто вроде кочующего главного имперского ведомства безопасности или «гестапо на колесах», как их называли судьи Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Основной задачей эйнзацгрупп, которые были приданы различным армейским частям, было проведение «чисток» среди населения после оккупации тех или иных территорий нацистскими войсками.

В энциклопедии «Великая Отечественная война. 1941—1945»,

изданной в 1985 г., дается следующее определение эйнзацгрупп: «Мобильные фашистские военно-террористические части, предназначенные для уничтожения военнопленных, проведения акций по ликвидации населения на оккупированных территориях... Формирования выделялись из состава СС, СД и полиции безопасности и подчинялись главному имперскому управлению безопасности (РСХА)».

Таково наиболее точное определение основных функций и главных задач эйнзацгрупп.

Хотелось бы особо подчеркнуть важность того обстоятельства, что под документами, попавшими после войны в руки союзных держав, стоят подписи не только начальников эйнзацгрупп, но и германских военачальников различных рангов и степеней. Это важно потому, что в западногерманской исторической литературе существуют целые направления, представители которых пытаются отделить «команды смерти» Гимmlера от «честных» вояк в армейских мундирах, выполнявших якобы свой «солдатский долг» и непричастных к грязным делам убийц, на воротниках которых были изображены руны СС.

В действительности же *вся* машина агрессии в рейхе Гитлера действовала вполне согласованно.

В параграфе о Гейдрихе мы уже писали, что соглашение между СС и генералами было одним из самых зловещих в ряду других бесовестных военных и политических сделок, заключенных в нацистской Германии. И что Люцифер сыграл в этом соглашении немалую роль.

Официальное приобщение армии к преступлениям гестапо, СД, СС и эйнзацгрупп Гимmlера было делом непростым, деликатным. Ведь известно, что существовали писанные и неписанные законы войны, которые запрещали карательные действия, направленные против гражданского населения, военнопленных и содержавшие определенные ограничения в обращении с военнослужащими противника. Эти правила ведения войны, зафиксированные в ряде конвенций и соглашений (особенно в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг.), были признаны огромным большинством цивилизованных государств либо де-юре, либо де-факто.

Для решения вопроса о посылке отрядов СС на фронт, о полномочиях эйнзацгрупп и их взаимоотношениях с армейским командованием велись сложные переговоры между руководством СС и вермахтом. Первоначально в них участвовали (со стороны СС) начальник гестапо Мюллер-гестапо, а со стороны вермахта — генерал-квартирмейстер Вагнер. Мюллер сразу же предъявил максимальные требования к представителю армии — полную независимость эйнзацгрупп от командования в соответствующих районах, куда они войдут и закрепятся сразу же вслед за продвижением герман-

ских войск; невмешательство командования в любые мероприятия СС по «умиротворению тыла»; максимальная помощь войскам СС для расправы с мирным гражданским населением и для принятия мер по «обезлюдению» соответствующих территорий, а также по угону населения на работу в Германию.

Таким образом, немецкая военщина — по замыслам Мюллера — должна была помогать отрядам СС в проведении карательных операций при уничтожении «нежелательных элементов» как по политическим, так и по расовым мотивам. Мюллер не скрывал, что речь пойдет о миллионах людей, которые подлежат ликвидации. Он заявлял Вагнеру, что отказ генералов от участия в акциях эйнзацгрупп будет расценен Гиммлером «как противодействие воле фюрера». Но таким языком нельзя было говорить с представителем высшего командования армии. Вагнер пожаловался Кейтелю и Канарису. Началась перепалка между договаривающимися сторонами: Переговоры явно затягивались. Их вели еще в марте 1941 г., но и в последние дни мая конца им не было видно. Поэтому Гиммлер решил изменить тактику и поручить ведение дел с вермахтом более гибкому и ловкому посреднику; его выбор пал на Шелленберга.

Гейдрих вызвал Шелленберга и дал ему соответствующие инструкции.

В своих мемуарах Шелленберг пишет, что Гейдрих проинформировал его о трудностях, возникших при разработке окончательного соглашения между Верховным командованием вермахта и руководством СС. Все принципиальные вопросы нового соглашения, подчеркнул он, согласованы с фюрером. Полицейским формированиям (имеются в виду в первую очередь эйнзацгруппы) даны полномочия непосредственно Гитлером: они должны выполнять задачи по «умиротворению» населения и по проведению мер «расово-биологического, демографического и народнохозяйственного характера». «Детали, касающиеся технического обеспечения для выполнения этих задач, — сказал Гейдрих Шелленбергу, — должны быть урегулированы совместно с генерал-квартирмейстером вермахта».

Далее Гейдрих сказал: «Я распорядился отстранить Мюллера от ведения переговоров и передаю вам все материалы, касающиеся этого вопроса. Вагнер готов принять Вас уже завтра...» Гейдрих добавил, что следует добиваться поддержки вермахтом действий полицейских сил, сосредоточенных «на бескрайних просторах России, и обязательства снабжать эти силы горючим, предоставить в их распоряжение соответствующий транспорт, связь, а также продовольствие».

«Другая проблема, — передает слова Гейдриха Шелленберг, — заключается в том, что при обеспечении полной независимости для проведения практической работы необходимо будет тщатель-

но держаться субординации в отношении армейского командования. В этом состоит главная трудность, и именно по этому вопросу переговоры Вагнера и Мюллера зашли в тупик. Вагнер настаивает на том, что в прифронтовой полосе командование должно быть сосредоточено в одних руках. И он прав. На фронте неизбежно придется соблюдать субординацию: полицейским частям следует включаться во все планы и во все операции вермахта. Но при выполнении специальных задач они должны проявлять самостоятельность и иметь свободу маневра».

После получения этих инструкций начался новый раунд переговоров, на сей раз между Вагнером и Шелленбергом. Вермахт и СС довольно скоро пришли к соглашению: отрядам Гимmlера была предоставлена полная независимость действий для выполнения «специальных задач», но формально они подчинялись командующему соответствующей армейской группировкой. Декорум был соблюден. В официальное соглашение, разработанное Вагнером и Шелленбергом, был включен пункт следующего содержания: «К действиям армии будут подключены мобильные отряды полиции безопасности и СД в целях обеспечения безопасности в тылу наступающих войск и подавления там всяческого сопротивления».

Этот пункт был сформулирован в качестве своего рода преамбулы к тексту соглашения, причем со ссылкой на «волеизъявление фюрера». Такая ссылка особенно понравилась Кейтелю и другим генералам, которые «вдохнули с облегчением», считая, что тем самым с них снята всякая ответственность за действия эйнзацгрупп. В действительности же соглашение означало полную капитуляцию армии перед руководством СС. На практике оно обернулось активной помощью генералов при проведении чудовищных карательных акций на территории Советского Союза.

В приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге специально указывается при определении меры наказания для начальника ОКВ Кейтеля, что обвиняемый распорядился, чтобы военные власти сотрудничали с эйнзацгруппами. Притом Кейтель хорошо знал еще по опыту Польши, какие действия имеются в виду: массовое истребление населения на оккупированных территориях. Об этом знали и другие генералы, все руководство вермахтом.

4 сентября 1940 г. в соответствии с графиком, предусмотренным приказом № 21, то есть «планом Барбаросса», эйнзацгруппы были вплотную придвинуты к советским границам. Вместе с тем началась передислокация воинских частей, предназначенных непосредственно для вторжения на советскую территорию. Из Франции перебросили 15 дивизий, которые участвовали в захвате Польши. 30 октября 1940 г. было проведено оперативное совещание, на котором предстоящие действия по вторжению на советскую тер-

риторию «прорепетировали» на макетах в генеральном штабе сухопутных войск. И наконец, 31 января 1941 г. Верховное командование спустило непосредственно в штабы дивизий приказы, в которых фиксировался день и час нападения на Советский Союз. Подобные директивы поступили также и в штабы эйнзацгрупп. Они содержали указания о порядке продвижения этих отрядов и местах концентрации перед началом «русской кампании». Таким образом, эйнзацгруппы были полностью подготовлены для вторжения. Они начали свой кровавый путь по советской земле уже в июле 1941 г.

8 июля был отдан приказ о переброске эйнзацгрупп из Польши на новый театр военных действий — в СССР.

Эта дата ознаменовала для эйнзацгрупп конец длительного подготовительного периода, предшествовавшего «дню X»: переходу к действиям для выполнения миссии, ради которой эйнзацгруппы, собственно говоря, и были созданы. Отныне они начали истребительную войну против народов Советского Союза.

О миссии эйнзацгрупп Гитлер объявил генералам совершенно недвусмысленно 13 марта 1941 г. В этой своей речи он следующим образом сформулировал роль отрядов СС в предстоящей кампании:

«В оперативном пространстве, где будут задействованы боевые дивизии вермахта, рейхсфюрер СС получает особые полномочия, которые он будет выполнять по поручению фюрера... В рамках предоставленных ему полномочий он будет действовать самостоятельно и нести персональную ответственность» (за выполнение этих задач. — *Авт.*). И далее: «В борьбе двух мировоззрений должны быть использованы все необходимые меры насилия. Это будет война на уничтожение. Политические комиссары Красной Армии должны быть тотчас после их идентификации переданы руководителям эйнзацгрупп. Там, где такая передача окажется невозможной, они (политические комиссары. — *Авт.*) должны быть расстреляны на месте».

Итак, эйнзацгруппы вместе с войсками вермахта вторглись в Советский Союз. Маршруты движения этих групп были определены заранее; заранее была также разработана их структура и назначены командиры. В распоряжении Гиммлера специально оговаривалось, что эйнзацгруппы должны использовать опыт «революционной» польской кампании. Что это за опыт, нам уже хорошо известно.

В некоторых трудах, посвященных деятельности эйнзацгрупп, содержатся утверждения, будто это было целое войско, сотни тысяч людей. Однако в действительности эйнзацгруппы состояли из сравнительно ограниченного числа отборных эсэсовцев, и их малочисленность была предметом особой гордости рейхсфюрера СС, который неоднократно хвастался тем, что небольшая кучка преданных

«ордену» лиц могла проделать столь огромную работу во имя достижения «высокой цели национал-социализма».

В «орденских школах», в которых готовилась новая смена СС, воспитанникам внушалась мысль о том, что именно они призваны осуществить самые важные и самые тайные планы фюрера, что они, мол, являются «чернорабочими истории», которые должны готовить почву для полной победы нацистских идеалов. К этим идеалам, как мы знаем, относилось истребление лиц «чужой крови», то есть уничтожение десятков миллионов людей. Расстреливая, вешая и истребляя эти миллионы, отборные эсэсовцы, согласно Гиммлеру, выполняли историческую миссию, обеспечивали господство нордической расы, уничтожали «неполноценные, или «низшие», расы», в первую очередь славян.

Есть, конечно, поразительное несоответствие между ничтожным количеством людей, служивших в эйнзацгруппах, и гигантскими размерами злодеяний, которые они совершили. Но именно тут пригодились соглашения Вагнера — Шелленберга. Вермахт из всех сил помогал палачам.

Кроме того, указывая на малочисленность эйнзацгрупп, некоторые буржуазные историки забывают отметить, что на временно оккупированные территории Советского Союза были отправлены 50 тыс. эсэсовцев из штандартов «Мертвая голова», то есть эсэсовцев, прошедших выучку в империи «кацет», — зверей, привыкших расправляться с безоружными, убивать детей и стариков. Они и составили основной костяк так называемых «ваффен СС», то есть боевых эсэсовских дивизий.

Историк Пауль Гильберг отмечает, что на счету эйнзацгрупп уже к весне 1942 г. числилось по крайней мере 1 млн 400 тыс. загубленных человеческих жизней.

А по оценке английского историка Рожера Мэнвела, эйнзацгруппы уничтожили за несколько месяцев около 2 млн человек.

Согласно оперативному «плану Барбаросса», нацистские войска, вторгшиеся в Советский Союз, были разделены на три группы армий. В соответствии с таким делением Гиммлер образовал также и три эйнзацгруппы. Каждая из них была придана группе армий и обозначалась соответствующей латинской буквой.

Когда в ходе боевых действий ОКХ — Верховное командование армий — распорядилось о формировании еще одной группы армий, возникла и соответствующая эйнзацгруппа.

Каждая из эйнзацгрупп делилась на так называемые зондеркоманды.

Так сложилась структура эйнзацгрупп и были определены районы действий отдельных эсэсовских подразделений.

1. ЭЙНЗАЦГРУППА «А»

Район действия — Прибалтика

Подразделения — зондеркоманды № 1-а и 1-б.

2. ЭЙНЗАЦГРУППА «В»

Район действия — Белоруссия

Подразделения — зондеркоманды № 7-а и 7-б
эйнзацкоманды № 8 и 9.

(В состав эйнзацкоманд «В» входила также так называемая «передовая команда «Москва».)

3. ЭЙНЗАЦГРУППА «С»

Район действия — Северная и Южная Украина

Подразделения — зондеркоманды № 4-а и 4-б
эйнзацкоманды № 5 и 6.

4. ЭЙНЗАЦГРУППА «Д»

Район действия — Бессарабия, Крым и Кавказ

Подразделения — зондеркоманды № 10-а и 10-б
эйнзацкоманды № 11-а, 11-б и 12.

Определить сейчас общее число жертв одних лишь эйнзацгрупп, эйнзацкоманд и других «передовых» подразделений СС не представляется возможным. Для иллюстрации действий этих органов массового истребления людей мы приведем лишь отдельные подсчеты, взятые из официальных документов самого командования эйнзацгрупп.

Несметное количество сообщений, которые в обязательном порядке направлялись Гиммлеру, свидетельствуют о своего рода «соревновании» между отдельными «отрядами смерти». Гиммлер создал специальный отдел, занимавшийся обработкой полученных данных с целью доведения их до сведения руководства НСДАП — Гитлера, Бормана, Геринга, Геббельса и других. Данные отдела дают весьма красочное, хотя и далеко не полное, представление о «работе» захватчиков на советской земле.

Приведем для характеристики действий эйнзацгрупп хотя бы некоторые цифры, взятые из отчетов руководителей этих групп. В книге упомянутого нами автора — Мэнвела — «Господство гестапо» со ссылкой на сводку германского командования от 1 мая 1944 г. приводится число убитых русских военнопленных: 2 млн человек, в том числе свыше 280 тыс. офицеров и солдат, которые погибли в лагерях или пропали без вести. Свыше одного миллиона человек, согласно той же сводке, числятся «расстрелянными при попытке к бегству» или «ликвидированными» как «подозрительный элемент».

Повторяем, речь идет об официальной сводке, в которой как число уничтоженных советских граждан, так и причины их гибели определены самими убийцами; поэтому они никак не могут служить основанием для сколько-нибудь достоверных выводов.

В дополнение к вышеназванным цифрам можно привести и некоторые другие материалы.

Вот выдержки из сообщения руководителя эйнзацгруппы «А»: до 15 октября 1941 г. этой группой было ликвидировано 125 тыс. человек. Командование эйнзацгруппы «В» похвалялось тем, что до 14 ноября того же года успела расстрелять 45 тыс. русских. Командование эйнзацгруппы «С» в сводке от 3 ноября 1941 г. рапортовало, что число уничтоженных ею к тому времени мирных жителей достигло 75 тыс. Командование эйнзацгруппы «Д» определило число убитых на 12 декабря того же года в 55 тыс. человек. Если сложить цифры, содержащиеся в сообщениях четырех групп, то получается, что общее число жертв этих отрядов составляло 300 тыс. человек за первые шесть месяцев войны.

В своем рапорте командование эйнзацгруппы «А» подчеркнуло, что ее действия «были активно поддержаны вооруженными силами». В сообщении говорилось, в частности: «Успешное проведение акций эйнзацгруппы в Борисполе не в последнюю очередь, — как сообщается в рапорте зондеркоманды № 4-а, — следует поставить в заслугу войсковому командованию, оказавшему нам активную поддержку».

Эйнзацкоманда № 5 сообщила, что 20 октября 1941 г. она отправила на родину 137 грузовиков, на которых была собрана одежда убитых этой командой лиц.

Характерно, что во главе эйнзацгрупп и других карательных органов на территории СССР были с самого начала поставлены очень крупные чиновники СС и нацистской партии из центрального аппарата. Это подчеркивает огромное значение, которое Гиммлер придавал выполнению генерального «плана Ост», «обезлюдению» советской земли.

Гиммлер и Гейдрих понимали, что карательный аппарат был мафиозной организацией, его связывала общность преступлений — и эти связи следовало все время укреплять. Особенно на русской земле, где преступления совершались в еще невиданных масштабах.

Вот почему самые крупные чиновники из РСХА сменили портфели на автоматы и еще до начала нападения на СССР отправились в эйнзацгруппы. После этого списки их злодеяний стали превышать списки злодеяний комендантов концлагерей.

Первыми командирами эйнзацгрупп были:

Эйнзацгруппа «А» — Шталекер.

Он был убит в марте 1942 г., и на сем карьера этого палача кончилась. Но то, что он успел натворить, не может быть забыто.

Шталекер был бригадефюрером, то есть имел генеральский чин. Сотрудничал с Эйхманом. На Востоке он хотел «выдвинуться», с тем чтобы занять впоследствии высокий палаческий пост в Берлине.

Эйнзацгруппа «В» — бригадефюрер Небе.

Довольно колоритная фигура. Его после войны сделали на Западе «героем» антигитлеровского сопротивления. Дружок Небе — Гизевиус написал о нем книгу: «Где Небе?», в которой всячески подчеркивал его (Небе) «нелюбовь» к нацизму и высокие профессиональные качества, благодаря коим он якобы и служил почти до самого конца в РСХА, возглавляя там управление уголовной полицией. Небе действительно под конец уничтожили сами нацисты. Но если бы даже ни до, ни после пребывания на посту командира эйнзацгруппы «В» Небе не был бы замешан в преступлениях СС, то все равно он был бы суперзлодеем.

За свои «подвиги» Небе получил «Бриллиантовую булавку к Железному кресту первой степени» — высшую военную награду.

Характерен такой эпизод из биографии Небе. В апреле 1941 г. Гейдрих собрал своих ближайших помощников и заявил, что эйнзацгруппы должны будут «закрепить и умиротворить» русское пространство и что ему, дескать, нужны для этой цели «сильные мужчины». «Я надеюсь, — сказал Гейдрих, — что начальники моих отделов безоговорочно отдадут себя в мое распоряжение».

После этой «зажигательной» речи Небе сделал шаг вперед, щелкнув каблуками, и сказал: «Группенфюрер, можете рассчитывать на меня».

Эйнзацгруппа «С» — д-р Раш.

Он же оберфюрер СС. Доктор Раш (так почтительно именуют его буржуазные историки) был бандит со стажем, его использовал еще Науйокс, формируя зондеркоманду для провокации в Глейвице, которая непосредственно предшествовала нападению Гитлера на Польшу и началу второй мировой войны. Раш согласился стать во главе эйнзацгруппы, считая, что после этого его возьмут в Берлин и там дадут высокий пост. При Рахе совершались страшные преступления гитлеровцев в Бабьем Яру на окраине Киева.

Командиром эйнзацгруппы «Д» был Олендорф.

Олендорф уверял, что Гейдрих назначил его на этот пост, чтобы «морально уничтожить». Однако это не помешало Олендорфу стать одним из самых свирепых карателей. Олендорф проходил перед Нюрнбергским трибуналом в качестве свидетеля. Потом его судили в том же Нюрнберге и приговорили к повешению. Благодаря этим двум процессам в биографии Олендорфа не осталось «белых пятен». Один из крупнейших чиновников РСХА, Олендорф был начальником управления наряду с Мюллером, Небе и Шелленбергом. На временно оккупированных территориях СССР выполнял чисто палаческие функции. Вот что показал Олендорф, как свидетель, в Нюрнберге о том, как проводились массовые казни: «Они (жертвы. — Авт.) должны были отдать все ценности, которые носили с собой, руководителю команды. Затем им приказывали снять всю одежду и передать ее одному из эсэсовцев. Одежда помещалась на

грузовики, которые доставляли людей к месту казни. Обычно местом казни был ров, предназначенный для танковой обороны. К такому рву и привозили ровно столько людей, сколько могло быть в нем погребено. Это делалось для того, чтобы сократить время ликвидации жертв... Я не давал разрешения на казнь, — показал далее Олендорф, — отдельных лиц. Расстреливали только группы людей — либо прямо в упор, либо стоя на коленях, как обычно расстреливали солдат. Трупы сбрасывали в ров. Я никогда не допускал, чтобы стрелял один определенный человек, и приказывал стрелять одновременно нескольким солдатам, чтобы избежать персональной ответственности за расстрел. Некоторые группенфюреры требовали, чтобы жертвы сначала легли на землю, чтобы затем покончить с ними выстрелом в затылок. Я не одобрял такой метод, потому что это обрекало бы на бесконечные страдания как сами жертвы, так и тех, кто совершал эту казнь». (Скажите, какая гуманность! — Авт.)

Представляет интерес допрос Олендорфа представителем обвинения от США Эйменом:

Эймен. Скажите, знаете ли вы, сколько всего человек было уничтожено и ликвидировано оперативной группой¹ «Д» за период вашего руководства?

Олендорф. С июня 1941 года по июнь 1942 года оперативные команды сообщили, что уничтожено примерно 90 тысяч человек.

Эймен. Скажите, вы можете дать сравнительную цифру количества людей, ликвидированных другими оперативными группами?

Олендорф. Цифры, которые мне известны в отношении деятельности других оперативных групп, являются еще большими по сравнению с той цифрой, которую я указал.

Эймен. Скажите, вы лично руководили и наблюдали за массовыми казнями этих людей?

Олендорф. Я присутствовал на двух массовых казнях в качестве инспектора.

И далее:

Олендорф. ...Казни проводились по возможности быстро, то есть промежуток между действительной казнью и осознанием, что это свершится, был очень незначительным.

Эймен. Это была ваша идея?

Олендорф. Да.

Эймен. После того как они были расстреляны, что делали с их телами?

Олендорф. Их хоронили в этой яме или в противотанковом рву».

¹ Здесь эйнзацгруппы названы оперативной группой.

Далее представитель обвинения от США задал Олендорфу следующий вопрос:

«Эймен. Скажите, пожалуйста, все жертвы — мужчины, женщины и дети, — казнились одинаково?

Олендорф. До весны 1942 года одинаково. Затем последовал приказ Гимmlера, что в будущем женщины и дети должны уничтожаться только в душегубках».

Никто из начальников эйнзацгрупп долго не задерживался на своем посту. Но свято место пусто не бывало! На смену Шталекеру (эйнзацгруппа «А») пришли другие палачи: Йост, Ахамер-Пифрадер, Панцингер, Фукс. На смену Небе (эйнзацгруппа «В») — Науман, Ганс Бёме, Эрлингер, Зеетцен, Хорст Бёме. На смену Рашу (эйнзацгруппа «С») — Томас и Хорст Бёме. Наконец, на смену Олендорфу — Биркален. При них число казней и зверств не уменьшалось. Все шло по-прежнему, только партизаны стали чаще расправляться с карателями, и «сверхчеловеки» совершали свои грязные дела, трясая за собственную шкуру.

Кроме эйнзацгрупп и эйнзацкоманд на временно оккупированных территориях Советского Союза находился еще огромный аппарат, возглавляемый фюрерами СС и полиции (сокращенно ХССПФ). Этот аппарат подчинялся либо непосредственно Гимmlеру, либо РСХА, а именно его IV управлению, то есть гестапо. Соответственно и он был разделен по территориальному принципу — «Север», «Центр», «Юг».

Разберем иерархию карателей на примере региона «Север». В 1942 г. верховным фюрером СС и полиции «Север» была весьма примечательная фигура — Йекельн¹. У Йекельна имелись свои обер-палачи, каждый из которых получил собственную «вотчину»: Визоки — Латвию, Шредер — Литву, Мёллер — Эстонию, Ценнер — Белоруссию. Естественно, что у всех у них были свои штабы и команды карателей.

Во главе штаба ХССПФ стоял эсэсовец Йост, личный друг Гимmlера. У Йоста в подчинении находились соответствующие командиры полиции безопасности и СД: в Латвии — Йегер, в Литве — Ланге, в Эстонии — Занденбергер, в Белоруссии — Штраух. Вся эта махина имела специально приданные ей фронтовые эйнзацкоманды.

В центральном аппарате РСХА отдел «Север» «орпо» — полиции порядка — управлялся начальником «орпо», которому подчи-

¹ Фашистский зверь Фридрих Йекельн был одним из руководителей отрядов «Мертвая голова» в Германии, то есть охранников из концлагерей. В августе 1942 г. к его посту верховного фюрера СС и полиции «Север» прибавился еще один — пост командира «боевой группы СС Йекельн», задачей которой было «смести с лица земли Ленинград». Йекельна судили в СССР, и он был казнен в Риге на месте бывшего рижского гетто.

нялись свои штабы в Латвии, Литве, Эстонии, Белоруссии и соответствующие фронтовые подразделения. Так было и с «Центром» и с «Югом».

Наиболее «известным» из ХССПФ в России был обергруппенфюрер генерал войск СС фон дем Бах-Зелевский. Кроме всего прочего Бах-Зелевский числился уполномоченным Гимmlера по борьбе с партизанами, а с 1943 г. — командующим подразделением вермахта, выделенным для операции против партизан. Бах-Зелевский действовал в «Центре».

В Нюрнберге Бах-Зелевский, так же как и Олендорф, выступал в качестве свидетеля.

Представитель обвинения от США полковник Тейлор задал свидетелю следующий вопрос:

«Тейлор. До какого времени вы оставались на посту высшего руководителя СС и полиции?»

Бах-Зелевский. Я был начальником СС и полиции в центральном районе России с некоторыми перерывами в связи с поездками на фронт и затем вследствие болезни. В общем, я был им до конца 1942 года, затем я получил пост начальника соединений по борьбе с партизанами.

Тейлор. Скажите, этот пост начальника соединений по борьбе с партизанами был создан специально для вас?»

Бах-Зелевский. Да».

В этой связи свидетель отметил, что в самом начале войны Гимmlер издал инструкцию, в которой указывалось, что партизан следует расстреливать на месте без всякого суда, дома партизан сжигать или грабить, а семьи — жен, детей — либо уничтожать, либо угонять в Германию.

А вот фрагмент из допроса Бах-Зелевского представителем обвинения от Советского Союза:

«Покровский. Вы показывали, что немцы имели в виду истребить славянское население, с тем чтобы сократить число славян до 30 миллионов человек. Откуда вам была известна эта цифра и эта установка?»

Бах-Зелевский. Я разрешу себе исправить ошибку. Здесь речь шла о сокращении не до 30 миллионов, а на 30 миллионов. Эта цифра была названа Гимmlером в его речи в Везельсбурге.

Покровский. Подтверждаете ли вы, что вся практическая деятельность немецких властей, немецких воинских соединений в борьбе с партизанами была направлена на выполнение этой директивы — сократить число славян на 30 миллионов человек?»

Бах-Зелевский. Я считаю, что эти методы действительно привели бы к истреблению 30 миллионов, если бы ситуация не изменилась в результате развития событий».

Этой же темы касались вопросы, заданные Бах-Зелевскому представителем обвинения от Франции Тома.

Тома. Считаете ли вы, что речь Гиммлера, в которой он потребовал, чтобы 30 миллионов славян были уничтожены, отражала его личное мировоззрение, или это мировоззрение, по вашему мнению, являлось вообще национал-социалистским мировоззрением?

Бах-Зелевский. Сегодня я считаю, что это явилось логическим следствием всего нашего национал-социалистского мировоззрения.

Тома. Господин свидетель, как это могло случиться, что несколько дней тому назад выступал здесь свидетель Олендорф, который, давая показания, признал, что он с оперативными группами уничтожил 90 тысяч человек и что это не соответствует национал-социалистской идеологии?

Бах-Зелевский. Ну, у меня другое мнение по этому поводу. Если десятилетиями проповедают, что славяне являются низшей расой, что евреи вообще не являются людьми, — неминуем такой результат...»

В ходе допроса Бах-Зелевского выяснилась весьма примечательная «деталь». На территории Советского Союза кроме профессиональных убийц из СС, кроме отребья из «националистических» организаций (многие из них были подготовлены в Германии и привезены в обозе наступающих нацистских войск), кроме откровенных предателей из числа бывших советских граждан действовало и специальное подразделение уголовников.

«Покровский. Известно ли вам что-нибудь относительно существования особой бригады, которая была сформирована из бывших контрабандистов и освобожденных из тюрем браконьеров?

Бах-Зелевский. После ухода всех действительно способных вести борьбу с партизанами частей — в конце 1941 года — в начале 1942 года — Центральному фронту был дан батальон под командованием Дирлевангера, который и должен был бороться против партизан. Он был впоследствии усилен до полка (это до 1944 года), затем это была уже бригада. Эта бригада Дирлевангера состояла в основном из преступников, которые уже были наказаны, официально это были так называемые «воришки», но среди этих людей были и настоящие уголовники, которые были арестованы за кражу со взломом, убийства и т. д.

Покровский. Чем вы объясните, что командование германской армии так охотно усиливало и увеличивало размеры частей, сформированных из уголовных преступников, и направляло их именно на борьбу с партизанами?

Бах-Зелевский. Я считаю, что здесь имеется очень тесная связь с речью Генриха Гиммлера в начале 1941 года в Везельсбурге, еще до начала похода на Россию. Гиммлер говорил тогда, что целью

похода на Россию является истребление славянского населения... и что в этой области следует использовать именно такие неполноценные войска.

Покровский. Правильно ли я понял вас, что сам характер людских контингентов, которые командование бросало против партизан, уже заранее и обдуманно определял характер действий этих войск против населения и против партизан? Я имею в виду прямое истребление населения.

Бах-Зелевский. Да. Я считаю, что при выборе командиров и определенного состава команд имелась в виду именно эта цель».

В ходе этого и других допросов нередко всплывало имя Оскара Дирлевангера. Очень мрачной была эта фигура. Настолько мрачной, что даже Гальдер в своих мемуарах пишет: «От того, что я узнал (о карательных действиях оберфюрера Дирлевангера и другого такого же головореза — бригадефюрера Каминского. — *Авт.*), у меня буквально волосы встали дыбом».

Точку зрения Гальдера разделял и адмирал Канарис.

К этому следует добавить, что Бах-Зелевский расстрелял Каминского как нежелательного свидетеля. Концы в воду¹.

И Гальдер и Канарис были представителями военной касты Германии, у которой к 1945 г. была только одна задача — пережить фашизм и сохранить свою касту, пусть и пожертвовав наиболее одиозными генералами, такими, как Кейтель, Йодль.

Но практика показала, что все институты становились при Гитлере преступными. Особенно это касалось вермахта. Мало того, что генерал-квартирмейстер Вагнер разрешил эйнзацгруппам, кровавым гитлеровским собакам, шествовать по пятам регулярных войск... Сами регулярные войска и их разведка (абвер) создали дивизию «Бранденбург»², которая была специально призвана действовать, не считаясь с законами войны.

¹ Представляет интерес книга советского писателя Олеся Адамовича «Каратели». Книга эта написана на большом фактическом материале. Вот только психологические мотивировки действий Дирлевангера кажутся нам неубедительными. На наш взгляд, они лучше даны в допросе Бах-Зелевского Покровским. Все было сложнее (Дирлевангер выполнял общий план Гитлера — Гимmlера). К этому надо добавить, что у Дирлевангера была своя «рука» у Гимmlера — обергруппенфюрер СС Готлиб Бергер, управлявший всеми концлагерями, так что Дирлевангер хорошо знал, что он творил, и импровизаций себе не позволял.

² Формирование «Бранденбург» возникло еще до войны с СССР. В 1940 г. батальон стал полком, а в 1942 г. — дивизией. Это было войско, сформированное как диверсионный отряд, в основном из лиц немецкой национальности или из лиц, хорошо знавших язык и обычаи стран, против которых готовилась агрессия. 1-й батальон, дислоцированный в Бранденбурге, был предназначен для войны на «восточном театре», 2-й — дислоцировался в Дюрене (Рейнская область), состоял из эльзасцев, а также из предателей-французов, бельгийцев и голландцев. 3-й батальон был расквартирован в Бадене (около Вены), проводил свои операции в Юго-Восточной Европе.

Первому батальону дивизии «Бранденбург», самому многочисленному, были приданы специальные отряды — «Нахтигаль» («Соловей»), «Бергман» («Горец») и др.

Путь дивизии «Бранденбург» отмечен дикими зверствами и массовыми убийствами гражданского населения, разграблением и уничтожением огромных материальных и культурных ценностей. Всюду, куда ни ступала нога молодчиков из абверовской дивизии, совершались особо жестокие и коварные злодеяния. Самые страшные преступления творило «домашнее войско Канариса» (так называли его в абвере) на советской территории. Особенно зловещую память о себе оставили батальоны «Нахтигаль» и «Бергман»...

Батальон «Нахтигаль» общей численностью примерно в тысячу человек состоял из четырех рот и подчинялся второму отделу абвера. Идеологическим и политическим руководителем «Нахтигалья» стал Теодор Оберлендер¹.

18 июня 1941 г., то есть за четыре дня до нападения Гитлера на Советский Союз, батальон получил приказ подтянуться к советской границе...

22 июня «Нахтигаль» вошел в Разымно, а через три дня двинулся по направлению к Львову...

Банды Канариса — Оберлендера вошли в город раньше эсэсовских частей и специальных команд СС. По существу, командование вермахта, что называется, выдало советский город на разграбление, уничтожение и поругание батальону «Нахтигаль». Головорезы из абверовского батальона были в форме фашистского вермахта, но с желто-голубыми полосками и с металлическим значком «тре-зубец».

...Семь дней бесчинствовал батальон «Нахтигаль» в городе. Пьяные орды вооруженных головорезов вламывались в квартиры, грабили, жгли, насиловали. Людей расстреливали сотнями, заживо закапывали в землю, забивали насмерть прикладами, травили овчарками...

...У командования батальона «Нахтигаль» был заранее продуманный и согласованный с высшими инстанциями план полного истребления коммунистов, советских патриотов и львовской интеллигенции, а затем и значительной части остального населения города... В городе говорили: «Гитлеровцы на завтрак едят евреев, на обед — поляков, на ужин — украинцев».

Но, повторяем, было бы неправильным предположить, что в планах «освоения русского пространства» принимал участие лишь один аппарат насилия СС, СД и абвера. В осуществление этих пла-

¹ Оберлендер был и теоретиком и вдохновителем террора и репрессий, а в качестве командира «Нахтигалья» и непосредственным участником злодеяний. В послевоенной Западной Германии он получил... министерский портфель.

нов были вовлечены буквально *все* ведомства нацистского государства и их руководители, огромный чиновничий аппарат.

В первую очередь здесь надо упомянуть большое число работников, составлявших конкретные планы *экономического ограбления* советского народа, а также планы угона мирного населения СССР, чтобы обеспечить германскую военную промышленность почти даровыми рабочими, илотами...

Еще в январе 1941 г. был создан так называемый «Рабочий штаб Россия», во главе которого стоял сперва подполковник Лютер, а затем генерал-майор Шубер. Они подчинялись не Гиммлеру, а Верховному командованию германских вооруженных сил и действовали независимо от гиммлеровского руководства. Для согласования мероприятий, касавшихся «экономического освоения» захваченных русских территорий, в ОКХ создали специальный отдел, возглавляемый руководителем экономического ведомства Верховного командования германских вооруженных сил генералом Томасом. Он сформировал свой собственный штаб, подчинявшийся непосредственно Кейтелю. 28 февраля 1941 г. по прямому указанию Кейтеля возник так называемый «экономический штаб Ольденбург».

Задачей «штаба Ольденбург» была детализация «Директив по руководству экономикой во всех оккупированных восточных областях». Кодовое название директив — «Зеленая папка Геринга». Дело в том, что Геринг отнюдь не хотел упустить возможность непосредственно участвовать в «освоении русского пространства», тем более что он числился руководителем «четырёхлетнего плана», определявшего экономическую политику всего нацистского рейха. «Штаб Ольденбург» разместил свои экономические отделы во всех захваченных нацистами округах и районах. Для Ленинградской области, например, было создано специальное управление, которое называлось «штаб Гольштейн», для Москвы — «штаб Заксен», для Киева — «штаб Баден», для Баку — «штаб Вестфален». На базе «штаба Ольденбург» Герингом был организован затем «Восточный штаб экономического руководства» (так называемый хозяйственный «штаб Восток»). Основной экономической задачей гитлеровцев в захваченных советских районах являлась «немедленная и полная эксплуатация оккупированных областей в интересах военной экономики Германии, в особенности в области обеспечения продовольствием и нефтью».

Однако гитлеровцы не были бы гитлеровцами, если бы не планировали порабощение великого Советского Союза на десятилетия вперед в духе уже известного нам генерального «плана Ost».

13 марта 1941 г., то есть до того, как нацистские армады вероломно вторглись на мирную землю СССР, Верховное командование издало «руководящие указания» для «особых территорий», ука-

зания, которые должны были вступить в действие после окончания войны в России. В них предусматривалось, что Советский Союз будет разделен на несколько государств. В этих различных «государствах» оккупационную политику в целом будут осуществлять армейские группировки, а именно армейская группировка «Север» (Прибалтика), армейская группировка «Центр» (Белоруссия) и армейская группировка «Юг» (Украина). Эти армейские группировки подчинялись непосредственно ОКХ.

Немалую роль в ограблении временно оккупированных территорий Советского Союза сыграло и так называемое «Восточное министерство», или «штаб Розенберга», о котором не раз шла речь на страницах этой книги.

Надо добавить также, что в оккупированных районах СССР существовал огромный административный (государственный) аппарат: штаб генерального комиссара Кубе в Белоруссии и рейхскомиссара Коха на Украине, штабы гебитскомиссаров (наместников) в республиках Прибалтики, «штабы» в сотнях городов и поселков. И это не считая всевозможных комендатур при разного рода сатрапах рангом пониже.

И вся эта гитлеровская рать карателей и грабителей расстреливала сотни тысяч мирных граждан, вешала коммунистов и партизан, пытала ни в чем не повинных людей, обвиненных в «саботаже», в «уклонении...», в «связях с нежелательными элементами».

Из временно оккупированных районов вывозилось все подчистую — начиная от произведений искусства (для этого были созданы специальные команды) и заводского оборудования и кончая яйцами, маслом, курами...

Но самой страшной все же оставалась программа «обезлюживания», главный пункт генерального «плана Ost».

Невозможно привести сотни документов о зверствах карателей на советской земле. В свое время державы антигитлеровской коалиции торжественно обещали, что ни одно преступление нацистов не окажется неотомщенным. Тем не менее тревожный набат до сих пор не смолкает в наших сердцах. Приведем только один факт, о котором 7 октября 1985 г. писала газета «Известия».

...Бабий Яр... Эта окраина Киева стала одним из самых страшных символов нацистских зверств.

«Ровно два года — день в день — с 29 сентября 1941 г. по 29 сентября 1943 г., — пишут «Известия», — ровно 730 дней гитлеровцы уничтожали здесь людей. С неумолимой методичностью 103 недели подряд сюда приезжали по протопленной дорожке машины. Вначале расстреливали. Потом, с 1942 г., душили в газвагонах. Регулярно: каждый вторник и каждую пятницу. Первые пять дней убивали преимущественно евреев. Потом, 725 дней подряд, — ком-

мунистов, комсомольцев, подпольщиков, заложников, просто мирных граждан без различия национальностей.

И вот, как выясняется, палачи Бабьего Яра избежали возмездия: их было много. Только в массовой казни первых дней приняли участие по меньшей мере 1200 убийц. Главный исполнитель — эйнзацкоманда 4 «А» — примерно 150 эсэсовцев. Ей в помощь придали 45-й и 303-й полицейские батальоны. Кроме того, людей убивали головорезы из националистического «буковинского куреня» и «добровольцы» из отребья, подобранного оккупантами.

После крушения нацистского рейха все это «кровавое братство» расплозлось по тайникам в надежде, что со временем опыт антисоветчиков и сноровка палачей пригодятся.

Первым, кого настигла кара, был Пауль Блобель, начальник эйнзацкоманды 4 «А», штандартенфюрер СС. В 1951 г. его казнили в Нюрнберге по приговору американского военного суда. Судили по делу «эйнзацгрупп СС». К Бабьему Яру это имело самое прямое отношение. Прошло еще почти два десятилетия. Ровно столько времени понадобилось западногерманской юстиции, чтобы разыскать и привлечь к судебной ответственности еще 11 палачей Бабьего Яра. Одиннадцать из... 1200. Наступил 1967 год. 2 октября в земельном суде города Дармштадта начался процесс.

Правосудие, имея в своем распоряжении солидное собрание документального материала (кстати, многие эпизоды их преступлений были переданы суду Прокуратурой СССР), должно было бы не просто воздать по заслугам палачам Бабьего Яра, но и приоткрыть завесу тайны над именами главных действующих лиц, которых упорно скрывали. Ничего подобного не произошло. Многомесячный процесс оказался не только неспешным, но и несправедливым. Ограничились лишь подсудимыми, да и для них (видимо, в награду за благоразумное молчание) все обошлось чисто символическими наказаниями. Главную вину возложили на ранее казненного Пауля Блобеля да его непосредственного начальника бригадефюрера СС Отто Раша, к тому времени отошедшего к праотцам. Так и на сей раз не всплыло имя того, кто планировал, проводил и контролировал начало кровавого разгула».

О несправедливых судах, о палачах, избежавших возмездия, немало сказано на страницах этой книги.

Но разве можно забыть Бабий Яр? Тем более теперь, когда громадная пропагандистская машина на Западе делает все возможное, чтобы задним числом умалить преступления нацизма?

КАЛЬТЕНБРУННЕР — КЛЮЧЕВАЯ ФИГУРА В ПОЛИТИКЕ ГЕНОЦИДА

На Нюрнбергском процессе начальник РСХА Кальтенбруннер появился с опозданием — сразу после ареста он заболел. Советский юрист А. И. Полтораки в своей книге «Нюрнбергский эпилог» пишет, что 10 декабря 1946 г., когда Кальтенбруннер наконец-то сел на скамью подсудимых, его бывшие единомышленники и соратники «вдруг решили поразить суд своим откровенным презрением к оберпалачу, демонстративно повернувшись к нему спинами».

Итак, даже среди подсудимых Кальтенбруннер, лишенный привилегий власти, вызывал неприязнь.

Даже 40 лет спустя после Нюрнбергского процесса никто из буржуазных историков, занимающихся фашизмом, не попытался реабилитировать Кальтенбруннера, объявить его безвинной жертвой злокозненных судей и политиков, подпавших под влияние коммунистов. Это весьма знаменательно. Ибо очень часто на Западе стараются найти «психологические» мотивировки для оправдания преступлений многих нацистских палачей.

С Кальтенбруннером и сейчас все ясно — и его биография, и его поступки, и его поведение на суде, и даже его внешность совпали с теми функциями, которые он выполнял в гитлеровской империи.

Мы уже упоминали, что Э. Калик назвал свою монографию «Гейдрих — ключевая фигура третьего рейха». Этот тезис французский исследователь обосновывает личными качествами Гейдриха — его безудержным честолюбием, жестокостью, ненасытностью, умением плести интриги. Думается, однако, что сама должность Гейдриха — шефа РСХА, которому подчинялся гигантский аппарат террора, воспитанный в духе ненависти ко всем народам, ко всем инакомыслящим, — делала его «ключевой фигурой».

Конечно, Гиммлер обладал еще большей властью, еще большими возможностями творить кровавые дела, и он их творил. Но Гиммлер был на виду, он иногда вынужден был лавировать, а главное, между ним и жертвами террора стояли исполнительные органы. Гиммлер, так сказать, парил в поднебесье и даже строил из себя эдакого «теоретика» палачества, Гейдрих же был сугубым «практиком»...

Известно, что Гейдрих умер после покушения на него 4 июня 1942 г., а назначение Кальтенбруннера состоялось в конце января 1943 г. Восемь месяцев место начальника РСХА пустовало. Чем это объясняется?

Некоторые историки склонны считать, что Гиммлер боялся «второго Гейдриха» и хотел сохранить этот важнейший пост для

себя¹. Другие справедливо утверждают, что, как всегда, среди первого эсэсовского эшелона шла борьба (грызня!) за высокую должность обер-карателя. В самом деле, и Олендорф, и Мюллер, и Шелленберг, и Бергер, и Поль и еще с десяток крупных эсэсовцев могли претендовать на то, чтобы стать первым помощником Гимmlера.

Однако им стал в известной степени аутсайдер Кальтенбруннер, австрийский нацист, бесцветная личность.

Впрочем, какая-то закономерность в этом есть... Рудольф Гесс отнюдь не был титаном мысли — но он помогал Гитлеру писать «Майн кампф», считался учеником геополитика Гаусгофера. У него были какие-то странности и «особые приметы»: он верил в «черную магию», собирал вокруг себя колдунов и предсказателей. Его преемником стал Борман — педант и интриган, бюрократ до мозга костей.

«Второе поколение» нацистских фюреров не должно было «блистать» ничем; даже суперубийцам следовало выглядеть как можно обыденней. И на то существовали свои причины — этому поколению не пришлось пробиваться вперед, расталкивая локтями всех и вся. В рейхе Гитлера существовала некая «эскалаторная система» — Кальтенбруннер встал на «эскалатор» в аппарате СС, и по воле случая его вознесло наверх.

Вторым Гейдрихом в полном объеме Кальтенбруннер не стал. Притязаний и претензий Гейдриха у него не было.

И все-таки именно его роль в «империи смерти» оказалась особенно страшной, кровавой.

Это он проводил в жизнь решения конференции в Ванзее — уничтожал миллионы «неарийцев».

По его приказу «эвакуировали» концлагеря: гнали сотни тысяч полутрупов в глубь Германии на верную смерть.

И не кто иной, как Кальтенбруннер, осуществлял пресловутый генеральный «план Ост»: обезлюживал «восточное пространство», временно оккупированные территории Советского Союза. Именно он проводил неслыханный геноцид, организуя и поощряя убийства миллионов военнопленных, угон мирного населения из оккупированных областей СССР в Германию, обрекая его на рабский труд и на почти поголовное истребление. Именно он под видом борьбы

¹ Свидетель д-р Мильднер показал в Нюрнберге:

«По собственным наблюдениям я могу подтвердить, что... назначение его (Кальтенбруннера) на должность начальника полиции безопасности и СД произошло потому, что Гимmlер после смерти своего главного соперника — Гейдриха в июне 1942 года не желал иметь рядом с собой или в своем подчинении человека, который смог бы угрожать его положению. Для Гимmlера подсудимый Кальтенбруннер, без сомнения, был наименее опасным человеком. У Кальтенбруннера не было честолюбия в отношении того, чтобы с помощью особых действий приобрести вес и, возможно, вытеснить Гимmlера».

с «партизанами» и «комиссарами» стирал с лица земли сотни деревень и поселков, заживо сжигал детей и женщин.

На Нюрнбергском процессе Кальтенбруннер побил все рекорды вранья — он огульно отрицал каждое, даже самое очевидное, обвинение, каждое свидетельское показание. А предъявленную ему собственноручную подпись на разных документах не признавал своей.

Правдой было то, что Кальтенбруннер пришел на готовое. Карательный аппарат уже был создан, «исправно» функционировал; кадры уже были расставлены: гестапо возглавлял Мюллер, концлагерями «заведовали» Глюкс и Польш, да и на комендантов «кацет» можно было положиться: убийства шли полным ходом. Наконец, еще при Гейдрихе была запущена машина «обезлюживания» — эйнзацгруппы, зондеркоманды. Но править всем этим дьявольским хозяйством и расширять его тоже было непросто: Кальтенбруннер с этим справился — у него были твердая рука и железное сердце. Совсем как у Гейдриха. Он был человеком без жалости и без совести...

Биография Кальтенбруннера хорошо известна. Он, как и его отец, окончил юридический факультет в Вене. Уже на примере Шелленберга мы видели, что в условиях нацистского государства от формальной законности до беззакония был всего один шаг. И адвокат Кальтенбруннер его сделал с той же легкостью, что и Шелленберг.

В отличие от Шелленберга, однако, у него был «подпольный» стаж службы у нацистов. «Палач с юридическим дипломом» (выражение Яльмара Шахта) уже в 1934 г. участвовал в заговоре против правительства Дольфуса; даже был осужден на смехотворно короткий срок заключения. В 1935 г., как одного из главарей австрийских СС, Кальтенбруннера лишили права заниматься адвокатской практикой. После «аншлюса», захвата Австрии гитлеровцами, Кальтенбруннер стал статс-секретарем по вопросам безопасности, то есть Гиммлером местного масштаба; получил чин бригадефюрера, а затем группенфюрера.

Сохранилось несколько описаний внешности второго шефа РСХА. Портрет Кальтенбруннера дал в своих мемуарах Шелленберг. Немало людей видели его и на скамье подсудимых. В общем и целом описания Кальтенбруннера разными авторами совпадают почти дословно. Историки из ФРГ пишут, что Кальтенбруннер был долговязым детиной, с лицом, испещренным шрамами — следами студенческих пооек. Известно, что огромные лапищи начальника главного управления безопасности испугали субтильного адмирала Канариса, показали ему «руками душиителя». А вот портрет, написанный соперником Кальтенбруннера Шелленбергом:

«У него были замедленные движения», «квадратный подборок»

док, бычий загрибок, коричневые от табака пальцы и гнилые зубы...»

Кальтенбруннер, по словам Шелленберга, выкуривал не менее ста сигарет в день... «Уже в 11 часов дня по пустым остекленным глазам было видно, что он пьян». Керстен, лейб-медик Гимлера, утверждал: «Только в пьяном виде он (Кальтенбруннер) способен думать».

Добавим к этому зарисовку, сделанную Полтораком в его книге «Нюрнбергский эпилог»: «Лошадиное лицо, холодные черные глаза, длинный нос. Рот всегда полуоткрыт. Он смотрел в зал суда ненавидящим взглядом убийцы, пойманного с поличным на месте преступления».

«Едва порог камеры переступал наблюдавший его (Кальтенбруннера. — *Авт.*) врач Келли, — пишет Полторака, — как Кальтенбруннер бросался к нему со слезами, сотрясаемый рыданиями, обураваемый страхом.

Странно было видеть этого верзилу шести футов роста, костистого, с тяжелой, будто приставленной квадратной челюстью, ищущим утешения и сострадания у тюремного врача...»

Но если в Нюрнберге Кальтенбруннер показал себя как жалкий трус, то зато при «исполнении служебных обязанностей» он демонстрировал завидное хладнокровие, смеясь, наблюдал за мучениями людей.

На Нюрнбергском процессе главных военных преступников американский обвинитель Эймен прочел показания заключенного лагеря Маутхаузен Иоганна Кандута.

Вопрос. Скажите нам вкратце, что вы думали об этих посещениях Кальтенбруннера, то есть что вы видели, что вы делали и когда вы увидели, что он присутствовал при казнях?

Ответ. ...Кальтенбруннер вошел со смехом в газовую камеру. Затем людей привезли из барака на казнь, и потом были продемонстрированы все три вида казни: повешение, расстрел в затылок и отравление газом. После того как улеглась пыль, мы должны были оттащить трупы.

Вопрос. Когда вы видели эти различные виды казней, это было демонстрационное способов казни или обычные казни?

Ответ. Я не знаю, были ли это обычные казни или же демонстрационное...

Вопрос. Известно ли вам, были ли казни назначены на этот день или же это был показ для приехавших?

Ответ. Да, эти казни были назначены на этот день.

Вопрос. Откуда вам было известно, что эти казни были назначены на этот день? Кто-нибудь сообщил вам о том, что казни назначены?

Ответ. Мне сказал об этом начальник крематория гауптшарфю-

пер Рют. Он всегда меня звал к себе в комнату и говорил: «Кальтенбруннер сегодня приедет, и нужно все подготовить для казни в его присутствии». Затем нам нужно было протопить и прочистить печь».

Но обвинение не ограничилось при допросе Кальтенбруннера этим показанием, оно зачитало и другие документы: предсмертную исповедь коменданта Маутхаузена Цирайса, показания прочих эсэсовских начальников в Маутхаузене. Вот один из документов:

«Я видел доктора Кальтенбруннера и сопровождавших его лиц своими собственными глазами... Около 15 заключенных из категории имевших зыскание были отобраны унтершарфюрером Винклером для того, чтобы показать доктору Кальтенбруннеру три метода умерщвления: выстрелом в затылок, через повешение и умерщвление газом. Среди предназначенных к экзекуции были женщины: им отрезали волосы и убивали выстрелом в затылок. Вышепоименованные «носильщики трупов» (бывшие заключенные Тиффенбахер и Пальстер.— Авт.) присутствовали при казни и должны были отнести тела в крематорий. После казни доктор Кальтенбруннер отправился в крематорий, а позднее в каменоломню».

Совершенно очевидно, что «развлекался» видом казней шеф РСХА преимущественно в Маутхаузене. Этот концлагерь находился на австрийской земле, и Кальтенбруннер чувствовал себя там как дома. Маутхаузен он сам создавал, это было детище австрийского палача.

Впрочем, Кальтенбруннер посещал и другие «кацет», он отнюдь не был «канцелярской крысой» и любил совершать служебные поездки.

Внес ли Кальтенбруннер что-то новое в практику карательных органов нацистской Германии?

В 1943 г. «непобедимые» гитлеровцы терпели поражение за поражением на советско-германском фронте. С каждым днем становилось все яснее: нацистскую Германию ждет близкая катастрофа.

Ответить на это можно было по-разному. Остановить раскрученный маховик убийств? Капитулировать, чтобы спасти то, что еще можно было спасти,— человеческие жизни? Но не для этого Гиммлер назначил Кальтенбруннера на высокий пост. В силу своей разбойничьей природы и по желанию высших фюреров шеф РСХА ответил на военные поражения эскалацией насилия, новыми репрессиями.

Лихорадочно ускорился ход «конвейера смерти». Ужесточился режим в концлагерях. Отдавались приказы об «очищении» лагерей и тюрем. И еще: Кальтенбруннер пытался крепче связать сотрудников аппарата СС железными узами круговой поруки...

Начнем с того, что, обосновавшись на Принц Альбрехтштрассе, Кальтенбруннер ввел новый порядок, который до крайности не понравился его ближайшим помощникам. То, что раньше обсуждали с глазу на глаз, теперь начали обговаривать в присутствии широкого круга лиц. В этом, разумеется, был свой расчет — отныне никто не мог утверждать: он, мол, не знал, что творилось за стенами его кабинета...

Вот выдержка из допросов Гизевиуса, бывшего сотрудника абвера:

«Ответ. ...Гейдрих, делая такие позорные дела, в определенном смысле чувствовал, что совесть его нечиста... Во всяком случае, он не любил, когда об этом открыто говорили в кругу гестаповцев. Небе... рассказывал мне всегда, что Гейдрих старался умалчивать о своих преступлениях. Со вступлением Кальтенбруннера на эту должность с этой привычкой было покончено. С этих пор начали открыто в кругу начальников управлений гестапо говорить о всех этих деяниях. Все эти господа собирались вместе за обедом...»

И далее:

«Я вспоминаю еще о страшном времени сооружения первых газовых камер, которые подробно обсуждались в этих кругах, и о тех экспериментах, с помощью которых можно было скорее всего и основательней устранять евреев. Это было самое ужасное, что я когда-либо слышал в своей жизни...

Вопрос. Было ли обычной традицией устраивать ежедневные обеденные конференции начальников главного управления безопасности, тех, которые находились в городе?

Ответ. Да, у них ежедневно собирались такие конференции. За обедом обсуждались все вопросы...

Вопрос. И кто регулярно присутствовал на этих совещаниях за обедом?

Ответ. Кальтенбруннер председательствовал, затем начальник гестапо Мюллер, Шелленберг, Олендорф и Небе.

Вопрос. Известно ли вам о том, что на этих совещаниях обсуждались новые способы пыток и техника убийства газом и другие меры в концлагерях?

Ответ. Да, все эти вопросы обсуждались до деталей».

Нововведение Кальтенбруннера должно было бы помочь будущим судам разобраться, допустим, в личности и в роли Шелленберга, а историкам — в личности Небе... Но этого, увы, не произошло. «Шалунишка» Шелленберг после сравнительно легких передышек жил на свободе, а Небе, один из командиров эйнзацгрупп на временно оккупированной территории СССР, получил полное «отпущение грехов», правда посмертно, поскольку его казнили гестаповцы...

Но нас интересуют не только застолья во главе с шефом РСХА, но и его приказы в 1943—1945 гг.

Кальтенбруннер ознаменовал свое вступление в должность специальным законом, в котором говорилось, что чрезвычайные суды и «народные трибуналы» должны карать «пораженцев, подрывающих военную мощь страны». Ясно, что в разряд «пораженцев» можно было зачислить любого немца... 22 декабря 1944 г. новый шеф РСХА издал еще один циркуляр из той же серии — согласно этому циркуляру отделениям гестапо на местах предлагалось арестовывать... «нытиков».

В феврале 1944 г. Кальтенбруннер подчинил себе военную разведку. А в октябре 1944 г. потребовал, чтобы люди из РСХА контролировали все приговоры, вынесенные военными судами. Это дело, впрочем, не прошло: на проекте закона Гиммлер наложил резолюцию: «Нет. Неумно».

Однако, рассматривая эти «новации» второго человека в «империи смерти» (а начальник РСХА, безусловно, был после Гиммлера самым главным палачом Германии), надо признать, что они мало что прибавили принципиально нового к порядкам, введенным Гейдрихом.

Зато, как мы уже писали выше, зловецкие дела Кальтенбруннера самым непосредственным образом связаны с эскалацией насилия, главным образом по отношению к чужим народам.

И здесь Кальтенбруннер переступил через все грани злодейства.

Перечень совершенных им преступлений огромен. Назовем лишь некоторые из них.

По его приказу было уничтожено варшавское гетто (апрель — август 1943 г.). В Варшаве разыгралась поистине оргия убийств. В связи с этим некий Юрген Штроп, начальник СС и полицайфюрер района Варшавы, показал:

«Все смертные казни проводились согласно приказам из главного имперского управления безопасности, а именно от Кальтенбруннера».

Бехер, бывший полковник СС, в своих показаниях в Нюрнберге заявил, что комендант лагеря полковник СС Цирайс сообщил ему под строжайшим секретом: Кальтенбруннер отдал приказ об умерщвлении в Маутхаузене по крайней мере тысячи человек в день.

«Вышеупомянутые факты являются правдой. Это заявление сделано мною добровольно и без принуждения. Я прочитал свои показания, подписал их и подтвердил под присягой».

В декабре 1944 г. Кальтенбруннер издал так называемый «Приказ-пуля». Этот чудовищный приказ предусматривал расстрел гражданских лиц не немцев и военнопленных без суда и

следствия, если они нарушали какие-то установления гестапо. Известно, что и до тех пор эссовцы безжалостно расправлялись с «иностранными рабочими», насильно угнанными в нацистское рабство. Но «Приказ-пуля» возводил в систему массовые расстрелы безоружных людей, работавших на немецких заводах и фабриках. Одной из целей «Приказа-пули» было, безусловно, устрашение, террор. Зловещую роль играл Кальтенбруннер и в зверствах, творимых на советской земле. С его устного или письменного одобрения происходили массовые казни на территории Советского Союза.

Приведем лишь несколько примеров злодеяний, совершенных за полгода, а именно за первую половину 1943 г., когда Кальтенбруннер стал вторым человеком в «империи смерти»...

Заявление солдата Иоганна Шмидта:

«В июле этого года (1943) я попал из Германии на фронт. Перед тем как вступить в бой, несколько дней я находился вблизи города Сумы. Я видел там, как действовала против партизан дивизия СС... Я видел, как они окружили населенный пункт, как они открыли бешеный огонь по всему живому в этом населенном пункте, как, наконец, они подожгли его; так что часть гражданского населения погибла в пламени.

Я слышал рев горящих животных, а также и вопли несчастных людей...»¹

Акт, подписанный десятками людей:

«На западной окраине города Ставрополя, на территории «Холодного родника», обнаружена большая яма диаметром 7—8 метров, наполненная трупами больше 100 человек и слегка засыпанная землей. Комиссией установлено, что в указанной яме зарыты трупы советских людей, зверски замученных немецкими оккупантами при отступлении из города Ставрополя 18 января 1943 г.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть последовала в результате отравления угарным газом...

...Прежде чем посадить в автомашины (душегубки.— Авт.) людей, обреченных на казнь, гестаповцы раздевали их... Всю одежду и обувь гестаповские палачи забирали себе...

Организаторами убийства советских людей являлись: начальник тюрьмы обершарфюрер Вильгельм Шмидт, офицеры немецкого гестапо Фрейман, Штунф, следователь гестапо Горинтроп во главе с начальником немецкого гестапо — руководителем 12-й команды СД Клейбером и его заместителем гестаповцем Кнором...»²

¹ Здесь и далее до конца мы цитируем по сборнику документов «Документы обвиняют» (выпуск второй).

² Мы видим, что в данном случае зверства совершали *прямые* подчиненные Кальтенбруннера.

Из сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях в Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и в Ржеве Калининской области:

«28 февраля 1943 г. немецко-фашистские изверги согнали в дом 57 по Набережной улице больных тифом жителей Сычевки якобы для оказания медицинской помощи, заперли их там и дом подожгли...»

«При отступлении немцев из деревни Драчево Гжатского района в марте 1943 г. помощник начальника немецкой полевой жандармерии лейтенант Бос согнал в дом колхозницы Чистяковой 200 жителей из деревень Драчево, Злобино, Астахово, Мишино, закрыл двери и поджег дом, в котором сгорели все 200 человек. Среди них были старики, женщины и дети...»

«В феврале 1943 г., перед отступлением из Вязьмы, фашисты привезли группу арестованных советских граждан и пленных красноармейцев на станцию Новоторжская, что около Вязьмы. Пока истощенных от голода людей перевозили от Новоторжского лагеря, многие из них падали от изнеможения. Немецкие конвоиры таких пристреливали. От Новоторжской до Вязьмы было пристрелено 43 человека...»

В деревне Харино в январе 1943 г. фашисты согнали на скотный двор 79 военнопленных красноармейцев и сожгли их живыми...»

Акт о зверствах эсэсовцев в Орловском лагере военнопленных:

«При бегстве немцев из Орла специальные немецкие подразделения по приказу немецкого командования взрывали здания, сооружения и другие постройки города Орла, в том числе взорвали ряд тюремных корпусов... В одном из корпусов находилось около 200 тяжело раненных военнопленных бойцов и командиров. Немецкие палачи намеревались этот корпус вместе с тяжело ранеными бойцами подорвать, и только внезапно ворвавшиеся части Красной Армии помешали осуществить этот злодейский замысел.

Раненые бойцы и командиры, находившиеся в этом корпусе, слыша и видя эти ужасные взрывы, ползком, на костылях, кто как может, пытались спастись от ожидавшей их ужасной гибели, но немецкие солдаты с автоматами в руках не выпускали из корпуса, а вышедших расстреливали на месте».

Акт о зверствах в Донецке:

«7 сентября 1943 г., в 10—11 часов вечера, когда части Красной Армии приближались к городу, к дому (дому профессуры Донецкого индустриального института. — Авт.) подошла группа немцев с требованием оставить дом, так как они будут его сейчас поджигать. Жильцам было предложено спрятаться в сарай, расположенный около дома...»

Люди, жившие в доме профессуры и прилегающих к нему двух

домах, спустились в подвал, их загоняли туда 4 человека с винтовками...

После того как весь подвал был заполнен людьми, находящиеся снаружи военные завалили вход, так что никто не смог выйти, и подожгли входные двери...»

Акт о расстрелах в городе Краматорске:

«Помимо 6000 жертв массовых расстрелов, многие сотни граждан города были убиты на квартирах и на улице. Священник прихода Петровка Вонтсход свидетельствует: «Такие зверства, какие творили гитлеровцы, не слыханы и не виданы были в России. Мне известно, что в феврале 1943 г. группа немецких солдат во главе с офицерами безнаказанно занималась убийствами мирных жителей, в частности стариков и старух. Одна из групп, проходя по Славянской улице, вызывала из квартир жильцов и тут же расстреливала их в упор...»

Всего в поселке таким способом было убито за несколько дней не менее 50 человек. Трупы убитых запрещали убирать в течение 15 дней. Только после этого срока мне пришлось их хоронить и отпевать».

Приведенный документ кончается нижеследующим абзацем:

«Все эти убийства и разбой... имели целью поголовное истребление мирных советских граждан Краматорска путем расстрелов, создания нетерпимых условий существования, путем насильственного угона девушек и юношей на каторгу в Германию.

О чем и составлен настоящий акт».

В другом акте, составленном также в городе Краматорске, было рассказано о процедуре расстрела мирных жителей. Все показания были даны людьми, чудом уцелевшими после «экзакуций».

«28 января 1943 г. его (Ворочка Василия Дмитриевича.— Авт.) с группой в 26 человек немцы вывели к оврагу у Ясногорки и приказали выстроиться в один ряд. Немецкий офицер дал короткую очередь по правофланговому, после чего два немецких солдата стали стрелять в спины и, когда люди падали, вторично произвели выстрелы разрывными пулями в головы. Ворочек был облит кровью соседей, и на шапке его лежали мозги убитого соседа, что дало основание немцам считать Ворочка мертвым.

Расстрелы производились и во дворе гестапо, расположенного в центре города...»

Акт о злодеяниях фашистов в Мариуполе:

«...В феврале месяце 1943 г., в период панического бегства немцев с Кубани и Дона и ликвидации сталинградской группировки, особенно усилились в городе массовые облавы и расстрелы. Население массами забирали в гестапо. Многих граждан... замучили и расстреляли именно в эти дни...»

Только за одну ночь 23 июня 1943 г. в отделении гестапо было расстреляно 120 человек, а всего за время оккупации было расстреляно, замучено и истреблено несколько десятков тысяч советских граждан.

Основным местом, где совершались массовые расстрелы гестаповцами, были противотанковый ров и окопы в районе Агробазы...»

В том же акте говорилось:

«В феврале 1943 г. больные и раненые военнопленные в одном белье были вывезены в 18 товарных вагонах в Старо-Крымский тупик и там заморожены. Чтобы население не могло оказать им помощь, на вагонах был нарисован знак черепа и написано: «Не подходить, заразно».

Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о зверствах в Харькове и Харьковской области:

«В период временной оккупации города Харькова и Харьковской области немецко-фашистскими захватчиками расстреляно и повешено, заживо сожжено и удушено посредством окиси углерода свыше 30 000 мирных ни в чем не повинных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей.

...В марте 1943 г. было расстреляно и заживо сожжено 800 раненых бойцов и офицеров Красной Армии, находившихся на излечении в 1-м армейском сортировочном госпитале 69-й армии, размещавшемся в Харькове на улице Тринклера».

Протокол опроса свидетеля Осадчука В. С. из Харькова:

«Кроме фактов массового повешения было много случаев одиночного повешения, нет ни одной улицы, где бы не было повешенных.

В марте, числа 16-го, 1943 г., немцы расстреляли в подвале Санитарно-гигиенического института группу раненых красноармейцев, человек 60. Одного из раненых немцы распяли на воротах сарая в доме 12 по улице Тринклера, где в настоящее время находится Медицинский институт. Раненого раздели, отрезали ему половой орган, уши и распяли его на воротах сарая, написав на груди у него: «Юде» (еврей.— Авт.).

Из ноты народного комиссара иностранных дел от 11 мая 1943 г.: «В Белоруссии, в районе Ганцевичи (юго-восточнее Барановичей) немецкая карательная экспедиция сожгла в первой половине марта с. г. десятки деревень и расстреляла сотни жителей в виде репрессии за неявку жителей для отправки на немецкую каторгу».

* * *

Приведенные документы были составлены в те дни или даже часы, когда советские войска с боем врывались в города и освобождали уцелевшее мирное население. Никто из чудом спасшихся жи-

телей, да и члены созданных комиссий для расследований совершенных зверств, люди сугубо мирных профессий — врачи, рабочие, священники, домашние хозяйки, — не разбирались ни в мундирах, в которые были одеты каратели, ни в их чинах и званиях. Тем более они не знали сложной системы иерархии в эсэсовском аппарате террора.

Но теперь, сорок с лишним лет спустя, мы понимаем, что оргия убийств была подготовлена и теоретически (генеральный «план Ост») и практически. И один из центральных персонажей, распорядившихся армией палачей, один из организаторов ада крошечного на советских территориях был Эрнст Кальтенбруннер, вздернутый на виселицу по приговору Международного Нюрнбергского трибунала.

УНИЧТОЖЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

По подсчетам советских историков... немецко-фашистские захватчики лишь на оккупированной территории СССР уничтожили 3,9 млн советских военнопленных.

*Великая Отечественная война.
1941—1945. Энциклопедия. М., 1985*

Одна из самых мрачных и кровавых страниц в истории германского фашизма и нацистского аппарата насилия — это обращение гитлеровцев с военнопленными. Особенно с советскими военнопленными. Здесь уж само слово «обращение» кажется просто неуместным. Речь шла о поголовном уничтожении взятых в плен бойцов и командиров Советской Армии — пленных расстреливали, подвергнув многих из них пыткам, морили в «рабочих лагерях», то есть также умерщвляли, но уже с помощью непосильного труда, побоев, голода и свирепствовавших во всех «кацет» эпидемий.

Как мы увидим ниже, факты о бесчеловечном отношении нацистов к советским военнопленным стали известны вскоре после нападения гитлеровской Германии на СССР.

Они засвидетельствованы в нотах Советского правительства от 6 января 1942 г. и от 27 апреля 1942 г., а также в первом выпуске «Сборника документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях», вышедшем в 1943 г. под общим заголовком «Документы обвиняют».

Пять лет спустя на Нюрнбергском процессе главных военных преступников уже можно было воссоздать полную картину истребления советских военнослужащих, взятых в плен.

Но многие факты всплывали и в последующие годы — на

процессах нацистских преступников, а также в результате изысканий юристов и историков, поисков родственников погибших.

Характерно, что никто из нацистских палачей, призванных к ответу или же выступавших на судах в качестве свидетелей, не пытался отрицать, что советских военнопленных истребляли с неслыханной жестокостью.

Тем не менее на Западе вопрос «гитлеровцы и советские военнопленные» до сих пор окутан эдаким туманом. В трудах о нацизме, вышедших в ФРГ, в частности в книгах известного публициста Иохима Феста и историка Мазера, проблема военнопленных вообще не упоминается. И у Мазера и у Феста на сотнях страниц рассказывается обо всем на свете, не нашлось лишь места для описания судьбы советских людей, захваченных в плен Гитлером. А ведь дело идет не о судьбах нескольких сот или даже тысяч человек — загублены были миллионы человеческих жизней. Еще своеобразней, на наш взгляд, поступает публицист из ФРГ Себастиан Хаффнер, который в своей книге «Замечания к личности Гитлера» хоть и не обходит проблему военнопленных, но непозволительно запутывает ее. «Раз войны вообще преступны, — пишет Хаффнер, — то какие тут могут быть «законы и обычаи» ведения войн?» Странная логика. Законы и обычаи ведения войн существовали и существуют. Существуют и определенные соглашения и своего рода неписанный кодекс для любых экстремальных ситуаций, в том числе и для экстремальной военной ситуации.

Кое-кто на Западе пытается «объяснить» бесчеловечное отношение нацистов к советским пленным ожесточенным сопротивлением бойцов и офицеров Советской Армии, широким партизанским движением в тылу немецких войск, патриотизмом граждан СССР. Дескать, гитлеровцы попали на советско-германском фронте в особо тяжкие условия — их беспощадно били, вот они и стали воевать с безоружными. Однако несколько ниже мы покажем, что и этот аргумент не выдерживает критики. Немецкая армия, а тем паче нацистские карательные органы еще до начала войны были запрограммированы на уничтожение миллионов людей в военной форме и без оной, вооруженных и безоружных.

И наконец, имеет хождение еще одна довольно безнравственная теория — злодеяния нацистов в отношении советских военнопленных были якобы вызваны тем, что Советское правительство не подписало Женевскую конвенцию о военнопленных 1929 г.

Каждому мало-мальски сведущему человеку известно, что Женевская конвенция 1929 г. отнюдь не перечеркивала предыдущие конвенции, а именно Гаагские конвенции 1889 и 1907 гг., подписанные как Россией, так и Германией. Известно также, что достаточно было подписать хотя бы одну из конвенций касатель-

но военнопленных, чтобы требовать от противника человеческого отношения к своим военнопленным¹.

Но что там конвенций!

Бесчеловечному обращению подвергались и граждане стран (военнопленные!), подписавших Женевскую конвенцию 1929 г.

В 1939—1940 гг. бесчеловечному обращению со стороны нацистов подверглись в концлагерях солдаты бельгийской и французской армий.

Заведомо жестоким было и обращение нацистов с военнопленными поляками. И здесь гитлеровцы поправили все нормы международного права. В данном случае главари «третьей империи» ссылались на то, что польские военнослужащие, дескать, не подлежат компетенции международных соглашений, поскольку такого государства, как Польша... вообще не существует.

В 1942 г. отдается приказ об истреблении всех парашютистов и членов английских «командос» — десантников. Через два года к категории военнопленных, с которыми дозволено делать все, что заблагорассудится, добавляются офицеры, бежавшие из немецких лагерей.

Как свидетельствуют факты, гитлеровцы не останавливались и перед тем, чтобы расстреливать солдат и офицеров итальянцев, так сказать, своих долголетних «братьев по оружию».

В 1943 г., когда Италия вышла из войны (это произошло 8 сентября 1943 г.), часть итальянских военнослужащих еще находилась вдали от родины. И вчерашние союзники-нацисты, ничтоже сумняшеся, обманом обезоруживали их и бросали в концлагеря. Всего не вернулось из нацистских «кацет» 33 тыс. итальянцев.

Не так давно ТАСС сообщил о расстреле 2 тыс. итальян-

¹ Уже в первые месяцы войны правительство СССР обращалось к руководству нацистского рейха, пытаясь облегчить участь военнопленных. Так, 17 июля 1941 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР официально напомнил шведскому посольству (Швеция в годы войны представляла интересы СССР в Германии), что Советский Союз поддерживает Гаагскую конвенцию и на основах взаимности готов ее выполнять. 8 августа того же года послы и посланники стран, с которыми СССР имел тогда дипломатические отношения, получили ноту Советского правительства. В ней вновь обращалось внимание на то, что советская сторона признает Гаагскую конвенцию, и вновь выражалась надежда, что и другая сторона будет ее соблюдать.

Однако бесчеловечное отношение к советским военнопленным не прекращалось. 26 ноября 1941 г. «Известия» опубликовали ноту Народного комиссариата иностранных дел СССР, врученную накануне всем дипломатическим представительствам. В ней говорилось: «Лагерный режим, установленный для советских военнопленных, является грубейшим и возмутительным нарушением самых элементарных требований, предъявляемых в отношении содержания военнопленных международным правом, и в частности Гаагской конвенцией 1907 г., признанной как Советским Союзом, так и Германией».

ских офицеров и солдат в районе Львова. Советская печать со слов очевидцев привела душераздирающие подробности этой казни.

«Как здесь расстреливали? — пишет газета «Московские новости». — Вспоминают: у ямы ставили на колени по 10—15 человек. Руки назад. Стреляли в спину и в затылок».

«Два часа не смолкали выстрелы, после чего гитлеровцы сожгли трупы, — приводит слова очевидца газета «Известия». — Их убили всех... В течение двух месяцев в этом лесу нам было запрещено появляться. Гитлеровцы сделали все, чтобы скрыть свое преступление. Даже посадили деревья на месте казни».

Сообщение ТАСС заставило вспомнить итальянцев, что еще в 1960 г. в журнале «Эпока» был опубликован материал спецкоров Я. Гавронски и Э. Фризия о массовой расправе с итальянскими солдатами и офицерами. Корреспондентам «Эпока» удалось разыскать свидетелей преступления — польских граждан.

Однако кое-кому в Италии не захотелось «ворошить старое». Никакого дополнительного расследования проведено не было.

Нынешнее сообщение ТАСС, базирующееся на множестве показаний и документов, сперва вызвало негативную реакцию у министерства обороны Италии. Однако вскоре под давлением общественности министерство признало свою ошибку. Министр обороны Италии дал указание о создании специальной комиссии по расследованию этого злодеяния гитлеровцев. Возглавил комиссию заместитель министра обороны. Расследование началось. Во Львове побывала также съемочная группа частной итальянской телекомпании «5-й канал», которая посетила места событий, встретила с их очевидцами.

В газете «Стампа» в 1987 г. была опубликована статья бывшего узника концлагеря, известного итальянского писателя Марио Ригони Стерна, который приводит множество материалов, свидетельствующих о расправах нацистов с итальянскими военными, бывшими своими союзниками:

«Случаи расправ гитлеровцев над итальянскими солдатами, — пишет Стерн, — подтверждаются материалами целого ряда процессов над нацистскими преступниками. Известно, что одна из директив Верховного командования вермахта предписывала руководствоваться в отношении итальянских военнопленных, отказывающихся перейти на службу Германии, приказом фюрера и действовать следующим образом: первое, офицеров предавать военно-полевому суду и расстреливать; второе, солдат и сержантов немедленно направлять на работы на Восток, избегая при этом их перевозки через территорию рейха... Расстрел двух тысяч солдат под Львовом является лишь «небольшим эпизодом»...»

Это лишь несколько наудачу взятых примеров. Впрочем, и приводить их было совершенно не обязательно. Общеизвестно,

что нацисты не считались ни с какими договорами, обязательствами, соглашениями. И ни во что не ставили человеческую жизнь. Никакая конвенция не могла их остановить.

Что касается Советского Союза, то здесь у них был особый генеральный «план Ост», особый «план Барбаросса». Их целью было истребление славян и других народов, населяющих СССР, «обезлюживание» нашей огромной страны.

* * *

Авторы Гагской конвенции 1907 г., подписанной и Германией и Россией, учитывая, что все военные ситуации предусмотреть невозможно, сделали специальную оговорку:

«Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, законов человечности и требований общественного сознания».

В приложении к этой конвенции было сказано:

«Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен.

С ними надлежит обращаться человек о л ю б и в о» (разрядка наша. — Авт.).

В Гагской конвенции 1899 г. существуют и такие строки:

«Хотя военнопленные теряют свою свободу, они не теряют своих прав. Другими словами, военный плен не есть более акт милосердия со стороны победителя — это право безоружного».

Итак, в документах, которые, естественно, были знакомы и нацистским политикам и нацистским военным, говорилось об «образованных народах», о «человечности», об «общественном сознании», о «праве безоружного» и прямо указывалось, что с пленными «надлежит обращаться человеколюбиво».

Однако, еще только готовясь к войне против Советского Союза, нацисты начали выработать свой «кодекс» по отношению к военнопленным, кодекс убийц и мародеров.

Бывший начальник штаба сухопутных сил Гальдер показал 31 октября 1945 г.:

«До начала наступления на Россию фюрер созвал совещание всех командующих, имеющих отношение к Верховному командованию, по поводу предстоящего наступления на Россию... На этом совещании фюрер сказал, что в войне против русских должны применяться средства войны не те, что против Запада...»

«Он сказал, что борьба между Россией и Германией — это

борьба между расами... И обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гаагской конвенции».

Показания Гальдера подтвердил 12 ноября 1945 г. генерал Варлимонт, начальник оперативного отдела штаба вермахта. Варлимонт сказал:

«1. Гитлер проводил то совещание, о котором мы узнали из показаний Гальдера.

2. Гитлер еще до войны дал директиву расстреливать советских военнопленных, указав, что для этой цели будут созданы особые группы и за армией последует СД.

И наконец, у Нюрнбергского трибунала имелись показания генерал-лейтенанта фон Эстеррейха, бывшего начальника отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа.

«...Приблизительно в марте 1941 г. (война против СССР, как известно, началась 22 июня.— Авт.) я был вызван в Берлин, где в ставке верховного главнокомандующего состоялось секретное совещание. Руководил совещанием генерал-лейтенант Рейнеке, являвшийся начальником управления по делам военнопленных при ставке.

На этом совещании присутствовало свыше 20 человек начальников отделов по делам военнопленных из различных округов, а также офицеры ставки...

Генерал Рейнеке сообщил нам под большим секретом о том, что ориентировочно в начале лета 1941 г. Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в соответствии с этим Верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе подготовка лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после открытия военных действий на Восточном фронте...

При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагерей с крытыми бараками, то надо устраивать лагеря для содержания русских военнопленных под открытым небом, огороженные только колючей проволокой.

Далее Рейнеке дал нам инструкции об обращении с русскими военнопленными, предусматривающие расстрел без всякого предупреждения тех военнопленных, которые попытаются совершить побег...

...Через некоторое время я получил из ставки Верховного командования предписание, в котором подтверждалось указание Рейнеке о расстреле русских военнопленных без всякого предупреждения при попытке к бегству...»

В циркуляре от 6 июня 1941 г. «О принципах снабжения в восточном пространстве», который, очевидно, был доведен до сведения всех дивизий и полков, говорилось:

«На снабжение одеждой не рассчитывать. Поэтому особенно

важно снимать с военнопленных годную обувь и немедленно использовать всю пригодную одежду, белье, носки и т. д.).

В приказе № 202 штаба 88-го полка читаем:

«Конские трупы будут служить пищей для русских военнопленных. Подобные пункты (свалки конских трупов) отмечаются указателями».

«Многие из этих преступлений (преступлений в отношении пленнх. — *Авт.*), — писал маршал Тимошенко, — были запланированы и детально разработаны задолго до начала войны. Так, например, директива Гитлера о поголовном истреблении пленнх политических комиссаров Советской Армии... представителей советской интеллигенции и военнослужащих еврейской национальности была официально сообщена высшим командирам и начальникам штабов вермахта на совещании 30 марта 1941 года, то есть за три месяца до вероломного нападения на СССР».¹

Через три дня генерал-квартирмейстер Вагнер доложил начальнику генерального штаба Гальдеру, что он договорился с подручными Гимmlера Гейдрихом и Шелленбергом о «распределении обязанностей» в деле уничтожения «определенных групп военнх». Специальные отряды Гимmlера должны были «отбирать» и уничтожать «нежелательные элементы» среди пленнх. Генерал Браухич, тогдашний главнокомандующий сухопутными войсками Гитлера, довел это совместное решение вермахта и Гимmlера до сведения командующих армиями.

13 мая 1941 г. был издан специальный приказ «Об особой подследности в районе «Барбаросса». В этом приказе офицерам предписывалось производить без суда и прочих «формальностей» казни всех лиц, подозреваемых во враждебном отношении к Германии.

И наконец, 8 июня 1941 г. был разослан приказ под названием «Распоряжение о комиссарах».

Вот одна из первых строк этого документа:

«Войска должны помнить следующее:

1. Щадить в борьбе подобные элементы и обращаться с ними в соответствии с нормами международного права — неправильно. Эти элементы представляют угрозу для нашей собственной безопасности и для быстрого умиротворения завоеванных областей...»

Совершенно очевидно, что определение «комиссары» служило лишь своего рода ширмой для массового уничтожения пленнх. Таким образом, еще до нападения Гитлера на СССР нацистским

¹ 30 марта 1941 г. на совещании у Гитлера присутствовала вся верхушка германского генералитета, в том числе Кейтель, Браухич, Гальдер, Лееб, Манштейн, Гейнер и многие другие. Нацистский фюрер заявил, что война против СССР не может вестись «рыцарскими методами», ибо ее цель — искоренение «азиатско-варварского большевизма».

захватчикам был дан не просто «карт-бланш» для истребления пленных, им прямо-таки вменялось в обязанность попираť все предписания и конвенции в отношении ведения войн.

Когда же агрессия началась, эта, так сказать, «теория» стала воплощаться на практике.

Вот некоторые приказы, касающиеся пленных¹.

Из приказа по 203-му немецкому пехотному полку от 2 ноября за № 109:

Верховный главнокомандующий армией генерал-фельдмаршал Рундштедт приказал, чтобы в зоне боевых действий, «в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистка минных полей производились русскими военнопленными. Это относится также и к германским минам».

Из приказа по 76-й немецкой пехотной дивизии № 665/41 секр. 11 октября, пункт 6:

«Необходимо применять для работ, связанных с опасностью для жизни, пленных и отдельных лиц из местного населения».

Из приказа по 464-му пехотному полку 253-й немецкой пехотной дивизии от 20/X—41 г., разд. «Особые замечания»:

«Необходимо иметь в виду заминированную местность. Использование саперов не всегда возможно. Батальоны должны будут вести бой сами, не ожидая помощи. Я рекомендую для этого, как с успехом практиковалось в первом батальоне 464 ПП, использовать военнопленных (особенно русских саперов). Всякое средство оправдывается, если необходимо быстро преодолеть местность».

Из приказа по 60-й немецкой мотопехотной дивизии за № 166/41:

«Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою. Даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться до тех пор, пока противник не станет безопасным».

Из директивы управления VIII военного округа (Бреслау) от 28 октября 1941 г. «О советских военнопленных»:

«2. Погребение советских военнопленных.

Советских военнопленных следует зарывать в землю раздетыми, завернутыми только в оберточную бумагу и без гробов.

Гробами разрешается пользоваться только для перевозки.

В рабочих командах погребение производится соответствующими местными властями. Расходы по погребению оплачивает соответствующий стационарный лагерь для военнопленных. Раздевание военнопленных осуществляется охраной».

¹ Приказы эти были захвачены советскими частями до января 1942 г., то есть в первые полгода войны.

Итак, Гиммлер приступил к программе «обезлюживания» восточного пространства... И естественно, что уничтожение военнопленных было одним из важных пунктов сей программы... Вот еще несколько примеров, показывающих всю меру цинизма и бессовестности нацистского карательного аппарата.

«Секр. От 8/IX—41.

Распоряжение об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных.

I. Общие вопросы обращения с советскими военнопленными. Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии... Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением.

Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собой и советскими военнопленными... Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для охраны советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих.

Поэтому предлагается безоговорочно и энергичное вмешательство при малейших признаках неповиновения, а особенно в отношении большевистских подстрекателей, неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие)... В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма резко прибегать к оружию. Подлежит наказанию всякий, кто для понуждения к выполнению данного приказа не применяет или недостаточно энергично применяет оружие...»

Последняя приведенная нами фраза этого длинного распоряжения (мы цитируем его далеко не полностью) особенно знаменательна — Гиммлер грозит наказанием своим собственным подручным, если они будут недостаточно энергично бросаться на безоружных людей, не станут колоть их штыком, бить прикладом или стрелять в них с ходу.

Характерно также, что на первом этапе войны против Советского Союза нацистские звери были совершенно уверены в собственной безнаказанности. Настолько уверены, что они декларировали во всеулышание свои «методы» расправы с военнопленными.

Перед нами «Приложение к директиве ОКВ, отдел военнопленных за № 3058/41». На документе специальная пометка: «Рассматривать как несекретное».

Цитируем несекретное «Приложение».

«Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии... Поэтому по отношению к ним (советским военнопленным. — Авт.) настойчиво предлагается проявлять чрезвычайную бдительность, величайшую осторожность и самое острое недоверие.

Для караульных команд действуют следующие инструкции:

1. Безоговорочное вмешательство при малейших признаках неповиновения и непослушания.

Чтобы сломить сопротивление, следует безжалостно применять оружие... немедленно стрелять (без оклика), с твердой решимостью поразить цель.

...Следует препятствовать всяким разговорам военнопленных с гражданскими лицами, вплоть до применения в необходимых случаях оружия, в том числе и против гражданских лиц».

Но все это было лишь началом неслыханного геноцида по отношению к советским людям. Уже в январе 1942 г., через полгода после нападения на СССР, в Берлине было издано распоряжение о клеймении советских военнопленных. Цитируем этот чудовищный документ:

«Ввиду того, что советские военнопленные при побеггах большей частью снимают с себя опознавательные знаки и не могут быть опознаны как военнопленные, в частности как советские военнопленные, приказываю: каждому советскому военнопленному нанести ляписом клеймо на внутренней стороне левого предплечья.

Начальник Верховного командования
вооруженными силами
по поручению — подпись».

Следить за выполнением приказа должны были СД-заграница (люди Шелленберга) и местные отделения гестапо, то есть люди Мюллера плюс эйнзацгруппы и зондеркоманды.

Но клеймение ляписом (выжигание клейма) показалось гитлеровцам недостаточным. Верховное командование вермахта издало 20 июля 1942 г. второй приказ о клеймении советских военнопленных:

«1) Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого долговременного знака.

2) Клеймо имеет форму острого угла примерно в 45 градусов с длиной сторон в 1 сантиметр, расположенного острием кверху, и ставится на левой ягодице на расстоянии ладони от заднего прохода. Этот знак наносится посредством ланцета, имеющегося в любой воинской части. В качестве красящего вещества употребляется тушь. Выполнить это надлежит следующим образом: в порезы, нанесенные раскаленным ланцетом на поверхность натянутой кожи, ввести тушь...

Так как в настоящее время еще нет достаточного опыта в отношении стойкости клеймения, то затем через определенные промежутки времени — по истечении 14 дней, четырех недель и через три месяца — следует проверить клеймо и в случае необходимости возобновить его.

3) Клеймение не является медицинским мероприятием...

6) Это мероприятие не должно препятствовать использованию на работах. Поэтому клеймение военнопленных, занятых на работе, должно по возможности производиться по месту нахождения рабочих команд...»

Однако и клеймение и побои были всего лишь первым звеном в долгой цепи неслыханных мытарств советских военнопленных!

У миллионов людей до клеймения дело вообще не доходило. Люди содержались в таких чудовищных условиях, что умирали до того, как попадали в лагерь, — умирали от голода, холода, болезней, побоев. Выше мы писали, что Гиммлер прямо призвал колоть штыком, бить прикладом, стрелять «при малейших признаках неповиновения или непослушания». Этот приказ говорит сам за себя. Ведь речь шла о военнопленных и конвоирах, которые не понимали языка друг друга, — как тут можно было распознать «непослушание»?

В книге «Документы обвиняют», выпуск первый, на которую мы уже не раз ссылались, приведены сотни актов, показывающих бесчеловечные расправы гитлеровцев с советскими людьми, взятыми в плен:

«На всем протяжении фронта, от Арктики до Черного моря, — говорится в ноте Советского правительства от 27 апреля 1942 г., — обнаружены трупы замученных советских военнопленных. Почти во всех случаях эти трупы носят следы страшных пыток, предшествовавших убийству. Части Красной Армии обнаруживают в отбываемых ими у немцев блиндажах, дерево-земляных точках, а также в населенных пунктах трупы убитых после зверских пыток советских военнопленных. Все чаще повторяются такого рода факты, зафиксированные в актах, подписанных очевидцами: 2 и 6 марта 1942 года на Крымском фронте в районе высоты 66,3 и деревни Джантора были найдены 9 трупов военнопленных красноармейцев, настолько зверски истерзанных фашистами, что опознать удалось лишь 2 трупа. У замученных военнопленных были выдернуты ногти на пальцах, выколоты глаза, у одного трупа была вырезана вся правая часть груди, у других — обнаружены следы пыток огнем, многочисленные ножевые раны, разбитые челюсти. В Феодосии были найдены десятки трупов, замученных красноармейцев — азербайджанцев. Среди них: Джафаров Исмани-Заде, которому гитлеровцы выкололи глаза и отрезали уши, Алибеков Кули-Заде, которому гитлеровцы вывернули руки, а затем за-

кололи штыком, ефрейтор Ислам-Мамед Али оглы, которому гитлеровцы вспороли живот, Аскеров Мустафа оглы, привязанный проволокой к столбу и умерший от ран в этом положении».

Листаем выпуск первый далее. Вот буквально наугад выхваченные акты, засвидетельствованные десятками советских людей.

«В 5 часов 45 минут (22 декабря 1941 г.—*Авт.*), когда наша рота выбила врага из окопов, мы обнаружили здесь пять издевательски обезображенных трупов красноармейцев. Один труп был чем-то облит и обожжен, у двух трупов отрезаны носы и уши. У двух трупов языки вытянуты и надрезаны.

Все данные свидетельствуют, что, захватив раненых бойцов, немецкие изверги долго пытали их и замучили до смерти...»

А вот два фотоснимка. Подпись под первым гласит:

«В упорном бою у пункта Н. (Северо-Западный фронт) был тяжело ранен воентехник 2-го ранга М. Ф. Ладунин. Немецкие фашисты выкололи раненому оба глаза, раздробили прикладами и сапогами челюсти, на щеке вырезали пятиконечную звезду».

На втором снимке еще совсем молодой человек. Под снимком написано: «Захватив тяжело раненного красноармейца Алексева в плен, немецкие фашисты изрезали ножом ему лицо, выкололи штыком левый глаз, раздробили скулу».

А вот акт об обращении с военнопленными, загнанными за колючую проволоку:

«Всем пленным в концлагере немцы давали раз в день похлебку из мороженой нечищенной и нерезаной картошки, которой часто всем не доставалось. Хлеба и других продуктов не давали совсем.

Все теплые вещи — телогрейки, валенки и рукавицы — были отобраны у пленных.

Во время перегона под конвоем пленных били палками. Если кто по слабости отставал, тех пристреливали».

Пора поставить точку. Сорок с лишним лет спустя нельзя читать эти документы, не содрогаясь от ужаса и отвращения.

Не будем больше цитировать. Попытаемся лишь воссоздать картину «конвейера смерти», на который автоматически попадали все советские люди, плененные фашистами.

Сперва они проходили так называемую «селекцию» — отбор «комиссаров», коммунистов, евреев и (так и значилось в циркулярах) «вообще людей низшей расы». Всех отобранных расстреливали немедленно или отправляли в лагеря смерти — это уже после 1942 г. «Селекцию» проводили эйнзацгруппы и зондеркоманды — эсэсовцы, которым еще до войны против СССР вбили в голову, что они «высшая раса» и что «красноармеец (любой.— *Авт.*) не должен рассматриваться как солдат в обычном смысле этого слова... Красноармеец должен рассматриваться как идеоло-

гический враг, то есть как смертельный враг национал-социализма, и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению» (из показаний сотрудника абвера Лахузена на Нюрнбергском процессе)¹. В общем, в результате «селекции» тысячи людей убивали сразу же. Оставшихся отправляли в лагеря. Часть пленных умирала по дороге из-за голода и побоев. А позже — из-за эпидемий.

Но уже в конце 1941 г. или в начале 1942 г. на совещании, созванном начальником управления по делам военнопленных при военных округах генерал-майором фон Гревенитцем, было принято решение убивать всех советских военнопленных, которые «в результате ранений, истощения и болезней были непригодны для использования на работах» (показания генерала Эстеррейха в Нюрнберге).

Эстеррейх также сообщил:

«По предложению Гревенитца по этому вопросу высказались несколько присутствовавших офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте — лагере или лазарете и умерщвлять при помощи яда.

В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание — нетрудоспособных военнопленных умерщвлять...

...Летом 1942 г. я был командирован на Украину на должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы «Б». Прибыв к месту службы, я узнал, что способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применяется».

Таковы были инструкции. А как это выглядело в действительности, рассказали немногие уцелевшие узники лагерей. Приводим только три короткие выдержки из показаний свидетелей в Нюрнберге. Первая выдержка дана под присягой французом

¹ Продолжим показания Лахузена в Нюрнберге, чтобы наглядней представить себе обстановку «отбора»: «Отбор военнопленных производили специально предназначенные для этого особые команды СД, причем по совершенно своеобразному и произвольному принципу. Некоторые руководители этих эйнзацгрупп придерживались расового принципа: если практически какой-либо из военнопленных не имел определенных расовых признаков... или если он являлся представителем какой-то низшей расы (!), над ним производилась экзекуция (умерщвление.— Авт.). Иные руководители эйнзацгрупп производили отбор по принципу интеллекта или интеллигентности военнопленных. Другие руководители таких эйнзацгрупп тоже имели свои принципы отбора. Обычно это были очень своеобразные принципы. Поэтому я счел необходимым спросить Мюллера: «Скажите, по каким, собственно, принципам должен происходить этот отбор, что тут принимается во внимание: размер ботинок или рост военнопленного?» Мюллер не принял во внимание это мое возражение, как и все прочие, и весьма резко высказал свое мнение» (здесь Лахузен рассказывает о совещании у генерала Рейнеке, начальника отдела командования вермахтом в 1941 г., к которому мы еще вернемся).

Морисом Лампом, вторая — французом Жаном-Фредериком Вейтом, третья — французом Полем Рознером.

Ламп рассказал о лазарете в «кацет» Маутхаузен, где он провел около года.

«...Он (лазарет.— Авт.) был построен первыми советскими пленными, которые прибыли в Маутхаузен. Четыре тысячи советских солдат были убиты, замучены во время постройки 8 блоков этого лазарета. Воспоминания об этих убийствах настолько живо остались в памяти, что никогда в Маутхаузене лазарет не называли иначе как русский лагерь»...

Руденко. Скажите, свидетель, не известно ли вам, по чьему приказу были казнены 50 советских офицеров? За что их казнили?

Ламп. По этому отдельному случаю я не могу ответить... Я не знаю причин приговора и их казни, но, как общее правило, все советские офицеры... все политические комиссары или члены коммунистической партии были казнены в Маутхаузене...

Руденко. Вы утверждаете, что при казни 50 советских офицеров присутствовал Гиммлер?

Ламп. Я утверждаю, что я видел его собственными глазами.

Руденко. Не можете ли вы более подробно сообщить о казни 400 советских военнопленных, о которых вы только что говорили?

Ламп. Я не смогу добавить многого, кроме разве того, что эти люди были убиты во время работы, потому что, очевидно, недоедание, непосильная работа, которую они должны были выполнять, лишали их сил... Они были убиты на месте ударами палок. Иногда их убивали эсэсовцы или их заставляли идти к проволоке и в них стреляли...

С разрешения Суда я хочу рассказать об одном случае зверств, который остался у нас в памяти. ...Переключка в этот вечер длилась дольше, чем обычно. Кого-то не хватало. После долгого ожидания и обысков, произведенных в различных блоках, нашли одного русского, советского человека, который, возможно, заснул и забыл о переключке. Какова была причина, нам не известно, но он не присутствовал на переключке. Немедленно эсэсовцы с собаками отправились к несчастному и перед всем лагерем — я находился в первом ряду... — разъяренные собаки бросились на этого несчастного советского пленного и разорвали его на глазах у всех. Я должен сказать, что, несмотря на мучения, этот пленный держался с особым достоинством».

А вот выдержка из допроса свидетеля Вейта — его допрашивал представитель обвинения Франции Дюбост.

«*Дюбост.* Видели ли вы прибытие военнопленных в Маутхаузен?»

Вейт. Разумеется, я видел военнопленных. Прибывающие в Маутхаузен в первую очередь проходили мимо здания, где поме-

щался политический отдел... Эти эшелоны (эшелоны с пленными. — *Авт.*) немедленно сортировались: одну часть отправляли в лагерь для регистрации, и очень часто некоторых лиц, одетых в форму, отделяли. Этим последним подвергали особым издевательствам в политическом отделе и передавали прямо тюремной охране. Они попадали в тюрьму и пропадали без вести. Их не регистрировали в лагере. Единственную регистрацию, которую они проходили, это в политотделе у Мюллера, который специально занимался этими заключенными.

Дюбост. Это были военнопленные?

Вейт. Это были военнопленные, они очень часто были одеты в военную форму.

Дюбост. Какой национальности?

Вейт. Главным образом русские и поляки.

Дюбост. Их привозили в ваш лагерь для истребления?

Вейт. Их привозили в наш лагерь для того, чтобы подвергнуть их мероприятию «К».

Из дальнейшего допроса Вейта явствует, что мероприятие «К» означало либо немедленное уничтожение военнопленных, либо помещение их в тюрьму (блок 20), откуда никто не возвращался.

Нельзя не привести и выдержку из допроса француза Рознера, также бывшего нацистского узника:

«Рознер. Я не могу рассказать обо всех... несчастных русских, выживших в Раве-Русской¹, не испросив разрешения Трибунала воспроизвести страшное зрелище, представшее перед всеми нами, французами, которые находились осенью — зимой 1942 г. в концентрационном лагере в Германии, рассказать обо всем, что мы увидели, когда стали прибывать первые отряды русских пленных. Что касается меня, то я присутствовал при этом зрелище однажды в воскресенье, все это казалось мне неправдоподобным. Русские шли в колонне по 6 человек, держась за руки, так как никто из них не в состоянии был передвигаться самостоятельно. Они были очень похожи на бродячие скелеты.

Мы видели много фотографий концентрационных лагерей и лагерей смерти, и наши несчастные русские товарищи были в таком положении с 1941 года. Их лица были даже не желтые, а зеленые, у них не было сил двигаться, они падали на ходу целыми рядами. Немцы бросались на них, били прикладами ружей, избивали кнутами... При виде всего этого французы стали кричать, и немцы заставили нас возвратиться в бараки. В лагере русских быстро распространился тиф, из 10 тысяч прибывших в ноябре к началу февраля осталось 2500.

¹ В Раве-Русской — близ Львова — находился штрафной лагерь для военнопленных всех национальностей.

...Русские военнопленные, еще не будучи мертвыми, были брошены в общую могилу. Мертвых и умирающих собирали между бараками и бросали в тележки. Первые дни мы еще видели трупы в тележках, но так как германскому коменданту было не очень приятно видеть, как французские солдаты приветствовали своих павших русских товарищей, впоследствии трупы покрыли брезентом».

Сохранилась обширная переписка эсэсовских фюреров, касающаяся советских военнопленных. Так, 9 ноября 1941 г. коменданты «кацет» сообщали Гейдриху, что от 5 до 10 процентов советских военнопленных, которых им надлежало ликвидировать, привозили в лагеря уже мертвыми. 15 ноября того же года инспектор всех концлагерей Глюкс сообщил лагерным комендантам, что Гиммлер разрешил им использовать советских военнопленных до экзекуции (умерщвления) в каменоломнях на особо тяжелых работах.

Массовые казни советских военнопленных достигли апогея уже с конца лета 1941 г. «Весной 1942 г., — пишет историк из ГДР Гейнц Кюнрих в книге «Государство концлагерей. 1933—1945», — СС устраивали форменные оргии убийств. Пули свистели, громкоговорители заглушали крики жертв, шнапс лился рекой. Так как транспортировка трупов к крематориям сопровождалась кровавым следом, в Бухенвальде построили огромные ванны для их перевозки; кровь не должна была литься на землю. Многие раненые попадали в крематорий, их так и сжигали живыми или же добивали, прежде чем бросить в печь».

Порядки, царившие в Бухенвальде, отнюдь не были исключением. На процессе охранников из концлагеря Заксенхаузен выяснилось, что и там зверски умерщвляли советских бойцов и офицеров.

В 1947 г. на одном из заседаний суда блоклейтер Книттлер показал:

«Прокурор. Кто казнил советских военнопленных?

Книттлер. Я сам был одним из тех, кто казнил.

Прокурор. В скольких случаях?

Книттлер. В двух тысячах пятистах.

Прокурор. Какой пост вы тогда занимали в лагере?

Книттлер. Я был блокфюрером.

Прокурор. В каком состоянии узники попадали в лагерь?

Книттлер. Чрезвычайно истощенные.

Прокурор. Вы сами видели, что военнопленные были так истощены, что не могли ходить, и их товарищи несли их?

Книттлер. Да, такие случаи были.

Прокурор. Вы как фюрер блока, который был предназначен для русских военнопленных, отмечали, что после транспортировки всегда некоторых недоставало?

Книгтлер. Недоставало в среднем тридцать — сорок заключенных.

Прокурор. Из ваших показаний на предварительном следствии видно, что эти недостающие умерли от голода при транспортировке, правильно?

Книгтлер. Они погибли при транспортировке.

Прокурор. Что происходило с пленными в лагере?

Книгтлер. Их запирали в бараки.

Прокурор. Они не могли выйти из них?

Книгтлер. Да.

Прокурор. Они получали хлеб?

Книгтлер. Нет.

Прокурор. Сколько времени советские военнопленные должны были ждать, пока их поведут на уничтожение?

Книгтлер. До четырех дней.

Прокурор. А через четыре дня?

Книгтлер. Их расстреливали.

Прокурор. До расстрела их, стало быть, мучили голодом?

Книгтлер. Они потому оставались несколько дней в лагере, что их нельзя было всех сразу расстрелять.

Прокурор. А умерших от голода сразу же отправляли в крематорий?

Книгтлер. Так точно.

Прокурор. Когда началось уничтожение советских военнопленных?

Книгтлер. 3 сентября 1941 г.

Прокурор. И в каждый последующий день безостановочно расстреливались советские военнопленные?

Книгтлер. Так точно; нас лимитировала только пропускная способность крематория.

Прокурор. Сколько военнопленных уничтожалось ежедневно?

Книгтлер. Ежедневно расстреливали около ста пятидесяти человек. Сюда не входят пленные, которые умерли от голода.

Прокурор. Когда было приспособлено специальное здание для расстрела?

Книгтлер. Примерно за два-три дня до прибытия первых советских военнопленных переоборудование здания было закончено».

Из допросов других эсэсовцев-убийц мы можем приблизительно реконструировать процедуру расстрела советских военнопленных в лагерях Бухенвальде и Заксенхаузен.

На Нюрнбергском процессе фигурировали показания эсэсовца Пауля-Людвига-Готлиба Вальдмана. Вальдман работал шофером в различных лагерях, 2 мая 1945 г. был взят в плен. Вальдман рассказал, как проходили экзекуции (умерщвления) пленных во многих лагерях еще до устройства газовых камер.

«От вокзала до лагеря (Заксенхаузена) русские военнопленные шли около одного километра. В лагере они оставались на одну ночь без питания. (Здесь, как мы читали выше, Вальдман допустил неточность, ждать военнопленным приходилось иногда четверо суток.— Авт.) На следующий вечер их увозили на экзекуцию... Сама экзекуция происходила в бараке, который незадолго до этого был оборудован для данной цели.

Одно помещение предназначалось для раздевания, другое — для ожидания. В помещении играло радио, и довольно громко. Это делалось для того, чтобы заключенные не могли заранее догадаться, что их ожидает смерть. Из второго помещения они поодиночке шли через проход в маленькое отгороженное помещение, на полу которого была железная решетка, под решеткой был сделан сток. Как только военнопленного убивали, труп уносили два немецких заключенных, а решетка очищалась от крови.

В этом небольшом помещении имелась щель приблизительно в 50 сантиметров. Военнопленный становился затылком к щели, и стрелок, находящийся за щелью, стрелял в него. Такое устройство практически не удовлетворяло, так как часто стрелок не попадал в пленного. Через восемь дней было оборудовано новое устройство. Военнопленного, так же как и раньше, ставили к стене, потом на его голову медленно опускали железную плиту. У военнопленного создавалось впечатление, будто хотят измерить его рост. В железной плите имелся ударник, который опускался и бил заключенного в затылок. Он падал замертво. Железная плита управлялась при помощи ножного рычага, который находился в углу этого помещения. Обслуживающий персонал был из... зондеркоманды».

С течением времени эсэсовские палачи «усовершенствовали» свой метод расстрелов. Одного из членов зондеркоманды они облачали в белый врачебный халат. «Врач» отдавал приказы военнопленному, сидя в помещении, замаскированном под врачебный кабинет.

На процессе 1947 г., где был допрошен Книттлер, допрашивали и эсэсовца блоклейтера Шуберта по прозвищу Железный Густав. Вот отрывок из вопроса Железного Густава.

«Прокурор. Вы принимали участие в этих расстрелах (в расстрелах военнопленных.— Авт.)?

Шуберт. Разумеется, я принимал в них участие.

Прокурор. Фиккер тоже принимал участие?

Шуберт. Так точно, блоклейтер Фиккер тоже участвовал.

Прокурор. В чем состояло его участие?

Шуберт. Участие состояло вот в чем: я видел, как Фиккер вел из лагеря узников, как он стоял в бараке для расстрелов и в замаскированном под врачебный кабинет помещении. Видел его также в комнате для стрелков.

Прокурор. Кто вводил военнопленных в так называемый врачебный кабинет?

Шуберт. Пять тысяч из них я сам ввел.

Прокурор. Стало быть, в расстреле пяти тысяч человек вы участвовали непосредственно?

Шуберт. Так точно, участвовал непосредственно.

Прокурор. И вы исполняли роль врача?

Шуберт. Так точно, я изображал врача.

Прокурор. В чем состояла ваша обязанность, когда вы сидели в кабинете в белом халате?

Шуберт. В правой руке я держал ланцет, а в левой — кусок мела. Если у военнопленного были золотые коронки или зубные протезы, я чертил ему крест на груди.

Прокурор. Вы сами также стреляли?

Шуберт. Так точно, шестьсот тридцать шесть русских военнопленных я убил лично...

Прокурор. Какие награды вы, обвиняемый Шуберт, получили за свои зверства?

Шуберт. Я получил «Крест за военные заслуги» II класса с мечами...»¹

С конца 1942 — начала 1943 г. советских военнопленных стали умерщвлять в душегубках, а позже в газовых камерах «Циклоном Б». И эти массовые казни, так же как и расстрелы, производились буквально во всех лагерях — в десятках лагерей смерти и в сотнях так называемых «рабочих лагерей».

«От убийств поодиночке, — сказал в своем выступлении обвинитель от СССР Ю. В. Покровский на процессе главных военных преступников, — гитлеровцы в дальнейшем перешли к организации «фабрик смерти» в Треблинке, Дахау и Освенциме.

Методы и масштабы убийства менялись. Гитлеровцы стремились найти способы для быстрого истребления больших человеческих масс. Над решением этой задачи они работали долго...»

* * *

Характерно, что наиболее дальновидные представители военной касты, а позже и промышленники выражали свое недовольство массовым уничтожением советских военнопленных.

Безусловно, у них были на этот счет свои резоны. Так, адмирал Канарис, начальник абвера (военной разведки) понимал, что за убийство взятых в плен людей придется рано или поздно отвечать,

¹ Летом 1942 г. палачи из Заксенхаузена в качестве поощрения за убийства советских военнопленных были награждены увеселительной поездкой в Италию. В лагере Гросс-Розене особо отличившиеся убийцы получали по 600 марок наградных.

в частности военной касте Германии. Канарис, которого никак не заподозришь в сочувствии к «большевизму», отправил своему начальнику Кейтелю соответствующий меморандум 15 сентября 1941 г.

Сохранились также «Заметки для доклада» Канариса все тому же Кейтелю, начальнику штаба вермахта. В меморандуме и заметках Канарис, ссылаясь на то, что многие военные фактически стали орудием Гиммлера, пишет: «Неприменение «военно-правовых норм в войне» нецелесообразно с «военной точки зрения», подрывает воинскую дисциплину и боеспособность «собственных (немецких. — Авт.) войск».

Однако, выслушав аргументы Канариса, вернее его сотрудника Лахузена, Мюллер-гестапо цинично заявил: «Тогда придется производить эти расстрелы (расстрелы советских военнопленных. — Авт.) в стороне от наших войск, если, как вы утверждаете, вид этих расстрелов настолько их расстраивает и духовно солдаты страдают от этого».

В 1942 г. всполошились и те круги нацистского общества, которые можно назвать военно-промышленным комплексом. Под их нажимом 18 марта во все концлагеря был направлен секретный циркуляр, где предписывалось лучше кормить и лучше обращаться с советскими военнопленными, работающими на военных предприятиях.

В другом циркуляре Военно-экономического отдела ОКХ (Верховного командования армии) от февраля 1942 г. говорилось:

«Нынешние трудности с рабочей силой не возникли бы, если бы своевременно были бы введены в действие советские военнопленные. В нашем распоряжении находилось 3,9 млн военнопленных, теперь их осталось всего 1,1 млн. Только от ноября 1941 г. до января 1942 г. погибло полмиллиона русских».

Однако к 1942 г. даже слепому было видно, что пущенную в ход машину уничтожения уже невозможно остановить.

Да и хотели ли Гиммлер и К⁰ ее останавливать?

Циркуляры специалистов по военной экономике не повлияли на практику уничтожения советских военнопленных — они продолжали умирать массами от голода и побоев, от эпидемий и экзекуций.

Гиммлер, глава аппарата насилия, в одной из самых страшных своих речей перед эсэсовскими фюрерами в Познани 4 октября 1943 г. весьма недвусмысленно высказался насчет истребления советских военнопленных: «Тогда. — сказал он, — мы не так ценили эти массы людей, не рассматривали их как сырье, как рабочую силу. Но, правда, с точки зрения конечных результатов, когда я думаю в масштабах поколений, мне этого не жаль».

* * *

Итак, уделом советских людей, попавших в плен к нацистам, была мучительная смерть. Однако сотни тысяч граждан СССР и в ужасающих условиях гитлеровских лагерей боролись до последнего. В энциклопедии «Великая Отечественная война. 1941—1945» говорится¹:

«...Несмотря на тяжелейшие условия в фашистских лагерях, советские люди вели себя героически, показывая другим военнопленным примеры мужества, стойкости, преданности Родине. Даже в лагерях смерти они создавали партийные, советские и интернациональные организации военнопленных, связывались с местными антифашистами, организовывали побеги военнопленных. Вырвавшись из плена, они создавали партизанские отряды и включались в антифашистскую борьбу местных патриотов, часто возглавляя отряды Сопротивления. Так, советские генералы, плененные врагом, Д. М. Карбышев, Г. И. Тхор и др. командиры Советской Армии возглавляли подпольные группы, многие из них предпочли мученическую смерть предательству. Советские военнопленные создали разветвленную тайную организацию военнопленных «Братское сотрудничество военнопленных», действовавшую во всех лагерях для военнопленных в Южной Германии и в 20 лагерях для восточных рабочих, связанную с немецким «Антифашистским народным фронтом».

Почти на 70 лагерей для военнопленных распространялось влияние «Интернационального антифашистского комитета». С помощью этих организаций из фашистского плена за годы войны бежало свыше 450 тыс. советских военнопленных. Очень многие из них сражались против фашизма в Польше, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Франции, Италии и других странах. Имена советских военнопленных героев движения Сопротивления стали символом борьбы против фашизма.

¹ Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия, с. 157.

Глава седьмая

КРАХ

ВОЗМЕЗДИЕ

Накануне окончательного краха в 1945 г. нацистский режим еще раз продемонстрировал свою разбойничью суть.

Германия проиграла и первую мировую войну, но ситуация тогда сложилась иная.

Вот как рассказано об этом в книге «История дипломатии»: «...Надвигалась катастрофа...

Впрочем, германская армия еще не была разбита. Войска дрались на чужой территории. Можно было еще держаться. Но генералы торопили начать мирные переговоры. Им было ясно, что война будет проиграна. Приходилось ее кончать, — но так, чтобы сохранить как можно больше из награбленной добычи. Германские империалисты старались не допустить перехода войны на территорию своей страны. Нужно было сохранить полностью производственный организм Германии. Надо во что бы то ни стало сберечь и военные кадры, воспитанные десятилетиями»¹.

¹ История дипломатии. М., 1945, т. 2. Дипломатия в новое время (1872—1919 гг.), с. 360.

Совсем иначе действовали Гитлер и К⁰. О мире они не хотели и слышать. У них была одна-единственная цель — уйти от суда народов, от возмездия, от ответа. Пусть даже ценой гибели всей нации. Вести заведомо проигранную войну, бессмысленно посылать на смерть сотни тысяч сограждан гитлеровская верхушка могла только благодаря чудовищному аппарату террора и сыска, благодаря аппарату Гиммлера.

19 января 1945 г. передовые части 1-го Украинского фронта пересекли старую польско-германскую границу. «Вскоре ударная группировка фронта, — говорится в книге «Вторая мировая война. Краткая история», — в 200-километровой полосе вышла на Одер, с ходу форсировала его севернее и южнее Вроцлава, захватила несколько плацдармов и завязала упорные бои за их расширение. Одновременно на левом крыле фронта развернулись упорные, ожесточенные бои за Верхнюю Силезию»¹.

«К исходу 3 февраля шесть армий 1-го Белорусского фронта в 100-километровой полосе к югу от Цедена вышли к Одери, форсировали реку и захватили на ее левом берегу (севернее и южнее Кюстрина) несколько плацдармов. До Берлина оставалось всего 60 км...»²

Сражения на советско-германском фронте бушевали от Балтики до Дуная; наши армии, ломая сопротивление гитлеровских войск, неуклонно продвигались вперед...

Шли бои и на Западе: армии союзников — Англии, США, Франции — наступали, используя свежие силы и огромное преимущество в боевой технике. Авиация союзников бомбила города, которые к началу 1945 г. еще не были разрушены: Хильдесхайм и Хальберштадт, Ротенбург и Дессау, Потсдам и Хемниц. 13 февраля «город искусств» Дрезден был буквально сметен с лица земли авиацией Великобритании.

В те месяцы нацистская Германия агонизировала. Теперь мы знаем, что с 1 января по 8 мая 1945 г., то есть за четыре месяца и восемь дней, погибло больше немцев, больше семей осталось без крова, нежели за пять с четвертью лет войны.

24 февраля по случаю двадцатилетнего юбилея принятия программы НСДАП (чем ближе к поражению, тем больше юбилеев становилось у нацистов!) Гитлер в послании к немецкой нации отмечал:

«Если фронт и родина по-прежнему полны решимости уничтожить каждого, кто только осмелится нарушить приказ держаться до последнего, или того, кто струсит, а тем более кто саботирует нашу

¹ Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984, с. 496.

² Там же, с. 497.

борьбу, то они сумеют предотвратить уничтожение нации... Тогда в конце концов немцы добьются победы...»

Дикторы в кинохронике хорошо поставленными голосами вещали: «Вместо поражения, на которое надеялся враг, появились сотни новых пехотных дивизий, фольксштурм взялся за оружие» (в фольксштурме были одни старики и подростки).

Геббельс в конце марта кричал по радио:

«Так же как наш фюрер преодолевал кризисы в прошлом, он преодолет и этот кризис. ... Он сказал мне: я твердо уверен, что, когда мы бросим в новое наступление армии, мы побьем и оттесним врага; в один прекрасный день наши знамена окажутся знаменами победы. Никогда я ни во что не верил так непреклонно, как верю сейчас в победу...»

20 апреля, в день рождения Гитлера, за 20 дней до безоговорочной капитуляции, развалины Берлина были украшены яркими лозунгами — «паролями стойкости», как их называли нацисты. Советская артиллерия уже обстреливала Берлин, а «пароли» вещали: «Наши стены не выдержали, но наши сердца держатся», «Фронт-овой город Берлин приветствует фюрера», «Провокаторов и подстрекателей иностранцев — схвати и обезвредь», «Фюрер приказывает, мы подчиняемся», «Требование момента — бороться и стоять насмерть», «Мы никогда не капитулируем», «Теперь решается все, вопреки всему мы возьмем верх», «Большевизм не устоит перед нашей твердостью».

Расхожее выражение «ирония судьбы» обрело вдруг плоть и кровь: воистину нельзя было придумать более горькой шутки, чем ее придумала сама история, — руины Берлина, украшенные фашистскими «паролями», и гром дальнбойных орудий, бивших с Зеловских высот по столице нацистского рейха...

Теперь мы знаем, зачем было все это. Знаем, кому понадобилось бесперспективное, бесцельное, бесполезное, бессмысленное сопротивление. И кто дирижировал оргией убийств. Кто вешал на дорогах немецких солдат с бирками на шее: «Я был заодно с большевиками», «Я — дезертир», «Я продался врагу»...

Предоставим слово свидетелям.

Гитлеровский министр вооружений Альберт Шпеер в своей книге «Империя рабов» пишет: «...бюрократия СС даже в последние месяцы войны работала так, словно ничего не произошло». И страницей ниже: «СС и гестапо стали второй, непредсказуемой властью в стране».

А вот свидетельство писателя Генриха Бёлля, в ту пору обер-ефрейтора: «Германия между 20 июля 1944 г. (днем покушения на Гитлера группой заговорщиков.— Авт.) и окончанием войны — это был тотальный террор господина министра внутренних дел Гиммлера».

Что делают преступники, почуяв: час расплаты близок? Бегут. Любой ценой пытаются спасти свою шкуру, стараются уничтожить улики. Точно так же поступали и каратели в черных мундирах СС.

КАК БЕЖАЛИ ГИММЛЕР И ЕГО ЛЮДИ. КАК ОНИ КОНЧИЛИ ЖИЗНЬ

К 1945 г. Гиммлер сосредоточил в своих руках огромную силу. Он был рейхсфюрером СС и начальником полиции империи (с 1936 г.), следовательно, ему подчинялись гестапо, СД, разведка, СС (эсэсовцев насчитывалось около миллиона), концлагеря, поставившие рабов монополиям. Он стал министром внутренних дел (с 1944 г.), иначе говоря, полностью захватил юстицию: суды, тюрьмы — весь государственный механизм террора. С 1939 г. он — «имперский комиссар по улучшению германской расы» — следит за «чистотой расы» и за «биологическим здоровьем нации», словом, уничтожает бесконтрольно целые народы. Наконец, он назначен командиром резервной армии и заодно «прочесывает» абвер — военную разведку. И уже в самые последние месяцы, с декабря 1944 г., становится «полководцем» — командиром рейнских армий.

Но вот настало 20 мая 1945 г. Со дня полного краха нацистской Германии прошло 11 суток.

За эти 11 суток, потеряв реальную власть, Гиммлер превратился в ничто, в нуль. Еще за неделю до безоговорочной капитуляции рейхсфюрера СС обуревали честолюбивые идеи — он хотел создать новую партию под названием «Национальная партия сплочения», намеревался даже стать во главе правительства, а министром полиции сделать Олендорфа.

После того как адмирал Дениц сформировал свое правительство, Гиммлер буквально обивал пороги у этого «калифа на час»¹ — сперва он претендовал на пост первого заместителя Деница, потом попросил любой министерский портфель, наконец, предложил сделать его министр-президентом Шлезвиг-Гольштинии. Но Дениц не нуждался в услугах Гиммлера; в его кабинете было достаточно людей замаранных, он сам был военным преступником... Никто не хотел разговаривать с Гиммлером, обер-палачом Гитлера, он мог только скомпрометировать...

Тогда Гиммлер пустился во все тяжкие: сделал на один глаз черную наплежку, сбрил усы, надел мундир полевой жандармерии и запасся удостоверением личности на имя Генриха Хитцингера. Таким образом, пишет западногерманский историк Хёне в своей

¹ «Правительство» адмирала Деница существовало всего 23 дня.

книге «Орден под знаком мертвой головы», «он начал бегство из истории».

В этом бегстве Гиммлера сопровождали его личный секретарь Рудольф Брандт, хирург СС Карл Гебхардт (лейб-медик рейхсфюрера СС Ф. Керстен улетучился раньше) и адъютант Гротман. Один из сопровождающих Гиммлера сбежал по дороге. Гиммлер и его два спутника прошли Гольштинию, переправились через Эльбу и вознамерились проскочить английские посты. Но 23 мая англичане задержали их. Британская военная полиция водворила группу Гиммлера в лагерь 031 около Люнебурга.

Комендант лагеря Том Сильвестер выделил в толпе задержанных трех человек. «Два из них были высоченные детины, — рассказал Сильвестер, — зато третий показался мне маленьким, неприметным и довольно потрепанным». Капитан подозвал к себе трех немцев. Когда он распорядился отправить в одиночки двух высоких, «маленький снял повязку, надел очки. Стало ясно, кто стоит передо мной», — продолжал Сильвестер. Капитан немедленно связался с британской секретной службой. И вскоре в лагерь прибыли два офицера из секретного отдела в штабе Монтгомери, а затем и начальник отдела полковник Мэрфи, который заподозрил, что Гиммлер спрятал яд. И действительно, британцы обнаружили в одежде Гиммлера ампулу с цианистым калием. Но полковник на этом не остановился. Он вызвал врача, который во второй раз осмотрел арестованного. Гиммлер открыл рот, и врач увидел у него между зубами что-то черное. Он потянул Гиммлера к свету, но тут бывший рейхсфюрер СС щелкнул зубами — разгрыз спрятанную капсулу. Через несколько секунд Гиммлер испустил дух.

Есть разные варианты этой истории. Французский исследователь Деларю пишет, что документы Гиммлера показались подозрительно новенькими. Большинство задержанных вообще не имели документов. По версии Деларю, Гиммлера заперли в одиночку. Он потребовал от коменданта лагеря встречи с Монтгомери: «Очень важно, чтобы я мог немедленно поговорить с фельдмаршалом Монтгомери». Далее варианты совпадают: поняв, что разговор с Монтгомери ему ничего не даст, Гиммлер разгрыз ампулу с цианистым калием.

По свидетельству многих, фарс с переодеванием возмущал савонников Деница, собравшихся во Фленсбурге. Граф фон Крозигк (министр в призрачном правительстве Деница) якобы говорил Гиммлеру: «Нельзя, чтобы бывшего рейхсфюрера СС поймали под чужим именем с накладной бородой. Для вас нет другого выхода, нежели поехать к фельдмаршалу Монтгомери и сказать: «Я явился». И вы должны взять на себя ответственность за ваших эс-совцев».

Естественно, Гиммлер этого не сделал.

Есть и несколько иные версии поимки рейхсфюрера СС.

Однако все они расходятся только в деталях, в частности. Гиммлер бежал, переодевшись. Его поймали, он принял яд. Это факт. Смерть крысы!

А ведь одним из главных постулатов «учения» фанатика Гимmlера — в гитлеровской Германии обер-эсэсовца считали фанатиком — был культ смерти. В средневековом замке Вевельсбург близ Падерборна рейхсфюрер СС создал нечто вроде усыпальницы для себя и для своих приближенных — 12 обергруппенфюреров СС.

Под гигантским залом Вевельсбурга находилось подzemелье со сводчатым потолком, каменные стены подземелья были толщиной почти в 2 метра. За этими стенами скрывалась святая святых «ордена» СС — «царство мертвых».

В середине пола было углубление, куда вели две ступеньки. В центре этого углубления находилось нечто вроде чаши, а по стенам были расставлены 12 каменных постаментов. В чаше надлежало сжигать гербы мертвых обергруппенфюреров, а урны с пеплом гербов устанавливать на постаменты. В потолке Гиммлер велел проделать четыре отверстия величиной с кулак — они были пробиты таким образом, что дым, уходя в эти дыры, должен был вертикально подниматься кверху, в виде четырех серо-синих столбов.

Но «красивой» смерти у Гимmlера не получилось. Никто не сжигал его «герба», и дым не поднимался к старинным сводам подземелья... «Фанатик», когда дело коснулось собственной жизни, а не миллионов чужих, захотел раствориться в безликой массе беженцев.

Однако не это заставляет задуматься исследователя, а то, что Гиммлер до 23 мая 1945 г. надеялся не только на «бегство из истории», как писал Хёне, а, возможно, еще на долгое пребывание в ней...

Теперь о том, как кончили его ближайшие сподвижники.

Начнем с Кальтенбруннера. На Нюрнбергском процессе Кальтенбруннер выбрал довольно хитрый метод защиты: он утверждал, что не имел таких всеобъемлющих полномочий, как Гейдрих. Однако обвинители предъявили суду сотни документов и свидетельских показаний, из которых явствовало, что Кальтенбруннер не только знал о зверствах, но и сам в них участвовал.

Болеe того, в конце войны Кальтенбруннер и его ближайшие сотрудники с каким-то садистским упрямством ускоряли ход «конвейера смерти». Видимо, боялись, что жертвы могут ускользнуть от них. Но и под градом неопровержимых улик метод защиты Кальтенбруннера не изменился, он продолжал тупо твердить: не ведал, не видел, не был. Даже собственноручную подпись не признавал.

Читая перекрестный допрос Кальтенбруннера, поражаешься терпению судей и обвинителей Нюрнбергского трибунала, которые, почти не прерывая, часами выслушивали его вранье.

В последнем слове Кальтенбруннер продолжал ту же линию. Он вел себя не как политик, даже не как избалованный преступник, а как жалкий трус, любой ценой пытающийся спастись...

«Я знаю лишь, что все свои силы отдавал моему народу, веря Адольфу Гитлеру...— говорил этот палач, который ввел обычай за общим столом во время обеда обсуждать способы казней.— Сегодня, после разгрома империи, я вижу, что меня обманывали».

Когда Кальтенбруннера уличали неопровержимыми фактами, он продолжал изворачиваться: «Если я совершал незаконные действия, то это следует объяснить неправильным пониманием чувства долга. Если принять во внимание, что все приказы, которые имеют кардинальное значение, были изданы до того, как я занял мою должность, то следует сделать вывод, что мною руководила судьба». И наконец последняя фраза: «Я полагаю, что действовал в соответствии с законом».

Кто-то, а адвокат во втором поколении, Кальтенбруннер никак не мог этого полагать...

Нюрнбергский трибунал приговорил его к смерти.

16 октября 1946 г. телетайпы всего мира передали следующий текст:

«Казнь главных немецких военных преступников».

Сообщение четырехдержавной комиссии по заключению главных военных преступников.

Приговоры к смертной казни, вынесенные Международным военным трибуналом 1 октября 1946 г. нижеуказанным военным преступникам: Иоахиму фон Риббентропу, Вильгельму Кейтелю, Эрнсту Кальтенбруннеру, Альфреду Розенбергу, Гансу Франку, Вильгельму Фрику, Юлиусу Штрейхеру, Фрицу Заукелю, Альфреду Йодлю, Артуру Зейсс-Инкварту, были приведены в исполнение сегодня в нашем присутствии.

Геринг Герман Вильгельм совершил самоубийство в 22 часа 45 минут 15 октября 1946 г.

В качестве официально уполномоченных свидетелей от немецкого народа присутствовали: министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер, главный прокурор города Нюрнберга д-р Фридрих Лейснер, которые видели труп Германа Вильгельма Геринга.

Четырехдержавная комиссия по заключению главных военных преступников».

Террористическая машина Гитлера была создана не только Гиммлером и Гейдрихом, Мюллером и Кальтенбруннером, Шел-

ленбергом и Олендорфом. Геринг создал гестапо и первые «дикие» концлагеря. Розенберг был «теоретиком» палачей. Заукель сгонял на «конвейер смерти» людей из всех оккупированных стран, превращал их в рабов немецких монополий. Штрейхер вдохновлял эсэсовцев на поголовное уничтожение евреев. Франка назначили «генерал-губернатором» оккупированной Польши, где он проводил геноцид в масштабах целой страны. Фрик был до 1943 г. министром внутренних дел, ему наряду с Гиммлером подчинялись концлагеря и тюрьмы, суды и чрезвычайные трибуналы. Зейсс-Инкварт залил кровью Австрию. И все они, включая министра иностранных дел Риббентропа, имели высокие звания в СС, считали себя членами «Ордена под знаком мертвой головы», которая стала эмблемой СС. А генералы Кейтель и Йодль «благословили» Гиммлера и Гейдриха на «ночь длинных ножей», на многочисленные провокации, а перед нападением на Советский Союз заключили прямой пакт с эсэсовцами. Без согласия генералитета не были бы созданы эйнзацгруппы, на счету которых сотни тысяч замученных советских граждан...

«Империя смерти» была коллективным детищем всей верхушки нацистского рейха. Тоталитарная фашистская система не могла существовать без аппарата террора, а аппарат террора был невозможен без установления тотальной власти фашистов.

Однако вернемся к Кальтенбруннеру...

Последние минуты его жизни известны — о них написано, так же как и о последних минутах других главных военных преступников.

Предоставим слово Виктору Темину, одному из двух советских корреспондентов, которому было разрешено присутствовать при казни в Нюрнберге.

«В окно гостиницы мне виден Нюрнберг — Нюрнберг 16 октября 1946 года. Мрачно и пустынно на его улицах. Ровно в 8 часов вечера по берлинскому времени мы, восемь корреспондентов, по два от четырех союзных держав. — Советского Союза, Соединенных Штатов, Англии и Франции явились в здание суда. Сюда же явились министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер и главный прокурор города Нюрнберга д-р Фридрих Лейснер.

Пришел шеф Нюрнбергской тюрьмы американский полковник Эндрюс, и от всех восьми корреспондентов было взято обязательство не покидать здания тюрьмы и отведенных им мест, а также ни с кем не общаться до особого указания четырехсторонней комиссии».

Полковник Эндрюс провел приглашенных журналистов по зданию тюрьмы. Подсудимые еще не знали ни того, что их ходатайство о помиловании отклонено решением Контрольного Совета, ни

того, что приговор будет незамедлительно приведен в исполнение. После осмотра тюрьмы, пишет Темин, «мы проходим через двор, вернее тюремный сад, освещенный электричеством, к небольшому одноэтажному зданию...

Здесь сегодня должна состояться казнь.

Входим в здание. Прямо против двери — три виселицы, окрашенные в темно-зеленый цвет. Тринадцать ступеней ведут на эшафот. На чугунных блоках — новые, толстые манильские веревки, которые выдерживают груз более 200 килограммов. Основание эшафота высотой более двух метров закрыто брезентом. Под каждой виселицей — люк с двумя створками, которые открываются нажатием рычага. Казненный падает в отверстие на глубину два метра 65 сантиметров.

Виселиц три, но только две приготовлены для казни. Около них лежат черные колпаки, которые будут в последний момент накинуты на головы осужденным. Одна виселица запасная.

Правый угол здания отгорожен брезентом. Сюда будут сносить тела казненных. Закончив осмотр, возвращаемся в отведенные нам комнаты в здании Международного военного трибунала.

Время — 22 часа.

...После объявления об утверждении приговора всем осужденным были надеты наручники...

В 0.55 всех нас, восемь журналистов, проводят к месту казни, и мы занимаем указанные нам места против эшафота на расстоянии примерно трех — четырех метров. Входят члены комиссии, медицинские эксперты, офицеры американской охраны. От каждой из союзных стран: СССР, США, Англии и Франции присутствуют по пять человек. Сюда входят: генерал, врач, переводчик и два корреспондента (от СССР: корреспондент ТАСС Б. Афанасьев и от «Правды» — я). Все остальные занимают специально отведенные для них места слева от эшафота. У виселиц на эшафоте занимают место два американских солдата: переводчик и палач.

В 1.11 16 октября первым вводят под руки Иоахима фон Риббентропа. Он бледен, пошатывается, секунду-две стоит с полужатыми глазами, как бы в состоянии полной прострации. С него снимают наручники и связывают руки за спиной.

...В 1.37 вводят Кальтенбруннера. Этот изверг был правой рукой Гимmlера. У него бегающие глаза и огромные руки душителя...

Кальтенбруннер бросает умоляющий взгляд на пастора. Тот читает молитву. Кальтенбруннер блуждающим взглядом смотрит вокруг. Но бесстрашный палач накидывает ему на голову черный колпак...

Все мы, 25 человек, присутствовавшие при казни, люди разных

рангов, возраста, национальностей, взглядов, думаем в эти минуты одинаково: виновников военных преступлений нужно наказывать сурово и беспощадно, наказывать и впредь»¹.

СТРАННОЕ СПАСЕНИЕ ШЕЛЛЕНБЕРГА

К сожалению, судьбу эсэсовских палачей в дальнейшем не определяли люди, участвовавшие в Нюрнбергском процессе, а также граждане разных национальностей, пережившие ужасы нацизма. Не определяли ее и славные воины, сражавшиеся с гитлеровской Германией, а также немецкие антифашисты. Почти все преступники бежали на Запад. Таким образом, слово было за западными политиками. А западные политики в большинстве своем отнюдь не считали, что нацистских злодеев надо наказывать «сурово и беспощадно».

Напрасно обвинители от союзных держав в Нюрнберге много раз заявляли, что 24 главных военных преступника, представшие перед Международным трибуналом, никак не могли своими руками уничтожить десятки миллионов мирных граждан. Напрасно прогрессивная общественность требовала возмездия, ссылаясь на «Декларацию об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства»², подписанную США, СССР и Великобританией, на «Декларацию», где черным по белому было сказано:

«Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз получили из различных источников свидетельства о зверствах, убийствах и хладнокровных массовых казнях, которые совершаются гитлеровскими вооруженными силами во многих странах, захваченных ими...»

И далее:

«В момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Списки будут составлены со всеми возможными подробностями, полученными от всех этих стран, в особенности в отношении оккупированных частей Советского Союза, Польши и Чехословакии, Югославии и Греции, включая Крит и другие

¹ Новое время, 1966, № 42, с. 28, 29, 30.

² «Декларация» была опубликована после конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, проходившей в Москве с 19 по 30 октября 1943 г.

острова. Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии».

Тем не менее историки из разных стран согласны в том, что большинству эсэсовских палачей, несмотря на тяжесть совершенных ими преступлений, удалось уйти от возмездия.

Западногерманский публицист Хёне пишет:

«Очень немногие фюреры СС последовали примеру магистра своего «ордена» (Гиммлера. — *Авт.*) и покончили с собой. Убийца евреев Глобокник принял яд, эсэсовский врач Гравиц взорвал себя и свою семью двумя гранатами, Конти отравился в Нюрнбергской тюрьме, Фридрих Вильгельм Крюге наложил на себя руки на Востоке, другой эсэсовец — Прюцман покончил с собой вблизи от лагеря, куда попал Гиммлер. Военные трибуналы союзников и европейские суды занялись делами главных сподручных Гиммлера. Некоторые фюреры СС были казнены: комендант Освенцима Хёсс; Фридрих Йекельн и Раутер; начальники из главного управления — Кальтенбруннер, Поль и Далюге; командиры эйнзац-групп Олендорф и Науман; почетные фюреры СС Грейзер, Форстер и Зейсс-Инкварт (казнен, как и Кальтенбруннер, в Нюрнберге. — *Авт.*). Однако большинство фюреров СС на удивление дешево отделались (курсив наш. — *Авт.*). Из 30 высших фюреров СС и полиции благополучно здравствуют 16, из 12 начальников ведомств — восемь; из шести начальников управлений РСХА — три; из восьми командиров эйнзацгрупп, брошенных в Россию, — три. Большинство были приговорены к тюрьме, но потом помилованы и отпущены на свободу. Некоторые из самых мрачных фигур эсэсовского ада сумели сбежать, прежде всего Эйхман, который, однако, был приговорен к смертной казни в Иерусалиме (в 1962 г. казнен. — *Авт.*). Но многие из главных помощников Гиммлера так и исчезли: Алоис Бруннер, Даннекер, Рётке (равно как и Мюллер — шеф гестапо) и инспектор всех концлагерей Глюкс».

Вскоре после Трибунала в Нюрнберге в американской зоне оккупации прошло 12 процессов по делу о военных преступниках меньшего калибра, в том числе процесс над убийцами из эйнзац-групп. Главный обвиняемый — Олендорф. Процесс над врачами-убийцами и процесс над эсэсовцами-«хозяйственниками» во главе с Полем.

В британской оккупационной зоне тоже прошло несколько процессов, в том числе над комендантом концлагеря Берген-Бельзен Крамером и его подручными.

«Но когда первое возмущение военными преступниками произошло, — пишет английский историк Рожер Мэнвел в книге «Царство гестапо», — наказания постепенно стали куда более мягкими. эсэсовцы, приговоренные к большим тюремным срокам, были либо помилованы, либо досрочно освобождены. Немцы (в ФРГ. —

Авт.) в 1949 г. отменили смертную казнь, и им надоело (!) возбуждать новые дела, если речь шла не о каких-то особенных садистах и убийцах... Многие из прежних военных преступников скоро опять стали свободными, часть из них превратилась в состоятельных и уважаемых граждан». И ниже: «...тысячекратные убийцы сороковых годов стали почетными бюргерами пятидесятых...»

Каждая строчка из книги Мэнвела буквально вопиет. Боннским судьям «надоело» возбуждать новые дела... Убийцы превращались в богатых и почетных граждан... преступники освобождались по актам о помиловании.

Добавим к этому, что единичные процессы 60—80-х годов в ФРГ нельзя рассматривать иначе как судебные фарсы. Мы имеем в виду процесс в Мюнхене (1962 г.) над главой полиции безопасности («зипо») и СД в Нидерландах, штандартенфюрером Харстерхом и над его «референтом по еврейскому вопросу» Цепфером. Процесс 1963—1965 гг. во Франкфурте-на-Майне над Францем Лукачом, Капезиусом, Мулкем и другими палачами из Освенцима, обвинявшимися в соучастии в убийстве сотен тысяч людей. Наконец, процесс 1979—1980 гг. в Кёльне над Лишкой, Хагеном и Гейнрихзоном, замучившими десятки тысяч «неарийцев» из всех стран Западной Европы.

Журналист из ГДР Рудольф Хирш, который рассказал об этих двух последних процессах в книге «Вокруг окончательного решения», отмечал и необычайно мягкие приговоры преступникам, и тот факт, что все они к тому времени занимали хорошее положение в западногерманском обществе.

Один из них, а именно Гейнрихзон, даже сев на скамью подсудимых, продолжал быть бургомистром в своем городе.

Советский историк Ф. Новик опубликовала чрезвычайно выразительные данные. За океан было переправлено в первые же послевоенные годы 5 тыс. нацистских преступников, в том числе один из изобретателей душегубок — Вальтер Рауф, палач Лиона — Барби, Менгеле и сотни других злодеев.

В ФРГ до 1 января 1964 г., когда там официально закончилась денацификация, было привлечено к ответственности 12 457 военных преступников, осуждено (до 1 января 1972 г.) 6329 человек, причем им были вынесены на редкость мягкие приговоры, а иногда они и вовсе отделывались смехотворно низкими штрафами¹. Для сравнения Ф. Новик приводит данные о деятельности юстиции в ГДР (до конца 1967 г.). В ГДР привлекли к ответственности 16 583 лица и осудили 12 818 нацистских преступников².

¹ По новейшим данным, до января 1980 г. западногерманские суды рассмотрели всего 86 498 дел по обвинению в военных преступлениях. К тюремному заключению они приговорили 6446 обвиняемых (Известия, 1986, 8 января).

² См.: Новик Ф. И. Неонацизм в ФРГ: подъемы и поражения. 1949—1974 гг. М., 1976, с. 17.

Но быть может, юстиция в странах Западной Европы, где, согласно приведенной выше «Декларации», следовало судить нацистских палачей, оказалась более справедливой и твердой?

К сожалению, это было не так.

Карл Оберг, возглавлявший террористический аппарат гитлеровцев во Франции, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции, с подложными документами скрывался до конца июля 1945 г. в Тироле. Его арестовала американская военная полиция и 7 августа передала французским властям по их требованию. Ближайший помощник Оберга Гельмут Кнохен прятался 7 месяцев в Гёттингене, но и он был арестован. Выступал в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе. В 1946 г. его также передали французскому правосудию. Французские юристы собрали огромное количество документов, обличающих этих преступников. Обвинительное заключение по делу Оберга — Кнохена заняло 250 страниц. Но неведомые силы помешали военному суду провести процесс в срок. В конце концов Оберг и Кнохен были приговорены к смертной казни. Оба злодея выслушали приговор с наглой усмешкой. Они знали, что уже заготовлен акт об их помиловании, который французские власти не решались обнародовать. Лишь тогда, когда страсти немного стихли, в апреле 1958 г. смертная казнь была заменена им пожизненным заключением. 31 декабря 1959 г. пожизненное заключение заменили на 20 лет тюрьмы с зачетом уже отбытого срока. Однако из непонятных побуждений французские власти освободили преступников не в 1970-м, а уже в 1962 г.

28 ноября 1962 г. Оберг и Кнохен были переданы немецким властям. Кнохен благополучно вернулся к своей семье в Шлезвиг-Гольштейнию. Оберга ждал суд за участие всего-навсего (на остальные преступления он сразу получил индульгенцию) в так называемой «ночи длинных ножей» — в резне 30 июня 1934 г. Но матерый эсэсовец и в этом случае мог не беспокоиться. Ведь он знал, что генерал Зепп Дитрих, любимец Гимmlера, и Михаэль Липперт, комендант Дахау, которые собственноручно убили главу СА Эрнста Рема в его камере, словом главные «герои» «ночи длинных ножей», отделались всего лишь 18 месяцами тюрьмы.

Однако самым, мы бы сказали, сенсационным примером спасения от возмездия стал Вальтер Шелленберг — начальник VI управления РСХА.

В книге «Мафия СС» Виктора Александрова¹ говорится: кое-кто поплатился за свои преступления: Кальтенбруннера повесили в Нюрнберге; Эйхман понес наказание в Иерусалиме; «Шел-

¹ Виктор Александров — француз русского происхождения. Какое-то время сотрудничал с фашистом Отто Штрассером и издал вместе с ним книгу под названием «Черный фронт» против Гитлера.

ленберг умер от рака в английской тюрьме, написав мемуары, обличающие его и его сообщников...»

Утверждение о смерти Шелленберга в тюрьме звучит весьма странно в устах публициста, повествующего о судьбе нацистских палачей в послевоенном мире.

Вальтер Шелленберг умер от рака, но не в английской тюрьме, а в итальянском пансионе на Лаго Маджоре. И мемуары, которые он написал, вернее, которые опытные западные журналисты составили из бесед с ним и разрозненных записей то на гостиничных бланках, то на ресторанных меню, не столько обличают его и его сообщников, сколько призваны обелить, оправдать их.

Тут уж нет никаких сомнений. «Произведение» Шелленберга вышло и на английском и на немецком языках, его широко цитируют. Как-никак Шелленберг видел адскую кухню нацистских карателей внутри, будучи одним из приближенных Гимmlера, и притом до самого конца.

Шелленберг не скрывался, как Барби, не делал себе пластической операции и не менял фамилию, как Эйхман. Он жил у всех на виду в респектабельном пансионе-клинике, его пользовали хорошие врачи. Умер шеф СД-заграница в 1952 г., то есть через семь лет после окончания войны.

Его послевоенная судьба поистине удивительна. Сразу же после краха нацистской Германии этот супершпион и суперкаратель был опознан и посажен в тюрьму. Некоторое время он пребывал в одной камере с Герингом в Нюрнберге. Выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе. Казалось, подошла и его очередь. Но вдруг появляется «акт о помиловании», сочиненный американцами, и Шелленберга отпустили на все четыре стороны. Основная — операция. Бывший начальник VI отдела едет в Швейцарию. Однако швейцарская полиция не соглашается на длительное пребывание этой одиозной личности в стране. Шелленберг перебирается в Италию, где он спокойно лечится. Его даже посещают журналисты. Вот что рассказывает о последних годах Шелленберга Клаус Харпрехт, допущенный ко «двору» этого нациста и написавший предисловие к его «Запискам». «Он (Шелленберг. — Авт.) не проявлял особой бережливости и не ограничивал себя ни в чем в этом «феодальном» пансионе-клинике... Оставалось неясным, из каких финансовых источников он черпал средства. Чувство такта (!) не позволяло его об этом спрашивать. Но он сам считал себя обязанным говорить, хотя и намеками, о своих денежных делах. Объяснения его звучали большей частью фантастически... Когда кошелек Шелленберга тощал, он отправлялся недалеко — в Милан. Видимо, ему трудно было хранить полное молчание насчет этих поездок. Он отделялся невнятными фразами либо разговорами вокруг да около, намекая на встречи с очень важными особа-

ми, которые тесно связаны с Ватиканом, с Испанией (тогда франкистской. — Авт.) или с крупным капиталом».

Обо всем этом Клаус Харпрехт повествует как бы с сардонической улыбкой: дескать, кому нужен был бывший начальник из объявленного преступным РСХА (главного имперского управления безопасности) — карательного органа поверженного фашистского режима? Тем более что соперник Шелленберга генерал Рейнхард Гелен, начальник ведомства «Иностранные армии. Восток», передал свои шпионские кадры Западу и процветал на ниве борьбы с коммунизмом, то бишь с Советским Союзом. «Свой аппарат он (Гелен. — Авт.) вновь возродил под эгидой американцев, еще сидя за решеткой», — пишет Харпрехт. В общем, Гелен обошел Шелленберга по всем статьям. И тут нет смысла спорить с Харпрехтом. Однако «просперити» Гелена отнюдь не исключало необходимости в Шелленберге. Не следует думать, что добрые американские дядюшки отпустили столь крупную щуку, как Шелленберг, из английской тюрьмы в «плюшевый уют» пансиона в Италии просто так. Им конечно же были нужны его связи с эсэсовской мафией.

«КРЫСИНЫЕ ТРОПЫ»

Теперь остается выяснить, как и с чьей помощью тысячи эсэсовских преступников ушли от возмездия?

Именно в дни и месяцы агонии и хаоса, весны 1945 г. в обстановке всеобщего апокалипсического ужаса и террора молодчики Гимmlера в черных мундирах искали пути к спасению, баснословно обогащались, придумывали хитроумные способы для бегства от ответственности. И преуспели в этом.

Комендант Освенцима Хёсс, один из самых страшных палачей-исполнителей, перед тем как его отправили на виселицу по приговору польского суда, написал в камере нечто вроде мемуаров, изданных в ФРГ в 1963 г. под названием «Автобиографические записи Рудольфа Хёсса». Эти записи потрясают тем бюрократически-казенным, бесстрастным тоном, каким Хёсс повествует о чудовищных злодеяниях, совершенных в Освенциме: о технических «новинках» для одновременной казни тысяч ни в чем не повинных людей, о массовом сожжении людей в крематориях и т. п. Таким же тоном сообщает Хёсс и об уничтожении улик, так сказать, «на потоке», в «индустриальном» порядке, которое в широких масштабах началось непосредственно после поражения гитлеровцев в Сталинграде.

«Летом 1942 г. группы складывали в общие могилы, — пишет Хёсс. — Только в конце лета мы начали сожжение, сперва на поленищах дров — примерно по 2 тыс. трупов, потом во рвах, где

сжигали выкопанные трупы, захороненные ранее. Трупы предварительно обливали нефтепродуктами, позднее — метаном. Во врах сожжение происходило безостановочно, то есть днем и ночью. В конце ноября 1942 г. все места массового захоронения были очищены. Число трупов, захороненных там, достигало 107 тыс...

Рейхсфюрер СС во время своего визита летом 1942 г. во всех подробностях ознакомился с общей процедурой уничтожения, начиная с разгрузки и кончая очищением бункера П (газовой камеры. — *Авт.*). В этот период еще не сжигали. Он не заметил никаких непорядков. Через короткий промежуток времени после визита рейхсфюрера прибыл штандартенфюрер Блобель из отдела Эйхмана и сообщил приказ РФСС (рейхсфюрера СС. — *Авт.*), согласно которому все места массового захоронения следует очистить, а трупы — сжечь. Пепел рекомендовалось убрать таким образом, чтобы в дальнейшем нельзя было установить число сожженных. Блобель уже проводил в Кульмхофе¹ эксперименты по различным способам сожжения. Он получил задание от Эйхмана показать мне свои установки (печи. — *Авт.*).

Я поехал... в Кульмхоф для осмотра. Блобель построил различные печи и сжигал в них с помощью дров и бензина. Он пробовал также уничтожать трупы путем взрывов, но это не давало должного эффекта. Пепел разбрасывали в большом лесном массиве, предварительно пропустив кости через костомолку, превращавшую их в костяную муку. Штандартенфюрер Блобель получил задание разыскать все места массового захоронения на Востоке и ликвидировать их. Его рабочий штаб в целях маскировки носил название «1005». Всю работу выполняли еврейские команды, которые через определенные промежутки времени расстреливались».

Уже первые сожжения на свежем воздухе показали, что это несовершенный метод. При плохой погоде или сильном ветре запах горелого распространялся на многие километры и приводил к тому, что окрестное население начинало говорить о сожжениях... И это несмотря на контрпропаганду НСДАП и органов управления. Эсэсовцы, принимавшие участие в акциях по ликвидации, особо строго предупреждались, что им необходимо хранить в секрете все происходящее. Однако вскоре выяснилось, что участники акций не всегда молчат. Даже строгие наказания не закрыли рот болтунам.

Далее: «Пункты ПВО заявляли протест против видного ночью свержу на больших территориях огня. Однако по ночам следовало жечь и впредь, дабы не задерживать прибытие очередных транспортов. Вышеуказанные причины привели к ускоренному строи-

¹ Польский город Хелмно, в 75 километрах от Лодзи, где начиная с 1941 г. в подземельях старого замка производились массовые казни.

тельству двух огромных крематориев, а в 1943 г. — к строительству еще двух, менее крупных. Задуманный позднее крематорий, значительно превосходящий все прежние, находился в стадии строительства, но не был закончен».

Известно, что и в лагере смерти Треблинке в первое время экскаваторы рыли огромные рвы, где проходило захоронение трупов после каждой очередной акции. Однако в 1943 г. лагерь посетил Гиммлер и приказал рвы раскопать, а трупы сжечь, не прекращая процесс уничтожения депортированных. В Треблинку приехал Блобель и начал строить там гигантские печи-костры¹.

Все вышеописанное происходило не только в Освенциме и Треблинке, но и в других лагерях смерти.

Свидетели на Нюрнбергском процессе рассказывали также, что в последние год-два войны эсэсовцы вскрывали могилы и на местах массовых казней военнопленных и мирных жителей, а трупы сжигали. Очевидно, опять же соорудив огромные печи-костры.

Жгли, впрочем, не только трупы, но и документы. Все тот же Хёсс сообщает в своих «Автобиографических записях»:

«...После каждой крупной акции по приказу рейхсфюрера СС в Освенциме уничтожались документы, которые давали возможность установить число ликвидированных. Будучи начальником отдела Д I, я лично уничтожил все документы, которые вообще находились в моем распоряжении. Другие отделы поступали точно так же. Согласно высказываниям Эйхмана, и документы рейхсфюрера СС и РСХА были уничтожены...»

Одновременно с сожжением трупов проходила и подготовка к «очищению» концлагерей.

«Следует заранее подготовиться к тому, чтобы, если этого потребует положение на фронте, можно было полностью очистить лагерь от заключенных, — говорилось в письменном приказе, изданном начальником «зипо» и СД в «генерал-губернаторстве» (Польша. — *Авт.*). Если же события будут разворачиваться совершенно неожиданно и, таким образом, будет невозможно эвакуировать заключенных, то все заключенные должны быть умерщвлены и по возможности следует уничтожить их тела (сжигание, подрыв зданий и т. д.).»

...При всех обстоятельствах следует избегать того, чтобы заключенные или евреи были освобождены противником, безразлично, будь то враг с Запада или Красная Армия. Они не должны попасть в их руки живыми».

На последнем этапе войны Кальтенбруннер особенно рьяно до-

¹ Пепел сожженных особые команды в Треблинке разбрасывали по дорогам, превращая их в черные ленты, выходящие по зеленым лугам. В других концлагерях позже было предписано использовать пепел в качестве удобрения.

бывался, чтобы приказы по уничтожению узников неукоснительно выполнялись. При его аресте была найдена телеграмма, где говорилось: «Прошу сообщить рейхсфюреру СС и доложить фюреру о том, что я лично позаботился сегодня о проведении всех мероприятий против евреев, политических заключенных и заключенных концентрационных лагерей в протекторате» (в Чехословакии. — *Авт.*).

Однако в 1945 г. речь шла уже не только о сожжении трупов, но и об уничтожении самых главных улик — концлагерей и тюрем. Их надлежало сровнять с землей. А оставшихся узников утопить в открытом море или взорвать... Даже массовые сожжения трупов казались в ту пору Гиммлеру и его ближайшим помощникам «кустарной работой».

Приведем допрос последнего коменданта концлагеря Заксенхаузен эсэсовца Кайндля:

Прокурор. Обвиняемый Кайндль, получили ли вы приказ взорвать лагерь, чтобы устранить следы совершенных преступлений?

Кайндль. Так точно. 1 февраля 1945 г. у меня был разговор с начальником гестапо Мюллером. Он передал мне при этом приказ уничтожить лагерь с помощью артиллерийского обстрела, налета авиации или газовой атаки. Проведение этого приказа, который исходил от Гиммлера, было, однако, невозможно по техническим причинам.

Прокурор. Вы бы выполнили приказ, если это было бы возможно по техническим причинам?

Кайндль. Разумеется. Но сделать этого было нельзя. Артиллерийский обстрел или бомбежка насторожили бы окрестное население. А газовая атака была опасна не только для гражданского населения, но и для нашего же эсэсовского персонала.

Прокурор. Ну и что же вы предприняли?

Кайндль. Я побеседовал с Хейном (заместитель Кайндля. — *Авт.*) и с другими и отдал после этого приказ уничтожить всех больных, нетрудоспособных и прежде всего всех политических заключенных, которых надо было уничтожить.

Прокурор. И это было сделано?

Кайндль. Мы это начали. В ночь на 2 февраля расстреляли первых заключенных, их было человек сто пятьдесят. До конца марта удалось уничтожить около пяти тысяч.

Прокурор. Сколько заключенных осталось все же в лагере?

Кайндль. Тысяч сорок или сорок пять. 18 апреля я получил приказ погрузить их на баржи и перевезти по каналам Шпрее до Балтийского или Северного моря и там в открытом море утопить. Но это также оказалось невозможным, потому что добыть суда для такого числа заключенных нельзя было, для этого требовалось че-

рескур много времени, а Красная Армия продвигалась слишком быстро.

Прокурор. Ну а что произошло потом?

Кайндль. Я заставил заключенных идти пешком сперва по направлению к Виттштоку, позже к Любеку, чтобы там погрузить их на суда, как было приказано, и утопить.

Прокурор. Получали ли при этой эвакуации все заключенные питание?

Кайндль. Нет, шесть или семь тысяч не получали, а у меня не было продовольствия.

Прокурор. Заключенные умирали от голода и усталости во время этого похода?

Кайндль. Так точно».

Цирайс... последний комендант Маутхаузена, в своей предсмертной исповеди описал страшный конец, который Калтенбруннер предназначал для заключенных в концлагерях, «когда приближение наступавших союзных армий вызвало угрозу захвата этих лагерей...». Заключенные должны были быть «введены в туннели фабрики Бергкристалл, и оставленный единственный вход должен быть завален с помощью взрывчатых веществ». Таким образом заключенные должны были быть умерщвлены¹.

Даже Цирайс — убийца 65 тыс. заключенных Маутхаузена — испугался и отказался от выполнения этого приказа.

Большую работу по выяснению последних дней Освенцима провел французский писатель В. Познер. Из его книги «Нисхождение в ад»², посвященной истории концлагеря Освенцим, мы узнаем, что перед приходом советских войск эсэсовцы угнали заключенных из лагеря (естественно, по приказу свыше). Совершенно очевидно, что уничтожить сотни тысяч людей бесследно уже не представлялось возможным. Угон, «марш смерти», как окрестили эту акцию эсэсовцев сами узники, был, казалось бы, бессмысленным. На самом деле Гиммлер и К^о имели на это свой резон. Западным политикам нацистские палачи намеревались объяснить, что они «спасали» заключенных от «большевиков».

По данным английского ученого Рожера Мэнвела, за последние месяцы войны на «маршах смерти» погибло около четверти миллиона узников концлагерей.

Итак, Гиммлер и его присные сделали все возможное и невозможное, чтобы уничтожить следы своих злодеяний³.

¹ Нюрнбергский процесс, т. 7, с. 140.

² См.: Познер В. Нисхождение в ад. — Иностранная литература, 1985, № 2, с. 199—213.

³ Не всегда это удавалось. В концлагере Берген-Бельзен оказалось 10 тыс. несожженных трупов. В лагере «Дора» союзники обнаружили тысячи мертвых тел. «Перед бегством эсэсовцы заживо сжигали в штольнях «Дора-Миттльверке»

Осталась всего лишь одна небольшая деталь — избавиться от ненужных свидетелей из собственных рядов. Французский историк Э. Калик правильно отметил, что эсэсовцы всегда убирали свидетелей, особенно если те были их помощниками и лучшими друзьями. В Германии 1933—1945 гг. было опасно слишком много знать.

После поджога рейхстага незаметно ликвидировали непосредственных исполнителей этой акции — штурмовиков: кое-кого арестовали, обвинив в хулиганстве, и придушили в камере, кое-кому подстроили автомобильную катастрофу... После полета Гесса в Англию в 1941 г. уничтожили всех... астрологов, с которыми Гесс — фактически второй человек в государстве — был дружен, советовался...

Естественно, что накануне поражения крупные чиновники аппарата насилия также хотели уничтожить побольше свидетелей, своих же сообщников, хотя бы самых опасных.

Весь вопрос в том, кого следовало считать самыми опасными.

Оглядываясь назад, скажем без колебаний: самыми опасными нацисты считали руководителей спецслужб, которые раньше Гимmlера, Шелленберга, Вольфа вступили на путь сепаратных переговоров с западными державами. От них они хотели избавиться в первую очередь.

Накануне поражения эсэсовцы провели последнюю «чистку» своих рядов. Дело, начатое 30 июня 1934 г., когда руководство СС избавилось от штурмовиков, было продолжено весной 1945 г. Только причина резни стала иной: в 1934 г. эсэсовцы боролись за власть и устраняли соперников, а в 1945 г. они спасали собственную шкуру и избавлялись от ненужных свидетелей.

С заговорщиками, со всеми теми, кто участвовал в покушении на Гитлера 20 июля 1944 г., расправились с невероятной жестокостью. До сих пор эта жестокость поражает историков. Зачем было пытаться немолодых людей, которые ничего не скрывали? Были такими скверными конспираторами, что об их замыслах гестапо знало уже давно? ¹ Зачем было сажать в тюрьмы их жен, отбирать детей? Заковывать в кандалы генералов, послов, представителей

сотни узников», — писал советский публицист В. Овчинников, изучивший операцию по вывозу нацистских ракетчиков в США. «Мы нашли в лагере тысячу полумертвых людей и более пяти тысяч трупов, — вспоминал потом командир американской дивизии генерал Трумэн Будинот. — Они были сложены штабелями по углам цехов, валялись на соломе в бараках. Для захоронения погибших пришлось использовать саперный батальон и бульдозерами рыть братские могилы».

¹ Мэнвел в своей книге «Царство гестапо» пишет: «С гестапо до сих пор связана странная загадка: почему столь уважаемые противники Гитлера, такие известные личности, враги нацистов, как Карл Герделер, не были арестованы раньше?...» Герделер был «душою» заговора, одним из его руководителей, занимал пост обер-бургомистра Лейпцига.

самых аристократических семей Германии? Сажать на цепь? Зачем было вешать их на специальных крючьях, на которых вешали разве что мясные туши?

Историки объясняют это истерией Гитлера. Думается, что истерию Гитлера взвизгивали Гиммлер, Мюллер и другие полицейские фюреры. После раскрытия заговора прошла волна арестов. За решетку посадили 7 тыс. человек. И среди них — всех тех «прозападников», которые упредили верхушку нацистского аппарата террора, пытаясь договориться с американцами.

Канариса, шефа абвера, арестовывал сам Шелленберг. Оба разведчика считались приятелями. Канарис не удивился «визиту» Шелленберга. Даже сказал: «Почему-то я всегда думал, что это будете вы». «Двуликий адмирал» догадывался: он стоит на пути у Шелленберга, который вместе с Гиммлером начал зондировать почву на Западе. Догадывался, что Шелленберг хочет захватить его, Канариса, шпионскую сеть и презентовать ее англо-американской реакции. При аресте Шелленберг предложил Канарису покончить с собой. «Маленький адмирал» отказался. Канариса пытал один из самых страшных нацистских палачей — Хупенкотен. В концлагерь Флоссенбюрг, где его допрашивали, приезжал Кальтенбруннер. Канариса заковали в тяжелые кандалы, избивали, перебили ему нос. Его гнали на плаху голого. И повесили 8 апреля 1945 г., то есть тогда, когда самому тупому эсэсовцу было ясно, что войну нацисты проиграли. Повесили, хотя он верой и правдой служил тем же хозяевам Германии — монополистам, которым служили и Гиммлер, и Хупенкотен, и Кальтенбруннер, и Мюллер, и Шелленберг.

Утверждаем: чтобы Шелленберг умер на Лаго Маджоре, надо было повесить Канариса во Флоссенбюрге. Иначе судили бы Шелленберга, а Канариса, главу абвера, профессионального шпиона, антикоммуниста и антисоветчика¹, на Западе объявили бы героем при жизни. (Посмертно на Западе его глорифицировали, сочли чуть ли не святым. Правда, Хёне сейчас успешно опроверг легенду о Канарисе-антифашисте.)

...Выше мы писали, что за 11 суток всемогущий рейхсфюрер СС Гиммлер превратился в ничто, в нуль. Но зато 11 суток, казалось бы безнадежных, он не падал духом. Западногерманский исследователь Хёне не прав: Гиммлер не хотел «бежать из истории». И тем более не хотел бежать из жизни. Как раз наоборот: был полон оптимизма и надежд. На этот счет у нас имеются свидетельства двух совершенно разных лиц: Альберта Шпеера, министра во-

¹ В 1918 г. Канарис приложил руку к убийству Карла Либкнехта и Розы Люксембург. В годы фашизма, ведя подрывную работу в Западной Европе, он еще до начала войны занялся налаживанием связей с секретными службами Запада.

оружения, и все того же Хёсса, который уничтожил не менее двух с половиной миллионов мужчин, женщин и детей...

Оба они, явно не сговариваясь, пишут одно и то же. В последние дни во Фленсбурге, где находилось «правительство» Деница, Гиммлер был неизменно весел, оптимистичен. Шпеер объясняет это тем, что Гиммлер считал: Западной Европе нужны суперполицейские, а лучшего суперполицейского, борца с «коммунистической крамолой», чем он, Гиммлер, будущие правители не найдут.

Хёсс даже не пытался понять, чем вызвано лучезарное настроение рейхсфюрера СС. С некоторым недоумением он писал:

«Мы (Хёсс и еще два эсэсовца высокого ранга. — *Авт.*) прибыли для последнего рапорта во Фленсбург, куда отправился РФСС (рейхсфюрер СС. — *Авт.*); о боях не могло быть и речи, спасайся, кто может, — таков был девиз всех. Последний рапорт и прощание с рейхсфюрером СС я никогда не забуду. Он сиял и был в прекрасном настроении, и это в то время, когда мир, наш мир рухнул. Если бы он сказал: «Ну вот, господа, теперь настал конец, вы знаете, что вам надо делать», то я бы понял; его слова соответствовали бы тому, что он всегда проповедовал СС: надо жертвовать собой ради идеи. Но последний его приказ гласил: затеряйтесь среди солдат вермахта!..»

Несколько раньше Хёсс сообщил, что, по словам Гебхардта, «Гиммлер намеревался жить под чужим именем в Швейцарии».

И это после стольких убийств! После лагерей смерти, после уничтожения миллионов людей.

Однако, оглядываясь на события более чем сорокалетней давности, мы должны признать: для эйфории Гиммлера были некоторые основания. Влиятельные круги на Западе вели сепаратные переговоры с палачами. По утверждению Э. Калика, СД еще в 1940 г. хотел заключить мир с Англией. Французский историк не исключает и того, что полет Гесса в Англию был подготовлен Гейдрихом.

Достоверно, что Шелленберг с ведома Гиммлера зондировал почву насчет сговора с англо-американскими союзниками; 9 ноября 1944 г. он вел переговоры с представителями США в Стокгольме. Большую активность в этом отношении развил и Феликс Керстен, лейб-медик, массажист и фактотум Гиммлера. Керстен был не то финном, не то шведом (в его темной биографии все «темно»). Неслыханно обогащаясь за счет СС (Керстен брал взятки с заключенных), он не терял при этом связи с нейтральной Швецией, кишевшей разведчиками. Кроме того, поисками контактов с англо-американцами был занят Карл Вольф — начальник штаба Гиммлера. В последние месяцы Гиммлер вошел с помощью Шелленберга в прямой контакт с графом Бернадоттом, председателем Красного Креста. С ним он вел переговоры. Одновременно Вольф через Стокгольм связался с англо-американским командованием

в Италии. Совершенно очевидно, что спецслужбы нацистского рейха вели дела и со спецслужбами США, лично с Даллесом.

Правда, в последние месяцы войны почти все главари коричневого рейха заигрывали с Западом: в марте 1945 г. Риббентроп зондировал почву в Стокгольме; в апреле Йодль предлагал перебросить части германских войск с Западного фронта на советско-германский фронт, если США и Англия заключат сепаратный мир с Германией. Даже Геббельсу, как теперь выясняется, гитлеровский министр финансов Шверин фон Крозиг¹ советовал установить контакты с англо-американским командованием. Но не надо забывать, что у Гимmlера благодаря аппарату Шелленберга, который к тому же еще завладел военной разведкой (абвером), были куда большие возможности для налаживания нужных связей.

Какие именно заверения от Запада он получил, мы не знаем. Кроме того, рейхсфюрер СС и его подручные обладали несметными богатствами...

* * *

Здесь нам хотелось бы обратить внимание читателя на следующее: многие послевоенные процессы над нацистскими преступниками, окончившиеся фактически ничем, спасение тысяч палачей, их процветание в ФРГ, и не только в ФРГ, можно объяснить лишь активностью спецслужб в последние годы и месяцы перед поражением нацизма...

Улики уничтожить не удалось... Документы, трупы, свидетели обличали преступников из мафии СС. Казалось бы, аппарат Гимmlера обречен. И суровая кара постигнет всех тех, кто, по словам главного обвинителя от Великобритании на Нюрнбергском процессе Х. Шоукросса, совершили «убийство не одного, а по самым скромным подсчетам, 12 млн мужчин, женщин и детей, не в бою, не в порыве страстей, а в результате холодного, расчетливого и преднамеренного стремления уничтожить народы и расы, сломать традиции, учреждения и прекратить самое существование свободных и древних государств».

И эти изуверы, посягнувшие на целые этнические группы и «расы», на священные учреждения и установления, истребившие миллионы советских граждан, поставившие своей целью поработить, превратить в илотов великий советский народ, — эти негодяи воспользовались корыстью одних, звериным антикоммунизмом других...

Да, план спасения от возмездия в случае поражения был разработан спецслужбами Гимmlера загодя. А реализовывался в последние месяцы перед катастрофой и в первые месяцы оккупации.

¹ В «правительстве» Деница он стал министром иностранных дел.

На развалинах нацистской Германии появился еще невиданный в истории «черный рынок».

«Черные рынки», как известно, бывают всякие: от рынка, где нищая старуха меняет старое одеяло на четверть фунта подмоченного сахарного песка, до валютных «черных рынков», где оперируют огромными суммами, наркотиками, рабами.

На «черном рынке» в 1945 г. эсэсовцы торговали оптом и в розницу антикоммунистической литературой, секретной агентурой, фальшивыми документами, кадрами для будущих подрывных организаций. На этом рынке заключались сделки на тайные явки для палачей, устанавливались маршруты «крысиных троп» и расположение «крысиных нор», где можно было бы перевести дух, отсидеться... Высокие чины путем пластических операций приобретали «новые лица» и покупали за фальшивые купюры фальшивые же документы. Реакционные режимы на Ближнем Востоке и в Южной Америке обзаводились сверхопытными «экспертами», а вместе с ними и крупными суммами. Спецслужбы Запада пополнялись новыми сотрудниками и агентами и продавали самый дефицитный товар того времени — индальгенции (отпущения грехов). Преступления отдельных душегубов списывались на этом рынке одним росчерком пера.

Да, совершенно очевидно, что эсэсовцы начали готовиться к послевоенной купле-продаже заблаговременно. Многие нам неизвестно, но кое-что стало достоянием гласности...

С августа 1943 г. за колючей проволокой концлагеря Заксенхаузен в специальных бараках 18—19, в свою очередь окруженных колючей проволокой, день и ночь стучали типографские машины, печатавшие фальшивые фунты стерлингов, доллары, рубли, кроны... Но главным образом — фунты стерлингов. Шелленберг писал в своих «Записках», что эти ассигнации получались у его «команды» лучше всего: опытные специалисты из швейцарских банков не могли отличить их от настоящих. Фунтов стерлингов скопилось у СС так много, что их собирались сбросить в Англии с самолетов, дабы дезорганизовать денежное обращение страны. На вопрос, почему не сбросили, Шелленберг отвечает явной ложью: не хватило-де самолетов. Можно ручаться, что не потому.

Операция «Бернгард» — таково было кодовое название операции «фальшивые деньги» (нацистские бюрократы не могли обойтись без «игры» в конспирацию!) — с самого начала была задумана с дальним прицелом. И разбрасывать свои запасы с самолетов эсэсовцам было вовсе не с руки.

Мы уже писали, что Гиммлер, по словам Гитлера, мечтал стать самым крупным предпринимателем в мире. Самым крупным предпринимателем он не стал, зато, безусловно, стал самым крупным фальшивомонетчиком.

Два с лишним года шло «производство» фальшивых купюр. Во главе «концерна» стоял сам рейхсфюрер СС Гиммлер. Он отдавал приказы Кальтенбруннеру. Кальтенбруннер — Шелленбергу. Шелленбергу непосредственно подчинялись все руководители работ и эсэсовцы-охранники, отвечавшие за сохранение тайны изготовления и за ликвидацию узников, которые печатали фальшивые деньги.

Технической стороной ведали штурмбанфюрер Дёрнер (он был начальником группы «технические вспомогательные средства» в СД) и его подчиненный штурмбанфюрер Бернгард Крюгер (отсюда и название акции — «Бернгард»). По специальности инженер, он доставал станки (из типографии «Ульштайн»), особую бумагу (от фирмы «Ханемюле» в Касселе), краски (от берлинских фирм «Шмидт» и «Эйгер»). Узниками распоряжался матерый эсэсовец, оберштурмбанфюрер, начальник группы VI (саботаж) в РСХА, глава школы разведчиков во Фриденале около Заксенхаузена Отто Скорцени (он провел знаменитую операцию по спасению Муссолини). Скорцени была придана команда охранников-мучителей, которые терзали узников из блоков 18 и 19: граверов, художников, линотипистов, наборщиков.

Публицист из ГДР Юлиус Мадер шел по следам операции «Бернгард», в частности собрал показания бывших узников Заксенхаузена, связанных с этой операцией:

«В 1942 г. меня, как участника Сопротивления, арестовали.— говорит голландец Абрахам Якобсон.— Я был приговорен к смерти. Однако благодаря вмешательству Красного Креста этот приговор заменили пожизненным заключением в концлагере. Впрочем, и это означало верную смерть».

В таком же положении находились и немецкий антифашист Курт Левински, и чех Оскар Скала, и чешский карикатурист Лео Хаас — будущие «фальшивомонетчики».

Нечего и говорить, что всех их надлежало уничтожить. «С узниками говорили откровенно.— показал Альфред Бургер, лагерный номер 64401.— ибо считалось решенным делом, что они никогда не выйдут на свободу. Тайна изготовления фальшивых денег сохранялась столь строго, что даже комендант концлагеря не должен был знать происходящего в бараках 18—19».

Не кто иной, как Крюгер, обязан был ликвидировать участников операции «Бернгард», когда подойдут войска противника. Но высших чинов СС обуяла жадность. Они таскали узников-«фальшивомонетчиков» по всей Германии, чтобы те печатали еще и еще. Однажды в лагерь (это уже было не в Заксенхаузене, а в концлагере на границе с Чехословакией) на машине «альфа ромео» влетел штурмбанфюрер Крюгер. Задыхаясь от спешки, он передал личный приказ Гиммлера уничтожить все следы операции.

Документацию, фальшивые деньги и бумагу для банкнот сжечь, матрицы и все типографские принадлежности потопить в находящемся недалеко озере Топлицзее. Всех 140 заключенных, причастных к операции «Бернгард», отправить в концлагерь Эбензее и убить...» (выдержка из сообщения американского майора Георга Макнелла). Но было уже поздно.

Когда Крюгер умчался дальше на своем «альфа ромео», остальные эсэсовцы разбежались кто куда, так и не выполнив приказа до конца, то есть не успев расправиться с заключенными.

Однако нас интересует другое: куда делось «бандитское сокровище»?

На этот вопрос можно ответить сейчас однозначно: его использовали (и используют) нацистские преступники, в первую голову преступники из шайки Гимmlера.

28 октября 1963 г. в газете «Правда» было опубликовано следующее: «...нацистский аппарат незадолго до капитуляции гитлеровской Германии депонировал в банках нейтральных стран, в первую очередь швейцарских, ценности, по некоторым подсчетам, на сумму свыше пяти миллиардов долларов! Вкладчики — «доверенные» гитлеровской службы безопасности — нашли надежное убежище во многих странах так называемого «свободного мира» по обе стороны Атлантики. Досье же, дающее ключ к секретным вкладам фашизма в швейцарских банках, — то есть списки подставных лиц — было отправлено эсэсовцами на дно Топлицзее...»

Итак, фальшивые миллиарды пошли: на спасение преступников и на их безбедную жизнь в послевоенном мире.

К этому надо добавить, что эсэсовцы в последние годы войны неслыханно обогатились и за счет депортированных «неарийцев», задушенных в газовых камерах. Угон мирных граждан из Западной Европы, который преподносился эсэсовцами как переселение их на новые земли, был великим обманом и вызван, в частности, тем, что угоняемые люди везли с собой все свои ценности. А уж в лагерях смерти у них отнимали не только жизнь, но и часы, кольца, серьги, деньги, выламывали золотые коронки. Цитированный выше комендант Освенцима Хёсс писал со свойственной ему палаческой логикой, что это золото погубило эсэсовцев, «стало для них роковым». Виноватыми оказались не палачи, убивавшие ни в чем не повинных людей, а эти люди, обкрадываемые на пороге смерти и после смерти.

Разумеется, украденные драгоценности на первых порах следовало припрятать. Ни один бандит не понесет ценные вещи на продажу сразу после кражи, и тем более этого не делали эсэсовцы... Картины, антиквариат, крупные драгоценности, захваченные людьми Гимmlера, расплозились по свету и лишь время от времени

неожиданно всплывают в самых различных городах и странах...

Для реализации этих сокровищ понадобились особые скупщики краденого, которые не брезгали тем, что краденое было полито кровью...

И тут мы переходим ко второй части плана, задуманного в недрах СС. Плана «спасения» преступников, служивших в гестапо, СД, управлениях концлагерей. Кроме денег, подлинных и фальшивых, нужны были соответствующие кадры как внутри страны, так и (главным образом) за ее пределами, на всех континентах. Такими кадрами стали разведчики СД, тайные агенты абвера и других шпионских служб нацистов, засланные «третьим рейхом» в разные страны. А также местные коллаборационисты, «пятая колонна», политики, запятнанные сотрудничеством с гитлеровцами, «идейные» фашисты, махровые реакционеры из высших эшелонов власти, люди, так или иначе нажившиеся в годы нацизма и оккупации за счет «аризированного» имущества, за счет конфискованных предприятий, ценностей и т. д. И наконец, просто уголовники, которых бюрократы Гимmlера всегда умели использовать в своих целях¹.

Вся эта нечисть сразу же была мобилизована для организации бегства и обеления палачей. Это они скрывали убийц и богохульников в итальянских монастырях, а потом сажали на пароходы и отправляли в Аргентину и Парагвай. Они придумывали штурмбанфюрерам новые имена, давали огромные суммы на «обзаведение» и взятки. Затыкали иногда деньгами, иногда пулей рот журналистам, которые нападали на след преступников. У них были сотни всяких способов спрятать палача. И всех их объединял звериный, оголтелый антикоммунизм.

Еще сейчас, спустя 40 лет, чуткое ухо улавливает в речах некоторых западных деятелей хвастливые эсэсовские тирады, расистский бред Юлиуса Штрейхера, геополитические рассуждения Риббентропа, антиславянские «постулаты» Розенберга, гимmlеровские призывы расправиться с инакомыслящими.

Но это было позже. В 1945 г. главное для эсэсовцев заключалось в том, чтобы избежать гнева народов.

* * *

Конечно, многие сделки, совершенные на «черном рынке» нацистов, аннулировала история. Кое-кто из наиболее опасных прес-

¹ Эсэсовская агентура была снабжена подложными документами, которые печатали в тех же бараках 18—19. Не было таких липовых паспортов, свидетельств, пропусков, справок, метрик на разных языках с разными печатями, которые не изготовлялись бы «специалистами» из СД. Не говоря уже о том, что от жертв палачей в концлагерях оставались груды документов, на первых порах просто сжигаемых на кострах.

тупников не избежали петли. В социалистических странах суды были суровыми и справедливыми. И их прошло немало. Итоги второй мировой войны, итоги Нюрнбергского трибунала реакции не удалось перечеркнуть.

Даже сейчас, когда выросли новые поколения, не знавшие ужасов нацизма, преступников продолжают призывать к ответу. Более того, нынешняя молодежь хочет все знать, во всем разобраться сама.

Интерес к прошлому не мода, не подогреваемая кем-то сенсация. В нем заложено здоровое чувство справедливости. Нельзя забыть не только жертвы, но и палачей. И горе тому, кто покрывает их. Тому, кто пытается использовать старые методы и старых злодеев во имя каких-то новых «идей».

До сих пор у нас, в Советском Союзе, разыскивают пособников нацистов, карателей, и беспощадно судят их. До сих пор разгневанное человечество требует выдачи нацистских «врачей», эсэсовских фюреров, охранников из концлагерей. Когда проходят запоздалые процессы в ФРГ, вопреки воле властей на улицы выходят тысячи немцев, французов, бельгийцев с требованием покарать преступников. Иногда это уже внуки погибших или внуки тех миллионов сирот, которых обездолил нацизм...

Свободные народы рассуждают так: у каждого преступника своя мера вины. Далеко не все преступники понесли наказание, но почти все преступления удалось раскрыть, они получили огласку. И даже если не состоялось судебного решения, моральный приговор был вынесен каждому из них. И приговор этот стал предупреждением на будущее.

Заклучение

ИХ ЖЕРТВЫ БЫЛИ НЕ НАПРАСНЫ

Реакционные буржуазные ученые и публицисты немало сделали для фальсификации истории нацизма в Германии. Но, пожалуй, больше всего они стараются исказить отношения между властью и имущими в гитлеровском государстве и народом, представить эти отношения гармоничными, а немецкое общество тех лет единым и монолитным. Преуспел в этом и видный журналист из ФРГ Иоахим Фест — как в своей книге «Гитлер», так и в фильме, сделанном по этой книге. Кажется бы, и в напечатанном «кирпиче» Феста (в нем 1190 страниц), и в киноленте использованы одни лишь документы. Бесконечные парады, ликующие толпы, приветствующие своего фюрера. Именно такие «сюжеты» снимали фашистские документалисты. Таков был фасад гитлеровского рейха. Но судить по нему о том, что происходило внутри, нельзя. Как ни задавлены были люди, как ни ослеплена часть населения геббельсовской пропагандой — подспудно в Германии шла неухабная борьба за человеческое достоинство, за жизнь, против фашизма и войны.

Можно сказать так: цивилизованную страну в центре Европы окутал мрак. Но в этом мраке ни на один день не гасли огоньки Сопrotивления. И это в условиях чудовищного террора, развязанного нацистскими преступниками, о котором читатели этой книги уже достаточно знают.

Об истории Сопrotивления в самой Германии выпущено немало книг, статей и у нас в стране и на Западе, тем не менее каждый раз, соприкасаясь с этой темой, видишь, как много еще осталось неизвестным, недосказанным.

Антифашистская борьба велась в подполье, все тщательно скрывалось, не фиксировалось на бумаге. Иногда люди выступали под чужими фамилиями, знали только одного или двух товарищей, с которыми были связаны. Недаром свою книгу о Сопrotивлении в фашистской Германии известный немецкий писатель Гюнтер Вайзенборн назвал «Беззвучное восстание».

Широко известен подвиг Эрнста Тельмана, до последних дней своей жизни в фашистском застенке сражавшегося против нацизма и развязанной им войны. Вошли в историю и имена Иона Шера, Антона Зефкова и Роберта Урига, Арвида Харнака и Харро Шульце-Бойзена, Эдгара Андре, Бернгарда Бестляйна и Франца Якоба — стойких и мужественных борцов против фашизма. Поистине пламенных революционеров, пламенных защитников свободы, ведших организованную войну с фашизмом, героически погибших за свои убеждения...

Нельзя забыть и о тех простых людях, которые — каждый на своем месте, в меру своих сил — оказывали сопротивление бесчеловечной нацистской тирании.

Не будь их, многих тысяч простых людей, невозможно было бы скрываться подпольщикам-коммунистам, организовывать побег из концлагерей, передавать письма из тюрем, перебрасывать через границу видных деятелей Сопrotивления. Имена этих простых немцев, благородных и скромных, становятся известными лишь случайно. Ведь они — по понятным причинам — не стремились к рекламе.

Мы знаем мать, которая не пустила своего сына добровольцем в «элитные» части, сказав, что, если он нарушит традиции этой пролетарской семьи, она не разрешит ему никогда переступить порог своего дома... Знаем имена двух крестьянских парней, которые предпочли смерть, но не стали эсэсовцами. Знаем тюремного священника Пёльхау (его книга упоминалась выше), который оказывал помощь узникам тюрьмы Плётцензее, скрывал дезертиров и «неарийцев». Знаем по публицистической работе западногерманского драматурга Хоххута «Телль-38» — смелого адвоката, который вел долгую тяжбу с фашистским судом, приговорившим его подзащитного к смертной казни. Знаем и имена священников.

таких, как Россайнт¹, которые помогали своим прихожанам, преследуемым гестапо...

Узнали мы и о подвиге супружеской четы Отто и Эльзы Хампель, два года подряд распространявшей на свой страх и риск написанные от руки листовки. Супруги Хампель (оба они были рабочие), жившие в Берлине, не принадлежали ни к какой подпольной организации. Призывая к борьбе против фашизма и ежеминутно рискуя жизнью, они действовали исключительно по зову совести...

Но все, что мы знаем, — это лишь крупницы правды о безвестных героях...

Мы не знаем имен десятков, а может, сотен тысяч рабочих, которые тайком слушали Москву и подпольные антифашистские передатчики, тайком читали листовки, разбрасываемые подпольщиками, и рассказывали о них друг другу. Мы не знаем имен людей, которые не отвернулись от своих товарищей или соседей, преследуемых по политическим или «расовым» мотивам, — помогали им скрываться, делились с ними куском хлеба из своих жалких военных пайков... Мы не знаем людей, которые выпускали так и неразорвавшиеся бомбы и снаряды. Мы знаем только, что за саботаж в нацистской Германии приговаривали к смерти. Знаем, с какой яростью, с какой нечеловеческой злобой нацистский аппарат террора и пропаганды боролся с саботажем, прочесывая все крупные военные предприятия, подсылая туда шпионов и сыгладатаев. Призрак саботажа преследовал нацистов все 12 лет их господства, особенно в последние годы, после нападения на Советский Союз. Наконец, мы не знаем тех, кто, пусть перед самым концом войны, помогал выжить русским, польским, югославским, французским военнопленным и насильно угнанным мирным жителям, хотя понимал, что по доносу соседей его ждет жестокая кара за этот акт милосердия... Все люди на Земле давно поняли, что самыми смелыми, стойкими и принципиальными противниками Гитлера были коммунисты. Именно они, несмотря на аресты и преследования, создавали очаги сопротивления в разных городах Германии, на крупнейших предприятиях. На место казненного, брошенного в концлагерь приходил новый боец. ЦК Коммунистической партии Германии, находившийся за границей, не терял связи с подпольным движением, руководил им.

Вокруг коммунистов Германии сплывались самые самоотверженные и последовательные антифашисты: иногда это были рабочие социал-демократы, иногда члены разогнанных нацистами Свободных профсоюзов, иногда выходцы из других партий, иногда

¹ Капеллан Россайнт уже в 1937 г. был приговорен к 11 годам каторжных работ. Его подвигу была посвящена одна из листовок Компартии Германии.

беспартийные — крестьяне, интеллигенты. Именно немецкие коммунисты и люди, примкнувшие к ним, вынесли на своих плечах основную тяжесть антифашистского Сопротивления внутри страны.

7 февраля 1933 г., то есть через неделю после прихода Гитлера к власти, под Берлином состоялся пленум ЦК КППГ, на котором выступил Эрнст Тельман. Тельман понимал, что коммунистам пощады не будет. И что в условиях «открытой фашистской диктатуры» надо проводить «железный курс на сохранение партии и продолжение ее деятельности вопреки всем ударам фашистского террора». Сейчас это кажется само собой разумеющимся. Но не следует забывать, что буржуазные партии в нацистской Германии вскоре «самораспустились». И что очень многие видные политики, настроенные против Гитлера как в самой Германии, так и за рубежом, тешили себя надеждой на то, что фашистский режим либо либерализуется, либо рухнет сам по себе.

Словом, они рассуждали так: «Этого не будет потому, что этого не должно быть»...

В конце февраля 1933 г. в Открытом письме Тельман призвал всех социал-демократов и рабочих-христиан Германии, членов Свободных профсоюзов и «Рейхсбаннера» к совместной борьбе: фашисты, говорил Тельман, не делают разницы «между тем, кто носит в кармане членский билет КППГ, СДПГ или христианских профсоюзов. Так и в освободительной борьбе всех антифашистов принадлежность к той или иной партии не должна быть препятствием тому, чтобы идти в общем строю, бороться сообща».

Итак, партия коммунистов жила и работала, хотя, как уже говорилось выше, на третий день нацистского господства гитлеровцы захватили Дом Карла Либкнехта в Берлине — цитадель партии, а 28 февраля, на следующий день после поджога рейхстага, начались массовые репрессии — было арестовано около 10 тыс. антифашистов, в основном коммунистов. Уже существовали строжайшие приказы об арестах Эрнста Тельмана, Вильгельма Пика, Иона Шера, Флорина, Далема, Ульбрихта и еще 18 членов ЦК КППГ.

Тяжелейший удар обрушился на партию коммунистов 3 марта 1933 г., когда нацистам удалось арестовать на нелегальной квартире в Берлине-Шарлотенбурге Эрнста Тельмана.

После ареста Тельмана КППГ окончательно ушла в подполье — Ион Шер, член Политбюро КППГ, возглавил нелегальную борьбу партии. До ноября 1933 г. Ион Шер и другие коммунистические функционеры — люди высочайшей личной храбрости — создавали подпольную организацию партии. Но в ноябре их схватило гестапо. 1 февраля 1934 г. четыре человека во главе с Шером после нечело-

веческих пыток были казнены. Нацистским палачам Шер бросил в лицо:

«Я заявляю, что не буду давать никаких показаний о деятельности организаций Коммунистической партии Германии, о моей политической работе, о моих товарищах. Моя жизнь служит делу рабочего класса, делу мира, демократии и социализма. Я был врагом фашизма и остаюсь им».

Но и после убийства руководителей подпольного ЦК продолжали действовать созданные ими «тройки», «пятерки», «десятки». Теперь уже у КПГ накопился опыт нелегальной работы в условиях жесточайшей диктатуры реакции. По-прежнему выходили и распространялись коммунистические газеты. «Роте фане», к примеру, доставлялась в Гамбург при участии коммунистов Дании. Издавались молодежная газета «Юнге гарде»¹, «Импрекор» («Бюллетень интернациональной прессы»). Да и на местах начали выходить газеты: «Гамбургер фольксцайтунг», «Рур эхо», «Зюддойче арбайтерцайтунг». Ни на минуту не прекращалось печатание и распространение антифашистских листовок.

Новое руководство партии проработало до 1935 г. В него входили десятки испытанных коммунистов, в том числе: член Политбюро Карл Меркер, член ЦК Филипп Дауб, Вернер Эггерот, Карл Ферлеман, Лемберт Хорн, Роберт Штам, Иоганн Фладунг, Георг Хандке, Отто Вальс и многие другие... По решению партии уже в 1933 г. за границу были переправлены В. Пик, В. Ульбрихт, В. Флорин и другие члены Политбюро — партия решила, что в Германии этих людей оставлять нельзя: они были хорошо известны гестапо.

После гибели Иона Шера с октября 1935 г. антифашистскую борьбу коммунистов внутри Германии фактически возглавил Вильгельм Фирль. Этот бесстрашный боец был гильотинирован фашистскими палачами в августе 1937 г.

«Вновь и вновь приходилось искать пути восстановления нарушенных арестами связей, — пишет историк из ГДР Х. Кюнрих в книге «КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. 1943—1945», — разгромленных руководящих органов, замены кадров и ознакомления их с возлагавшимися на них задачами».

Территориальные и производственные первичные ячейки и группы необходимо было связывать с окружными организациями, с организациями в больших городах. Для этого существовали специальные «почтовые ящики», явки, курьеры. В условиях строжайшей конспирации было нелегко добывать не только ротаторы, но даже простые пишущие машинки.

¹ Нелегальные «Роте фане» и «Юнге гарде» выпускались тиражом в 12—15 тыс. экземпляров.

Партийных функционеров часто перебрасывали из одной провинции в другую, из одного города в другой, ибо руководитель мог «примелькаться», на его след могли напасть местные бонзы, местное отделение гестапо, шпики. Так, в 1933 г. Вальтера Дуддига, работавшего в Тюрингии, перевели в Гамбург. Его предшественника Герберта Шуберта перебросили в Берлин. Франца Якоба — с ним мы еще не раз встретимся — из Гамбурга переправили на Северо-Запад, а Роберта Штама, действовавшего на Северо-Западе, — в Берлин-Бранденбург. Точно так же поменяли место жительства Герман Матерн и Рудольф Мокри. Первый из Восточной Пруссии отправился в Померанию, второй — из Ростка в Гамбург.

Невыносимо тяжела была жизнь подпольщика: ему постоянно приходилось менять квартиры, работу, иногда, спасаясь от слежки, часами колесить по городу, зачастую не имея денег на самое необходимое. Вот что писал Эрих Ханк в своих «Воспоминаниях подпольщика»:

«Борьба в подполье требовала непрерывной психической сосредоточенности, которая длилась в течение всего дня. Апатия и ослабление внимания означали крайнюю опасность и для самого себя, и для других товарищей. Постоянное наблюдение за улицами, находившимися рядом с местом явки, за соблюдением правил конспирации... было неизбежной необходимостью. Наибольшего напряжения требовали сами встречи, собрания на нелегальных квартирах, в которых участвовало не более трех человек. Здесь обсуждалась политическая обстановка, решались кадровые вопросы, вырабатывались установки для газет и отдельных статей, рассматривались проблемы их издания с соблюдением требований конспирации, определялись пути транспортировки нелегальных материалов».

Однако и в тяжелых условиях подполья коммунисты выполняли указания Тельмана, а также директивы своих руководящих органов — крепили связь с рабочими социал-демократами, беспартийными, верующими. К 1935 г., несмотря на 2935 процессов, на которых 18 245 человек были обвинены в попытках «восстановления нелегальной КПП», в подполье действовало 60 тыс. коммунистов. 24 апреля 1935 г. гестапо отметило «систематическое расширение коммунистической деятельности». «Внешне эта деятельность заметна лишь по резкому увеличению количества нелегальной литературы». И далее: «К настоящему времени... стал действовать еще более подготовленный состав руководящих кадров» (пять, шесть иногда семь или восемь предыдущих составов находились под арестом — в тюрьмах, в концлагерях, многие из них были казнены...). Никакие, даже самые суровые репрессии не могли сломить волю коммунистов к сопротивлению.

В глубоко подполье работали и немецкие комсомольцы, в их числе Эрих Хоннекер.

Огромной моральной поддержкой для подпольщиков были выступления Георгия Димитрова на Лейпцигском процессе, где он благодаря своей убежденности, энергии, отваге превратился в грозного судию нацистского строя. Немалую роль в подпольной борьбе сыграл также VII конгресс Коминтерна, проходивший в Москве с 25 июня по 30 августа 1935 г.

3 октября 1935 г. под Москвой открылась конференция КПГ, на которую с огромным трудом добирались посланцы немецких антифашистов из Германии — делегаты этой конференции. Путь каждого из них — иногда на автомобиле, иногда на пароходах с поддельными паспортами — пролегал через пограничные с фашистским рейхом страны. Конференция под Москвой, имевшая большой резонанс, в целях конспирации получила название Брюссельской (таким образом, удалось сбить гитлеровских ищек со следа). Под таким названием она и вошла в историю. Решения партийной конференции благодаря самоотверженности немецких подпольщиков-курьеров стали достоянием многих в Германии.

Борьба внутри страны не прекращалась ни на день. Большой резонанс вызвала героическая смерть подпольщика Этгара Андре — рабочего гамбургского порта. О нем писал крупный немецкий писатель и истинный патриот-антифашист Генрих Манн в статье «Путем героизма», широко распространявшейся и в Западной Европе, и в германском подполье. Сперва Г. Манн цитировал самого Андре: «Как видишь, я сохраняю спокойствие, что не нужно принимать за покорность... В одном можно быть уверенным — в том, что я до последнего вздоха буду бороться за мою свободу. Я никогда не боялся смерти и сегодня тоже не испытываю страха. Одни умирают в постели, другие на поле сражения, и не нужно много философии, чтобы достойно умереть».

Тот, кто написал это письмо, заявил перед судом: «Господа, если верховный прокурор требует в добавление ко всему, чтобы я был лишен чести, то я заявляю: ваша честь — не моя честь, моя честь — не ваша честь... Если же вы, несмотря на все это, делаете здесь возможным невозможное и пошлете на плаху одного из борцов — что же, я готов пройти этот тяжкий путь и не стану просить пощады. Я жил борцом, борцом и умру, и последние мои слова будут: да здравствует коммунизм!»

За 44 месяца тюрьмы нацистские палачи превратили Этгара Андре в калеку, но так и не смогли сломить его духа.

Гитлеровцы страшились Андре даже мертвого, так же, впрочем, как и всех других борцов антифашистского движения. Сохранилось предписание гамбургского гестапо кладбищенской конторе от 4 ноября 1936 г. В нем говорится, что казненного 4/XI 1936 г.

Этгара Андре следует «похоронить сегодня же, 4/XI 1936 г.». «Час похорон надо немедленно сообщить, проконсультировавшись предварительно с ответственным лицом — полицей-секретарем Науйоксом (с тем самым головорезом Науйоксом, который «организовал» впоследствии провокацию против Польши, предшествовавшую второй мировой войне. — Авт.). Хоронить следует без шума, в строжайшей тайне. Далее просим передать номер могилы тому же ответственному чиновнику полиции и внести этот номер в кладбищенскую книгу так, чтобы фамилия мертвого нигде не фигурировала...»

Мартиролог героев первых лет подполья следует продолжить: 21 июня 1938 г. погибла Лизелотта Германи — первая женщина-антифашистка, которую нацисты гильотинировали. Она была студенткой, молодой матерью. Зверски был убит и портовой рабочий Фите (Фриц) Шульте, организатор Красного союза фронтовиков.

Все эти люди «удостоились» так называемого «народного трибунала». Что же касается коммунистов и передовых рабочих, павших жертвой концлагерей, то им поистине несть числа!

Еще в начальный период нацистской диктатуры по инициативе ЦК КПГ в Париже начал работать Подготовительный комитет по созданию немецкого народного фронта. Возглавил его Генрих Манн. В сентябре 1935 г. в парижской гостинице «Лютеция» собрались коммунисты и социал-демократы, представители Социалистической рабочей партии и Революционных социалистов, интеллигенты, эмигрировавшие из Германии, представители буржуазной оппозиции — словом, самые широкие круги антифашистского движения. В историю этот кружок вошел как кружок «Лютеция». 9 июня 1936 г. он стал называться Комитетом по подготовке немецкого народного фронта. Единство немцев-эмигрантов должно было как бы закрепить стихийную внутригерманскую борьбу против фашизма представителей разных партий трудящихся, создать единый фронт, к которому неустанно призывали и коммунисты, и такие представители антифашистской буржуазной оппозиции, как Генрих Манн.

Однако раскольническая деятельность правых социал-демократов и троцкистов помешала работе Комитета народного фронта.

Созданный вместо него весной 1939 г. во Франции Комитет действия во главе с почетным председателем Генрихом Манном, председателем Германом Будзиславски и секретарем Норденом при участии Лиона Фейхтвангера и Леонгарда Франка также просуществовал недолго.

В дни проведения Олимпиады 1936 г. в Берлине немецкие антифашисты пытались открыть глаза гостям страны. Они выпустили 115 листовок. В одной из них, напечатанной на немецком

и английском языках, говорилось, в частности, о лихорадочной гонке вооружений в Германии, о ее готовности развязать войну.

Мы знаем, что правящие круги Запада остались глухи к предупреждениям германских антифашистов. Как тут не вспомнить горькие слова Генриха Манна: «Мир признал этих авантюристов. Все равно по какой причине, мир, вся эта могущественная капиталистическая организация, не хочет, чтобы Германия отделалась от своих авантюристов...»

Самое деятельное участие приняли немецкие антифашисты в борьбе испанского народа на стороне республиканцев, против фашизма. В составе Интербригад сражались Вилли Бредель, Эрнст Буш, Франц Далем, Курт Хагер, Людвиг Ренн, Бодо Узе, Эрих Вайнерт и еще тысячи антифашистов из Германии. В годы гражданской войны в Испании они отражали атаки не только испанских фашистов, но и гитлеровцев, превративших многострадальную страну в своего рода полигон для испытания нового оружия. Характерно, что в XI Интербригаде был создан Комитет единства, а позже Рабочий комитет немецких коммунистов и социал-демократов.

Три тысячи немецких добровольцев полегли на испанской земле. Многие интербригадовцы попали во Франции в лагеря для интернированных, часть из них была выдана позднее нацистской Германии и прошла все круги гитлеровского ада.

30 января 1939 г., то есть за полгода до развязанной гитлеровцами второй мировой войны, под Парижем открылась созванная ЦК КПП общегерманская партийная конференция, вторая после Брюссельской. Из соображений конспирации она получила название Бернской и вошла в историю Коммунистической партии Германии как XIV съезд КПП. Основной доклад на конференции сделал Вильгельм Пик. Он сказал:

«Похоже, что вскоре мы окажемся на пороге мировой войны, вызванной наглыми провокациями гитлеровского фашизма против других государств. Следовательно, перед нами стоит задача обсудить и решить, что должна делать КПП, чтобы помешать войне или, если это не удастся, чтобы возможно скорее положить ей конец и восстановить мир».

Соответственно, на конференции шел разговор о том, как действовать подпольщикам в случае, если мировая война станет фактом. Было решено ориентировать отдельные ячейки как внутри страны, так и в других странах на большую самостоятельность. Ведь было ясно, что война прервет с таким трудом налаженные связи между центральными органами партии и отдельными организациями.

И эти решения дошли до немецких подпольщиков. В мае 1939 г. в лесу под Берлином встретились 70 немецких функционеров. Под руководством героя Сопротивления, немецкого металлиста Роберта Урига¹ они обсудили решения Бернской конференции.

Начиная с 1939 г. одной из групп Сопротивления, большая часть которой состояла из солдат первой мировой войны, руководил офицер в отставке Иозеф Рёмер. Инструктор ЦК КПГ Вилли Галл помог создать в Берлине боеспособную группу антифашистов под руководством Отто Нельте. Активно действовали накануне войны подпольщики-антифашисты и на железнодорожном транспорте. Их возглавлял Фридолин Эндраасс. Коммунисты Альберт Хенель, Макс Мюллер и Курт Винтер руководили заводскими ячейками в Хемнице. Наконец, во главе молодых подпольщиков встал печатник, комсомолец, спортсмен Гейнц Капелле и его друг Эрих Циглер. 1 июня 1941 г. после нечеловеческих пыток Капелле казнили фашистские палачи. В своем прощальном письме родителям он писал: «Вы знаете, что я прошел свой жизненный путь честно и правильно и до последнего часа останусь верен себе».

«Гейнц Капелле остался верен себе. — пишет историк из ГДР Кюнрих. — Протокол о его казни, сохранившийся в делах нацистской юстиции, содержит следующее замечание: «Во время следования в помещение, где приводятся в исполнение приговоры, осужденный громко выкрикнул: «Да здравствует коммунистическая партия!» — и, уже находясь в руках палача, осужденный Гейнц Капелле еще раз громко крикнул: «Да здравствует коммунистическая партия!»

Не бездействовали в это время и немецкие социал-демократы. В маленькой молочной в Берлине-Нойкёльне, принадлежавшей Максу Фехнеру и его жене, представители подпольных социал-демократических групп, созданных во многих городах Германии, проводили свои нелегальные встречи...

Начало мировой бойни — нападение гитлеровцев на Польшу — все истинные немецкие патриоты — передовые рабочие, крестьяне, лучшие представители интеллигенции, ремесленных слоев, низшего духовенства — восприняли с гневом и болью.

По-своему подготовилась к войне и «империя смерти» — террор в Германии заметно ужесточился. Нельзя сбрасывать со счетов также молниеносные победы гитлеровского вермахта — в Польше и на Западе, которые послужили благодатной почвой для разжигания милитаризма и шовинизма среди значительной части населения. Наконец-то гитлеровцы сумели продемонстрировать немецкому обывателю «превосходство германской расы»

¹ Уриг руководил к тому времени нелегальными ячейками 20 крупных предприятий.

над «загнивающими народами» Западной Европы, которые не без помощи Мюнхена и мюнхенцев — политиков-соглашателей и открытых коллаборационистов оказались беззащитными перед фашистскими полчищами.

Условия антифашистской борьбы в Германии стали во много раз труднее и по другим причинам. В странах эмиграции, наиболее близких к Германии, в первую очередь в Чехословакии и Франции, антифашистским организациям пришлось уйти в подполье. Часть коммунистов, социал-демократов, известных деятелей культуры была интернирована. Западные правительства боялись эмигрантов-антифашистов, ибо они могли навлечь «немилость» Гитлера. Тем не менее антифашистская деятельность не прекращалась.

В начале 1940 г. в Стокгольме было создано Зарубежное бюро КПГ для связи с немецким подпольем. Зарубежное бюро отправляло своих инструкторов в Германию, чтобы создать там если не центральное руководство, то по крайней мере окружные и районные руководящие органы. Первым инструктором, посланным извне в Германию в тот период, был Рудольф Халмайер — он прибыл в Берлин в июне 1940 г. В июле и августе через границу были переправлены еще несколько опытных подпольщиков, в том числе Артур Эммерлих. 20 августа Халмайера арестовали, но, несмотря на истязания, он никого не выдал.

«...Поскольку я не желаю предать дело, которому служу, — заявил на следствии этот негибачый коммунист, — я отказываюсь давать какие-либо показания относительно любых лиц, мест, а также моей деятельности после 1933 г. ...В соответствии с моими убеждениями я считаю бесцельным дальнейшее продолжение допросов о моих связях с другими лицами...»

8 сентября 1943 г. бесстрашный боец Халмайер был казнен в берлинской тюрьме Плётцензее. Но еще осенью 1940 г. появилась возможность организовать руководящий орган Сопротивления в Берлине. Его возглавили Эммерлих и Курт Штеффельбауэр.

В 1940 г. были также созданы антифашистские коммунистические организации в Лейпциге во главе с Георгом Шуманом, в Южной Германии — во главе с Лейхлейтерсом. В Дрездене действовала группа Герберта Бохова, на побережье северного моря — группа Роберта Абсхагена, Франца Якоба и Бернгарда Бестлейна. Антифашисты организовали свои ячейки также на Рейне, в Руре, в Силезии и в Померании. Все они занимались распространением листовок, призывали к саботажу на военных заводах, говорили об опасности войны, которую фашисты готовились развязать против Советского Союза.

И Шуман и Бестлейн проявили себя поистине бесстрашными коммунистами, бесконечно преданными делу борьбы против фашизма. Оба они просидели в тюрьмах и концлагерях с 1934 по

1940 г. В частности, Бестлейн — депутат рейхстага от КПГ — некоторое время томился в каторжной тюрьме Зибург, а потом был брошен в концлагерь. Он побывал и в лагере Эстервеген, и в Заксенхаузене. Однако в тот самый день, как Шумана и Бестлейна освободили, видимо, считая, что они окончательно сломлены, оба они перешли на нелегальное положение, возобновили старые связи и с головой ушли в борьбу, хорошо понимая, какие муки ждут их в случае провала...

Перед самым нападением гитлеровцев на Советский Союз антигитлеровская организация в Берлине, во главе которой стояли столь испытанные и опытные подпольщики, как Уриг и Ион Зиг, сумела передать в СССР планы развертывания нацистских войск на советско-германской границе.

Большую информацию о планах нападения на Советский Союз передавала в Москву очень сплоченная и боевая организация подпольщиков «Красная капелла». В ней насчитывалось большое число членов, действовали они не только в самом фашистском рейхе, но и во многих других странах. Руководителями ее являлись Арвид Харнак, Харро Шульце-Бойзен и Адам Кукхоф.

Сразу же после вероломного нападения гитлеровцев на Советский Союз германские коммунисты и все честные немцы, сражавшиеся вместе с ними, помогавшие им, поставили перед собой задачу — усилить борьбу с зарвавшимися гитлеровскими головорезами.

24 июня 1941 г., то есть всего через два дня после начала войны, в воззвании КПГ можно было прочитать:

«Трудящиеся! Красная Армия будет победоносно защищать наше собственное дело. Наш враг не вовне, а внутри. Наш враг — нацистские ландскнехты и крупные промышленники, наш враг — все те, кто наживается на войне...»

7 июля 1941 г. председатель партии коммунистов Германии Вильгельм Пик в статье, опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал», еще более четко и ясно сформулировал эту мысль. Он озаглавил свою статью так: «В победе Красной Армии — спасение немецкого народа».

Эти слова и стали фактически лозунгом немецких коммунистов-подпольщиков и всех помогавших и сочувствовавших им.

На советско-германском фронте велась работа с солдатами вермахта, попавшими в плен. Это было нелегким делом — во-первых, внезапное нападение гитлеровцев дало и фактический, и психологический эффект — Красная Армия на первых порах, хоть и с ожесточенными боями, откатывалась в глубь своей территории. Временные успехи нацистов вскружили голову и офицерам и солда-

там вермахта. Кроме того, у каждого из солдат остались в Германии родные и близкие, за жизнь и благополучие которых они страшились. А с гестапо шутки были плохи, оно преследовало родственников солдат, сдавшихся в плен. Тем не менее уже в начале октября в Москве состоялось первое собрание уполномоченных военнопленных, в резолюции которого говорилось: «Существует две Германии: Германия нацистских паразитов и германских трудящихся; Германия озверевших подручных грабителей и убийц и Германия честного, трудолюбивого народа...»

Немецкие коммунисты сказали немцам уже тогда, что война против Советского Союза для германского народа — безнадежная война. Вот что говорилось в записке ЦК КПГ от 15 октября:

«Немецкому народу надоела эта преступная война. Она не принесла ему ничего, кроме нищеты, горя и позора. Немецкий народ хочет мира. Однако каждая военная победа Гитлера всего лишь продлевает войну, умножает людские потери и все дальше толкает Германию в пропасть.

Эта война для немецкого народа — безнадежная война!»

Репрессии в стране усиливались, но, несмотря на это, антифашистская борьба не затихала. Именно благодаря этой героической борьбе в те тяжелые дни и месяцы подпольщикам удалось расширить свое влияние.

В начале 1943 г. гестапо напало на след руководителей КПГ в Германии. Последовали массовые аресты, чудовищное усиление террора. Арестовывали как в Берлине, так и на Рейне, в Руре, даже в Нидерландах, откуда приезжали курьеры для налаживания связей между подпольщиками. Но и этот удар не сломил волю антифашистов. Борьба внутри страны продолжалась. Эстафету приняли Франц Якоб и Антон Сефков, которым удалось бежать после очередного ареста и создать в Берлине новый авторитетный центр. К ним присоединился Бестлейн, бежавший из тюрьмы Плётцензее во время воздушного налета.

* * *

В 1943 г. после разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом начался новый важный этап антифашистской борьбы, связанный с политическим отрезвлением многих тысяч немцев как на фронте, так и в тылу.

Антифашистское движение в лагерях для военнопленных на территории Советского Союза удалось организационно оформить.

По инициативе ЦК КПГ, находившегося в ту пору в Москве, 12—13 июля в Красногорске состоялась конференция военнопленных немецких солдат и антифашистских немецких общественных деятелей. С докладом «Путь чести нашего народа» выступил известный немецкий писатель Эрих Вайнерт. Был образован Нацио-

нальный комитет «Свободная Германия», что явилось мощным стимулом для объединения военнопленных разных взглядов и убеждений. В его руководящий орган вошли 34 человека, в том числе 13 рабочих, один крестьянин, четыре писателя, пять общественных деятелей, один студент, четыре служащих, один священник, три инженера, один учитель, один режиссер.

Национальный комитет обратился к немецкому народу с Манифестом. Комитет выпускал еженедельную газету «Свободная Германия», вещал на Германию по радиостанции «Немецкая народная радиостанция». Посланцы Комитета забрасывались в тыл и сражались на фронтах бок о бок с бойцами Красной Армии. Движение росло и крепло.

12—13 сентября группа офицеров, порвавших с Гитлером, основала «Союз немецких офицеров», присоединившийся к Национальному комитету «Свободная Германия». Президентом «Союза» стал генерал фон Зейдлиц, вице-президентами генерал фон Даниельс и полковники Штейдле и Хувен. К весне 1944 г. «Союз» объединил 4 тыс. генералов и офицеров.

В августе 1944 г. с открытым письмом к немецкому народу обратился генерал-фельдмаршал Паулюс. Он заявил, что «Германия должна устранить Адольфа Гитлера и установить новое государственное руководство, которое закончит войну и создаст условия, обеспечивающие нашему народу дальнейшее существование и восстановление мирных, дружеских отношений с нашими нынешними противниками».

Создание Комитета «Свободная Германия» сыграло огромную роль для консолидации всех антифашистских сил внутри самой нацистской Германии. Конечно, основным фактом не только отрезвления, но и активизации простых немцев являлись победы советского оружия, которые каждый день, каждый час показывали даже неискушенным в политике людям, что фашистская Германия будет разгромлена, что Гитлер привел немцев к невиданной национальной катастрофе. Но не надо забывать, что германский народ был на протяжении многих лет отрезан от всех источников информации, что люди так привыкли к лжи, к блефу, что многие из них вопреки тому, что они видели собственными глазами, продолжали верить в «чудо-оружие», в «гений фюрера» и в прочие небылицы геббельсовской пропаганды. Кроме того, как мы показывали на многих страницах этой книги, маховик убийств и террора в последние год-два войны все время убыстрял ход...

Тем не менее сопротивление в стране также набирало силу. Большую роль в нем сыграл кружок, созданный юными Софией и Гансом Шолль — братом и сестрой. Вместе со своими друзьями Христофором Пробстом, Александром Шморелем, Вилли Графом.

а также профессором Куртом Хубером и другими единомышленниками они вели в 1942—1943 гг. антифашистскую борьбу в Мюнхене. Их кружок «Белая роза» выпускал антифашистские и антивоенные листовки, распространявшиеся во многих университетах Германии. После случайного провала часть антифашистов, в том числе Ганс и София Шолль, были казнены.

По данным буржуазного историка Ротфельса, к лету 1944 г. число рабочих, участников антифашистской борьбы, достигло 125 тыс. Даже официальные нацистские источники признавали, что в первой половине 1944 г. в забастовках на территории Германии участвовало 13 тыс. немецких и 200 тыс. иностранных рабочих. Сотни тысяч немцев саботировали работу на военных предприятиях, хотя это грозило им в «лучшем» случае штрафным батальоном!

«Крамола» проникала и в армию. В сухопутных войсках, по данным гитлеровской статистики, в последние годы войны были казнены или брошены в тюрьмы 137 тыс. военнослужащих. Тысячи солдат дезертировали из вермахта.

Важным фактором антифашистской борьбы стало и создание в 1943 г. берлинской группы Зефкова — Якоба — Бестлейна. Фактически эта группа сумела организовать единый координационный центр, который руководил 80 подпольными группами и ячейками во всех регионах страны. Три героя-коммуниста понимали также, что сила КПГ в том, чтобы объединить вокруг себя широкий круг антифашистов, вне зависимости от их партийной принадлежности. Лозунг этой группы был: объединение всех антифашистских сил во имя одной цели — «Долой Гитлера — конец войне!».

Пропаганда, саботаж и связь с иностранными рабочими — вот три кита, на которых держалась работа антифашистской сети, возглавляемой группой Зефкова — Якоба — Бестлейна.

Десятки, сотни отважных коммунистов примкнули к этой группе: в Саксонии — во главе с Шуманом, в Тюрингии — с Нейбауэром, в Галле — группа Шлага. Держали связь и совместно работали с берлинскими коммунистами и группы в Штутгарте, Магдебурге, Тироле, Вюртембурге, в Дюссельдорфе и еще во многих городах и землях.

Группа Зефкова — Якоба — Бестлейна сумела наладить выпуск не только нелегальной литературы: листовок, брошюр, газет, но и организовать печатание поддельных документов, столь нужных подпольщикам. Она собирала деньги для семей борцов, брошенных в концлагеря. Эта группа имела оружие и снабжала им подпольщиков, создавала боевые дружины.

1 мая 1944 г. по инициативе берлинских коммунистов был принят важный, можно сказать, программный документ: «Мы, коммунисты, и Комитет «Свободная Германия». Проект платформы был, в частности, передан в концлагерь Заксенхаузен.

В ответ подпольщики получили письмо, где говорилось, что надо способствовать сотрудничеству между коммунистами и социал-демократами, которых не следует «попрекать... ошибками прошлых лет, а следует оценивать лишь по сегодняшним делам в борьбе против Гитлера». В самом документе говорилось: «Мы, коммунисты, протягиваем руку каждому противнику Гитлера и ждем каждую искренне протянутую нам руку для совместной борьбы против этого врага народа».

Такова была программа группы Зефкова — Якоба — Бестлейна.

Еще в конце 1943 г. произошло несколько встреч Якоба и Нейбауэра с социал-демократами, близкими к буржуазной оппозиции, в частности к руководителям «генеральского заговора», к его левому крылу во главе со Штауффенбергом. Георг Шуман встретился даже с Герделером, представлявшим правое крыло заговорщиков.

Наконец 22 июня 1944 г., то есть за месяц до покушения на Гитлера, состоялась встреча Якоба, Бестлейна и Томаса — также участника группы — с социал-демократами Лебером¹ и Рейхвейном². 4 июля должна была состояться вторая встреча с представителями буржуазной оппозиции. Однако, придя в условленное место, Зефков, Якоб и Рейхвейн застали там агентов гестапо, которые арестовали на следующий день Томаса и Лебера. Затем были арестованы Шуман и Нейбауэр.

Началась кровавая расправа. Много сот членов подпольной группы Зефкова — Якоба — Бестлейна было арестовано, 400 человек казнены³. В середине июля 1944 г. гестапо арестовало руководителей лейпцигской организации во главе с Шуманом.

¹ Юлиус Лебер — один из лидеров социал-демократов, разделивший участь лучших представителей этой партии, оставшихся в стране. Долгое время находился в заключении. В 1944 г. вместе с Вильгельмом Лейшнером выступал за единство действий с КПГ.

² Адольф Рейхвейн — социал-демократ, учитель. Так же как и Лебер, был близок к «Крейзаускому кружку», то есть к наиболее левым заговорщикам, и особенно к Штауффенбергу, осуществившему покушение на Гитлера 20 июля 1944 г.

³ Приговор «народного трибунала» по делу Зефкова, Якоба и Бестлейна, вынесенный 5 сентября 1944 г., звучит как реквием. Ни казенные обороты, ни набившие оскомину формулы геббельсовской пропаганды не мешают нам увидеть сквозь строки этого приговора образы благородных людей, прошедших свой крестный путь с высоко поднятой головой:

«...Зефков, Якоб и Бестлейн — старые коммунистические функционеры, полные лютой ненависти к нашему фюреру и нашему государству, что они не скрывали даже на судебном заседании. Они неисправимы, их нельзя свернуть на другую дорожку. Наказание, которое они понесли за подготовку к измене родине, произвело на них так же мало впечатления, как и последовавшее за этим пребывание в концентрационных лагерях. На пятом году войны они возродили к жизни КПГ в таком объеме и сделали столько для разложения вермахта, что стали представлять собой величайшую опасность для рейха...»

В августе — сентябре, после провала «генеральского заговора», была проведена так называемая акция «Решетка» (22—23 августа), в итоге которой были схвачены и брошены в тюрьмы 4 тыс. бывших членов рейхстага разных созывов от всех партий Веймарской республики.

В августе же проходили процессы и казни генералов-заговорщиков, совершивших покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. Многие из заговорщиков покончили с собой, некоторых застрелили сами же генералы. Но большая их часть прошла через так называемый «народный трибунал», возглавляемый кровавым Фрейслером. Для них гимmlеровские палачи изобрели особую казнь: заговорщиков вешали на крючьях.

Кульминационным пунктом этой оргии убийств было 18 августа — день казни Эрнста Тельмана, легендарного вождя немецких коммунистов, человека огромного личного мужества, крупного политика, любимца германских трудящихся. Всего на шесть дней пережил его социал-демократ Рудольф Брейтшейд, лидер своей партии, умный политический деятель, понявший необходимость тесного единения двух партий трудящихся — коммунистов и социал-демократов — для будущего Германии.

А террор все усиливался. Только с 20 сентября 1944 г. по февраль 1945 г. Кальтенбруннер издал 42 (!) приказа по ужесточению борьбы с антифашистами.

Однако убийствами и арестами нельзя было ни остановить ход истории, ни искоренить оппозицию в стране.

30 января 1945 г. КПГ призвала немецкое население к тому, чтобы создавать народные комитеты и боевые дружины. В начале февраля руководители антифашистского движения начали работу над программой демократического переустройства Германии.

Одним из главных вопросов, которые события тех дней поставили на повестку дня, был вопрос о судьбе заключенных фашистских концлагерей. Совершенно очевидно, что, не будь в этих лагерях сильных подпольных групп, в основном коммунистических, нацисты уничтожили бы всех «лишних свидетелей», всех узников. Но такие группы существовали, и благодаря этому десяткам и сотням тысяч жертв удалось спастись. Вот только несколько фактов: в Бухенвальде произошло вооруженное восстание. Благодаря храбрости и организованности узники вышли на свободу. 27 апреля после восстания заключенные концлагеря Дахау также обрели свободу.

* * *

В самом центре Берлина — столицы ГДР — стоит здание, построенное 170 лет назад знаменитым немецким архитектором Шинкелем как мемориал. Война дотла разрушила его. После

войны здание возродилось. И сейчас здесь мемориал. Горит Вечный огонь. На стенах слова:

ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА И МИЛИТАРИЗМА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Два надгробия зовут: «в тишине и сосредоточенности вспомнить» «Неизвестного Борца Сопротивления» и «Неизвестного Солдата» — жертв фашистского и военного безумия.

Каждые полчаса перед зданием сменяется караул.

Гости Берлина из всех стран мира, входя в это здание, склоняют головы перед Вечным огнем.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
<i>Глава первая</i>	
СА и СС и их роль в приходе Гитлера к власти	9
1. Немного истории	—
2. Анархия террора	22
<i>Глава вторая</i>	
От лейб-гвардии фюрера до «империи СС»	37
30 июня 1934 г. — «ночь длинных ножей»	—
Генрих Гиммлер — «убийца за письменным столом»	50
Механизм насилия. Всевластие террора	62
СС и вермахт	78
СС и монополистический капитал	90
Узаконенное беззаконие	99
<i>Глава третья</i>	
Идеология СС	122
Эрзац-религия нацистов	—
Расовое безумие и его последствия	132
Идеология «ордена»	145
«Эвтаназия» — пробная идеологическая акция СС	160
<i>Глава четвертая</i>	
Подготовка аппарата насилия к войне и война на Западе	171
РСХА. Структура, назначение	—
Нацистский Люцифер	184
Мюллер-гестапо	193
Провокации на службе агрессии	199
«Пятая колонна»	208
Польша — «генеральная репетиция» геноцида	217
Гиммлер над Западной Европой	230
Убийца с дипломом	237
<i>Глава пятая</i>	
«Конвейер смерти»	242
История, общие контуры	—
«Конвейер смерти»	256
Лагерь уничтожения	272
Рабовладельцы из СС	290
<i>Глава шестая</i>	
Генеральный «план Ост» в теории и на практике	304
Запланированное преступление невиданного масштаба	—
Исполнительные органы геноцида	317
Кальтенбруннер — ключевая фигура в политике геноцида	335
Уничтожение советских военнопленных	346

Глава седьмая

Крах	367
Возмездие	—
Как бежали Гиммлер и его люди. Как они кончили жизнь	370
Странное спасение Шелленберга	376
«Крысиные тропы»	381
<i>Заключение</i>	
Их жертвы были не напрасны	395

Мельников Д. Е., Черная Л. Б.

М48 Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933—1945.— М.: Политиздат, 1987.— 414 с.

В новой работе известных историков-литераторов, перу которых принадлежит много книг, завоевавших признание читательской аудитории, разоблачается преступная деятельность спецслужб фашистского рейха, подчеркивается, что террор был неотъемлемой частью нацистской политики. Шпальца коричневого спрута проникали буквально во все поры политической, общественной и частной жизни Германии. Своего же главного врага гитлеровцы видели в коммунизме и Советском Союзе. В книге рассказывается о злодеяниях гитлеровцев на оккупированных территориях, об истреблении славянских и других народов. Авторы разоблачают деятельность ряда нацистских «специалистов» по террору и геноциду — Гимmlера, Гейдриха, Кальтенбруннера, Шелленберга, Мюллера.

Книга рассчитана на широкие круги читателей.

М 050600000—283 176—87
079(02)—87

ББК 63.3(4Г)

Д. Мельников, Л. Черная
ИМПЕРИЯ СМЕРТИ
Аппарат насилия в нацистской Германии
1933—1945

Заведующий редакцией А. В. Никольский
Редактор А. Г. Мартынова
Младшие редакторы Т. К. Сперанская, Г. С. Пружинин
Художник Л. Б. Костина
Художественный редактор Е. А. Андрусенко
Технический редактор Т. Н. Полунина

ИБ № 4010

Сдано в набор 29.07.87. Подписано в печать 07.12.87. А00211. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,18. Усл. кр.-отт. 24,65. Уч.-изд. л. 27,61. Тираж 300 000 (150 001—300 000) экз. Заказ № 3371. Цена 1 р. 40 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.